

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Rev. J. 18975 d. 152

Per. 278975 d. 103

Объ изданіи въ 1884 году журнала

„ДѢЛО“

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1884 году, какъ и въ прошедшіе семнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) Статьи социальна-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Обзорніе русской и иностранной журналистики; 5) Внутреннее обзорніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картинки общественной жизни).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ (Одессевецъ), М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, Н. Ф. Бажинъ, П. И. Вейнбергъ, Ж. Гальфранкъ, С. Н. Горскій, В. А. Гольцевъ, И. Н. Денисовъ, Ж. Жикъ, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Л. И. Мечниковъ, Д. Д. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, А. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, И. В. Омурлевскій, В. П. Острогорскій, Откровенный Писатель, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, М. А. Протопоповъ, И. Н. Поталенко, Н. С. Русановъ, Д. И. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ, И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. К. Цебрикова, А. И. Эртель, П. Ф. Якубовичъ и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, В. П. Острогорскій, К. М. Станюковичъ и Н. В. Шелгуновъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки.	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	16 » — »	9 »
» пересылкою иногороднымъ	17 » — »	10 »
» пересылкою за-границу.	19 » — »	11 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ, Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб., Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Для лицъ, подписывающихся въ Главной Конторѣ, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му Апрѣля р. и къ 1-му Іюня 5 руб.

Подписывающимся на полгода разсрочка не допускается.

Гг. учителямъ, учительницамъ и учащимся разсрочка допускается на особыхъ основаніяхъ по соглашенію съ редакціей.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

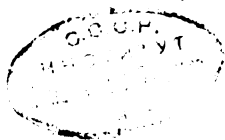
Типографія Н. А. Левинкова, Невск. пр., д. № 8.

1883.

Общ. Фонд

Дозволено цензурою. С.-Петербург

3070

ОЧЕРКИ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА.

(Путевыя замѣтки).

IV.

Когда я проснулся, оказалось, что чья-то заботливая рука затворила рамы и ставни оконъ, которыя съ вечера были открыты. Отъяко, и сквозь затворенныя ставни до меня доносились со двора звуки, показывавшіе, что тамъ уже давно начались движеніе. Слышался басоватый голосъ дѣлаваго какія-то распоряженія; Веретьевъ а весь дворъ; женскій голосъ оппозировалъ некими нотами; на корридорѣ, окружавшемъ ны,—значить происходило чаепитіе; наконецъ неся какой-то неопредѣленный шумъ, напои въ лѣсу, и гомонъ толпы народной.

ль на корридоръ. О. Никаноръ, думая съос-сплю, вѣроятно, по-петербургски. Веретьевъ уже успѣлъ осипнуть отъ крику. Матушка ало-ли мнѣ что спать. Я поспѣшилъ успо-подругу о. Никанора и подсѣлъ къ чайному явилъ, что ему нужно приготовиться сотма-вилъ насъ. За нимъ отправилась и матушка, ыло принарядиться. Мы остались съ Веретье-

кого
вымъ вдвоемъ.

— Знаете-ли, оспитился онъ ко мнѣ, я уже составилъ про-грамму нашей дѣятельности на нынѣшній день; не знаю только, одобрите-ли вы ее?

— Въ чемъ-же состоитъ ваша программа?

— А вотъ послѣ чаю отправимся побродить по станицѣ, по-смотримъ косарей, а послѣ обѣда, когда немного спадетъ жара, съѣздимъ на хуторъ Иванова—это въ 8 верстахъ отсюда;—тамъ теперь живутъ переселенцы. Согласны?

Мнѣ, конечно, оставалось только выразить удовольствіе.

Тавъ мы и сдѣлали, какъ предложилъ Веретьевъ: напились чаю и вышли изъ дому.

Домъ о. Ниванора выходилъ на площадь. На одной сторонѣ этой площади стояла церковь, на другой рядомъ, бокъ-о-бокъ, пріютились «правленіе» и училище. Училище представляло собою очень красивое и просторное зданіе, — и лучше, и больше правленія. Другія стороны площади были заняты частными постройками, преимущественно дворами мѣстныхъ «богатѣевъ» торговцевъ, которые выдвинули здѣсь на видъ свои лавки и кабаки, несколько не смущаясь установленными закономъ разстояніями отъ церкви и правленія. Тутъ-то, около помянутыхъ торговыхъ заведеній, и стояла громадная толпа народа, гулъ которой доносился ко мнѣ, когда я еще лежалъ въ постели. Сюда мы и направились съ Веретьевымъ.

Толпа состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Одни изъ нихъ сидѣли на ступенькахъ, ведущихъ въ кабакамъ и лавкамъ. другіе лежали возлѣ стѣнъ, третьи стояли кучами. Почти всѣ они были одѣты одинаково — въ бѣлые посконныя рубахи, а сверху накинуты армяки. Только кое-гдѣ видѣлись бешиметы и изрѣдка подобія сюртуковъ. Толпа состояла изъ крестьянъ внутреннихъ губерній, ежегодно являющихся сюда въ огромномъ количествѣ на лѣтніе заработки; были также «мѣщане», т. е. тѣ-же крестьяне, переселившіеся на Кавказъ и приписавшіеся къ здѣшнимъ мѣщанскимъ обществамъ. У всѣхъ, стоявшихъ въ толпѣ, торчали изъ-за плечъ «косыя»; это значило, что они не имѣютъ опредѣленнаго пристанища и «пребываютъ» на площади, пока не будутъ кѣмъ-нибудь наняты.

До окончанія обѣдни кабаки не отърываются, но пускать народъ съ задняго хода по немногу, «по очереди», можно. И дѣйствительно, время отъ времени отъ толпы отдѣлялись небольшія партіи и скрывались въ широкихъ дворахъ «коммерсантовъ».

Мы подошли къ одной лавкѣ и подсѣли къ кучкѣ рабочихъ. Тутъ уже было нѣсколько нанимателей — казаковъ, ведшихъ съ косарями оживленные переговоры.

— Глядите-ка, что они говорятъ! подскочилъ къ Веретьеву одинъ казакъ; — меньше двухъ рублей, говорятъ, не возьмемъ...

— Да и нельзя намъ меньше, милый человѣкъ! возразилъ косарь, сосѣдъ Веретьева.

— За одинъ-то день два рубля! Жирно будетъ!

— А много-ли такихъ-то дней? Недѣля, другая, да и обчелся...

— Ну, нѣтъ, не бываетъ по вашему, заводновался казакъ; — ишь вѣдь что выдумали: стакнулись всѣ и думаютъ, что могутъ съ

нами дѣлать все, что угодно... И мы тоже не плохи: вотъ какъ обѣдня кончится, сейчасъ приговоръ составимъ, чтобъ никто изъ козаевъ не смѣлъ нанимать дороже рубля двадцати, а кто найметъ—съ того штрафъ. Тогда посмотримъ, чья возьметъ!..

И, энергично махнувши рукою, казакъ ушелъ.

— Ишь, расходился, *чиа востропузая!* *) добродушно разсмѣялся косарь.— Нашелъ, чѣмъ напугать: не видали мы ихъ приговоровъ! Тоже не въ первой мы тутъ...

— А часто *они* такіе приговоры дѣлаютъ? спросилъ Веретьевъ.

— Не то чтобъ часто, а бываетъ... Да только мало толку изъ этихъ приговоровъ. Бывало, такъ-то цѣлый день *валандаемъ*; *они* на своемъ стоять, а мы на своемъ; ну, а къ вечеру, глядь, *они* и уступать...

— А вы не уступаете?

— Бываетъ, что и мы обавляемъ. Это глядя по работѣ и по народу. Вотъ нынче-то мы ужъ не сбавимъ; нынче-то дѣло пошло такъ, что *они* не знаютъ за что и браться: и покось не кончили, и ячмень налился, да и рожь ужъ готова. Другой-то какъ угорѣлый мечется; то сѣнца немного скосить, то уголь ячменя свалить, то на рожь бросается, а тамъ опять къ сѣну бѣжить—ворошить или въ копны складывать. Вотъ тутъ-то ужъ мы себѣ господа: что хотимъ, то и возьмемъ. Такъ-то вотъ бываетъ, что и рубля три въ день нашъ братъ получаетъ... Ну, только годъ за годъ не находить. Иной-то разъ народу сюда набьется страсть какъ много, а тутъ, глядь, сѣна выгорѣли, хлѣба пропали, работы нѣтъ—вотъ когда горя набираемся мы. Красная цѣна нашему брату шесть гривенъ въ самую *косовицу*, да и за эту цѣну не всѣ работу находятъ. Иной-то ходитъ, ходитъ безъ работы, есть нечего; и приходится протягивать руку да Христово имя бить—вотъ до чего дѣло доходить. Да если и хорошій годъ взять, разве много-ли мы заработаемъ-то? Приходимъ мы сюда рано, потому хлѣбъ-то у насъ дома къ веснѣ пріѣтся; ну, какъ отпахали да отсѣялись, такъ и бѣжимъ. А тутъ работы пока никакой: такъ только по домашности что сдѣлать и берутъ насъ изъ-за одного хлѣба, а мы и тому рады. Развѣ кто найдетъ работу—*кизяки* рѣзать, аль колодцы рыть—ну, за эту работу деньгами платять—двадцать, тридцать копѣекъ въ день... Настанетъ потомъ покось—тутъ ужъ, дѣйствительно, въ хорошій годъ цѣна безобидная, только много-ли? а потомъ опять цѣна падаетъ... Какъ разберешь все, и выходитъ одна *проволочка*...

*) Такъ дразнить собственно донскихъ казаковъ, но косари, побывавшіе въ Дону, принимаютъ это слово ко всѣмъ казакамъ вообще.

— Ну, а сколько вы зарабатываете въ хорошии годъ и сколько въ дурной?

— Да какъ тебѣ, баринъ, сказать? Разно зарабатываемъ. Работаемъ мы тутъ два, два съ половиною и три мѣсяца и зарабатываемъ и тридцать, и пятьдесятъ, и восемьдесятъ рублей... Только, вѣдь, домой этихъ денегъ не принесешь: дорога сюда да обратно домой дорого стоитъ, оборвешься, обносишься тутъ, поправиться нужно, ну, и выпьешь иной разъ—нельзя-же безъ того, и начальство любить немножко насъ пораструсить—тоже разное бываетъ. Ну, и принесешь домой красную аль двѣ, а ужъ много три. А какъ плохой-то годъ, такъ не то что что-нибудь домой принести, а и самъ-то еле Христовымъ именемъ до дому доберешься. Вотъ какъ, баринъ, бываетъ!.. Ну-ка, дядя Митрай, поскорѣ вставай, да пойдемъ косарское горе заливать! вдругъ, перемѣнивши тонъ, обратился нашъ собесѣдникъ къ своему сосѣду, косарю почтенныхъ лѣтъ, и оба они поднялись и отправились въ гостеприимно растворенныя ворота купца Распоясова.

Мы съ Веретьевымъ тоже поднялись.

— Знаете-ли что, обратился ко мнѣ Веретьевъ;—пока обѣдня не кончилась, особенно интереснаго ничего не будетъ. Такъ вотъ пойдемте-ка мы пока на толоку (выгонъ), я вамъ покажу «машинную» мельницу одного здѣшняго купца, а потомъ вернемся какъ разъ къ самой сути.

Я изъявилъ согласіе и мы отправились. Дорогою разговоръ естественно вертѣлся на косаряхъ.

— Скажите, пожалуйста;—началь я, какъ только мы отошли отъ косарей,—много этого народа приходитъ сюда на заработки?

— Ужасно много. Точное число, конечно, опредѣлить нельзя, потому что исчисленіемъ косарей никто не занимается, да и трудно было-бы приложить статистику къ этому крайне подвижному элементу, постоянно перекочевывающему изъ одной мѣстности въ другую. А только ужасно много, судя по всему. Вы видѣли, какая громадная толпа ихъ собралась въ нашей станицѣ, тоже повторяется почти въ каждой станицѣ, въ каждомъ селѣ. Посмотрѣли-бы вы, какія громадныя массы этихъ рабочихъ собираются въ Ростовѣ и въ Ейскѣ, этихъ исходныхъ пунктахъ, откуда они уже разсыпаются по всему краю! Въ Ейскѣ ими буквально биваютъ засыпаны выгонъ и базарная площадь. Что-бы составить себѣ хоть приблизительное понятіе о числѣ этихъ лѣтнихъ полевыхъ рабочихъ, высылаемыхъ къ намъ внутренними губерніями, надо имѣть въ виду слѣдующее: здѣсь крайне рѣдкая семья обходится безъ найма рабочихъ во время уборки травъ и хлѣбовъ, а

большую часть каждая семья нанимает по два и по три рабочихъ, богачи-же—по десяти и значительно болѣе. Такимъ образомъ, изъ числа занятыхъ на нашихъ поляхъ во время страды рабочихъ рукъ, большая часть принадлежитъ пришлымъ рабочимъ, и только меньшая—мѣстнымъ, это можетъ дать понятіе съ одной стороны о размѣрѣ рабочихъ силъ, поставляемыхъ намъ «Рассеею» и о значеніи, которое имѣютъ эти силы въ общемъ строѣ жизни края, а съ другой—достаточно характеризуетъ возгласы казачьихъ патриотовъ, часто даже изъ образованныхъ, которые съ гордостью говорятъ, что *они* кормятъ внутреннюю Россію, давая такіе громадные заработки выходцамъ оттуда. Заработки здѣсь, конечно, хорошіе, не въ примѣръ тѣмъ грошамъ, которые получаетъ земледѣльческій рабочій внутри Россіи. Здѣсь, напримѣръ, уборка десятины хлѣба стоитъ 20 рублей, а бываетъ и выше—25 и 30, а въ исключительныхъ случаяхъ поднимается и до 40 рублей. Но надо-же знать, за что даются такіа цѣны. Здѣсь десятина, при обыкновенномъ урожаѣ, даетъ 10 четвертей, т. е. до 100 пудовъ зерна; а часто урожай бываетъ выше—120, 150 и даже 200 пудовъ на десятинѣ. Бываютъ урожаи, конечно, крайне рѣдкіе и только мѣстами, въ 240 пудовъ на десятинѣ. Вѣдь это, значить, десятина даетъ 240 рублей! Понятно, что при такихъ условіяхъ можно заплатить и 40 рублей за уборку десятины, и все-таки еще останется 200 рублей. И эти громадные барыши населеніе получаетъ исключительно благодаря пришлымъ рабочимъ, такъ какъ вовсе не рѣдкость, что при ихъ недостаткѣ, много хлѣба остается неубраннымъ или продается на корнѣ. Только именно благодаря труду пришлыхъ рабочихъ, населеніе и можетъ дѣлать такіе громадные посѣвы, какіе оно дѣлаетъ теперь. При такихъ условіяхъ говорить, что *мы* кормимъ рабочихъ, даже неловко, такъ какъ въ дѣйствительности *они* кормятъ насъ...

— И, собственно говоря, заработки пришлыхъ рабочихъ далеко не такъ велики, какъ кажутся, продолжалъ Веретьевъ, переждавши минутку.—Вы слышали давеча отъ косаря, какіе вычеты изъ этого заработка нужно сдѣлать, чтобы опредѣлить настоящую величину. А косарь далеко не все сказалъ. Слыхали-ли вы, напримѣръ, что казаки грабятъ пришлыхъ рабочихъ?

— То есть, какъ грабятъ? удивился я.

— Самымъ обыкновеннымъ образомъ, или, вѣрнѣе, не совсемъ обыкновеннымъ образомъ, такъ какъ для этого здѣсь выработаны особые приемы. Обыкновенно дѣломъ этимъ заправляетъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ казачьихъ блюстителей порядка. Набреть такой блюститель порядка дружину изъ молодыхъ ребятъ-

казакъ и отправляется туда, гдѣ много пришлыхъ рабочихъ, главнымъ образомъ, конечно, въ кабакъ. Здѣсь, придравшись къ кому-нибудь изъ косарей, особенно если послѣдній подъ хмѣлькомъ, молодцы схватываютъ его и тащатъ въ «холодную». При этомъ самое любопытное, какъ именно они тащатъ такого несчастнаго: волокутъ его всю дорогу по землѣ за ноги или за волосы, и сколько ни есть при блюстителѣ порядка людей, составляющихъ его дружину, каждый изъ нихъ считаетъ священнымъ долгомъ своимъ ударить бѣдняка, и ударить посылнѣй, такъ что, пока дотащутъ его до мѣста назначенія, онъ совершенно одурѣетъ отъ побоевъ и представляетъ изъ себя какую-то безжизненную массу. Сдавъ въ такомъ видѣ свою жертву въ «холодную», грабители ждутъ часъ-два, пока избитый мужикъ не придетъ въ себя, и затѣмъ предлагаютъ ему заплатить цѣлковый «за труды». Получивъ деньги, несчастнаго выпускаютъ. Если этимъ господамъ попадется опытный косарь, бывавшій уже въ передѣлкахъ и знающій, чего собственно добивается блюститель порядка, то обыкновенно дѣло оканчивается еще въ кабакъ тѣмъ, что косарь платитъ рубль и покупаетъ «начальнику» стаканъ водки, за которымъ тотъ и даетъ слово не трогать откунившагося, по крайней мѣрѣ, въ тотъ день. Глядя на подобныхъ «начальниковъ», начинаютъ практиковаться въ этомъ промыслѣ и молодые казаки уже отъ себя. Собравшись гурьбою, они вбѣгаютъ въ кабакъ, нападаютъ на перваго попавшагося косаря, избиваютъ его, несколько хватить силъ и желанія, и если онъ не согласится на требованіе дать имъ на выпивку, то казачата тащатъ его въ «холодную» уже по своей личной инициативѣ. Начальство благосклонно раскрываетъ двери холодной для такихъ жертвъ, и просидѣвъ здѣсь ни за что, ни про что болѣе или менѣе продолжительное время, мужикъ выплачиваетъ казачатамъ полтинникъ на водку, да кромѣ того, рубль въ станичное правленіе, и затѣмъ его выпускаютъ на свободу.

— Однако, вѣдь это чортъ знаетъ что! неволью закричалъ я;—настоящая охота на краснокожихъ!

— Совершенно вѣрно. Однако, въ нашемъ краѣ встрѣчаются факты, еще болѣе рельефны въ этомъ отношеніи; позжайте-ка немного далѣе на югъ, посмотрите на положеніе туземцевъ,—тамъ вы найдете настоящую охоту на краснокожихъ со всѣми ея атрибутами... Впрочемъ, возвратимся къ нашимъ косарямъ. Говоря объ ихъ заработкахъ, нужно принять во вниманіе также, какая масса времени пропадаетъ у нихъ даромъ по причинѣ болѣзней, какое множество ихъ умираетъ здѣсь и какъ вообще тяжела и

сверно обставлена ихъ жизнь и работа. Высадятся, напримѣръ, они въ Ейскъ и ждутъ, на найметъ-ли ихъ кто, такъ какъ много рабочихъ нанимаютъ для полевыхъ работъ ейскіе мѣщане-земледѣльцы, заставляющіе громадный, арендуемый ими у кубанскаго войска участки земли, въ 34,000 слишкомъ десятины, и кромѣ того, много «навскихъ» участковъ. Какихъ-либо пріютовъ для рабочихъ въ Ейскѣ, конечно, не имѣется, и рабочіе располагаются просто на выгонѣ, подъ мельницами, или на базарѣ, подъ ларями и лавками. Здѣсь они лежатъ и въ дождь, и въ грязь, такъ какъ дѣться болыне некуда. Ейской думѣ и мысли не приходитъ о томъ, что на ней лежатъ какія нибудь обязанности по отношенію къ этимъ рабочимъ, создающимъ своимъ трудомъ благосостояніе города. Проскользнула какъ-то разъ мысль объ устройствѣ барачковъ для рабочихъ и отхожихъ мѣсть на базарѣ, что крайне необходимо въ санитарныхъ интересахъ самого города, но мысль такъ и осталась мыслью и теперь совсѣмъ забыта. Провалившись въ ейской грязи медѣлю или двѣ, рабочіе отправляются внутрь страны, такъ какъ въ Ейскѣ нанимается только нѣкоторая часть общаго количества прибывающихъ сюда рабочихъ. Внутри страны они нанимаются или къ казакамъ-земледѣльцамъ или въ «навскія» экономіи; и здѣсь, и тамъ положеніе ихъ одинаково безобразно. Дѣтній полевой трудъ у насъ—каторжный трудъ. Встанутъ еще почти въ потьмахъ въ 2—3 часа утра, а спать ложатся, когда ужъ совсѣмъ стемнѣетъ, въ 10—11 часовъ ночи,—и все это время работаютъ, исключая краткіе промежутки для принятія пищи и небольшого отдыха послѣ обѣда. Работы много, все быстро зрѣетъ, хозяева спѣшатъ уборкой и изъ всѣхъ силъ стараются выжать возможно болыше изъ труда рабочихъ. Для этого пускаются въ ходъ разныя хитрости: такъ, напримѣръ, во время косы, ставится послѣднимъ косцемъ самый сильный и опытный косарь, и впереди идущіе косцы, изъ боязни, что онъ подкоситъ имъ пятки, напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы работать на одномъ уровнѣ съ нимъ; бываетъ, что заднему косцу платится даже особая плата, чтобы онъ «подгонялъ» своихъ товарищей. Все это дѣлаетъ трудъ рабочихъ, и безъ того крайне тяжелый, совсѣмъ невыносимымъ. Промахать косую безъ перерыва полтора мѣсяца и болѣе — это не шутка! Къ тому-же нѣтъ никакой возможности хоть сколько-нибудь оправиться и возстановить свои силы. Спать во все время работъ приходится крайне мало. Мѣсгомъ отдыха служитъ то-же поле, на которомъ происходитъ работа; здѣсь-же ноцъ телѣгой, а въ лучшемъ случаѣ въ соломенномъ шалашѣ, придется рабочему и ненаст-

ные, мокрые дни. Если-же иной разъ рабочіе и возвратятся въ станицу, то здѣсь къ ихъ услугамъ, въ лучшемъ случаѣ, хлѣба, гдѣ они проводятъ ночи вмѣстѣ съ животными, а то такъ и просто улицы и площади. Съ обстановкой гармонируетъ и питаніе рабочихъ. Завтракаютъ рабочіе однимъ хлѣбомъ, обыкновенно дурно испеченнымъ, провислымъ, грязнымъ, иногда съ молокомъ; обѣдаютъ и ужинаютъ борщемъ съ 'плохимъ и въ микроскопическомъ количествѣ саломъ и жидкою винною кашею съ зацвѣтшими сухарями. Это въ скоромные дни. А въ постъ все питаніе рабочаго состоитъ изъ хлѣба, лука, кваса и каши съ постнымъ масломъ. А не забудьте, что весь июнь—самая горячая пора работы—обыкновенно длится Петровскій постъ. Неудивительно, что рабочій совершенно обезсиливаетъ за страду, худѣетъ, такъ что отъ человѣка остаются только кожа да кости. А болѣзни? Онѣ преслѣдуютъ рабочаго на каждомъ шагу. Въ Кубанской области масса рабочихъ страдаетъ отъ 'ворчія', т. е. лихорадки. Тутъ много значить непривычка къ климату, къ болотистому 'воздуху. Затѣмъ бываетъ, что рабочій ужъ слишкомъ объѣстся дешевыхъ овощей—арбуза, дыни, огурцовъ, что вполнѣ естественно при плохомъ, недостаточномъ питаніи. Часто также рабочій простуживается, выпивая послѣ каждой 'ручки' покоса почти по полуведра воды, что не можетъ не отразиться крайне вредно на здоровьѣ рабочаго при 40 градусныхъ жарахъ. И вотъ, въ каждой станицѣ во время покоса и уборки хлѣба непремѣнно лежатъ по нѣсколько человѣкъ пришлыхъ рабочихъ, одержимыхъ ужаснѣйшею лихорадкою. Лежатъ они просто подъ заборомъ, подъ плетнемъ, гдѣ-нибудь на улицѣ, и никому до нихъ нѣтъ дѣла, никто не ухаживаетъ за ними, никто не заботится объ нихъ. Здѣсь они и умираютъ нерѣдко, оставленные всѣми, безъ всякаго призрѣнія. Въ Ставропольской губерніи другое зло—кровавые повесы. Дѣло въ томъ, что большая часть этой губерніи безводная. Для того, чтобы имѣть какую-нибудь воду, перегораживаютъ 'греблей', состоящею большею частью изъ 'навоза и соломы, степныя балки и получаютъ такимъ образомъ запруды, въ которыя собирается вода, стекающая весною, при таяніи снѣга, съ боковъ балки; сюда-же собирается дождевая вода. Вода эта стоитъ цѣлое лѣто, гниетъ, покрывается зелеными водорослями, кипитъ мириадами всевозможныхъ живыхъ существъ, головастиками, водяными насѣкомыми и инфузоріями. Зачастую въ этой-же запрудѣ цѣлое лѣто мочится конопля. Вонь отъ такихъ запрудъ невыносимая. И эту-то воду пьютъ и люди, и скотъ. Можете себѣ представить, какое вліяніе оказываетъ эта вода на желудки. Лѣтомъ

положеніе еще ухудшается. Такъ какъ полевая работа производится на огромной площади, принадлежащей каждому селу, тогда какъ вода находится только въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, то крестьяне принуждены брать на поле воду съ собою. Исперченная вода, пробывъ цѣлую недѣлю въ бочкѣ подъ палящимъ лѣтнимъ солнцемъ, дѣлается отвратительною изъ невозможности, — въ ней заводятся даже черви. Неудивительно, что здѣсь лѣтомъ страшно свирѣпствуютъ кровавые поносы съ смертельнымъ исходомъ. Но, какъ ни странно, мѣстное рабочее население страдаетъ отъ этой болѣзни сравнительно менѣе, словно оно приучило свой организмъ къ невозможнымъ гигиеническимъ условіямъ. Пришлые-же рабочіе буквально валятся отъ кровавыхъ поносовъ. Проѣзжая въ это время по губерніи, почти въ каждомъ селѣ можно найти по нѣсколько человѣкъ, только что умершихъ отъ этой болѣзни. Это какая-то ужасная и безконечная гекатомба, которую мы приносимъ своему невѣжеству и неумѣнію сдѣлать что-нибудь для устраненія безводія въ этомъ краѣ... Затѣмъ нужно еще упомянуть о солнечныхъ ударахъ, которымъ подвергаются рабочіе, работая подъ раскаленнымъ небомъ, на 40 и 50 градусной жарѣ. Вы и представить не можете, какая масса народа гибнетъ здѣсь этимъ путемъ! Лѣтомъ только и слышно: тамъ рабочій косилъ да вмѣстѣ съ косой и уналь, тамъ сразу нѣсколько. Бываетъ, что цѣлая артель падаетъ, словно молніею пораженная, — и потомъ только часть ея приходитъ въ себя. И опять здѣшніе уроженцы, и въ этомъ отношеніи, страдаютъ значительно меньше пришлыхъ рабочихъ... Таково-то положеніе одной изъ опоръ благосостоянія нашего края, — косаря. Что-же касается другой опоры, переселенца, то и его положеніе неблестательно. Но объ этомъ намъ придется говорить, вѣроятно, уже на возвратномъ пути, такъ какъ вотъ и мельница!..

И дѣйствительно мы уже подходили къ мельницѣ.

Это былъ громадный «машинный вѣтрякъ», предъ которымъ его сосѣди, обыкновенные казачья «вѣтряки», казались совсѣмъ пигмеями. Въ городѣ такой высоты постройки не производятъ никакого впечатлѣнія, но въ станицѣ, среди мелкихъ одноэтажныхъ, приземистыхъ зданій, машинный вѣтрякъ казался какимъ-то колоссомъ. Крылья его имѣли саженную ширину, а дверь, до которой нужно было подниматься по лѣстницѣ, казалась снизу такою же маленькою, какъ какое-нибудь отверстіе въ голубатнѣ. Мы вошли внутрь мельницы, осмотрѣли механизмъ, посмотрѣли, какъ быстрою струею сыпятся смолотая мука — и вышли снова на воздухъ. Какое-то странное впечатлѣніе производили гуль отъ дви-

женія жернова и зрѣлище происходившаго на нашихъ глазахъ пожирания мельницей зерна. Чувствовалась какая-то жуткость.

— Знаете-ли, началъ Веретьевъ—когда я бываю на этомъ вѣтрякѣ, мнѣ всегда кажется, что это—эмблема.

— Эмблема чего?

— А того, что дѣлается въ этомъ краѣ. Какъ эта госпожа,—Веретьевъ ткнулъ въ мельницу,—пожираетъ цѣлую уйму зерна и все ей мало, все подай новаго, такъ и ей хозяинъ, купецъ Красноносевъ, жретъ людей безъ сожалѣнія и все ему мало, все appetite его растеть. Еслибъ вы знали, сколько онъ разорилъ и сгубилъ народа!.. А когда я стою вездѣ крыльевъ (мы подошли подъ мельничныя крылья), мнѣ кажется, что это тоже эмблема, изображающая одинъ періодъ моей жизни. Какъ вы думаете, что произойдетъ, если ухватиться за эту громадину?

Веретьевъ указалъ на крыло.

— Думаю, отвѣчалъ я,—что громадина такъ оттолкнетъ дерзкаго, что онъ отскочитъ на десятокъ саженой и раза три перевернется...

— Вотъ то-же самое происходило со мной всякій разъ, когда я пытался остановить знаменитое «колесо», какъ называютъ свою дѣятельность господа коммерсанты и иные кровопийцы нашего края; меня отталкивало такъ, что я переворачивался и летѣлъ вверхъ ногами. Удивительно даже, какъ я остался цѣлъ. Это отвѣтъ на вашу вчерашній недоумѣвающий вопросъ: зачѣмъ я служу капиталистамъ... А теперь отправимся въ станицу и продолжимъ нашъ прежній разговоръ...

И Веретьевъ заговорилъ о переселенцахъ. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ не сообщилъ мнѣ ничего новаго. Переселенческій вопросъ на Кавказѣ давно интересовалъ меня, и по глрѣ силъ я собиралъ о немъ свѣдѣнія, гдѣ и какъ только возможно. Для меня было любопытно послушать Веретьева только для того, чтобы провѣрить свои выводы и общенія, и, къ моему удивленію, въ этомъ отношеніи я совершенно сошелся съ нимъ.

V.

Вопросъ, дѣйствительно, очень любопытный. Сѣверный Кавказъ принадлежитъ къ числу тѣхъ обитованныхъ мѣстностей, въ которыя издавна стремится утѣсненный въ землѣ крестьянинъ сѣверныхъ, среднихъ и даже южныхъ губерній Россіи. «Старопольская» губернія и «Закубанъ»—эти термины означаютъ для русскаго крестьянина настоящую страну молочныхъ водъ и ки-

сельныхъ береговъ. Представленія крестьянъ объ этой благодатной странѣ выражаются словами: «земля воля» и «арбузы—во». Подъ вліяніемъ такихъ представленій о свободныхъ, нѣмъ не занятыхъ земляхъ и необыкновенныхъ богатствахъ природы Кавказа, а главнымъ образомъ, конечно, подъ вліяніемъ тяжелаго положенія, въ которое поставлено малоземельное населеніе «россійскихъ» губерній, съ началомъ весны начинается усиленное движеніе переселенцевъ по направленію къ сѣверному Кавказу. До чего сильно это стремленіе «на Кавказъ», можетъ показать слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто лѣтомъ 1881 года. Нѣсколько семействъ села Подола, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, отправились въ переселеніе на Кавказъ по паспортамъ, не получивъ предварительно увольненія изъ своего общества и перечисленія въ то общество, куда они отправлялись на жительство. Переселенія подобнаго рода всячески стѣсняются и даже просто останавливаются мѣстнымъ начальствомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ населеніе Полтавской и Черниговской губерній отъ прекрасныхъ мѣстныхъ порядковъ могло-бы уйти поголовно все въ переселеніе. Такимъ образомъ, и наши переселенцы были задержаны въ городѣ Зеньковѣ, Полтавской губерніи; паспорта отъ нихъ были отобраны, а имъ выдано было отъ зеньковского полицейскаго управленія одно общее проходное свидѣтельство на проходъ обратно домой. Паспорта были отправлены въ соответствующее волостное правленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано этому правленію водворить переселенцевъ на прежнемъ мѣстѣ ихъ жительства. Каково-же было удивленіе мѣстной администраціи, когда переселенцы вдругъ извѣстили свое волостное правленіе, что они, несмотря на то, что у нихъ отобраны въ Зеньковѣ паспорта, благополучно прибыли безъ всякихъ письменныхъ видовъ въ Ставропольскую губернію и теперь оттуда просятъ волостное начальство выслать имъ письменные виды на ироживательство въ Ставропольской губерніи. Мѣстной власти приходилось только руками развести, въ виду полного безсилія бюрократическихъ «мѣръ» парализовать стремленіе переселенцевъ «на вольныя мѣста»...

Отправляющіеся на Кавказъ переселенцы частью ѣдутъ по желѣзнымъ дорогамъ, а частью совершаютъ весь, иногда тысячеверстный, путь «на своихъ на двоихъ», бредя за дрянненькою телѣгой, запряженною жалкою клячонкою,—и всѣ затѣмъ собираются въ Ростовѣ-на-Дону. Здѣсь весной и лѣтомъ скопляется громадное количество переселенцевъ, представляющихъ собою самое разнообразное смѣшеніе племенъ, нарѣчій и костюмовъ. Здѣсь есть «четвертинне» крестьяне Курской и Тамбовской губерній,

избавленные отъ своихъ наслѣдственныхъ земель какимъ-нибудь Разуваемымъ; «десятинщики» Херсонской губерніи, прогнанные съ «панской» земли; хохлы изъ Черниговской и Полтавской губерній, лишившіеся земли, благодаря подворному владѣнію; великорусскіе крестьяне, облагодѣтельствоваанные «даровымъ» или «нищенскимъ» надѣломъ, и т. д. Преобладающее большинство представляетъ собою самую ужасную бѣдность: оборванные костюмы, испытая, измученныя лица, почти полное отсутствіе хозяйственного скарба, жалкая скотина, кучки голодныхъ, ревущихъ дѣтей— все это ясно говоритъ, что несладею жилось этимъ людямъ на «старыхъ» мѣстахъ да едва-ли сладко будетъ житься и на «новыхъ». Большинство переселенцевъ живетъ въ Ростовѣ или поденными работами, или просто нищенствомъ. «Отдохнувъ» въ Ростовѣ послѣ долгаго, томительнаго пути, переселенцы вступаютъ въ обѣтованный край или по Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ, или на своихъ кляченкахъ параллельно полотно дороги.

Переселенія на сѣверный Кавказъ начались издавна. Но прежде они носили совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ теперь, такъ какъ совершались на счетъ казны, со всяческимъ содѣйствіемъ правительства и на отводимыя переселенцамъ земли. Былъ, впрочемъ, и другой видъ переселеній: это бѣгство отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ, которые, достигнувъ Кавказа, объявляли себя «непомятыми родства» и спокойно селились, гдѣ имъ было угодно. Въ виду важности заселенія Сѣвернаго Кавказа въ цѣляхъ полного покоренія его, мѣстныя власти смотрѣли сѣвовъ пальцы на этихъ «непомятыхъ родства» и даже принимали въ нихъ участіе. Этимъ путемъ освободилось отъ крѣпостнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переселилось на Кавказъ, очень и очень много народу. Собственно-же переселенія въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, т. е. легальныя и въ то-же время «свободныя», предоставленныя самимъ себѣ, начались въ широкихъ размѣрахъ съ конца 60-хъ годовъ, и съ тѣхъ поръ идутъ, прогрессивно увеличиваясь каждый годъ, и, наконецъ, въ послѣдніе годы достигли громадныхъ размѣровъ. Главная масса переселенцевъ до сихъ поръ осѣдала въ предѣлахъ Кубанской области, какъ ближайшей къ «Расеѣ» мѣстности Кавказа и обладающей притомъ наибольшимъ земельнымъ просторомъ. Сначала переселенцы расходились преимущественно въ такъ-называемой Черноморіи, но въ послѣдніе годы масса ихъ устремилась особенно въ Закубанье, гдѣ въ настоящее время колонизованы громадныя пространства еще недавно совершенно пустынной земли. Общее количество переселенцевъ или, какъ ихъ называютъ на

мѣстномъ жаргонѣ, «городовиковъ», живущихъ въ Кубанской области, достигало еще въ 1881 году, по *официальному* счету, 236,807 человекъ, но въ дѣйствительности было значительно больше; теперь-же число это ни въ какомъ случаѣ не ниже 300,000. При этомъ нужно замѣтить, что число собственно переселившихся несравненно выше указанной цифры, такъ какъ очень значительная часть переселенцевъ, почти половина, мретъ здѣсь въ первые-же годы своего пребыванія отъ разныхъ болѣзней, преимущественно отъ убійственныхъ лихорадокъ. Число переселенцевъ, направляющихся въ Ставропольскую губернію, конечно, менѣе, но и здѣсь оно все-таки громадно: число лицъ, живущихъ постоянно въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и въ то-же время принадлежащихъ къ сельскимъ обществамъ другихъ губерній внутренней Россіи, доходитъ никакъ не менѣе, какъ до 100,000 человекъ. Въ Терской области переселенцевъ пока еще сравнительно мало. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь о нихъ и совсѣмъ почти не было слышно; но въ настоящее время въ сѣверозападной части области, въ станицахъ, лежащихъ вблизи желѣзнодорожнаго пути, переселенцевъ уже очень много,—по крайней мѣрѣ, настолько много, что изъ ихъ отношеній къ казакамъ-станичникамъ возникаетъ серьезный вопросъ. Въ послѣдніе два года переселенцы стали проникать и во внутрь Терской области; это особенно должно быть сказано относительно настоящаго года. Такъ, лѣтомъ этого года въ станицу Пришибскую прибыли кодоки отъ двухъ сельскихъ обществъ Курской губерніи для покупки въ Кабардѣ земли и уже купили у полковника Ц. 600 десятинъ. Въ Пятигорскомъ округѣ нмнѣшній годъ переселенцы также сторговали нѣсколько «офицерскихъ» участковъ. Наконецъ, въ настоящемъ году переселенцы проникли даже въ Хасавъ-Юртовскій,—самый восточный округъ области.

Переселенія на Кавказъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, имѣютъ крайне безпорядочный характеръ. Обыкновенно переселенцы идутъ на «авось», не имѣя никакихъ опредѣленныхъ данныхъ о новомъ краѣ, въ который они движутся, и никакихъ основаній рассчитывать, что тамъ имъ будетъ лучше, чѣмъ на старыхъ мѣстахъ. Просто доходитъ слухъ, что тамъ, гдѣ-то, хорошо живетъ простому человѣку, а здѣсь, дома, слышимъ ужъ плохо,—ну, и идутъ. Тѣмъ любопытнѣе присмотрѣться къ тѣмъ немногимъ случаямъ, когда переселеніе получаетъ нѣкоторый организованный видъ. Одинъ случай такого переселенія, имѣвшій мѣсто въ настоящемъ году, я расскажу здѣсь.

Для крестьянъ Фатехскаго уѣзда, Курской губерніи, какъ и

чего, что они могли-бы продать для получения капитала на переселеніе; другіе—крестьяне-собственники—не могутъ развязаться съ своими надѣлами, такъ какъ на нихъ лежатъ выкупные платежи. Идти, такимъ образомъ, приходится безъ всякихъ средствъ.

Неудивительно, поэтому, что положеніе огромнаго большинства переселенцевъ, добравшихся до Кавказа, который на родинѣ рисовался имъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ, самое незавидное. Нивакихъ «вольныхъ» земель, неразрывно связанныхъ въ представленіяхъ переселенцевъ съ «новыми мѣстами», не оказывается. Незнаніе мѣстности и ея условій даетъ себя знать крайне печальными послѣдствіями, очень тяжело отражающимися на положеніи переселенцевъ. Куда идти, гдѣ искать земель, пригодныхъ для поселенія, какія продажныя и арендныя цѣны существуютъ въ краѣ—всѣ эти, и подобныя имъ вопросы, переселенцамъ приходится рѣшать совершенно случайно, путемъ разспросовъ первымъ встрѣчныхъ и поневолѣ довѣрять послѣднимъ. Неудивительно, что большинство переселенцевъ положительно не въ состояніи ориентироваться въ новомъ краѣ, бродитъ съ мѣста на мѣсто, попадаетъ на удочку разнымъ «дѣльцамъ», попадаетъ въ кабальное состояніе къ нашимъ лэндлордамъ, болѣетъ и мретъ отъ непривычныхъ условій климата, часто долго не умѣетъ привыкнуться къ мѣстнымъ условіямъ труда и т. д.

Самыя главныя бѣдствія для переселенцевъ зависятъ безъ сомнѣнія, отъ ихъ незнанія всего того, что имѣетъ то или другое отношеніе къ переселеніямъ, отъ ихъ ненормальнаго положенія, какъ членовъ далекихъ общинъ, лежащихъ въ «Рассеѣ», и отъ недостатка у нихъ матеріальныхъ средствъ, лишающаго ихъ возможности приобрести въ собственность землю.

Къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ подобное незнаніе, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ, иллюстрирующихъ дѣло, примѣровъ.

На сѣверномъ Кавказѣ нерѣдко встрѣчаются особаго рода «дѣльцы», съумѣвшіе сдѣлать для себя доходную статью изъ эксплуатаціи переселенцевъ. Такъ, напр., въ прошломъ году во Владикавказѣ появился одинъ господинъ, который обращался къ лицамъ, жаждущимъ «вольныхъ» земель, съ сообщеніемъ о томъ, что около Пятигорска находится 258,500 десятинъ свободной земли, которую ему, дѣльцу, будто-бы поручено заселить, записывалъ желающихъ переселиться на эти свободныя земли и затѣмъ взискивалъ съ нихъ на «хлопоты и издержки» порядочныя суммы. Такимъ путемъ этому мошеннику удалось обмануть въ

одномъ Владикавказѣ до 150 лицъ, не считая тѣхъ, кто поддался на его удочку въ станицахъ.

Еще болѣе наглое надувательство переселенцевъ имѣло мѣсто въ той-же Терской области. Переселенцы купили у казачьяго офицера пожалованный ему участокъ. При этомъ, въ заключенномъ сторонами условіи, была помѣщена фраза, гласившая, что земля продается «въ собственность на пять лѣтъ». Крестьяне-переселенцы понимали эту фразу такъ, что земля приобрѣтается ими въ вѣчную собственность, а деньги они обязаны уплатить въ теченіи пяти лѣтъ. Собственникъ-же продаваемой земли истолковалъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что онъ сдалъ землю въ аренду на пять лѣтъ, и, когда прошли эти пять лѣтъ и слѣдующія деньги были уплачены переселенцами, онъ безъ всякой церемоніи прогналъ ихъ съ купленной ими земли.

Не менѣе тяжело отзывается на переселенцахъ незнаніе ими тѣхъ правительственныхъ мѣропріятій и законовъ, которые имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ переселенческому дѣлу. Въ этомъ случаѣ даже тѣ мѣры правительства, которыя имѣютъ въ виду хоть нѣсколько облегчить положеніе переселенцевъ, теряютъ для нихъ всякое значеніе и остаются какъ-бы несуществующими. Поясню это примѣромъ, имѣвшимъ мѣсто въ Ставропольской губерніи. Для здѣшнихъ переселенцевъ, со времени прекращенія образованія новыхъ сельскихъ обществъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ, былъ изданъ (въ 1874 г.) спеціальныи законъ, по которому переселенцы, обзаведшіеся въ предѣлахъ Ставропольской губерніи усадебною осѣдлостью, не смотря на свою принадлежность къ сельскимъ обществамъ внутреннихъ губерній, имѣли «право получить земельный надѣлъ въ мѣстахъ настоящаго ихъ водворенія». Законъ этотъ остался совершенно неизвѣстнымъ переселенцамъ, что, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ онъ не былъ извѣстенъ и ставропольской администраціи. По крайней мѣрѣ, когда въ 1879—81 гг. происходило надѣленіе бывшихъ государственныхъ крестьянъ землею (вѣрнѣе отмежеваніе крестьянскихъ земель отъ государственныхъ), на основаніи закона 1864 г., то, ни при приведеніи въ извѣстность крестьянскихъ земель, ни при составленіи, предьявленіи и выдачѣ сельскимъ обществамъ владѣнныхъ записей, вопросъ о крестьянахъ-переселенцахъ, обзаведшихся усадебною осѣдлостью, и объ ихъ правѣ на надѣлъ совсѣмъ не поднимался; переселенцы-же, конечно, зная о существованіи закона, предоставляющаго имъ право на надѣлъ, не могли и потому никакихъ заявленій о своихъ правахъ во все время хода межевыхъ работъ не дѣлали. И такимъ образомъ поземельное

устройство губерніи было кончено, владѣнныя записи предъявлены и выданы сельскимъ обществамъ, а переселенцы остались безъ земли. Между тѣмъ сельскія общества, получивъ владѣнныя записи, обложили переселенцевъ за пользованіе усадебною землею и за право пасти скотъ на выгонахъ налогомъ, въ пользу мірскихъ суммъ, въ размѣрѣ отъ 10—100 рублей въ годъ. Обиженные переселенцы бросились въ городъ за совѣтами къ свѣдущимъ людямъ и здѣсь узнали о своемъ правѣ на надѣлъ. Къ губернатору посылались просьбы о восстановленіи нарушеннаго права на надѣлъ. Губернаторъ потребовалъ отъ волостныхъ правленій свѣдѣній о числѣ лицъ, записанныхъ по ревизіи въ другихъ губерніяхъ, но проживающихъ и имѣющихъ усадебную осѣдность въ селеніяхъ Ставропольской губерніи (о переселенцахъ, не имѣющихъ въ Ставропольской губерніи усадебной осѣдности, а также о живущихъ не въ селеніяхъ, а на хуторахъ и занимахъ частныхъ лицъ, на арендуемой казенной землѣ и т. д., рѣчи не было совсѣмъ). Такихъ лицъ оказалось 3,738 ревизскихъ душъ мужскаго пола. Цифра эта принадлежитъ всецѣло къ числу такъ называемыхъ «писарьскихъ» и нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что извѣстно всякому, болѣе или менѣе знакомому съ Ставропольскою губерніею. Но если даже принять эту цифру, все-же она соотвѣтствуетъ десятитысячному наличному населенію, и потому дѣло заслуживало самаго серьезнаго вниманія. Между тѣмъ, мѣстное губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, заслушавъ поданныя губернатору осѣдлыми переселенцами просьбы, постановило оставить ихъ безъ послѣдствій, на томъ основаніи, что переселенцы не заявляли о своемъ правѣ на надѣлъ при составленіи и выдачѣ владѣнныхъ записей, хотя въ этомъ переселенцы были виноваты всего менѣе и хотя законъ о трехмѣсячномъ срокѣ, въ который можно протестовать противъ владѣнныхъ записей, относится къ обществамъ, которымъ предъявляются записи, а никакъ не къ данному случаю. Обиженные переселенцы обратились съ просьбами въ главное управленіе кавказскаго края, которое признало право осѣдлыхъ переселенцевъ на полученіе надѣла, но рѣшило дѣло, однако, совсѣмъ не согласно закону 1874 года. Именно, вмѣсто того, чтобы отвести надѣлы осѣдлымъ поселенцамъ въ мѣстахъ ихъ осѣдности, главное управленіе предоставило въ теченіе года приписаться къ обществамъ и получить земельное обезпеченіе изъ надѣловъ многоземельныхъ селеній: Куршавскаго, Больше-Джалгинскаго, Здвиженскаго, Митрофановскаго, Бурукшунскаго, Вознесенскаго, Кистинскаго, Кіевскаго, Арзгирскаго и Тахтинскаго. Къ сожалѣнію, осѣдлые переселенцы воспользоваться предоставлен-

нимъ имъ правомъ не могли по нѣсколькимъ очень серьезнымъ причинамъ. Прежде всего, осѣдлымъ переселенцамъ для того, чтобы перебраться въ одно изъ означенныхъ селеній, приходилось бросать свои усадьбы и совершенно разстраивать заведенныя ими на мѣстахъ поселенія хозяйства. Затѣмъ, надѣлы значительной части помянутыхъ селеній, какъ Кисты, Бурукшуна и др., представляютъ собою песчаную пустыню, откуда разбѣжалось не мало ранѣе приписанныхъ поселенцевъ, и потому особенно прельщать осѣдлыхъ переселенцевъ перспектива жизни на пескахъ не могла. Наконецъ, излишнихъ земель помянутыхъ селеній могло хватить на удовлетвореніе только незначительной части осѣдлыхъ переселенцевъ. Въ концѣ концовъ, переселенцы остались на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ поселились ранѣе, и такимъ образомъ совершенно потеряли предоставленное имъ закономъ 1874 года право на надѣлы.

Столь-же печальныя послѣдствія для переселенцевъ влечетъ за собою ихъ ненормальное положеніе, какъ лицъ, принадлежащихъ къ далекимъ сельскимъ обществамъ внутреннихъ губерній. Какъ извѣстно, у насъ перечисленіе изъ одного сельскаго общества въ другое обставлено чрезвычайно большими затрудненіями. Перечисляющійся долженъ получить увольнительный приговоръ отъ общества, къ которому принадлежитъ, и пріемный отъ того, къ которому желаетъ приписаться, что сопряжено съ очень большими расходами на угощеніе сельскихъ сходовъ, на «подмазываніе» писаря и старосты, на взносы въ мірскія суммы и т. д. Затѣмъ, онъ долженъ уплатить всѣ числящіяся за нимъ недоимки и подати впередъ за годъ; долженъ уплатить выкупные платежи за землю впередъ за все остающееся время 49-ти-лѣтняго срока (если перечисляющійся—бывшій помѣщичій крестьянинъ), или долженъ найти охотника, который взялъ-бы за себя его надѣлы съ обязательствомъ уплачивать за него выкупные платежи или оброчную подать (если перечисляющійся—бывшій государственный крестьянинъ); онъ долженъ пріобрѣсти, въ мѣстѣ новаго своего жительства, земельный надѣлы въ высшемъ размѣрѣ, существующемъ для данной мѣстности и т. д., и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить еще одно затрудненіе, очень существенное для переселенцевъ, ѣдущихъ на Сѣверный Кавказъ: станичныя общества Терской и Кубанской областей не могутъ принимать въ свой составъ новыхъ членовъ изъ крестьянъ, а крестьянскія сельскія общества, большею частью, не желаютъ этого, дабы не дѣлиться землею съ новыми членами. Благодаря всѣмъ этимъ затрудненіямъ, большинство переселенцевъ не перечисляется изъ прежнихъ своихъ обществъ въ новыя, а живетъ на «новыхъ мѣстахъ» по паспортамъ. Этимъ путемъ создает-

ся крайне уродливое явление: проживая иногда десятки лѣтъ гдѣ-нибудь въ Ставропольской губерніи, переселенцы въ тоже время числятся въ составѣ сельскихъ обществъ какой-нибудь Курской, Бостромской или Вологодской губерніи, обязаны ежегодно получать оттуда паспорта, посылаютъ туда подати, имѣютъ тамъ земельный надѣлъ, которымъ не пользуются и за который, тѣмъ же менѣе, обложены платежами и т. д. Все это влечетъ громадныя лишнія затраты для переселенцевъ и ставитъ ихъ въ положеніе, подверженное всякимъ случайностямъ. Однѣ хлопоты по полученію паспорта чего стоятъ! Приходится обязательно безнедоумочно уплачивать всѣ платежи; посылать взятки писарю и старшинѣ, чтобъ не задержали паспорта; посылать деньги на угощеніе общества, чтобъ не выбрало, напримѣръ, въ церковныя сторожа; въ случаѣ замедленія высылки паспорта—входить въ сдѣлку съ мѣстной полицейскою властью, чтобъ не арестовала какъ безпаспортнаго и, въ концѣ концовъ, все-таки всецѣло зависѣть отъ каприза писаря, старшины, урядника, становаго и т. д.

Таково положеніе большинства переселенцевъ. Меньшинство, такъ или иначе раздѣлавшееся съ сельскими обществами, къ которымъ оно принадлежало на родинѣ, приписывается на Сѣверномъ Кавказѣ къ мѣстнымъ мѣщанскимъ обществамъ. Такіе мѣщане въ городахъ не живутъ; они селятся на арендуемыхъ ими казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земляхъ, или поступаютъ работниками къ коммерсантамъ и другимъ благодѣтелямъ края, или, наконецъ, толкуются по селамъ и станицамъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, а дѣлая все, что попадется подъ руку. Сѣверо-кавказскіе города, какъ Темрюкъ, Екатеринодаръ, Майкопъ, Ставрополь и др., насчитываютъ десятки тысячъ такихъ членовъ своихъ мѣщанскихъ обществъ...

Но главнѣйшею причиною бѣдствій переселенцевъ является, однако, полное отсутствіе у большинства переселенцевъ всякой возможности пріобрѣтать въ собственность землю. Такіе случаи, какъ описанная выше покупка курскими переселенцами имѣнія Масловъ Куть, представляютъ собою явленіе крайне рѣдкое. Большинство-же переселенцевъ является на Сѣверный Кавказъ совершенно нищими, которымъ, конечно, не до земельныхъ пріобрѣтеній.

Даровой отводъ казенныхъ земель на Сѣверномъ Кавказѣ подъ поселеніе выходцевъ изъ внутреннихъ губерній прекращенъ уже болѣе 10 лѣтъ. Да въ настоящее время и отводить почти нечего, такъ-какъ казенныя земли на Сѣверномъ Кавказѣ остались едва ли не подъ лѣсами только. Почти всѣ земли Сѣвернаго Кавказа въ настоящее время распределены между станичными, сельскими

и аульными обществами, войсками — Кубанскимъ и Терскимъ и частными собственниками. Очевидно, что земли первыхъ двухъ категорій, т. е. принадлежащія обществамъ и войскамъ, не могутъ сдѣлаться собственностью переселенцевъ, и остаются только частновладѣльческія земли. Послѣднихъ земель на Сѣверномъ Кавказѣ очень много — миллионы десятинъ. Это земли, отведенныя казачьимъ и иныхъ родовъ оружія офицерамъ и туземцамъ высшихъ сословій а также пожалованныя чиновникамъ и другимъ лицамъ. По качеству это лучшія земли въ краѣ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, для офицерскихъ земель Терской области, изъ слѣдующей таблицы:

	Количество принадлежащей		Тоже въ процент.	
	удобной земли:	неудобной:	удобной:	неудоб.
Станичнымъ обществ. отведено	1,499,497 дес.	191,647 дес.	88,7%	11,3%
Приходскимъ церк- вамъ	17,785 >	1,743 >	91,1%	8,9%
Въ запасъ войска ос- талось	103,534 >	6,411 >	94,1%	5,9%
Священно - церковно- служителямъ	8,577 >	330 >	96,3%	3,7%
Офицерамъ	116,817 >	3,270 >	97,2%	2,8%

Таблица эта ясно показываетъ, насколько офицерскія земли стоятъ выше земель прочихъ разрядовъ. Такіе-же результаты получаются, если-бы мы произвели сравненіе земель разнаго рода, по другимъ мѣстностямъ Сѣвернаго Кавказа.

Вотъ эти-то частновладѣльческія земли только и могутъ стать достояніемъ переселенцевъ. Собственники этихъ земель, въ огромномъ большинствѣ, сами положительно не въ состояніи извлекать никакихъ выгодъ изъ принадлежащаго имъ имущества и ищутъ только случая обратить его въ деньги. Къ сожалѣнію, большинство переселенцевъ, какъ я уже говорилъ, находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что, безъ посторонней помощи, не могутъ воспользоваться указаннымъ благопріятнымъ положеніемъ вещей. И такъ какъ никакой помощи извнѣ къ переселенцамъ не приходится, то пожалованныя земли съ необыкновенною быстротою концентрируются въ рукахъ «таврчанъ» и «коммерсантовъ», а переселенцы образуютъ собою громадный почти полумилліонный, безземельный пролетаріатъ...

Чѣмъ-же и какъ живутъ эти пролетаріи? Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что значительную часть общей массы переселенцевъ составляютъ лица мужскаго пола рабочаго возраста.

Объясняется это тѣмъ, что переселяться легче всего разнаго рода

бобылямъ, одиночкамъ, сиротамъ, у которыхъ все равно на роднѣ нѣтъ ничего — ни двора, ни кола, ни угла. Затѣмъ многія семьи посылаютъ молодыхъ рабочихъ членовъ своихъ «провѣдать мѣста». Наконецъ, многіе приходятъ сюда только на полевныя работы да и застрѣваютъ навсегда. Какъ много среди переселенцевъ такого рода лицъ, наглядно показываетъ слѣдующій примѣръ: въ то время, какъ обыкновенно во всякомъ обществѣ число лицъ женскаго пола превосходитъ число мужчинъ, среди сѣверокавказскихъ переселенцевъ дѣло стоитъ совершенно наоборотъ; такъ, въ станицѣ Новоминской изъ 1,263 «городовиковъ» женщинъ только 546, а мужчинъ 717, т. е. мужчинъ на 33% больше, чѣмъ женщинъ. Всѣ эти одиночки эксплуатируются непосредственно населеніемъ, живя въ работникахъ у тавричанъ, арендаторовъ, коммерсантовъ, кулаковъ и просто у крестьянъ и казаковъ средней зажиточности. Точно также живутъ въ работникахъ и многіе семейные переселенцы, цѣлыми семьями, причемъ обыкновенно эксплуатируется трудъ всѣхъ членовъ семьи, чуть не до грудныхъ дѣтей включительно. Затѣмъ другая часть переселенцевъ живетъ «самостоятельно», поселяясь на частной, удѣльной и т. д. землѣ на извѣстныхъ условіяхъ, или живя въ станицахъ и селахъ, гдѣ они тоже арендуютъ станичную землю, занимаются ремеслами, или добываютъ себѣ пропитаніе на цѣлый годъ, нанимаясь на полевныя работы въ теченіи весны и лѣта, а зимою перебиваясь работишкой, какая подъ руки попадется.

Живущіе въ работникахъ переселенцы получаютъ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, цѣны очень не высокія. 80—120 рублей обыкновенная цѣна годовому работнику; поднимаются цѣны и до 200 рублей, но крайне рѣдко и притомъ за трудъ, болѣе или менѣе специальный—овчару, прикащику и т. д. Женскій трудъ цѣнится еще дешевле. Плата цѣлой семьѣ мало разнится отъ платы взрослому рабочимъ, хотя, какъ я уже сказалъ, наниматели умѣютъ находить работу всѣмъ членамъ нанявшейся семьи. Цѣны на трудъ вообще очень варьируются въ зависимости отъ разнообразныхъ условій: случается, наприимѣръ, что работникъ нанимается съ условіемъ «отходить» на мѣсяцъ «косовицы»; нанимаются рабочіе «съ одеждою» (т. е. хозяйскою) или «безъ одежды»; кромѣ денежной платы работникъ иногда получаетъ право засѣять въ свою пользу десятину хозяйской земли, право выпасти на хозяйскомъ лугѣ нѣсколько головъ скота и т. д. Положеніе такихъ работниковъ почти ничѣмъ не отличается отъ положенія вообще русскаго деревенскаго батрака. У мелкихъ хозяевъ работнику живетъ лучше, чѣмъ у крупныхъ. У послѣднихъ, несмотря на то,

что у нихъ бываетъ по нѣскольکو десятковъ и даже сотни рабочихъ, никакихъ приспособленій для ихъ жилья не полагается; работники живутъ, т. е. спать, гдѣ придется: на дворѣ, подъ навѣсами, въ сараяхъ, хлѣвахъ и т. д. У мелкаго хозяина работниковъ питается тѣмъ-же, чѣмъ и хозяйская семья; у крупныхъ—для работниковъ, конечно, готовится отдѣльно и готовится сѣверно; пища такая-же, какая дается косарямъ. Личныя отношенія хозяевъ къ рабочимъ тоже значительно лучше въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ; въ послѣднихъ практикуются и насилія, и обчитыванія при расчетѣ, и простое «туряніе по шеѣ»... Вообще незавидна жизнь этой части переселенцевъ...

Но не лучше, если еще не хуже, положеніе «самостоятельныхъ» переселенцевъ, поселившихся на частно-владѣльческихъ земляхъ или участкахъ, арендуемыхъ разными лицами у войскъ, казны или удѣла. Положеніе это въ значительной степени напоминаетъ положеніе старой памяти крѣпостнаго права, а во многихъ отношеніяхъ даже значительно хуже. Не смотря на то, что «господа землевладѣльцы» изъ тавричанъ и комерсантовъ приобрѣли земли крайне дешево, разные «арендаторы» арендуютъ войсковую, казенную и удѣльную землю совсѣмъ за безцѣное, они «пускаютъ» къ себѣ переселенцевъ на невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Цѣны, по которымъ достается земля крестьянамъ, сравнительно съ цѣнами, за которыя получаютъ ее «арендаторы», крайне высоки. Положеніе переселенцевъ самое необезпеченное: не только весь строй ихъ жизни, но и самое ихъ пребываніе на мѣстѣ зависятъ отъ воли и даже просто каприза «хозяина». Переселенцы живутъ какъ-бы на бивуакахъ, будучи постоянно готовыми оставить насиженное мѣсто и идти далѣе. Поэтому онѣ не заботятся о прочномъ обзаведеніи: не роютъ колодець, не устраиваютъ запрудъ, ставятъ самыя жалкія постройки—потому что все равно пришлось-бы все бросить.

Чтобы нагляднѣе обрисовать положеніе переселенцевъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, я скажу нѣсколько словъ о порядкахъ, которые сложились во многихъ имѣніяхъ, составившихся изъ скупленныхъ «комерсантами» и «тавричанами» жалованныхъ земель. Здѣсь переселенцы селятся на слѣдующихъ условіяхъ: хозяинъ имѣнія даетъ переселенцамъ одну голую землю; переселенцы должны обработать ее своими средствами—своими орудіями, своимъ скотомъ и своимъ трудомъ, засѣять своими сѣмянами, убрать своими силами и, когда собранный хлѣбъ будетъ уже превращенъ въ зерно, отдать собственнику земли отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ урожая. Но этого мало: по условію, *вся возведенная переселенцами постройки дѣлаются черезъ пять лѣтъ собственностью землевладѣльца.* Тутъ

мы уже видимъ порядки, далеко оставляющіе позади себя всѣ ужасы положенія ирландскихъ фермеровъ. И подобные факты вообще не представляютъ собою исключительнаго явленія. Напротивъ, бываетъ еще хуже. Иногда возстановляются даже вѣдншія формы крѣпостничества: напр., по праздникамъ, арендаторы-переселенцы являются съ поздравленіями къ «барину», роль котораго играетъ разжирѣвшій кулакъ, приносятъ ему и «барынѣ» подарки: лукошко яицъ, кусокъ свиного сала, куделю и пр., получаютъ изъ рукъ «ея степенства» (сажень въ обхватѣ) по чаркѣ водки, даже цѣлуютъ «барскую» руку и т. д. Можно себѣ представить, каково экономическое положеніе переселенцевъ, находящихся въ такомъ полномъ рабствѣ, какой каторжный трудъ несутъ они, въ какой гигиенической обстановкѣ живутъ, каково ихъ нравственное состояніе, какой просторъ открывается здѣсь для проявленій самодурства и всякихъ мерзостей со стороны «хозяина» и т. д.

Подобное положеніе вещей влечетъ за собою нерѣдко очень печальные факты. Приведу одинъ изъ нихъ безъ всякихъ комментариевъ. Около юрты станицы Крыловской, Ейскаго уѣзда, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, поселился цѣлый поселокъ, такъ называемый Средне-Челбомакскій. Поселокъ этотъ образовался изъ переселенцевъ, которыхъ «пустили» арендаторы военныхъ земель, коннозаводчики, получившіе землю на льготныхъ условіяхъ, по 20³/₄ к. за десятину и отдававшіе ее переселенцамъ по 2 и 3 руб. Въ настоящее время поселокъ этотъ насчитываетъ вѣскольکو тысячъ жителей, бѣднѣйшихъ выходцевъ изъ внутреннихъ губерній, преимущественно Харьковской. Опираясь на то, что они прожили на занятыхъ ими земляхъ десять лѣтъ (земскую давность), переселенцы отказываются платить аренду арендаторамъ-коннозаводчикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отказываются переселиться съ занятыхъ ими земель, признавая ихъ своею собственностью и требуя оффиціального закрѣпленія ихъ за собою. Для удаленія этихъ переселенцевъ съ военныхъ земель принимались разныя судебныя и административныя мѣры, но ничто не помогало: переселенцы упорно стояли на своемъ. Одно время, въ 1882 г., хотѣли прибѣгнуть къ мѣрамъ военной эзекуціи, для чего уже были опредѣлены два казачьихъ полка и назначенъ главнокомандующимъ одинъ старый казачій генераль. Экспедиція эта, однако, не состоялась, чему помѣшала, кажется, наступавшая осень, когда дороги Кубанской области дѣлаются совершенно недоступными для передвиженія войскъ, благодаря страшной, невылазной грязи. Въ какомъ положеніи находится это дѣло въ настоящую минуту, мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно...

Положеніе переселенцевъ, поселившихся въ селахъ и станицахъ, тоже не блестящее. Лишенные земли, они находятся въ полной зависимости отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ и даже отдѣльных членовъ ихъ. Выше уже я упоминалъ, что сельскія общества Ставропольской губерніи обложили переселенцевъ за право имѣть усадьбы и пасти скотъ на выгонѣ особымъ налогомъ отъ 10 до 100 рублей въ годъ. Но еще хуже отношенія между обществами и переселенцами въ казачьихъ станицахъ. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 21 апрѣля 1868 г. установило, что «во всѣхъ безъ изъятія казачьихъ войскахъ русскіе подданные невоинского сословія имѣютъ право пріобрѣтать въ собственность существующіе на войсковыхъ, г. родскихъ и станичныхъ земляхъ дома и всякаго рода строенія, на общемъ основаніи, не испрашивая согласія ни войскового начальства, ни городского и станичнаго общества». Затѣмъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, отъ 13 мая 1870 г., установлено, что собственники такихъ недвижимыхъ имуществъ пользуются правомъ содержать свой домашній скотъ бесплатно на выгонахъ, за что они наравнѣ съ казаками обязаны нести общія земскія повинности—постоянную, подводную, содержаніе мостовъ, переправъ, дорогъ и т. д. Эти законодательные акты опредѣлили отношенія между казаками и осѣдлыми переселенцами и поставили нѣкоторую защиту для послѣднихъ. Къ сожалѣнію, воспользоваться этою защитою можетъ только меньшинство переселенцевъ, такъ какъ большинство ихъ не имѣетъ никакой осѣлости и обыкновенно ютится на задворкахъ казачьихъ дворовъ, въ какихъ-нибудь клѣтушкахъ или въ сараяхъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ рѣдкая казачья семья не имѣетъ у себя на задворкахъ такихъ жильцовъ, которые, за право занимать какой-нибудь сарай и за клочекъ земли изъ казачаго «пая», превращаются въ безправныхъ рабовъ пріютившаго ихъ двора, исполняютъ въ пользу его всѣ хозяйственныя работы и даютъ возможность казаку разыгрывать изъ себя барина и предаваться сладкому кейфу.

Приведенныя выше мнѣнія государственнаго совѣта, у лучившія силу обязательнаго для казаковъ закона, очень непопулярны, среди казачества, и при всякой возможности законъ этотъ нарушается станичными обществами. Такъ, часто станичныя общества не позволяютъ «городовикамъ» покупать въ станицахъ недвижимость, сгоняютъ ихъ скотъ съ выгоновъ или заставляютъ платить за каждую штуку скота, наваливаютъ на нихъ исполненіе всѣхъ лежащихъ на станицѣ натуральныхъ повинностей и привлекаютъ къ несенію этихъ повинностей и такихъ переселенцевъ, которые по

закону не обложены ими, именно переселенцевъ, не имѣющихъ осѣдлости, и крестьянъ, пріѣзжающихъ только на заработки. Въ станицахъ можно сплошь и рядомъ видѣть сцены въ родѣ слѣдующихъ. Въ станичномъ правленіи стоитъ крестьянинъ, а лошадь его держитъ десятникъ; это значить, что на крестьянина наваливается исполненіе какой-нибудь натуральной повинности. «Г. атаманъ, просить мужикъ;—я только вчера пріѣхалъ изъ Россіи, дѣти сидятъ безъ хлѣбушка, позвольте купить имъ булку, я сейчасъ поѣду». «Безъ тебя накормятъ», грозно отвѣчаетъ властитель станичныхъ судебъ. Такъ и не пустятъ. Или другая сцена: нужно во дворѣ школы вырыть яму для ретиреда; посылаются десятникъ, который вскорѣ приводитъ двухъ мужиковъ; одного изъ нихъ трясеть сильная лихорадка. Люди эти пріѣхали на покосъ. Это, однако, не помѣшало назначить ихъ на работы, а чтобы не ушли рабочіе, здоровенный десятникъ лежитъ на боку, покуриваетъ и «надзираетъ».

Мойка половъ въ школахъ и церкви во многихъ станицахъ взваливается исключительно на «иногороднихъ» женщинъ. Былъ случай, что женщина, на другой день послѣ мойки половъ въ церкви, родила ребенка; она просила, чтобы ее отпустили, но беременность не была признана уважительной причиною...

Даже священники за крестины, вѣнчаніе, погребеніе и другія требы взмскиваютъ съ «иногороднихъ» больше, чѣмъ съ казаковъ. Тутъ батюшки разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: «казакъ нашъ постоянный плательщикъ, а мужикъ сегодня былъ, а завтра его уже нѣтъ. Ну, а съ паршивой собаки хоть шерсти влозь»...

Вообще отношенія между казаками и «городовиками» крайне обострены. Рознь между этими двумя частями населенія растетъ и увеличивается съ каждымъ годомъ. Многія станичныя общества составляютъ приговоры о выселеніи «городовиковъ» изъ станицъ, ходатайствуютъ о томъ-же передъ начальствомъ, а иногда просто изгоняютъ изъ своей среды всѣхъ «городовиковъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кубанской области дѣло дошло до того, что «городовику» просто небезопасно ходить по станичнымъ улицамъ, такъ какъ каждый станичникъ считаетъ своею обязанностью толкнуть, ударить или, по крайней мѣрѣ, обругать «городовика». Дѣло доходитъ до формальныхъ облавъ на «городовиковъ» и избіенія ихъ, какъ какихъ-нибудь бѣшеныхъ собакъ, причемъ достается даже казакамъ, промѣнявшимъ свой казачій костюмъ на «городовицкую» одежду.

Иногда нападенія на «городовиковъ» и тѣхъ казаковъ, которые заступаются за нихъ, отличаются невѣроятною жесто-

костью, въ которой способно только одичавшее казачество, привывшее безнаказанно издѣваться надъ «городовиками», какъ ему угодно. Вотъ, напримѣръ, какой фактъ имѣлъ мѣсто въ станицѣ Темижбекской, Кавказскаго уѣзда. «Казакъ Иванъ Батаговъ, считываясь съ рабочими людьми, послалъ своего работника въ питейное заведеніе за водкой, чтобы выпить «магарычъ». Работникъ возвратился домой и сказалъ хозяину, что его обидѣли въ кабацкѣ какіе-то два казака. Батаговъ, чтобы не дать въ обиду своего работника, отправился въ кабачекъ самъ. Обидчиками оказались казаки — Дымовъ и Пеньковъ. Батаговъ вступилъ съ ними въ споръ и, махнувъ рукою, нечаянно выбилъ изъ рукъ Дымова рюмку водки. Вслѣдствіе этого, Дымовъ и Пеньковъ, остервенясь какъ звѣри, бросились на Батагова съ крикомъ: «А, ты за мужиковъ стоишь! Мы-жь тебѣ дадимъ!..» и стали безчеловѣчно колотить несчастнаго Батагова. Когда удалось унять драку, то Батаговъ, весь окровавленный, лежалъ полумертвымъ на землѣ, съ откушеннымъ пальцемъ правой руки и переломанными ребрами; состояніе изувѣченнаго почти безнадежно *)».

Я приведу еще одинъ фактъ, чтобы показать, какую безнаказанностью пользуются казаки при своихъ нападеніяхъ на иногороднихъ и какъ эта безнаказанность подстрекаетъ ихъ еще къ большимъ буйствамъ. 22-го августа, прошлаго года, въ станицѣ Брюховецкой, Екатеринодарскаго уѣзда, четыре казака, опредѣленные въ артиллеристы, справляли свой выходъ на службу въ Закавказье и на этомъ основаніи ходили по станицѣ, ища кого-бы побить ни за что ни про что, а такъ себѣ: «на тоби, бісова душа, та знай що мы выходимъ». Попался имъ нѣкій урядникъ Усъ, одѣтый не въ казачье, а въ статское платье, стало быть, человекъ, побить котораго есть всѣ основанія: «не ходы, сякий такий сынъ, по городовицки». И вотъ, одинъ изъ этихъ ревнителей казацкой славы и казацкаго платья, не говоря ни слова, нанесъ сильный ударъ Усу по лицу. Видя, что товарищи напавшаго хотятъ послѣдовать его примѣру, Усъ пустился бѣжать, но былъ нагнанъ и безжалостно избитъ буйными, пустившими въ ходъ всѣ восемь кулаковъ и восемь каблуковъ. Видѣвшіе эту безобразную сцену, нѣсколько иногородцевъ бросились на помощь къ Усу и освободили его изъ рукъ остервенѣвшихъ артиллеристовъ, но уже съ разбитой головой, съ разорванными ноздрями и губами и всего въ крови. Въ это время на мѣсто дѣйствія является станичная полиція въ лицѣ «дежурнаго» (особый станичный чинъ) и

*) „Кубань“, 1882 г., № 37.

нѣсколькихъ казаковъ—полицейскихъ. На просьбу иногородцевъ арестовать главнаго буяна, Марченко, дежурный ничего не отвѣтилъ, а вступилъ въ препирательство съ иногородцами о томъ, имѣють-ли они право вмѣшиваться въ это дѣло, и тѣмъ даль возможность Марченѣ уйти. Когда послѣдній скрылся, дежурный произнесъ: «ну, догонить его и оряштуйте, колы вамъ такъ дуже хочется». Но когда нѣсколько человекъ, отдѣлившись отъ толпы догнали и задержали Марченка, дежурный освободилъ его. Артиллеристы, видя свою полную безнаказанность, присоединили къ себѣ еще нѣсколько товарищей и на глазахъ самаго дежурнаго напали на заступавшихся за Уса иногородцевъ. Произошло настоящее сраженіе: казаки вооружились кинжалами, а иногородцы желѣзными поддосками, шеворнями и револьверами. Битва шла долго; иногородцы засѣли въ торговыхъ лавкахъ, которыя нападающіе и штурмовали, но были отбиты съ урономъ: одинъ изъ нападающихъ былъ раненъ въ голову какимъ-то холоднымъ оружіемъ. Дежурный во все время битвы былъ въ сторонѣ и спокойно ждалъ ея исхода. Когда битва кончилась, нѣсколько иногородцевъ отправились въ станичное правленіе, требуя составленія протокола о случившемся. Бывшій въ управленіи помощникъ атамана составить протоколъ наотрѣзъ отказался, ссылаясь на отсутствіе писаря. Къ счастью, писарь скоро явился, и протоколъ былъ составленъ; но толку изъ этого не вышло никакого. На другой-же день станичный атаманъ протоколъ уничтожилъ и дѣло прекратилъ, да еще пригрозилъ иногородцамъ, что имъ можетъ «влетѣть!» *).

Я ограничусь приведенными фактами, хотя списокъ ихъ можно было-бы удлинить до бесконечности, не выходя притомъ за предѣлы того, что опубликовано въ «Кубани». А, понятное дѣло, въ печать попадаетъ развѣ только одинъ фактъ изъ тысячи, такъ что по опубликованнымъ фактамъ можно составить только *приблизительное* понятіе о положеніи дѣлъ въ станицахъ. Нужно самому пожить въ станицѣ, чтобы прочувствовать весь ужасъ положенія переселенцевъ, имѣющихъ несчастье жить среди казаковъ...

Рознь между казаками и переселенцами грозитъ въ будущемъ очень серьезными осложненіями и затрудненіями въ жизни края. Пока переселенцы робки и покорно переносятъ терроръ, практикуемый по отношенію къ нимъ казаками. Но съ каждымъ годомъ число переселенцевъ растетъ и растетъ чрезвычайно быстро. Уже въ настоящее время въ нѣкоторыхъ станицахъ переселенцевъ столько-же, сколько и казаковъ. Настанетъ день, когда пересе-

*) Ib., № 42.

ленцы сознають свою силу, и этотъ день—если только къ тому времени положеніе дѣлъ не измѣнится къ лучшему — будетъ сопровождаться большими несчастіями для края. Признаки этого грознаго грядущаго уже начинаютъ появляться такъ, напримѣръ, въ одной изъ за-кубанскихъ станицъ Темрюкскаго уѣзда переселенцы отказались платить плату за арендуемая ими у станичнаго общества земли на томъ основаніи, что земля «Божья и Царева», а такъ какъ и они тоже «Божьи и Царевы», то они имѣютъ столько-же правъ на землю, какъ и казаки...

VI.

Когда мы вернулись въ станицу, здѣсь все уже было кончено. Оказалось, что дѣло обошлось безъ приговора, такъ какъ большинство хозяевъ сообразило, что по обстоятельствамъ нельзя не дать косарямъ хорошей цѣны. Казаки предложили цѣну—рубль восемьдесятъ копѣекъ въ день, косари сбавили двугривенный съ своей цѣны, и такимъ образомъ соглашеніе было заключено. По этой цѣнѣ всѣ косари и были разобраны хозяевами, и когда мы пришли на площадь, здѣсь уже началось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ выпиваніе «магарычей». Такъ какъ видъ пьянствующей толпы представлялъ мало интереснаго, то мы направились домой.

Здѣсь насъ уже ждали о. Ниваноръ съ матушкой, чтобы садиться за столъ. Обѣдъ былъ какъ и всѣ обѣды деревенской знати: начинался онъ пирогомъ съ «гусачкомъ», кончался жаренымъ поросенкомъ и состоялъ изъ длиннаго ряда мясныхъ и жирныхъ кушаній. Послѣ обѣда всѣ легли спать, даже Веретьевъ. Мы совѣтовали сдѣлать тоже, говоря, что это очень полезно. Я рѣшился, однако, воздержаться. Но когда я, сидя въ залѣ, молча глядѣлъ на площадь и движущуюся по ней толпу, я невольно поддавался вліянію жары и впалъ въ какое-то полусонное состояніе. Дѣйствительныя сцены, проходившія предъ моими глазами, смѣшивались съ продуктами воображенія, и все это образовало какую-то удивительную чепуху. По деревенскому это значило, что я *перепелъ*. Пробылъ я въ этомъ странномъ состояніи довольно долго и вышелъ изъ него отъ удара по плечу. Предо мной былъ Веретьевъ, успѣвшій уже проснуться и умыться. Онъ объявилъ, что жара немного спала и можно ѣхать на Ивановскіе хутора.

Черезъ нѣсколько минутъ мы отправились и, послѣ часа ѣзды, были на мѣстѣ.

Собственно Ивановскіе хутора ничѣмъ не напоминали всего того, что связано съ понятіемъ о хуторѣ. Хуторъ—это обширное хозяйство одного или нѣсколькихъ членовъ станичной или сель-

ской общины, которымъ тѣсно жить въ станицѣ или селѣ и которые выбрались на просторъ. Хуторянинъ—человѣкъ по преимуществу богатый; у него обстоятельное хозяйственное обзаведеніе, онъ много высѣваетъ, но всего болѣе богатъ онъ скотомъ. Хуторъ и обширное скотоводство—это явленія, неразрывно связанныя между собою. Ничего подобнаго не было на Ивановскихъ хуторахъ. Это были просто десятеа два съ небольшимъ жалкихъ землянокъ, едва возвышавшихся надъ поверхностью земли и очень напоминавшихъ собачьи конуры. Кругомъ не было никакихъ хозяйственныхъ построекъ, — ни сарайчиковъ, ни закутъ, ни базовъ. Не было видно ни скота, ни домашней птицы, ни даже собакъ. Все говорило о такой ужасной, невѣроятной бѣдности, въ самое существованіе которой какъ-то трудно вѣрилось. Обитатели землянокъ были какіе-то мелкіе, исхудалые, желтые; видно было, что много нужды перенесли они и къ довершенію всего всѣ переболѣли лихорадкою. Они глядѣли какъ-то робко, говорили особенно осторожно и мягко, словно боялись каждую минуту обидѣть чѣмъ-нибудь своего собесѣдника. Въ ихъ глазахъ такъ и свѣтилась просьба: «не троньте насъ, ради Бога, —мы люди маленькіе»...

Изъ разспросовъ мы узнали, что переселенцы прибыли сюда еще прошлой осенью. Поселились они на землѣ Иванова (изъ породы «комерсантовъ») на обычныхъ условіяхъ—отдавать половину урожая и, кромѣ того, платить по рублю за каждую голову крупнаго скота и полтинникъ за штуку мелкаго. Зиму они прожили въ тѣхъ-же землянкахъ, какъ и теперь. Какъ они здѣсь жили — это одному Богу извѣстно. Умерло за зиму ровно восемнадцать человѣкъ, что на 22 семьи составляетъ ужасный процентъ. Весною они приступили къ посѣвамъ. Но такъ какъ у нихъ не было никакого скота—послѣднихъ лошадей они продали съ осени, потому что кормить нечѣмъ было,—то они нанимали для вспашки и бороньбы сосѣднихъ казаковъ и потому посѣяли очень мало. Ивановъ, видя, что ему мало поживы отъ «половины» урожая переселенцевъ, наложилъ на нихъ еще особую контрибуцію—по 25 рублей съ землянки, за право «жительства» на его землѣ. Теперь большинство переселенцевъ работаетъ на поляхъ сосѣднихъ станицъ, причѣмъ на уборку хлѣба они думаютъ наниматься не за деньги, а «изъ части» и этимъ путемъ надѣются запастись хлѣбомъ на слѣдующую зиму. Что ожидаетъ этихъ переселенцевъ въ будущемъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности и для нихъ самихъ.

— А что, не хотите назадъ вернуться? спросилъ я одного переселенца;—смотрите, сколько здѣсь васъ перемерло...

— Зачѣмъ назадъ? тоже не отъ сладкаго ушли... Тутъ отъ

лихорадки народъ мретъ, а тамъ намъ съ голоду приходилось умирать—все равно. Тутъ хоть хлѣбушка въ волю ѣшь.

— Да вы откуда?

— Воронежскіе, Нижегородскаго уѣзда, слыхалъ, можетъ?

— Слыхалъ. Что-же у васъ тамъ мало земли было?

— Земли-то? А такъ прямо сказать — въ пригоршню можно собрать землю нашу-то... Вотъ, послухай, что я тебѣ скажу: у насъ въ деревнѣ было тридцать восемь дворовъ, а пахали мы пять десятинъ. Много тутъ хлѣба съѣшь?

— Что-же это у васъ такъ мало земли?

— А ты слухай дальше... Были мы помѣщичьи. Ну, какъ освободились мы изъ-подъ помѣщиковъ, нарѣзали намъ сорокъ десятинъ. Только пятнадцать десятинъ — самый песокъ, даромъ его не нужно, а двадцать десятинъ пошло подъ дворы да подъ выгонъ. Стало быть, пять десятинъ осталось, подъ пахоту-то?

— Пять, вѣрно.

— Вотъ тридцать восемь дворовъ и пахали пять десятинъ,— заработокъ аль нѣтъ?

— Какъ-же вы жили?

— А такъ, промышляли чѣмъ вто умѣлъ. Я вотъ ходилъ къ вамъ на заработки, а иной разъ и за Кубань, подъ Майку *) промахивалъ... А были и такіе, что дома кой-чѣмъ перебивались. У насъ тамъ есть село такое, что въ немъ всё отъ мала до велика, только и знаютъ, что чулки вяжутъ: и дома сидятъ — вяжутъ, и въ гости идутъ — вяжутъ, и ѣдутъ куда-нибудь — все вяжутъ. Кого не встрѣтишь все съ чулкомъ... А то есть деревня, вся, какъ есть, пряжами занимается: надѣлаютъ пряжъ да сюда на ярмарки и привозятъ... Только плохи нынче стали такіе заработки, не прокормишься ими. Вотъ весь народъ и идетъ отсюда сюда... И мы пошли; не пропадать-же! Тутъ и трудно сначала да, дастъ Создатель небесный, потомъ поправимся...

Пожелавъ переселенцамъ отъ души, чтобы ихъ надежды на поправку не оказались тщетными, мы распрощались съ ними и двинулись въ обратный путь.

Было какъ-то жутко и скверно на душѣ отъ всего видѣннаго и слышаннаго. Разговоры не вязались...

Я. Абрамовъ.

*) Майкопъ.

ВДОВА МАРШАЛА.

Романъ Алэна Боккенна.

XIV.

Бѣгство.

Карета остановилась на Амстердамской улицѣ. Ближайшій поѣздъ отходилъ въ девять часовъ. Чтобы не ждать на станціи, они велѣли кучеру ѣхать дальше и долго катались по бульварамъ, чтобы какъ-нибудь убить время. Герцогъ забился въ уголок кареты, боясь, чтобы кто-нибудь не узнавъ его, и рѣшительно не въ силахъ былъ говорить, а она въ душѣ благодарила Бога за побѣду; вѣдь у нея былъ свой, особенный Богъ, услужливый и покладистый, Богъ баронессъ, мстящихъ за обиду.

Когда они вернулись къ вагону, онъ попросилъ ее выйти primero, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли полицейскихъ. Затѣмъ настала трогательная минута прощанія, судя по которому, можно было подумать, что онъ разстается съ нею навсегда.

— Я буду писать вамъ о ходѣ дѣлъ, сказала она, останавливаясь на порогѣ станціонной залы.—Зѣмокъ Белэль, черезъ Прувилъ... Вѣдь такъ, не правда-ли?

Высыпавъ въ его кошелекъ всѣ свои деньги, такъ какъ у него почти ничего не было, она удалилась, лишь только отворили двери.

— Прощай!.. Прощай!

Герцогъ смотрѣлъ ей вслѣдъ и, когда розовыя перья ея шляпы исчезли, наконецъ, на поворотѣ корридора, почувствовалъ въ сторонѣ сердца какую-то пустоту.

Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ купѣ, задернувъ лампу занавѣской, поднявъ до ушей воротникъ своего пальто, закрывъ

глаза платкомъ, и дрожалъ отъ страха до самого момента отъѣзда. Но лишь только поѣздъ тронулся, усталость пересилила тревогу, и онъ заснулъ лихорадочнымъ сномъ, прерываемымъ кошмарами, поминутно вздрагивая и обливаясь холоднымъ потомъ.

На разсвѣтѣ онъ проснулся съ отуманенной головой, рѣшительно ничего не помня. Куда онъ ѣдетъ? Что это значить?.. Онъ тщетно старался припомнить, и въ первую минуту сидѣлъ неподвижно, будто скованный изумленіемъ. Затѣмъ взоры его остановились на дорожномъ одѣялѣ, которое баронесса дала ему на ночь, передъ нимъ мелькнулъ ея образъ, и онъ пролепеталъ:

— Клара!.. Клара!..

А между тѣмъ поѣздъ подходилъ къ Трувилю. Вдругъ на платформѣ какой-то деревенской станціи, чрезвычайно живописной со своимъ маленькимъ кирпичнымъ домикомъ, обвитымъ глициніями, онъ увидѣлъ красныя штаны солдата, который ждалъ поѣзда, держа на плечѣ небольшой, привязанный къ концу палки, узелокъ. И въ одно мгновеніе разсудокъ его пробудился.

— Остановите!.. Остановите! кричалъ онъ.—Я хочу слѣзть.. Мое мѣсто—тамъ... Тысячи проклятій! Герцогъ Варезскій не удираетъ отъ опасности, какъ трусы!

Онъ вскочилъ и въ волненіи расхаживалъ по вагону, какъ заключенный въ клетку звѣрь, жестикулируя, ударяя ногою въ дверцы. Увидѣвъ себя въ зеркалѣ, онъ разразился горькимъ смѣхомъ:—такъ вотъ что осталось отъ герцога Варезскаго! Какое-то блѣдное, истасканное созданіе въ бальномъ костюмѣ!

Онъ сорвалъ съ себя ленточку почетнаго легіона, воскликнувъ:

— Ты не имѣешь права носить ее, негодяй!

Онъ въ безсиліи опустился на скамью и прерывающимся, рыдающимъ, голосомъ принялся бичевать себя отрывочными, оскорбительными фразами, грубыми ругательствами и проклятіями. Какъ онъ могъ рѣшиться на бѣгство. Неужели-же въ немъ не осталось ни капли мужества?.. Ничего?.. Рѣшительно ничего?.. Онъ, сынъ маршала! Ха, ха, ха!.. Онъ не болѣе, какъ раззорившійся кутила, гоняющійся за несовершенномлѣт-

ними дѣвченками, обезчещенный солдатъ, безсердечный мужъ и безсовѣстный отецъ.

Но кто-же заставилъ его уѣхать?

Отвѣтъ промелькнулъ въ головѣ его немедленно вслѣдъ за вопросомъ и, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ, онъ вспомнилъ, что это враждебное существо не кто иной, какъ его любовница, которой онъ такъ безгранично вѣрилъ. И эта тварь рѣшилась покрыть грязью и позоромъ имя того, кого любила!

Закрывъ лицо обѣими руками, онъ плакалъ, и какъ будто все еще боялся разгадать ее окончательно.

Но вотъ, наконецъ, доѣхали до Трувиля; онъ выскочилъ изъ вагона и справился, когда отходить первый поѣздъ въ Парижъ.

— Въ шесть часовъ съ четвертью, отвѣтилъ одинъ изъ кондукторовъ, съ удивленіемъ взглянувъ на этого страннаго путешественника въ бѣломъ галстухѣ.

Приходилось ждать около трехъ часовъ. Онъ рѣшилъ не ѣхать въ Болель и тотчасъ вернуться къ своему боевому посту. Въ ожиданіи поѣзда, онъ сталъ бродить по городу. По дорогѣ его окрикнулъ извозчикъ:

— Не свези-ли въ гостинницу, сударь?

Но онъ продолжалъ подвигаться къ пристани, гдѣ шумно бушевало море, невольно ткнувшее его къ себѣ однообразномъ, методическимъ плескомъ своихъ гладкихъ волнъ, въ которыхъ отражалось хмурое, свинцовое небо.

Порывъ вѣтра заставилъ его остановиться, и онъ вернулся назадъ, боясь поддаться этой жадѣ, сжигающей всѣ его внутренности, этой усталости, этому чувству отвращенія къ самому себѣ, которое теперь, въ эту минуту, заставляло его желать смерти, какъ высшаго блага.—Умереть! Да развѣ онъ имѣетъ право умереть здѣсь?

Онъ, видимо, обращалъ на себя вниманіе. Горожане, толпившіеся на рыбномъ рынкѣ, лавочники, рыбаки выстраивались въ рядъ, чтобы смотрѣть ему вслѣдъ. Прододргнувъ отъ холода, онъ вошелъ въ кафе и спросилъ себѣ стаканъ воды; но даже вода жгла ему горло, какъ огонь.

Тяжелымъ искусомъ было это возвращенное путешествіе въ третьемъ классѣ, съ трудомъ оплаченное всѣмъ, что у него оставалось въ карманахъ. Деньги баронессы онъ бросилъ въ

море вѣстѣ съ ея одѣяломъ, ея письмами и браслетомъ изъ золота и платины, который онъ носилъ на лѣвой рукѣ съ тѣхъ поръ, какъ началась ихъ связь. Закрывшись газетой, ничего не видя отъ набѣгавшихъ на глаза слезъ, онъ по временамъ содрогался при мысли, что его могутъ узнать. Не опоздать къ началу битвы, скрыть свое бѣгство, — вотъ все, чего онъ желалъ теперь. Съ горечью вспоминалъ онъ свою молодость, прошлую славу... Куда она дѣвалась теперь, эта слава! Онъ думалъ о женѣ, о дѣтяхъ, о матери, и, при мысли, что только смерть этой послѣдней можетъ спасти его, невольная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

Въ Парижѣ, почувствовавъ смертельную слабость, онъ купилъ себѣ хлѣбецъ и съѣлъ его въ каретѣ, которая везла его на улицу Гренель. Теперь онъ опять нѣсколько приободрился, какъ будто парижское солнце обладало способностью оживлять его энергію. Подъ развалинами въ немъ шевелилась прежняя натура, и въ глазахъ сверкнулъ даже прежній надменный огонекъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ цѣли, его опасенія постепенно разлетались подъ дуновеніемъ роднаго парижскаго вѣтра, какъ разлетаются сѣмена одувячника подъ дыханіемъ ребенка. Онъ машинально раскрылъ утреннюю газету — «Комаръ». Онъ купилъ ее, выходя изъ вагона, подъ вліяніемъ странной страсти челоуѣка, играющаго роль въ общественной жизни, видѣть свое имя въ печати, — страсти, которая заставляетъ его испытывать нѣкоторую долю наслажденія даже подъ ударами самой ѣдкой критики. Герцогъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ пробѣгалъ газету, перескакивая съ столбца на столбецъ... Вдругъ пальцы его судорожно схватились, скомкавъ всю страницу.

— Подлецы! негодяи! воскликнулъ онъ.

Вся исторія его бѣгства была уже отпечатана съ комментаріями и надлежащею примѣскою грази. Причина? — Банкротство, осложнившееся дѣломъ о растлѣніи малолѣтней. — Цѣль? Перескочить черезъ границу, не столько ради избѣжанія скаманды, сколько для того, чтобы спастись отъ преслѣдованія полиціи. Имени, разумѣется, не было; но развѣ это имя не скрывало на каждой строчкѣ. Такъ вотъ зачѣмъ добивались

его отъѣзда! Вотъ зачѣмъ баронесса такъ старалась уговорить его! Какая низость! Такъ, стало быть, она...

— Мерзавка!..

Необыкновенное стеченіе экипажей, по случаю возвращенія камеръ, остановило его карету на мосту «de la Concorde». На правомъ тротуарѣ маленький раздушенный брюнетъ въ желтыхъ перчаткахъ, со стеклышкомъ въ глазу, разглагольствоваль среди окружавшей его группы. Увидѣвъ его, герцогъ быстро опустил оконную занавѣску. Какой позоръ! Не долѣе, какъ пять мѣсяцевъ тому назадъ, герцогъ среди улицы ударилъ тростью этого самого господина, автора знаменитой статьи въ «Комарѣ» и всей этой шантажной компаніи, которая велась противъ него въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Онъ завѣдомо жилъ на содержаніи у Превиль, онъ-же, вѣроятно, написалъ и рассказъ о бѣгствѣ; и этого-то жалкаго негодяя теперь боялся герцогъ! Онъ закрылъ глаза и мысленно измѣриль всю глубину своего паденія.

У подъѣзда его дома стоялъ швейцаръ, важный и великолѣпный, въ своей богатой дивреѣ съ сверкающими гербовыми пуговицами и галунами;—и лицо герцога покрылось краскою стыда, когда этотъ лакей сналъ шляпу передъ нимъ, развѣнчаннымъ.

Онъ подыалъ отвороты своего пальто, чтобы скрыть измятую рубашку и свалывшійся въ веревку бѣлый галстухъ, а, проходя по двору, невольно обернулся и посмотрѣлъ на окно флигеля, откуда теперь только и могло прійти спасеніе. Но нѣтъ, отъ матери нечего ждать помощи! Да, впрочемъ, еслибы даже и оставалась эта надежда!.. Развѣ теперь уже не поздно? Вѣдь битва уже проиграна, и остался только одинъ выходъ,—могила.

Окончательно разбитый и уничтоженный, склоняя голову надъ безопаснымъ взглядомъ Гонорины, которая смотрѣла на него, стоя у одного изъ оконъ, онъ поспѣшилъ скрыться за дверью и осторожно, безъ шума, какъ воръ, сталъ подниматься по лѣстницѣ. На площадкѣ антресоля онъ остановился. Нѣтъ, Шанталь уже не сидѣла за фортепяно, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера подѣловаль ее, прощаясь и уже предчувствуя грядущую бѣду.

— Быть может, она умерла... подумаль онъ. — И я—ея убійца!

Онъ быстро поднялся до слѣдующаго этажа и заперся въ курильнѣ.

— Ну, теперъ нечего терять время, сказалъ онъ; — пора готовиться въ путь.

Присѣвъ возлѣ стола, онъ быстро, быстро началъ писать, не перечитывая, и даже скрипъ пера его звучалъ безнадежно, уныло, какъ хрипѣнье умирающаго. Затѣмъ онъ надписалъ адреса:—*Его Превосходительству, господину Военному Министру, Генералу Сальмону, Ея Превосходительству вдовствующей герцогини Варезской, Герцогини Варезской Баронессъ Симе, Господину Варонъ-Бею.* Въ каждомъ изъ двухъ послѣднихъ писемъ было всего по одной строчкѣ, но зато какія это были пощечины!.. Онъ взялъ въ руки портретъ дочери и поцѣловалъ его, скользнувъ равнодушнымъ взглядомъ по всѣмъ этимъ связкамъ векселей, повѣстоѣ и счетовъ, которыми былъ заваленъ его столъ.

Затѣмъ онъ перешелъ въ свою комнату. По кокетству, свойственному ему, какъ красивому мужчинѣ и солдату, онъ и умереть хотѣлъ въ полной парадной формѣ. Облекшись въ свой блестящій мундиръ, надѣвъ на голову шитое золотомъ кепи и накинувъ на плечи доломанъ, онъ перебралъ и уложилъ въ ящичекъ свои ордена, зажегъ пучекъ надушенныхъ писемъ и сувенировъ, закурилъ отъ него папироску и вернулся въ курильню, насвистывая маршъ своей бригады.

— Я имъ покажу, какъ умираетъ герцогъ Варезскій! сказалъ онъ.

Приподнявъ кепи передъ портретомъ герцогини, онъ снялъ со стѣны револьверъ и сталъ заряжать его; но въ эту минуту чья-то маленькая ручка прикоснулась къ его плечу, и рыдающій голосъ, проникшій до самаго сердца его, вымолвилъ:

— Папа!

XV.

Шанталь.

— Не плачь! умоляю тебя, — не плачь!... Я такъ несчастливъ!

Онъ опустился возлѣ нея на колѣни и, цѣлуя ее, лепеталъ прерывающимся голосомъ:

— Нѣтъ! дорогая моя... Нѣтъ! я не покину тебя... обещаю тебѣ!.. Не плачь-же!.. перестань!.. Да, я люблю тебя... люблю васъ всѣхъ!.. Я поступалъ, какъ сумасшедшій... это правда! Вѣдь вы у меня остались... я забылъ объ этомъ... а...

Шанталъ поднялась съ дивана, на который опустилась.

— Вы не умрете? сказала она.—Правда?.. Даете слово?..

Зубы ея стучали, и она вся дрожала при мысли, что безъ нея, если-бы какое-то смутное предчувствіе не привлекло ее въ эту курильню, лишь только она вернулась съ дѣдомъ изъ Пасси,—«красавца-герцога» теперь-бы уже не было на свѣтѣ.

— Скажите: «клянусь!» настаивала она.— Да говорите-же... умоляю васъ!

Стоя возлѣ него, она теперь наклонилась; обвила его нкою обѣими руками и, глотая рыданія, ласкалась къ нему, ласкала его, уговаривала, какъ ребенка.

— Клянусь!

— Говорите: клянусь Христомъ..., который умеръ... ради грѣховъ нашихъ... моею матерью... памятью отца моего, который слышитъ меня на небесахъ...

И онъ, покорный, вполне подчиняясь ей волѣ, повторялъ, какъ эхо:

— Клянусь Христомъ... который умеръ... ради грѣховъ нашихъ... моею матерью... памятью отца моего, который слышитъ меня на небесахъ...

— Хорошо! Встаньте!.. Папа, слышите,—встаньте!

Она невольно чувствовала, какъ теряетъ уваженіе къ отцу, видя его такимъ униженнымъ, придавленнымъ, и, хотя причина этого униженія ей и не была известна, она поняла, что поправить бѣду невозможно.

— Ну, папа... встаньте-же! Да не плачьте!.. Вы видите, вѣдь я не плачу... Вы теперь опять съ нами... и все пойдетъ хорошо!.. Вотъ велика бѣда, что мы будемъ немного бѣднѣе прежняго!.. Скорѣй, пойдите къ мамѣ!.. Она такъ перепугалась. Послѣ вашего отъѣзда пришла цѣлая толпа всякихъ людей, которые принялись кричать... Она тамъ, въ маленькой гостиной, съ дѣдушкой... Но сначала обращайтесь мнѣ исполнить одну просьбу... О! вы должны обещать мнѣ это! приба-

вила она, стараясь улыбнуться сквозь слезы.—Общайте мнѣ не говорить нѣтъ, если Баронъ-Бей...

— Никогда! воскликнулъ онъ.—Никогда!

Онъ вдругъ выпрямился, выросъ, словно переродившись, и звонкимъ, грознымъ голосомъ выкрикнулъ эти два слова, подчеркнувъ ихъ краснымъ жестомъ.

— Но вѣдь я знаю, что онъ меня любитъ, продолжала она;—да и я тоже лю....

Она не договорила. Къ чему? Неужели-же-бы онъ повѣрять этой лжи!

— Прошу васъ, продолжала она. — Прошу васъ очень... очень... И затѣмъ, уже шепотомъ, подкрѣпляя свои слова объятіемъ, какъ будто для того, чтобы подавить въ немъ послѣднія остатки вѣры, она прибавила:—это необходимо!.. Это необходимо!..

Онъ повторилъ: — «никогда!»—и отвернулся, смущенный этимъ ласкающимъ взглядомъ, который проникалъ ему въ душу.

— Молчите! сказала она, зажимая ему ротъ рукою, и выйдя съ тѣмъ неволью обернулась, содрогаясь при мысли, что кто-нибудь могъ подслушать ихъ разговоръ.

Затѣмъ, уже не настаивая, утѣренная въ побѣдѣ, она указала ему на его комнату.

— Переодѣньтесь, сказала она. — Впрочемъ, можетъ быть, вы предпочитаете остаться въ вашемъ марядномъ мундирѣ...

Изъ предосторожности она осталась у двери и прислушивалась, а потомъ, вспомнивъ, что изъ спальной есть еще другая дверь, въ корридоръ, побѣжала къ ней и принялась раскачиваться между этими двумя выходами, мѣрными шагами, какъ часовой. Слезинки дрожали въ ея растрепавшихся волосахъ, спускавшихся на лобъ, какъ усыпанный алмазами тонкій газовый вуаль, и подъ крупными складками суконнаго лифа грудь ея колыкалась, какъ будто отказъ этотъ глубоко огорчилъ ее, — какъ будто сердце ея рвалось къ тому, съ кѣмъ воля отца насильно разлучала ее.

Герцогъ вернулся въ гражданскомъ платьѣ, осунувшійся, сгорбленный, неузнаваемый, кожа обвисла дряблыми складками на щекахъ, подъ подбородкомъ, а глаза, среди раскраснѣвшагося, возбужденнаго лица, окруженные пучками узень-

кихъ морщинъ, тусклые и безцвѣтные, были похожи на старыя, стертые серебряныя монеты.

Они пошли рядомъ вдоль корридора; онъ едва волочилъ ноги и, казалось, съ каждымъ шагомъ готовъ былъ упасть; слезы подступали къ его глазамъ при мысли, что Шанталь ведетъ его подъ-руку.

— Сюда, сюда! Вы не узнаете комнату!

Нѣтъ, онъ не узнавалъ ихъ.

Въ смежной съ его комнатою маленькою гостинной герцогиня, сама встревоженная до крайности, утѣшала своего отца, который плакалъ. Да, старый паликаръ плакалъ, хотя на этотъ разъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, натянулъ свѣжія перчатки и, вообще, такъ принарядился, будто собрался на свадьбу или, по крайней мѣрѣ, на похороны. Впрочемъ, онъ плакалъ, закрывши лицо шляпою, такъ какъ, согласитесь, видѣть паликара...

При появленіи герцога, жена его встала и, улыбаясь, сказала, не обнаруживъ упрека даже взглядомъ:

— Какъ вы добры, что вернулись!

Онъ ничего не могъ отвѣтить и тщетно старался подобрать какую-нибудь гнѣзную фразу, что-нибудь, достойное этой всепрощающей кротости. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ подвелъ Шанталь къ матери и рыдающимъ голосомъ проговорилъ:

— Обнимите ее, обнимите!..

Поклонившись Баккарису, онъ опустился на кресло и сидѣлъ на немъ неподвижно, привставъ на минуту только для того, чтобы заключить въ объятія Франсуа, котораго привела Шанталь, думавшая, что всею семьею имъ легче будетъ бороться. И, будто догадавшись, чего отъ него требуютъ, ребенокъ повисъ на шеѣ отца и долго сидѣлъ, прижавшись къ нему.

Отъ времени до времени входилъ слуга съ бумагами, или съ визитными карточками любопытныхъ, соболѣзнующихъ посѣтителей, которые тщетно пытались проникнуть къ хозяйкамъ, не принявшимъ въ этотъ день никакихъ визитовъ. Герцогиня читала вслухъ имя, и затѣмъ всякій снова погружался въ свои думы.

Послѣ обѣда, въ продолженіи котораго почти не прерыва-

лось тяжелое молчаніе, прїѣхалъ маркизъ де-Буажеле со своею роскошною, тщательно расчесанною бородою, безстрастный и скучный подъ своею личиною безупречной степениности. Онъ извинился за жену, которая непременно-бы прїѣхала, если-бы не принуждена была остаться со старою герцогинею, очень потрясенною извѣстіемъ о «несчастіи». Затѣмъ онъ пустился въ соболѣзнованія, напоминая отрывки изъ похоронной рѣчи, холодныя, пустыя и напыщенныя, какъ онъ самъ.

Баккарись удалился не простившись, по-англійски; присутствіе зятя, передъ которымъ онъ робѣлъ даже теперь, послѣ его паденія, положительно стѣсняло его! На самые необходимые расходы онъ оставилъ дочери чекъ въ сто тысячъ франковъ на имя своего банкира, — ровно половину того, что у него оставалось, помимо коллекцій. Вѣдь ему ужъ не въ первый разъ приходилось платить долги зятя.

Вскорѣ послѣ маркиза въ комнату, какъ пупечное ядро, влетѣлъ генералъ Сальмоць. Старикъ былъ въ самомъ свирѣпомъ настроеніи духа; онъ цѣлый день разѣзжалъ по парижскимъ мостовымъ, тщетно розыскивая герцога. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался; а баронесса, единственное лицо, которое могло дать насчетъ этого какія-нибудь указанія, дѣлала видъ, какъ будто ни о чемъ не имѣетъ понятія.

— Ахъ, разбойникъ! крикнулъ онъ еще въ дверяхъ. — Какъ! Мы думаемъ, что ты ужъ на томъ свѣтѣ, а ты имѣешь еще дерзость существовать?.. Прошу извинить меня, сударыня, но развѣ позволительно такъ издѣваться надъ генераломъ артиллерійской дивизіи, Сальмономъ, изъ Меца... сенаторомъ... бывшимъ министромъ?.. Помилуйте? заставить меня напрасно скакать въ моргу!... Тысяча милліоновъ проклятій!..

Усѣвшись и не замѣчая маркиза, онъ прибавилъ угрожающимъ тономъ:

— Знаешь, ты долженъ мнѣ 17 франковъ 85 сантимовъ за извозчиковъ... Ахъ, здравствуйте, маркизъ! Извините, пожалуйста... я васъ не узналъ.

Подѣловавъ Шавталь и потрепавъ по щекамъ Франсуа, онъ подскѣлъ къ герцогу и долго шептался съ нимъ о чемъ-то, дѣлая отмѣтки въ громадномъ бумажникѣ.

Маркизь опять произнесъ длинную, краснорѣчивую фразу, уснащенную всякими надеждами: дѣла непременно поправятся; — онъ не сомнѣвался, что вдова маршала...

— Ну, а я такъ сомнѣваюсь! вмѣшался генераль Сальмонъ. — Я сомнѣваюсь, маркизь, и не подержу пари ни на одинъ сантимъ... застѣдѣ!.. Да-съ, ни на одинъ сантимъ... Но не бойтесь! Ужь я ее встряхну!

— Повѣрьте, дорогой мой, продолжалъ маркизь, — что я, точно такъ-же, какъ и остальные ваши друзья, не повѣрялъ ни единому слову изъ пасквили, напечатанной въ этой газетѣ... Честь вашего имени неприкосновенна!..

— И вы совершенно въ этомъ увѣрены, маркизь?

— Помилуйте...

Затѣмъ, обращаясь къ герцогинѣ, онъ сказалъ вполголоса:

— Вы знаете, что онъ любить ее по-прежнему и что... если-бы Шанталь захотѣла...

Герцогиня съ удивленіемъ посмотрѣла на мужа и на Шанталь, которая молча слушала, сидя въ углу гостиной.

— Вы говорите о господинѣ Варонъ-Беъ, маркизь? сказалъ генераль Сальмонъ. — Могу только подивиться, какъ у васъ хватило духу заговорить о немъ здѣсь... Если этотъ мерзавецъ попадетса мнѣ когда нибудь подъ руку... вмѣстѣ со своею баранесою, то будь я проклятъ, если...

— Полно-те, генераль! прервалъ его герцогъ, который нысалъ что-то за столомъ; — вѣдь вы знаете, что я никогда не отдамъ дочь этому негодяю...

Въ голосѣ его уже слышалась самоувѣренность прежнихъ дней; онъ видимо успѣкоился въ семейной атмосферѣ, въ этомъ тѣсномъ интимномъ мирѣ, весь горизонтъ котораго едва выходилъ за предѣлы свѣтлаго круга подъ лампою.

— Прощайте, дорогой! Кланяйтесь Матильдѣ! сказалъ онъ маркизу, который собрался уходить.

Герцогиня, утомленная безсонной ночью, задремала подъ монотонныя звуки дѣловыхъ разговоровъ, а Шанталь, воспользовавшись этимъ, тихо вышла изъ комнаты, обнявъ долгимъ, печальнымъ взглядомъ дорогихъ своихъ домашнихъ.

Она отослала горничную и, растворивъ окно, облокотилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ точно такъ-же стояла, обло-

вотышишь, утромъ. Воздухъ былъ душень, какъ передъ грозою; заснувшій садъ какъ будто раздался, расширился съ наступленіемъ вечера; ограждавшія его стѣны, казалось, далеко, далеко отодвинулись, чтобы дать ему просторъ; на луговинахъ, окаймленныхъ свѣтлыми аллеями, словно большіе, черные зонтики, неподвижно стояли деревья; далье, при блѣдномъ полусвѣтѣ, видѣлись неясныя очертанія какихъ-то строеній, а наверху разстилалось темно-лиловое небо, усыпанное клубами грязно-сѣрыхъ облаковъ, края которыхъ казались окаймленными серебряною бахромою, сотезанною изъ лучей скрывавшейся гдѣ-то луны.

Надъ самымъ садомъ, въ свободномъ промежуткѣ между разорванными облаками, какъ въ широко раскрытой глазницѣ, дрожала звѣздочка.

Издали слышался шумъ голосовъ, напоминавшій гудѣніе большого сосуда, который непрерывно то наполняется, то снова опорожняется; по временамъ порывъ вѣтра, пронесеннаго по лѣсу, шевелитъ вѣтви акацій и тревожитъ криотившикс на нихъ пташекъ, водивавшихъ жалобный чистъ.

Куда дѣвались розовыя, голубыя надежды, волновавшія ее утешь? Куда дѣвались божественная гармонія ея восторговъ, чудныя симфоніи, въ которой небесныя звуки сливались съ ея глазами, съ музыкою души ея?.. Все такъ торжественно, вездѣ точно праздничная обстановка, — и въ саду, и тамъ, на бульварѣ Бесежуръ, гдѣ ихъ уже ждетъ бронзовая триумфальная колесница, на которой они поблутъ въ церковь. — Ей даже чудилось, что она слышитъ звуки органа и, путая въ мечтахъ своихъ христіанскіе обряды съ древними языческими, она видѣла тамъ, вдали, у подножія храма, среди толпы жрецовъ, гіерофанта въ бѣломъ облаченіи. Между гирляндами, которыми былъ украшалъ алтарь, видѣлось багряное пламя, отъ шлепта голубинныхъ крыльевъ, пальмовыхъ и оливковыхъ вѣтокъ вѣяло прохладой, подъ голубымъ небомъ тянулась процессія дѣвъ, которыя усынали путь ихъ розами и пѣли:

— Слава и счастье брачной четѣ!

И вдругъ храмъ съ трохотомъ обрушился, бурный вихрь унесъ съ собою и розы, и процессію, и мечты. Нѣтъ большіе ни Элевзини, ни триумфальной колесницы, ни танатріекъ. Никогда уже не увидѣтъ ей своихъ смутныхъ терракотовныхъ

пріятельницѣ, никогда не услышать, какъ плещется въ стаканѣ маленькая акварельная кисточка.

— Прощайте, мои дорогія танагрійки, прощайте!

Имъ пришлось-бы идти въ неволю, въ черную, мрачную лавку какого-нибудь купца. Да и этого, вѣроятно, не хватило-бы, чтобы выкупить честь отца.

— Бѣдный дѣдушка! прошептала она.—Это-бы его убило.

Она закрыла лицо руками; между пальцами пробивались рѣсницы, на которыхъ еще не совсѣмъ высохли недавнія слезы, и, не смотря на застилавшую глаза преграду, она видѣла его, въ тотъ день, когда онъ спасъ ее, и, набравшись послѣ этого храбрости, сказалъ наконецъ:—«Я васъ люблю!»

Она въ волненіи бросилась на колѣни передъ мадонной и затнула себѣ уши пальцами, но въ воздухѣ все такъ-же отчетливо звучалъ его голосъ, слышались слова:—«Я васъ люблю!», сопровождаемая страстною пѣсней Атины, мурлыканьемъ Перикла и серебристыми «пиччатато» фонтана. Какъ она ни старалась отогнать отъ себя эти грезы,—все было тщетно; благоуханіе сирени, запахъ плюща опьяняли ее, и все живѣе, все ярче, рисовались передъ нею образы прошлаго, все на-стойчивѣе осаждали ее воспоминанія объ этомъ элевзинскомъ завтракѣ, на который нежданымъ гостемъ явился богъ любви.

Ей стало душно, и она снова подошла къ окну, но и тамъ благоуханіе сада и душный ночной воздухъ туманили голову.

Гроза быстро надвигалась, и первые оторванные хлопья облаковъ уже скользили по крышамъ домовъ. Ударъ грома раздался вдали, и раскаты его постепенно замерли, какъ мурлыканье кошки или воркованье голубя.

О, зачѣмъ она еще любить его! Это грѣшно! Но что-же ей дѣлать? Теперь, когда она такъ нуждается въ храбрости, по какому праву отнялъ онъ у нея сердце?

— О, возврати мнѣ его! воскликнула она громко, обращаясь къ звѣздѣ.

И звѣзда не знала, о комъ она говоритъ,—о мамѣ, или о сердцѣ.

Неблагодарный! Вздумалъ драться на дуэли! Развѣ имѣешь право драться, когда любишь? Какъ это странно! Онъ такой скромный, почти робкій,—несмотря на свой драгунскій мундиръ,—такой серьезный, вѣчно погруженный въ свои ученія

книги, никогда почти не разлучающійся со своею тактикою и трубкою... да, съ трубкою... Ну, положимъ, съ этою трубкою впоследствии она-бы сьумѣла разлучить его... Какимъ образомъ онъ могъ запутаться въ эту дуэль? Онъ не участвовалъ ни въ одномъ клубѣ, обѣдалъ въ Cafe'd'Orsay съ двумя товарищами, которые тоже не отличались воинственнымъ задоромъ. Какъ-же это случилось? Вѣроятно, его провоцировали... Но не изъ за нея-же, разумѣется!.. Злой!.. Какъ онъ смѣлъ драться безъ позволенія... даже не простившись съ нею!.. Вѣдь въ такихъ случаяхъ никогда нельзя сказать навѣрное, останешься-ли живъ; или нѣтъ.

Теперь она уже не отгоняла этихъ мыслей и отдалась имъ вполне. О, да, она любить его и, несмотря на эту дуэль, по-прежнему вѣрить въ него. Ахъ, Боже мой.. дуэль!.. Можетъ, быть, онъ тутъ совсѣмъ и не виноватъ... Человѣка могутъ оскорбить, и ему поневолѣ приходится драться, если онъ не трусь... А что Андре не трусь,—это ужъ она знаетъ.

Вдругъ, какъ тяжелый камень, придавила ее мысль, что она уже никогда больше не увидитъ его... Нѣтъ, никогда, никогда! Вѣдь она выходитъ за другого!.. И за кого еще! За Варонъ-Бея! Вѣдь нужно-же спасти отца, который не хочетъ, чтобы его спасали, который считаетъ для себя унижительнымъ, чтобы маленькая, ничтожная Шанталъ спасла его честь!.. О, эти генералы такіе гордые!.. Ну, да ничего, она сьумѣетъ его принудить.

— Да, вздохнула она, глядя на звѣзду, которая въ это мгновеніе исчезала за облакомъ,—да, это необходимо! Бабушка Тина сама сказала сегодня утромъ.

И звукъ ея собственнаго голоса заставилъ ее вздрогнуть, какъ будто говорила не она, а кто-то другой, обрекавшій ее на эту жертву.

Но недавнія колебанія и сожалѣнія уже исчезли безъ слѣда; она отдалась вдохновенному мистическому порыву, полная непоколебимой вѣры, преображенная. Ей стало ясно, что Богъ, возвратившій ей отца, требуетъ теперь, какъ искупительной жертвы, ея собственной жизни, которую она сама предлагала ему въ это утро.

— Я готова! сказала она.—Бери ее, Господи!

Но, несмотря на все, гдѣ-то въ глубинѣ души еще тепли-

лась надежда, свойственная молодости. Кто знает, — можетъ быть, и теперь, какъ тогда, на горѣ, у горящаго костра, надъ которымъ сверкать уже обнаженный мечъ, раздастся голосъ ангела: — «Авраамъ! Авраамъ!..» И тѣнь улыбки скользнула по ея устамъ; она улыбалась свѣтлому видѣнію, этому блѣдному, розовому серафиму, который такъ удивительно походилъ на Андре.

А гроза надвигалась все ближе, тучи сгустились, сблизились, и звѣздочка скрылась; налетѣлъ вѣтеръ и принялся неистово трепать и ломать вѣтви деревьевъ, сквозь которыя, когда онѣ отклонялись подъ дуновеніемъ вѣтра, видны были блѣдныя ленты аллей. Птицы тревожно щебетали, листья шелестѣли, по временамъ раздавались глухіе раскаты грома, — стоявшій въ воздухѣ шумъ напоминалъ собою гулъ далекаго сраженія. Вотъ сверкнула молнія, на мгновеніе зажившая своимъ блѣгмъ свѣтомъ лужайки сада, и Шанталь затрепетала, думая, что это посланный Богомъ ангель.

Она вернулась къ мадоннѣ и, снова объятая страхомъ, въ отчаяніи лепетала, склонившись передъ Дѣвою:

— Святая Марія, Божія Матерь!.. Святая Марія, Божія Матерь!..

Затѣмъ, успокоившись, она опять приблизилась къ окну и на вѣсахъ разума стала взвѣшивать свою жизнь. Развѣ она стояла сожалѣнія! Гдѣ же спокойныя и безмятежныя радости? Гдѣ счастливыя, безпечальныя дни, которые бѣжали-бы по жизненной дорогѣ, похожіе другъ на друга, и свѣтлыя, какъ стадо бѣлыхъ ягнятъ? Ни отецъ, ни мать ея не знали такихъ радостей, не знали такихъ дней. Сколько тайныхъ слезъ отравляли минуты счастья!.. И она, какъ мученица, готовящаяся принять свой терновый вѣнецъ, стала предвкушать то наслажденіе, которое дастъ ей самопожертвованіе. Она поставитъ на ноги отца, возвратитъ его имени прежній блескъ, — и въ этомъ будутъ заключаться всѣ его радости. Къ тому же вѣдь его имя принадлежитъ не только ему, а отчасти и ей самой. Что за бѣда, что придется отдаться этому человѣку, вынести его ласки, когда только такою цѣною можно выкупить честь отца, когда только эти вынужденныя ласки могутъ стереть съ нея пятно позора. Наконецъ, если дѣвственныя плечи ея осядутся не въ силахъ вынести на себѣ тяжелое бремя, то развѣ потомъ когда

жертва будет принесена, но останется послѣдній выходъ— смерть, за порогомъ которой встрѣчаются всѣ?

На часахъ пробило половина одиннадцатаго.

— Скорѣе! сказала она;—завтра, быть можетъ, уже поздно будетъ.

Она затворила окно, зажгла свѣчи и стала одѣваться, кокетливо подбирая самые эффектные цвѣта и платья. Главное— необходимо было поправиться этому человѣку! Прежде всего глаза! Она такъ много плакала. Потомъ щеки! Она слегка подрумянила ихъ и, поднявъ руки, въ живописной позѣ каріатиды, стала приводить свою куафюру, пытаясь улыбаться и придавать лицу веселое, любезное выраженіе. Обхвативъ руками талью, прищуривъ глаза, она вертѣлась передъ зеркаломъ и охорашивалась.

Какимъ могильнымъ холодомъ, какимъ ужасомъ отчаянія вѣяло отъ этого послѣдняго туалета жертвы, отъ этого снаряженія къ бою, роковому и безнадежному!

Она долго смотрѣлась въ зеркало. Изящный станъ ея былъ обтянутъ голубымъ шелковымъ лифомъ съ серебряными пуговицами, на головѣ дрожала легкая соломенная шляпа... А что, если онъ уже не захочетъ взять ее? Дрожь пробѣжала по ея тѣлу при этой мысли. Затѣмъ опустившись еще разъ на колѣни, она послала прощальный поцѣлуй маленькой музыкантшѣ, такъ нѣжно манившей ее своею двойною флейтою, и вышла.

На лѣстницѣ не было огня, и она ошущью поднялась въ слѣдующій этажъ, дрожа отъ страха при мысли, что ее могутъ застать. Передъ дверью отца она остановилась и услышала, что онъ ходитъ по комнатѣ. Успокоившись, она спустилась въ садъ, стараясь оставаться въ тѣни. Она захватила съ собою ключъ отъ маленькой рѣшетчатой калитки, выходящей на улицу Вареннъ, и болѣе четверти часа билась, тщетно стараясь отпереть ее. О, неужели-же всѣ планы ея разобьются объ это жалкое препятствіе? Наконецъ, напрягну всѣ свои силы она повернула ключъ въ заржавѣвшемъ замкѣ.

На улицѣ она пустилась бѣжать. Гроза разсыпалась, вѣтеръ отогналъ тучи къ востоку и та-же дрожавшая звѣздочка выглядывала между облаками, словно глазъ изъ поднахмурен-

ныхъ бровей. Добѣжавъ до угла улицы Бельшась, Шанталь подняла голову и послала въ воздухъ поцѣлуй.

— Прощай! сказала она звѣздѣ.

XVI.

Продается дѣвушка.

Шанталь спѣшитъ къ своему избраннику. На звонкомъ тротуарѣ заснувшихъ улицъ далеко слышны частые, легкіе звуки ея торопливыхъ шаговъ. Спокойная, готовая на все, она идетъ, безъ слезъ опутивъ глаза, скрестивъ на груди руки. Она идетъ впередъ, оставивъ за собой неотвязныя печали, которыя, какъ похоронный звонъ, напоминали о покинутыхъ радостяхъ; она идетъ и только изрѣдка поводитъ плечами, какъ будто стараясь сбросить послѣднія, запоздавшія сожалѣнія, и съ каждымъ новымъ шагомъ яснѣе становится ея взглядъ, свѣтлѣе—ея мысль. Шанталь спѣшитъ къ своему избраннику.

Шанталь спѣшитъ къ своему избраннику. Ночь ясна, какъ душа ея; Сена, словно стальная лента, блещетъ между своими бѣлыми набережными, вдоль которыхъ тянутся вереницы огоньковъ; луна, какъ золотая точка, сіяетъ надъ высокимъ, блескватымъ і обелиска. Надъ поверхностью скользятъ легкіе, полупрозрачные хлопья тумана, розовые, лиловые отливы дрожатъ на каменныхъ фасадахъ, розовые, лиловые отливы бѣгутъ по граниту набережной. И съ легкимъ сердцемъ, пустымъ, какъ опороженная коница, съ свободною памятью, не обремененною ни одною мыслью — Шанталь спѣшитъ къ своему избраннику.

Шанталь спѣшитъ къ своему избраннику. На мосту „de la Concorde“ проѣзжающая мимо запоздавшая карета заставляетъ ее обернуться. Она вздрагиваетъ, какъ будто испугавшись погони, и еще больше ускоряетъ шаги. Направо, налѣво, полныя движенія и шума, тянутся Елисейскія поля; полосы яркаго свѣта пронизываютъ зеленую листву деревьевъ, вдоль шоссе, какъ свѣтляки, несутся огни фонарей. Она старается держаться въ сторонѣ, подъ тѣнью дикихъ каштановъ; дыханіе ея ровно, поступь тверда, только въ горлѣ немного пересохло. То тамъ, то здѣсь скользятъ такія-же тѣни, на ска-

мейкахъ, на стульяхъ замѣтно движеніе, слышится болтовня, а она все идетъ, да идетъ... Чѣмъ дальше она подвигается, тѣмъ легче у нея становится на душѣ; ей кажется, что самый воздухъ, которымъ она дышетъ, чище, что въ немъ розлито какое-то особое, тонкое благоуханіе. Да, легка и пріятна дорога, ведущая къ тому, кого любишь!—И мало по малу, подъ тактъ своему лихорадочному пульсу, она ускоряетъ шагъ, какъ будто подъ звуки военной музыки, играющей съ удвоенною скоростью для форсированнаго марша чудное, лихое аллегро, отъ котораго ноги шагаютъ быстрѣе, какъ будто за плечами выросли крылья,—звонкій трубный сигналъ, призывающій къ мученичеству... Куда бѣжить такъ быстро эта хорошенькая дѣвушка? спрашиваютъ себя съ удивленіемъ прохожіе.—Шанталь спѣшитъ къ своему избраннику.

Дойдя до площади Etoile, она повернула въ Avenue d'Jéna, не будучи вполнѣ увѣрена, такъ-ли нужно идти. Еще нѣсколько шаговъ, и она очутилась передъ низкимъ строеніемъ арабской архитектуры. Она собиралась съ мыслями. Да, это былъ его домъ. Однажды, когда она возвращалась съ бѣговъ въ обществѣ своей матери и Сабинны, послѣдняя шепнула ей на ухо:

— Видишь? Вотъ тамъ, направо... дворецъ твоего обожателя!

Она приподняла свой вуаль и обтерла платкомъ капельки пота, выступившія на ея лбу, а потомъ, собравши всю свою храбрость, поправивъ на головѣ шляпу, перешла черезъ тротуаръ. Три стрѣльчатые двери прорѣзывали фасадъ, въ которомъ не было оконъ. Нигдѣ не видно было свѣта. Она позвонила и вдругъ мысленно задала себѣ вопросъ:—что ей дѣлать, если онъ еще не вернулся домой? Ждать его? Но, быть можетъ, ее не захотятъ принять?

Она подняла голову, увидѣла звѣздочку, которая улыбалась ей, и прежняя вѣра въ успѣхъ проникла въ ея сердце. Щелкнула задвижка; дверь растворилась; она вошла.

— Господинъ Варонъ-Бей дома? спросила она.

Консьержъ, собиравшійся гасить огонь у подъѣзда, обернулся и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Затѣмъ, по видимому, понявъ, въ чемъ дѣло, онъ лукаво прищурилъ глаза и спросилъ:

— Барину извѣстно?

— Нѣтъ!

— Но... mad... mademoiselle, вѣдь теперь баринъ, должно быть, уже спитъ!... Сами посудите, время позднее... Если онъ не предупрежденъ!

— Такъ пойдите, доложите ему. Мнѣ необходимо его видѣть... У меня спѣшное дѣло... прощу васъ!...

И помимо воли она дрожащею рукою старалась понадежнее закрыть лицо вуалемъ.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь войти.

Онъ вернулся въ свою ложу, чтобы позвонить, но такъ какъ никто изъ лакеевъ не появлялся, то самъ отвелъ ее въ одну изъ смежныхъ съ швейцарскою комнату.

— Теперь потрудитесь сказать мнѣ ваше имя.

Она громко отвѣтила:

— Шанталь де-Варезъ.

Послѣ такого скандала отецъ поневолѣ долженъ будетъ сказать „да“, если не захочетъ вдобавокъ погубить и ея честь.

Консьержъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и скрылся въ одномъ изъ корридоровъ.

Стоя передъ зеркаломъ, откинувъ вуаль, Шанталь еще разъ подвергала послѣднему смотру свою наружность. Не было-ли недостатковъ въ ея туалетѣ? Въ порядкѣ-ли были волосы? Довольно-ли блеску въ глазахъ, довольно-ли обворожительна улыбка? Быстро подвивъ на пальцѣ нѣсколько распушенныхъ локоновъ, и надвинувъ шляпу на лобъ, какъ дѣлаютъ кокетки, она стала ждать.

Звуки шаговъ слышались на мраморномъ полу. Ноги ея подкашивались отъ страха. А что, если онъ не любитъ ее... или любитъ меньше прежняго?... Что, если назначенная ею цѣна покажется слишкомъ высокою? Что, если красота ея на его вѣсахъ не перетянетъ чести отца ея?... Вѣдь ея отецъ будетъ отцомъ и ему!...

Вдругъ новое опасеніе заставило болѣзненно сжаться ея сердце. Быть можетъ, онъ уже не захочетъ, чтобы она сдѣлалась его женою!...

Но... чѣмъ-же, въ такомъ случаѣ?...

— Пожалуйте, сударыня!... сказалъ консьержъ, подавляя

зѣвоту и тутъ-же пробормотала себѣ подъ носъ: Вѣдь выбрала же время!

Она шель впереди, неся въ рукѣ лампу, которая плохо освѣщала широкія, монастырскія галлерей, съ большими аркадами, выходившими въ садъ, гдѣ слышался плескъ фонтана. Шанталь слѣдовала за нимъ, не замѣчая окружающихъ предметовъ, неподвижно устремивъ глаза въ пространство. Теперь уже исчезла послѣдняя надежда! Ангель не пришелъ на помощь.

Проходя черезъ садъ,—она еще разъ увидѣла звѣздочку, огонь самопожертвованія снова вспыхнулъ, призывная труба опять зазвучала въ ея ушахъ. Далеко, далеко, за приподнятыми занавѣсками одного изъ оконъ, мерцала свѣтъ, и вдругъ ею овладѣло непреодолимое желаніе сразу броситься на приступъ. Эта попытка тянулась такъ безконечно долго; человекъ этотъ, указывавшій ей дорогу, шель такъ медленно, торжественною, степенною походкою церковнаго швейцара.

— Баринъ сейчасъ будетъ! сказали онъ.

Вставивъ лампу въ алебастровую подставку, онъ удалился.

Шанталь осталась одна въ маленькой гостинной, отдѣланной въ стилѣ Людовика XVI, обтянутой розовымъ атласомъ, съ изящною мебелью, съ китайскими, лакированными шиффоньерками, съ каминомъ изъ розоваго мрамора, на которомъ были высѣчены колчаны, перевязанные золотыми лентами. Она закрыла лицо руками и молилась, вспомнивъ вдругъ о разсказахъ, которые ходили про Варонъ-Бея, объ ужасныхъ, непонятныхъ для нея исторіяхъ, въ которыхъ говорилось про чудовищный развратъ, про любовныя оргіи, происходившія въ его секретномъ музеѣ. Сабина, правда, говорила ей, что этотъ дьяволь вдругъ превратился въ отшельника; но тѣмъ не менѣе она, быть можетъ, въ первый разъ во всю свою жизнь, не могла отдѣлаться отъ страха.

Наконецъ, ободренная царившею кругомъ тишиною, она осмотрѣлась. Здѣсь все было такъ свѣтло, такъ привѣтливо, что и на душѣ у нея невольно стало свѣтлѣе и легче. На рабочемъ столикѣ лежали начатое вышиванье цвѣтовъ, знакомыя ей англійскія книги, флаконъ съ духами, любимыя ея конфеты въ черепаховой бонбоньеркѣ. На этажеркѣ съ зеркальнымъ дномъ стояли полунагія танагрійскія статуэтки, улы-

бающіяся лукавою, шаловливою улыбкою. Обернувшись, она увидѣла свой портретъ, висѣвшій надъ небольшою конторкой изъ фіолетоваго дерева.—Стало быть, правду говорила Сабина?.. Какъ? Неужели такъ сильна ея власть надъ сердцемъ этого старика!

Она встала и подошла къ спущенной на половину портьерѣ, скрывавшей входъ въ сосѣднюю комнату. Это была спальня, вся бѣлая, съ кроватью изъ чистаго серебра, украшенною золотомъ рѣзьбою, съ такою-же мебелью,—и вездѣ, на спинкахъ, ея вензель,—двойное С, переплетенное и оббитое гирляндами цвѣтовъ. Далѣе, сквозь полурастворенную дверь, видна была моленная, освѣщенная висячею лампою, съ готическою скамейкою, передъ которою лежала продолговатая бархатная подушка для колѣней.

Вся зардѣвшись, она поспѣшила вернуться въ гостинную. О, какъ онъ любить ее!—И, вспомнивъ про другого, котораго она обожала, котораго ей ужь не придется увидѣть, она заплакала при мысли, что онъ будетъ плавать.

Шумъ приближавшихся шаговъ напомнилъ ей о жестокой дѣйствительности. Она осушила слезы; по всему тѣлу ея пробѣжала дрожь, ноги подкосились и, закрывъ лицо руками, она опустилась въ кресло.

— Боже мой! шептала она.—Боже мой!

Она вдругъ почувствовала себя безоружною. Чего-же онъ отъ нея потребуетъ? За дверью послышалось какъ будто пыхтѣнье кровожаднаго, хищнаго животнаго... Это былъ онъ! Она чувствовала его близость; какое-то горячее дыханье охватило ее со всѣхъ сторонъ.

И какъ обреченная на смерть жертва, разряженная, улыбающаяся, она ждала, поднявъ глаза кверху, чтобы посмотрѣть, не появится-ли ангель...

XVII

Вдова маршала.

— Да, бѣдная моя Клементина, не весело жить на свѣтѣ! сказала графиня д'Андильи, вставая.—Что дѣлать! У всякаго свое горе. Вообрази себѣ, что моя Сабина по уши влюбилась въ этого маленькаго де-Бре, который готовится дебютировать

въ театрѣ и къ тому-же голъ, какъ соколъ! И вотъ теперъ они оба осаждаютъ меня своими требованіями... почтительными, разумѣется,—самыми почтительными! И откуда только взялась у нихъ эта почтительность? Что прикажете дѣлать? Вѣдь моя Сабина была такъ дурно воспитана!.. А главное,—слишкомъ ужъ она добра, въ родѣ герцога. Преопасный народъ эти добряки! Добрые люди, какъ добрыя рѣчи,—подчасъ готовы зарѣзать ни за грошъ, шутя... А я подставлять горло не намѣрена... Да, да, я знаю,—ты не захотѣла вмѣшиваться въ эту исторію. Понимаю, понимаю!.. Невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, въ твои года... Наконецъ, уже ради Матильды... Да, впрочемъ, развѣ тутъ есть какая-нибудь возможность помочь? Вѣдь это какая-то бездонная бочка... Прощай! Скоро опять найду тебя провѣдать. Повѣрь, все это устроится, все кончится... не совсѣмъ, быть можетъ, благополучно... но все-таки... Я всегда думала, что Шанталъ выйдетъ за Варонъ-Бей!.. Вѣдь ей стоитъ только захотѣть... Онъ такъ богатъ, этотъ Варонъ-Бей!

Она нагнулась, чтобы поцѣловать старую герцогиню, которая сидѣла на своемъ креслѣ возлѣ окна, какъ всегда безмолвная, безстрастная.

— Прощай! Спасибо, что навѣстила, голубушка! сказала старуха, подставляя свой большой лобъ, надъ которымъ нависли пряди сѣдыхъ волосъ, выбившіяся изъ подъ чернаго чепчика, откинутого назадъ, какъ забрало шлема.

— Не за что благодарить! Если посѣщенія мои тебя развлекаютъ, я найду опять. Кстати тогда узнаю... Вѣдь мнѣ все нужно знать!.. Я-бы пришла еще вчера, если-бы не это интересное дѣло въ судѣ. Приговоръ объявили только въ десятомъ часу, а раньше Сабина не хотѣла уѣзжать. Вѣдь ты знаешь, какая она у меня неблаговоспитанная, эта Сабина!.. Дѣло объ отравленіи, моя милая... мышьякомъ!.. Вообрази,—четыре жертвы!.. Очень, очень интересно, завлекательное дѣло!.. Зато сегодня утромъ я встала рано-ранешенько... Вѣдь мы съ тобой старинные друзья! Помнишь въ Мецѣ улицу Фурнирю... пансіонъ... мадамъ Перрэнъ-Озе, нашу пирожницу, которая продавала такіе *поджаристые* пирожки и *блины горячіе, съ пылу, съ жару?*

Вдова маршала утвердительно кивнула головой, и морщинистое лицо ея на мгновение освѣтилось улыбкой.

— Нѣтъ, покорно благодарю! сказала графиня, отталкивая табакерку, которую ей протягивала старуха.—До этого я еще не дошла. Ты вѣдь старше меня, знаешь? Ну прощай-же!.. Не унывай!

Она остановилась передъ зеркаломъ, чтобы поправить саять своего атласнаго старомоднаго капора и пришпилить мантилью.

— Я не успѣла даже одѣться, какъ слѣдуетъ!.. Надо мною будутъ смѣяться въ церкви. Какъ? Уже восемь часовъ? Бѣгу, бѣгу!

Рѣшившись, наконецъ, уйти, графиня, неизмѣнно веселая и беззаботная, хотя въ душѣ нѣсколько разочарованная извѣстіемъ о возвращеніи герцога, вслѣдствіе чего скандалъ становился уже далеко не такимъ скандалезнымъ,—взялась за дверь, крикнувъ на прощанье маркизѣ Буажеле, которая съ нѣкотораго времени совсѣмъ уже не отходила отъ матери:

— Нѣтъ, останьтесь возлѣ мамаша, моя красавица. Я и сама найду дорогу!

Дѣло было въ воскресенье, на другой день послѣ еще неоглашеннаго бѣгства Шанталь. Въ той-же мрачной комнаткѣ флигеля, въ которую никогда не заглядывало солнце, маркиза, сидя подъ своимъ вуалемъ, распущеннымъ на подобіе плерезы, читала молитвенникъ, а вдова маршала вязала, считая петли. Это давало ей возможность, не нарушая воскреснаго покоя, заниматься счетами и въ этотъ день обязательнаго отдыха.

Она нисколько не измѣнилась. Ни одной лишней морщины не появилось на ея желтомъ, восковомъ лицѣ, ни одна слеза не пробѣжала по этимъ щекамъ. Такъ-же бездушно, такъ-же холодно смотрѣли эти бездушные, холодные глаза.

При видѣ катастрофы, среди которой погибалъ ея сынъ, ни единый вздохъ не вырвался изъ груди старухи, окаменѣвшей въ своей ненависти. Нѣсколько словъ, написанныхъ ея рукою, могли спасти его. Но вѣдь это значило-бы отказаться отъ мести,—отъ мести за тридцать лѣтъ рабства, отъ мести за перенесенныя отъ мужа оскорбленія, за пролитыя слезы, за униженія, за молодость, загубленную, увядшую подъ ци-

ническими ласками пьянаго кутилы! Она не забыла ни безстыднаго мотовства, расхитившаго ея состояніе, ни непрерывныхъ оргій, ни грубыхъ семейныхъ сценъ, и, какъ въ приходо-расходную книгу, заносила въ свою память все, что накопляло въ душѣ ея злобу и ненависть. Ни маркиза де-Буажеле, ни Гонорина не повліяли на нее въ этомъ отношеніи. Она просто перенесла ненависть къ отцу на сына, когорый оказался такимъ достойнымъ его пріемникомъ. Вина его состояла въ томъ, что онъ родился отъ маршала, унаслѣдовалъ его наружность, его ненасытную страсть къ роскоши и наслажденіямъ. Ея сынъ? Какой вздоръ! Развѣ онъ хоть въ чемъ нибудь былъ похожъ на нее? И позабывъ, что сама выносила его подъ сердцемъ, она съ наслажденіемъ вымещала на сынѣ все, что претерпѣла отъ отца.

Подъ маскою безстрастнаго равнодушія она внутренно ликовала при мысли о позорѣ, которымъ будетъ покрыто ненавистное имя герцоговъ Варезскихъ. Вѣдь она сама по-прежнему осталась *банкиршею* Гюссено. И едва-ли ей не былъ извѣстенъ заговоръ баронессы, хотя прямого участія она въ немъ и не принимала.

— Какъ ты себя чувствуешь, матушка? спросила маркиза.

И, подвинувъ свой стулъ къ старухѣ, она щупала ей лобъ, руки, заглядывала ей въ глаза, и во что-бы то ни стало хотѣла найти признаки болѣзни.

За дверью слышались громкіе голоса. Гонорина пріотворила дверь и сказала:

— Генераль Сальмонъ изъ Меца!

Генераль влетѣлъ въ комнату, оттолкнувъ служанку. Подойдя къ вдовѣ маршала, онъ отвѣсилъ ей почтительный поклонъ, затѣмъ, сдѣлавъ полуоборотъ, вытянувшись въ струну, по военному, салютовалъ портретъ покойнаго и только послѣ этого, обернувшись, замѣтилъ маркизу.

— Тысячу разъ прошу извиненія, сударыня! буркнулъ онъ свирѣпо. — Какъ ваше здоровье?... Тысячу разъ прошу извиненія!

Онъ вытащилъ изъ кармана большой пестрый фуляръ и, вытирая глаза, бормоталъ:

— *Sacredié de sacredié!* Какое несчастье!.. Какой ударъ! Вѣдь это хоть кого пробереть!...

— Генераль, что же вы не сядете? простонала маркиза.

— Благодарю васъ... Прошу извиненія.. не мое ремесло!.. Я не могу прійти въ себя!... Вѣдь мы были старинными друзьями!... Бѣдный маршалъ,—если-бы онъ былъ живъ, это-бы его убило.., убило!... И взглянувъ на маршала, который все съ тою-же торжествующею улыбкою смотрѣлъ изъ своей рамки, онъ прибавилъ: — Да, старина, хорошо ты сдѣлалъ, что умеръ... хорошо сдѣлалъ!

Наконецъ, откашлявшись, прочистивъ голосъ и внезапно успокоившись, онъ спряталъ въ карманъ свой фуляръ и началъ трагическимъ тономъ:

— Герцогиня, я пришелъ поговорить съ вами насчетъ ваше сына... Я навелъ справки... Все дѣло можно уладить нѣсколькими тысячами франковъ. А дѣло нешуточное, повѣрьте!... Нешуточное!... Позволяю себѣ напомнить вамъ объ этомъ! Вѣдь мы знаемъ другъ друга еще съ того времени... съ того времени.. Ну, да все равно! Сынъ вашъ молодецъ, легкомысленъ, но въ душѣ добрый и честный малый.. Впередъ ничего подобнаго съ нимъ не случится... Даль мнѣ честное слово... честное словс! Вѣдь не захотите-же вы, чтобы ради нѣсколькихъ грошей имя герцоговъ Варезскихъ таскали... Sacredié!... быть можетъ, по судамъ... Видѣли вы бѣдную маленькую герцогиню?... На нее жалко смотрѣть... жалко смотрѣть! А Шанталь? А Франсуа, бѣдный малышъ?.. Надѣюсь, герцогиня, вы ихъ выручите изъ бѣды, — не правда-ли?

Онъ остановился, отирая свой вспотѣвшій лысый лобъ; маркиза по прежнему бормотала свои *ave*, а вдова маршала съ видомъ полнѣйшаго равнодушія вязала чулокъ.

— Или вы не согласны со мною? снова началъ генераль.

— Нѣтъ! отвѣтила старуха. — Пусть выпутываются, какъ знаютъ!

И усиленное бряцаніе вязальныхъ спиць какъ-то особенно свирѣпо подчеркнуло это «нѣтъ».

Генерала всего передернуло.

— Помилуйте! воскликнулъ онъ.—Что вы говорите?

Онъ не могъ продолжать; приступъ кашля сдавилъ ему горло, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, красный, какъ ракъ, онъ надрывался, зажавъ ротъ фуляромъ.

— Не вѣрю... чтобы это было... вашимъ... вашимъ послѣднимъ словомъ... послѣднимъ словомъ!

— Да, это мое послѣднее слово. Сказала нѣтъ, и кончено!

— Помилуйте! Помилуйте! Герцогиня, вы' не заставите меня думать, что имя моего стараго друга, маршала... это имя, которое сіяеть, *sacredié!*... какъ звѣзда... не дороже для васъ... чѣмъ... чѣмъ горсть пятифранковыхъ монеть!... Понялъ! Ха, ха, ха!... понялъ!... Это вы такъ, для виду, для острастки, чтобы припугнуть сына!... Отличная мысль! Это послужить ему урокомъ... урокомъ! Къ тому-же, знаете, я далъ ему слово: если онъ не исправится, я задамъ ему такую трепку... А когда отставной генералъ артиллерійской дивизіи, Сальмонъ... изъ Меца... сенаторъ... бывшій министръ... что-нибудь сказалъ, то слово его свято!... Только, знаете, медлить все-таки нельзя. Этотъ Варонъ-Бей подалъ ко взысканію... Сегодняшнія газеты опять кричатъ про «Фехтовальный клубъ», и про эту проклятую *шантажную* сплетню... Охъ, эти негодяи журналисты!... Вѣдь вы знаете, Шаленъ дрался съ однимъ изъ этихъ мерзавцевъ?... Славный малый этотъ Шаленъ... Высокъ слишкомъ для кавалериста... ни дать, ни взять—спаржа... но это не бѣда... все-таки онъ славный малый!.. Словомъ, вы меня извините, герцогиня, что я такъ пристаю, какъ говорится, съ ножомъ къ горлу... но, въ самомъ дѣлѣ, скажите, — когда-же вы распорядитесь насчетъ этого дѣла?

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и, не переставая вязать, отвѣтила все тѣмъ-же беззвучнымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— Я тутъ ни въ чемъ не могу помочь.

— Какъ? Вы ни въ чемъ не можете помочь?... Вы меня, очевидно, не поняли; я, должно быть, неясно выражался... Тысячу разъ прошу извиненія... Не мое ремесло, знаете... И такъ, вотъ въ чемъ дѣло, герцогиня: я васъ спрашиваю, что вы намѣрены сдѣлать для вашего сына, у котораго куча долговъ, въ карманѣ—ни гроша, а на шеѣ—грязная исторія. А когда у французскаго генерала, у герцога Варезкаго, бываетъ на шеѣ грязная исторія, онъ долге не думаетъ и не изворачивается, а закатываетъ себѣ въ башку пулю... извините за выраженіе... Вчера, если-бы не Шанталь,—такъ-бы и

случилось... Нельзя-же его допустить до этого во второй разъ, *sacredié!*.. Такъ какъ-же, герцогиня?... Нѣтъ?... Ничего?... *Sacré tonnerre!*

Онъ вскочилъ и жестикулировалъ, стоя за своимъ стуломъ. Маркиза де-Буажеле дернула его за фалду сюртука:

— Генераль, прошу васъ! сказала она:—не дѣлайте сценъ въ присутствіи матушки. Она, и безъ того такъ дурно себя чувствуетъ... Это несчастье ее такъ разстроило... Бѣдный братъ! прибавила она со вздохомъ.—Это Богъ его...

— Оставьте вы Бога въ покоѣ, сударыня! Дѣло идетъ о чести имени... имени вашего отца...

— Умоляю васъ! твердила маркиза рыдающимъ голосомъ. — Вы ее убьете... Развѣ вы не видите... Грѣшно вамъ! Вѣдь вы старый другъ нашего семейства!..

— Да потому-то я и хлопочу, *sacredié!*.. О, если-бы маршалъ былъ живъ... что-бы онъ сказалъ, бѣдный?... Одного такого удара...

— Переставьте, генераль. Если-бы я была въ состояніи возратить честь моему брату,—Бога призываю въ свидѣтели — я-бы пожертвовала всѣмъ, рѣшительно всѣмъ... Но, увы! теперь уже поздно... Богъ...

— Да неужели-же у васъ здѣсь-то нѣтъ ничего? воскликнулъ онъ, потерявъ всякое терпѣніе и ударяя себя кулакомъ въ грудь. — Ничего?... Ничего?... *Sacredié!* Стало быть, вы дадите ему умереть... какъ собакѣ?... да еще обезчещенному вдобавокъ? Генераль Жарри, сынъ варезскаго героя, обезчещенъ!... Вѣдь это даже сказать смѣшно! Когда всему свѣту извѣстно, что у его матери состояніе — чортъ знаетъ, во сколько миліоновъ!... Если-бы я самъ могъ помочь, развѣ я сталъ-бы попусту тратить слова?!.. Но, согласитесь,—съ моею грошевою пенсіей да сенаторскимъ жалованіемъ... Герцогиня, сжальтесь!... Умоляю васъ именемъ моего дорогаго, великаго друга!... Вѣдь это вашъ сынъ, вашъ первенецъ...

— Нѣтъ! сказала старуха.

— Какъ? нѣтъ?... Чей-же? Вѣдь не турецкаго-же султана?... А что если онъ умретъ, если въ самомъ дѣлѣ пустить себя пулю въ лобъ?

— Ну, и съ Богомъ!

Оставивъ свое вязанье, старуха подняла вверху руки, потягиваясь и зѣвая съ видомъ человѣка, которому надобно слушать скучную болтовню, и, сопровождаемая такимъ выразительнымъ жестомъ, эти три слова звучали еще ужаснѣе.

Генераль повернулся къ ней спиною и воскликнулъ, глядя на портретъ:

— Что, бѣдный старина? Я вижу: твою память здѣсь въ грошъ не ставятъ!

Затѣмъ онъ снова подошелъ къ ней и еще разъ пытался упросить ее, согнувшись въ три погибели, между тѣмъ, какъ крупныя слезы катились по его грубому, израненному солдатскому лицу. Наконецъ, маркиза оттащила его къ двери.

— Генераль, генераль!... Довольно! стонала она.—Что вы дѣлаете?... Вы отвѣтите за это передъ Богомъ!... Вы ее убьете, увѣряю васъ... вы ее убьете!... Бѣдная матушка!... Вѣдь они въ гробъ васъ хотятъ уложить, не правда-ли?... Ужасные люди! Я знаю, они-бы такъ желали видѣть ее мертвою...

— О, да! *sacredié!*... да! воскликнулъ онъ, оборачиваясь.

Лѣстница огласилась громкимъ стукомъ сапогъ и солдатскими проклятіями, а маркиза бросилась ухаживать за матерью съ благочестиво-ласковыми приемами сидѣлки-монахини.

— Не бойся, мама,—покуда я возлѣ тебя...

И она продолжала суетиться, не зная, тѣмъ-бы еще угодить старухѣ: терла ей поясницу, поправляла чепчикъ и, возводя глаза къ небу, поминутно призывала Иисуса или бормотала молитву, между тѣмъ, какъ невозмутимо-холодная Гонорина стояла, какъ часовой, на порогѣ растворенной двери и штопала чулокъ...

Въ ту самую минуту, когда на дворовыхъ часахъ пробило девять, герцогъ вбѣжалъ въ комнату, въ одномъ скруткуѣ, безъ шляпы, съ покраснѣвшими глазами, видимо встревоженный.

— Шанталь?.. Шанталь?.. закричалъ онъ, еще не переступивъ черезъ порогъ... Она здѣсь, не правда-ли?... Да отвѣчайте-же!... Прошу тебя, матушка, скажи мнѣ хоть слово!... Ты не видала ея вечеромъ... сегодня ночью?... Я не знаю... я рѣшительно не знаю!.. О, Боже!... Боже!.. Это слишкомъ!

Онъ плакалъ, закрывъ лицо руками, и слезы, какъ сѣвозъ фильтръ, просачивались между его пальцами.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы ея не видѣли?... Быть не можетъ!... О! лишиться вдругъ всего... всего!... Она не спала дома... въ эту ночь... О, дитя мое! Бѣдное дитя мое!

Онъ подошелъ къ матери, которая невозмутимо продолжала вязать, схватилъ ее за руку и закричалъ:

— Это твоя вина, слышишь?... твоя вина!... Если-бы ты исполнила свой долгъ... да, свой долгъ!... О, Боже! Боже! Бѣдное дитя мое!... Шанталь!... Гдѣ-же она?... Шанталь!... Ты знаешь, гдѣ она,—я увѣренъ, что ты знаешь!... Она вчера заходила къ тебѣ. Что ты ей сказала?... Что? Что?... Да отвѣчай-же!

Маркиза старалась оттащить его.

— Франсуа, умоляю тебя!... Матушка нездорова... ты убьешь ее!... Клянусь тебѣ, что мы не знаемъ, гдѣ Шанталь!... Успокойся, вѣдь не могла-же она пропасть; ты найдешь ее!... Она просто ушла куда-нибудь и навѣрное вернется... Уходи-же, слышишь!... Ты растриваешь матушку... бѣдная мама... Господь видитъ тебя...

Герцога оттолкнулъ ее съ грубымъ ругательствомъ.

— Да, да, ухажу! воскликнулъ онъ.—Ты боишься, какъ-бы я не выпросилъ у нея денегъ?.. Ха, ха, ха!... Не бойся, матушка не разстанется со своими червонцами... Бѣ тому-же вѣдь ты при ней неотлучно, на стражѣ, чтобы не допустить до этого, не правда-ли?... Ты говоришь про религію, про Бога!... Знаю я твою религію, знаю я твоего Бога. Это онъ учитъ тебя ненависти... несчастная!

Обернувшись, онъ снова направился къ матери, которая со страхомъ протянула впередъ руки, чтобы удержать его, схватилъ ее за плечи и, въ припадкѣ бѣшенства, принялся трести ее.

— Что ты сдѣлала съ моею дочерью? кричалъ онъ.—Что ты сдѣлала съ нею? Отвѣчай!

Тогда она вдругъ выпрямилась, вся загорѣвшись ненавистью, и грозная, страшная, пронизывая его своимъ взглядомъ, сказала:

— Да, ты точно сынъ своего отца!

Затѣмъ все лицо ея перекошилось, глаза выступили и за-

стыли, она запаталась, замахала руками и грохнулась на полъ, между тѣмъ, какъ маркиза кричала: — «Помогите, помогите!» а Гонорина, освирипѣвъ, указывала герцогу на дверь, провожая его, точно ударами плети, словами:

— Вонъ!... Вонъ!

XVIII.

Дневникъ главнаго кучера (продолженіе).

Первое іюня, полдень. — Сегодня утромъ, когда я въѣзжалъ съ маленькимъ Викторомъ, чтобы дать промяться моей молодой парѣ, — той самой, за которую кучеръ мадамъ Дельфины де-Бравуръ предлагалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ 1,500 луидоровъ чистоганомъ (какъ-бы не такъ! Развѣ такіе кони для того созданы и рождены на свѣтъ Божій, чтобы возить всякихъ шлюхъ?), — господинъ герцогъ сдѣлалъ мнѣ честь, позвавъ меня:

— Годфруа!... Годфруа!... Пожалуйста, пойдите сюда, Годфруа! Нельзя не отдать ему справедливости: хотя онъ и не ведетъ своей родословной, что называется, — отъ крестовыхъ походовъ, герцогъ отличается большимъ, необыкновенно большимъ свѣтскимъ тактомъ и очень хорошо понимаетъ, съ какою вѣжливостью слѣдуетъ относиться къ людямъ, получившимъ приличное воспитаніе. Ну, а согласитесь, — кому-же и считаться благовоспитаннымъ, какъ не главному кучеру *).

Я, разумѣется, сейчасъ-же передаю возжи маленькому Виктору и, какъ можно скорѣе, слѣзаю. Вѣжливостью меня можно заманить хоть въ Камчатку... такъ вѣдь, важется, зовутъ эту страну?.. Да впрочемъ, не все-ли равно?

Лицо у господина герцога, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, было такое, точно ему продали гороху, котораго никакъ не разваришь.

— Годфруа, сказала онъ мнѣ, — не видали-ли вы, случаемъ, мадмуазель Шанталь?

Онъ видимо потерялъ голову (выражаюсь фигурально); ибо, я васъ спрашиваю, слыханное-ли дѣло, чтобы въ число

*) Игра словъ: *levé* значить: воспитанный, благовоспитанный, и вмѣстѣ съ тѣмъ — возвышенный, занимающій *высокое* положеніе.

— Помни, сыночек, говорилъ онъ,—что самая лучшая баба не стоитъ четырехъ собачьихъ подковъ.

Того же числа, въ 4 часа. Господинъ герцогъ привезъ барышню въ каретѣ, ужь не знаю откуда, большую—пребольшую.

Приказаній никакихъ не было. Только утромъ проѣзжали лошадей. Такая жизнь совсѣмъ мнѣ не по вкусу; отвыкаешь отъ ремесла, не говоря уже о томъ, что я даже пообѣдать не могу съ аппетитомъ, если хоть разочекъ не прокачусь до *Allée des Acacias* и не позлЮ господъ англичанъ. Клянусь честью, если-бы я не считалъ себя обязаннымъ относиться съ уваженіемъ къ господину герцогу, который всегда обращался со мною очень вѣжливо, я самымъ рѣшительнымъ образомъ попросилъ-бы у него отставки. Но это значило-бы обнаружить недостатки уваженія. А теперь, когда вообще всѣ принципы забыты, и уваженіе, такъ сказать, разсыпается въ прахъ, не такое время, чтобы я захотѣлъ оставить на бобахъ человѣка, носящаго такое великое имя.

2-го іюня. Сегодня вечеромъ, часовъ около шести, мы ннѣли несчастіе лишиться, благодаря апоплексическому удару, вдовствующей герцогини Варезской, супруги покойнаго маршала Жарри, урожденной Евгеніи-Шанталь-Клементины Гюссено. Такъ-таки просто Гюссено, безъ всякаго «де»! Я, признаться, всегда подозрѣвалъ, что дворянство-то ея свѣжепросольное, если позволительно такъ выразиться о покойницѣ, которая не сдѣлала мнѣ никакого зла, да, впрочемъ, и добра тоже,—нужно отдать ей справедливость.

Я только-что узналъ эту новость въ моемъ ресторанѣ. Я окончилъ свой скромный обѣдъ и тутъ-же, присѣвши у конца стола со своею чашкою кофе, началъ играть въ пикетъ съ господиномъ Вассалемъ, хозяиномъ заведенія, очень почтеннымъ человѣкомъ, который держится солидныхъ принциповъ, какъ въ кулинарномъ искусствѣ, такъ и въ политикѣ.

Я объявилъ:

— Семь трефъ, — итого 66, — хорошо! Квинтъ-мажоръ, — хорошъ! Четырнадцать дамъ, — тоже хороши!

Партію я выигралъ несомнѣнно, не говоря уже про возможность капота, какъ вдругъ англичанинъ, вучеръ княгини де-Сантисъ, влетаетъ въ ресторанъ, какъ пушечное ядро, невѣжа-невѣжей, и ну покатываться со смѣха. А потомъ подходитъ въ

намъ, да какъ хлопнетъ кулакомъ по столу, такъ что карты разлетаются во всѣ стороны (никогда не видалъ ничего отвратительнѣе этого животнаго!) и кричить мнѣ на своемъ ломанномъ французскомъ языкѣ:

— Ach! Sir Bottom! Le vielle diouchesse, ie avé cassé son pipe!—Старая герцогиня-то разбила свою трубку!

Ну, разумѣется, monsieur Вассаль былъ въ восторгѣ; это спасло его отъ капота и отъ навѣрняка проигранной чашки кофе. А онъ, признаться (у всякаго свой недостатокъ!), скуповать-таки немножко.

Я былъ внѣ себя отъ бѣшенства... Не изъ-за денегъ, конечно, на такую мелочность я не способенъ. Меня взбѣсили недостатокъ уваженія и злорадный смѣхъ этого грубияна, который нарочно пускалъ мнѣ прямо въ носъ цѣлыя облака дыма, зная, что я не выношу табачнаго запаха. Я уже готовился напомнить ему о приличіи и о правилахъ, запрещающихъ курить отъ шести до семи часовъ въ маленькой столовой, гдѣ я обыкновенно сижу въ это время, какъ вдругъ его пріятель, кучеръ графини д'Андильи, который, не смотря на свои сѣдые волосы и почтенный видъ, держать себя не лучше остальныхъ, началъ приставать ко мнѣ насчетъ сплетень, которыя ходили въ кварталѣ, — будто-бы господинъ герцогъ отравилъ свою мать, чтобъ получить наслѣдство и спастись отъ судебного преслѣдованія по дѣлу «фехтовальнаго клуба» и еще вслѣдствіе какой-то грязной исторіи.

Что касается меня, то я убѣжденъ, что за всѣмъ этимъ кроется какая-нибудь политическая интрига... Меня вѣдь тоже не проведешь.

Можете себѣ вообразить, какъ я отбрилъ этого старика, который повторялъ подобное вранье и позволялъ себѣ оплевывать моихъ господъ! И туда-же лѣзетъ судить другихъ! А его графиня? Хороша тоже, нечего сказать! А ея дочка? Стадмонъ сегодня утромъ увѣрялъ меня, что она не далѣе какъ вчера убѣждала съ какимъ-то прохвостомъ, который заставилъ ее забыть о своихъ обязанностяхъ. И махнули это они вмѣстѣ, подъ-ручку, прямо въ Лондонъ. Говорятъ, въ такихъ случаяхъ всегда въ Лондонъ ѣздить. Вѣдь эти англичане такія каналы!

Тѣмъ не менѣе, вся эта сцена такъ меня разстроила, что

я въ этотъ день завалился спать, не сотворивъ даже, какъ слѣдуетъ, молитвы.

3-го июня, въ полночь. Сегодня вечеромъ я пригласилъ Стальмона раздѣлить со мною мою скромную трапезу съ прибавленіемъ двухъ бутылокъ *запечатаннаго*, ибо человекъ въ шесть футовъ ростомъ, бывший тамбуръ-мажоръ гвардейскаго гренадерскаго полка имѣеть право на большое вниманіе.

Обѣдъ былъ назначенъ въ четверть седьмого. Опоздавъ минуту на пять, на шесть, онъ извинился, объяснивъ, что по дорогѣ ему пришлось бросить въ почтовый ящикъ цѣлую кучу приглашеній на похороны.

Повидимому, у насъ въ домѣ дымъ коромысломъ, господа наши все еще грызутся надъ неостывшимъ, такъ сказать, еще трепещущимъ трупомъ старой герцогини. Маркиза де-Буажели, что называется, и рветъ, и мечетъ, и такъ-таки прямо обвиняетъ господина герцога въ смерти матери.

И дѣйствительно, припадокъ съ нею случился послѣ ужасной сцены съ господиномъ герцогомъ, который упрекалъ ее въ томъ, что будто это она заставила барышню бѣжать изъ дома.

Выкладывая мнѣ всѣ эти новости, Стальмонъ не забывалъ работать вилкой и работалъ, — нужно отдать ему справедливость, — неутомимо. Отъ времени до времени онъ выпивалъ стаканъ и, прищелкнувъ языкомъ, восклицалъ со своимъ акцентомъ кольмарскаго швейцара:

Hein? Guelle vamilè!.. Guelle vamilè!.. Хороша семейка, нечего сказать!

Я принялся уже за сливы, а онъ еще сидѣлъ за жаренымъ, благодаря добавочнымъ бутылкамъ. Лишь только гарсонъ подходилъ къ нему, чтобы переменить тарелку, Стальмонъ говорилъ:

— Adandez! Adandez!.. Foilà le blus vort!—Подождите, подождите! Еще это только цвѣточки!..

Чтобы услышать «ягодки», я заказывалъ добавочную бутылку.—Угощеніе обошлось мнѣ въ пятнадцать франковъ, не считая того, что пришлось дать гарсону, но, клянусь честью, мнѣ не жаль этихъ денегъ.

Послѣ седьмой „добавочной“, Стальмонъ былъ уже сильно на веселѣ, и мнѣ пришлось довести его подъ руку до его

ложи, куда онъ вошелъ, нагѣвая какія-то неприличности изъ „lo wagonne de Follebique“, или „biche“, или что-то въ этомъ родѣ.

Увѣряю васъ, что почтенная, достойная мадамъ Стальмонъ, женщина чрезвычайно цѣломудренная, такъ и обмерла отъ ужаса.

3-го июня, въ 10 часовъ. Завтра хоронятъ старую герцогиню. Хотя у меня лично и нѣтъ никакихъ претензій противъ покойницы, я, признаться, все-таки доволенъ, что она сложила оружіе, если можно такъ выразиться. Наконецъ-то мнѣ придется участвовать въ „первоклассныхъ“ похоронахъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я состою на службѣ у господина герцога, мнѣ еще ни разу не выпадало это счастье, всегда очень лестное для самолюбія кучера,—не правда-ли? Со своею новою каретою и парюю золотистыхъ рысаковъ, я покажу господамъ англичанамъ, что французскій „шикъ“ и есть настоящій „шикъ“.

У насъ вся прислуга въ эмпиреяхъ (выражаюсь фигурально), на радостяхъ, что жалованье не пропадетъ. А вчера вечеромъ поваръ даже задалъ намъ въ людской торжественный, парадный обѣдъ,—въ полномъ смыслѣ слова парадный. И маленкій Викторъ, который сильно заложилъ за галстухъ въ этотъ день, хвастался въ моемъ присутствіи, что онъ одинъ выдулъ три бутылки шампанскаго.

Какой негодный мальчишка!

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда. Когда я съ часъ тому назадъ возвращался отъ портного, къ которому ходилъ примѣрять свои траурныя брюки, Стальмонъ имѣлъ честь позвать меня.

Онъ сидѣлъ въ своей ложѣ и занимался вышиваніемъ узора для кресла, которое готовить себѣ по-немножку на старость. Его почтенная, достойная супруга суетилась въ кухнѣ, откуда доносился запахъ кислой капусты (мадамъ Стальмонъ спеціалстка по части приготовленія кислой капусты!).

— Садитесь! сказалъ онъ мнѣ.—*Assiez fous! Et laissez le borte!.. Fous allet en entendre des joueddes!*—Не затворяйте двери!.. Послушайте-ка, я вамъ расскажу такія прелести!..

При этомъ онъ указалъ концомъ иглы на окна флигеля.

Я, разумѣется, послѣдоваль его приглашенію. Хотя любопытство и не принадлежитъ къ числу моихъ недостатковъ, я

тѣмъ не менѣе интересуюсь семейными дѣлами, въ особенности—высшей аристократіи.

Согласитесь, что для человѣка, который пишетъ исторію, это даже необходимо!.. Что такое исторія?.. Ничто иное, какъ сводъ мелкихъ сплетенъ.

Господинъ герцогъ изволилъ сдѣлаться со своей сестрицей. И принялись это они честить другъ друга:—«Убійца!..» «Воронка!..» Дѣло въ томъ, что маркиза, которая провела ночь у гроба матери, сочла нужнымъ забрать и унести къ себѣ не мало всякаго добра,—на память, какъ она говорить.

Сперва она напустилась на герцога:

— Господи! Если матушка умерла... умерла, не причастившись святыхъ тайнъ, такъ вѣдь это онъ... онъ виноватъ... Господи!.. Ну, подожди! Вотъ ты увидишь... ты увидишь, передъ судомъ Всевышняго... Убійца!..

— Да замолчишь-ли ты? кричалъ герцогъ. —Замолчишь-ли, безстыдная тварь!.. Постыдилась-бы хоть чужихъ людей.

Тутъ ужъ вступился, наконецъ, маркизь,—человѣкъ очень представительный и почтенный. Маленькій Викторъ, правда, говорить, что „не онъ выдумалъ нитку для разрѣзыванія масла“; но, я васъ спрашиваю, съ какой стати такой свѣтскій, приличный человѣкъ будетъ унижаться до подобныхъ изобрѣтеній?

И такъ, маркизь попробовалъ, было, урезонить ихъ, но всѣ его старанія были бесполезны. Они подняли такой гвалтъ, что съ улицы было слышно. Присутствовавшіе при этомъ священникъ и монахини хотѣли уйти.

Вотъ они, аристократическія-то семейства!

Въ тотъ-же день, на сонъ грядущій. Маленькій Викторъ, который принесъ мнѣ сапоги, вычищенные яичными желтками для завтрашняго торжества, сообщилъ кое-что насчетъ завѣщанія. Мадмуазель Гонорина будетъ пользоваться пожизненною рентою въ 3,000 франковъ, да столько-же получить Казимиръ,—продувной малый, который нагребъ себѣ въ четыре раза больше, благодаря довѣрію старой герцогини. Маркизь достается больше, чѣмъ господину герцогу, по той будто-бы причинѣ, что она была плодомъ сердечной привязанности вдовы маршала, какъ увѣряетъ маленький Викторъ,—впрочемъ подъ величайшимъ секретомъ. Да, теперь уже не слышно

больше такихъ словъ, какъ «старуха» или «мошенникъ»; вмѣстѣ съ деньгами въ нашемъ домѣ снова воцарилось и уваженіе. Маленькій Викторъ готовъ даже согласиться, что «Комарь», завѣдомо безнравственная и продажная газета, зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ выходкахъ противъ чести господина герцога.

Что касается мадмуазель Шанталь, то ей, говорятъ, совсѣмъ, совсѣмъ плохо. Она «собирается переѣзжать на другую квартиру», какъ говоритъ маленький Викторъ.

Ну, однако, довольно. Лягу-ка я спать, выплось хорошенько, а завтра встану со свѣжими силами и съ такимъ «шикомъ» буду засѣдать на своихъ возлахъ, что господа англичане лопнуть отъ злости.

XIX.

Куда ѣдутъ шагомъ.

У подъѣзда, подъ высокими сводами, драпированными, какъ часовня, между колоннадами восковыхъ свѣчъ, мерцающіе огни которыхъ, какъ золотыя слезы, скользили по черному фону траурной обивки, высился громадный катафалкъ, весь обитый бархатомъ и заваленный цѣлою горою букетовъ и вѣнковъ. У одного конца его, между двумя монахинями, стоявшими на колѣняхъ, сидѣлъ священникъ и молился.

За воротами не умолкалъ стугъ подъѣзжавшихъ экипажей, которые съ трудомъ пробирались сквозь густую толпу.

Изъ каретъ выходили мужчины съ обнаженными головами, женщины съ длинными вуалями и шлейфами; каждый вновь прибывшій крестился, клалъ поклонъ и, взявъ въ руки серебряное кропило, орошалъ гробъ мелкимъ дождемъ, между тѣмъ какъ лакеи, въ перчаткахъ, укладывали на эстраду букеты изъ розъ, кресты изъ анютиныхъ глазокъ и изъ астръ. Приподнявъ на мгновеніе край полога, всѣ спѣшили къ отелю черезъ широкій, усыпанный пескомъ дворъ. Въ швейцарской, гдѣ выстроившіеся въ два ряда, облеченные въ трауръ лакеи образовали нѣчто въ родѣ креповаго бордюра на ослѣпительно бѣломъ фонѣ стѣнъ, всѣ записывали свои имена въ лежавшія на столахъ книги и, одинъ за другимъ, спѣшили проникнуть въ салоны, погруженные въ похоронный полумракъ.

При входѣ стоялъ генераль Жарри, герцогъ Варезскій, въ парадной формѣ, съ командорскимъ крестомъ на шеѣ, съ трехуголкою подъ мышкою и съ креповой плерезой на рукояткѣ шпаги, жалкій, осунувшійся, съ заплаканными глазами. Тутъ шли безконечныя рукопожатія, соболѣзнующія изліянія, слезливыя заявленія признательности за участіе; только взрѣдка скучное однообразіе офіціального свѣтскаго ритуала прерывалось искреннимъ объятіемъ какого-нибудь стариннаго пріятели. По лѣвую руку отъ него стоялъ его сынъ, завитой мальчикъ; съ большимъ круглымъ воротникомъ, выпущеннымъ сверхъ сюртучка, съ полусмущеннымъ, полулюбопытнымъ выраженіемъ въ лицѣ, и маркизь де-Буажеле, по-прежнему степенный и важный, со своею роскошною бородою, распущенною по гладкой, накрахмаленной груди рубашки.

Во всѣхъ углахъ, у каждаго окна, у каждой двери толпились и жужжали многочисленныя группы, и любопытно было смотрѣть, какъ волновалось это море жужжащихъ головъ, коегдѣ освѣщенное блестящею, какъ бильярдный шаръ, лысиною. По временамъ сквозь однообразный гулъ сдержанныхъ разговоровъ, вырывался стонъ, скрипъ ботинки, бряцанье сабли. Посѣтители продолжали входить безконечною вереницею, тѣснота возрастала, свободныя промежутки наполнялись, всякій занималъ свое мѣсто и терпѣливо ждалъ, сжатый спереди, сзади, со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ среди царившаго въ залѣ полумрака сверкнулъ яркій лучъ золотистаго свѣта, пробравшагося сквозь ставни въ то мгновеніе, когда на небѣ, въ промежутокъ между двумя ливнями, выглянуло солнце. Траурная целена, которою, казалось, все было покрыто въ залѣ, вдругъ исчезла, роскошная позолота огнемъ загорѣлась на карнизахъ, на рамахъ картинъ, на простѣякахъ; пучки свѣта огненными снопами посыпались изъ зеркалъ, изъ хрустальныхъ шаровъ подъ люстрами и, скользя, зажигали новыя искры, новыя огни на канделябрахъ, на стальныхъ шлемахъ и рыцарскихъ шляпахъ.

Оживленный, быть можетъ, этимъ проблескомъ свѣта, шумъ голосовъ становился громче. Разговоръ принялъ болѣе обыденный характеръ; по мѣрѣ того, какъ удовлетворялось любопытство, по мѣрѣ того, какъ исчерпывалась бесѣда на тему о причинахъ смерти, о подробностяхъ завѣщанія, публика начинала

группироваться по знакомству, по профессіямъ: въ одной кучкѣ собрались военные, въ другой—клубисты, въ третьей—гражданскіе чиновники, въ четвертой—иностранцы, въ пятой—служащіе въ посольствѣ, въ шестой—родственники. Даже эти группы въ свою очередь распадались на обособленные кружки, въ которыхъ оказывались все однородные элементы по чину, или по общественному положенію: генералы въ гражданской одеждѣ, офицеры въ военныхъ мундирахъ, банкиры, важные сановники, дворянство имперіи, дворянство крестовыхъ походовъ. Тутъ раскланивались съ старымъ маршаломъ У**, здѣсь приветствовали маленькаго, горбатаго человѣчка съ длинною гривою, спускавшеюся до самыхъ плечъ, въ другомъ мѣстѣ—папскаго нунція, князя Z., съ черною повязкою на одномъ глазѣ, господина K., члена академіи, маленькаго, плюгаваго, какъ его перо... Словомъ, на похороны съѣхались «всѣ знаменитости великосвѣтскаго міра и арміи», старинные мундиры, старинные эполеты, вся старая гвардія смерти, которая въ такіе дни выползаетъ изъ своей могилы.

Солнце снова скрылось, и все опять задернулось пеленою мрака.

Наконецъ, церемонимейстеръ, представительный, гладко выбритый господинъ, появился на порогѣ и поклонился, оставивъ ногу, прижавъ къ сердцу шляпу и широко распустивъ свой плащъ.

— Милостивые государи, честь имѣю объявить вамъ, что процессія направится къ храму Св. Клотильды.

Онъ повернулся на каблукѣ и, надѣвъ шляпу, съ палочкою въ рукѣ, открылъ шествіе торжественнымъ, мѣрнымъ шагомъ. Вслѣдъ за герцогомъ потянулась и посторонняя публика, не успѣвъ выстроиться, какъ попало; болтовня продолжалась, знакомые издали подавали другъ другу знаки взмахомъ зонтика или шляпы. Только на дворѣ процессія, мало по малу, сформировалась въ колонну, и похоронныя дроги тронулись.

Теперь опять шель дождь, мелкій, какъ будто просѣянный сквозь свѣтлыя облака, которыя мѣстами сгущались въ темныя, какъ чернило, пятна, а мѣстами, напротивъ, открывали клочки голубаго неба, такіе яркіе, что, казалось, вотъ-вотъ изъ нихъ брызнуть горячіе лучи солнца. Въ воздухѣ стояли крики,

усердные изъ провожатыхъ выстроились въ болѣе правильную колонну и, не унывая, продолжали путь; другіе постепенно отдѣлялись, отставали на поворотахъ. По временамъ процессія останавливалась; давая мѣсто проѣзжающимъ экипажамъ, ряды пѣшеходовъ отступали, надвигаясь другъ на друга, какъ складки мѣховъ въ органѣ.

На бульварахъ сбѣгались толпы любопытныхъ, въ домахъ растворялись окна, прохожіе вскакивали на скамейки, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на важныя похороны. Парижане славятся своею страстью къ уличнымъ зрѣлищамъ и готовы все забыть, чтобы поглядѣть на какіе-нибудь мундиры.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ герцога генераль Сальмонъ бесѣдовалъ съ адмираломъ де-Керунемъ.

— А! такъ вы о ней сожалѣете, *sacredié!* У васъ хватаетъ духу говорить, что вы сожалѣете о ней?

— Позвольте, позвольте, генераль!... То-есть въ какомъ смыслѣ сожалѣю... Она мнѣ не сдѣлала никакого зла.

— Такъ не говорите, что сожалѣете о ней!... Не мое ремесло плясать надъ трупами, но пусть меня чертъ поберетъ, если...

— А мой Веласкецъ *) опять улыбнулся! вмѣшался въ ихъ разговоръ виконтъ де-Ронсероль, подходя и засучивая брюки, — *Cristi!* мнѣ рѣшительно не везетъ. Герцогъ получаетъ наследство и не продаетъ своей галлерей. Это—разъ!... Во вторыхъ, подагрикъ, послѣ смерти котораго я рассчитывалъ получить картину Гоя, человекъ, на котораго перестала дѣйствовать даже *салицилка*, вдругъ поправляется... Я привыкъ относиться съ величайшимъ почтеніемъ къ вошедшей внутрь подагрѣ... а вы, генераль?

— О, конечно, конечно!... Съ подагрой шутить нельзя... въ особенности, если войдетъ внутрь.

— Ну вотъ видите; а между тѣмъ мой подагрикъ... Какъ поживаете, генераль? Хорошія-ли извѣстія получаете отъ мадамъ де-Керуанъ?

— Да, благодарю васъ... То есть, нѣтъ... Здоровье ея все такъ-же плохо... Моя бѣдная жена очень скучаетъ въ своемъ

*) Испанскій живописецъ XVII столѣтія.

**) Испанскій живописецъ умершій въ началѣ этого столѣтія.

британскомъ имѣніи... А мнѣ рѣшительно невозможно ѣхать туда... У меня, знаете, здѣсь работа... Институтъ... Вы никогда не жили въ Бретани?... Отличный климатъ для бронховъ...

Генераль Сальмонъ прервалъ его, взявъ его подъ руку, такъ какъ опять начался дождь.

— Знаете, адмираль, началъ онъ, — я недавно читалъ вашу статью въ *Обозрѣніи*... Битва при *Эюсс*... дальше не помню... Вѣроятно, морское сраженіе? Не правда-ли?... Скажите, страдали вы при этомъ морскою болѣзнію? *Sacrédié!* если-бы мнѣ пришлось драться на морѣ, — хорошъ-бы я былъ... Я даже на рѣчномъ пароходѣ никогда не могъ ѣздить; такъ; бывало, и мутить...

— А въ какомъ положеніи эта ужасная исторія съ шантажемъ? спросилъ де-Керуанъ, только презрительно пожавъ плечами въ отвѣтъ на слова генерала.

— Шантажъ?... Все это чистѣйшее вранье! воскликнулъ Ронсероль. — Дѣвица оказалась на столько-же несовершеннолѣтнею, какъ я... Какъ-бы то ни было, Розети совершенно скомпрометирована... Вѣдь это была ея специальность... Благодарю поворно! Малолѣтнія въ консервахъ!

— Дѣла «фехтовальнаго клуба», говорятъ, тоже устроились?

— Да, Варонъ-Бей прекратилъ преслѣдованія.

— Такъ, стало-быть, правда, что бѣдная мадмуазель Шанталь?...

— Шанталь — римлянка, да, римлянка, понимаете! воскликнулъ генераль. Такого подвига, который она совершила, и у древнихъ не найдете...

— А вернулась она отъ Варонъ-Бея совсѣмъ въ цѣлости? съ усмѣшкой спросилъ Ронсероль.

— Конечно, въ цѣлости! Что вы хотите этимъ сказать? *Sacrédié!*... Не мое ремесло отгадывать ребусы... Въ цѣлости?... Варонъ-Бей, какъ ее увидѣлъ, такъ и хлопнулся объ землю... Вѣдь у него аневризмъ... Къ сожалѣнію, однако, не умеръ...

— Не можетъ быть! какъ? У него аневризмъ, и онъ не умеръ?... Опять улыбнулся мой Тербургъ *)!

— Что? Какой Тербургъ?... Опять ребусъ.

*) Голландскій живописецъ XVII столѣтія.

— Лучше чувствует себя сегодня мадмуазель Шанталь? спросил адмираль.

— Лучше?... Да, какъ-же!... Докторъ увѣряетъ, что она и двадцати-четырехъ часовъ не проживетъ. Проклятое животное!... Не мое ремесло плясать на струнахъ, а что правда, то правда, *sacredié!*—еслибы старуха исполнила свой долгъ... Послушайте! Что вы, сума сошли? Нарочно вы, что-ли, тычете мнѣ прямо въ шею своимъ зонтикомъ?

Адмираль нагнулся къ самому уху де-Ронсероля и въ полголоса спросилъ:

— Имѣете вы извѣстіе изъ Лондона?... Несчастливая графиня!... Сколько заботъ!

— Да, отвѣтилъ виконтъ, — эта изъ рѣшительныхъ! Они нашли, что почтительныя требованія... слишкомъ ужъ почтительны.

— Онъ на ней женился?

— Гмъ! Смотря потому—въ какомъ смыслѣ!... Де-Брѣ называетъ это—дебютировать!... Но вѣдь эта Сабина была такъ дурно воспитана!... Кстати, вы слышали про баронессу Симье?...

— Что такое?

— Она выходитъ за вдовца, за графа Теодори... Я прочиталъ это сегодня въ «Фигаро»...

— Поздравляю его, *sacredié!* Поздравляю!... Вотъ тоже баба, которую я не буду оплакивать! воскликнулъ генераль, топнувъ ногой прямо въ лужу, такъ что брызги грязи обдали его собесѣдниковъ.

На улицѣ Рокеттъ опять начался ливень. Шествіе разстроилось. Засучивъ панталоны, всякій шагаль по грязи, какъ попало, не заботясь объ остальныхъ. Многіе перешли на тротуары. И если-бы не похоронныя дроги, увѣхавшія далеко впередъ, и не вѣнки, изъ которыхъ листья и цвѣты падали въ грязь, то процессію провожатыхъ можно-бы было принять за подгулявшую имянинную компанію, вышедшую промяться; послѣ веселаго пира.

На кладбищѣ ударили въ колоколь. Дроги наконецъ стали подниматься по крутому склону, на которомъ ручьи дождевой воды образовали маленькіе водопады. Теперь ихъ можно было видѣть въ профиль; онѣ ѣхали вслѣдъ за пролеткою священ-

ника. Жалко было смотрѣть на этотъ балдахинъ съ измокшими султанами, со взмокшею бахрамою, на ручки, струившіеся съ обшитыхъ галуномъ шляпъ. Дождевыя капли, словно обильныя слезы, струились съ лошадиныхъ попонъ, съ гербовъ, съ вѣнковъ, съ колесъ. И взмыленные лошади, бичуемые проливнымъ дождемъ, исчезали въ облакахъ стоявшаго надъ ними пара, и медленно, съ трудомъ тащились въ гору, низко понутивъ головы.

Герцогъ, какъ будто въ гипнотическомъ снѣ, машинально слѣдовалъ за дрогами, не надѣвая шляпы, въ накинутой на плечи военной шинели, рядомъ съ маркизомъ де-Буажель, который тщетно старался укрыться отъ дождя подъ маленькимъ, женскимъ зонтикомъ, и грустно смотрѣлъ на свою красивую бѣлокурую бороду, съ которой краска струилась на рубашку, не мало тоже пострадавшую въ этой передрягѣ.

Наконецъ дроги остановились. Посторонніе служители опять бросились на приступъ, измятые вѣнки, обсыпавшіеся кресты полетѣли на землю, гробъ соскользнулъ внизъ и медленно началъ опускаться въ яму, глухо ударяясь объ ея стѣны. Сильный порывъ вѣтра пронесся по кладбищу, и съ мокрыхъ кипарисовъ въ открытую могилу посыпались крупныя капли.

Герцогъ вдругъ очнулся, взявъ изъ рукъ священника кропило и съ яростью, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, что было силы, ударилъ имъ по гробу.

XX.

Куда ѣздить рысью.

Тамъ, далеко, далеко, у черта на куличкахъ, на бульварѣ Босежуръ, въ Пасси горитъ и блещетъ ясный іюньскій день. Свѣжій вѣтерокъ играетъ листьями платанъ. Небо нарядилось въ свое праздничное платье,—знаете, въ то платье, которое отдѣлано розовыми воланами, легкими, воздушными, какъ хлопья тумана, разбросанные по темносинему полю.

— То самое, которое оно носило въ маѣ?—О, нѣтъ! Небо—извѣстная кокетка и никогда не надѣваетъ два раза одно и то-же платье.

По освѣщенному солнцемъ шоссе, которое вьется среди равнины, какъ длинная, длинная бѣлокурая коса, скользить крошечная тѣнь, сопровождающая крошечную желтую карету съ бѣлою лошадыю. И никогда еще ни одна бѣлая лошадь не бѣжала такую торопливою рысью, какъ эта.

И любопытный вѣтеръ, которому непременно нужно все знать, пристаётъ къ своимъ пріятельницамъ, платанамъ:

— У-у-у! Какъ тѣ торопятся! Хотѣлось-бы мнѣ знать, куда тѣ ѣдутъ такъ скоро? Я совсѣмъ запыхался, догоняя ихъ.

— Ш-ш-ш! шамкаютъ въ отвѣтъ платаны, глубокомысленно потрясая чепцами.

Ибо это платаны почтенныхъ лѣтъ, платаны, умудренные опытомъ и не любящіе бросать на вѣтеръ свои рѣчи.

— Ш ш!... Отвѣтить на вашъ вопросъ нетрудно... Стоить только взглянуть на ихъ лица.. Но вотъ эти проклятыя занавѣски мѣшаютъ!

— Занавѣски? Какой вздоръ! Ха, ха, ха!... Погодите, я васъ насмѣшу!

Вымолвивъ эти слова, вѣтеръ ринулся впередъ, какъ бѣшеный... Онъ дуетъ, свиститъ, гудитъ, напираетъ на бѣдныя занавѣски, которыя едва держатся и то выпячиваются, то вытягиваются, какъ щеки первой флейты. Наконецъ, онѣ принуждены были слатся и обѣ вдругъ взлетѣли кверху.

— Слава Богу! вздрогнули платаны и, наклоняясь другъ къ другу, стали опять шептаться съ вѣтромъ:

— Въ каретѣ сидитъ хорошенькая дѣвушка.

— У-у! Я вижу только старую лѣди!

— Подъ чернымъ вуалемъ!

— Подъ голубымъ вуалемъ! У-у!...

— Брюнетка съ золотистымъ отливомъ!...

— Рыжая, съ... морковнымъ отливомъ, съ очками на носу!

— Съ огромными, голубыми глазами, сударь, и безъ всякихъ очковъ!

— Что означаетъ?...

— Посмотрите направо!

— Посмотрите налево!

Недоразумѣніе разъясняется: въ каретѣ дѣйствительно сидитъ и молодая дѣвушка, и... старуха (т-съ! Не дай Богъ,

если Miss насъ услышитъ!), первая въ глубомъ траурѣ, вторая—нѣтъ.

— Прекрасно! Но я все-таки не знаю, куда онѣ ѣдутъ.

— Не трудно-бы, кажется, догадаться!... Конечно, на похороны.

— А отчего-же не на свадьбу? возражаетъ вѣтеръ, извѣстный вертопрахъ.

— Бьемся объ закладъ, что на похороны!

— Держу пари, что на свадьбу!

— А я держу пари за любовь, сказала малиновка, слушавшая этотъ разговоръ.

Тѣмъ временемъ карета подъѣхала къ тротуару, и бѣлая лошадь остановилась передъ маленькимъ, бѣлымъ и розовымъ домикомъ, до такой степени розовымъ, до того бѣлымъ, что, казалось, подъ своею легкою одеждою изъ плюща онъ дрожаль отъ холода, какъ живое существо, какъ обнаженное человѣческое тѣло. Кучеръ, съ непокрытою головою, растворилъ дверцу; это добродушный, веселый толстякъ, который, ради прохлады, снялъ свою сѣрую шляпу и повѣсилъ ее на каретный фонарь. Первою вышла Miss, а за нею Шанталь, съ пакетомъ въ рукахъ... Кто? Шанталь?... Да, Шанталь, подъ вуалемъ изъ англійскаго крепа, и такая блѣдная, что, если бы не голубыя жилки, просвѣчивающія сквозь кожу, ее можно-бы было принять за мраморную статую, привезенную прямо изъ Элевзины.

Но что за бѣда? Несмотря на эту блѣдность, несмотря на глубокий трауръ, сердце ея украшено праздничными флагами, голубыми, розовыми, подъ цвѣтъ праздничнаго платья, въ которое облеклось сегодня небо.—Конецъ тревогамъ, конецъ слезамъ. Ангель пришелъ на помощь. Шанталь не даромъ ждала его.

Какъ онъ пришелъ,—этого она сама не сдумѣла-бы сказать. Ея воспоминанія мѣстами внезапно обрывались. Она помнила только, что ей было очень, очень страшно, что она умоляла этого человѣка пощадить ея отца, и что вдругъ онъ упалъ къ ея ногамъ. Затѣмъ поднялись крики, бѣготня по корридорамъ и, наконецъ, наступила мертвая тишина, среди которой она билась въ непрерывной лихорадкѣ семь дней и семь ночей, и ни одинъ изъ фантастическихъ образовъ горя-

чечнаго бреда, ни одинъ изъ безумныхъ, неотвязныхъ мотивовъ, преслѣдующихъ больнаго и не покидающихъ его ни на минуту, не сохранились у нея въ памяти. За все это время въ душѣ ея царила абсолютная пустота! А потомъ?... Потомъ началось какое-то странное жужжаніе въ ушахъ, такъ что она даже ощупала ихъ рукою, чтобы посмотрѣть, не привязана-ли къ нимъ одна изъ тѣхъ раковинъ, которыя хранять въ своихъ перламутровыхъ завиткахъ отголоски океановъ. Но нѣтъ, это было пробужденіе, это жизнь расправляла свои крылья, это—сердце кричало «кукуруку!» И, съ трудомъ приподнявъ вѣки, которыя все еще были придавлены какою-то тяжестью, она въ туманѣ увидѣла мать, потомъ отца, и оба улыбались ей счастливою улыбкою.

О, какъ сладко было это первое свиданіе послѣ безвозвратной разлуки; какъ сладки были эти поцѣлуи, которыми обмѣнивались сначала осторожно, съ умѣренностью, чтобы не утомить больную, а потомъ уже смѣлѣе и чаще! Словно сахаръ таяли они на губахъ, смывая съ нихъ послѣдніе слѣды горечи отъ пролитыхъ слезъ! Съ трудомъ осваивалась она съ своими прежними мечтами, съ трудомъ припоминала прежнія радости, съ трудомъ узнавала давно знакомые предметы, свою мадонну изъ слоновой кости, пастушекъ, гулявшихъ по обоямъ, граціозную флейтистку—Бомбику... Со всѣми приходилось возобновлять знакомство.

— Здравствуйте, мои милыя!... Я нахожу, что вы измѣнились!

На самомъ-же дѣлѣ не онѣ измѣнились, а она сама. Ея волосы, заплетенные въ короткія косы, ея блѣдность, ея сильно похудѣвшій бюстъ и углубившіяся ямочки, — все удивляло ее, со всѣмъ приходилось осваиваться постепенно, всему находить новое мѣсто,—цвѣтамъ, книгамъ и даже мыслямъ, которыя тоже какъ-то плохо укладывались въ старыя рамки. И какъ весело было играть въ этотъ пасьянсъ, брать за крылышки каждую отдѣльную грезу и укладывать ихъ одна за другою въ гнѣздышко.

— А! Это ты, Элевзина?... Это ты, Діонисій?... Это ты, Андрэ?

Она и ему говорила «ты»—въ своихъ мечтахъ..

Съ каждымъ днемъ она открывала что-нибудь новое: —

слово, жестъ; это былъ безпрерывный діалогъ настоящаго съ прошлымъ. Изрѣдка наворачивались еще слезы, послѣдніе отголоски минувшаго тяжелаго горя; но онѣ скоро высыхали подъ теплыми лучами радости и счастья...

Да, счастья! И отецъ ея, и мать казались счастливыми, полными свѣтлыхъ надеждъ; онъ сталъ во всѣхъ отношеніяхъ благогазумымъ, хотя сильно похудѣлъ, измѣнился и какъ будто даже ростомъ былъ не выше своей тщедушной, больной дочки. Въ воздухѣ носились проэскты: герцогъ выйдетъ въ отставку, они покинутъ Парижъ, возьмутъ съ собою дѣдушку вмѣстѣ съ его пансіономъ каменныхъ дѣвиць, и уѣдутъ далеко, въ провинцію, еще дальше, быть можетъ—въ Алжиръ, и заживугъ тихо, скромно, счастливо, не разставаясь никогда. — Потомъ траурная одежда матери снова напоминала ей о смерти бабушки, ей становилось стыдно при мысли, что только съ ея смертью къ нимъ вернулось счастье, и она плакала о томъ, что не умѣетъ достаточно оплакивать ее.

.....

Шанталь вошла.

— Да, это я, мой добрый Спиро! Здравствуй, Спиридонъ!
Калиора!

И не дожидаясь привѣтственной рѣчи, которую „экономка“ готовила вотъ уже цѣлый мѣсяць, она вбѣжала на лѣстницу, кинувъ почтенной Miss уже сверху слѣдующую, очень существенную инструкцію:

— Только, пожалуйста, не раньше пяти часовъ!

Затѣмъ она продолжала подниматься осторожно, на цыпочкахъ. Сердце ея сильно билось. Цѣлыхъ восемь дней сряду она каждое утро съ нетерпѣніемъ ждала солнца. Если не свѣтило солнце, нечего было и думать о поѣздкѣ. Что за ужасный человѣкъ, этотъ докторъ! А барометръ, какъ на зло, не поднимался выше „бури“! Точно сговорились эти два врага. Наконецъ, несмотря на всѣ пашни доктора и барометра, солнце таки показалось. И вотъ они собрались и скромненько на извожикѣ, — вѣдь теперь ужъ у нихъ не тридцать шесть кучеровъ, — отправились въ путь вмѣстѣ съ Miss и съ Меркуріемъ-Козлоносцемъ, тщательно завернутымъ въ бумагу, съ тѣмъ самымъ знаменитымъ Меркуріемъ, который такъ долго лежалъ у фотографа и котораго она прежде всего поспѣшила выку-

пить. Какъ, однако, дорого стоятъ эти *криофоры*; даже представить себѣ трудно. Если-бы не выручила Miss, у нея-бы не хватило денегъ. Дѣдушка ничего не подозрѣвалъ. Продолжая красться на цыпочкахъ, Шанталь смѣшалась при мысли объ изумленіи дѣдушки и... и... Вѣдь дѣдушка не одинъ... сегодня четвергъ, день, посвященный Элевзинѣ... И вѣдь догадалось-же солнце выбрать какъ разъ четвергъ! Прехитрое созданіе это солнце!

Но поднявшись на верхъ и очутившись передъ дверью «музея», Шанталь вдругъ остановилась и начала дрожать, какъ листъ. Никогда, никогда не рѣшилась-бы она войти, если бы въ эту самую минуту (бываютъ-же такія счастливыя случайности!) де-Шаленъ, въ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ, не вышелъ, неся въ рукахъ торсъ какой-то богини.

Шанталь отступила отъ двери, а онъ, узнавъ ее, только воскликнулъ: «*Mademoiselle!*» и выпустилъ изъ рукъ богиню, которая кубаремъ скатилась съ лѣстницы, въ нижній этажъ.

Услышавъ грохотъ, прибѣжалъ и Бакварисъ, въ сдвинутой на ухо ермолкѣ и разстегнутой жилеткѣ.

— Что ты?... что-ты, мой другъ?... Что съ тобой случилось?

Вдругъ онъ замѣтилъ Шанталь, поднялъ ее на руки и захохотавъ какъ сумасшедшій, унесъ ее, какъ добычу, въ музей.

— Ты? Это ты, *картидза му!*... мое сердце! Ты,—мои ясныя очи?... И ты не предупредила?... И ты привезла мнѣ Меркурія?

Онъ и самъ не зналъ, что говорилъ, что дѣлалъ; со слезами на глазахъ, бормоча сквозь зубы какія-то греческія восклицанія, онъ буквально пожиралъ Шанталь поцѣлуями.

Она отбивалась и кричала:

— Будетъ, дѣдушка, будетъ!... Довольно!... Вѣдь тебѣ-же ничего не останется... если ты... если ты съѣшь... все... въ первый-же день!... Не говоря уже про то, что ты сломаешь... сломаешь своего *Криофора*.

Де-Шаленъ вернулся съ богинею, которая оказалась цѣлехонька.

— Она ничего не сломала себѣ? спросила Шанталь.

— О, нѣтъ!... Напротивъ!... отвѣтилъ драгунъ, краснѣя. Она обладаетъ солидною, мраморною комплекціей...

— Да въ добавокъ у нея нѣтъ ни рукъ, ни ногъ... этакъ при всемъ желаніи трудно сломать себѣ... Ну, что? какъ подвигается Элевзисъ? продолжала Шанталь.— Прибыль-ли наконецъ транспортъ?... А колесница, дѣдушка, триумфальная колесница? Да куда-же это онъ исчезъ?... Дѣдушка!... Дѣдушка!

Она поставила Гермеса на его прежнее мѣсто и, снова обращаясь къ Андрѣ, сказала:

— Такъ вы меня узнали?

— Это не у меня нужно спрашивать, mademoiselle... а у богини... у злосчастной богини, которая... отъ изумленья... чуть не...

— О, да какой вы стали остроумный!... Должно быть послѣ дуэли...

— Вы знаете?

— Знаю-ли я?... И такъ вы готовы были умереть и не сказали мнѣ ни слова?...

— Я оставилъ письмо, сказалъ Андрѣ, потупивъ глаза, — письмо для...

— Письмо... для?... меня?

Онъ только кивнулъ головой; голосъ вдругъ измѣнилъ ему.

Она продолжала:

— Совсѣмъ-ли вы выздоровѣли?

— О, я даже не былъ серьезно боленъ!

— Не правда!... Не правда!... А „царапина“... „царапина“!... Папа рассказывалъ мнѣ про васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?... А мнѣ — про васъ! прервалъ ее Андрѣ.

— Каковъ? И хотъ бы слово сказалъ мнѣ объ этомъ!... Если-бы вы знали, какъ папа васъ любить! Да и мамаша тоже... Только и слышишь: — «Онъ герой! онъ герой!»... Вотъ тебѣ на! Зачѣмъ-же вы краснѣете?... Дѣйствительно, вы поступили, какъ герой, рѣшившись драться за моего отца... потому что онъ... мой отецъ... скажите?

Онъ едва слышнымъ голосомъ вымолвилъ:— Да!

— Я никогда не забуду этого! продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія.

И, кладя свою руку въ его руку, которую онъ ей протягивалъ, она повторила уже тише:

— Никогда!

Весь красный, съ влажными отъ набѣжавшихъ слезъ глазами, онъ опустился передъ нею на колѣни и цѣловалъ ея руку.

— Привѣтствую васъ, о Шанталь... прекрасная, божественная... чистѣйшая, благословеннѣйшая изъ дѣвъ... дорогая, обожаемая мученица!... Вѣдь и я тоже знаю вашу тайну... Я люблю васъ! прошепталъ онъ, задыхаясь отъ волненія. Я люблю, люблю васъ!...

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не налюбоваться на этого статнаго драгуна, который такъ покорно склонилъ свою бѣлокурую голову передъ этою дѣвочкою, сдерживалъ свой могучій голосъ и такъ похожъ былъ на Св. Георгія у ногъ царевны.

Она высвободила свою руку и старалась поднять его.

— Тише! тише!... Не угодно-ли вамъ замолчать!... Развѣ позволительно... любить безъ позволенія?... Стыдитесь, сударь! Такъ вотъ чему научились вы въ своихъ теоріяхъ?... А іерархія, милостивый государь? Принципъ іерархіи?... Вѣдь вы пираете его ногами!... Если-бы папа...

— Генеральъ знаетъ... началъ онъ. — Моя мать — тоже...

Она зажала ему ротъ рукой.

— Пойдемте лучше навѣстить нашихъ элевзинскихъ приятельницъ! сказала она.

Она стряхнула съ себя эту неловкость, овладѣвшую всѣмъ ея существомъ, это первое смущеніе любви, которое сковало ея веселье, и мало-по-малу возвращалась къ прежнему беззаботному настроенію, порхая по комнатамъ, напѣвая въ полголоса пѣсенку и привѣтствуя то ту, то другую знакомую фигуру.

— Здравствуйте, господинъ Эфебъ! Здравствуй и ты, дама съ урной! *Калимера*, Эроть, *Калимера*!... *Корэ*, моя красавица, — какъ поживаетъ?... У тебя не было лихорадки?... Ну, и прекрасно! А то какъ-бы у тебя щупали пульсъ?

Маленькія танагрійки тоже пережили тяжелое время, многихъ пришлось продать, чтобы спасти честь герцога Варезскаго. И всѣ онѣ теперь стали родныя для Шанталь, — всѣ: и боги, и богини, и бронзы, и стѣлы, и вазы. Она переходила отъ одной фигуры къ другой, улыбалась красивымъ,

улыбалась уродливымъ и долше всего останавливалась передъ убогими, разбитыми. Затѣмъ настала очередь растений: жасмина, миртъ, апельсиновыхъ деревьевъ, стоявшихъ въ саду въ своихъ ящикахъ. Кончивъ свой обходъ, она снова подошла къ Андрѣ и воскликнула недовольнымъ голосомъ:

— Совсѣмъ не похоже!... Ну вотъ совсѣмъ, совсѣмъ не похоже!... У меня никогда не было носа съ раструбомъ!... Да? По вашему у меня носъ тру...? Нѣтъ, это слишкомъ!

Въ эту минуту вошелъ Баккарисъ, въ новой, праздничной фескѣ и въ жилеттѣ, застегнутой почти на всѣ пуговицы.

— Дѣдушка, продолжала она, — развѣ ты находишь, что у меня носъ тру... ха, ха, ха!... тру...бой? — Вѣдь нѣтъ? Не правда-ли?... А вотъ этотъ господинъ имѣетъ любезность утверждать... ха, ха, ха! Изъ того, что человекъ служить въ кавалеріи, еще не слѣдуетъ, что ему всюду должны мерещиться трубы!... А колесница, дѣдушка, колесница?

— Сейчасъ, сейчасъ... Потерпи немножко! отвѣтилъ поликаръ, таинственно посмѣиваясь себѣ въ бороду и подмигивая глазомъ.

... Около четырехъ часовъ всѣ трое спустились ѣсть *слика* въ саду, гдѣ отъ кипарисовъ ложились уже длинныя тѣни на зеленую лужайку. Фонтанъ тихо журчалъ, Перикль мурлыкалъ, а Атина звонко пѣла свою соловьиную пѣсню. Кругомъ не слышно было никакого шума, только изрѣдка, по ту сторону бульвара, съ пыхтѣніемъ и грохотомъ проносился поѣздъ, и послѣ этого еще глубже казались царившіе въ этомъ уголкѣ миръ и тишина. Надъ столомъ дрожала свѣжая зелень зацвѣтающаго винограда и жасмина, и всѣ трое, какъ въ тотъ памятный день, когда они вмѣстѣ завтракали на этомъ самомъ мѣстѣ, сидѣли молча, устремивъ глаза въ голубую даль, рисовавшуюся на противоположной стѣнѣ: синее море, золотистыя скалы, горы, развалины тонули въ далекомъ туманѣ, среди котораго каждый, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ отраженіе своей собственной думы. Старый поликаръ видѣлъ въ немъ Элевзину, Шанталь улыбалась Андрѣ, а Андрѣ погруженъ въ созерцаніе идеальнаго образа своей возлюбленной.

Поднялся вѣтерокъ, и розовые лепестки греческаго жасмина, какъ снѣгъ, посыпались на ихъ головы.

— Пойдемъ смотрѣть триумфальную колесницу, сказала Шанталь,—вставая.

Подъ большимъ стекляннымъ колпакомъ, по срединѣ „кафарнаума», заново обитаго краснымъ бархатомъ, стояла вполне реставрированная знаменитая *тенонгъ-арма*, крытая колесница, на своихъ четырехъ бронзовыхъ колесахъ, снабженныхъ крыльями, какъ сандалии Меркурія. На переднемъ щитѣ изъ зеленой, окисленной бронзы изображено было берельефомъ похищеніе Европы, на концѣ дышла красовалась маска флейтиста съ разинутымъ ртомъ, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сквозъ ажурную рѣзьбу должны были продѣваться возжи, сидѣла пара цѣлующихся голубковъ.

Едва переступивъ черезъ порогъ, Шанталь почувствовала, какъ теплая струя поднимается у нея отъ сердца къ глазамъ, ноги ея задрожали, и она навѣрное бы упала, если-бы Андрэ не подаль ей руки.

А за ихъ спинами послышался ликующій голосъ Баккариса:

— Э! э! Вѣдь это ваша свадебная карета!

Потомъ, заключивъ ихъ обоихъ въ объятія, онъ съ усмѣшкой сказалъ драгуну:

— Ну, поцѣлуй ее! Да не такъ... не такъ... Въ лицо!... Eh! mon Dieu! Или ты боишься уколоться объ ея бороду.

И на этотъ разъ покраснѣла ужъ Шанталь.

КОНЕЦЪ.

Очеркъ ученій Гартмана, Дюринга и Ланге.

I.

Хорошъ или дуренъ мѣръ? Хороша или дурна жизнь, въ основахъ ея?

Вопросъ о цѣнности мѣра и жизни принадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ вопросовъ, которые способны глубоко интересовать всякаго, чья мысль не остановилась на частностяхъ и кто не лишень инстинктивнаго стремленія и способности охватить цѣлое и общее. То или иное рѣшеніе этого вопроса необходимо кладеть глубокой отпечатокъ на все міросозерцаніе человѣка, на всю совокупность его соціально-этическихъ идеаловъ и принциповъ.

Оптимистъ, утверждающій, что мѣръ хорошъ въ своихъ основахъ, что жизнь можетъ стать источникомъ счастья для человѣка,—по всей вѣроятности, и идеаломъ жизни поставитъ идеаль «наибольшаго счастья наибольшаго числа». Поэтому-то, всѣ утилитаристы могутъ быть причислены къ оптимистамъ, всѣ они вѣрятъ въ счастье, вѣрятъ въ лучшее, болѣе свѣтлое и радостное, будущее человѣчества.

Для пессимиста было-бы, конечно, уже непослѣдовательностью выставлять положительные идеалы счастья, и, не видя въ жизни ничего, кромѣ громаднаго и вѣчно неизбѣжнаго перевѣса страданія,—онъ вынужденъ проповѣдывать лишь смерть, нирвану, небытіе.

Наконецъ, если человѣкъ не увлекается ни оптимизмомъ, ни пессимизмомъ, то идеаль счастья не можетъ казаться ему удовлетворительнымъ, не можетъ вдохновить его,—и онъ выставитъ, какъ руководящій принципъ, чисто этическій идеаль, идеаль нравственнаго совершенства, признавая сравнительно не важнымъ и съ нравственной точки зрѣнія почти безразличнымъ—влечеть-ли за собою нравственное совершенство личности, человѣчества, и возвышеніе счастья, или нѣтъ.

Какого-бы міровоззрѣнія ни держался человѣкъ, по разъ мысль

его развита и онъ сознательно стремится выработать твердый и послѣдовательно проведенный взглядъ на жизнь, стремится къ внутреннему единству и гармоніи своего міросозерцанія,—онъ не можетъ уже остановиться на смутныхъ чувствованіяхъ и настроеніяхъ: онъ хочетъ отдать себѣ полный отчетъ въ своихъ мысляхъ, хочетъ всесторонне обосновать свои взгляды, свои идеалы; проповѣдуя оптимизмъ, или пессимизмъ, или отрицая то и другое, какъ крайности и увлеченія,—онъ всегда обратится къ фактамъ жизни и опыту исторіи, къ выводамъ естествознанія и къ метафизическимъ соображеніямъ, чтобы доказать и себѣ, и другимъ правильность своихъ воззрѣній.

Однако, чѣмъ-бы ни обуславливалось общее различіе въ міровоззрѣніяхъ философски-мыслящихъ людей,—зависитъ-ли оно отъ особенностей индивидуальнаго характера личности, или отъ свойствъ ея собственнаго жизненнаго опыта, или еще отъ какихъ-либо иныхъ причинъ,—во всякомъ случаѣ, самое существованіе такого радикальнаго разногласія наводитъ на мысль, что, въ дѣйствительности, жизнь не представляетъ твердыхъ и очевидныхъ данныхъ для безспорнаго рѣшенія вопроса о цѣнности ея.—Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Пессимисты утверждаютъ, что жизнь дурна и что чѣмъ дальше идетъ прогрессъ ея, чѣмъ выше становится сознаніе человѣчества, тѣмъ относительно многочисленнѣе и сильнѣе становятся страданія; оптимисты говорятъ, напротивъ, что жизнь хороша, въ своихъ основахъ, и чѣмъ дальше пойдетъ она въ своемъ развитіи, чѣмъ выше станетъ сознаніе человѣчества, тѣмъ большее счастье будетъ составлять она для человѣка, тѣмъ будетъ она для него болѣе дорогою. Отсюда ясно, что окончательное рѣшеніе вопроса о цѣнности жизни находится въ тѣсной связи съ нашими воззрѣніями на прогрессъ, на его возможность, на его значеніе.

Но человѣчество еще такъ молодо, прошлая жизнь его, сравнительно съ тѣми милліонами лѣтъ, которые, можетъ быть, предстоитъ ему жить, такъ коротка, что, въ настоящее время, и о прогрессѣ, доступномъ ему, мы можемъ дѣлать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотетическія предположенія, но не можемъ сказать ничего положительнаго и точнаго. Что-же касается фактическаго положенія этого вопроса, то пока нельзя не согласиться, что благотворное вліяніе такъ-называемаго прогресса человѣчества,—если только мы не ограничимся одною внѣшнею, показною стороною его,—такъ еще неясно и ничтожно, по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ громадному большинству людей, что можно даже сомнѣваться въ его существованіи. Не будемъ останавливаться

здѣсь на тѣхъ народахъ, которые остались чужды новѣйшей «цивилизаци» и которые, въ случаѣ столкновенія съ нею, вымираютъ, потому что оказываются почему-то неспособными пользоваться ея благами, ея матеріальными, умственными и нравственными высокими достоинствами, которыя она предлагаетъ имъ чрезъ посредство своихъ представителей. Но если обратиться даже къ однѣмъ только цивилизованнымъ націямъ, то и тутъ мы найдемъ, что относительное число пользующихся благами прогресса такъ ничтожно-общественныя и личныя отношенія между людьми такъ неудовлетворительны, счастья и нравственной высоты такъ мало, а страданій и узкаго эгоизма такъ много, что вполнѣ простительно считать осуществившійся до сихъ поръ прогрессъ,—въ смыслѣ улучшенія и возвышенія жизни человѣка,—если и не совершенно проблематичнымъ, то все-же очень одностороннимъ и поверхностнымъ.

Не будучи въ состояніи, при помощи опыта, придти къ какому-либо определенному и несомнѣнному рѣшенію вопросовъ о цѣнности жизни, о возможной, благодаря прогрессу человѣчества, высотѣ счастья и нравственности, мы, естественно, приходимъ къ заключенію, что, въ сущности, вѣра, чувство, а не разумъ и точное знаніе, руководятъ человѣкомъ, когда онъ въ будущемъ провидитъ осуществленіе дорогихъ ему идеаловъ всеобщаго счастья, любви и братства. Правда, можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждать и то, что пока течетъ въ жилахъ человѣка горячая кровь, пока не отупѣли и не заглохли окончательно лучшія стороны его природы, лучшіе его порывы и стремленія, до тѣхъ поръ не угаснетъ въ немъ и эта вѣра—единственный источникъ тепла и свѣта на его темномъ пути, въ его тяжелой жизненной борьбѣ. Но если въ комъ угасаетъ эта высокая и плодотворная вѣра и кто признаетъ въ то-же время, что самая глубокая и всеобъемлющая потребность всякаго чувствующаго существа есть потребность въ счастьи, тотъ не можетъ уже видѣть никакой прелести въ жизни: онъ мечтаетъ о смерти, проповѣдуетъ нирвану, какъ единственное средство избавиться отъ тягости бытія.

Намъ кажется не безынтереснымъ было-бы дать сравнительный очеркъ трехъ упомянутыхъ міровоззрѣній въ формѣ сопоставленія соотвѣтственныхъ ученій какихъ-либо видныхъ представителей каждаго изъ нихъ. Въ настоящей статьѣ мы и попытаемся выполнить эту задачу, выбравъ для нашей цѣли Гартмана, Дюринга и Ланге, какъ представителей: 1-ый—пессимизма, 2-ой—оптимизма и 3-ий—критицизма, какъ посредствующаго и примиряющаго міровоззрѣнія. Изъ современныхъ философовъ, Гартмана, во всякомъ случаѣ, можно считать однимъ изъ наиболѣе выдающихся и

популярныхъ *) пропaгандистовъ пессимизма, чѣмъ и объясняется, почему мы остановились именно на немъ. Дюрингъ представляетъ собою, съ одной стороны, высоко-даровитаго и мощнаго мыслителя, а съ другой—его идеи, во многихъ отношеніяхъ, являются радикальною противоположностью идей Гартмана, вслѣдствіе чего сопоставленіе этихъ двухъ философовъ очень благоприятно для нашихъ цѣлей. Наконецъ, Фридрихъ Альбертъ Ланге, авторъ недавно появившагося и въ русскомъ переводѣ замѣчательнаго сочиненія «Исторія матеріализма», какъ занимающій посредствующее, между первыми двумя, положеніе, лучше всего поможетъ читателю сознательно оріентироваться въ вопросѣ.

II.

Гартманъ.

Разрабатывая свою философскую систему, Гартманъ, по его словамъ, пользуется такимъ методомъ, который, съ одной стороны, устранялъ-бы узкость и ограниченность чистой индукціи и эмпири, а съ другой—не оставлялъ-бы въ пренебреженіи и фактическаго изученія явленій, потому что, иначе, конечные выводы и вся система не имѣли-бы подъ собою надежной почвы и могли-бы оказаться въ противорѣчій съ твердо установленными выводами естественныхъ наукъ. Поэтому, «Философія Безсознательнаго» должна содержать въ себѣ умозрительные результаты, добытые по естественно-научнымъ методамъ. Впрочемъ, высшій философскій принципъ непосредственно раскрывается философу путемъ таинственнаго, мистическаго вдохновенія, и главная задача заключается лишь въ томъ, чтобы путемъ индукціи по возможности разъяснить и доказать этотъ принципъ. Собственно говоря и философія и религія вырастаютъ изъ одного общаго корня—изъ особаго, таинственнаго чувства, котораго нельзя передать другимъ посредствомъ какихъ-либо рациональныхъ толкованій, но которое само-бытно возникаетъ въ каждомъ индивидуумѣ и непосредственно за-ставляетъ его сознать связь свою съ абсолютнымъ существомъ. Это абсолютное существо, по Гартману, есть Безсознательное, которое, въ противоположность ученію Шопенгауэра, слѣдуетъ признать не только безсознательною волею, но, въ то-же время, и безсознательнымъ представленіемъ или идеею.

Установивъ свой общій метафизическій принципъ, какъ истин-

*) Главное сочиненіе Гартмана—«Философія Безсознательнаго»—выдержало уже въ Германіи, въ продолженіи 13 лѣтъ, 8 изданій.

ную сущность вещей, Гартманъ старается индуктивно доказать его и обращается за этими доказательствами, прежде всего, къ биологіи. Рефлективные и произвольныя движенія, инстинкты, рожденіе, ростъ и развитіе организмовъ и т. п. явленія, по Гартману, не могутъ быть объяснены чисто механически: въ этихъ явленіяхъ мы на каждомъ шагѣ наталкиваемся на непосредственное вліяніе метафизическаго Безсознательнаго, — и только понявъ это, въ состояніи будемъ понять и самыя явленія. Изучая, затѣмъ, проявленія человѣческаго духа, Гартманъ приходитъ къ тому-же результату. Въ половой любви, въ общей способности чувствовать, въ характерѣ, въ нравственности, въ эстетикѣ, въ искусствѣ, въ мистицизмѣ, въ исторіи, словомъ вездѣ, открываетъ онъ вліяніе и вмѣшательство своего Безсознательнаго, какъ безсознательныхъ воли и представленія. Такимъ образомъ, въ то время, какъ наука стремится избѣгать всего сверхъестественнаго, Гартманъ поступаетъ какъ-разъ наоборотъ. Самыя разнородныя явленія, имѣющія между собою только то общаго, что они еще неясны для насъ, сводятся Гартманомъ на его безсознательный принципъ, который все творитъ, всѣмъ цѣлесообразно управляетъ и все объясняетъ. Не трудно, однако, видѣть, что такой способъ толкованія явленій имѣетъ, въ дѣйствительности, очень мало общаго съ наукою и что научное достоинство всѣхъ этихъ «индуктивныхъ» доказательствъ весьма невелико. Вообще, научный методъ Гартмана, какъ замѣчаетъ Ланге въ своей «Исторіи материализма», очень похожъ на методъ австрійскаго дикаря, такъ-же объясняющаго всѣ непонятныя ему явленія вмѣшательствомъ сверхъестественнаго, таинственнаго существа.

Не будемъ, однако, останавливаться дольше на индуктивныхъ и метафизическихъ доказательствахъ Гартмана, а взглянемъ теперь, какъ объясняетъ онъ, изъ своего безсознательнаго принципа, самое происхожденіе міра, бытія, и затѣмъ перейдемъ къ его пессимизму и, выработаннымъ подъ вліяніемъ послѣдняго, воззрѣніямъ на нравственность, социологію, исторію и т. д.

Безсознательное, какъ мы видѣли, по Гартману, есть въ одно и тоже время и безсознательная воля и безсознательная идея. Воля является активнымъ принципомъ бытія, идея—пассивнымъ. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ принциповъ, въ отдѣльности, не могли-бы вызвать міръ къ бытію, потому что воля, сама по себѣ, совершенно безсодержательна, чужда всякаго представленія, всякой цѣли и также безсодержательно и безцѣльно и ея вѣчное стремленіе, хотѣніе; съ другой стороны, идея, или безсознательное представленіе, заключаетъ уже въ себѣ возможность міра, но такъ

какъ она чужда всякой воли, то и эта возможность всегда оставалась-бы только возможностью, никогда не перешла-бы въ дѣйствительность. Поэтому, міръ обязанъ своимъ возникновеніемъ именно лишь соединенію этихъ всеобщихъ принциповъ въ перво-бытную пару. Идея, по словамъ Гартмана, какъ бы жертвуетъ для воли своею дѣйственной невинностью и, благодаря этому, дѣлается для нея возможнымъ перейти изъ состоянія пустого, безсодержательнаго воленія и томленія къ опредѣленной формѣ бытія. Слѣдовательно, міръ, бытіе, имѣли, по Гартману, нѣкогда свое начало, а отсюда является возможность предположить, что они не безконечны и въ будущемъ.

Міръ обязанъ своимъ бытіемъ волѣ, т. е. принципу слѣпому и неразумному, а такъ-какъ воля, притомъ, по самой природѣ своей, никогда не можетъ достигъ удовлетворенія и поэтому обречена на вѣчное страданіе, то и міръ необходимо долженъ былъ оказаться, и, дѣйствительно, по мнѣнію Гартмана оказался, преисполненнымъ страданія, такъ что небытіе его было-бы предпочтительнѣе бытія. Отсюда естественно вытекаетъ заключеніе, что истинная конечная цѣль разумаго Безсознательнаго заключается именно въ томъ, чтобы погасла и заглохла всякая жизнь, чтобы всюду воцарился могильный покой, чтобы настало вѣчное царство нирваны, небытія.

На основаніи предыдущаго можно было-бы подумать, что Гартманъ безусловно осуждаетъ существующій міръ; но, на самомъ дѣлѣ, это не такъ. Въ созданіи міра участвовала не только воля, но и идея, принципъ разумный; поэтому, мы должны, по Гартману, признать, что хотя въ мірѣ и царитъ страданіе, хотя небытіе и предпочтительнѣе бытія, тѣмъ не менѣе, существующій міръ все же на столько хорошъ, на сколько это оказалось вообще возможнымъ, т. е. мы должны признать этотъ міръ лучшимъ изъ возможныхъ міровъ, должны признать, что все въ немъ устроено разумно и цѣлесообразно. Вслѣдствіе такой-то странной смѣси въ воззрѣніяхъ Гартмана пессимизма и оптимизма, Герингъ очень удачно называетъ его, въ своей *System der kritischen Philosophie*, «абсолютнымъ пессимистомъ и относительнымъ оптимистомъ».

Итакъ, въ теоретической основѣ гартмановскаго пессимизма лежитъ метафизическая концепція или, если хотите, метафизическій романъ, какъ называетъ ее Вайгингеръ въ своемъ этюдѣ: Hartmann, Dühring und Lange *); но философъ не довольствуется этою основою, а старается оправдать свой пессимизмъ и эмпирически. Въ

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить здѣсь, что это сочиненіе Вайгингера отличается большими достоинствами.

своемъ ученіи о трехъ стадіяхъ иллюзіи, чрезъ которыя, по его мнѣнію, должно пройти человѣчество, прежде чѣмъ оно закончитъ цѣль своего существованія, Гартманъ стремится фактически доказать необходимый перевѣсъ въ мірѣ страданія надъ наслажденіемъ. Первая стадія иллюзіи, которую, съ точки зрѣнія исторіи, слѣдуетъ признать характерною для іудейско-греческо-римскаго періода, заключается въ томъ, что счастье считаютъ достижимымъ для индивидуума и въ настоящее время, т. е. при данномъ уровнѣ развитія человѣчества. Разрушая эту иллюзію, Гартманъ указываетъ на отрицательный характеръ наслажденія (не отказывая однако, въ иныхъ случаяхъ, послѣднему и въ нѣкоторой положительной цѣнности) и даетъ, такъ сказать, статику и динамику наслажденія и страданія. Въ результатѣ получается слѣдующее: здоровье, молодость, свобода и пр. суть только отрицательныя и частныя блага; довольство—только свобода отъ страданія и также не имѣетъ положительнаго значенія; любовь, дружба, семейная жизнь и пр., а также религія, искусство, наука, доставляютъ болѣе страданія, чѣмъ счастья. Словомъ, все въ мірѣ суетно и ничтожно, все доставляетъ болѣе страданія, чѣмъ счастья, и первое всегда безъ сравненія превосходитъ второе, какъ въ личной жизни каждаго индивидуума, такъ и въ жизни любого общества, взятаго какъ цѣлое.

Таковъ окончательный взглядъ Гартмана на жизнь человѣка. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что все индуктивное изслѣдованіе, приведшее Гартмана къ его общей пессимистической оцѣнкѣ жизни, страдаетъ крайнею односторонностію, тенденціозностію и неполнотою. Джемсъ Селли, въ своемъ сочиненіи, посвященномъ изученію пессимизма, такъ характеризуетъ приемъ Гартмана: «Итакъ, Гартманъ прибѣгаетъ къ методу объективнаго наблюденія. Онъ утверждаетъ, что, изучая разныя условія человѣческой жизни и дѣятельности, можно достигнуть довольно точнаго заключенія. Какимъ-же образомъ должно вести такое изслѣдованіе? А вотъ какъ. Нужно набрать побольше главныхъ побужденій и условій, господствующихъ надъ человѣческою жизнью, каковы: любовь, гнѣвъ, честолюбіе, богатство, бракъ, дружба и т. д. Эту сложную кучу можно разсматривать какъ жизнь, въ ея цѣломъ. Потомъ мы ярко освѣтимъ всѣ бѣдствія и препятствія, которыя свойственны этимъ условіямъ жизни, но коснемся наивозможно легче выгодъ, сопровождающихъ ихъ (или, если послѣднія не слишкомъ осязательны, то вовсе опустимъ ихъ), сложимъ результаты и получимъ балансъ, который склонится въ сторону страданія». (James Sully. *Le pessimisme*, p. 226).

Вторая стадія иллюзіи, господствующая въ мірѣ христіанскомъ, заключается въ томъ, что счастье считаютъ достижимымъ въ загробной жизни. Но сознание и индивидуальность суть только явленіе. Состояніе послѣ прекращенія индивидуальной жизни есть для индивидуума совершенное ничто. Такимъ образомъ, падаетъ и эта вторая иллюзія. Современное человѣчество переходитъ отъ второй къ *третьей*,—когда счастье считается возможнымъ въ будущемъ, благодаря прогрессу знаній и между-человѣческихъ отношеній. Однако, утверждаетъ Гартманъ, если, благодаря прогрессу, кое-что будетъ лучше, то многое, и сравнительно гораздо большее, будетъ хуже. Прогрессъ науки и искусства, можетъ быть, въ состояніи будетъ сдѣлать кое-что для устраненія различныхъ причинъ нашихъ страданій, но онъ, съ одной стороны, не увеличитъ нашего положительнаго счастья, а съ другой—самъ послужитъ необходимо источникомъ новыхъ страданій. Такъ, прогрессъ медицины не уравниваетъ все болѣе и болѣе возрастающаго количества болѣзней. Безнравственные поступки также относительно увеличатся, потому что повышеніе нравственности будетъ идти медленно, чѣмъ соответственное повышеніе нравственныхъ требованій и чувствительности. Вообще развитіе разума и чувствительности заставитъ только людей глубже сознать всю бѣдственность бытія, и страданія, которыя возникнутъ отъ этого, далеко перевѣсятъ тѣ незначительныя блага, которыя можетъ доставить человѣчеству прогрессъ. Идеалы и надежды все болѣе и болѣе окажутся обманчивыми и суетными; счастье не увеличится, а потребности и желанія возрастутъ. Но эта стадія иллюзіи имѣетъ все-же особенно важное значеніе, такъ-какъ во время ея увеличится между-человѣческая солидарность, возрастетъ готовность индивидуумовъ къ самопожертвованію во имя общаго блага, и, благодаря этому прогрессу, человѣчество, разгадавъ всю иллюзорность своихъ надеждъ на положительное счастье, въ состояніи будетъ осуществить конечную цѣль Безсознательнаго—добровольно отречься отъ хотѣнія жить, добровольно отказаться отъ существованія, освободивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ послѣдняго и весь міръ и космическую мировую волю. Эта цѣль будетъ достигнута посредствомъ массоваго самоубійства человѣчества, вслѣдствіе котораго все погибнетъ, все умретъ, уничтожится всякое хотѣніе,—причина міра и источникъ зла,—и тамъ, гдѣ раньше было столько страданія и муки, наступитъ вѣчная мертвая тишина и спокойствіе.

Итакъ, Гартманъ, въ концѣ концовъ, утѣшаетъ насъ радостною перспективою всеобщей смерти; но, къ несчастію, уже самое предположеніе, что человѣчество сосредоточитъ въ себѣ такую сумму

энергии и воли, такую власть надъ міромъ, что его смерть повлечетъ за собою общемировое уничтоженіе, слишкомъ отзывается ребяческимъ, полнымъ невѣжественнаго антропоцентрическаго самолюбія, заблужденіемъ. Въ дѣйствительности, конечно, воля человѣка такъ-же мало способна уничтожить міръ, какъ и создать его. «Невозможно, замѣчаетъ по этому поводу Фулье, въ одно и то-же время зайти дальше въ своемъ оптимизмѣ, по отношенію къ будущему прогрессу человѣческой силы и знанія, и въ своемъ пессимизмѣ, по отношенію къ будущему прогрессу человѣческаго страданія. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, великое противорѣчіе пессимистической теоріи относительно конца міра. Мы будемъ въ силахъ уничтожить міръ, но не будемъ въ состояніи организовать міра, въ которомъ можно было-бы жить. Мы уподобимся всемогущему и всевѣдущему архитектору, способному создать «великое произведеніе» и не способному, однако, сдѣлать гораздо болѣе простой работы: годнаго для обитанія дома (Revue des deux Mondes. 1-er Mars 1881. A. Fouillée. La morale contemporaine en Allemagne, p. 123).

Въ связи съ пессимистическимъ возрѣніемъ на міръ, опредѣляется для Гартмана и его взглядъ на этику и социологію.

Истинная конечная цѣль мірового развитія заключается, какъ мы уже упоминали, въ самоуничтоженіи міра; поэтому и человѣкъ долженъ, по Гартману, сознательно поставить себѣ нравственною задачею содѣйствовать этому уничтоженію. Нравственность не имѣетъ абсолютнаго значенія, а есть только средство къ устраненію страданія, къ полученію наслажденія; а такъ какъ высшее возможное блаженство для Безсознательнаго заключается именно въ самоуничтоженіи всякаго сознанія и хотѣнія, то и нравственное поведеніе человѣка должно служить, въ концѣ концовъ, этой же цѣли. — Однако, здѣсь встрѣчаются затрудненія, которыя могутъ парализовать всю силу аргументаціи Гартмана. Вѣдь индивидуумъ есть мимолетное, преходящее явленіе, и жизнь его наполнена его индивидуальными страданіями и радостями, которыя вполне прекращаются съ прекращеніемъ этой жизни; но тогда уже прекращается и вообще вся его индивидуальность. Какъ индивидуумъ, слѣдовательно, онъ ничѣмъ не связанъ съ Безсознательнымъ; по смерти своей, онъ, такъ сказать, растворяется въ Безсознательномъ, но перестаетъ уже, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть индивидуумомъ. Почему-же онъ долженъ былъ-бы въ этой жизни, какъ индивидуумъ, задаваться цѣлями совершенно чуждаго ему, далекаго отъ него, да къ тому-же еще очень проблематичнаго Безсознательнаго? Цѣлью всякаго существа служить наслажденіе

и отсутствіе страданія; положимъ, счастье есть чистѣйшая иллюзія и химера, но вѣдь отдѣльныя наслажденія все-же возможны, избѣжать страданія, во многихъ случаяхъ, также возможно: почему же-бы мнѣ не стремиться къ этимъ возможнымъ цѣлямъ, за нимѣніемъ ничего лучшаго? Такимъ образомъ, логически, теорія Гартмана можетъ привести скорѣе всего къ грубому эгоизму и чувственнымъ удовольствіямъ, какъ наиболѣе доступнымъ и легкимъ, тѣмъ болѣе, что отъ альтруистическаго расширенія моей личности счастье мое, по Гартману, никакъ не могло-бы увеличиться, а должно только еще болѣе пострадать. Съ другой стороны, при гартмановской постановкѣ вопроса, утрачивается, собственно говоря, вообще всякое превосходство нравственныхъ поступковъ передъ безнравственными, и скорѣе даже безнравственность оказывается болѣе высокою добродѣтелью, чѣмъ нравственность: вѣдь увеличившаяся безнравственность можетъ только сдѣлать жизнь, въ общемъ, еще болѣе тяжелою и поэтому—ускорить появленіе стремленія къ самоуничтоженію. Разъ мы конечною цѣлью ставимъ всеобщее самоубійство человѣчества, а причину и мотивъ къ этому акту самоотверженія видимъ, подобно Гартману, въ избыткѣ страданія, то, логически разсуждая, должны-бы, кажется, и въ практической жизни руководствоваться принципомъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Гартманъ, однако, не дѣлаетъ изъ своихъ посылокъ этихъ выводовъ, а, наоборотъ, старается, во что бы то ни стало, избѣгнуть ихъ и спасти частную мораль. Аскетизмъ, квіетизмъ, частное самоубійство безнравственны, потому что покоятся на эгоизмѣ и не могутъ содѣйствовать конечному самоуничтоженію воли. Мѣсто эгоизма должна занять безкорыстная преданность общему благу, безкорыстное служеніе общимъ задачамъ, такъ-какъ, согласно пантеистическо-буддистской идеѣ, «одна и та-же міровая сущность чувствуетъ во всѣхъ индивидуумахъ мою и твою боль».

Въ социальномъ вопросѣ Гартманъ становится на сторону социалистовъ, такъ какъ идеалы ихъ наиболѣе способны создать нравственную солидарность людей, хотя они и не могутъ, конечно, сдѣлать послѣднихъ счастливыми. Вмѣсто устраненныхъ источниковъ страданія явятся десятки новыхъ. Уже одно требованіе социалистами всеобщаго распространенія образованія среди народныхъ массъ, въ случаѣ своего осуществленія, только увеличитъ страданіе послѣднихъ, потому что повыситъ ихъ сознаніе, а ростъ страданія, какъ было упомянуто уже выше, всегда пропорціоналенъ прогрессу сознанія.

Таково, въ главныхъ чертахъ, ученіе Гартмана. Перейдемъ

теперь къ другому изъ разсматриваемыхъ нами философовъ — Дюрингу.

III.

Дюрингъ.

Уже изъ самаго опредѣленія Дюрингомъ философіи и ея задачи можно видѣть, какъ неразрывно-тѣсно связана она для него съ жизнью, съ стремленіемъ сдѣлать послѣднюю болѣе способною дать счастье людямъ. Философія есть развитіе высшей формы сознанія о мірѣ и жизни: она не должна ограничиваться тѣмъ, чтобы быть наукою, теоретическимъ знаніемъ, но должна стать, такъ сказать, соотвѣтствующимъ настроеніемъ, должна пробудить въ человѣкѣ стремленіе къ практическому преобразованію жизни, согласно съ высшими, болѣе разумными и справедливыми идеалами, къ которымъ она приводитъ его. Для насъ и для будущихъ эпохъ, говоритъ Дюрингъ, философія уже не можетъ быть спокойнымъ міросозерцаніемъ, но непрерывно дѣятельнымъ началомъ всесторонняго преобразованія жизни. Такое преобразование должно опираться на науку и разумъ, какъ на высшіе авторитеты для человѣка. Соотвѣтственно этому, основою всякой философіи, по Дюрингу, должно быть естествознаніе, которое вообще представляетъ собою всеобъемлющее и полное знаніе: не существуетъ ничего, что лежало-бы внѣ его предѣловъ, что было-бы недоступно ему. Природа, — понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, — есть самодовлѣющее цѣлое, не нуждающееся ни въ какомъ другомъ бытіи для своего дополненія; она есть содержаніе всей дѣйствительности, носитель всѣхъ возможностей. — Въ многообразно-развѣтвленномъ бытіи проявляется гармоническій міровой планъ.

Основные міровые законы раздѣляются на законы косности, господствующіе, главнымъ образомъ, въ неорганической природѣ, и законы развитія — въ мірѣ органическомъ. Первоначальнымъ состояніемъ бытія было состояніе покоя и однородности. Процессъ дифференцированія, перехода отъ простаго и однороднаго къ сложному и разнородному, начался въ опредѣленное, хотя теперь и неопредѣлимое для насъ время. Чѣмъ вызванъ былъ этотъ переходъ, — мы не можемъ въ настоящее время опредѣлить, потому что современное состояніе механики не настолько еще высоко, чтобы мы могли разрѣшить и этотъ вопросъ.

При переходѣ отъ міра неорганическаго къ міру органическому, Дюрингъ находитъ нужнымъ ввести телеологическій эле-

ментъ. Не предполагая никакого сознанія въ природѣ, мы должны все-же допустить, въ приложеніи къ ней, понятіе известной цѣлесообразности, потому что если-бы мы захотѣли смотрѣть на отношеніе средства къ цѣли, какъ на понятіе, неприменимое внѣ области сознательнаго человѣческаго стремленія, то черезъ это парализовали-бы самый разумъ и повредили-бы естественной полнотѣ его точекъ зрѣнія. Цѣлью міроваго устройства, по Дюрингу, должно признать ощущеніе, жизнь. «Весь внѣшній міръ есть только средство къ цѣли, а цѣль эта есть жизнь, какъ мы непосредственно сознаемъ ее, — жизнь какъ чисто внутренней міръ». «Ощущающія существа должны быть признаны нами за цѣль міроваго устройства, потому что вполнѣ бессознательный міръ былъ-бы нелѣпою половинчатостью и, такъ сказать, сценою безъ актеровъ и зрителей».

Обратимся теперь къ здоровому въ своемъ корнѣ и полному глубокой вѣры въ природу и въ силы человѣка оптимизму Дюринга. Источникомъ оптимизма, съ психологической точки зрѣнія, слѣдуетъ признать, по Дюрингу, «универсальный аффектъ», т. е. особую, сложную форму чувствованія, которая возникаетъ у индивидуума по отношенію къ *цѣлому* міра. Универсальный аффектъ не всегда, впрочемъ, слагается въ оптимистическое чувствованіе, а иногда и въ пессимистическое: все зависитъ отъ широты взгляда и энергіи внутренней жизни даннаго индивидуума. Но при достаточно широкомъ и объемлющемъ взглядѣ, при отсутствіи угнетающихъ призраковъ, — плода суевѣрной фантазіи и невѣжества, — универсальный аффектъ принимаетъ вообще оптимистическій характеръ: частныя несовершенства и зло міра какъ-бы сглаживаются и теряются для человѣка въ общей гармоніи природы, въ общей цѣлесообразности и разумности міроваго процесса. Это не значитъ, конечно, чтобы мы должны были преклониться передъ буржуазно-сентиментальнымъ, а въ дѣйствительности, плоскимъ и безсердечнымъ оптимизмомъ, провозглашающимъ, что «все прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ». Нѣтъ, далеко въ немъ не все прекрасно, и жизнь человѣческая полна тяжкаго горя и страданій, полна злобы и несправедливости, которыя отравляютъ ее, унижаютъ и развращаютъ. Нужно не закрывать глаза передъ всею громадностью существующаго зла, а, напротивъ, смѣло бросить ему вызовъ, смѣло взглянуть ему въ лицо и бороться противъ него, съ твердою вѣрою и убѣжденіемъ, что борьба эта не пропадетъ даромъ, что истинно-человѣчная, братски-свободная жизнь побѣдитъ въ будущемъ препятствія, стоящія теперь на ея дорогѣ, и бытіе сдѣлается для всѣхъ вполнѣ достойнымъ того,

чтобы переживать его. Да, кромѣ того, мы знаемъ, что и самое зло не есть дѣло какого-то случая, а возникаетъ такъ-же естественно-закономѣрно, какъ и всѣ явленія міра, и это представленіе о естественной закономѣрности зла можетъ дать намъ силу спокойнѣе относиться къ нему и оно-же даетъ намъ возможность цѣлесообразно направить свои усилія противъ всѣхъ отравляющихъ жизнь условій. Съ другой стороны, мы даже и на зло можемъ смотрѣть, до извѣстной степени, какъ на элементъ добра, въ страданіи видѣть условіе наслажденія, потому что, по закону контраста, первое возвышаетъ, дѣлаетъ болѣе живымъ и интенсивнымъ второе. Одно вѣчное ликование и наслажденіе — это очень грубая и скучная перспектива, не представляющая ничего привлекательнаго для человѣка, который понимаетъ смыслъ слова «жизнь», который сознательно жаждетъ жизни мощной, энергичной, полной волненій и страсти. Можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что и самыя препятствія, поставленныя природою на пути человѣка къ полной жизни и счастью, имѣютъ для него и положительное значеніе: безъ нихъ, по крайней-мѣрѣ, безъ нѣкоторой доли ихъ, энергія человѣка, его силы и знаніе никогда не достигли-бы той высоты, до которой, благодаря борьбѣ съ этими препятствіями, они могутъ подняться теперь, и, слѣдовательно, если бы жизнь была только однимъ срываніемъ цвѣтовъ удовольствія, она необходимо потеряла-бы въ своей полнотѣ, богатствѣ и энергіи. Какъ-бы то ни было, но мы вправѣ все-же надѣяться, что жизнь и счастье человѣка будутъ все болѣе и болѣе повышаться, что самыя тяжелые и гнусные, изъ несправедливостей социальнаго строя и братоубійственной борьбы за существованіе вытекающіе, источники страданій будутъ, въ концѣ концовъ, вполне побѣждены человѣкомъ.

«Философія дѣйствительности», — какъ называетъ Дюрингъ свою систему, — имѣя фундаментомъ изученіе дѣйствительности, а практическою задачею — улучшеніе и возвышеніе жизни, должна, прежде всего, заняться безпристрастною оцѣнкою элементовъ послѣдней, съ точки зрѣнія здороваго, нормальнаго ощущенія или чувства. Какъ сказано выше, при этой оцѣнѣ, вовсе не слѣдуетъ упускать изъ виду или умалять существующаго страданія и зла, а нужно только остерегаться обобщать частныя несовершенства и переносить ихъ на характеръ цѣлаго, какъ это дѣлаетъ фальшивый пессимизмъ. По отношенію къ цѣнности жизни, можно вообще сказать, что послѣдняя, на своихъ высшихъ ступеняхъ, дѣлается все богаче, гармоничнѣе и полнѣе: возникаютъ новые источники наслажденія, увеличивается внутренняя и внѣшняя сила

создавать благоприятныя для себя условія, устривать условія неблагоприятныя, словожъ—цѣнность бытія возвышается. Конечно, по реальной логикѣ вещей, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и роды возможнаго страданія, но отсюда еще нельзя сдѣлать какого-либо пессимистическаго заключенія о цѣнности жизни. Последнее могло-бы быть справедливымъ въ такомъ только случаѣ, если-бы мы предположили, что, съ повышеніемъ и развитіемъ жизни, не только пропорціонально увеличивается и возможная абсолютная сумма страданій, но что она возрастаетъ и *относительно*, по сравненію со всею совокупностью чувствъ. Но такое предположеніе противорѣчитъ какъ общему схематизму природы, такъ и отдѣльнымъ фактамъ.

Ощущеніе уже само въ себѣ заключаетъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе; поэтому, самыя непосредственныя сужденія относительно положительной или отрицательной цѣнности жизни и выражаются въ формѣ чувства, а послѣднимъ судьей въ этомъ вопросѣ является, собственно, наша воля, понимаемая какъ продуктъ инстинктивныхъ побужденій и душевныхъ стремленій. Мы всегда ищемъ такихъ представленій, которыя, и въ дѣйствительности, и какъ идеаль, наиболѣе могутъ удовлетворить насъ. Если мы находимъ, что вещи дурны, то находимъ это только потому, что хотѣли-бы видѣть ихъ иными. Если мы не удовлетворяемся извѣстною формою жизни, то происходитъ это только отъ того, что въ насъ существуетъ стремленіе къ иной, лучшей жизни. Поэтому, основанія для сужденія о положительной или отрицательной цѣнности жизни заложены въ элементахъ нашей воли. Между этими элементами самую важную роль, для болѣе или менѣе высоко развитой жизни, играютъ страсти. Даже можно было-бы говорить объ одной общей страсти, наполняющей душу человѣка,—страсти къ жизни, которая, такъ сказать, только специализируется у разныхъ индивидуумовъ въ различныхъ направленіяхъ. Дѣйствительно, безъ какой-либо глубокой страсти не можетъ быть и могучаго чувства мизантропическаго, и чѣмъ менѣе способенъ человѣкъ къ страстнымъ аффектамъ, тѣмъ бѣднѣе, тѣмъ малоцѣннѣе его существованіе. На страсти вообще принято смотрѣть, какъ на душевныя состоянія, разрушающія все счастье нашей жизни, и этотъ взглядъ, пожалуй, вѣренъ, если подъ страстью мы будемъ разумѣть только самыя крайнія степени аффекта. Но если мы не будемъ говорить объ этомъ чрезмѣрномъ повышеніи аффектовъ, то именно тѣ душевныя состоянія, которыя выражаются въ страстяхъ, и составляютъ необходимую форму бытія, достойнаго того, чтобы его переживать. Степень живости нашего существованія зависитъ отъ сво-

бодной или подавленной игры аффектовъ. Жизнь, протекающую въ равномерномъ, непрерывномъ покоѣ, едва-ли уже можно было-бы назвать жизнью; она граничила-бы съ духовною смертью. Кто знаетъ только спокойную поверхность моря, тотъ не можетъ имѣть никакого представленія о прелести могучихъ волнъ. Отнимите у насъ нашу любовь и нашу ненависть—и вы сдѣлаете наше существованіе пустынею. Вычеркните изъ плана жизни возможность повышенія аффектовъ до уничтоженія и жертвоприношенія ихъ носителя—и, при внимательномъ разсмотрѣніи, вы найдете, что и рѣчи не можетъ быть болѣе объ энергіи жизни. Заставить человѣка бояться аффектовъ, какъ способныхъ разрушить его счастье, значило-бы уничтожить въ немъ все истинно-высокое и человѣчное, значило-бы низвести его жизнь на ступень низшихъ ощущеній. Справедливо говорятъ, что безъ страсти нельзя совершить ничего великаго; но мы можемъ шире понять смыслъ этой истины и сказать, что сама жизнь есть то великое, что не можетъ быть совершено безъ страсти. Поэтому можно утверждать, что страсти составляютъ необходимый элементъ человѣчно-высокой жизни и что безъ нихъ для человѣческой природы невозможно истинное удовлетвореніе.

Мы уже упоминали выше, что безъ естественныхъ препятствій къ удовлетворенію потребностей, безъ извѣстной доли страданія, жизнь человѣка никогда не достигла-бы, по Дюрингу, той высоты и прелести, до которой она можетъ подняться теперь. Безъ ритма страданія и наслажденія, безъ интерваловъ и разницы состояній, жизнь наша была-бы груба и бѣдна. «Законъ разницы» имѣетъ вообще самое основное значеніе. Глубочайшая сущность ощущенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякой субъективной жизни покоится на разности состояній, и жизнь состоитъ въ антагонизмѣ, столкновеніи силъ. Мощная жизнь, энергичное чувство ея и наибольшая субъективная цѣнность бытія осуществляются именно только при посредствѣ переходовъ отъ одного жизненнаго положенія къ другому. Жизнь всегда должна быть развитіемъ, движеніемъ впередъ, произведеніемъ новыхъ формъ и отношеній,—тогда только прелесть ея можетъ быть почувствована во всей полнотѣ и силѣ. Если-же въ жизни господствуетъ застой, неподвижность, то въ ней необходимо гаснетъ всякая страсть, всякій интересъ къ существованію, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для народовъ, и въ результатъ получается апатія, скука, индифференцизмъ, гибель всего истинно-человѣчнаго и торжество животныхъ инстинктовъ и узко-эгоистическихъ склонностей. На законъ-же разницы основывается и тотъ фактъ, что разъ испытанное, пере-

житое, не представляет уже для личности никакой прелести. Сущность факта тутъ заключается не въ томъ, чтобы опытъ нашъ былъ, самъ по себѣ, неприятенъ или дуренъ, а именно въ томъ, что онъ уже разъ продѣланъ и повтореніе его не можетъ возбудить истиннаго интереса, но необходимо приводитъ только къ разочарованію. Съ достиженіемъ цѣли, когда извѣданъ уже весь путь, ведущій къ ней, утрачивается для насъ и всякая прелесть этой цѣли и этого пути, и никто не захочетъ снова попытаться достигнуть того-же и тѣмъ-же путемъ, что онъ уже имѣеть или что хорошо знаетъ. Даже вся наша жизнь, какъ цѣлое, подчиняется тому-же закону разницы, и человѣкъ, правильно понимающій себя, не захотѣлъ-бы вторично переживать ее. Съ этой точки зрѣнія, и самая смерть оказывается не только физическою необходимостью, но и идеальною потребностью, потому что она повышаетъ прелесть жизни. Удовлетворенная жизнь сама уже есть не что иное, какъ родъ духовной смерти, и полное прекращеніе жизни является въ этомъ случаѣ только, такъ сказать, самоосвобожденіемъ бытія, напедшаго свое удовлетвореніе.

При оцѣнкѣ элементовъ жизни, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одного важнаго фактора — отрицательнаго и положительнаго *дѣйствія идеала*. Разладъ между идеаломъ и окружающею дѣйствительностью всегда вызываетъ извѣстное тягостное, напряженное состояніе, и чѣмъ выше духовное развитіе человѣка, тѣмъ сильнѣе чувствуются имъ недостатки, несправедливость и безнравственность современныхъ отношеній. И это страданіе для нравственной личности есть самое тяжкое страданіе, оно было-бы, можетъ быть, совсѣмъ невыносимымъ, если-бы личность въ той-же самой высотѣ своей внутренней жизни не находила и извѣстнаго уравновѣшивающаго или даже, можетъ быть, далеко перевѣшивающаго этотъ избытокъ страданія удовлетворенія. Удовлетвореніе, имѣющее тутъ мѣсто, — чисто идеальнаго характера и дается путемъ сочувствія съ будущимъ, путемъ идеальнаго предвосхищенія, антиципаціи, этого болѣе радостнаго будущаго послѣдующихъ за нами поколѣній. Человѣкъ живетъ въ мірѣ идей, и если, съ одной стороны, повышение и расширеніе этого міра съ наибольшою яркостью раскрываетъ передъ нимъ всю страшную неудовлетворительность настоящаго, то оно-же, съ другой стороны, раскрываетъ передъ его умственнымъ взоромъ, передъ его измученнымъ сердцемъ, грядущее царство болѣе богатой жизни, и какъ-бы ни было тяжело, безотрадно и жестоко-несправедливо настоящее, нравственную личность воодушевить и поддержать надежда на это, болѣе свѣтлое, будущее. Жизнь представ-

ленія не ограничена сферою индивидуума, и мы живемъ не только для себя и собою, но и все челоѣчество, всѣ будущія судьбы его, составляютъ для насъ что-то родное и близкое. Въ своей болѣе ясной и возвышенной формѣ, эта идеальная связь съ будущимъ есть удѣлъ великой души, но въ нѣкоторой степени она доступна и обыкновенному большинству. Только эта идеальная связь съ грядущими судьбами челоѣческаго рода можетъ объяснить намъ природу любви, порывающейся въ безграничное.

Въ полномъ согласіи съ положительною оцѣнкою міра и энергичнымъ утвержденіемъ воли въ жизни, находятся и основныя воззрѣнія Дюринга на вопросы нравственности, исторіи, социологіи. Нравственность не имѣетъ какого-нибудь абсолютнаго, вполне самостоятельнаго значенія, а должно служить средствомъ къ улучшенію и облагороженію челоѣческой жизни, къ возвышенію счастья челоѣка: люди должны стать лучше потому, что черезъ это жизнь ихъ будетъ выше и полнѣе и сами они будутъ счастливѣе. Къ научному міросозерцанію, устанавливающему, *что есть*, должно присоединиться нравственное требованіе того, *что должно быть*. Матеріальная основа нравственности [заключается въ нашихъ инстинктивныхъ стремленіяхъ и аффектахъ; безъ послѣднихъ, нравственность, нравственный долгъ, были-бы не болѣе, какъ пустыя, мертвыя формулы. Самый важный пунктъ тутъ заключается собственно не въ томъ, что мы вообще должны, а въ томъ, *что мы должны*, т. е. не въ абстрактной формулѣ долга, обязанности, а въ конкретномъ содержаніи этой формулы. Но чисто теоретическій разсудокъ не можетъ извлечь изъ себя никакого долга; чистое познаніе того, что есть, никогда не можетъ указать намъ, что должно быть, никогда не ведетъ къ практическому опредѣленію. Послѣднее, въ своей грубой основѣ, должно существовать въ формѣ инстинктивнаго стремленія, побужденія: тогда только оно не останется мертвымъ звукомъ, пустою красивою фразою. Поэтому, этическое воспитаніе должно быть направлено на развитіе заложенныхъ въ груди челоѣка нравственныхъ, благодѣтельныхъ инстинктовъ и симпатическихъ влеченій, обусловленныхъ взаимнымъ общеніемъ людей. На эгоизмъ нельзя основать нравственной системы. Мѣсто эгоистической конкуренціи и борьбы за существованіе должно заглушить доброжелательное сотрудничество, направленное къ достиженію общихъ цѣлей, общаго блага,—тогда только жизнь разовьетъ всю свою прелесть и станетъ источникомъ положительнаго счастья для челоѣка. Дюрингъ вообще горячо возстаетъ противъ мальтусо-дарвиновскаго ученія, оправдывающаго и, такъ сказать, узаконяющаго борьбу за существованіе. Если-бы этотъ

вомъ безжизненномъ ничто, въ безгрезномъ погруженіи въ безсознательное, въ могильномъ покоѣ нирваны. Для Дюринга, страданіе только повышаетъ интенсивность наслажденія, для Гартмана — наслажденіе только увеличиваетъ напряженность страданія. Гартманъ смотритъ на оптимизмъ, какъ на иллюзію, самообольщеніе, и Дюрингъ находится, по его мнѣнію, въ третьей стради этой иллюзіи; Дюрингъ видитъ въ пессимизмѣ болѣзненное явленіе, теоретическій рефлексъ развращенности и порчи современнаго общества, лжи и несправедливости современныхъ соціальныхъ отношеній. Оба признаютъ за человѣкомъ способность и силу освободить себя, но одинъ — освободить отъ жизни и страданія, другой — отъ страданія для болѣе счастливой и энергичной жизни. Оба желаютъ, чтобы человѣкъ освободился отъ иллюзій; но первый видитъ въ этомъ только средство къ повышенію сознанія бѣдственности существованія, второй — средство къ повышенію счастья. Гартманъ видитъ въ ненасытности воли, которую не радуется уже то, чего она достигла, источникъ несчастія и основаніе для самыхъ горькихъ жалобъ на міровое устройство, между тѣмъ какъ Дюрингъ, именно въ этомъ безпокойномъ стремленіи къ новымъ впечатлѣніямъ, въ безостановочной смѣнѣ возбужденій, видитъ коренное условіе прелести жизни, и удовлетворенная воля является для него синонимомъ апатіи, скуки, духовной смерти.

IV.

Л а н г е.

Философія, по Ланге, распадается на двѣ части — отрицательную и положительную. Отрицательная часть, въ которую входятъ логика и теорія познанія, служитъ звѣномъ, соединяющимъ философію съ наукою; положительная-же часть философіи, или, если хотите, философія въ собственномъ смыслѣ, есть умозрительная метафизика, и главная задача ея заключается въ томъ, чтобы многообразіе явленій привести къ идеальному единству, создать высокіе, полные внутренней гармоніи, идеалы міра, въ которыхъ находили-бы себѣ удовлетвореніе нравственныя потребности человѣка, въ которыхъ послѣдній черпалъ-бы вдохновеніе для нравственной, благородной жизни. Но, не смотря на это неизмѣримо важное значеніе идеальныхъ созданій умозрительной философіи, никогда не слѣдуетъ забывать, что тутъ мы все-же имѣемъ дѣло не съ дѣйствительнымъ знаніемъ, не съ наукою, а лишь съ субъективнымъ творчествомъ, съ субъективными идеалами, что эти идеальные образы не служатъ выраженіемъ объек-

тивной истины, а представляют собою лишь результат инстинктивного стремленія челоѣка къ гармоническому единству, къ идеальному совершенству. Критеріумомъ достоинства философскаго творчества должна быть признана, поэтому, не его объективная истинность, а нравственно-эстетическое величіе создаваемыхъ имъ гармоническихъ образовъ, или идеаловъ. Челоѣкъ нуждается, — говоритъ Ланге, — въ дополненіи дѣйствительности посредствомъ имъ самимъ созданнаго идеальнаго міра, и въ этомъ свободномъ творествѣ дѣйствуютъ высшія и самыя благороднѣйшія функціи его духа; но эти идеальныя созданія духа не должны считаться «истинными» въ томъ прозаическомъ смыслѣ, въ какомъ терминъ «истинный» примѣняется къ знанію, достигаемому посредствомъ чувствъ и анализирующаго разсудка, словомъ — къ научному знанію. Гармоническій міровой образъ, плодъ идеализирующаго и объединяющаго стремленія души, есть, строго говоря, иллюзія и, чтобы не вредить знанію, не исказить опыта, — это должна быть сознательная иллюзія. Какъ ни мало наша дѣйствительность удовлетворяетъ стремленія и желанія нашего сердца, тѣмъ не менѣе, она все-же есть единственная прочная основа всего нашего духовнаго существованія. Если эта основа пренебрежена, то и умозрѣніе не можетъ имѣть никакого значенія: оно терется въ фантастическомъ, въ субъективномъ произволѣ, въ игривой безсодержательности. Кромѣ того, возможно точное познаніе дѣйствительности составляетъ единственный путь къ господству надъ природой и ея силами. Отрицательная задача философіи и заключается, поэтому, въ томъ, чтобы предохранить насъ отъ путаницы понятій, которая субъективные идеалы принимаетъ за объективную, опытно-доказанную истину. Разрѣшеніе этой задачи беретъ на себя философская критика. — Что-же касается созданій умозрительной философіи, то они представляют собою продуктъ «свободнаго синтеза», т. е. того инстинктивного творческаго стремленія внести въ многообразіе внутреннее единство и гармонию, которое, въ сущности, вовсе не составляетъ исключительнаго признака собственно-философскаго умозрѣнія, но проявляется и во всѣхъ другихъ областяхъ дѣятельности челоѣческаго духа — въ наукѣ, искусствѣ, поэзіи, морали. Въ философіи этотъ творческій синтезъ только свободнѣе и, съ нравственно-эстетической точки зрѣнія, выше, чѣмъ въ наукѣ, которая болѣе связана дѣйствительностью, чувственнымъ опытомъ.

Ланге противопоставляетъ свой критицизмъ всякимъ догматическимъ системамъ, будутъ-ли послѣднія идеалистическою романтикою понятій, или материалистическимъ почитаніемъ матеріи.

Критицизмъ устанавливаетъ *неизвѣстное* и недоступное нашему познанію *третье*, лежащее въ основѣ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ явленій, между тѣмъ какъ матеріализмъ и идеализмъ односторонне сводятъ одну группу явленій на другую, то считая духъ проявленіемъ матеріи, то матерію—проявленіемъ духа.

Теперь мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на теоріи познанія Ланге, которая занимаетъ у него гораздо болѣе важное и самостоятельное мѣсто, чѣмъ соответствующія теоріи у Гартмана и Дюринга. Для критика, теорія познанія есть основаніе, фундаментъ всей системы. Стоя вообще на почвѣ кантовской «Критики чистаго разума», Ланге дополняетъ ее результатами новѣйшей естественно-научной физиологіи чувствъ, которая является какъ-бы оправданіемъ и подтвержденіемъ кантіанства, утверждающаго, что весь міръ опыта, вся *наша* дѣйствительность, до такой степени зависитъ отъ нашей организаціи и видоизмѣняется ею, что для нашего мышленія совершенно невозможно достигъ истинной, объективной реальности, или, какъ выражаются философы, «вещи въ себѣ». Самые простѣйшія наши ощущенія суть, на самомъ дѣлѣ, въ высшей степени сложныя психо-физическія явленія, вызываемыя естественнымъ событіемъ, которое, само по себѣ, есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ ощущеніе. Поэтому, ощущеніе, элементарная основа нашего созерцанія, не способно сообщить намъ чего-нибудь объективнаго. Научная теорія опыта, основанная на физиологіи чувствъ, съ полною очевидностью доказываетъ, что весь внѣшній міръ, познаваемый нами при посредствѣ чувствъ, есть только представленіе, феноменъ. Даже себя мы не знаемъ, каковы мы сами въ себѣ, а лишь—какими мы являемся. Во всякій опытъ вмѣшиваются наши субъективныя элементы, и уже въ самомъ элементарнѣйшемъ созерцаніи духъ перерабатываетъ доступный ему матеріалъ сообразно съ *апприорическими*, ранѣе всякаго опыта заложенными, условіями своей организаціи и затѣмъ считаетъ этотъ продуктъ своей дѣятельности, міръ опыта, за готовую, данную извнѣ реальность, не узнавая въ немъ своего собственнаго творенія. Односторонніе эмпиристы не замѣчаютъ, что опытъ не есть открытыя ворота, черезъ которыя въ насъ могутъ входить внѣшнія вещи, каковы онѣ суть, но что это есть процессъ, при посредствѣ котораго въ насъ возникаютъ *явленія* отъ этихъ вещей. Если бы мы допустили, что при этомъ процессѣ всѣ познаваемыя нами свойства исключительно зависятъ отъ самихъ вещей, а человекъ не вноситъ сюда ничего своего, и признали-бы, поэтому, явленія, возникающія въ насъ, или наши представленія о вещахъ, точными копіями самыхъ вещей, — то такое предположеніе противо-

рѣчило-бы положительно всякой аналогіи въ природѣ, когда мы наблюдаемъ возникновеніе новой вещи изъ взаимодействія двухъ другихъ. Уже изъ одного различія между звукомъ и вызывающими его колебаніями струны мы можемъ ясно видѣть, что *наши* вещи совершенно различны отъ вещей *самихъ въ себѣ*. Конечно, дальѣйшее изслѣдованіе и эти колебанія признаетъ опять явленіемъ и отодвинетъ, наконецъ, «вещь въ себѣ» въ недостижимую сферу чисто мысленной вещи; но все-же, при помощи этой противоположности между звукомъ и вызывающею его внѣшнею причиною, можно хорошо уяснить себѣ право критики отрицать соотвѣтствіе между вещами, какъ мы знаемъ ихъ, и вещами, каковы онѣ суть сами въ себѣ. То свойство нашей организаціи, — будемъ-ли мы разсматривать его фізіологически, или психологически, — которое колебанія струны превращаетъ для насъ въ звукъ, и есть *a priori* въ данномъ опытѣ. Если-бы мы не имѣли никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ слуха, то всякій опытъ состоялъ-бы для насъ въ звукахъ и мы могли-бы не только съ вѣроятностію, но съ полною увѣренностію утверждать, что всѣ явленія въ природѣ звучатъ. Самый фактъ, что мы способны къ опыту, къ опытному знанію, обусловленъ организаціею нашего мышленія, а эта организація существуетъ прежде опыта. Она приводитъ насъ къ тому, что мы различаемъ въ вещахъ отдѣльные признаки, и то; что въ природѣ является одновременнымъ и неразрывно слитымъ, познаемъ въ послѣдовательности и излагаемъ это познаніе въ сужденіяхъ съ подлежащимъ и сказуемымъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что когда критицизмъ говоритъ объ апіорныхъ познаніяхъ, то онъ вовсе не подразумѣваетъ подъ этимъ терминомъ готовыхъ, врожденныхъ душѣ, представленій или какихъ-либо непостижимыхъ откровеній свыше. Познанія *a priori* такъ-же закономѣрно развиваются изъ природы человѣка, какъ и познанія, получаемыя путемъ опыта, и отличаются отъ вторыхъ только тѣмъ, что съ ними связано у насъ сознаніе ихъ *всеобщности* и *необходимости*, котораго мы не могли-бы подчеркнуть изъ опыта; но, тѣмъ не менѣе, послѣдній составляетъ такое-же необходимое условіе для развитія апіорныхъ познаній, какъ и для познаній апостериорныхъ, опытныхъ. Строго говоря, въ насъ существуютъ, прежде опыта, не самыя апіорныя понятія, а лишь такое устройство мыслительнаго аппарата, вслѣдствіе котораго впечатлѣнія отъ внѣшняго міра тотчасъ-же связываются и распредѣляются нами по правилу этихъ понятій.

Апіорическіе элементы познанія, прежде всякаго опыта опредѣляющіе возможную для насъ форму опыта и опытнаго знанія,

можно подраздѣлить вообще на апіорическіе элементы чувственнаго созерцанія и — высшихъ духовныхъ функцій. Но, на практикѣ, между тѣми и другими нельзя провести никакой опредѣленной границы, потому что они неразрывно связаны другъ съ другомъ: въ самыя непосредственныя, повидимому, чувственныя впечатлѣнія входятъ, какъ элементъ, логическія заключенія, и, съ другой стороны, — на всякое разсудочное познаніе вліяютъ чувственныя впечатлѣнія.

Апіорными формами чувственнаго созерцанія Кантъ признавалъ пространство и время; Ланге присоединяетъ сюда еще движеніе. Пространство, время и движеніе суть формы познанія, съ необходимостью вытекающія изъ механизма нашего ощущенія, хотя и развивающіяся въ насъ лишь постепенно, при посредствѣ опыта. Такое ученіе называется *формальнымъ идеализмомъ*, потому что утверждаетъ, что прежде всякаго опыта, въ насъ заложены *формы познанія*, которыя, однако, только при посредствѣ опыта могутъ намъ доставить познаніе и въ сферѣ опыта, какъ составляющія необходимыя апіорныя формы всякаго познанія, имѣютъ безусловное и всеобщее значеніе, но за предѣлами опыта — никакого. Поэтому, мы не имѣемъ права приписывать пространству и времени какого-либо объективнаго значенія, примѣнять эти понятія къ «вещи самой въ себѣ».

Понятія *силы* и *вещества* также представляютъ собою лишь необходимый результатъ нашей организаціи, необходимую реакцію нашего существа на дѣйствіе неизвѣстной вещи въ себѣ. Подъ матерію, или веществомъ, мы разумѣемъ, собственно, неизвѣстную основу, или субстанцію, различныхъ явленій, и хотя прогрессирующая наука все болѣе и болѣе разлагаетъ понятіе вещества на понятіе силы, тѣмъ не менѣе, по апіорическимъ условіямъ нашего созерцанія, мы неизбѣжно вынуждены предполагать это неизвѣстное и неопредѣлимое нѣчто, т. е. вещество, матерію, какъ носителя этихъ силъ. Но, съ другой стороны, и «сила» есть не что иное, какъ общее понятіе для ряда однородныхъ явленій, *причину* которыхъ мы видимъ въ этой, такъ называемой, силѣ. Отсюда очевидно, что общія понятія вещества и силы, подъ которыя мы подводимъ окружающій насъ міръ опыта, суть понятія чистосубъективныя и, въ противоположность убѣжденію матеріалистовъ, нисколько не могутъ приблизить насъ къ познанію истинной реальности; при помощи ихъ, мы никакъ не можемъ вырваться изъ предѣловъ нашей субъективности и проникнуть въ область объективнаго, или вещи въ себѣ.

Что касается апіорическихъ элементовъ разсудка, то это суть

тѣ коренныя понятія, въ которыхъ разсудокъ такъ же необходимо мыслить, какъ чувственное созерцаніе необходимо совершается въ формахъ пространства, времени, движенія, вещества и силы, и за первыми, такъ-же, какъ и за вторыми, ошибочно признавать какое-либо объективное значеніе. Своими категоріями, или необходимыми апріорными понятіями, разсудокъ обнимаетъ всю область явленій и только при помощи ихъ можетъ ориентироваться въ этой послѣдней области, хотя сами онѣ и заложены а priori въ его организациі. Поэтизирующая метафизика соединяетъ эти понятія все въ новыя и новыя связи и создаетъ, такимъ образомъ, субъективную ткань понятій, которая никогда не соотвѣтствуетъ реальности. Но метафизика въ смыслѣ Канта является критикою этихъ понятій, которая и раскрываетъ въ нихъ простыя субъективныя категоріи. Важнѣйшая изъ категорій есть категорія *причинности*; она, подобно всѣмъ категоріямъ, не происходитъ изъ опыта, какъ это думалъ Милль, но основывается на вышеупомянутомъ устройствѣ мыслительнаго аппарата. Въ мірѣ явленій, опыта, причинность имѣетъ неограниченное значеніе, внѣ-же его — никакого. Здѣсь замѣтимъ, между прочимъ, что, вслѣдствіе неограниченнаго значенія причинности для міра опыта, основное требованіе научнаго метода заключается въ томъ, чтобы, при объясненіи всѣхъ явленій, искались для нихъ совершенно естественныя причины и чтобы при этомъ была устранена всякая попытка мистическаго и телеологическаго объясненія, въ родѣ, напр., «Философіи Безсознательнаго». Нельзя объяснять непонятнаго духами и призраками, — «фантастическимъ рефлексомъ нашего невѣжества». Гдѣ прерывается путеводная нить закона естественной причинности тамъ прекращается всякое знаніе, всякая наука.

Кромѣ формъ созерцанія и категорій разсудка, упомянемъ еще о такъ называемыхъ *идеяхъ разума* (свобода, конечная побѣда добраго и идеальнаго и т. д.). Идеямъ этимъ, если мы не желаемъ впасть въ бездну метафизическихъ ошибокъ, точно также нельзя приписывать объективнаго значенія, нельзя видѣть въ нихъ выраженія объективной истины: онѣ служатъ только выраженіемъ заложеннаго въ нашей разумной организациі стремленія къ гармоніи, къ единству. Будучи, какъ выраженіе объективнаго познанія, лишенными всякаго значенія, онѣ, тѣмъ не менѣе, представляютъ собою, съ точки зрѣнія идеала, неизмѣримо великую, для нравственнаго развитія личности, цѣнность.

Впрочемъ, идея, хотя она, уже по самой своей природѣ, всегда даетъ больше, чѣмъ заключается въ опытѣ, все-же не всегда ведетъ къ метафизикѣ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ науч-

ная идея. она такъ же необходима для прогресса знаній, какъ и самые факты. Научныя идеи, возникая изъ одного общаго корня съ поэтическими и метафизическими, принимаютъ затѣмъ уже иное направленіе, такъ какъ обращаются къ опыту и въ немъ ищутъ своего подтвержденія или отрицанія. Наука, которая находится еще въ періодѣ дѣтства, смѣшиваетъ идею и фактъ; но наука, достигшая извѣстной степени развитія, выработавшая твердые, прочно-установленные методы, преобразуетъ идею, на пути точнаго изслѣдованія, въ гипотезу и, наконецъ, въ теорію.

На основаніи предъидущаго, мы видимъ, что философія, какъ «критика понятій», приходитъ только къ отрицательному и скептическому выводу, что познаніе истины невозможно, что человѣкъ не можетъ вырваться изъ сферы своей субъективности и достичь объективнаго. Но, съ другой стороны, въ природѣ человѣка заложено непреодолимое инстинктивно-метафизическое стремленіе къ идеальному единству, и для удовлетворенія этого стремленія, онъ долженъ дополнить свою дѣйствительность (которая, какъ мы видѣли, вовсе не есть абсолютная дѣйствительность, а лишь явленіе, и въ этомъ заключается какъ-бы объективное оправданіе метафизики) посредствомъ имъ самимъ созданнаго идеальнаго міра. Такимъ образомъ, хотя метафизика, какъ наука, невозможна, тѣмъ не менѣе, она необходима, какъ субъективно-идеальное творчество. Что невозможно для нашего познанія, то должна сдѣлать гениальная синтетическая фантазія: она должна данное многообразіе свести къ единству и внести идеальную гармонію въ міръ явленій. Метафизика, какъ гармонически-законченное міросозерцаніе, искусство, являются продуктами одной и той же творческой фантазіи и имѣютъ неизмѣримую цѣнность, если только мы не будемъ прилагать къ нимъ масштаба знанія, а будемъ видѣть въ нихъ лишь идеальныя созданія человѣка, символъ и образъ истины. Гармоническое міросозерцаніе никогда не соответствуетъ эмпирической дѣйствительности, находится съ нею въ извѣстномъ противорѣчій и, съ этой точки зрѣнія, — ложно; но оно истинно именно *какъ идеалъ*, потому что возвышаетъ человѣка нравственно и эстетически, и потому-то субъективное значеніе его такъ велико. Умопостигаемый міръ, міръ идеала, есть міръ творчества, и въ этомъ заключается его достоинство и его цѣнность, ибо творчество, въ высокомъ и объемлющемъ смыслѣ, въ которомъ здѣсь слѣдуетъ принимать его, не представляетъ собою чего-то случайнаго и произвольнаго, но является необходимымъ и изъ внутреннѣйшаго жизненнаго корня вытекающимъ порожденіемъ человѣческаго духа, источникомъ всего высокаго и святаго; уже тотъ фактъ, что фило-

софія, искусство, какъ продуктъ такого творчества, оказываются болѣе способными, чѣмъ простое эмпирическое знаніе, вдохновить и поддержать благороднѣйшихъ людей—какъ-бы указываетъ намъ на какую-то связь этого творчества съ неизвѣстной истиною.

Всякое міросозерцаніе должно идеально дополнять данную дѣйствительность и не должно, поэтому, находиться въ всецѣломъ противорѣчій съ нею; философъ имѣетъ право, въ своемъ творчествѣ, переступать ея предѣлы, но не долженъ вдаваться въ фантастическое; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ разсматривать свое міросозерцаніе только какъ идеально-художественное творчество, а не видѣть въ немъ выраженія истинныхъ отношеній и послѣднихъ основъ бытія. Только такимъ путемъ возможно достигнуть примиренія между изслѣдованіемъ и творчествомъ, можно, если не уничтожить, то сдѣлать безвреднымъ противорѣчіе между разсудкомъ и разумомъ; только этимъ путемъ можно удовлетворить стремленіе къ полной и истинной человѣчности. Какъ ни различенъ характеръ и значеніе нашихъ знаній, въ научномъ смыслѣ слова,—съ одной стороны, и нашихъ идеаловъ—съ другой, между ними все же существуетъ и тѣсная связь, потому что и тѣ, и другіе являются продуктами одной и той же природы, одной и той же человѣческой организаціи. Идеи, какъ упомянуто выше, не возникаютъ въ нашей душѣ случайно, беспорядочно, какъ что-то внѣшнее, но суть необходимый продуктъ естественнаго психологическаго процесса, въ которомъ играютъ свою роль и наши чувственные воспріятія. И знаніе и идеальное творчество одинаково необходимы, одинаково законны, одинаково цѣнны—каждое въ своей сферѣ; безъ перваго истинно-человѣческая жизнь была-бы невозможна, но точно также была-бы она невозможна и безъ втораго.

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшаетъ Ланге, съ точки зрѣнія своего критицизма, вопросъ о цѣнности міра.

Пессимизмъ и оптимизмъ представляютъ собою, по Ланге, лишь продуктъ субъективнаго отношенія къ міру; абсолютной оцѣнки послѣдняго сдѣлать мы не въ состояніи. Въ нашей душѣ заложено инстинктивное стремленіе къ идеальной гармоніи и совершенству; подъ влияніемъ этого стремленія, этой инстинктивной импульсіи, мы и міръ видимъ въ оптимистическомъ свѣтѣ; но если мы захотимъ исключительно остановиться на дѣйствительности, на фактахъ, то въ результатѣ получится скорѣе всего пессимизмъ*). Хотя уже образъ міра, получаемый при посредствѣ

*) „Я нераздѣляю, замѣчаетъ по этому поводу Джемсъ Селли, идеи Ланге, что оптимизмъ основывается на идеальной импульсіи, пессимизмъ—на „Дѣло“, № 12, 1883 г. I.

чувствъ, невольно преобразуется нами согласно нашему внутреннему идеалу гармоніи и единства, тѣмъ не менѣе, міръ дѣйствительности все-же оказывается, при сравненіи съ свободнымъ творчествомъ искусства, негармоничнымъ и грубо-несовершеннымъ. Въ этомъ и заключается источникъ всякаго оптимизма и пессимизма. Безъ сравненія, мы были-бы совершенно неспособны судить о качествѣ міра. Если мы разсматриваемъ ландшафтъ съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста, то, благодаря внутреннему идеальному импульсу, все наше существо склонно восхищаться красотой и гармоніею вида. И мы должны сначала разрушить, при посредствѣ анализа, могучее единство этого образа, чтобы вспомнить, что въ тѣхъ, мирно покоящихся на склонѣ горы хижинахъ, живутъ бѣдные, измученные люди, что, можетъ быть, за тѣмъ завѣшеннымъ окномъ болной переносятъ тяжкія страданія; что между шумящими вершинами далекаго лѣса хищныя птицы разрываютъ свою трепещущую добычу; что въ серебристыхъ волнахъ рѣки тысячи маленькихъ существъ, едва народившись къ жизни, находятъ себѣ страшную смерть. Когда мы смотримъ съ высоты, то засохшія вѣтви деревьевъ, испорченныя хлѣбныя поля, спаленные солнцемъ луга, кажутся намъ только отгѣнками въ общей картинѣ, радующей нашъ глазъ, возвышающей наше сердце.

Такимъ представляется міръ оптимистическому философу. Онъ славить гармонію, которую самъ-же бессознательно внесъ въ міръ. Пессимизмъ есть результатъ рефлексіи. Тысячи грубыхъ несовершенствъ жизни, холодная жестокость природы, страданія и несовершенства всѣхъ существъ, соединяются вмѣстѣ, въ ихъ отдѣльныхъ чертахъ, и сумма этихъ наблюденій противопоставляется идеальному образу оптимизма, какъ тяжкій упрекъ устройству вселенной. Но все-же, безъ идеальнаго образа міра, который мы носимъ въ себѣ, не могло-бы быть никакого пессимизма. Лишь контрастъ съ этимъ идеальнымъ образомъ вызываетъ въ насъ недовольство дѣйствительностью. Заслуга пессимизма заключается въ томъ, что онъ разрушаетъ догматическій оптимизмъ, выдающій себя за представителя истинной дѣйствительности и разрѣшающій всякую частную дисгармонію въ гармонію цѣлаго, какъ имѣющую значеніе объективной истины; однако, это разрушеніе касается только догмы, а не идеала. Человѣкъ такъ уже устроенъ, что вѣчно снова создаетъ себѣ идеальный міръ совершенства, въ которомъ онъ отдыхаетъ отъ несовершенствъ дѣйствительной жизни,

фавтъ. И тотъ, и другой, по моему мнѣнію, есть продуктъ и импульсѣи, и факта (Le pessimisme, p. 240).

который ставитъ рядомъ съ дѣйствительностью и выше ея. Духъ нашъ возвышается тѣмъ и только тѣмъ, что создаетъ гармонически-идеальный образъ міра, соотвѣтственно которому стремится преобразовать и эмпирическую дѣйствительность. Поэтому, всякая истинная философія, въ своей положительной части, должна быть оптимистическою, потому что она является тутъ субъективно-психическимъ творчествомъ, въ которомъ міръ представляется такимъ, какимъ мы желали-бы видѣть его и каковъ онъ долженъ быть, а не каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Чѣмъ свободнѣе нашъ творческій синтезъ, тѣмъ эстетичнѣе и оптимистичнѣе наше міросозерцаніе, но и тѣмъ болѣе возвышающимъ образомъ дѣйствуетъ оно на наши стремленія и поступки. Нравственная личность нисколько не станетъ менѣе нравственною и чистою отъ сознанія, что идеалы ея суть только продуктъ субъективнаго творчества и не имѣютъ значенія объективной истины; они, какъ психическіе образы, реально живутъ въ душѣ ея, доставляютъ ей внутреннее удовлетвореніе, поддерживаютъ и вдохновляютъ ее; безъ этихъ высокихъ внутреннихъ идеаловъ, жизнь была-бы жалко бѣдна и ничтожна.

Въ своемъ ученіи о нравственности, Ланге идетъ вообще по пути, намѣченному Кантомъ, оставаясь, однако, болѣе послѣдовательнымъ исходнымъ принципамъ критицизма, чѣмъ великій кенигсбергскій философъ. Ланге возстаетъ, прежде всего, противъ метафизическаго понятія о свободѣ, принятой Кантомъ, для избѣжанія противорѣчія между идеаломъ и жизнью, реально существующею въ области «вещи въ себѣ» и въ области нравственныхъ поступковъ; но, на самомъ дѣлѣ, сфера «вещи въ себѣ» вовсе не есть сфера реальности, дѣйствительности, а чисто мысленная сфера, не доступная нашему знанію. *Мы знаемъ*;—догматически утверждаетъ въ этомъ случаѣ Кантъ,—что мы свободны, хотя и не постигаемъ, какъ это можетъ быть. Мы свободны, какъ разумныя существа. Мы разсматриваемъ самихъ себя въ нравственномъ дѣйствіи, какъ вещь въ себѣ, и имѣемъ на это право, хотя теоретическій разсудокъ и не можетъ уже проникнуть въ эту область.—Но весь этотъ рядъ мыслей ошибоченъ. Кантъ хотѣлъ избѣжать противорѣчія между идеаломъ и жизнью, котораго, однако, нельзя избѣжать. Его нельзя избѣжать потому, что субъектъ и въ нравственной борьбѣ не есть нумень, вещь въ себѣ, а феномень, явленіе, и вообще мы знаемъ только феномены, а не нумены. Міръ же явленій, къ которому принадлежитъ и человѣкъ, какъ членъ его, всецѣло опредѣляется закономъ причинности, и не существуетъ ни одного поступка человѣка,—включая сюда и высшій героизмъ

долга, который, будучи разсматриваемъ съ фізіологической и психологической точки зрѣнія, не былъ-бы обусловленъ предшествующимъ развитіемъ индивидуума и средою, въ которой онъ находится. Слѣдовательно, нравственная свобода не есть объективный фактъ, не есть дѣйствительность, а только идея, идеаль, и вмѣстѣ съ тѣмъ, форма нашего субъективнаго сознанія. Но, съ другой стороны, необходимость, какъ фактъ объективнаго изслѣдованія, вовсе не исключаетъ свободы, какъ факта субъективнаго сознанія; если мы будемъ правильно смотрѣть на нихъ, отведемъ тому и другому надлежащее мѣсто, то между ними также мало окажется противорѣчія, какъ между цвѣтомъ и звукомъ. Одно и то же колебаніе струны даетъ для глаза образъ извѣстнаго мелькающаго движенія, для счета — опредѣленное число колебаній въ секунду, для уха — нераздѣльный единый тонъ. Но это единство и та множественность не противорѣчатъ другъ другу, не исключаютъ одна другой. Точно такъ-же, фізіологія, психологія и статистика доказываютъ, что всѣ дѣйствія наши опредѣляются причинами, что они не свободны; но, субъективно, мы сознаемъ себя свободными, мы непосредственно чувствуемъ какъ-бы какой-то внутренней голосъ, который безусловно требуетъ отъ насъ извѣстнаго рода поведенія, требуетъ исполненія долга, и разъ мы поступаемъ наперекоръ этому внутреннему голосу совѣсти, мы чувствуемъ себя нравственно виновными и отвѣтственными за свои поступки. И здѣсь важно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Если всѣ наши дѣйствія опредѣляются причинами, то въ числѣ этихъ послѣднихъ несомнѣнно играетъ свою роль и внутреннее сознаніе свободы, и можно съ увѣренностью сказать, что чѣмъ яснѣе говорить въ насъ это сознаніе свободѣ, а слѣдовательно чувство долга и отвѣтственности, тѣмъ сильнѣйшее вліяніе оказываетъ оно на наши поступки. Поэтому, мы переносимъ свободу въ міръ нашего творчества и идеаловъ, разсматриваемъ ее какъ идеаль, и высоко цѣнимъ ее именно какъ идеаль, способный содѣйствовать нашему нравственному возвышенію, совершенствованію и облагороженію нашихъ поступковъ. А разъ послѣднее вѣрно, то идеаль этотъ вполне законенъ, когда рѣчь идетъ о практической жизни, о томъ, чтобы поступать нравственно, но не о томъ, чтобы теоретически судить о волѣ, не о теоретическомъ знаніи.

Остановимся еще на минуту на слѣдующихъ мысляхъ Ланге. Въ настоящее время, говорить онъ, вообще склонны утверждать, что человекъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ больше имѣетъ онъ погребностей, предполагая, что у него есть средства удовлетворять ихъ.

Вся древность единодушно держалась противоположнаго взгляда. Какъ Эпикуръ, такъ и Діогенъ, видѣли основное условіе счастья, или, вообще, удовлетворительнаго состоянія духа, именно въ свободѣ отъ потребностей. Конечно, благодаря лучшему знанію народной жизни и особенно благодаря статистикѣ смертныхъ случаевъ, болѣзней и т. д., теперь уже благополучно опровергнута старая сказка о довольномъ и здоровомъ бѣднякѣ и о постоянно мрачномъ и разслабленномъ богачѣ. Но, съ другой стороны, современная наука не оправдываетъ и вышеупомянутаго положенія о пропорціональности счастья количеству потребностей. На основаніи аналогій психо-физики, можно утверждать, что ощущеніе личнаго счастья такъ-же относительно, какъ и ощущенія чувствъ: мы вездѣ воспринимаемъ только разницу, чувствуемъ только увеличеніе, которое измѣряется массою уже существующаго. Въ дѣйствительности, никто, способный къ сознательному, разумному мышленію, не станетъ утверждать, что дорогія бруссельскія кружева, сами по себѣ, болѣе содѣйствуютъ благополучію увѣшанной ими особы, чѣмъ какія-нибудь другія удобныя и красивыя кружева сравнительно ничтожной цѣнности. А между тѣмъ, обладаніе именно бруссельскими кружевами можетъ стать потребностью и невозможность имѣть ихъ составляетъ иногда тяжелое горе, заставляетъ проливать слезы. Ясно, что главную роль здѣсь играетъ сравненіе, борьба за превосходство, и отсюда слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, этотъ родъ потребностей, *потребность превзойти другихъ*, можетъ повышаться до бесконечности, причемъ одинъ выигрываетъ въ своемъ благополучіи лишь то, что теряютъ другіе. А отсюда неопровержимо слѣдуетъ далѣе, что мыслимо постоянное возвышеніе производства богатствъ и средствъ къ этому производству, при которомъ, однако, счастье людей не увеличится и рабочія массы ни на одинъ шагъ не приблизятся къ тому, чтобы имѣть хотя самое необходимое для существованія, достойнаго человѣка. Подобное возвышеніе потребностей у тѣхъ, кто можетъ удовлетворять ихъ, составляетъ, вслѣдствіе слабости общественнаго чувства и вслѣдствіе чрезмѣрной роскоши, дѣйствительно характерную черту нашего времени. Теперь, на самомъ дѣлѣ, жить не для наслажденія, а для потребностей, и, въ числѣ этихъ послѣднихъ, потребность въ роскоши играетъ столь выдающуюся роль, что замедляетъ всякое истинное и прочное, направленное къ благу народныхъ массъ, улучшеніе. И здѣсь можно было-бы опять указать на тотъ разумный взглядъ,—что вездѣ должна быть соблюдаема мѣра и что счастье зависитъ не отъ *массы* удовлетворенныхъ потребностей и трудности ихъ удовлетворенія, а отъ

формы, въ которой онѣ возникаютъ и удовлетворяются, подобно тому, какъ и красота тѣла обуславливается не массою вещества, а соблюденіемъ опредѣленныхъ математическихъ линій. Такая перемѣна во взглядахъ привела-бы отъ этического материализма къ формализму или идеализму; она была-бы немислима безъ устраненія чрезмѣрной роскоши, и привести къ ней можетъ только мощный подъемъ общественнаго чувства.—Нельзя не согласиться, что въ этихъ идеяхъ Ланге заключается глубокая правда.

Философія исторіи, въ концѣ концовъ, концентрируется, по Ланге, въ нравственномъ прогрессѣ человѣчества. Вся сущность вопроса заключается въ томъ, можетъ-ли эгоизмъ быть моральнымъ принципомъ будущаго. Что, фактически, онъ какъ раньше игралъ, такъ и впоследствии будетъ играть большую роль—это несомнѣнно; но точно также несомнѣнно, что дальнѣйшее повышеніе индивидуализма и атомизма обозначало-бы не подъемъ, а паденіе нашей культуры. По сколько въ исторіи проявляется положительный прогрессъ, мы вездѣ находимъ, въ этихъ случаяхъ, перевѣсъ противоположнаго принципа, между тѣмъ какъ чрезмѣрный эгоизмъ и атомистическій индивидуализмъ всегда сопровождаютъ лишь разложеніе устарѣвшихъ, отжившихъ формъ. Поэтому и въ настоящее время, собственный потокъ прогресса можетъ лежать только въ направленіи общественнаго чувства.

Взглянемъ теперь, въ чемъ, собственно, заключается источникъ эгоизма и какъ возникаетъ въ человѣкѣ противовѣсъ послѣднему. Если справедливо, что наше собственное тѣло есть только одинъ изъ образовъ нашего представленія, подобный всѣмъ другимъ; если, затѣмъ, другіе люди, какъ мы видимъ ихъ передъ собою, подобно всей природѣ вокругъ насъ, въ очень опредѣленномъ смыслѣ суть части нашего собственнаго существа, то откуда же происходитъ эгоизмъ? Ближайшая причина его заключается, очевидно, въ томъ, что представленіе *о боли и удовольствіи* и наши стремленія и желанія по большей части сливаются съ образомъ нашего тѣла и его движеній. Вслѣдствіе этого, тѣло наше и дѣлается для насъ центромъ міра явленій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не всѣ представленія, сопровождающіяся чувствомъ удовольствія или неудовольствія, непосредственно связываются съ нашимъ тѣломъ. Болѣе утонченныя чувственныя наслажденія, напр., наслажденіе прекраснымъ, сливаются не съ образомъ нашего тѣла, а съ *объектомъ*, и мы можемъ тутъ совершенно забыть о себѣ. Такимъ образомъ, и въ чувственномъ наслажденіи мы находимъ уже извѣстный противовѣсъ противъ чрезмѣрнаго погруженія въ самого себя. Однако, еще гораздо болѣе важное значеніе для нрав-

ственного развитія личности имѣетъ сосредоточеніе вниманія на чловѣчествѣ, на его жизни и задачахъ. Погруженіе въ этотъ объектъ, который не чуждъ намъ, въ которомъ мы узнаемъ часть нашего собственнаго существа, составляетъ естественное ядро всего того, что есть въ морали непреходящаго и вѣчнаго. Постоянное перенесеніе нашего сознанія на этотъ объектъ, на міръ явленій чловѣческой жизни, составляетъ истинный источникъ нравственнаго облагороженія и устраняетъ преобладаніе эгоизма. Вообще можно сказать, что какъ умственный, такъ и нравственный прогрессъ происходятъ изъ одного и того-же общаго корня: углубленія въ объектъ, согрѣтаго любовью стремленія охватить весь міръ явленій и естественной склонности гармонически преобразовать его.

На основаніи предвѣдущаго, мы имѣемъ право заключить, что существуетъ естественное, даже какъ-бы физическое, основаніе для постояннаго отгѣсненія эгоизма стремленіемъ къ гармоніи въ мірѣ явленій и сознаніемъ общности интересовъ всѣхъ людей; можемъ сказать, что, съ прогрессомъ культуры, усиливается перевѣсъ принадлежащихъ нашему существу объективныхъ представленій надъ образомъ страдающаго и наслаждающагося я. Нельзя сомнѣваться въ существованіи принципа, обуславливающаго этотъ нравственный прогрессъ, стремящагося подавить чрезмѣрный эгоизмъ, но, конечно, можно сомнѣваться въ томъ, окажется-ли онъ въ какое нибудь данное время и у какого-нибудь даннаго народа, или у группы народовъ сильнѣе, чѣмъ другіе, также мощные мотивы, дѣйствующіе въ противоположномъ направленіи.

Такъ какъ нравственный и историческій прогрессъ совершаются только въ направленіи развитія общественнаго чувства, то естественно, что Ланге становится въ рядъ сторонниковъ социализма. Ланге возстаетъ противъ обстракціи, возведенной въ догму,—что поступки чловѣка всегда опредѣляются только эгоизмомъ. Эта догматика эгоизма ложна и дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ, потому что эгоистическіе поступки находятъ въ ней для себя мнимое оправданіе, вслѣдствіе чего, дѣйствительно, становятся все болѣе и болѣе общими, подрывая самыя основанія истинной чловѣчности и нравственности. Спасеніе лежитъ только въ подъемѣ общественнаго чувства. Если чловѣческія отношенія могутъ благотворно пересоздаться, то только подъ совокупнымъ вліяніемъ способной воспламенить міръ нравственной идеи и воплощенія ея въ общественной жизни, достаточно мощнаго, чтобы возвысить угнетенную массу на ступень вполнѣ чловѣчнаго существованія. При помощи сухого разсудка и искусственныхъ системъ, это не

можетъ быть достигнуто. Одинъ только высокій идеалъ можетъ одержать побѣду надъ развращающимъ эгоизмомъ и мертвящимъ хододомъ сердца. Соціальная реформа должна быть признана теперь самую важнѣйшею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, условіемъ возможности всякихъ другихъ плодотворныхъ реформъ.

И. Иск—овъ.

РАДИ ХОЗЯЙСТВА.

(Южно-деревенскій очеркъ).

Мысль эта возникла до такой степени внезапно, что самъ Ермолай, еслибъ ему за минуту передъ тѣмъ приписали подобную мысль, пожалуй-бы плечами, а можетъ—и плюнуть-бы.

Онъ стоялъ посрединѣ своего пустынного двора. Лѣвой рукой обнималъ онъ конецъ обтесаннаго бревна, другой конецъ котораго упирался въ землю; правой-же рукой, съ ловкостью мастера своего дѣла, старательно сверлил дыру въ бревнѣ. У самыхъ воротъ, свернувшись въ клубокъ, лежалъ его неизмѣнный товарищъ—Барбось. Барбось отличался отъ другихъ субъектовъ своей породы тѣмъ, что имѣлъ золотистую лохматую шерсть и предлинный, до самой земли, хвостъ, въ который вцѣпилось и даже какъ-будто приросло неимоверное количество «рыпачовъ», вслѣдствіе чего хвостъ этотъ былъ почти такъ-же толстъ, какъ и самъ Барбось, и при движеніи сильно затруднялъ своего хозяина.

Ермолай былъ плотникъ, и притомъ—единственный плотникъ въ цѣломъ хуторѣ Арнаутовскомъ. Имъ были починаемы всѣ хуторянскіе возы и повозки, изъ-подъ его искусной руки вышли всѣ наличныя арнаутовскія корыта, тачки, засѣки и прочія произведенія плотницкаго цеха. И такъ какъ хуторяне были люди основательные и во всемъ любили порядокъ, то у Ермолая всегда было довольно работы.

День былъ зимній, но теплый. Южное солнце насильно пробилось сквозь бѣлыя снѣжныя облака, отразилось въ миниатюрныхъ крупинкахъ свѣжаго, еще падающаго снѣга и принялось за свою работу. Тотчасъ начали блекнуть бѣлыя праздничныя покрывала камышевыхъ крышъ, и мало по малу снѣгъ

растаял и превратился въ жидкую грязь. Когда солнцу осталась всего только четвертая часть дневнаго пути, на землѣ, на крышахъ и на деревьяхъ не было уже ни одной крупинки снѣга.

Въ это время Ермолай просверлилъ дыру въ бревнѣ и, желая провѣрить, хорошо-ли сдѣлана работа, пристально заглянулъ въ самое дно дыры и тамъ нашель... Странное дѣло! Тамъ нашель онъ свою знаменательную мысль. Это, конечно, была простая случайность, и мысль, можетъ быть, давно уже пряталась въ тайникѣ Ермолаевой души и пряталась такъ искусно, что даже самъ Ермолай не замѣчалъ ее. Въ настоящемъ-же случаѣ она естественнымъ порядкомъ вытекла изъ предшествовавшихъ разсужденій.

А предшествовавшія разсужденія были такого рода: со-сѣдъ Трифонъ слезно просилъ не задержать работу. Чортъ возьми, развѣ это когда нибудь случалось, чтобъ Ермолай не выполнилъ въ срокъ своего обязательства?! Ермолай если скажетъ слово, то ужъ непременно сдѣлаетъ, а ежели нельзя, такъ прямо и скажетъ, что нельзя. Всякій хуторянинъ засвидѣтельствуетъ, что Ермолай—человѣкъ аккуратный. Отъ этого у него всегда руки заняты и изрядно ему перепадаетъ. Не деньгами, такъ хлѣбомъ, не хлѣбомъ, такъ снадобьями— все равно, для всякой вещи можно найти мѣсто; въ хозяйствѣ всякая бездѣлица пригодится. Это такъ; да дѣло въ томъ, что хозяйства-то Ермолаева что-то не видно. Куда-жь все это дѣвается? Человѣкъ онъ не пьющій, т. е. не то, чтобъ ужъ со-всѣмъ, а знаетъ, когда слѣдуетъ выпить и когда не слѣдуетъ, также и не мотъ, вообще человѣкъ степенный и разсудительный. И что-жь? При всей доходности его ремесла и при всѣхъ такихъ добродѣтеляхъ, дворъ у него—пустыня. Ни телушки, ни поросенка, ни курицы; въ хатѣ—столь, лавка, кровать да два образа въ углу, а въ карманѣ двухъ десятковъ рублей не найдется. Отчего это? Лѣтъ десять назадъ у него было отличное хозяйство. Все было свое, не покупное, приятно было взглядомъ окинуть. А теперь все какъ-то перевелось ни-на что. Ясное дѣло: это произошло оттого, что десять лѣтъ тому назадъ въ жизни его совершилось трагическое событіе. Его вѣрная Улита, съ которой онъ прожилъ въ мирѣ и согласіи больше двадцати лѣтъ, оставила сей бранный миръ и

переселилась въ лучшій. Съ тѣхъ поръ у Ермолая все пошло какъ-то вкривъ и вкосъ. Нужды онъ не терпитъ; это правда, да все-же какъ-то неловко чувствуетъ себя его хозяйская душа среди этой пустоты. Притомъ-же онъ вѣчно одинъ съ глазу на глазъ съ своими инструментами, которыхъ развѣ только въ гробъ не возьметъ... Не съ кѣмъ радость и горе дѣлить, не съ кѣмъ поругаться. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ умерла Улита, у него какъ-то не бывало ни радости, ни горя. Жизнь проходила вяло, безцвѣтно, пусто. И въ сердцѣ у него было такъ-же пусто, какъ въ хатѣ, во дворѣ и на току.

Улита умерла, не оставивъ ему дѣтей. О, это было жестоко съ ея стороны! Ну, будь у Ермолая дочка,—она теперь выросла-бы, водила-бы хозяйство, въ хатѣ раздавался-бы ея молоденькій голосъ, она холила, ублажала-бы стараго багька. И житье его совсѣмъ было-бы другое. Если-бъ не дочка, а сынъ, и то было-бы хорошо. Сына Ермолай женилъ-бы, невѣстка заправляла-бы всѣмъ домою, пошли-бы внучата... Эхъ, славно, весело жилось-бы тогда Ермолаю! Да, покойница Улита,—чтобъ ей хорошо жилось на томъ свѣтѣ,—лучше сдѣлала-бы, еслибъ оставила Ермолаю сына или дочку, а еще лучше, еслибъ сама осталась на этомъ свѣтѣ.

Постарѣлъ тоже Ермолай за эти десять лѣтъ. Куда?! Развѣ онъ такой былъ?! Посмотрите, что это у него такое на головѣ! По краямъ висятъ какія-то бѣлыя пакли, а посрединѣ — огромная плѣшь. Усы у него бѣлые, а борода желтая. Бороду эту прежде онъ брилъ, а потомъ надоѣло, — бросилъ, и теперь она похожа на ту поляну, на которой вырубилъ лѣсъ и оставили сухіе пни. Лицо у него широкое, красное и рябое. Право, еслибъ у него было зеркало, то, должно быть, онъ никогда не заглянулъ-бы въ него. Что за охота видѣть себя такимъ нехорошимъ?! А главное—скучно, пусто, «сумно», некому сказать: «здравствуй», некого послать къ чорту. Натура у него семейственная. Еслибъ у него была жена, дѣти, кажись, такъ-бы вотъ день и ночь работала, себѣ ничего не взяла-бы, все для нихъ, пусть-бы ѣли и пили, а ему было-бы весело, страсть какъ весело. И вотъ такому-то человѣку остатокъ жизни приходится проводить въ кругломъ одиночествѣ и видѣть собственными глазами, какъ хозяйство, созданное могучей рукой

покойницы-Улиты, гибнетъ, да ужъ и давно погибло! Нѣтъ, право...

Въ это самое время Ермолай окончилъ сверлить дыру и заглянулъ въ нее. И только что онъ собрался подуть туда, чтобъ выдуть застрявшія тамъ стружки, какъ его поразила мысль.

— А кто-же мнѣ помѣшаетъ жениться?! воскликнулъ онъ, обращаясь къ воронѣ, сидѣвшей на трубѣ его хаты. Въ отвѣтъ на это ворона испуганно замахала крыльями и улетѣла прочь. Очевидно, она и не думала мѣшать Ермолаю жениться. Но восклицаніе это испугало не одну ворону. Высказавъ свою мысль, Ермолай выпустилъ изъ рукъ бревно и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто собирался бѣжать отъ самого себя. Въ это-же время онъ почувствовалъ, что спина его вспотѣла, — несомнѣнный признакъ крайняго волненія. Но бѣжать было некуда. Идея родилась на свѣтъ, необходимо было пеленать ее и вообще поступать съ нею, какъ поступаютъ съ новорожденными. Ермолай перекрестился и плюнулъ.

— Нечистая сила искушаетъ! пробормоталъ онъ. Онъ вспомнилъ о своихъ лѣтахъ, и въ головѣ его промелькнула какая-то неопредѣленная цифра. Объ этой цифрѣ можно сказать одно, — что она была большая, не то 50, не то 60, а можетъ быть что-нибудь среднее. Когда нѣмецъ бралъ Севастополь (Ермолай былъ увѣренъ, что Севастополь бралъ именно нѣмецъ), Ермолаю было около тридцати лѣтъ, а сколько съ тѣхъ поръ прошло, онъ не имѣлъ досуга считать.

Несмотря, однако, на всю свою кажущуюся нелѣпость, мысль сильно засѣла въ головѣ Ермолая. Повременамъ она какъ будто куда-то уходила, тогда Ермолай снисходительно улыбался и говорилъ: «экое придумалъ!» И въ это время ему казалось, что онъ просто подшутить надъ самимъ собой; а мысль, смотришь, опять возвращалась, и Ермолай незамѣтно для себя начиналъ фантазировать на эту тему.

Онъ видѣлъ, какъ постепенно преображалась его хата. Въмѣсто обтрепаннаго, десять лѣтъ не мазаннаго «кѳмина» (печь), въ хатѣ его стоитъ бѣлая статная красавица - печка съ разрисованными синькой карнизамы, съ причудливыми изображеніями какихъ-то мудреныхъ невиданныхъ птицъ — все тѣмъ-же матеріаломъ. И стоитъ эта печка не безъ дѣла, какъ это до сихъ поръ было, въ ней пылаетъ и пытитъ яркій

огонекъ, а на томъ огонькѣ шипитъ борщъ въ огромномъ горшкѣ и «шкворчить» поросятина. Въ хатѣ тепло и уютно. Кровать устлана чистымъ рядомъ, обиліе подушекъ въ красныхъ наволочкахъ пріятно щекочетъ зрѣніе. Въ углу появились новые образа, а передъ ними виситъ и каждый праздникъ зажигается лампадка, и въ хатѣ носится пріятный и располагающій къ благоговѣнію запахъ деревяннаго масла. Во дворѣ появился новый сарайчикъ, созданный руками самого Ермолая; въ этотъ сарайчикъ на ночь загоняется птица, и передъ умственными очами Ермолая съ гамомъ и крикомъ проходитъ цѣлая стая гусей, куръ, утокъ. На току стоитъ корова, а можетъ, если Богъ поможетъ, двѣ, либо три. Отъ нихъ такъ и несетъ сочнымъ запахомъ свѣжаго молока. Кто-то идетъ съ доенкой, слышится легкій ударъ бича, отгоняющаго теленка отъ коровы. «Тпручки! Тпручки!». По праздникамъ сосѣди стали ходить къ нему въ гости, и онъ ходитъ къ сосѣдямъ. Ахъ, хорошо, хорошо! Все это было десять лѣтъ тому назадъ. Такъ неужели-же оно такъ и кануло въ вѣчность, не оставивъ никакихъ слѣдовъ? А слѣдовъ и не видно. Пусто, темно и «сумно», какъ въ далекой вышинѣ неба въ ненастную осеннюю ночь, когда не видно ни мѣсяца, ни звѣздъ, только ночной вѣтеръ насвистываетъ свои тягучія, зловѣщія пѣсни... Одинъ да одинъ, до гроба одинъ! Умрешь, похоронить некому. Да что?! Хорошо, что у Ермолая грудь желѣзная, что никакая болѣзнь не жаловала къ нему. А вдругъ,— чего не допусти, Боже, — онъ сляжетъ... что тогда? Да тогда прямо околѣвай съ голоду. Воды подать некому!

Да, по совѣсти говоря, ничего нѣтъ смѣшнаго въ томъ, что Ермолай вздумалъ жениться.

Но кто пойдетъ за него? Вотъ вопросъ, на который затруднился-бы отвѣтить самый находчивый изъ хуторянъ. Конечно, вдова какая-нибудь, которой тоже надоѣло одиночество. Хуторянскія вдовы всѣ наперечеть. Гапка козульчиха— эта слишкомъ молода, ей всего лѣтъ тридцать, такого-ли ей мужа надо? Притомъ про нее ходятъ разные слухи, будто она засиживается на вечерницахъ и послѣ вечерницъ еще долго, долго не приходитъ домой... Да и зачѣмъ ему молодая? Еще, пожалуй, корить будетъ, либо на виду у всѣхъ станеть съ парнями волочиться и тѣмъ позорить его честное, неза-

пятнанное имя. Вотъ Пампушка Федосья—славная баба: хозяйственная, рабочая и про нее никакихъ слуховъ не ходитъ. Притомъ она ужь не такъ молода—лѣтъ за сорокъ, да вотъ бѣда — при ней восемь душъ дѣтей, вѣдь это будутъ *не его* дѣти, чужія, какъ они будутъ смотрѣть на, него? Пойдутъ ссоры, раздоры... Нѣтъ, опасно. А она пошла-бы, потому ей тяжело одной управляться съ такою кучей. Объ Устѣ Совченковой и говорить нечего. Ей уже подь шестьдесятъ, она въ гробъ смотритъ, куда тутъ думать о замужествѣ? Кто-же? Не сватать-же ему дѣвку, хотя-бы и такую, которая засидѣлась!... Первое дѣло — осмѣютъ, а второе — что-же онъ будетъ дѣлать съ нею?

Казалось, идеѣ суждено было умереть, но вдругъ Ермолай вспомнилъ... «А Оныська!» Какъ-же онъ забылъ про Оныську, которая овдовѣла два года тому назадъ, осенью, когда была страшная гроза и мужа ея «убило громомъ»; которой всего-на-всего лѣтъ сорокъ-пять и у которой, такъ-же, какъ и у него, нѣтъ дѣтей? Да вѣдь это именно то, что ему нужно. Право, можно подумать, что Оныська именно для него создана. Такой хозяйки въ дѣломъ хуторѣ нѣтъ, жаль только, что ей не съ чѣмъ хозяйничать. А главное—она навѣрное пойдетъ за него, потому что большая охотница выходить замужъ. Она была уже за двумя мужьями: первый былъ солдатъ—его убили на войнѣ, а второго убилъ громъ. Вотъ это только нехорошо, что мужа ея оба умерли «не своей смертью». Можетъ быть, у нея уже судьба такая, такъ тогда и Ермолай... Э, да что?! Все одно—судьбы не объѣдешь.

И такъ—Оныська. Она завладѣла всѣми помышлениями Ермолая. Онъ бросилъ работу и въ этотъ день уже ни за что не могъ приняться.

II.

Слѣдующей день совсѣмъ не походилъ на зимній. Съ утра небо было чисто, и по немъ, какъ весною, плыло яркое веселое солнце. Ермолай рано вышелъ изъ хаты. Всю ночь онъ провалялся на твердой кровати, безуспѣшно пытаясь заснуть. Голова его совсѣмъ не привыкла къ такому напору мыслей, какой пришлось ей выдержать въ эту ночь. Мысли эти не были ни сомнѣніями, ни колебаніями; вопросъ былъ рѣшенъ

уже безповоротно; приходилось обдумывать, какъ все устроить.

Позабывъ умыться и даже помолившись наскоро (чего въ другое время онъ не позволилъ-бы себѣ, такъ какъ боялся Бога), Ермолай вышелъ изъ воротъ и побрелъ мимо хуторянскихъ хатъ. Хуторъ уже просыпался. Хозяйки возились съ птицей, съ телятами, доили коровъ, носили воду на плечахъ, хозяева собирались въ плавни—жать камышь.

Первымъ встрѣтился ему сосѣдъ Трифонъ. Ермолай поспѣшилъ отвѣсить ему поклонъ и поскорѣе пройти мимо. Обѣщанная работа не была готова, и это была чуть-ли не первая неисправность въ плотницкой практикѣ Ермолая.

Не подалеку отъ озера, окруженнаго стѣной пожелтѣвшаго камыша, послѣдней въ ряду, стояла приземистая землянка Оныськи. Тутъ-то Ермолай остановился и сталъ смотрѣть, что дѣлается во дворѣ, прилегающемъ къ землянкѣ. Оныська, какъ настоящая хозяйка, проснулась рано и возилась съ своей коровой, составлявшей, если не считать двухъ паръ куръ и пѣтуха, все ея наличное достояніе. Посреди двора стояла корова, ростомъ съ добраго теленка, съ огромными черными пятнами на грязно-бѣломъ фонѣ спины. Она наклонила морду къ лохани, изъ которой основательно и безстрастно поглощала помои. Передъ ней съ доѣнкой въ рукѣ стояла и терпѣливо ждала Оныська. Ермолай нашель, что это очень удобный моментъ для того, чтобы постоять въ приличномъ отдаленіи и еще разъ сначала обсудить свое *дѣло*.

Оныська была особа небольшого роста, сухощавая, плоскогрудая и лишенная всякихъ признаковъ граціи, свойственной ея полу. У нея было маленькое лицо съ маленькимъ носикомъ; въ зубахъ, повидимому, ощущался большой недочетъ, такъ какъ щеки ея представляли значительныя впадины и ротъ отошелъ на задній планъ; вслѣдствіе этого носъ, несмотря на свой незначительный объемъ, игралъ на лицѣ ея первенствующую роль, и съ нимъ только отчасти соперничалъ подбородокъ, слегка устремленный кверху. Оныська всегда держалась въ полъ-оборота, потому-что смотрѣла только однимъ глазомъ. Это происходило оттого, что другого глаза у нея совсѣмъ не было, и никто, не исключая самой Оныськи, не могъ-бы сказать, когда она его потеряла. Голова ея была повязана большимъ шерстянымъ платкомъ, который во времена

своей и Оныськиной молодости былъ цвѣта вороньяго крыла, а теперь отъ времени и дождей пріобрѣлъ цвѣтъ тѣхъ помоевъ, которыми насыщалась корова. Такъ какъ день былъ теплый, то Оныска была безъ свитки, въ одномъ платьѣ съ красными крупинками на синемъ фонѣ и съ сильно обтрепаннымъ подоломъ.

Таковъ былъ внѣшній видъ прелестницы, овладѣвшей помыслами Ермолая.

Корова благополучно докончила завтракъ и своимъ широкимъ языкомъ вылизала дно лохани. Затѣмъ она повернула морду и пошла по направленію къ току, за нею побрела и Оныска. Ермолай подумалъ, что пора и ему присоединиться къ этой компаніи, и уже сдѣлалъ было шагъ впередъ, но, вѣсто того, чтобы продолжать, остановился и сердито плюнулъ.

— Нелегкая несетъ тебя! промолвилъ онъ себѣ подъ носъ. Нелегкая несла именно Марью Кившенкову, которая, поравняше управившись съ своей худобой и проводивъ «чоловика» въ плавни, стремилась къ Оныскѣ съ единственною цѣлью — посплетничать. Марья Кившенкова была представительницей типа деревенскихъ бабъ, единственную заботу которыхъ, по видимому, составляетъ—безпрерывное размноженіе человѣческаго рода. Ни время, ни обстоятельства, никакія невзгоды, казалось, не оставляли на ней никакихъ слѣдовъ; она всегда выглядѣла бодрой, здоровой и веселой, цѣлый день работала, сплетничала и ругалась — одновременно, вездѣ и всюду поспѣвала во-время. Но это не мѣшало ей имѣть огромную кучу дѣтей и вѣчно ходить съ большимъ животомъ, сулящимъ новое приращеніе семейства.

— Будь здоровъ, дядя Ермолай! обратилась она къ Ермолаю.

«Проклатая баба имѣетъ зоркія очи!» подумалъ Ермолай. Но разъ уже его замѣтили, дѣлать было нечего, приходилось отвѣчать.

— Здорова будь и ты, Марика! промолвилъ Ермолай довольно сурово и, чтобы искупить свой несовсѣмъ дружелюбный тонъ, прибавилъ:—Давно уже я не видѣлъ тебя, Марика! А что дѣлаетъ Каленикъ?

— Эге! еще солнце не всходило, какъ я уже отправила Каленика въ плавни! А у тебя праздникъ, что-ли, дядя Ермолай? Ты что-же сегодня гуляешь?

Ермолаю показалось, что вопрос былъ заданъ не безъ лукавства. «Кажись, она, собачья дочь, догадывается, зачѣмъ я пришелъ!» подумалъ онъ:—«вѣдь вотъ нюхъ у этого народа, у бабъ!»

— Нѣтъ! Какой-же сегодня праздникъ? отвѣтилъ онъ:— такъ... Дѣло имѣю до Оныськи!..

Въ это время Оныська услышала разговоръ и издали обратила на улицу свое единственное око. Это былъ взглядъ удивленія. Какое такое дѣло можетъ имѣть до нея плотникъ? Ермолай жилъ въ другомъ концѣ хутора, Оныська не дѣлала ему никакихъ заказовъ, потому-что довольствовалась старой утварью, оставшейся отъ второго мужа. Вообще съ Ермолаемъ она не водила никакихъ дѣлъ и онъ даже мало былъ ей извѣстенъ, а тутъ вдругъ—дѣло.

Ермолай и Марика прошли на токъ.

— Помогай Богъ! не безъ смущенія промолвилъ Ермолай, обращаясь къ хозяйкѣ. Въ это время онъ усиленно придумывалъ какое-нибудь дѣло, которое могло-бы имѣть отношеніе къ его ремеслу.

— Спасибо! А что-бы это такое принесло тебя, дядько? спросила Оныська. Она уже присѣла на корточки и принялась доить корову.

— Принесло?.. Гм... Да какъ тебѣ сказать?! Дѣло пустячное... А мнѣ, по моему занятію, сама знаешь... Всякій пустякъ ежели оно... деревянное!.. Главное, чтобъ крѣпость была!..

Говоря это, Ермолай еще не придумалъ законнаго повода для своего посѣщенія. Глаза его устремились на самый край тока, гдѣ, склонившись на бокъ, почивалъ старый возъ, сломавшійся еще при покойномъ мужѣ Оныськи и съ тѣхъ поръ остававшійся безъ всякаго употребленія. По вечерамъ на немъ устраивали себѣ «сидало» двѣ пары куръ съ пѣтухомъ во главѣ. Этотъ-то возъ и вывезъ Ермолая.

— Проходилъ я разъ мимо твоего тока, продолжалъ Ермолай уже безъ всякаго замѣшательства,—вижу, возъ валяется... Возъ-то мнѣ знакомый, потому я самъ дѣлалъ его; покойный мужъ твой заплатилъ мнѣ за него двадцать-пять карбованцевъ и мѣшокъ проса... Вотъ я и подумалъ себѣ: зачѣмъ, думаю, Оныськѣ этотъ возъ? Стоитъ онъ безъ дѣла,

даромъ мѣсто занимаетъ. Совсѣмъ онъ ей лишній. А мнѣ въ моемъ дѣлѣ всякій пустякъ... Деревя-то въ немъ пропасть! Такъ ты не продашь-ли?..

— Отчего-жь не продать?! отвѣтила Оныська. Такая сдѣлка была-бы для нея очень выгодна. — Можно и продать. Оно мнѣ ни къ чему не надобно!

— Такъ вотъ я за этимъ и пришелъ! промолвилъ Ермолай и съ видомъ побѣдителя взглянулъ на Марику, а въ душѣ при этомъ подумалъ: «Ну, что взяла, хитрая баба? Думала, такъ вотъ передъ тобой все и выложу?! Какъ-бы не такъ! Не бойся, не на дурака наскочила!»

Но Марика не поняла этого взгляда и въ простотѣ сердечной принялась бойко повѣствовать о томъ, что въ эту роковую ночь неблаговоспитанныя свиньи сосѣда Терешки совершили относительно ея крайнее невѣжество, именно—забрались къ ней на токъ, разрушили заборъ и проникли даже въ сѣни. Разказъ былъ довольно длиненъ и изобилуеалъ мѣткими и сильными выраженіями, которыя адресовались къ сосѣду Терешкѣ, его женѣ, дѣтямъ и всѣмъ ихъ сродникамъ, какъ живымъ такъ и мертвымъ, какъ будто именно они, а не свиньи совершили означенныя преступленія. Закончивъ свой разказъ и получивъ удовлетвореніе въ сочувствіи Оныски, Марика вспомнила, что у нея топится печь, и ушла домой.

— А какая твоя цѣна будетъ? спросила Оныська у Ермолая, который усѣлся на опрокинутомъ вверхъ дномъ корытѣ и устремилъ взоры вдаль.

— Цѣна?.. растерянно переспросилъ Ермолай. — А, да! Насчетъ воза!—Онъ совсѣмъ позабылъ о цѣнѣ и о возѣ; мысли его вращались на другомъ предметѣ. Наступила критическая минута. Онъ уже подумывалъ, не купить-ли ему въ самомъ дѣлѣ возъ и не отправиться-ли съ нимъ домой, оставивъ въ глубинѣ своего сердца и никому не показавъ свою затѣю. Почему знать, какъ думаетъ объ этомъ Оныська? Можетъ быть, это покажется ей смѣшнымъ? Можетъ быть, она уже рѣшила доживать свой вѣкъ въ одиночествѣ? И потомъ, послѣ неудачи, еще разболтаетъ по хутору, и всякій будетъ указывать на него пальцемъ, вотъ, дескать, старый грѣховодникъ, на старости лѣтъ вздумавшій жениться! Вотъ дядя Ермолай, которому Оныська «поднесла гарбузу»!... Э, да что

это онъ струсилъ, точно малый ребенокъ?! Развѣ онъ не хозяинъ собственныхъ поступковъ? Вотъ еще—чѣмъ вздумалъ пугать себя! Что будутъ показывать пальцами!? Да дьяволь ихъ возьми, пусть показываютъ хоть цѣлой пятерней! Ермолай знаетъ, что дѣлаетъ.

— Я, Оныска, не за тѣмъ къ тебѣ пришелъ! началъ онъ съ твердостью человѣка, безповоротно порѣшившаго важный вопросъ. — Это я при Марикѣ не хотѣлъ говорить, потому дѣло особенное, а у нея, у Марики, языкъ... сама знаешь, какой!.. А дѣло у меня вотъ оно какое.

Тутъ онъ на минуту остановился и подумалъ, какъ-бы лучше начать, чтобъ не наболтать много словъ, а поскорѣе въяснить самую суть дѣла.

— Видишь, Оныска, ты вотъ все одна бьешься надъ хозяйствомъ, а толку выходитъ немного... Прежде вонъ у тебя было двѣ коровы, а теперь одна; прежде, помню, и пара свиней водилась, и гусей десятка два, и бычковъ пара... при покойникѣ-то!.. А теперь все это перевелось. И хата твоя уже набокъ смотреть. Да и во всемъ нѣтъ уже того порядка! А сама ты бьешься день-деньской... И все одна да одна!.. А я вотъ тоже такъ, какъ ты, — одинъ маюсь на свѣтѣ. Хозяйство мое падаетъ... Работаю, какъ волъ, а толку никакого!.. Да и скучно! Иной разъ такая тоска возьметъ, что хоть топись!..

— Что это ты, дядя Ермолай, такое заунывное затынуль?! со вздохомъ перебила его Оныска.

— Да такъ оно выходитъ, Оныска! И пришло мнѣ въ голову: ты одна и я одинъ. Что, ежели-бы намъ да въ едино?...

Поставивъ такой вопросъ, Ермолай смотрѣлъ на Оныску, ожидая отвѣта. Но Оныска не поняла, въ чемъ дѣло.

— Какъ въ едино?

— Да такъ, значить, въ едино! Чтобъ намъ съ тобой обвѣнчаться... Вотъ!..

— Охъ ты, Господи! Намъ съ тобой обвѣнчаться? Да что это ты, Ермолай? Намъ пора думать, какъ-бы грѣшную душу спасти, а ты — вѣнчаться!

— Вотъ вмѣстѣ и будемъ думать!..

— Такъ вѣдь я и то уже за двумя была!.. Да что это ты, Богъ съ тобою, искушать пришелъ!?

— Э, чего тутъ искушать? Развѣ я бѣсъ, чтобы искушать? Я дѣло говорю. Ты посуди: я человѣкъ работающій, это тебѣ всякій хуторянинъ скажетъ, доходовъ у меня на пятерыхъ хватить. Мужики даютъ мнѣ и пшеницу, и жито, и просо, и деньгами,—всяко. Хата у меня свѣтлая, просторная; и сарай есть, а худобу достанемъ, въ одинъ день достанемъ; и всякая птица и всякая всячина заведется у насъ, и будешь ты ходить у меня, какъ барыня; все свое, ни за чѣмъ не надо къ людямъ ходить!... А на случай, ежели болѣзнь какая,—у тебя мужъ есть, ты не одна. Такъ ты сравни—одной-ли, или вдвоемъ!.. А?..

Въ эту минуту Ермолай дѣйствительно являлся искушителемъ. Еще-бы! Онъ говорилъ Оныськѣ такія нѣжныя слова: «Все свое: и пшеница, и жито, и просо, и птица, и худоба! Хата свѣтлая, просторная! Ни за чѣмъ не надо къ людямъ ходить!.. А въ болѣзни—есть мужъ, не одна!» Да это именно тѣ слова, которыми опредѣлялся ея идеалъ, тотъ идеалъ, изъ-за котораго она два раза выходила замужъ и оба раза неудачно. Какъ устоять противъ такихъ обольстительныхъ рѣчей? Перестать маяться, зажить спокойно, въ довольствѣ—вотъ что сулилъ ей Ермолай, и за нимъ все это было-бы, потому онъ мужикъ дѣльный, кто-же этого не знаетъ? И Оныська замечталась подъ вліяніемъ этихъ чарующихъ рѣчей.

— Ну? спросилъ Ермолай.

— Охъ! вострепенулась Оныська,—чудно какъ-то!.. И что это ты вздумалъ, Ермолай? Жиль, жиль человѣкъ одинъ, а тутъ вдругъ—и-на-тебѣ!..

— Жиль, жиль, а тутъ—надоѣло!.. подхватилъ Ермолай.— Да ты сама посуди. Когда человѣкъ одинъ... Одинъ въ хатѣ, одинъ на дворѣ, одинъ на току, вездѣ одинъ... И никого у него нѣтъ... Что тутъ склеится? Вотъ и у тебя тоже. Изъ силъ ты выбиваешься, а ничего у тебя нѣтъ. А то: и коровокъ заведемъ штуки три, и гусей, и куръ, и индюшечка будетъ... И пахать начнемъ, одно слово—полное хозяйство... По крайности видно, что живешь; а то—такъ что-то волочится по свѣту, мрѣеть, мрѣеть, а потомъ, смотришь, куда-то дѣвалось... Снесли въ землю!.. Да и снести-то некому!..

Ахъ! Опять эти рѣчи! «И пахать начнемъ!» Господи!

Оныська чувствуетъ, что у нея руки такъ и чешутся, такъ-бы вотъ взяла грабли и громадила-бы, вязала-бы снопы... Два года уже ничего этого не было. Оно-то было, да на чужомъ полѣ, въ чужую засѣку!.. А тутъ—свое хозяйство!

— Ахъ, хорошо это ты говоришь, Ермолай! Хорошо!.. Да... страшно!—вырвалось у нея изъ груди.

— Э, что ты, Оныська, словно тебѣ шестнадцать лѣтъ! Экъ! Два раза была замужемъ, а въ третій боится!.. Говорю же тебѣ, что хорошо будетъ! Ты вникни: теперь у тебя...

И Ермолай опять принялся перечислять преимущества «тогда» надъ «теперь». Оныська истомилась, слушая его.

— Ты лучше приходи завтра утречкомъ! попросила она,— а я пораздумаю. Этакое дѣло—нельзя вдругъ!..

— Ну, ладно! согласился Ермолай.—Только ты думай про себя!..

Онъ уже почти былъ увѣренъ, что Оныська согласится. Въ этотъ день онъ былъ спокоенъ. Вернувшись домой, онъ немедленно принялся за работу и скоро отнесъ сосѣду Трифону его заказъ. А исполнивъ этотъ священный долгъ,—завалился спать.

III.

Оныська принялась «думать про себя». Она долго оставалась въ той позѣ, въ которой оставилъ ее Ермолай. Передъ ней стояла доѣнка съ молокомъ; корова уже не разъ обращала свою морду назадъ и кидала на Оныську недоумѣвающіе взгляды. Она не понимала, зачѣмъ заставляютъ ее безъ всякой надобности стоять на мѣстѣ, тогда какъ можно было-бы употребить время не безъ пользы, т. е. съѣсть охапку—другую сѣна. Оныська только тогда очнулась, когда у нея заболѣли согнутыя колѣни. Однако-жъ и послѣ этого—рѣшеніе вопроса не подвинулась ни на одинъ шагъ. Оныська совсѣмъ не умѣла «думать» про себя и чувствовала непреодолимую потребность нарушить завѣтъ Ермолая и изяснить дѣло Марикѣ. Марика—баба толковая, вотъ они вмѣстѣ и разсудятъ.

Оставивъ корову на произволь судьбы, Оныська зашла въ хату и поставила на лавку доѣнку съ молокомъ. Дѣло было спѣшное, нечего было и думать о томъ, чтобы по обыкновенію перелить молоко въ кувшинъ и вынести его въ чуланъ. Въ то время,

какъ Оныська направилась къ двери, чтобъ идти къ сосѣдкѣ, дверь отворилась и въ хату вошла Марика. Она обревизовала свою печку, нашла все въ порядкѣ и пришла сообщить нѣкоторые дополнительные факты къ ночному событію.

— Знаешь, Оныська, я еще забыла тебѣ рассказать!.. Въ сѣняхъ у меня стояла кадунка съ квасомъ!.. начала Марика.

— Постой, постой, Марика! Тутъ не до квасу!.. остановила ее Оныська;—присядь на лавку, моя голубушка! Я расскажу тебѣ такое, что ты и про квасъ, и про свиней забудешь!..

Марика взглянула на нее вопросительно, но болѣе уже не издала ни одного звука. Сердце ея трепетно забилося. Она уже вся была во власти той удивительной новости, которую сейчасъ ей расскажутъ. Она покорно сѣла, а рядомъ съ нею помѣстилась и Оныська.

— Охъ! я не знаю, какъ и рассказать тебѣ! съ волненіемъ въ голосѣ заговорила Оныська:—Вотъ при тебѣ приходилъ Ермолай, плотникъ!..

— Ну?!..

— Приходилъ онъ будто-бы на счетъ воза!.. А воза-то ему совсѣмъ не надо!..

— А-га!..

— Про возъ это онъ насаказалъ такъ себѣ!.. А приходилъ онъ... Господи! Вотъ ей-же, ей... Даже выговорить страшно!..

— Ну-же!?. поощрала Марика, вся сгорая отъ нетерпѣнія.

— Обвѣчаться хочеть!.. выпалила Оныська и закрыла лицо руками съ стыдливостью, свойственной шестнадцатилѣтней дѣвицѣ.

— Да съ кѣмъ-же? Господи!

— Со мной!..

Марика чуть не вскрикнула отъ изумленія. Вотъ такъ новость! Она только раскрыла ротъ и, сдѣлавъ большіе и преглупые глаза, смогрѣла на Оныську.

— Съ то-бой?

— О, Господи Іисусе!.. Со мной, голубка моя, со мной!.. подтвердила Оныська такимъ плачевнымъ тономъ, какъ будто Ермолай предлагалъ ей не обвѣчаться, а лечь въ гробъ.

— А ты какъ-же?

— Да я и не знаю!.. Онъ говорить: одинъ я измаялся, и ты, говорить, тоже. Хозяйство, говорить, и у тебя и у меня не клеится... А зарабатываю, говорить, пропасть и не знаю, куда оно дѣвается... А вмѣстѣ, говорить, заведемъ и коровокъ три, и птицу, и бычковъ, и пахать, говорить, будемъ... А въ случаѣ, не дай Богъ, болѣзнь какая, ты не одна, у тебя, говорить, мужъ есть... Вотъ оно что!..

— А что ты думаешь, Оныська! Это все правда, что Ермолай говорить!.. И по моему...

— Такъ мнѣ-жѣ 45-й годъ, Марика! Я за двумя была!..

— Э, что такое 45-й годъ?.. Повѣнчаются, извѣстно, не для того, чтобы любиться... Для хозяйства!.. Что, въ правду, маяться одной?.. Ежели-бъ я была на твоёмъ мѣстѣ, я ей-Богу и не задумалась-бы!..

— Ты пошла-бы, Марика?

— Вотъ тебѣ крестъ, пошла-бы! (Марика перекрестилась). Да ты вникни: что, еслибы,—чего не допусти, Господи,—мой Валеникъ... того... (Ахъ, это и сказать страшно!) умеръ-бы? Что-бы я тогда дѣлала? Что можетъ баба безъ «чоловика..»? Нѣтъ, тутъ и думать нечего!.. Иди, Оныська, иди!.. Ермолай—мужикъ хороший!

— Ну, спасибо тебѣ, Марика! Повѣришь, какъ ты это сказала, такъ у меня будто сто пудовъ съ плечь...

Въ самомъ дѣлѣ Оныська готова была разцѣловать Марикку за то, что та высказала ея мысль. Вѣдь въ глубинѣ души у Оныски засѣло почти непреодолимое желаніе выйдти за Ермолая. Пріятельницы долго еще бесѣдовали. Марика увлеклась и совсѣмъ позабыла о борщѣ, который стоялъ у нея дома, въ печкѣ.

Этотъ откровенный разговоръ имѣлъ два существенныхъ результата. Марика хорошо понимала, что есть вещи, о которыхъ до поры до времени слѣдуетъ помолчать. Подобное молчаніе было, конечно, съ ея стороны огромнымъ подвигомъ, но самоотверженіе ея не зашло такъ далеко, чтобы она не позволила себѣ подѣлиться новостью даже съ своей кумой, Ѳедорой Камышихой. Въ кумѣ своей она была увѣрена, какъ въ себѣ самой, или какъ Оныська въ ней, а потому не сомнѣвалась, что та не выдастъ ее.

— Ну, и чудеса-жь дѣлаются на свѣтѣ! рассказывала она кумѣ черезъ четверть часа послѣ того, какъ разсталась съ Оныськой, — Оныська-то, Оныська! А! На старости лѣтъ вздумала замужъ выходить! Нѣтъ, ты только подумай, кума: ей пятьдесятъ съ хвостикомъ (пять съ хвостикомъ Марика нечаянно прибавила), за двумя мужьями была!.. И вдругъ вздумала... Ха, ха!.. А Ермолай тоже хорошъ! Въ гробъ смотреть! Не сегодня—завтра умереть!.. И чѣмъ это она его обворожила? Корявая, слѣпая, беззубая!.. Подижь-ты!

У кумы-же, въ свою очередь, отыскалась кума, которая также не лишена была родства на хуторѣ, и такъ какъ всѣ обыватели хутора состояли въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ между собою, то къ вечеру весь хуторъ узналъ, что плотникъ Ермолай женится на Оныськѣ.

Къ вечеру проходившіе мимо Ермолаева двора земляки останавливались и заводили разговоръ.

— Правда-ли это, Ермолай, что бабы по хутору разносятъ?.. Будто ты жениться вздумалъ? спрашивали хуторяне.

— Брешутъ твои бабы, какъ суки!.. сердито отвѣчалъ Ермолай и при этомъ отворачивался, чтобы землякъ не заглянулъ ему въ глаза и не прочиталъ въ нихъ что-нибудь другое. «А чортова баба-Марика таки догадалась!» думалъ онъ въ то-же время.

Когда-же эти вопросы повторялись слишкомъ часто, Ермолай вышелъ изъ терпѣнія и объявилъ:

— А хотя-бы и такъ?! Чего присталъ, какъ вошь къ кожуху? Ну, женюсь, женюсь! А тебѣ что?

— А на комъ, дядя Ермолай? спросила случайно проходившая мимо баба.

— Да ужъ не на тебѣ, вѣдьма простоволосая! Ишь, языкъ-то у нихъ болтается, точно хвостъ у моего Барбоса!..

Это былъ, первый результатъ откровенной бесѣды. Второй-же состоялъ въ томъ, что на другой день, чуть только на востокъ выглянуло солнце, по большой проселочной дорогѣ, которая вела къ ближайшему селу Кныши, двигались двое путешественниковъ. Съ виду они различались только тѣмъ, что одинъ былъ высокаго роста и въ сивой барашковой шапкѣ, другой роста маленькаго, въ большомъ шерстяномъ платкѣ неопредѣленнаго цвѣта. Оба были въ длинныхъ овчинныхъ

кожухахъ и въ большихъ сапогахъ. Легко догадаться, что это были Ермолай съ Оныськой. Они шли въ село Кныши, къ попу. Оныскѣ предстояло «выправить» бумагу, свидѣтельствующую о томъ, что она вдова; на обязанности Ермолая лежало—сторговаться за вѣнчанье. Они шли молча. Ермолай дѣлалъ большіе тяжелые шаги; Оныська семенила ногами, съ трудомъ подымая большіе сапоги, оставшіеся ей отъ второго мужа. Она немного отстала и всю дорогу какъ-бы догоняла Ермолая. Молчали они не потому, что имъ не о чемъ было побесѣдовать, напротивъ, впереди предстояло столько перемѣнъ, столько дѣла, что можно было-бы говорить безъ конца. Но они еще не вполне освоились съ новыми отношеніями и нѣсколько конфузились другъ друга.

Когда показалась колокольня, а за ней, какъ на ладони,— все село, путешественники прибавили шагъ.

— Больше пяти карбованцевъ не дамъ! сказалъ Ермолай, обращаясь какъ-будто не къ Оныскѣ, а къ колокольнѣ.

— Какъ можно больше?.. Когда я шла за перваго, за Остапа, такъ только четыре взяли!.. За вторымъ, правда, семь, да еще двѣ мѣрки жита!.. Ну, такъ покойникъ-то Кирило былъ мужикъ съ большимъ достаткомъ!..

— А я, какъ вѣнчался съ покойной Улитой, такъ сдѣлалъ батюшкѣ тачку водовозную.—Тогда еще покойный отецъ Иванъ былъ, а дяку—корыто, а денегъ не платилъ... Можетъ и теперь что-нибудь такое случится?!

Этими воспоминаніями ограничился ихъ разговоръ. Они уже вошли въ улицу села Кнышей. Неподалеку отъ церкви стоялъ батюшкинъ домъ съ зеленой крышей и желтыми ставнями. Оныскѣ хорошо былъ извѣстенъ этотъ домъ, такъ какъ она часто работала у матушки поденно. Ермолай разсудилъ, что ему слѣдуетъ остаться на улицѣ, пока Оныська выправитъ свою бумагу.

— А! Оныська! Здравствуй, Оныська! встрѣтилъ ее батюшка.—Ты зачѣмъ пришла?

Батюшка былъ почтенныхъ лѣтъ, плотный, съ черной бородой и длинными кудрями. На немъ была фланелевая фуфайка и клѣтчатые штаны; онъ никогда не стѣснялся съ прихожанами и принималъ ихъ запросто. Оныська низко поклонилась батюшкѣ и взяла у него благословеніе.

— До вашей милости, батюшка! смиренно молвила она, — не откажите выдать мнѣ вдовью бумагу!

— Вдовью бумагу? А зачѣмъ тебѣ вдовья бумага?..

— Да вотъ!..—Ониська совершенно сконфузилась.—Ермолай, плотникъ... Знаете, что на хуторѣ... Жинка, Улита, умерла... Такъ онъ... повѣнчаться хочеть со мной!..—Очевидно, Ониська хотѣла взвалить всю вину на Ермолая. Но смущеніе ея перешло всякія границы, когда батюшка началъ оглашать комнату громовымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха, ха, ха, ха-а-а! неудержимо заливался батюшка, придерживая руками бока и грудь, какъ-бы боясь, что его могучій организмъ не выдержитъ еще болѣе могучаго раската легкихъ. — Такъ ты... вѣнчаться?.. Ха, ха, ха, ха! И батюшка неистово отмахивался руками, какъ-бы прося Ониську удалиться или по крайней мѣрѣ не говорить больше такихъ невѣроятныхъ вещей. На этотъ могучій хохотъ со всѣхъ сторонъ сбѣжались: матушка, кухарка, работникъ, церковный сторожъ и Фиделька — матушкина любимица собачьей породы. Публика съ недоумѣніемъ спрашивала, въ чемъ дѣло.

— Ониська... Вѣнчаться!.. только и могъ выговорить батюшка и опять залился смѣхомъ. Всѣ послѣдовали его примѣру и комната огласилась звонкимъ хохотомъ на всѣ голоса. Фиделька съ своей стороны способствовала ансамблю и, вытянувъ морду, принялась лаять во все горло.

Ониську бросило въ дрожь. Сначала она пыталась что-то сказать въ свое оправданіе, но, видя, что ее никто не станетъ слушать, и при томъ чувствуя себя кругомъ виноватой, она принялась рыдать, да такъ голосно, что всѣ смѣявшіеся разомъ остановились.

— Онъ пришелъ... и... говорить... — громко всхлипывая, съ трудомъ объясняла Ониська: — Ты, говорить, маешься... одна, говорить... и хозяйство... А я, говорить, тоже маюсь... А тогда, ежели болѣзнь какая... У тебя мужъ, говорить, есть... И птица и три коровки... И пахать, говорить, будемъ... Такъ это все онъ говорилъ, а я и подумала... что-жь, думаю!.. Ну... и грѣхъ тоже! Развѣ я не знаю, что грѣхъ?.. И тогда-же я ему говорила: это, говорю, грѣхъ, потому я за двумя была!.. Такъ подижь-ты!... Ежели лукавый захочеть...

И Ониська горько, прегорько рыдала, и такъ это выходило

у нея жалобно, что всё мысленно раскаялись въ безпощадной насмѣлкѣ. Только глупая Фиделька продолжала лаять съ усиленнымъ азартомъ.

— Что ты говоришь, милая? Господь съ тобою! ласково остановилъ ее батюшка: — какой-же тутъ грѣхъ? (Пошла вонъ! крикнулъ онъ Фиделькѣ, которая послѣ этого стремглавъ улетѣла въ третью комнату). Тутъ никакого грѣха нѣтъ! Выходи себѣ съ Богомъ за Ермолая!.. Отчего-жь не выйти, если хорошій человекъ находится? Что ты не молода? Ну, такъ это ничего. Это даже дѣлаетъ тебѣ честь! Значить, ты очень достойная женщина, если онъ, не взирая на твои годы, избираетъ тебя! Право, право! Тутъ ничего такого нѣтъ!

Услышавъ такія рѣчи, Оныська вытерла слезы и испустила отградный вздохъ.

— Такъ грѣха, говоришь, нѣту? чуть слышно спросила она.

— Нѣту, нѣту, милая, никакого грѣха тутъ нѣтъ! Богъ тебя благослови! Такъ тебѣ вдовью бумагу? Ну, хорошо! Поди къ дьячку; вотъ тебѣ записка. Ты покажи ему записку и онъ тебѣ выдастъ вдовью бумагу... А ты не забудь дать ему за это карбованецъ. Слышишь? Онъ человекъ бѣдный!..

Оныська протянула трепетную руку и взяла записку. Въ это время кухарка, работникъ и церковный сторожъ тихонько удалились, потому что глубоко почувствовали свою неправоту относительно Оныски. Изъ публики осталась только матушка.

— А ты зайди ко мнѣ, Оныська! Я тебѣ подарю платочекъ ради новоселья!.. съ участіемъ сказала матушка. Она очень любила Оныську и часто дарила ей старыя платочки и разныя другія принадлежности женскаго туалета. — Я и иконку подарю тебѣ!.. Поблагословлю!..

Оныська ударила земной поклонъ передъ матушкой и съ большимъ чувствомъ поцѣловала ея сочную, массивную и мягкую, какъ тѣсто, руку.

— Ну, а когда-же вѣнчаться? спросилъ батюшка.

— Да ужь, вѣрно, въ воскресенья!.. А лучше вы у Ермолая спросите... Онъ тутъ за воротами!..

— А-га! Ну, а сколько-же ты дашь за вѣнчанье? продолжалъ батюшка съ легкимъ отгѣнкомъ ироніи и вмѣстѣ съ тѣмъ сънисходительно.

— А Ермолай уже знаетъ!.. Онъ за воротами! я сейчасъ

кликну его! — И Оныська робкими шажками вышла кликнуть Ермолая. Сдержанный смѣхъ батюшки съ матушкой сопро-
вождалъ ее до выхода.

Ермолай предварительно снялъ козухъ въ передней, вы-
теръ сапоги тутъ-же разбросанной для этой цѣли соломой и
тогда только вошелъ въ комнату. Онъ имѣлъ видъ положи-
тельного, увѣреннаго въ разумности своего дѣла, человѣка,
такъ что батюшкѣ не могло и въ голову прійти посмѣяться
надъ нимъ.

— Такъ, значить гуляемъ свадьбу? спросилъ батюшка по-
слѣ выраженія обычныхъ знаковъ почтительности со стороны
Ермолая.

— Милости просимъ! съ поклономъ отвѣтилъ Ермолай.—
А сколько за вѣнчанье?... я человѣкъ небогатый!

— Да что тутъ торговаться?! Десять карбованчиковъ от-
считывай и повѣнчаемъ!

— Э, батюшка! гдѣ мнѣ ихъ взять, такую пропасть? Я
вотъ дорогой и Оныскѣ говорилъ: пять, говорю, дадимъ, а
больше ни какъ не возможно!

— Ну, какъ не стыдно тебѣ, Ермолай!? Посуди самъ: ты
уже на второй женишься, а Оныська за третьяго выходитъ. Если
съ васъ мы не возьмемъ, то съ кого-же брать?..

— То-то и есть, батюшка, что съ насъ-то и слѣдуетъ де-
шевле! Мы уже свое отплатили, когда въ первой вѣнчались!..

— Такъ ты рассуди!.. убѣдительно доказывалъ батюшка,—
когда человѣкъ въ первый разъ вѣнчается, такъ это, можно
сказать, такъ уже по природѣ!.. Такой ужъ законъ!.. Ну, а
во второй, такъ это-жь прихоть. А за прихоть слѣдуетъ и
брать дороже!..

— Не прихоть это, батюшка! Гдѣ ужъ намъ о прихо-
тахъ думать?! А хозяйство падаетъ, поправку ему надобно!..
Ужь какая тутъ прихоть въ Оныскѣ?! Сами видите, какая она
красавица!.. А что она хозяйка, это всякій скажетъ!.. Вотъ
за это самое и беру ее! Нѣтъ, ужъ вы, отецъ, не дорожитесь,
ей-Богу!.. А то, можетъ, вамъ надо что сдѣлать по плотниц-
кой части? Такъ это мнѣ легче!.. Тачку-ли, либо возъ почи-
нить!..

— Гм!.. А это правда! весело сказалъ батюшка;— у меня,
знаешь, засѣка совсѣмъ развалилась! Вотъ ты ее съорудуй! А?..

— Засѣвка?!.. Такъ это-жь того... Засѣвка дѣло не легкое!.. Тутъ-бы еще съ вашей милости карбованцевъ съ пятокъ додачи!..

— Ого! Ишь ты какой! Овъ хочеть даромъ повѣнчаться, да еще на поповскія деньги свадьбу сыграть!.. Ай, да Ермолай!.. Ну, знаешь, я тебѣ дамъ три карбованца додачи, а ужь съ дякомъ ты самъ расквитайся!..

— Какъ-же? Значить еще и дяку платить? Особо?..

— Ну, ты тамъ и ему что-нибудь сдѣлай! Корыто, напримеръ, либо... Да вотъ что: онъ какъ-то жаловался, что у него ясли изломались, вотъ ты ему и почини ясли!..

— Ясли?.. Ну, это можно!.. Это пустое!

— Такъ вотъ и иди себѣ съ Богомъ! Значить, въ воскресенье? Смотри-же, приходи въ церковь пораньше! Я васъ передъ обѣдней обвѣнчаю!

Ермолай нашель, что заключилъ съ батюшкой выгодную сдѣлку. Къ этому времени Онъсьеа благополучно добыла вдовью бумагу, и они съ облегченными сердцами возвратились на хуторъ.

IV.

Воскресенье оказалось торжественнымъ днемъ для кнышевскаго прихода. Обитатели Кнышей никогда не отличались особенной богомольностью, но на этотъ разъ церковь была полна народу. Дѣло въ томъ, что батюшкинъ кучеръ рассказалъ своему пріятелю о сценѣ, происходившей въ кабинетѣ батюшки. Бухарка и церковный сторожъ съ своей стороны приняли мѣры, чтобы интересная новость не осталась безъ распространенія. Ихъ рассказы были подтверждены высокимъ авторитетомъ — матушкой, которая подѣлилась впечатлѣніями съ двумя наиболее приближенными къ ней бабами. Наконецъ, самъ батюшка передалъ новость церковному старостѣ. Всѣхъ этихъ органовъ оказалось достаточно, чтобы разнести новость по всему селу и собрать въ церковь прихожанъ. Очень много явилось изъ Арнаутовскаго хутора, и такимъ образомъ Кныши приняли вполне праздничный видъ, въ родѣ того, какой имѣютъ они въ храмовой праздникъ. Такъ какъ церковь не могла вмѣстить всѣхъ богомольцевъ, то многіе толпились въ оградѣ; были и такіе, которые расхаживали по большой улицѣ въ ожиданіи торжественнаго шествія. Ребятишки съ шумомъ и визгомъ въ-

дили верхомъ на длинныхъ камышенкахъ, гонялись другъ за другомъ и производили страшную суету.

День стоялъ морозный. Обыватели Кнышей запаслись огромными рукавицами и носили съ собой ѣдкій запахъ овечьихъ тулуповъ.

Когда на большой дорогѣ, тамъ, гдѣ кончается степь и начинается село, показалась небольшая кучка людей, по улицѣ стало разноситься восклицаніе: «Идутъ! Идутъ! Геи, геи! Молодые идутъ!»

Ермолай и Оныска были въ тѣхъ-же овчинныхъ тулупахъ, въ которыхъ ходили къ попу. Торжественность настроенія выражалась у Оныски новымъ, зеленого цвѣта платкомъ, который былъ въ то-же время свадебнымъ подаркомъ жениха, а у Ермолая — тѣмъ обстоятельствомъ, что сапоги его были заново вымазаны свѣжимъ, пахучимъ дегтемъ. Они шли впереди, рядомъ. Позади шло нѣсколько мужчинъ и двѣ бабы. Ермолай опустилъ глаза долу, потому что настроеніе гулявшей публики не общало комплиментовъ. И дѣйствительно, какъ только они поровнялись съ прогуливавшимися парнями и дѣвками, такъ со всѣхъ сторонъ слышались ироническія замѣчанія:

— Вотъ такъ молодые! Вотъ такъ свадьбка! Нечего сказать!..

— А невѣста зубки дома оставила!.. Ха, ха!

— Да и женихъ-то половину позабылъ!.. Хо, хо, хо-о!

— Эй, хлопцы! гаркнулъ одинъ изъ парней почти надъ самымъ ухомъ Ермолая; — чего-же вы смотрите? Что это дядя Ермолай невѣсть у насъ отбиваетъ? Да смотри еще, — самую что ни на есть красавицу! А? Отнимемъ что-ли?..

Эта острота вызвала раскатистый смѣхъ по всей улицѣ.

— Какъ-же это, дѣвки, невѣста и безъ цвѣтовъ? воскликнула бойкая, краснощекая дѣвка, заглядывая прямо въ лицо Оныскѣ.

— Хоть безъ цвѣтовъ, а все-же подъ вѣнецъ иду, а ты вонъ и съ цвѣтами, да никто не беретъ тебя!.. не выдержала и огрызнулась Оныска.

На это публика опять отвѣтила хохотомъ, чѣмъ показала свое полное безпристрастіе. Нѣкоторые изъ парней обратили свои насмѣшки на оскандалившуюся дѣвку.

— А что? Скушала? Славно! Славно! Ай, да Оныська! Такъ ее, такъ!..

— А слыхаль ты, что покойная Ермолаева жинка нынче на томъ свѣтѣ вѣнчается съ покойнымъ Оныськинымъ чоловікомъ? съостриль кто-то.

— Съ которымъ?

— Да, должно быть съ сто первымъ!..

— О-хо, хо, хо, хо-о!

Мальчишки, рѣшительно ничего не понимая, прыгали передъ самыми носами молодыхъ, тормозили фалды ихъ тулуповъ и орали во всю мочь:

— Тю-у! Тю-у-у!..

Наконецъ, шествіе приблизилось къ церкви, и тогда молодые вздохнули свободно. Изъ церковной ограды выглянули сѣдая борода почтенныхъ прихожанъ, и молодежь немедленно прониклась почитательностью и умолкла. Въ сущности, ни противъ Ермолая, ни противъ Оныски, ни противъ ихъ брачнаго союза никто ничего не имѣлъ. Напротивъ, всякій изъ кричавшихъ и острившихъ отлично понималъ, что Ермолаю нужна хозяйка, а Оныскѣ—хозяйинъ и что нѣжныя чувства здѣсь не при чемъ. Молодежь просто воспользовалась случаемъ погулять, и всѣ эти, съ виду злостныя, насмѣшки были проникнуты праздничнымъ благодушіемъ.

Когда кучка поровнялась съ батюшкинымъ домомъ, Оныська отдѣлилась и пошла къ матушкѣ за обѣщаннымъ благословіемъ. Остальные, съ Ермолаемъ во главѣ, направились въ церковь.

Посреди церкви уже стоялъ маленькій столикъ, на которомъ лежало небольшое Евангеліе и «вѣнцы». Скоро дякъ принесъ и поставилъ рядомъ съ Евангеліемъ корецъ, наполненный виномъ. Оныська, запыхавшись, прибѣжала отъ матушки. Передъ столикомъ разостлали ситцевый платокъ и на него поставили молодыхъ. Началось вѣнчанье. Ни Ермолай, ни Оныська не поняли ни одного слова изъ того, что читалъ батюшка и пѣлъ дякъ. Три сотни глазъ были разомъ устремлены на нихъ и, казалось, собирались проглядѣть ихъ насквозь. Бабы перешептывались между собой и указывали пальцами на Оныську. Вотъ уже имъ связали руки и стали водить вокругъ столика. Дякъ запѣлъ: «Исаіе ликуй», и оба разомъ вспомни-

ли они свои молодые годы, когда ихъ, точно такъ, какъ теперь, водили вокругъ стола и пѣли ту-же пѣсню. Только тогда невѣста была въ цвѣтахъ, а густые черные волосы были распущены и переплетены множествомъ пестрыхъ лентъ. И вокругъ ихъ тогда толпилась молодежь, и вѣнцы тогда держали надъ головой, а не на плечѣ, какъ теперь. Вспомнили и вздохнули...

Наконецъ, все кончилось, и батюшка обратился къ нимъ съ краткой рѣчью. Что онъ тамъ говорилъ, никто этого хорошо не понялъ, а только въ концѣ всего онъ прибавилъ:

— А теперь поцѣлуйтесь, чтобы предъ лицомъ церкви засвидѣтельствовать вашу взаимную любовь...

О, это былъ трагическій моментъ! Имъ цѣловаться! Имъ, имѣющимъ вдвоемъ сотню лѣтъ, свидѣтельствовать свою взаимную любовь! Церковь биткомъ набита народомъ, глаза всѣхъ устремлены на нихъ, всѣ съ жадностью смотрятъ, какъ это они будутъ «свидѣтельствовать любовь»... Но развѣ батюшка не знаетъ, что они вѣнчаются не ради любви, а ради хозяйства? Конечно, знаетъ; зачѣмъ-же онъ заставляетъ ихъ цѣловаться? Таковъ обычай. Нельзя-же для нихъ измѣнять обычай, которому изъ поконовъ вѣку слѣдуютъ всѣ новобрачные! Въ особенности была сконфужена Ониська. Это вѣнчанье доставило ей такъ много неприятностей. обидъ, насмѣшекъ. И зачѣмъ она согласилась? Ахъ, она готова-бы отказаться, да поздно, уже дѣло сдѣлано...

И вотъ среди глубокой тишины двѣ пары старческихъ губъ сомкнулись, и въ церкви раздался поцѣлуй. Благодаря волненію, молодые не рассчитали и поцѣлуй вышелъ слишкомъ звонкимъ, почти страстнымъ... Они вышли изъ церкви совершенно смущенные и сконфуженные въ конецъ.

Въ тотъ-же день, въ обѣденное время, хата Ермолая, и дворъ его, и улица близъ его хаты—представляли необычайное зрѣлище. На улицѣ и во дворѣ толпился народъ всякихъ возрастовъ и половъ. Кто-то держалъ въ рукахъ огромный штофъ съ водкой и подчивалъ желающихъ; гдѣ-то въ толпѣ раздавался пискъ скрипки, кто-то ударялъ въ бубень, кое-кто изъ парней и дѣвокъ отплясывалъ козачка. Въ хатѣ, за длиннымъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью и уставленнымъ полштофами и кабацкими стаканчиками, мисками съ густой

лапшей, съ кусками вареной и жареной поросятины, вяленой рыбы, тарелками съ пирогами,—сидѣли наиболѣе почтенные изъ хуторянъ — мужики и бабы. Это были тѣ самые хуторяне, которые еще не такъ давно осыпали новобрачныхъ ядовитыми насмѣшками. Марика занимала самое почетное мѣсто среди представительницъ женскаго пола. Всѣ они теперь совершенно искренно одобряли поступокъ Ермолая и Оныски и находили, что лучшую пару мудрено съискать въ цѣломъ уѣздѣ. Ермолай важно возсѣдалъ среди гостей и то и дѣло наполнялъ стаканчики, упрасивая выпить. Оныска суетилась у печки, въ которой пылалъ огонекъ и шипѣло какое-то вариво. Ермолай уже здорово выпилъ, глаза его блестяли, а на губахъ играла улыбка. Онъ видѣлъ живое-осуществленіе своей мечты и позабылъ всѣ непріятности, которыя претерпѣлъ за эти три дня сватанья.

— Вотъ оно, вотъ! думалъ онъ, глядя на суетившуюся Оныску, на огонекъ, пылавшій въ бѣлой чистенькой печкѣ, на чистоту въ катѣ, на все то, что принесла съ собой Оныска.— Когда уже это было? А теперь опять пойдетъ! По крайности— какъ у другихъ! И все пойдетъ по иному! Эхъ, право! Славно это я вздумалъ! Славно!..—И въ то время, какъ въ комнатахъ стоялъ шумъ отъ пьяныхъ разговоровъ, а съ улицы доносился пискъ скрипки, трескъ и гулъ бубна и топотъ деревенскихъ танцоровъ—возбужденное воображеніе пронесло передъ его очами цѣлую вереницу картинъ новаго житья-бытья. Тутъ были и коровы, и бычки, и лошадка, и всякая птица, и плугъ, и все, все, что требуется въ хорошемъ хозяйствѣ и что есть у всякаго дѣльнаго мужика, а когда-то было и у Ермолая.

— Славно! Славно! мысленно повторялъ онъ и не могъ налюбоваться невзрачной, сухощавой, сморщенной фигурой Оныски, которая, вся проникнутая довольствомъ, съ достоинствомъ свершала свое высокое назначеніе. Не ею любовался онъ, а ея присутствіемъ.

Она внесла въ его домъ, въ его хозяйство струю новой жизни.

И. Потапенно.

ЭКСПОРТЪ И НАЖИВА.

I.

Южнорусская торговля сырьемъ слагается собственно изъ двухъ, тѣсно связанныхъ между собою, видовъ торговаго посредничества. Съ одной стороны, сырье покупается по мелочамъ отъ сельскихъ хозяевъ, преимущественно отъ мелкихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ. Этотъ родъ дѣятельности—о которомъ мы говорили уже въ № 5 «Дѣла» за текущій годъ—взяли на себя шабай. Съ другой стороны, то-же сырье направляется потомъ на заграничные рынки. Этимъ занимаются крупные хлѣботорговцы—экспортеры, и объ этомъ именно будетъ идти рѣчь въ настоящемъ очеркѣ.

Строго говоря, по характеру дѣятельности между шабайми и крупными хлѣботорговцами нѣтъ никакого существеннаго различія. И тѣ, и другіе—одного поля ягоды. Экономическія цѣли, преслѣдуемыя ими, господствующія тенденціи въ ихъ дѣятельности, самые способы этой дѣятельности совершенно сходственны: та-же жажда наживы, то-же поклоненіе золотому тельцу, тѣ-же нечистые приемы накопленія капитала въ обоихъ случаяхъ... Но шабай—обыкновенная, рядовая челядь, а крупные хлѣботорговцы—тузы и аристократы.

Впрочемъ, какъ шабай шабай—рознь, такъ и хлѣботорговецъ хлѣботорговцу—не чета. Есть хлѣботорговцы, располагающіе тысячами рублей, и есть хлѣботорговцы, ворочающіе милліонами. Разница тутъ, какъ и между всѣми вообще посредниками въ южнорусской торговлѣ сырьемъ, чисто внѣшняя и количественная. Всѣхъ ихъ, по этому, можно помѣстить въ одинъ общій постепенно восходящій рядъ, крайнія звѣнья котораго составятъ внизу шабай, а вверху крупные хлѣботорговцы—экспортеры.

Чѣмъ шире торгово-посредническая дѣятельность въ извѣстномъ районѣ, чѣмъ крупнѣе здѣсь торговый центръ, тѣмъ длиннѣе оказывается такая цѣпь и тѣмъ больше въ ней бываетъ от-

дѣльныхъ колець и звеньевъ. Это уже само собою вытекаетъ изъ самаго порядка вещей. Если Одесса отпускаетъ ежегодно среднимъ числомъ 5 миллионѣвъ четвертей хлѣба за границу, а Ейскъ только 500 тысячъ четвертей, то, разумѣется, въ первой должно быть въ десять разъ больше лицъ, занимающихся хлѣботорговлей, чѣмъ во второмъ. А большее количество агентовъ въ одной и той-же области дѣятельности порождаетъ и большее разнообразіе отношеній между ними, больше спеціализаціи самаго дѣла.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи каждый южно-русскій портъ отличается нѣкоторыми особенностями. Такъ, одну роль въ торговлѣ сырьемъ играетъ Одесса и другую какой-нибудь Темрюкъ. Между тѣмъ какъ первая по отпуску сырья оказывается первокласснымъ европейскимъ портомъ, второй можетъ считаться только зависимымъ и малозначущимъ торговымъ пунктомъ. Одесса считаетъ десятками свои торговыя конторы, въ Темрюкѣ и единицъ мало. Но и тутъ опять-таки отличіе между отдѣльными портами сводится все къ тѣмъ-же внѣшнимъ признакамъ—къ размѣрамъ торгово-посреднической дѣятельности. Затѣмъ, внѣ этихъ признаковъ, царитъ уже полнѣйшее сходство. Какъ и отдѣльные виды хлѣботорговцевъ, южно-русскіе порты также одного поля ягоды. Да иначе и не могло быть, потому что всѣмъ имъ свойственны однѣ и тѣ-же торговыя функціи, вытекающія изъ однихъ и тѣхъ-же условій и регулируемыя одними и тѣми-же началами.

Во-первыхъ, большинство южно-русскихъ портовъ имѣетъ непосредственное сношеніе съ заграничными рынками. Одесса, Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, Керчь, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Бердянскъ, Мариуполь, Ейскъ, Новороссійскъ, Азовъ и др. прежде всего собираютъ сырье для отправки за границу. Соподчиненная роль въ этомъ отношеніи какого-нибудь Темрюка, Евпаторія или даже Херсона является дѣломъ второстепеннымъ и ненарушающимъ общаго характера дѣятельности южно-русскихъ портовъ.

Во-вторыхъ, къ каждому изъ такихъ портовъ тяготеетъ особый экономическій районъ. Чѣмъ шире оказывается посредническая роль извѣстнаго порта, тѣмъ больше бываетъ и этотъ районъ. Съ развитіемъ торговыхъ функцій у однихъ портовъ и ослабленіемъ ихъ у другихъ, районы мѣняются. Ростовъ на Дону начинаетъ притягивать сырье на счетъ таганрогскаго района, а Одесса на счетъ районовъ ближайшихъ центровъ. Но фактъ тяготѣнія къ каждому порту извѣстнаго экономическаго района во всякомъ случаѣ остается фактомъ.

Стало быть, сходство южно-русскихъ портовъ заключается прежде всего въ совершенной однохарактерности ихъ торговыхъ

отправленій; и покупка сырья и экспортъ его свойственны въ частности каждому порту, хотя и не въ одинаковой степени.

Затѣмъ подобная-же печать однообразія лежитъ и на тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша южно-русская торговля сырьемъ. Остановите вниманіе ваше на любомъ портѣ — и всюду вы найдете одно и то же, всюду вамъ бросится въ глаза крайняя неудовлетворительность транспорта. Одесса, безъ всякаго сомнѣнія, нашъ лучшій и самый благоустроенный портъ. И, однако, не далеко еще ушло то время, когда въ ней доставка четверти зерна съ вокзала до судовъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ, стояла столько-же, сколько и доставка той-же четверти отъ Одессы до Марсели ¹⁾, и когда въ ея торговомъ районѣ чумаки успѣшно конкурировали съ одесскою желѣзною дорогою по доставкѣ сырья. Да и теперь какъ для самой Одессы, такъ и для ея торговаго района, представляется еще многое и многое совершить, чтобы поставить въ сколько-нибудь удовлетворительныя условія по отправкѣ и перевозкѣ сырья этотъ портъ. Въ самой Одессѣ нагрузка зерна производится большею частію примитивными способами, при значительной тратѣ времени и при ожиданіи очередей въ случаѣ большаго наплыва судовъ. Правда, мысль объ устройствѣ паровыхъ элеваторовъ давно уже вращается въ одесскомъ торговомъ мирѣ, но ей суждено вѣроятно еще долго только вращаться, пока не явятся какіе-нибудь варяги изъ Франціи или Англіи и не сдѣлаются князьями скорой и удобной погрузки судовъ. На желѣзной дорогѣ, перевозящей гледи къ Одессѣ, хлѣбъ нерѣдко залеживается по мѣсяцамъ и портится отъ непогоды, дождя и сырости. Ближайшія потомъ въ районѣ естественныя артеріи, какъ напр. Днѣстръ, просто находятся въ какой-то заброшенности. Для расчистки и урегулированія этой рѣки, по словамъ г. Скальковскаго, требуется всего «какихъ-нибудь 25,000 руб.»; а между тѣмъ «хлѣбъ по Днѣстру, говоря давно сказанными словами того-же г. Скальковскаго, и по нынѣ доставляется на первобытныхъ плотахъ и на галерахъ, придуманныхъ въ XIII столѣтіи предприимчивыми генуэзцами, которые сдѣлали все, что по требованіямъ времени было возможно: устроили факторіи, обезпечили ихъ не малой цѣнности сооруженіями, замками, и въ одной изъ низъ, именно въ Монкастро, устроили даже земляной валъ, защищавшій городъ отъ наводненій». А мы вотъ, живущіе въ XIX столѣтіи, черезъ шесть сотъ лѣтъ спустя, когда техника и усовершенствованія движутся впередъ такими гигант-

¹⁾ Симонъ Берштейнъ, Одесса, стр. 85.

скими шагами, ничего не можетъ подѣлать съ Днѣстромъ и лишь кричимъ «ура!», рукоплещемъ, славословимъ въ газетахъ и удивляемся подвигамъ г. Чихачева, точно новаго Аннибала или Суворова, совершающаго побѣдоносные переходы по Днѣстру, не смотря на то, что причина этихъ подвиговъ очень понятна: иначе вѣдь субсидіи русскому обществу пароходства и торговли не дадутъ!

Точно то-же замѣчается и въ другихъ портахъ, только еще въ болѣе неказистомъ видѣ.

Наконецъ, и по самому характеру хлѣботорговли всѣ порты похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, хотя-бы и неодинаковой величины. Всюду въ этихъ торговыхъ пунктахъ идетъ дѣятельная отправка сырья за границу въ ущербъ интересамъ родной производительности. Обрабатывающая промышленность въ нихъ слаба и даже кустарные промыслы въ тяготившихъ къ нимъ районахъ, выражаясь мѣткимъ малорусскимъ изреченіемъ, «чуть бреньчатъ». Если судить относительно, то Ростовъ на Дону занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ промышленномъ отношеніи между другими южно-русскими портами. При вдвое меньшемъ населеніи его промышленность равняется по оборотамъ промышленности Одессы. Но вотъ, что говоритъ о немъ г. Кольцовъ: «неинтеллигентность города, чрезмѣрные барышническіе инстинкты и, къ сожалѣнію, дѣйствительная легкость наживы—все это мѣшаетъ ростовцу поставить свою промышленность на правильную и широкую ногу. Находясь въ центрѣ скотоводства, Ростовъ не имѣетъ, напр., даже зародыша суконной промышленности; кожевенная промышленность только-что существуетъ; Ростовъ не имѣетъ даже порядочной водки и покупаетъ на сторонѣ свыше 60 милліоновъ градусовъ спирта»¹⁾. Въ Одессѣ, по свѣдѣніямъ гофмаклера Симона Берштейна, фабрично-заводская промышленность вмѣстѣ съ промышленностью ремесленной простирается (увы! «простирается» съ большою натяжкой) до 40 мил. рублей въ годъ, при 1,100 паровыхъ силахъ, 12,000 душъ рабочихъ и мастеровъ съ 1969 учениками²⁾. Но этого опять таки слишкомъ мало для города, слывущаго южною Пальмирою, съ населеніемъ до 250,000 душъ и съ торговыми оборотами на двѣсти милліоновъ рублей. При томъ-же, что ни годъ—то и въ мѣстныхъ и въ столичныхъ газетахъ раздаются все новыя и новыя жалобы на счетъ того, что промышленность Одессы идетъ полъ-года въ гору, а полъ-года подъ гору, что въ лучшихъ случаяхъ она не успѣваетъ за об-

¹⁾ И. Кольцовъ, „Дѣло“ за 1882 г. № 10, стр. 70.

²⁾ Симонъ Берштейнъ. Одесса, стр. 77.

щимъ развитіемъ городской жизни и что рабочему люду становится все хуже и хуже отъ крайняго непостоянства и перерывовъ въ промышленности, въ особенности въ періоды зимней безработицы, которые также регулярно здѣсь слѣдуютъ одинъ за другимъ, какъ зима за осенью. Если прибавить къ сообществу Одессы и Ростова еще Таганрогъ, то этимъ, пожалуй, и можно исчерпать всю преступную дѣятельность нашихъ южно-русскихъ портовъ по части промышленнаго производства, дѣятельность, которая вовсе не гармонируетъ съ общимъ направленіемъ ихъ торговаго посредничества. Нельзя-же считать Николаевъ и Севастополь, съ ихъ казенною промышленностью, видными промышленными центрами; а о промышленности громаднаго большинства остальныхъ портовъ можно говорить, имѣя въ виду одно лишь желаніе отвести людямъ глаза отъ дѣйствительности.

Однимъ словомъ, отличительная черта южно-русскихъ портовъ заключается въ томъ, что они, притягивая всякими неправдами сырье въ одно мѣсто, не перерабатываютъ его, не потребляютъ въ производительномъ смыслѣ, а дѣятельно извергаютъ за предѣлы страны, въ чужіе края и на потребу чужимъ людямъ. Роль нехорошая, незавидная и, главное, въ высшей степени убыточная для Россіи и ея производства. Югъ Россіи и безъ того отоцалъ, земля обезсилѣла, засухи учащаются, вредныя насѣкомыя умножаются, растительность дряблѣетъ и ухудшается, хозяйство падаетъ, производитель и рабочій теряютъ почву подъ ногами, а южно-русскіе порты между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, тянутъ все больше и больше соковъ изъ истощенной земли въ формѣ сырья, чтобы лишить потомъ этихъ соковъ безвозвратно родину, обращенную такимъ образомъ въ дойную корову безъ хозяина, безъ корма, безъ попеченія и ухода за ней. Положеніе плачевное и давно наукою осужденное. Страны, сбывающія свое сырье въ чужія государства, всегда играли второстепенную и зависимую роль въ международной экономической борьбѣ, разъ онѣ не развивали своей собственной промышленности, какъ это было въ Соединенныхъ Сѣверо Американскихъ Штатахъ. Съ политико-экономической точки зрѣнія, такія страны, снабжающія въ ущербъ своимъ производительнымъ интересамъ сырьемъ заграничные рынки, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и странами примитивнаго экономического развитія, примитивныхъ хозяйственныхъ формъ и примитивныхъ экономическихъ отношеній. Вмѣсто широкаго промышленнаго развитія, въ нихъ царятъ предварительные капиталистическіе процессы, основанные на кулаческихъ приемахъ наживы, вмѣсто техническихъ усовершенствованій предприниматели здѣсь выѣзжаютъ

на естественныхъ силахъ земли и природы, нажива вообще проявляется въ самыхъ грубыхъ, несложныхъ и ничѣмъ неподдержанныхъ формахъ, торговые барыши бывають высоки, процентъ точно также, рискъ значителенъ и т. д., и т. д., а главное, больше всего при этомъ терпитъ народное хозяйство, мелкій производитель и производство. То-же именно совершается рука объ руку и съ южно-русской торговлей сырьемъ; нажива въ формѣ первоначальнаго капиталистическаго накопленія является тутъ самую характернѣйшею чертою. Но не лишне будетъ ознакомиться съ этимъ болѣе подробнымъ образомъ и на болѣе конкретныхъ примѣрахъ, какіе даютъ вообще торговый обычай и практика въ области разсматриваемыхъ явленій. Съ этою цѣлью мы и остановимся на хлѣботорговлѣ Одессы.

II.

Одесса считается первостепеннымъ не только южно-русскимъ, но и вообще русскимъ портомъ. Въ теченіе 95 лѣтъ существованія, населеніе ея возросло до 250,000 душъ, считая въ томъ числѣ и пришлые элементы, а ежегодный отпускъ хлѣба за границу дошелъ до 7.350,000 четв. Въ переводѣ на деньги это составитъ отъ 75 до 85 мил. руб. Только одному Петербургу Одесса уступаетъ въ количествѣ экспортируемыхъ товаровъ *). Затѣмъ въ ряду всѣхъ остальныхъ русскихъ портовъ и въ томъ числѣ такихъ, какъ Рига, Ревель, Ростовъ, Таганрогъ и др., Одесса имѣетъ положительное преимущество въ торговомъ отношеніи. Да и странно было-бы, если-бы Одесса играла иную роль. Ни одинъ портъ въ Россіи, въ теченіе своего существованія, не пользовался такими льготами, какъ Одесса. При самомъ ея основаніи въ 1795 г. поселенцы получили денежное пособіе и были освобождены отъ всякихъ повинностей на 10 лѣтъ; въ 1800 г. императоръ Павелъ велѣлъ продлить льготы Одессы на 14 лѣтъ впередъ, въ слѣдующемъ затѣмъ 1801 г. Александръ I-й увеличилъ эти льготы еще на 25 лѣтъ; въ 1816 г. Одесса была слѣлана порто-франко, что конечно для ея развитія оказалось во сто кратъ выгоднѣе всякихъ льготъ. Одесса не разъ пользовалась также правительственнымъ кредитомъ, съ разсрочками и уступками, субсидированною помощью и т. п. Съ другой стороны, къ Одессѣ тяготѣлъ богатѣйшій южно-русскій районъ, съ обширными степями, плодородной

*) Такъ, въ 1874 г., въ Петербургѣ съ Кронштатомъ отпускъ равнялся 78 мил. и привозъ 114,4 мил. р., а въ Одессѣ отпускъ 48,1 мил. и привозъ 45,3 мил. р. Ю. Э. Янсонъ. „Сравн. Стат.“, изд. 1877 г., стр. 245.

Дѣло въ томъ, что обычнаго комиссіоннаго процента не хватаетъ на обезпеченіе торговой дѣятельности всѣхъ посредническихъ конторъ. Если изъ общаго количества отправляемаго за границу хлѣба на 80 мил. р. четвертая часть предварительно переходитъ черезъ посредническія конторы, то комиссіонная дѣятельность этихъ послѣднихъ выразится въ 200,000 р. заработка. Въ дѣйствительности цифра эта вѣроятно значительно меньше. Но такъ какъ въ Одессѣ считается около 40 комиссіонерныхъ конторъ, то на каждую контору придется, слѣдовательно, среднимъ числомъ около 5,000 р. комиссіоннаго заработка. Цифра крайне незначительная даже для мелкой комиссіонной конторы, въ особенности если взять во вниманіе, что дѣло идетъ о конторѣ одесской, что на 5,000 р. нужно содержать контору, служащихъ, нужно жить самому комиссіонеру, расширять свои операціи и, главное, сплошь и рядомъ подвергаться очень чувствительному риску. А между тѣмъ, помимо комиссіонныхъ, другіе заработки конторы очень незначительны. Остается, слѣдовательно, посредническимъ конторамъ брать не мытьемъ, а катаньемъ. Такъ онѣ и дѣлаютъ, объявляя одну цѣну за хлѣбъ для хозяина и условливаясь въ другой съ покупателемъ. Положимъ, комиссіонеръ продалъ 20,000 пуд. хлѣба по 1 р. за пудъ; изъ 20,000 р. общей выручки онъ получаетъ 200 р. комиссіонныхъ. Но цѣна на тотъ-же хлѣбъ стоитъ 1 р. 2 к. съ пуда. Утаивъ эти двѣ копейки въ свою пользу, комиссіонеръ такимъ образомъ выгадываетъ еще 400 р. чисто уже воровскаго заработка. Само собою понятно, что это бываетъ мыслимо только между ставнувшимися комиссіонерами и экспортерами. И на самомъ дѣлѣ это практикуется исключительно въ средѣ евреевъ, благодаря ихъ крѣпкому корпоратизму.

Другой тактики придерживаются въ хлѣботорговлѣ экспортеры. Имъ уже обсматривать некого, и поэтому, приходится брать свои лишки силою. Такъ они и дѣлаютъ.

Если не считать закупокъ хлѣба непосредственно у производителей, то одесскіе экспортеры получаютъ изъ трехъ главныхъ источниковъ экспортируемый ими хлѣбъ—изъ одесскихъ магазиновъ («на мѣстѣ»), изъ судовъ (водою) и изъ вагоновъ (черезъ желѣзную дорогу). Въ каждомъ случаѣ практика установила свои особенные обычаи и, сообразно съ этими обычаями, экспортеры и обдѣлываютъ свои дѣла.

Магазинный хлѣбъ обыкновенно принимается экспортеромъ отъ продавца безъ всякихъ браковъ и по заранѣе установленной цѣнѣ. Въ условіи, заключаемомъ обѣими сторонами у присяжнаго мажера, такъ и значится: «осмотрѣно и одобрено». Такими тех-

ническими словами выражается торговый обычай, нарушить который не может ни одна сторона. Вслѣдствіе санкціи маклера обычай становится официально обязательнымъ. Дѣло сдѣлано—и никакихъ уже отступленій отъ него не полагается. Все, что можетъ выиграть при такой покупкѣ хлѣба экспортеръ, относится къ предварительному уговору на счетъ цѣны. Слѣдуетъ онъ ставиться съ другими экспортерами, «выждетъ время», убѣдить продавца понизить цѣну на $\frac{1}{2}$ коп., на копѣйку или больше съ пуда—его счастье, на этомъ только онъ и выигрываетъ.

Другое дѣло покупателя хлѣба съ судовъ. Такъ какъ на судахъ хлѣбъ можетъ быть подмоченнымъ или отсырѣвшимъ, въ особенности нижніе слои его, и осмотрѣть его весь раньше выгрузки нельзя, то, при приемкѣ хлѣба съ судовъ, вошло въ обычай опредѣлять качество его по верхнимъ пластамъ. Въ маклерскомъ условіи такъ, поэтому, и значится: «товаръ долженъ быть *снизу, какъ сверху*», т. е. проданный хлѣбъ долженъ быть одинаковаго качества на всемъ суднѣ — сверху до низу. Пользуясь этимъ правиломъ, экспортеры и нажимаютъ продавца при приемкѣ хлѣба съ судовъ.

Если цѣна на хлѣбъ стоитъ высокая и предложеніе его незначительно (судовъ съ хлѣбомъ мало), — экспортеръ принимаетъ хлѣбъ безъ всякихъ нажимовъ: прямая его выгода заключается въ доставкѣ возможно большаго количества хлѣба на заграничные рынки, и всякіе тутъ споры и препирательства съ продавцомъ, могущіе только затянуть дѣло, не выгодны для экспортера. Не то бываетъ въ томъ случаѣ, если во время торговыхъ сдѣлокъ этого рода появляются въ гавани новыя суда съ хлѣбомъ: экспортеръ сразу получаетъ больше возможности совершить наивыгоднѣйшія для него сдѣлки. И вотъ тутъ онъ и эксплуатируетъ въ свою пользу обычай. Снявъ сотню или двѣ четвертей хлѣба сверху, экспортеръ заявляетъ, что хлѣбъ снизу оказывается хуже и что, поэтому, онъ не можетъ принять его по условленной цѣнѣ. Если продавецъ не согласится на уступку, — экспортеръ возметъ хлѣбъ у другаго, а продавецъ очутится въ положеніи человѣка съ забракованнымъ товаромъ. Понятно, поэтому, что продавецъ волею-неволею вынужденъ бываетъ согласиться на сдѣлку съ экспортеромъ. Дѣлается уступка; цѣна хлѣба понижается на копѣйку, на 2, на 3, на 4 и даже больше съ пуда, продавецъ теряетъ сотни рублей, а экспортеръ столько-же выигрываетъ.

Такія нажимки составляютъ въ общей массѣ хлѣботорговыхъ сдѣлокъ самое крупное явленіе. Случаи браковки хлѣба на судахъ чрезвычайно часты и устранить ихъ возможно было-бы при

томъ только условіи, если-бы судьями, при опредѣленіи качества забракованнаго хлѣба были лица незаинтересованныя въ дѣлѣ, какъ это ведется, напр., въ Лондонѣ. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ, хлѣбъ принимается по заранѣ условленной цѣнѣ и въ томъ случаѣ, если-бы снизу оказался хлѣбъ худшаго качества; при этомъ только берется новая проба этого худшаго хлѣба, по которой потомъ и опредѣляютъ его цѣну особыя незаинтересованныя въ дѣлѣ эксперты. Ничего подобнаго не существуетъ въ Одессѣ. Въ Одессѣ судьей и экспертомъ оказывается самъ экспортеръ, съ которымъ и «торгуется» на счетъ уступки продавецъ. Правда, въ Одессѣ существуетъ такъ называемый комитетъ торговли и мануфактуръ, который могъ-бы, повидимому, явиться судьей въ такихъ случаяхъ. Но, во-первыхъ, комитетъ этотъ состоитъ изъ тѣхъ-же самыхъ экспортеровъ, противъ интересовъ которыхъ ему пришлось-бы идти; а во-вторыхъ, и въ самомъ параграфѣ 23, ст. 33 подлежащаго закона, глухо говорится, что на обязанности комитета лежитъ, между прочимъ, «обсужденіе относящихся до мѣстной торговли и промышленности вопросовъ, возбуждаемыхъ самимъ комитетомъ». А кто-же самъ себѣ врагъ и недоброжелатель? И гдѣ видано, чтобы воронъ ворову глазъ выклевалъ?

Наконецъ, при приемкѣ хлѣба изъ вагоновъ совсѣмъ уже не существуетъ никакихъ строго опредѣленныхъ правилъ. Обычай даетъ тутъ широкій просторъ покупщику, который какъ захочетъ, такъ и поступитъ съ продавцемъ. Но, что именно всего разительнѣе, здѣсь-то и бываетъ меньше всего нажимокъ. Объясняется это довольно просто. Здѣсь все дѣло находится въ рукахъ евреевъ, которые всегда понажмутъ чужаго, русскаго и никогда своего, еврея.

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ—и въ передаточной, и въ экспортерской торговлѣ хлѣбомъ—очень явственно сквозитъ одна и та-же тенденція наживы съ помощью торгово-мошенническихъ ухищреній, тенденція, такъ ярко и неприглядно вылившаяся въ шабайствѣ.

Если теперь мы обратимся къ самымъ способамъ, какіе практикуются вообще въ Одессѣ при приемкѣ зерна, то и тутъ найдемъ все тѣ-же черты шабайской хлѣботорговли. Кто-бы могъ подумать, что въ Одессѣ, составляющей красу и гордость южно-русской хлѣботорговли, до сихъ поръ не получила еще права гражданства приемка хлѣба на вѣсъ? А между тѣмъ на вѣсъ здѣсь принимается хлѣбъ только по мелочамъ; въ крупныхъ же партіяхъ хлѣботорговцы предпочитаютъ мѣру и, притомъ, свою особенную мѣру, благодаря которой можно красть зерно не фун-

тами и даже не пудами, а десятками и сотнями пудовъ. Большому, дескать, кораблю—большое и плаваніе.

Обыкновенно приемка хлѣба при большихъ партияхъ производится на вѣсовую мѣру по пробамъ. Дѣлается это такъ. Весь хлѣбъ перемѣряется одною мѣрою вмѣстимостью для полчетверти или пяти пудовъ зерна при нормальномъ его вѣсѣ. Хлѣбъ этотъ насыпается въ пятипудовые чвалы или мѣшки, и затѣмъ уже, при отправкѣ чваловъ, выбирается по мѣшку или по два пробы «съ артели». Такъ какъ на каждую артель можно положить среднимъ числомъ пять бекфоговъ или повозокъ, а на бекфогъ — 12 чваловъ, то, слѣдовательно, изъ 60 чваловъ или приблизительно 300 пуд. берется только одинъ или два мѣшка, которые взвѣшиваются на вѣсахъ, и по нимъ уже, какъ по пробнымъ, вычисляется вѣсъ зерна и въ остальныхъ чвалахъ.

При такой приемкѣ зерна, повидимому, одинаково не застрахованы отъ риска и ошибокъ обѣ стороны — и продавецъ, и покупатель. Попадется для пробы тяжеловѣсный мѣшокъ, проигрываетъ покупатель; случится обратное—теряетъ продавецъ. Но именно на этой-то игрѣ въ вѣсъ и держатся мошенническіе приемы крупной хлѣботорговли. Благодаря ей, здѣсь существуютъ особые специалисты, такъ называемые мѣрщики, умѣющіе въ одну и ту-же мѣру насыпать больше или меньше одного и того-же достоинства зерна.

Въ силу обычая, вѣсъ зерна производится со стороны продавца, а выборъ пробнаго чвала дѣлается со стороны покупателя; зерно-же насыпаютъ вышеупомянутые мѣрщики. Такъ какъ зерно насыпается въ мѣру лопатами и одинъ изъ мѣрщиковъ предварительно зачерпываетъ зерно мѣрою съ кучи, то отъ умѣнья мѣрщика уложить, при помощи этихъ двухъ способовъ, въ мѣру болѣе или менѣе плотно зерно зависитъ сдѣлать одну мѣру тяжеловѣснѣе другой на два, на три и даже на пять фунтовъ. Представьте теперь, что мѣрщики ставнулись съ приемщикомъ. Насыпая плотно всѣ чвалы, они уменьшаютъ вѣсъ зерна для чвала пробнаго, на который и уважутъ приемщику извѣстными условными знаками. Положимъ, пробный чвалъ окажется меньше на 5 ф. противъ остальныхъ. Въ такомъ случаѣ съ «артели» въ 300 пуд. продавецъ теряетъ 300 фунт., а съ партии въ 30,000 пуд. — 30,000 ф. или 750 пуд. Но вѣдь изъ Одессы ежегодно экспортируется 70.000,000 пуд., — стало бытъ, вѣсовыя покражи выразятся, по вышеприведенному расчету, 1.750.000 пуд. Уменьшите эту цифру въ два, три, даже въ десять разъ, и покражи всетаки выразятся въ десяткахъ тысячъ рублей.

Что такіа покражи дѣйствительно практикуются въ одесской хлѣботорговлѣ, на это указываетъ самый фактъ существованія мѣрщиковъ. Мѣрщики (исключительно евреи) образовали изъ себя нѣчто въ родѣ цеха, имѣютъ свою контору и крѣпко держатся другъ друга. Работая въ качествѣ чернорабочихъ, они тѣмъ не менѣе получаютъ въ пять и десять разъ больше чернорабочаго. Безъ всякаго ущерба дѣлу, любого мѣрщика можно замѣнить чернорабочимъ, съ удовольствіемъ сдѣлающимъ за рубль то, за что беретъ мѣрщикъ 7 или 10 р.; при приемѣ всего хлѣба на вѣсъ мѣрщиковъ-специалистовъ совсѣмъ не потребовалось-бы; если не ошибаемся, приемка зерна на мѣру даже запрещена однимъ изъ правительственныхъ распоряженій, да и безъ того пора бы одесскому комитету торговли и мануфактуръ позаботиться объ уничтоженіи такого явнаго хищничества, какъ приемка хлѣба на мѣру. И однако, не смотря на все это, хищничество преспокойно остается на глазахъ у всѣхъ.

Таковы-то тѣ темныя стороны крупной хлѣботорговли, которыхъ не избѣжала даже Одесса.

III.

Но если такимъ образомъ одесская хлѣботорговля не свободна отъ тѣхъ чертъ, которыми вообще характеризуется шабайство, то что-же нужно предположить о хлѣботорговлѣ другихъ южнорусскихъ портовъ, гдѣ даже внѣшній декорумъ не соблюдается въ такой степени, какъ въ Одессѣ? Названіе, данное въ этомъ отношеніи г. Кольцовымъ Ростову — «кулакъ-городъ», вполне прилѣжно и ко всѣмъ остальнымъ портамъ. Кулачество, кулачество крупное и миллионное, именно и составляетъ отличительную черту южнорусскихъ портовъ, не исключая и Одессы.

Нѣтъ нужды, что кулачество это прикрито, въ важнѣйшихъ случаяхъ, внѣшнимъ покровомъ европейскаго лоска, что одинъ беретъ лишки съ производителя съ ловкостью медвѣдя, а другой съ галантностью салоннаго кавалера. Повальная тенденція къ наживѣ отъ этого не измѣняетъ своего характера. Фактъ остается фактомъ и, по чистой совѣсти говоря, странно было-бы, если-бы его не существовало совсѣмъ или если-бы онъ носилъ иной характеръ. Таковы времена, таковы окружающія условія. На широкое полѣ нашей родной наживы существуютъ всѣ задатки для того, чтобы обвѣшивать, обмѣривать и обсчитывать производителя. Что-же тутъ удивительнаго?

Прислушайтесь къ уличному говору на этотъ счетъ, и стоустая молва представитъ вамъ все дѣло еще въ болѣе темномъ и не-

привлекательномъ видѣ. Я не слышалъ отъ этой молвы иныхъ объясненій фактамъ хлѣботорговческой наживы, кромѣ тѣхъ, которыя приложены вообще къ понятіямъ о воровствѣ, жульничествѣ и мазурничествѣ или о насиліи и кулачествѣ, не говоря уже о случаяхъ наживы со стороны разнаго рода мелкихъ агентовъ по хлѣботорговой части. Случай эти какъ-бы въ порядкѣ вещей. Но даже грѣхи крупныхъ хлѣботорговцевъ, какъ тѣмъ за людьми, слѣдуютъ за торговой дѣятельностью нашихъ южнорусскихъ портовъ. Каждый портъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свою исторію и традиціи, на долю каждаго изъ нихъ выпали свои скандалы и безобразія и если не о всѣхъ, то о большинствѣ хлѣботорговцевъ рассказываются десятками грязнѣйшихъ исторій по части темной наживы.

Въ Ростовѣ имѣлъ мѣсто, напр., такого рода казусъ. Одинъ изъ донскихъ казаковъ нѣсколько разъ поставлялъ въ лучшую изъ мѣстныхъ конторъ хлѣбъ и, послѣ сдачи, каждый разъ замѣчалъ крупный недочетъ въ вѣсѣ хлѣба, взвѣшивавшагося обыкновенно предварительно на дому. Тогда казакъ, взвѣсивши еще разъ на дому хлѣбъ при свидѣтеляхъ и взявши объ этомъ свидѣтельство отъ мѣстнаго станичнаго правленія, снова явился съ нимъ въ контору. Хлѣбъ былъ принятъ здѣсь по хорошей цѣнѣ, но послѣ сдачи его вновь оказалась крупная недостача. Казакъ, получившій письменный расчетъ изъ конторы, заявилъ этой послѣдней о недостачѣ хлѣба. Но хозяинъ конторы и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Казакъ пригрозилъ судомъ. Чтобы избѣжать скандала, ему предложили 50 р. отступнаго. Но обвѣщенный продавецъ потребовалъ уплаты и за всѣ предыдущіе обвѣсы. Тогда хозяинъ приказалъ просто-на-просто выгнать казака въ шею изъ конторы. Дѣло поступило въ судъ; хлѣботорговецъ проигралъ и заплатился даже кутузкой; скандалъ огласился по городу и, говорятъ, причинилъ впоследствии чувствительные убытки торговымъ операціямъ конторы.

По результатамъ случай этотъ можно назвать, конечно, крайне рѣдкимъ, пожалуй, исключительнымъ даже. Онъ былъ-бы просто немислимъ, если-бы продавецъ оказался человѣкомъ не на столько энергичнымъ и умѣвшимъ хорошо обставить съ юридической стороны дѣло, что дѣйствительно составляетъ исключеніе между продавцами-производителями. Но если разсматривать тотъ-же случай съ точки зрѣнія отличительныхъ признаковъ южнорусской хлѣботорговли, то онъ становится самымъ зауряднымъ и часто повторяющимся явленіемъ, которое такъ хорошо извѣстно всякому продавцу, но котораго онъ никакъ не можетъ схватить руками, какъ

схватилъ вышеупомянутый казакъ. Мошенничества такъ широко и плотно охватили южнорусскую хлѣботорговлю, что въ нѣкоторыхъ конторахъ, по рассказамъ, бываютъ даже особые молодцы приѣмщики, производящіе обмѣриванья и обвѣшиванья съ процента: чѣмъ больше украдетъ для конторы такой жуликъ, тѣмъ большій процентъ идетъ въ его пользу. Сами хлѣботорговцы признаютъ фактъ широкаго распространенія разныхъ формъ мошенничества въ хлѣботорговлѣ и между ними человѣку честному приходится бороться буквально таки за каждый шагъ. Вотъ почему честныхъ хлѣботорговцевъ можно считать только единицами. Одна близость къ дѣлу и знакомство съ нимъ не позволяютъ этимъ хлѣботорговцамъ быть такими же жертвами безшабашной и безцеремонной наживы, какими оказываются злосчастные производители, а въ исключительныхъ случаяхъ и они платятся наравнѣ съ этими послѣдними. Намъ покрайней мѣрѣ извѣстны примѣры въ такомъ родѣ.

До чего нажимки и мошенничества вошли въ плоть и кровь нашихъ хлѣботорговцевъ, нагляднымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ нашей «южной красавицѣ» — въ Одессѣ. Въ концѣ прошлаго года изъ Одессы бѣжалъ одинъ изъ экспортеровъ — нѣкто Рейнгерцъ, захватившій съ собою на 200 тысячъ рублей чужого добра. Бѣгство это надѣлало въ свое время не мало шуму въ Одессѣ, долго занимало одесскую печать и понизило въ значительной мѣрѣ торговья сдѣлки, такъ какъ отдача хлѣба въ кредитъ сомнительнымъ фирмамъ и конторамъ сразу была прекращена. Однимъ словомъ, Рейнгерцъ совершилъ такое крупное, дерзкое и нахальное воровство, отъ котораго сразу, что называется, всѣ руками развели и одумались. Между тѣмъ, этотъ-же самый Рейнгерцъ пользовался репутаціею самаго добросовѣстнаго экспортера, не позволявшаго при приѣмѣ хлѣба ни мошенничествъ, ни нажимокъ. Въ мѣстномъ торговомъ мѣрѣ онъ былъ извѣстенъ, выражаясь технически, «за хорошаго приѣмщика, но плохаго плательщика». У него не было значительныхъ капиталовъ, но онъ былъ честнымъ хлѣботорговцемъ — таково было всеобщее мнѣніе на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что Рейнгерцъ принималъ добросовѣстно хлѣбъ, поспособствовало впоследствии ему надуть возможно шире своихъ довѣрителей. Воръ Рейнгерцъ навѣрное не увезъ бы столько чужого добра, если-бы не былъ до того честнымъ приѣмщикомъ-экспортеромъ, каковаго и въ Одессѣ днемъ съ огнемъ поискать.

Можно-бы, конечно, десятки страницъ уснастить такими и по-

добными фактами, характеризующими темныя стороны нашей хлѣботорговли. Тамъ, гдѣ возможны такія крупныя продѣлки, какъ таганрогскія продѣлки Вальяно, гдѣ покражи и мошенничества считаются на миллионы рублей, фактовъ этихъ не занимать-стать. Но достаточно свести къ одному итогу и все сказанное нами выше по этому поводу, чтобы придти къ слѣдующему банальному и неголоволомному выводу: южнорусская хлѣботорговля столько-же служить обычнымъ торговымъ интересамъ, сколько, рядомъ съ этими послѣдними, и Молоху наживы въ худшемъ смыслѣ этого слова. Тутъ, въ области этихъ экономическихъ явленій, идутъ рука объ руку два крупныхъ процесса — торговля сырьемъ, товарное обращеніе, съ одной стороны, и обирание производителя въ формѣ первоначальнаго капиталистическаго накопленія — съ другой.

Существенную задачу торговли должно составлять прежде всего полученіе торговой прибыли. Тѣ изъ хлѣботорговцевъ, которые не позволяютъ себѣ обмѣриваній, обвѣшиваній, обчитываній и нажимокъ, занимаются торговлей очевидно ради одной торговой прибыли. Такіе хлѣботорговцы, повторяемъ, есть, и своею дѣятельностью они доказываютъ, что хлѣботорговля мыслима и у насъ безъ теперешнихъ ея темныхъ сторонъ или, по крайней мѣрѣ, хотя и съ темными сторонами, но не такими и не настолько развитыми, какъ теперешнія. Что-же въ такомъ случаѣ представляютъ собою тѣ лишки, которые образуются, благодаря продѣлкамъ шабая, утаиваньямъ комиссіонера, нажимкамъ экспортера и т. д., и т. д.? Они не составляютъ торговой прибыли по существу, потому что хлѣботорговля возможна и безъ нихъ; ихъ нельзя назвать также ни процентомъ на капиталъ, ни преміей за рискъ, ни фондомъ на содержаніе личнаго персонала и на оплату за перевозку товаровъ. Что-же это такое? Это — обычная дань торговому воровству и насилію, это тѣ заgrimированные элементы, изъ которыхъ слагаются процессы нашего первоначальнаго капиталистическаго накопленія.

Благодареніе Господу Богу, мы живемъ всетаки въ такое время, когда открытому грабежу и воровству въ тѣхъ ихъ формахъ, въ которыхъ они практиковались во время оно средневѣковыми феодалами въ западной Европѣ, нѣчто не только не рѣшится слѣдовать или подражать, но даже и защищать ихъ публично. Вотъ почему шабай — и тотъ прикрывается въ этомъ отношеніи фиговымъ листкомъ. Современные рыцари наживы куютъ предкапиталистическіе процессы въ роли благодѣтелей человечества и защитниковъ цивилизаци — вотъ въ чемъ кроется секретъ такихъ двуликихъ явленій нашей экономической жизни, какъ существованіе

рядомъ съ хлѣботорговлей дѣлаго моря мошенническихъ продѣлокъ, тяжелымъ гнетомъ ложащихся въ концѣ концовъ на нашего производителя и производство.

На югѣ Россіи въ сильнѣйшей степени распространено то, между прочимъ, мнѣніе, что хлѣботорговля составляетъ самое выгодное занятіе, и нельзя, конечно, не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Сейчасъ только мы видѣли, что означаетъ южнорусская хлѣботорговля съ точки зрѣнія наживы. Если за этотъ родъ дѣятельности хватаются люди всѣхъ культурныхъ слоевъ вкупѣ съ отщепенцами крестьянской среды, то объясненія этому обстоятельству надо искать именно въ легкости той наживы, которая сама собою дается, благодаря укоренившейся практикѣ. Горе Россіи заключается не только въ томъ, что, въ ущербъ ея обрабатывающей промышленности и производительнымъ силамъ земли, годъ съ годомъ все усиливается экспортровка сырья за-границу, но и въ томъ, что, рядомъ съ этимъ, идетъ crescendo самая безцеремонная и самая безобразная нажива. Южнорусскую хлѣботорговлю можно сравнить въ этомъ отношеніи съ палкою, одинъ конецъ которой составляетъ экспортъ, а другой — нечистая нажива. Оба конца этой палки съ одинаковою болью ложатся на спину производства.

Въ такомъ двойномъ воздѣйствіи южнорусской хлѣботорговли на производство находится ключъ къ уясненію одного весьма характернаго явленія въ нашей экономической жизни. Въ высшей степени страннымъ оказывается то обстоятельство, что, съ одной стороны, хлѣботорговля считается у насъ едва-ли не самымъ выгоднымъ занятіемъ, что каждымъ годомъ она привлекаетъ къ себѣ все больше и больше лицъ и капиталовъ, а съ другой, что та-же хлѣботорговля, по общимъ отзывамъ, потерпѣла за послѣдніе годы значительныя пораженія на международномъ рынкѣ, что американцы въ этомъ отношеніи начинаютъ, что называется, затыкать за поясъ насъ, русскихъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, согласить между собою такія противорѣчивыя обстоятельства? Они вѣдь представляютъ собою не праздное измышленіе фантазіи, а несомнѣнный фактъ. Взглянемъ-же на этотъ фактъ ближе и глубже.

Почему, спрашивается, хлѣботорговля считается у насъ выгодною? Потому что она даетъ хорошіе барыши предпринимателю. А почему нашему хлѣбу нѣтъ мѣста на международномъ рынкѣ? Потому что хлѣбъ другихъ государствъ началъ поставляться сюда дешевле нашего. Вопросъ, значить, сводится къ рыночнымъ цѣнамъ русскаго хлѣба; на этихъ цѣнахъ выгадываютъ хорошіе барыши русскіе хлѣботорговцы, и тѣ-же цѣны не позволяютъ конкурировать русскому хлѣбу на международномъ рынкѣ.

Всѣмъ вѣроятно извѣстенъ тотъ фактъ, что хлѣбъ, кушленный гдѣ-нибудь въ глуши южнорусскаго хлѣботорговаго района, не посредственно у производителя по 6 р. за четверть, перепродается потомъ въ портахъ по 12 р., а на заграничныхъ рынкахъ по 16 р. Допустимъ даже болѣе благоприятное для производителя соотношеніе этихъ трехъ элементовъ цѣны, именно положивъ въ первомъ случаѣ 8 р., во второмъ 12 и въ третьемъ 16 р., т. е. 50, 25 и 25%,—и тогда все-таки найдемъ крайнюю несоразмѣрность тѣхъ выгодъ, которыя падаютъ на производителя и торговаго посредника. Оказывается, что первый получаетъ за свой тяжелый трудъ столько-же валоваго дохода, сколько второй за капиталъ. Правда, хлѣботорговецъ расходуетъ часть этого дохода на веденіе торговли; но и у производителя есть свои расходы и расходы гораздо крупнѣе хлѣботорговческихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что если хлѣботорговецъ тратитъ (на транспортировку главнымъ образомъ) отъ 30 до 40% валоваго дохода, то земледѣлецъ расходуетъ (на веденіе хозяйства и на платежныя повинности) отъ 60 до 80%. Этого мало. Часть расходовъ земледѣльца производится во имя интересовъ хлѣботорговца. Такъ, земледѣлецъ выплачиваетъ желѣзнодорожныя гарантіи и субсидіи въ родѣ той, какая выплачивается русскому обществу пароходства и торговли, неся главное бремя налоговъ по этимъ статьямъ; а хлѣботорговецъ только выигрываетъ отъ такихъ приплатъ, такъ какъ оказывается въ лучшихъ условіяхъ по отношенію къ транспортировкѣ сырья и, во всякомъ случаѣ, получаетъ при этомъ больше выгодъ и удобствъ, чѣмъ производитель.

Итакъ, слѣдовательно, высокія рыночныя цѣны русскаго хлѣба зависятъ отъ высоты тѣхъ барышей *), какіе остаются въ рукахъ хлѣботорговцевъ. Наше хлѣботорговое посредничество стоитъ больше или, въ крайнемъ случаѣ, столько-же, сколько и произ-

*) Подъ барышемъ мы разумемъ здѣсь и торговую прибыль, на тѣ лишки, на которые такъ падли хлѣботорговцы, и остатки отъ премии за рискъ и пр.,—словомъ, весь чистый доходъ хлѣботорговца, увеличивающій въ такой степени рыночную цѣну сырья. Что касается вообще повышенія цѣны хлѣба на международномъ рынкѣ, то оно зависитъ также и отъ степени урожая хлѣба въ конкурирующихъ странахъ. Каждый разъ, когда въ одной или нѣсколькихъ такихъ странахъ оказывается ощутительный недоборъ въ хлѣбѣ вслѣдствіе его неурожая, цѣна на хлѣбъ повышается на нѣсколько процентовъ на международномъ рынкѣ. Такъ было въ 1879 г., что отразилось между прочимъ и на нашей хлѣботорговлѣ. Но выше мы имѣли въ виду не такія случайныя обстоятельства, временно повышающія рыночныя цѣны хлѣба, а всю сумму тѣхъ неблагоприятностей, благодаря которымъ, рядомъ съ высокими барышами хлѣботорговца, образуются и высокія рыночныя цѣны хлѣба.

водство. Когда, поэтому, говорить о выгодах хлѣботорговли — фактъ на лицо: хлѣботорговческіе барыши дѣйствительно велики. Когда-же жалуются на отгѣсненіе нашего хлѣба съ международнаго рынка—фактъ опять-таки на лицо: тѣ-же барыши, возвышая рыночную цѣну хлѣба, препятствуютъ конкуренціи его на международномъ рынкѣ. Разумѣется, это переходное состояніе южно-русской хлѣботорговли; оно не можетъ долго продолжаться; хлѣботорговецъ, такъ или иначе, долженъ будетъ приспособиться къ требованіямъ международнаго рынка и потащить за собою и производителя. Но все это, съ одной стороны, сопровождается такими явленіями, какъ то, что въ южнорусскихъ портахъ часто заливается не мало хлѣба; хлѣбъ этотъ бываетъ дорогъ даже для русскаго потребителя и, однако, не идетъ за-границу, чѣмъ и вызывается застой въ дѣлахъ, а съ другой, разшатываетъ и безъ того шаткія условія нашей производительности.

IV.

Излишне было-бы, послѣ всего сказаннаго, доказывать, что дальше идти дѣла такъ, какъ они шли до сихъ поръ, врядъ-ли долго могутъ въ русской хлѣботорговлѣ. Потеря нашею хлѣботорговлею прежняго значенія на международномъ рынкѣ—не пустой звукъ, а поучительный признакъ. Положеніе хлѣботорговли достигло послѣдняго предѣла, дальше котораго двинуться оно уже не можетъ. Почти одновременно гг. Николай—онъ въ «Словѣ» и П. П.—въ въ «Отечественныхъ Запискахъ» цифрами доказали, что въ послѣднее время часть экспортируемаго за-границу хлѣба стала производиться не отъ избытка, а на счетъ пищевыхъ средствъ страны; производитель принужденъ урѣзывать часть своего продовольствія, чтобы наполнить бездонную пропасть международнаго рынка. Выводъ этотъ прямо подтверждается массою тѣхъ фактовъ, которые передавались за послѣднее время съ разныхъ концовъ Россіи въ газетахъ. Не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго годовъ, въ Одесскомъ уѣздѣ имѣло мѣсто слѣдующее любопытное явленіе. Благодаря неурожаю, въ уѣздѣ для земледѣльческаго населенія не хватало продовольствія на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. И между тѣмъ какъ производителю нечего было ѣсть, въ Одессѣ, подъ рукой у него, почти у самаго рта, безъ движенія лежали цѣлыя горы хлѣба, который не шелъ за-границу по причинѣ низкихъ цѣнъ и часть котораго свежъ въ Одессу все тотъ-же голодающій производитель. Такіе факты, конечно, вочію свидѣтельствуютъ о томъ, что наше добро не черезъ край льется, а сквозь дыры и щели теряется.

Такимъ образомъ, русская торговля вообще и южнорусская въ частности въ концѣ концовъ сама себѣ яму роетъ. Русская экономическая жизнь находится въ одномъ изъ тѣхъ критическихъ положеній, которыя требуютъ радикальныхъ обновленій экономического строя. «Такъ жить дальше нельзя» — вотъ общій отзывъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ нашей экономической жизни, отзывъ, который вы одинаково услышите изъ устъ и торговца, и продавца, и экспортера, и крестьянина, и шабая, и чиновника. Но если нельзя, то что-же дѣлать?

Разумѣется, каждый молодецъ рѣшаетъ этотъ вопросъ на свой образецъ. Съ точки зрѣнія хлѣботорговца и сочувственной ему части печати, надо облегчить пути нашей хлѣботорговли, нужно позаботиться главнымъ образомъ объ улучшеніи условій нашего транспорта. Зло, съ этой-же точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, что желѣзнодорожникъ изобидаетъ хлѣботорговца и что вообще пути сообщенія у насъ таковы, благодаря которымъ, съ одной стороны, нарастаетъ большая рыночная цѣна на сырье, а съ другой, создаются медлительность, затрудненія, порча товаровъ, потери и пр., и пр. при передвиженіи владей. Необходимо, значитъ, устранить всѣ эти препятствія, чтобы развязать руки хлѣботорговцу. И тогда-то, этотъ послѣдній, удешевивъ рыночную цѣну сырья, двинетъ его по-прежнему въ изобиліи на международный рынокъ и утретъ носъ прохождѣ американцу.

Что наши пути сообщенія дѣйствительно составляютъ большое мѣсто въ экономической жизни, объ этомъ врядъ-ли кто станетъ спорить, хотя справедливость требуетъ прибавить: «большое мѣсто — только съ другой стороны», выражаясь словами гоголевскаго Осипа. Но и послѣдовать приведенному выше совѣту значитъ сдѣлать одну изъ непростительныхъ ошибокъ. Если наше экономическое горе состоитъ въ томъ, что экспортъ начинается производиться въ ущербъ продовольствію страны, то способствовать большому притоку сырья къ южнорусскимъ портамъ положительно грѣшно и неразумно. Дѣло не въ сбытѣ сырья, а въ производствѣ его; а именно сбытъ, наша хлѣботорговля, какъ мы видѣли выше, и отличается такого рода изъянами, о парализованіи которыхъ необходимо прежде всего позаботиться.

Нѣтъ сомнѣнія, что кое-какіе изъ этихъ изъяновъ можно-бы парализовать извѣстнаго рода мѣрами. Такъ, въ Одессѣ, напр., приемка зерна на вѣсовую мѣру могла-бы быть замѣнена приемкою его прямо на вѣсъ; могла-бы быть устранена браковка хлѣба на судахъ экспортерами по произволу и т. п. Но все это одни лишь палліативы и палліативы, притомъ слабые и малозначущіе,

въ сравненіи съ тѣмъ зломъ наживы, которое вошло въ нравы и жизнь нашихъ хлѣботорговцевъ, начиная съ шабая и оканчивая экспортеромъ. Во многихъ случаяхъ, какъ напр. въ глухихъ деревняхъ, даже такія мѣры окажутся недѣйствительными. Горбатаго исправить одна могила, и если мы выразились выше, что южнорусская хлѣботорговля сама себѣ такую могилу роетъ, то, пожалуй, въ констатированіи этого факта уже можно замѣтить указаніе на желательный исходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ: прежняя хлѣботорговля ради хлѣботорговли и въ ущербъ производительности дѣйствительно должна быть погребена. Нужно дать самый широкій просторъ производительности, которая одна только можетъ видоизмѣнить и исправить такіе зависимые отъ нея факторы, какъ хлѣботорговля и пути сообщения.

Мы придерживаемся того мнѣнія, что какъ ни прискорбно нашему національному самолюбію вытѣсненіе русскаго сырья другими болѣе сильными конкуррентами съ международнаго рынка, а оно принесетъ,—хотя, разумѣется, и съ неизбѣжною экономическою встряскою,—свою пользу странѣ, разъ дастъ другое, болѣе выгодное для этой послѣдней направленіе производительности, въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго. Бояться поражений на международномъ рынкѣ при торговлѣ сырьемъ, которое можетъ быть переработано и потреблено на мѣстѣ, особенно нечего. Это только скорѣе, можетъ быть, заставитъ насъ взяться за умъ. Правда, теперешнее наше положеніе также очень даже неважисто, но въ перспективѣ какъ ни какъ, а все-таки виднѣется возможность потребленія собственнаго сырья на собственныхъ рынкахъ и собственной обрабатывающею промышленностью.

Итакъ, желательный исходъ изъ настоящаго затруднительнаго положенія дѣлъ заключается въ расширеніи русскаго производства вообще и развитіи обрабатывающей промышленности въ частности. Это старая, очень старая пѣсня, но она поется разными пѣвцами на различные лады.

Есть люди, которые всѣ блага страны видятъ въ насажденіи разнаго рода тарифовъ, въ поощреніи промышленности путемъ предоставленія ей льготъ, субсидій, гарантій и пр. Заприте, говорятъ, высокими пошлинами ворота для иностранныхъ фабрикатовъ, дайте осязательную помощь своимъ промышленникамъ,—и Россія гигантскими шагами двинется по пути промышленнаго прогресса. Соображеніе очень хитрое, но, при всей вѣроятности, богатое фальшью и несостоятельностью. У кого ужъ, какъ не у насъ, всегда и съ особеннымъ усердіемъ запирались ворота для иностранныхъ фабрикатовъ; кто, какъ не наши промышленники, не могутъ по-

жаловаться на лишеніе ихъ великихъ и богатыхъ милостей; и какой, однако, былъ и есть толкъ изъ этого?—Ровнымъ счетомъ, никакого. Опытъ другихъ государствъ показалъ, что тарифами и субсидіями, при лучшемъ исходѣ, создаются тепличныя формы промышленности, а при худшемъ поражается пролетаріатъ, который причинилъ столько хлопотъ Великобританіи, Испаніи, Италіи, Франціи и др. государствамъ. Въ Россіи, впрочемъ, пова и такія результаты не было. У насъ дѣло гораздо проще. Заберутъ деньги въ карманы—и дѣло въ шляпѣ; никто уже тогда палець о палець не ударить. Притомъ-же у насъ такъ широко поле наживы, что даже субсидіями и тарифами трудно съ него притящить кого-нибудь къ настоящему дѣлу. Сколько не давайте субсидій Юханцевымъ, они всегда найдутъ болѣе выгоднымъ запускать руку въ чужой карманъ; какъ ни заочивайте хлѣботорговца фабричною промышленностью, онъ всегда опять-таки предпочтетъ риску и малодоходности этого рода дѣятельности вѣрные барыши хлѣботорговли.

Иное дѣло—развитіе мелкой сельскохозяйственной промышленности. Россія—страна по преимуществу земледѣльческая и мелкихъ хозяйствъ. Для того, чтобы находить крупныя формы производства, необходимо разрушить народное хозяйство, и тогда-то можно получить удовольствіе имѣть свой собственный рабочій вопросъ въ ирландскомъ или въ испанскомъ смыслѣ. Задача рискованная и бессмысленная. Естественный ходъ нашего экономического развитія требуетъ совершенно другихъ заботъ и попеченій. Если идетъ дѣло о поддержкѣ производительности цѣлой страны, нужно брать эту производительность такою, какова она есть, и о постановкѣ ея въ лучшія условія потомъ уже заботиться. Преобладаютъ у насъ мелкія формы народнаго производства, народное хозяйство въ строгомъ смыслѣ этого слова—имъ и надо отдать преимущество.

Поддержка народнаго хозяйства не требуетъ такихъ жертвъ, какихъ домогается крупное производство. Для народнаго хозяйства важно прежде всего ослабленіе внѣшнихъ неблагоприятныхъ условій, и такое ослабленіе тѣсно сливается съ общегосударственными интересами. Выплата субсидій или гарантій падаетъ на счетъ доходовъ государства, а доходы государства создаются изъ доходовъ народнаго хозяйства. Слѣдовательно, отсутствіе такихъ выплатъ имѣетъ прямымъ слѣдствіемъ или увеличеніе государственныхъ доходовъ, или-же уменьшеніе платежей падающихъ на народное хозяйство. Въ обоихъ случаяхъ одинаково заинтересованы государство и плательщикъ его—мелкій производитель.

Затѣмъ, непосредственная поддержка народнаго хозяйства сводится почти исключительно къ расширенію народнаго земледѣнія. Существенный недостатокъ крестьянскаго хозяйства заключается въ незначительности основнаго и оборотнаго капиталовъ. У нашего мелкаго производителя нѣтъ ни сноснаго хозяйственнаго инвентаря, ни достаточнаго количества рабочаго скота, ни, главное, источниковъ для расширенія хозяйственныхъ операцій. Все это не можетъ само собою съ неба свалиться; все это можетъ быть взято только у матери земли и у природы. Россія — страна обширная и обильная пустыющими землями. Уже по одному этому вопросъ объ экстенсивности хозяйства есть вопросъ текущей минуты и практики. Чтобы расплодить скотъ и увеличить количество зерновыхъ продуктовъ, безъ чего немислимо расширеніе основнаго и оборотнаго капиталовъ, нужно расширить пространство культивируемыхъ земель, и тогда уже, когда совершится въ достаточной мѣрѣ этотъ предварительный хозяйственный процессъ, можно будетъ говорить объ интенсивномъ хозяйствѣ и многомъ другомъ.

Разъ народное хозяйство будетъ поставлено хотя-бы въ эти скромные предѣлы благоприятствующихъ условій, — осязательные результаты не замедлятъ обнаружиться на общемъ повышеніи уровня нашей экономической жизни. Все другое, тѣсно связанное съ народнымъ хозяйствомъ, если и не приложится само собою, то дастъ такіе ростки, изъ которыхъ впоследствии могутъ развиваться экономическая мощь и ростъ Россія. Непосредственнымъ слѣдствіемъ поднятія народнаго хозяйства явится расширеніе потребностей производителя. Потребуется больше всего — и пищи, и одежды, и орудій труда, и знаній и пр., пр., а въ этомъ именно и состоитъ экономическій прогрессъ, это и двинетъ впередъ обрабатывающую промышленность, это и дастъ намъ солидные шансы для успѣшной борьбы на международномъ рынкѣ, это и составитъ тотъ камень преткновенія, о который скорѣе, чѣмъ о что-либо другое, разшибется жажда современной наживы. Нужда, гнетущая и неотлагательная нужда больше всего и чаще всего загоняетъ нашего производителя въ лапы кулака шабая, міроѣда и множества другихъ півовъ народнаго хозяйства и труда. Устраните нужду, — и обчитыванья, обвѣшиванья, обмѣриванья и всѣ тѣ приемы, изъ которыхъ слагаются процессы нашего первоначальнаго капиталистическаго накопленія, сами собою потеряютъ надлежащую почву и средства для своего развитія. Нажива около экономической нужды есть слѣдствіе этой нужды.

Ф. Щербина.

ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА.

Романъ Эмиля Золя.

I.

Когда въ столовой часы прокукукали шесть, Шанто окончательно потерялъ всякую надежду. Онъ съ трудомъ поднялся съ кресла, на которомъ сидѣлъ, грѣя передъ горѣвшимъ въ каминѣ коксомъ свои отяжелѣвшія, пораженныя подагрой, ноги. Вотъ уже два часа, какъ онъ ждалъ мадамъ Шанто. Послѣ пятидѣльнаго отсутствія она должна была вернуться сегодня изъ Парижа и привести съ собою ихъ маленькую племянницу, Полину Кеню, десятилѣтнюю сироту, которую она согласилась принять подъ свою опеку.

— Рѣшительно не понимаю, что это значить, Вероника, сказалъ онъ, пріотворяя дверь въ кухню.—Съ ними случилось какое нибудь несчастье.

Служанка, высокая дѣвушка лѣтъ тридцати-пяти, съ мужскими руками и лицомъ, напоминавшимъ воинственную физиономію жандарма, въ эту минуту отставляла подальше отъ огня жаркое, которому сегодня ужъ, конечно, суждено было пережариться. Она не выражала своего недовольства словами, но блѣдность, покрывавшая грубую кожу ея щекъ, ясно свидѣтельствовала о кипѣвшемъ въ ней гнѣвѣ.

— Барыня, вѣрно, осталась въ Парижѣ, сказала она сухо.—Желала-бы знать, когда кончатся, наконецъ, эти исторіи, отъ которыхъ все въ домѣ пошло вверхъ дномъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ Шанто, — во вчерашней депешѣ сказано, что дѣла этой дѣвочки совсѣмъ улажены... Барыня должна была прибыть сегодня утромъ въ Канъ, гдѣ она

остановилась, чтобы навѣстить Давуана. Оттуда она выѣхала со слѣдующимъ поѣздомъ, въ часъ; въ два часа поѣздъ приходитъ въ Байё; въ три часа омнибусъ дяди Маливуара доставилъ ее въ Арроманшъ, и если даже Маливуаръ не сейчасъ заложилъ свой старый берлинъ, барыня всетаки могла-бы уже быть здѣсь къ четыремъ часамъ, или, много-много, — къ половинѣ пятого... Вѣдь отъ Арроманша до Бонвиля не больше десяти километровъ.

Кухарка, не отрывавшая глазъ отъ своего жаркаго, слушала всѣ эти расчеты, покачивая головою. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ прибавилъ:

— Ты бы вышла, Вероника, да посмотрѣла, не видать-ли ихъ на дорогѣ.

Она взглянула на него, поблѣднѣвъ еще больше отъ сдержаннаго гнѣва.

— Ну да, какъ-же! Очень нужно!.. Вѣдь молодой баринъ побѣждалъ встрѣчать ихъ; зачѣмъ-же я-то еще пойду мѣсить грязь?

— Въ томъ-то и дѣло, сказалъ Шанто въ полголоса, — а, наконецъ, начинаю беспокоиться — за сына... Вотъ и онъ тоже пропалъ. Не понимаю, что онъ можетъ дѣлать цѣлый часъ посреди большой дороги.

Вероника, не говоря ни слова, сняла съ гвоздя старый платокъ изъ шерстяной матеріи и закутала имъ голову и плечи. Видя, что хозяинъ пробирается за нею въ корридоръ, она прикрикнула на него:

— Идите, грѣйтесь у своего камина, а то завтра опять начнутся боли, опять будетъ ревѣть благимъ матомъ цѣлый день...

На крыльцѣ она приперла дверь ставнемъ, надѣла деревянные башмаки и воскликнула съ досадою:

— О, Господи, Господи! Изъ за сопливой дѣвчонки такую бѣготню подняли, будто и не вѣсть кто такой!

На Шанто слова эти не произвели никакого впечатлѣнія. Онъ привыкъ къ грубымъ выходкамъ Вероники, которая жила въ его домѣ съ пятнадцатилѣтняго возраста, поступивъ къ нему въ первый-же годъ послѣ его женитьбы. Когда на улицѣ замерли звуки ея шаговъ, онъ поспѣшилъ покинуть комнату, какъ школьникъ, обрадовавшійся неожиданной свободѣ,

и занялъ позицію на противоположномъ концѣ корридора, передъ стеклянною дверью, выходившею на море. Здѣсь онъ на мгновеніе забылся, уставивъ въ небо свои большіе, выпученные, голубые глаза. Приземистый, съ препорядочнымъ брюшкомъ и краснымъ лицомъ, подъ бѣлоснѣжною шапкою коротко стриженныхъ волосъ, онъ казался старше своихъ пятидесяти шести лѣтъ, рано состарѣвшись отъ мучительныхъ припадковъ подагры. Онъ стоялъ, устремивъ взглядъ въ пространство и позабывъ на минуту свои тревоги, мечтая о томъ, какъ маленькая Полина побѣдитъ въ концѣ концовъ ворчливую Веронику.

Да, наконецъ, развѣ это его вина? Когда парижскій нотаріусъ написалъ ему, что его двоюродный братъ Кеню, овдовѣвшій съ полгода тому назадъ, въ свою очередь умеръ, возложивъ на него въ завѣщаніи опеку надъ дочерью, онъ рѣшительно не имѣлъ духу отказаться. Положимъ, они почти никогда не видались; семейныя связи давно порвались; отецъ Шанто, покинувъ Провансо и исходявъ всю Франціи въ качествѣ простаго плотника, наконецъ поселился въ Канъ и основалъ здѣсь торговлю сѣвернымъ лѣсомъ, а молодой Кеню, тотчасъ послѣ смерти матери, отправился въ Парижъ, гдѣ другой дядя устроилъ ему впослѣдствіи большую колбасную, на самомъ бойкомъ мѣстѣ парижскихъ Halles. Имъ пришлось встрѣтиться всего на всего два или три раза, когда Шанто, котораго болѣзнь принудила отказаться отъ торговли, пріѣзжалъ въ Парижъ, чтобы посоветоваться съ знаменитостями медицинскаго міра. Но они оба уважали другъ друга, а быть можетъ, умирающій руководился еще и тѣмъ соображеніемъ, что морской воздухъ будетъ полезенъ для здоровья дочери. Къ тому-же, вѣдь она получила въ наслѣдство колбасную, и слѣдовательно въ денежномъ отношеніи ужь во всякомъ случаѣ не будетъ имъ въ тягость. Наконецъ, мадамъ Шанто согласилась и приняла во всемъ этомъ дѣлѣ такое живое участіе, что даже пожелала избавить мужа отъ утомительнаго, вреднаго для его здоровья, путешествія, отправилась въ Парижъ сама, всюду сама бѣгала и сама все устроила, повинувшись вѣчной потребности надъ чѣмъ нибудь суетиться и о чемъ нибудь хлопотать; а если жена довольна, то и Шанто не имѣлъ причины жаловаться.

Но отчего же онѣ не ѣдутъ? Опасенія овладѣвали имъ съ новою силою, по мѣрѣ того, какъ онѣ вглядывался въ это сѣрое небо, гдѣ западный вѣтеръ гналъ черныя, какъ хлопья сажки, облака, обрывки которыхъ длинными лоскутьями тянулись вдоль далекаго горизонта моря. Эта была одна изъ тѣхъ мартовскихъ бурь, когда морскія волны, болѣе чѣмъ когда нибудь, свирѣпыя въ эпоху равноденствія, съ особенною яростью бичуютъ берегъ. Но волненіе только еще начиналось, и пока на одномъ только горизонтѣ виднѣлась бѣлая полоса, состоявшая изъ мелкой, разбрызганной по морской поверхности, пѣны; берегъ, обнаженный въ этотъ день на такое значительное пространство, и эта вереница скалъ и темныхъ водорослей, и эта гладкая равнина, усѣянная грязными лужами и перерѣзанныя черными, какъ траурныя ленты, полосами, дышали безконечною тоскою подъ сумрачнымъ небомъ, по которому, словно объаты ужасомъ, бѣжали облака.

— Можетъ быть, вѣтеръ опрокинулъ ихъ въ какую-нибудь канаву, прошепталъ Шанто.

Ему захотѣлось во что бы то ни стало посмотрѣть, что дѣлается на дорогѣ. Онѣ отворилъ стеклянную дверь и рискнулъ войти въ своихъ сукожныхъ туфляхъ на усыпанную гравіемъ террасу, съ которой видна была вся деревня. Нѣсколько капель, унесенныхъ порывомъ вихря, брызнули ему въ лицо, сильный вѣтеръ распахнулъ полы его куртки изъ грубой синей шерстяной матеріи. Но онѣ непремѣнно хотѣлъ поставить на своемъ и, безъ шапки, весь съезжившись, облокотился на перила, чтобы смотрѣть на виднѣвшуюся внизу дорогу. Эта дорога тянулась между двумя обрывами и казалась какою-то трещиною въ горной массѣ, щелью, какъ будто извергнувшею изъ себя тѣ нѣсколько метровъ земли, на которой лѣпились двадцать пять или тридцать хижинъ, составлявшихъ Бонвилъ. Каждый приливъ, казалось, грозилъ придавить ихъ къ каменной стѣнѣ, у подножья которой онѣ жались на своемъ узкомъ ложѣ изъ булыжниковъ. Налѣво виднѣлась маленькая бухта, окаймленная узкою песчаною полосою, гдѣ толпились люди, вытаскивавшіе на берегъ, подъ мѣрный, протяжный крикъ, штукъ десять лодокъ. Всѣхъ жителей было не больше двухсотъ человѣкъ. Они кое-какъ питались моремъ, прилѣпившись къ своей скалѣ съ бессмысленнымъ упорствомъ моллюсковъ.

А надъ жалкими кровлями, которыя каждую зиму трещали подъ ударами волнъ, на крутомъ спускѣ скалистаго берега, только и видны были—направо церковь, да налѣво домъ Шанто, отдѣленные отъ дороги оврагомъ. Вотъ и весь Бонвиль.

— Что? Какова погодка? крикнулъ чей-то голосъ.

Поднявъ голову, Шанто узналъ священника, аббата Гортера, приземистаго человѣка съ крестьянскими ухватками, съ рыжими волосами, не утратившими своего яркаго цвѣта, не смотря на пятидесятилѣтній возрастъ аббата. Передъ церковью, на участкѣ, отведенномъ для кладбища, священникъ выхлопоталъ себѣ клочекъ земли подъ огородъ, и въ настоящую минуту любовался на первый свой салатъ, зажавъ между ногъ полы рясъ, чтобы вѣтеръ не вскинулъ ее ему на голову.

Шанто, который не могъ говорить, такъ какъ вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо, долженъ былъ ограничиться привѣтственнымъ движеніемъ руки.

— А по-моему они хорошо дѣлають, что убирають лодки, кричалъ священникъ во все горло.—Часамъ къ десяти они запляшутъ въ своихъ постеляхъ.

Наконецъ, особенно сильному порыву урагана таки удалось заворотить ему на голову рясу, и онъ скрылся за церковью. Шанто обернулся, приподнявъ плечи и вытянувъ впередъ шею. Сквозь набѣжавшія на глаза слезы онъ посмотрѣлъ на свой выжженный моремъ садикъ, на двухъэтажный кирпичный домъ съ двойною шеренгою оконъ, по пяти въ рядъ, съ которыхъ вѣтеръ, несмотря на придерживанія ихъ защелки, грозилъ сорвать ставни. Когда вихрь нѣсколько улегся, онъ снова сталъ глядѣть внизъ, на дорогу; но Вероника возвращалась и уже издали махала руками.

— Какъ, вы таки вышли?.. Неудобно ли вамъ сейчасъ-же вернуться въ домъ, сударь!

Въ корридорѣ она догнала его и принялась журить, какъ непослушнаго ребенка. Неправда-ли? Если онъ завтра опять расхворается, вѣдь ей-же придется за нимъ ухаживать!

— Ты ничего не видѣла? спросилъ онъ покорнымъ тономъ.

— Да разумѣется, ничего... Барыня навѣрно гдѣ нибудь переживаетъ бурю.

Онъ не смѣлъ сказать, что ей-бы слѣдовало пройти по-дальше. Теперь его пуще всего беспокоило отсутствіе сына.

— Видѣла я, продолжала служанка, что весь народъ высыпалъ изъ домовъ. Боязно имъ сегодня оставаться въ нихъ... Домъ Кюша еще въ сентябрѣ треснулъ сверху до низу, и Пруанъ, котораго я встрѣтила, когда онъ поднимался звонить къ вечерней молитвѣ, клянется, что ему ни за что не устоять до завтра.

Но въ это мгновеніе высокій молодой человѣкъ, лѣтъ девятнадцати, перескочивъ однимъ прыжкомъ черезъ три ступени лѣсенки, очутился на крыльцѣ. Въ продолговатомъ лицѣ его, окаймленномъ легкимъ пушкомъ зарождающейся каштановой бородки, больше всего обращали на себя вниманіе широкій лобъ и очень свѣтлые глаза.

— А! тѣмъ лучше! вотъ и Лазарь! сказалъ Шанто, обрадовавшись.—Какъ ты измокъ, бѣдный!

Молодой человѣкъ повѣсилъ въ передней свою шинель, совершенно взмокшую подъ дождемъ.

— Ну что? снова спросилъ отецъ.

— Ни души! отвѣтилъ Лазарь.—Я дошелъ до Вертмона и тамъ подождалъ подъ навѣсомъ постоялаго двора, не сводя глазъ съ дороги, по которой грязь такъ и течетъ ручьями. Ни души!... Ну, а потомъ побоялся, что ты станешь безпокоиться,—и вернулся.

Въ августѣ прошлаго года онъ окончилъ курсъ въ канскомъ лицѣ, выдержавъ экзаменъ на бакалавра, и вотъ уже восемь мѣсяцевъ рыскалъ между скалами роднаго берега, не рѣшаясь ни на какое опредѣленное занятіе и занимаясь со страстью только музыкой, чѣмъ положительно приводилъ въ отчаяніе мать. Она и уѣхала, разсердившись на него за то, что онъ отказался сопровождать ее въ Парижъ, гдѣ она мечтала найти для него приличное положеніе. Вообще, въ домѣ въ послѣднее время царилъ разладъ, и назрѣвало невольное взаимное недовольство, которое еще усиливалось, благодаря узко-интимному общежитію вокругъ домашняго очага.

— А теперь, благо ты успокоился, продолжалъ молодой человѣкъ,—мнѣ-бы хотѣлось пробраться подальше, до Арроманша.

— Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь ночь ужъ на дворѣ, воскликнулъ Шанто.— Не можетъ быть, чтобы твоя мать оставила насъ

безъ всякаго извѣстія. Я жду депеши... А! да никакъ кто-то ѣдетъ.

Вероника пріотворила дверь.

— Это кабриолетъ доктора Казнова, объявила она.—Развѣ вы его ждали?... Ахъ, Господи! да вѣдь это барыня!

Всѣ быстро спустились съ крыльца. Большая, спавшая въ углу передней собака, помѣсь горной овчарки и водолаза, съ бѣшенымъ лаемъ бросилась на дворъ. Маленькая, бѣлая кошечка, чопорная и чистенькая, разбуженная этимъ шумомъ, тоже вышла на порогъ, но, при видѣ грязнаго двора, по хвосту ея пробѣжала дрожь отвращенія, и она опрятно усѣлась на верхней ступенькѣ, рѣшившись смотрѣть издали.

Тѣмъ временемъ дама лѣтъ пятидесяти выскочила изъ кабриолета съ легкостью молодой дѣвушки. Она была небольшого роста, худощавая, съ очень еще черными волосами и приятнымъ лицомъ, которое нѣсколько безобразилось большимъ носомъ, считающимся, какъ извѣстно, признакомъ честолубивой натуры. Собака кинулась къ ней и положила ей на плечи лапы; она съ сердцемъ оттолкнула ее.

— Будетъ, Матье, оставь меня!... Да отстань-же, говорить тебѣ!

Лазарь бѣжалъ черезъ дворъ вслѣдъ за собакой.

— Не случилось никакого несчастья, мама?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтила мадамъ Шанто.

— Боже мой! а мы были въ такомъ страхѣ! сказалъ отецъ, который послѣдовалъ за сыномъ, несмотря на вѣтеръ.—Отчего это вы такъ запоздали?

— Да все разныя неудачи и непріятности, пояснила она.—Во-первыхъ, дороги такія отвратительныя, что иришлось тащиться цѣлыхъ два часа до Байэ. Потомъ, въ Арроманшѣ, одна изъ лошадей Маливуара вздумала переломить себѣ ногу, а такъ какъ другой онъ дать намъ не могъ, то я ужь думала, что намъ придется заночевать у него... Наконецъ, докторъ былъ такъ любезенъ, что одолжилъ намъ свой кабриолетъ. Вотъ, его Мартинъ насъ и довезъ.

Кучеръ, старый инвалидъ съ деревянной ногой, бывшій матросъ, оставшійся на службѣ у флотскаго хирурга Казнова, который сдѣлалъ ему ампутацію, въ это время привязывалъ

лошадь. Мадамъ Шанто прервала разговоръ и обратилась къ нему:

— Мартынь, помогите-же нашей дѣвочкѣ слѣзть.

О ребенкѣ никто еще не успѣлъ и подумать. Верхъ кабриолета спускался очень низко, и изъ подъ него видѣлись только ея траурная юбка да маленькія ручки въ черныхъ перчаткахъ. Впрочемъ, она не дождалась помощи кучера и сама выскочила изъ экипажа; вѣтеръ трепалъ ея одежду, пряди желтыхъ волосъ выбились изъ подъ отдѣланной крѣпомъ шляпы. Для своихъ десяти лѣтъ она была довольно велика и казалась сильною и здоровою, съ крупными губами и полнымъ лицомъ, отличавшимся тою особенною бѣлизною, которая свойственна дѣвочкамъ, выросшимъ въ тѣсныхъ комнатахъ, за парижскими магазинами. Всѣ на нее смотрѣли. Вероника, которая подошла поздороваться съ барыней, остановилась въ сторонкѣ, съ холодной, ревнивой миной. Зато Матье выказалъ несравненно менѣе сдержанности; онъ бросился въ объятія ребенка и лизнулъ его въ самое лицо.

— Не бойся! крикнула мадамъ Шанто,—онъ не кусается.

— Да я и не боюсь, кротко отвѣтила Полина. — Я очень люблю собакъ.

И дѣйствительно, она оставалась совершенно спокойною подъ грубыми ласками Матье. Ея серьезное личико освѣтилось улыбкою, и она звонко чмокнула собаку въ самую морду.

— А людей-то ты не цѣлуешь? спросила мадамъ Шанто.— Смотри, вотъ это твой дядя, такъ какъ ты зовешь меня тетей. А это, стало быть, твой двоюродный братъ, большой повѣса, несравненно менѣе благоразумный, чѣмъ ты.

Дѣвочка не испытывала ни малѣйшаго смущенія. Она всѣхъ перецѣловала и каждому сказала что нибудь, съ естественной граціей маленькой парижанки, у которой вѣжливость уже успѣла превратиться въ привычку.

— Благодарю васъ, дядюшка, за то, что вы берете меня къ себѣ... Вы увидите, кузень, что мы съ вами будемъ жить дружно...

— Да она премолая! воскликнула Шанто въ восхищеніи. Лазарь смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ почему-то представлялъ себѣ ее въ видѣ очень маленькой, дикой и неповоротливой дѣвочки.

— Да, да, премилая, повторила мадамъ Шанто.—И какая храбрая, вы себя представить не можете!.. Въ дорогѣ вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо и положительно ослѣплялъ насъ водяною пылью. Разъ двадцать я думала, что старый верхъ кабриолета, трещавшій, какъ парусъ, наконецъ разорвется. А ей, напротивъ, все это казалось очень забавнымъ... Впрочемъ, что-же это мы здѣсь стоимъ? И безъ того достаточно вымокли; дождикъ опять начинаетъ накрапывать.

Она обернулась, отыскивая глазами Веронику. Увидѣвъ ее въ сторонѣ, нахмуренную, она сказала ей иронически.

— Здравствуй, моя милая, какъ поживаешь?... Пока думаешь поразспросить меня о здоровьи, пойдѣ-ка да принеси Мартыну бутылку вина... Чемодановъ съ нами нѣтъ; Маливуаръ привезетъ ихъ завтра, рано утромъ...

Она остановилась и встревоженная, вернулась къ кабриолету.

— А мой мѣшокъ!... Ахъ, какъ я перепугалась! Мнѣ вдругъ представилось, что мы обронили его на дорогѣ!

Это былъ большой мѣшокъ изъ черной кожи, уже побѣлѣвшій по угламъ отъ долгаго употребленія. Она рѣшительно отказалась довѣрить его сыну. Наконецъ, всѣ направились къ дому. Новый порывъ вѣтра, отъ котораго у всѣхъ захватило духъ, еще разъ остановилъ ихъ передъ самою дверью. Кошечка все такъ-же спокойно сидѣла въ прежнемъ положеніи, съ любопытствомъ наблюдая, какъ они боролись противъ вѣтра, и мадамъ Шанто пожелала узнать, хорошо-ли вела себя Минушъ во время ея отсутствія. Это имя опять вызвало улыбку на серьезномъ лицѣ Полины; она нагнулась и приласкала кошку, которая тотчасъ-же прижалась къ ея юбкѣ, поднявъ кверху хвостъ. Матье, вида, что вся семья поднялась на крыльцо и входитъ наконецъ въ сѣни, поднялъ громкій лай въ честь благополучнаго возвращенія подъ родной кровью.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо, сказала мать.—Я ужь начала думать, что мы никогда не вернемся... Да, да, Матье, ты хорошая собака, только, пожалуйста, оставь насъ въ покоѣ. Прошу тебя, Лазарь, уйми его; у меня уши трещать отъ его лая!

Но собака не унималась, и семейство Шанто вступило въ

столовую подъ звуки этой веселой музыки. Впередъ пропустили Полину, какъ поваго члена семьи, сзади шелъ Матье, не переставая лаять, а за нимъ выступала Минушъ, на которой вся шерсть трепетала нервною дрожью среди этого гама.

Въ кухнѣ Мартынъ уже успѣлъ прійти въ самое веселое настроеніе, выпивъ залпомъ два стакана вина, стучалъ своею деревянною ногою по каменному полу и шумно здоровался со всѣми. Вероника придвинула къ огню свое жаркое, которое успѣло совсѣмъ остыть. Войдя опять въ комнату, она спросила:

— Сядете что-ли за столъ?

— Конечно, конечно, вѣдь уже семь часовъ. — Только знаешь, голубушка, нужно подождать, пока барыня съ Полиной переодѣнутся.

— Да вѣдь со мной нѣтъ чемодана Полины, замѣтила мадамъ Шанто. — Къ счастью, мы не насквозь промокли... Сними пальто и шляпу, моя милая Вероника, да помогите-же ей раздѣться... И разуть ее тоже необходимо. Тутъ у меня есть все, что нужно.

Служанка должна была опуститься на колѣни передъ дѣвочкой, сидѣвшей на стулѣ. Тѣмъ временемъ мадамъ Шанто вынула изъ своего мѣшка пару маленькихъ войлочныхъ башмаковъ и собственноручно надѣла ей ихъ на ноги. Затѣмъ она велѣла ей съ себя стащить башмаки, снова нырнула въ глубину мѣшка и извлекла пару туфель для себя.

— Такъ подавать? еще разъ спросила Вероника.

— Сейчасъ, сейчасъ... Полина, поиди въ кухню, вымой куки, да вспрысни лицо водой... Мы умираемъ съ голоду, завтра успѣемъ умыться какъ слѣдуетъ.

Первою возвратилась въ столовую Полина, въ то время, какъ тетка еще мылась, уткнувъ носъ въ глиняный тазъ. Шанто снова усѣлся передъ каминомъ въ свое большое, обитое желтымъ бархатомъ, кресло и машинально потиралъ себѣ ноги, будто чуя близость приступа подагры, а Лазарь рѣзалъ хлѣбъ, стоя передъ столомъ, на которомъ уже съ часъ красовались четыре прибора. И отецъ, и сынъ чувствовали нѣторую неловкость и улыбались ребенку, не зная, о чемъ говорить. А она преспокойно обводила глазами комнату, мебели рованную орѣховою мебелью, скользнула взглядомъ по буфету,

пересчитала полдюжину стульевъ, обратила вниманіе на висячую лампу изъ крашенной мѣди и всего долѣе остановилась на пяти вставленныхъ въ рамки литографіяхъ, рѣзко выступавшихъ на темномъ фонѣ коричневыхъ обоей и изображавшихъ «Четыре времени года» и видъ Везувія. Эти выкрашенные подъ дубъ стѣны, изборожденные трещинами, сквозь которыя виднѣлась известка, паркетъ, испещренный давнишними сальными пятнами, — ясный отпечатокъ запущенности, лежавшій на этой общей комнатѣ, гдѣ жила вся семья, — безъ сомнѣнія, напомнили ей о красивой, отдѣланной мраморомъ калбасной, которую, ей пришлось покинуть; лицо ея опечалилось, и на мгновение она какъ будто догадалась, сколько подавленного, глухаго раздраженія скрывалось подъ привѣтливою внѣшностью этой, совершенно особой для нея, среды: Заинтересовавшись мимоходомъ стариннымъ барометромъ въ деревянной золотой оправѣ, ея взглядъ, наконецъ, остановился на какомъ-то странномъ сооруженіи, которое занимало надкаминникъ и было покрыто стекляннымъ ящикомъ, оклееннымъ вдоль реберъ узенькими полосками синей бумаги. Это было нѣчто въ родѣ игрушки, деревянный мостъ въ миниатюрѣ, но мостъ чрезвычайно сложной конструкціи.

— Это дѣдъ твой сдѣлалъ, пояснилъ Шанто, обрадовавшись, что нашлась, наконецъ, тема для разговора. — Да, мой отецъ началъ свою карьеру плотникомъ... Я до сихъ поръ храню самое мастерское его произведеніе.

Онъ не стыдился своего происхожденія, и мадамъ Шанто безропотно выносила присутствіе на каминѣ этой объемистой достопримѣчательности, которая постоянно напоминала ей о томъ, что она вышла за сына простаго ремесленника. Но дѣвушка уже не слушала разсужденій дяди: сквозь окно она увидѣла громадный горизонтъ, быстро перебѣжала черезъ комнату и помѣстилась передъ окномъ, гардины котораго были приподняты посредствомъ завязокъ изъ бумажной тесьмы. Съ самаго момента отъѣзда изъ Парижа она только и думала, только и мечтала, что о морѣ. Въ вагонѣ она то и дѣло спрашивала тетку и, при видѣ каждаго пригорка, желала знать, не за нимъ-ли море. Въ Арроманшѣ она, наконецъ, увидѣла его и долго простояла на берегу, онѣмѣвъ, притаивъ дыханіе. Затѣмъ, по дорогѣ изъ Арроманша въ Бонвилъ, она все

время, не смотря на вѣтеръ, высовывала изъ кабриолета голову, чтобы смотрѣть на тянущееся съ лѣвой стороны дороги море. А вотъ теперь и здѣсь уже море и всегда будетъ передъ нею, какъ принадлежащая ей вещь. Медленно обводя его взглядомъ, она какъ будто заявляла на него свои права.

Ночь спускалась съ свинцоваго неба, по которому, бичуемая ураганомъ, мчались въ безпорядкѣ облака. Въ глубинѣ густѣвшаго мрака можно было разглядѣть только блѣдныя волны бушующаго моря. Полосы бѣлой пѣны становились все шире, волна за волною набѣгала на поросшія водорослями каменистыя плиты, тихо всползая по нимъ, и словно лаская, убаюкивая сонный берегъ. Но вдали волны съ ревомъ поднимали свои громадные бѣлые гребни; зловѣщія сумерки нависли у подошвы горнаго склона надъ Бонвилемъ, въ которомъ не видно было ни души, такъ какъ всѣ жители прятались по домамъ, между тѣмъ какъ лодки, вытасенныя на берегъ, лежали, какъ громадные, выкинутые волнами, трупы рыбъ. Дождь окутывалъ деревню дымкою тумана, одна церковь ясно обрисовывалась среди блѣднаго клочка потемнѣвшаго неба.

Полина молчала. Дыханіе сперлось въ ея маленькой груди; ей стало душно и она глубоко, глубоко вздохнула.

— Что, небось, пошире Сены? сказалъ Лазарь, который уже раньше подошелъ и сталъ за ея спиною.

Эта дѣвочка положительно удивляла его. Съ тѣхъ поръ, какъ она появилась, онъ испытывалъ робость и чувствовалъ себя неуклюжимъ подросткомъ.

— О, да! отвѣтила она тихо, не поворачивая головы.

Онъ хотѣлъ было говорить ей *ты*, но спохватился.

— Это васъ не пугаетъ?

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, чего-же мнѣ бояться?.. Вѣдь до сихъ поръ вода не можетъ подняться.

— Ну, это еще неизвѣстно, сказалъ онъ, уступая желанію подтрунить надъ нею.—Иногда волны заливаютъ даже всю церковь.

Но она отвѣтила ему звонкимъ смѣхомъ. Вся ея маленькая, степенная фигурка просіяла отъ этого взрыва шумнаго, здороваго веселья, — того веселья, которое испытываетъ раз-

судительный человѣкъ, отвѣчающій невольнымъ смѣхомъ на всякую нелѣпость. И на этотъ разъ ужъ она первая обратилась къ двоюродному брату съ фамиллярнымъ словомъ ты и взяла его за руки, будто собиралась съ нимъ играть.

— О! видно, ты считаешь меня совсѣмъ глупой!.. Развѣ ты сталь-бы здѣсь жить, если-бы вода разливала всю церковь?

Лазарь тоже засмѣялся, дружески пожимая руки дѣвочки; между ними, повидимому, устанавливались самые теплые товарищескія отношенія. Какъ разъ въ то мгновеніе, когда раздался взрывъ этого веселаго смѣха, мадамъ Шанто вошла въ комнату. Она казалась очень довольною и спросила, вытирая руки:

— Ну что, познакомились?.. Я напередъ знала, что вы другъ съ другомъ поладите.

— Подавать, что-ли, сударыня? прервала ее Вероника, появляясь на порогѣ кухни.

— Да, да, милая... Только знаешь что, — ты-бы зажгла лучше лампу; а то ничего не видно.

И дѣйствительно, ночь наступала такъ быстро, что темная столовая только слабо освѣщалась красноватымъ сіяніемъ, исходившимъ отъ горѣвшаго кокса. Такимъ образомъ оказалась новая задержка. Наконецъ, служанка спустила зажженную висячую лампу, и накрытый столъ выступилъ изъ мрака среди падавшаго отъ лампы яркаго круга. Всѣ усѣлись; Полина помѣстилась между дядей и двоюроднымъ братомъ, напротивъ тетки. Но послѣдняя вдругъ опять вскочила, съ живостью худощавой старухи, которой не сидится не мѣстѣ.

— Гдѣ мой мѣшокъ?.. Подожди, голубушка, я дамъ тебѣ твой маленькій кубокъ... Возьмите у нея стаканъ, Вероника. Она привыкла къ своему кубку.

Она вынула нѣсколько уже поизмятый серебряный кубокъ, вытерла его салфеткой и поставила передъ Полиной. Мѣшокъ она оставила тутъ-же, возлѣ себя, на стулѣ. Служанка подала супъ съ вермишелью, объявивъ своимъ обычнымъ ворчливымъ тономъ, что онъ давно переварился. Но никто не осмѣлился выразить недовольство: всѣ были очень голодны и ушисывали супъ на славу. Затѣмъ послѣдовала вареная говядина. Шанто, большой лакомка, едва къ ней притронулся, сберегая аппетитъ для баранины; но когда это блюдо появилось на

стогъ, раздался всеобщій протестъ. Это была не баранина, а высушенная подошва, которую невозможно было ѣсть.

— Еще-бы! Я и сама знаю, спокойно возразила Вероника. — Сами виноваты! Зачѣмъ такъ долго копались!

Полина, не смущаясь, разрѣзала мясо на маленькіе кусочки и ѣла его безъ всякихъ признаковъ недовольствія. Что-же касается Лазаря, то онъ никогда не разбиралъ, что у него на тарелкѣ, и былъ способенъ уписывать куски простаго хлѣба, воображая, что ѣсть нѣжную дичину. Но Шанто мрачно поглядывалъ на баранину.

— А что у насъ сегодня, кромѣ этого, Вероника?

— Жареный картофель.

Онъ отчаянно махнулъ рукою и откинулся на спинку кресла. Служанка продолжала:

— Коли прикажете, я опять подамъ говядину.

Но онъ только уныло покачалъ головою. Лучше ужъ жевать хлѣбъ, чѣмъ опять это вареное мясо. О, Господи! Что за обѣдъ! И какъ на грѣхъ поднялась непогода, такъ что и рыбы невозможно достать! Мадамъ Шанто, которая, вообще, не отличалась большимъ аппетитомъ, смотрѣла на него съ сожалѣніемъ.

— Бѣдный другъ мой, сказала она вдругъ, — какъ мнѣ тебя жаль... Я приготовила тебѣ подарокъ на завтра; да ужъ нечего дѣлать, ради того, что сегодня у насъ голодь...

Она опять полѣзла въ мѣшокъ и извлекла оттуда банку съ страсбургскимъ пирогомъ. У Шанто разгорѣлись глаза — Паштетъ изъ гусиныхъ печенокъ! Запретный плодъ! Любимое его лакомство, которое докторъ запретилъ ему самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Только смотри, я разрѣшаю тебѣ не болѣе одной тартинки... Если не будешь благоразуменъ, никогда больше не получишь.

Онъ овладѣлъ банкой и дрожащими руками принялся за паштетъ. Нерѣдко приходилось ему такимъ образомъ мучительно колебаться между страхомъ нажать новый припадокъ и непреодолимою страстью хорошо покушать; и большею частью побѣждала послѣдняя. Куда ни шло! Слишкомъ ужъ великое искушеніе; лучше помучиться послѣ!

Вероника, которая вадѣла, какъ онъ отрѣзалъ себѣ пре-

порядочный ломоть, направилась обратно въ кухню, замѣтивъ ворчливо:

— Ну, ужь будетъ баринъ опять ревѣть!

Это, не совсѣмъ почтительное, выраженіе звучало у нея такъ просто и естественно, что господа ея помирились съ нимъ. Баринъ, дѣйствительно, ревѣлъ, когда у него былъ приступъ; это была правда, и никому даже въ голову не приходило сдѣлать ей выговоръ за недостатокъ уваженія къ барину.

Конецъ обѣда прошелъ очень весело. Лазарь, подъ видомъ шутки, отнялъ у отца банку съ страсбургскимъ пирогомъ. А когда на столъ поставили десертъ,—сыръ изъ Pont-!’Evêgue и бисквиты,—всеобщее веселіе было вызвано внезапнымъ появленіемъ Матѣе. До тѣхъ поръ онъ спалъ гдѣ-то подъ столомъ, но запахъ бисквитовъ, который онъ чуялъ, по-видимому, даже во снѣ, разбудилъ его. Каждый вечеръ, въ этотъ самый торжественный моментъ, онъ отряхивался и обходилъ всѣхъ по очереди, пытливо заглядывая каждому въ глаза и выжидая подачи. Обыкновенно раньше всѣхъ уступалъ его нѣмой мольбѣ Лазарь, но на этотъ разъ, послѣ перваго-же обхода, Матѣе пристально уставился на Полину своими добрыми, умными глазами; а затѣмъ, угадавъ въ ней теплое расположеніе къ людямъ и животнымъ, онъ положилъ свою огромную голову на маленькое колѣно ребенка и не сводилъ съ нея взгляда, полного самой нѣжной мольбы.

— Ахъ ты, попрошайка! сказала мадамъ Шанто.—Тише, Матѣе! развѣ можно такъ кидаться на пищу!

Собака сразу хапнула кусокъ бисквита, протянутый Полиной, и, опять положивъ голову на маленькое колѣно, стала выпрашивать новаго куска, не отрывая глазъ отъ лица своей новой подруги. Дѣвочка смѣялась, цѣловала его, находила, что онъ презабавный, со своими висячими ушами и чернымъ пятномъ надъ лѣвымъ глазомъ, единственнымъ пятномъ на всей его бѣлой, длинношерстой, курчавой шубѣ. Затѣмъ поспѣдовало и еще одно неожиданное развлеченье: Минушъ, которую разбирала ревность, прыгнула на столъ, замурыкала, выгнувъ спину и, ласкаясь, какъ молодая козочка, стала тереть головку о подбородокъ дѣвочки. Это была обыкновенная ея манера выражать свое расположеніе; тотъ, кто удостоивался такой чести, чувствовалъ прикосновеніе ея холоднаго

носица и кончиковъ ея острыхъ зубовъ, въ то время, какъ она раскачивалась съ ноги на ногу, какъ маленькій хлѣбникъ, мѣсящій тѣсто. Полина была въ восторгѣ, очутившись между собакою и кошкою, которыя обѣ ласкались къ ней и эксплуатировали ее до такой степени безсовѣстно, что она роздала имъ весь свой десертъ.

— Да прогони-же ихъ, сказала тетка; — а то вѣдь онѣ не отстанутъ, пока не оберутъ тебя совсѣмъ.

— Ну, такъ что-же за бѣда! отвѣтила дѣвочка, которая дѣйствительно, съ радостью готова была отдать все.

Обѣдъ кончился. Вероника убирала со стола. Видя, что уже нечѣмъ лакомиться, и собака, и кошка удалились, обливаясь и не поблагодаривъ даже своей благодѣтельница.

Полина встала и, подойдя къ окну, пыталась опять взглянуть въ темноту. Начиная съ самаго супа, она наблюдала, какъ это окно постепенно темнѣло и мало-по-малу стало похоже на большое чернильное пятно. Теперь за нимъ стояла непроницаемая стѣна, громадная масса мрака, которая поглотила все,—и небо, и море, и деревню, и даже самую церковь. Хотя шутки двоюроднаго брата и не пугали ее, она все-таки невольно искала глазами это море: ей непремѣнно хотѣлось знать, докуда оно можетъ подняться. Но за окномъ только еще громче, еще грознѣе, ревѣли волны, и могучій, чудовищный голосъ ихъ, не переставая, гремѣлъ среди завыванія вѣтра и плеска дождя. Ни свѣта, ни даже малѣйшаго пятнышка бѣлой пѣны не видно было среди этого мрачнаго хаоса, и слышался только бѣшеный галопъ обезумѣвшихъ волнъ въ глубинѣ этой безграничной, бездонной пропасти.

— Fichtre! воскликнулъ Шанто;—вѣдь море-то не на шутку расходилось... а ему еще цѣлыхъ два часа осталось подняться...

— Если-бы вѣтеръ дулъ съ сѣвера, замѣтилъ Лазарь,—то Бонвилю-бы сегодня не сдобровать. Къ счастью, онъ ударяетъ нѣсколько въ бокъ.

Дѣвочка обернулась и слушала ихъ, широко раскрывъ свои большіе глаза, въ которыхъ свѣтилось тревожное состраданіе.

— Благо, мы сами-то въ безопасности, сказала мадамъ Шанто;—а другіе пусть выпутываются изъ бѣды, какъ знаютъ;

у каждаго свое горе... Хочешь голубушка, чашечку горячаго чая? Выпей, да пойдемъ спать.

Прибравъ посуду, Вероника покрыла столъ старою красною скатертью, вокругъ которой семья обыкновенно проводила вечера. Каждый снова занялъ свое мѣсто. Лазарь, выходявшій на минуту изъ комнаты, вернулся съ чернильницею, перомъ и цѣлымъ ворохомъ бумаги. Онъ усѣлся подъ лампой и принялся переписывать ноты. Лицо мадамъ Шанто, которая все время любовно посматривала на сына, вдругъ приняло недовольное выраженіе.

— А ты опять за свою музыку! Неужели-же никогда не можешь посвятить намъ вечера, даже въ день моего возвращенія.

— Да вѣдь я-же не ухожу, мама; я остаюсь съ тобою... Ты знаешь, что это не мѣшаетъ мнѣ говорить... Ну, вотъ попробуй, скажи мнѣ что нибудь, я буду тебѣ отвѣчать.

Онъ поставилъ-таки на своемъ и занялъ половину стола нотными листами. Шанто попокойнѣе разлегся въ своемъ креслѣ, сложивъ руки на колѣняхъ. Мать дремала передъ каминомъ, между тѣмъ какъ Минушъ, вскочившая однимъ прыжкомъ на столъ, занялась своимъ туалетомъ и, поднявъ на воздухъ одну изъ заднихъ лапокъ, тщательно вылизывала себѣ шерсть на животѣ. Изъ мѣдной лампы, вмѣстѣ съ свѣтомъ, какъ будто спускалась уютная интимность, и вскорѣ Полина, сонливо улыбающаяся своей новой семьѣ, была уже не въ силахъ бороться противъ одолевшаго ее сна, разбитая утомительнымъ путешествіемъ, убаюканная соннымъ безмолвіемъ, царившимъ въ жаркой комнатѣ. Склонивъ головку къ столу и подмостивъ подъ нее правую руку, она заснула подъ яркимъ, спокойнымъ свѣтомъ лампы. Ея вѣки, тонкія, какъ шелковый вуаль, спустились надъ глазами, легкое, правильное дыханіе слегка шевелило ея чистыя, дѣтскія губы.

— Видно, ей ужь не въ моготу, сказала мадамъ Шанто, понижая голосъ. Мы ее разбудимъ, чтобы она напилась чаю, а потомъ и уложимъ.

Въ комнатѣ воцарилась тишина, среди которой слышенъ былъ только скрипъ пера Лазаря. Все дышало глубокимъ миромъ, дремотою старыхъ привычекъ, въ этомъ узкомъ семейномъ кругу, гдѣ живнъ каждый вечеръ переживалась та

одномъ и томъ-же мѣстѣ. Долго мать и отецъ глядѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Наконецъ, Шанто нерѣшительно спросилъ:

— А какъ идутъ дѣла у Давуана, въ Канѣ? Хорошъ-ли нынче будетъ доходъ?

Она съ досадою пожала плечами.

— Да, какъ-же! Жди хорошаго дохода! Вѣдь я говорила тебѣ, что попадешь въ просакъ.

Теперь, когда дѣвочка заснула, можно было говорить, не стѣсняясь. Они бесѣдовали въ полголоса, намѣреваясь въ началѣ только въ короткихъ словахъ передать другъ другу новости; но мало-по-малу оба вошли въ азартъ, и всѣ домашнія неприятели всплыли на поверхность.

Послѣ смерти отца, бывшаго плотника, который велъ торговлю лѣсомъ со смѣлостью предприимчиваго дѣльца, Шанто скоро убѣдился, что дѣла ихъ далеко не въ блестящемъ положеніи. Не отличаясь энергіей и придерживаясь рутиннаго благоразумія, онъ ограничился тѣмъ, что привелъ ихъ нѣсколько въ порядокъ, благополучно избѣжалъ крушенія и съ тѣхъ поръ честно и безобидно жилъ на небольшіе, но вѣрные доходы. Единственнымъ романомъ его жизни былъ его бракъ; онъ женился на учительницѣ, съ которою познакомился въ домѣ одного знакомаго семейства. Евгенія де-ля-Виньеръ, сирота, дочь раззорившихся, мелкопомѣстныхъ нормандскихъ дворянъ, рассчитывала перелить въ его сердце долю своего честолюбія; но онъ плохо поддавался этому вліянію. Полуобразованный, окончивъ съ грѣхомъ пополамъ поздній курсъ въ какомъ-то пансіонѣ, онъ боязливо избѣгалъ широкихъ предпріятій и противопоставлялъ деспотическимъ претензіямъ жены тяжеловѣсную неподвижность своей натуры. Когда у нихъ родился сынъ, она перенесла всѣ свои надежды на него, какъ на источникъ будущаго богатства, помѣстила его въ лицей, каждый вечеръ сама заставляла его готовить уроки. Но ее ожидала еще одна послѣдняя невзгода, которой суждено было разстроить всѣ ея расчеты: Шанто, страдавшій подагрой, съ тѣхъ поръ какъ ему перевалило за сорокъ, наконецъ, до такой степени измучился отъ приступовъ болѣзни, что серьезно сталъ думать о прекращеніи своей торговли. Въ будущемъ, стало быть, ихъ ожидали скромная,

уединенная жизнь на скромные доходы; сынъ впоследствии долженъ будетъ начать карьеру, не имѣя подъ ногами твердой почвы въ видѣ годовой ренты тысячь въ двадцать, о которой мечтала для него мать.

Тогда мадамъ Шанто рѣшилась добиться хоть выгодной продажи. До сихъ поръ они получали въ годъ около десяти тысячь франковъ дохода и жили на довольно широкую ногу, такъ какъ хозяйка любила щегольнуть гостепріимствомъ. Она же сама и открыла, наконецъ, нѣкоего Давуана, который предложилъ имъ слѣдующую комбинацію: Давуанъ покупалъ у нихъ торговлю лѣсомъ за сто тысячь франковъ, но уплачивалъ только пятьдесятъ тысячь; оставляя въ его рукахъ остальные пятьдесятъ тысячь, Шанто дѣлался его компаньонъ и пользовался половиною барышей. Этотъ Давуанъ былъ, повидимому, человекъ предприимчивый; наконецъ, если въ его рукахъ торговля будетъ давать хоть то, что давала прежде, у нихъ все-таки будетъ обеспеченный доходъ въ пять тысячь, которыя вмѣстѣ съ тремя тысячами процентовъ, приносимыхъ выплаченнымъ капиталомъ, составятъ въ сложности восемь тысячь ежегоднаго дохода. Съ такимъ положеніемъ можно будетъ пока помириться, въ ожиданіи блестящей карьеры сына, который со временемъ доставитъ имъ возможность выйти изъ этой сѣрой, мѣщанской обстановки.

На этомъ и порѣшили. Года два тому назадъ, Шанто какъ разъ приобрѣлъ домъ на берегу моря, въ Бонвилѣ, по случаю, благодаря банкротству задолжавшаго покупателя. Одно время мадамъ Шанто думала, было, продать его, но потомъ рѣшила, что имъ выгоднѣе поселиться въ немъ, по крайней мѣрѣ, до первыхъ успѣховъ Лазаря. Отказаться отъ своихъ вечеринокъ въ Канѣ, зарыться въ захолустѣ—было для нея равносильно самоубійству; но вмѣстѣ съ тѣмъ представлялся случай сдать весь ихъ домъ Давуану, которому, въ противномъ случаѣ, пришлось-бы подыскивать себѣ другую квартиру, и она рѣшилась приняться за сбереженія, забивъ себѣ въ голову мысль, что они съ торжествомъ вернутся въ Канъ, когда Лазарь займетъ тамъ какое нибудь высокое положеніе! Шанто согласился на все. Подагрѣ его тоже приходилось поневолѣ мириться съ близостью моря. Впрочемъ, изъ трехъ докторовъ, съ которыми совѣтовались по этому поводу, двое оказались очень обязатель-

ными, и объявили, что морской воздухъ, безъ сомнѣнія, превосходно подѣйствуетъ на общее состояніе больнаго. Наконецъ, въ одно прекрасное утро супруги Шанто, оставивъ въ лицѣ Лазаря, отправились въ путь, чтобы окончательно устроить свое новое гнѣздо въ Бонвилѣ.

Пять лѣтъ прошло со времени этого героическаго перелома въ ихъ жизни, и дѣла шли все хуже да хуже. Давуанъ, предпринимавшій широкія спекуляціи, твердилъ, что ему необходимо пускаться въ оборотъ всѣ наличныя средства, и въ заключеніе почти всѣ барыши шли на покрытіе убытковъ. Въ Бонвилѣ теперь принуждены были жить на трехтысячную ренту, лошадь пришлось продать, а Вероника собственноручно воздѣлывала огородъ.

— Послушай, Эжени, осмѣлился замѣтить Шанто;—вѣдь если я попалъ въ просакъ, то это отчасти твоя вина.

Но она уже отклоняла отъ себя всякую отвѣтственность и охотно забывала, что ассоціацію съ Давуаномъ придумала сама.

— Какъ? моя вина? отвѣтила она рѣзко.—Вѣдь больнаго не я... Если-бы ты не былъ боленъ, мы бы, можетъ быть, теперь были милльонерами.

Каждый разъ, когда жена давала, такимъ образомъ, волю накопившейся въ ея сердцѣ горечи, онъ опускалъ голову, смущенный и пристыженный сознаниемъ, что прикутилъ въ своихъ костяхъ злаго врага семейныхъ интересовъ.

— Нужно подождать, пробормоталъ онъ.—Давуанъ, повидимому, вполне увѣренъ въ спекуляціи, которую теперь затѣялъ. Если еловый лѣсъ вздорожаетъ, мы сразу разбогатѣемъ.

— И что вамъ за охота портить себѣ кровь изъ за этихъ денегъ! вмѣшался въ разговоръ Лазарь, не переставая списывать ноты.—Съ голоду не умремъ... Что касается меня, то я совершенно равнодушенъ къ деньгамъ.

Мадамъ Шанто во второй разъ пожала плечами.

— Я-бы посоветовала тебѣ относиться къ нимъ менѣе равнодушно и не тратить времени на всякія глупости.

Ужаснѣе всего было то, что она сама давала ему первые уроки на фортепіано. Теперь одинъ видъ партитуры раздражалъ ее. Послѣдняя ея надежда рушилась: этотъ сынъ, котораго она мечтала сдѣлать префектомъ, бредилъ музыкой, соби-

рался писать оперы; и она мысленно уже представляла себя, какъ онъ, подобно ей, съ утра до вечера будетъ мѣсить уличную грязь, бѣгая по урокамъ.

— Вотъ, продолжала она, — взгляни-ка на эту смѣту, которую представилъ мнѣ Давуанъ за три послѣдніе мѣсяца. Если это будетъ такъ продолжаться, то къ будущему іюлю мы-же будемъ у него въ долгу.

Она поставила на столъ свой мѣшокъ и вынула изъ него бумагу, которую протянула мужу. Онъ долженъ былъ взять ее, повертѣлъ ее въ рукахъ и въ концѣ концовъ неразвернутую положилъ передъ собою. Въ эту минуту въ комнату вошла Вероника съ чаемъ. Опять наступило продолжительное молчаніе; чашки стояли пустыя. Минуть, расположившаяся возлѣ сахарницы, поджавъ подъ себя лапки, умильно щурила глазки, между тѣмъ, какъ Матъе передъ каминомъ храпѣлъ, какъ человѣкъ. А тамъ, за окномъ, все сильнѣе бушевало море, вторившее своимъ ревущимъ басомъ этому мирному храпу у домашнего очага.

— Ты-бы ее разбудила, мама, сказалъ Лазарь. — Ей, навѣрное неловко спать въ такомъ положеніи.

— Да, да, сказала мадамъ Шанто, которая надъ чѣмъ-то задумалась, глядя на Полину.

Всѣ трое смотрѣли на спящую дѣвочку. Дыханіе ея стало еще спокойнѣе; ея бѣлыя щеки и розовыя губы ярко освѣщались лампой, сіяли, какъ нѣжные, свѣжіе цвѣты букета, только нависшіе коротенькіе волосы, растрепавшіеся отъ вѣтра, бросали тѣнь на ея бѣлый лобъ. И мысли мадамъ Шанто перенеслись въ Парижъ, къ непріятностямъ и хлопотамъ, сопровождавшимъ поѣзду. Теперь она сама удивлялась тому жару, съ которымъ согласилась на опеку. Ею руководило инстинктивное уваженіе къ богатой племянницѣ, хотя при этомъ ни одной безчестной, задней мысли не пришло въ голову по поводу состоянія, храненіе котораго ей будетъ поручено.

— Когда я вошла въ эту лавку, начала она медленно рассказывать, — Полина встрѣтила меня въ своемъ черномъ платьѣ и, рыдая, принялась меня цѣловать. Прекрасная обстановка въ этой колбасной; вездѣ мраморъ, зеркала, какъ разъ напротивъ рынка... Тутъ-же въ лавкѣ, сидѣла служанка, настоящій гранадеръ, высокая, свѣжая, румяная. Это она увѣ-

вѣта, назначенномъ по моему желанію, я потребовала, чтобы мнѣ были уплачены всѣ дорожные расходы, а на содержаніе ребенка тутъ-же было опредѣлено восемьсотъ франковъ въ годъ... Мы бѣднѣе ея и не можемъ держать ее изъ милости. Конечно, никто изъ насъ не захочетъ пожить на счетъ этой дѣвочки, но тратить на нее свои собственные деньги мы тоже не въ состояніи... Мы будемъ выгодно помѣщать проценты съ ея капитала, и такимъ образомъ, къ совершеннотію ея, онъ успѣетъ удвоиться... Боже мой! Вѣдь мы только исполняемъ свой долгъ; нельзя-же было не повиноваться волѣ покойнаго. Если и придется иногда затратить что-нибудь изъ своихъ денегъ, то это принесетъ намъ счастье; а ужъ мы-ли въ немъ не нуждаемся... Бѣдняжка, какъ она была разстроена, какъ рыдала, разставаясь съ своей няней! Я хочу, чтобы она была счастлива у насъ.

Послѣднія слова, видимо, произвели впечатлѣніе на слушателей.

— Ну, ужъ я-то ся не обижу, сказала Шанто.

— Она премилая, прибавилъ Лазарь. — Я и теперь уже очень люблю ее.

Почувъвъ во снѣ запахъ чая, Матье поднялся, отряхнулся и снова положилъ на край стола свою большую голову. Минущъ тоже потягивалась, выгнувъ спину и зѣвая. Это была минута всеобщаго пробужденія; кошка вытянула шею и принялась обнюхивать процентныя бумаги въ засаленномъ переплетѣ, а когда собесѣдники взглянули на Полину, то и она уже сидѣла съ раскрытыми глазами и не безъ удивленія смотрѣла на эту истрепанную, хорошо знакомую ей книгу.

— О, она отлично знаетъ, что въ ней лежитъ. продолжала мадамъ Шанто. — Не правда-ли, голубушка, я тебѣ показывала эти бумаги тамъ, въ Парижѣ?... Это—наслѣдство, оставшееся тебѣ послѣ твоихъ бѣдныхъ родителей.

Слезы покатались по щекамъ дѣвочки. По временамъ ее еще волновали приступы горя, короткіе и мимолетные, какъ весенній дождь. Она уже улыбалась сквозь слезы, глядя на Минущъ, которая, послѣ продолжительнаго обнюхиванія драгоценнаго пакета, повидимому, соблазнулась его запахомъ, снова начала мурлыкать и, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, тыкала лбомъ въ корешокъ переплета.

— Минушь, не смѣй этого трогать! привкрикнула на нее мадамъ Шанто — Развѣ можно играть деньгами?

Шанто и Лазарь засмѣялись. Матѣ тоже пришелъ въ азартъ и, глядя разгорѣвшимися глазами на бумаги, представлявшія ему, вѣроятно, какимъ-нибудь лакомствомъ, лаяла на кошку. Вся семья оживилась. Полина, восхищенная продѣлками кошки, взяла ее на руки и, лаская, укачивала, какъ куклу.

Боясь, чтобы дѣвочка опять не заснула, мадамъ Шанто тотчасъ стала поить ее чаемъ. Затѣмъ она позвала Веронику.

— Принеси намъ подсвѣчники. Вѣдь вотъ какъ заболтались:—весь сонъ прошелъ. И не повѣришь, что ужь десять часовъ. А вѣдь за обѣдомъ я чуть не заснула.

Въ кухнѣ послышался мужской голосъ и, когда служанка снова вошла въ комнату, неся на подносѣ четыре зажженные свѣчки, мадамъ Шанто спросила ее:

— Съ кѣмъ это ты тамъ говорила?

— Съ Пруаномъ, сударыня... Онъ пришелъ сказать барину, что у нихъ на деревнѣ неладно. Волны и рвутъ, и мечутъ.

Шанто принялъ на себя должность мэра, а Пруанъ, извѣстный пьяница, исполнявшій въ церкви обязанности пономаря, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ въ общинѣ писаремъ. Въ былое время онъ служилъ во флотѣ, былъ произведенъ и умѣлъ писать, какъ школьный учитель. Когда его кликнули, онъ вошелъ въ комнату съ шерстянымъ колпакомъ въ рукѣ; съ сюртука и сапогъ ручьями струилась вода.

— Что случилось, Пруанъ?

— Бѣда, сударь! Домъ Кюша совсѣмъ рухнулъ... А теперь, если буря не уймется, и дому Гонена не сдобровать... Мы всѣ были при этомъ, Турмалъ, Гутляръ, я и другіе. Да что тутъ подѣлаешь? Развѣ съ этимъ чудищемъ справишься? Ужь такъ, видно, суждено, чтобы оно каждый годъ отрывало у насъ клочъ земли!

Наслуцало молчаніе. Четыре свѣчки горѣли высокимъ пламенемъ, и слышно было, какъ чудище-море съ громомъ ударило въ берегъ. Теперь приливъ достигъ высшаго уровня, и каждый новый валъ, разбиваясь, заставлялъ дрожать весь домъ. Эти правильные, мѣрные, могучіе удары по-

Да, напрасно онъ ѣлъ за обѣдомъ паштетъ изъ гусиныхъ печенокъ. Необходимость страданій приводила его въ отчаяніе.

— Покойной ночи, повторилъ онъ уныло.—Вы, счастливыцы, всегда спите... Покойной ночи, голубушка, выспись хорошенько; въ твои годы это естественно.

— Покойной ночи, дядюшка, сказала въ свою очередь Полина, цѣлуя его.

Дверь затворилась. Мадамъ Шанто пропустила Полину впередъ и вмѣстѣ съ нею стали подниматься по лѣстницѣ. Лазарь послѣдовалъ за ними.

— Ну, меня сегодня не придется укачивать, объявила мать;— къ тому-же подъ этотъ шумъ всегда какъ-то особенно сладко спится... Въ Парижѣ мнѣ даже странно было спать въ кровати, которая никогда не дрожала.

Всѣ трое поднялись во второй этажъ. Полина старалась держать свѣчу совершенно прямо. Ее забавляло это торжественное шествіе, гуськомъ, со свѣчами, отъ которыхъ кругомъ плясали тѣни. На площадкѣ она остановилась, не зная, куда идти; тетка слегка толкнула ее впередъ.

— Иди прямо.. Вотъ это комната друзей, а напротивъ моя комната... Войди на минутку, я тебѣ покажу.

Это была комната, обтянутая желтыми холстяными обоями съ зеленымъ узоромъ; мебель въ ней была очень простая, изъ краснаго дерева, — кровать, шкафъ, конторка; по серединѣ, на маленькомъ красномъ коврикѣ, круглый столъ. Заглянувъ со свѣчкой въ рукахъ во всѣ углы, мадамъ Шанто подошла къ конторкѣ и откинула крышку.

— Пойди-ка, посмотри, сказала она.

Она выдвинула одинъ изъ маленькихъ ящичковъ и, вздыхая, положила въ него неутѣшительную смѣту Давуана. Затѣмъ она выбрала всѣ вещи, лежавшія въ другомъ ящичкѣ, вынула его, встрясла всякія скопившіяся въ немъ крошки и, собираясь положить туда процентныя бумаги, сказала стоявшей возлѣ нея дѣвочкѣ:

— Смотри, я кладу ихъ сюда; онѣ будутъ лежать въ отдѣльномъ чистомъ ящичкѣ; тутъ имъ будетъ просторно... Хочешь положить ихъ сама?

Полинѣ вдругъ стало стыдно, хотя она сама не сумѣла-бы сказать—почему. Она покраснѣла.

— О тетя, къ чему?

Но старый переплетъ уже очутился у нея въ рукахъ, и она должна была собственноручно помѣстить его въ ящикъ, въ то время, какъ Лазарь, поднявъ къверху свѣчу, освѣщала внутренность конторки.

— Ну вотъ, продолжала мадамъ Шанто,—теперь ты сама видѣла; будь покойна, мы скорѣе умремъ съ голода... Итакъ помни,—первый ящикъ съ лѣвой стороны. Здѣсь онъ и останутся вплоть до того дня, когда ты будешь уже настолько взрослою, что возьмешь ихъ сама... Не бойся, Минушъ не проберется сюда и не съѣстъ ихъ; а кромѣ нея, никому.

Представивъ себѣ, какъ Минушъ будетъ отпирать конторку и ѣсть бумаги, дѣвочка громко засмѣялась. Неловкость, овладѣвшая ею на минуту, исчезла; она шутила съ Лазаремъ, который, чтобы насмѣшить ее, мурлыкалъ, какъ кошка, и дѣлалъ видъ, что ломится въ конторку. Онъ тоже весело смѣялся. Тѣмъ временемъ мать его торжественно заперла конторку и энергично повернула ключъ два раза.

— Ну, значить, это дѣло съ плечъ долой! Полно, Лазарь, не дурачься... Теперь пойду на верхъ и посмотрю, все-ли для нея приготовлено.

И всѣ трое, опять гуськомъ, стали подниматься по лѣстницѣ. Въ слѣдующемъ этажѣ, Полина не зная, куда идти, отворила дверь на лѣво.

— Нѣтъ, нѣтъ, не съ этой стороны, крикнула ей тетка;—это комната твоего двоюроднаго брата; твоя—напротивъ.

Полина остановилась и съ любопытствомъ оглядывала обширную комнату, въ которой, какъ въ кладовой, была разставлена и разбросана всякая всячина: фортепьяно, диванъ, огромный столъ, книги, картины. Наконецъ, она распахнула дверь и пришла въ восторгъ, хотя ея комната показалась ей крошечною въ сравненіи съ сосѣдней. Въ ней стояла желѣзная кровать съ кисейнымъ пологомъ, умывальный столикъ, комодъ и три стула.

— Кажется, ничего не забыли, сказала мадамъ Шанто;—вотъ вода, сахаръ, полотенца, мыло... Спи покойно. Вероника спитъ тутъ, рядомъ; если будетъ страшно, постучи только въ стѣну.

— Да вѣдь и я тутъ-же, по сосѣдству, объявилъ Ла-

зарь.—Если явится привидѣніе, я прибѣгу съ моей большой саблей.

Двери обѣихъ комнатъ, расположенныхъ другъ противъ друга, остались отворенными. Полина оглядывала то ту, то другую.

— Привидѣній не бываетъ, сказала она съ своей веселой улыбкой.—Сабля годится противъ воровъ... Покойной ночи, тети! Покойной ночи, кузень!

— Покойной ночи, милая... Съумѣешь одна раздѣться и лечь?

— О, да, конечно... Вѣдь я ужъ не маленькая. Въ Парижѣ я все сама дѣлала.

Они поцѣловали ее. Мачамъ Шанто, выходя изъ комнаты, прибавила еще, что дверь можно запереть на ключъ. Но дѣвочка уже стояла передъ окномъ; ей хотѣлось поскорѣе посмотреть, видно-ли отъ нея море. Дождь съ такою силою хлесталъ по стекламъ, что она не рѣшилась отворить окно. На дворѣ было совсѣмъ темно, тѣмъ не менѣе ей, пріятно было слышать, какъ подъ окнами, у ногъ ея, съ громомъ набѣгали на берегъ волны. Затѣмъ, не смотря на одолевавшую ее усталость, она обошла всю комнату, осмотрѣла мебель. Мысль, что теперь у нея, какъ у взрослой, будетъ своя, отдѣльная, комната, наполняла гордостью ея дѣтскую душу. Но когда она сняла уже платье и въ одной юбочкѣ подошла къ двери, собираясь повернуть ключъ, ей вдругъ стало жутко. Что, если кто-нибудь войдетъ? Морозъ пробѣжалъ у нея по тѣлу; она отворила дверь, чтобы посмотреть, нѣтъ-ли кого въ корридорѣ. Напротивъ, по срединѣ другой комнаты, Лазарь стоялъ и смотрѣлъ на нее.

— Что случилось? спросилъ онъ;—тебѣ что-нибудь нужно?

Она покраснѣла, хотѣла солгать, но не рѣшилась и воскликнула съ привычною искренностью:

— Нѣтъ, нѣтъ... Только знаешь, мнѣ страшно, когда двери заперты на ключъ. Я не хочу запирается, понимаешь; если я чегонибудь испугаюсь, то постучу и позову тебя... Слышишь? Тебя, а не служанку!

Онъ подошелъ къ ней, невольно поддаваясь обаянію этой нѣжной, искренней натуры.

— Покойной ночи, сказалъ онъ еще разъ, протягивая ей руку.

Она бросилась ему на шею и обвила ее худощавыми рученками, нисколько не смущаясь своею дѣтскою наготою.

— Покойной ночи, кузень.

Пять минутъ спустя она уже храбро задула свѣчку и, закутавшись въ одѣяло, лежала въ своей постели, подъ кисейнымъ пологомъ. Сначала, не смотря на крайнюю усталость, она спала чуткимъ сномъ, въ которомъ дѣйствительность еще перемѣшивалась съ грезами. Она слышала громкіе шаги Вероники, которая поднималась по лѣстницѣ безъ всякой предосторожности и гремѣла въ своей комнатѣ стульями, какъ будто нарочно стараясь разбудить спящихъ. Погомъ уже не слышно было ничего, кромѣ грознаго грома бури; нескончаемый дождь барабанилъ по черепичной крышѣ, вѣтеръ колебалъ оконныя рамы и съ воемъ ломился въ двери; цѣлый часъ еще въ ухахъ ея звучала пушечная пальба, каждый ударъ волны глухою дрожью отдавался во всемъ ея тѣлѣ; ей казалось, что весь домъ, объятый мертвой тишиною, подхваченный волнами, плылъ куда-то, какъ корабль. Теперь ей было тепло, хорошо въ постели, и мысли ея съ глубокимъ состраданіемъ переносились къ бѣднымъ людямъ, которыхъ тамъ, на деревнѣ, море выгоняло теперь на улицу. Затѣмъ все потонуло во мракѣ; она заснула крѣпкимъ сномъ.

II.

Съ первой-же недѣли послѣ пріѣзда Полины въ домѣ стало какъ будто свѣтлѣе и веселѣе. Ея ровный, уживчивый характеръ, ея спокойная улыбка смягчали то вѣчное глухое раздраженіе, въ которомъ жила вся семья. Отецъ нашелъ въ ней искусную сидѣлку, мать была довольна тѣмъ, что сынъ ея больше сидѣлъ дома. Только Вероника продолжала почему-то злоствовать и ворчать. Съ тѣхъ поръ, какъ въ конторкѣ лежали эти полтораста тысячъ франковъ, семья какъ будто стала богаче, хотя къ нимъ, разумѣется, никто не прикасался. Новая связь освѣжила семейную атмосферу и, въ виду грозившаго раззоренія, родилась какая-то смутная надежда.

На слѣдующую ночь, приступъ подагры, которой предчувствовалъ Шанто, наконецъ, разразился. Уже цѣлую недѣлю онъ чувствовалъ покалыванья въ сочлененіяхъ по временамъ,

дрожь пробѣгала по всѣмъ его членамъ, и онъ испытывалъ непреодолимый страхъ передъ всякимъ движеніемъ. Вечеромъ онъ легъ съ надеждою, что на этотъ разъ дѣло ограничится только одними предвѣстниками, но въ три часа ночи началась боль въ большомъ пальцѣ лѣвой ноги. Затѣмъ она перешла въ пятку и, наконецъ, распространилась на лодыжку. До утра онъ тихо стоналъ, обливаясь потомъ подъ своими одѣялами и не желая никого тревожить. Приступы его болѣзни наводили ужасъ на весь домъ; онъ звалъ на помощь уже тогда, когда совсѣмъ становилось не въ терпежъ, стыдясь своего жалкаго, беспомощнаго состоянія и съ отчаяніемъ помышляя о томъ, какую досаду вызываетъ во всѣхъ извѣстіе о его болѣзни. Наконецъ, около восьми часовъ, когда передъ дверью его проходила Вероника, онъ не могъ удержаться отъ крика, помимо воли вырывавшагося подъ вліяніемъ жгучей боли.

— Ну, вотъ, пошла потѣха! проворчала служанка.—Опять заревѣлъ!

Она вошла и, видя, какъ онъ съ жалобнымъ стономъ перекатываетъ голову то въ одну, то въ другую сторону, обратилась къ нему съ слѣдующимъ утѣшительнымъ привѣтствіемъ:

— Ну ужь обрадуется барыня, нечего сказать!

И дѣйствительно, когда барыня, позванная Вероникой, явилась въ свою очередь, она съ видомъ глубочайшаго отчаянія опустила руки.

— Опять! воскликнула она.—Я только что успѣла пріѣхать, а ты опять за свое!

Злоба противъ этой подагры копилась въ ней уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Она ненавидѣла ее, какъ коварнаго врага, который испортилъ ей всю жизнь, обобралъ ее сына, разбилъ всѣ ея честолюбивые планы. Если-бы не подагра,—развѣ они зарылись-бы въ этой забытой деревнѣ? Не смотря на свое доброе сердце, она съ какимъ-то холоднымъ озлобленіемъ смотрѣла на страданія мужа и категорически заявила разъ навсегда, что не умѣетъ за нимъ ходить.

— Боже, какъ я страдаю, лепеталъ несчастный.—Припадокъ будетъ сильнѣе, чѣмъ послѣдній; я это чувствую... Уйди, пожалуйста; вѣдь я знаю, что тебѣ это непріятно; только пошли сейчасъ-же за докторомъ Казновомъ.

Въ домѣ поднялась суматоха. Лазарь отправился въ Арроманшъ, хотя никто въ семьѣ уже не возлагалъ большой надежды на докторовъ. Какихъ только лекарствъ, какихъ средствъ ни требовалъ Шанто за послѣднія пятнадцать лѣтъ, и послѣ каждой новой пробы ему становилось все хуже. Приступы, вначалѣ рѣдкіе и слабые, скоро стали посѣщать его чаще и сдѣлались мучительнѣе; теперь были поражены уже обѣ стопы, и болѣзнь грозила перейти въ колѣно. Три раза уже доктора мѣняли методъ леченія, и разбитый организмъ бѣднаго больного превратился въ какую-то медицинскую лабораторію, въ которой испытывались разные средства, прославленныя рекламой. Сначала изъ него усердно цѣдили кровь, затѣмъ накинута на слабительныя, а теперь его накачивали настоемъ зимовника и другими снадобьями. Въ результатъ получилось страшное малокровіе, истощеніе, одрябленіе всѣхъ тканей, и острая подагра мало по малу стала принимать хроническій характеръ. Мѣстное леченіе тоже не помогало: отъ постоянныхъ пиявокъ все болѣе деревенѣли суставы, отъ опія приступы стали продолжительнѣе; Висбаденъ и Карлсбадъ не принесли никакой пользы; сезонъ въ Виши чуть не умерилъ его.

— Боже, какъ я страдаю! твердилъ Шанто.—Въ ногѣ такая боль, точно ее собаки гложуть.

Подъ вліяніемъ безотчетной, лихорадочной ажитациі, надѣясь облегчить страданія перемежною положеніемъ, онъ поворачивалъ ногу то на одну сторону, то на другую. Но приступъ становился все сильнѣе, больной жалобно стоналъ при каждомъ движеніи и, наконецъ, буквально завывалъ отъ невыносимой боли. Его бросало то въ жаръ, то въ холодъ; онъ изнемогалъ отъ жгучей, неутолимой жажды.

Полина проскользнула въ его комнату и, стоя передъ кроватью, серьезно, безъ слезъ смотрѣла на дядю. У мадамъ Шанто, положительно не выносившей этихъ криковъ, голова пошла кругомъ. Вероника хотѣла поправить одѣяло, которое казалось больному невыносимо тяжелымъ, но когда она приблизилась и протянула къ нему свои грубыя мужскія руки, онъ закричалъ еще пуще и запретилъ ей прикасаться къ нему. Она внушала ему ужасъ; онъ увѣрялъ, что она ворочаетъ его, какъ узелъ съ грязнымъ бѣльемъ.

— Ну, такъ и не зовите въ другой разъ, сказала она, выходя изъ комнаты злая, презлая.— Коли на всѣхъ огрызаетесь, сами и управляйтесь, какъ знаете.

Полина тихо подошла къ кровати и своими дѣтскими пальцами ловко и осторожно приподняла одѣяло. На минуту онъ почувствовалъ облегченіе и съ благодарностью принялъ ея услуги.

— Благодарю, голубушка... Еще немного, вотъ эту складку; она давить, какъ пятьсотъ... О, не такъ быстро! Ты испугала меня.

Боли снова усилились. Тѣмъ временемъ жена его старалась чѣмъ-нибудь заняться въ комнатѣ:— спускала занавѣски, переставила на ночной столикъ какую то чашку. Все это еще больше раздражало больного.

— Прощу тебя, не ходи совсѣмъ, вся комната дрожить,— простоналъ онъ... При каждомъ твоёмъ шагѣ меня точно молоткомъ бьютъ.

Она даже не пыталась извиняться или какъ-нибудь угодить ему. Дѣло всегда кончалось такимъ образомъ. Всѣ его покидали, и онъ оставался наединѣ со своими мученіями.

— Пойдемъ, Полина, сказала она.— Ты видишь, твой дядя не хочетъ, чтобы мы были около него.

Но Полина осталась. Она ходила по комнатѣ такими легкими шагами, что маленькія ножки ея едва касались паркета. Начиная съ этой минуты, она уже не покидала больного; онъ никого другого не выносилъ возлѣ себя. Ему хотѣлось, чтобы къ нему прикасались воздушными пальцами, и Полина, дѣйствительно, хлопотала около него, воздушная, легкая, какъ привидѣніе, такъ что онъ и не слышалъ ея. Съ замѣчательною чуткостью она угадывала его страданія и всегда умѣла облечить ихъ, предупреждала малѣйшее его желаніе, задерживала занавѣски, когда свѣтъ тяготилъ больного, поила его пшеничнымъ отваромъ, которыя Вероника передавала ей въ дверь. Но болѣе всего успокаивало несчастнаго страдальца то, что онъ постоянно видѣлъ ее передъ собою, серьезную, неподвижно сидѣвшую на краю стула и не отрывавшую отъ него своего взгляда, полного состраданія. Онъ старался развлечься, перелавая ей свои ощущенія.

— Видишь-ли, вотъ теперь мнѣ кажется, какъ будто мнѣ

перепиливаютъ суставы тупымъ ножомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я готовъ побожиться, что меня всего обливаютъ теплою водою.

Затѣмъ боли измѣняли свой характеръ: ему зажимали лодыжку въ желѣзные тиски, натягивали мышцы до такой степени, что они, казалось, готовы были лопнуть, какъ скрипичныя струны. Полина слушала съ участіемъ, повидимому, все понимала, нисколько не смущалась, когда онъ принимался громко кричать отъ боли, и думала только объ одномъ, — какъ бы облегчить его муки. По временамъ она даже весело шутила и умѣла разсмѣшить его въ промежутокъ между двумя стопами.

Когда пріѣхалъ, наконецъ, докторъ Казновъ, онъ не могъ не похвалить маленькой сидѣлки и поцѣловалъ ее. Это былъ человѣкъ пятидесяти-четырехъ лѣтъ, сухопарый и крѣпкій; прослуживъ тридцать лѣтъ во флотѣ, онъ поселился въ Арроманшѣ, гдѣ у него былъ домъ, доставшійся ему по наслѣдству отъ дяди. У Шанто онъ считался другомъ дома съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось вылечить мадамъ Шанто отъ серьезнаго ушиба.

— А вы опять за старое? сказалъ онъ. — Я заѣхалъ позвать вамъ руку; что-же касается помощи, то вы сами знаете, что я могу помочь вамъ ровно столько-же, сколько этотъ ребенокъ. Любезнѣйшій, когда человѣкъ унаслѣдовалъ подагру, да если къ тому-же ему перевалило за пятьдесятъ, остается только одно — помириться со своею участью. Не забывайте, кромѣ того, что васъ и такъ черезъ чуръ усердно пичкали всякими снадобьями... Единственныя лекарства противъ вашей болѣзни — терпѣнье и фланель.

Онъ прикидывался великимъ скептикомъ. Впродолженіи своей тридцатилѣтней практики, ему столько разъ приходилось видѣть предсмертную агонію въ самыхъ разнообразныхъ, ужасныхъ формахъ, подъ всякими широтами, что въ концѣ концовъ онъ въ значительной степени утратилъ свою самонадѣянность и чаще всего предоставлялъ леченіе силамъ самой природы. Тѣмъ не менѣе онъ осмотрѣлъ опухшій палецъ, на которомъ блестящая кожа сдѣлалась темнокрасною, затѣмъ перешелъ къ осмотру колѣна, въ которомъ также начали обнаруживаться признаки воспаленія, и, наконецъ, замѣтилъ на

краю праваго уха маленькую опухоль, бѣлую и твердую, какъ жемчужина.

— О, докторъ, стоналъ больной,—неужели-же вы ничѣмъ не облегчите мнѣ страданій?

Лицо Казнова приняло серьезное выраженіе. Эта твердая, какъ камень, жемчужина заинтересовала его, и съ появленіемъ новаго симптома болѣзни, къ нему какъ будто возвращалась и прежняя вѣра.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ онъ;—пожалуй, можно попробовать щелочи и соли... Она положительно принимаетъ хроническій характеръ.

Затѣмъ онъ разсердился.

— Сами во всемъ виноваты; зачѣмъ не держитесь режима, который я вамъ назначилъ... Совсѣмъ не гуляете, всегда кнсите въ своемъ креслѣ; пьете вино, ѣдите мясо, не правдали? Признайтесь, опять съѣли чего-нибудь горячительнаго.

— О, только маленькой кусочекъ страсбургскаго пирога, жалобно покаялся Шанто.

Докторъ поднялъ руки кверху, какъ-бы призывая въ свидѣтели стихіи. Потомъ онъ вынулъ нѣсколько стклянокъ изъ обширныхъ кармановъ своего пальто и занялся приготовленіемъ микстуры. Мѣстнаго леченія онъ не назначалъ никакого, только обложилъ больную ногу ватой и завернулъ ее въ клеенку. Передъ уходомъ онъ обратился къ Полинѣ и повторилъ ей свои предписанія: черезъ каждые два часа по столовой ложкѣ микстуры, пшеничнаго отвара сколько душѣ угодно, а главное—абсолютная діета.

— Да развѣ съ нимъ сговоришь? Навѣрное опять будетъ вѣсть! сказала мадамъ Шанто, провожая доктора.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, ты увидишь, что онъ будетъ благоразуменъ, позволила себѣ замѣтить Полина.—Ужь я его заставляю слушаться.

Казновъ посмотрѣлъ на нее, заинтересованный ея серьезною, степенною миною, и еще разъ поцѣловалъ ее въ щеку.

— Вотъ дѣвочка, которая рождена для другихъ, сказалъ онъ, быстро оцѣнивъ натуру ребенка своимъ привычнымъ къ диагностикѣ взглядомъ.

Восемь дней Шанто ревѣлъ безъ умолку. Болѣзнь обна-

ружилась въ правой ногѣ, когда первый приступъ, казалось уже подходилъ къ концу; и боли разыгрались съ двойною силою. Весь домъ былъ въ ажитаци; Вероника запиралась въ своей кухнѣ, чтобы не слышать крика; мадамъ Шанто, и даже Лазарь, по временамъ убѣгали изъ дома, чтобы дать хоть немного успокоиться своимъ наболѣвшимъ нервамъ. Одна Полина не покидала комнаты, гдѣ ей въ добавокъ приходилось воевать съ капризнымъ больнымъ, который во что-бы то ни стало хотѣлъ съѣсть котлетку, кричалъ, что умираетъ съ голода, что докторъ Казновъ осель, потому что не умѣетъ вылечить такой обыкновенной болѣзни. Особенно сильно мучила его боль по ночамъ. Ей едва удавалось спать часа два, три. Тѣмъ не менѣе, она была всегда бодра, свѣжа и чувствовала себя превосходно. Мадамъ Шанто, избѣгнувъ знакомой ей пытки, и не думала протестовать противъ помощи этого ребенка, которому весь домъ былъ обязанъ спокойствіемъ. Наконецъ, наступило выздоровленіе. Полина снова очутилась на свободѣ, и вскорѣ между нею и Лазаремъ завязались тѣсныя, товарищескія отношенія.

Сначала ее больше всего интересовала большая комната двоюроднаго брата. Прежде тутъ было двѣ комнаты, но онъ велѣлъ разобрать перегородку, и занималъ такимъ образомъ половину третьяго этажа. Въ одномъ изъ угловъ, за старыми, прорванными ширмами, стояла небольшая желѣзная кровать. По стѣнамъ, на деревянныхъ полкахъ, было разставлено около тысячи томовъ, — классическія книги, разрозненныя сочиненія, открытыя въ Канѣ, гдѣ-то на чердакѣ и привезенныя въ Бонвиль. Возлѣ окна старый, громадный нормандскій шкафъ былъ переполненъ всевозможными достопримѣчательностями, остатками минералогической коллекціи, испорченными инструментами, сломанными дѣтскими игрушками. Кромѣ того, тутъ было фортепiano, надъ которымъ висѣли двѣ рапиры и фехтовальная маска; наконецъ, по срединѣ комнаты стоялъ громадный столъ, служившій прежде для черченія, — очень высокій, заваленный бумагами, картинами, банками для табаку, трубками, среди которыхъ трудно-бы было найти даже маленькое свободное мѣстечко, если-бы хозяину комнаты вздумалось писать.

Полина, получившая разрѣшеніе хозяйничать среди этого

хлама, была въ восторгѣ. Цѣлый мѣсяцъ употребила она на изслѣдованіе комнаты, и каждый день ознаменовывался какимъ-нибудь открытіемъ: то она находила среди книгъ Робинзона съ картинками, то вытаскивала изъ-подъ шкафа Полишинеля. Утромъ, едва успѣвъ одѣться, она перебѣгала изъ своей комнаты къ двоюродному брату, располагалась въ ней, послѣ обѣда снова возвращалась туда-же и проводила тамъ цѣлые дни. Лазарь съ перваго-же дня подружился съ ней, какъ съ мальчикомъ, какъ съ младшимъ братомъ. Девятью годами моложе его, она была такая веселая, смѣшная, со своими большими, умными глазами, что онъ совсѣмъ не стѣснялся въ ея присутствіи, курилъ трубку, читалъ, откинувшись на спинку стула и задравъ кверху ноги, писалъ длинные письма, въ которыя вкладывалъ цвѣтки. Но по временамъ продѣлки товарища принимали уже слишкомъ шумный характеръ. Она вдругъ вскакивала на столъ или прыгала сквозь огромную прорѣху, зияющую въ ширмахъ. Однажды утромъ, когда она вдругъ притихла, онъ обернулся и увидѣлъ ее въ маскѣ, съ рапирой въ рукѣ, нападающую на невидимаго противника. А если онъ кричалъ ей, чтобы она перестала шумѣть, если грозился прогнать ее, то дѣло кончалось обыкновенно страшною вознею и бѣготнею, послѣ которой вся комната приходила въ хаотическое состояніе. Она кидалась ему на шею, онъ заставлялъ ее кружиться волчкомъ, такъ что юбки развивались по воздуху, самъ превращался въ маленькаго мальчугана, и оба заливались задушевнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

Потомъ ихъ стало занимать фортепіано. Это былъ старинный Эраръ 1810 года, на которомъ въ былое время Евгенія ля-Виньеръ пятнадцать лѣтъ сряду давала уроки. Въ полинявшемъ, потертомъ ящикѣ изъ краснаго дерева струны издавали какія-то подавленные звуки, будто доносившіеся изда- лека. Лазарь, который не могъ добиться отъ матери новаго инструмента, барабанилъ по старымъ клавишамъ изо всѣхъ силъ, но не могъ извлечь изъ нихъ тѣхъ романтическихъ мелодій, которыя звучали въ его головѣ; а потому, чтобы достигнуть желаемого эффекта, онъ привыкъ усиливать фортепьянные звуки собственнымъ голосомъ. Страсть къ музыкѣ скоро заставила его злоупотреблять терпѣніемъ Полины; обра-

довавшись, что нашель, наконецъ, слушателя, онъ часто выкладывалъ передъ нею весь свой репертуаръ и съ обѣда до вечера разыгрывалъ самыя сложныя вещи, въ особенности еще не признанныя тогда страницы Берліоза и Вагнера. При этомъ онъ, по обыкновенію, аккомпанировалъ себѣ мычаніемъ и въ концѣ концовъ игралъ почти больше горломъ, чѣмъ пальцами. Въ эти дни дѣвочка очень скучала, но всетаки не уходила, а спокойно слушала, боясь огорчить двоюроднаго брата.

Иногда ихъ заставляли сумерки. Лазарь, опьяненный музыкою, принимался вслухъ мечтать. Онъ тоже сдѣлается гениальнымъ музыкантомъ, побѣдитъ сопротивление матери, побѣдитъ весь міръ. Въ кавскомъ лицѣѣ у него былъ учитель скрипачъ, котораго поразили музыкальныя способности мальчика и который предсказывалъ ему славную будущность. Онъ потихоньку бралъ у него уроки композиціи и теперь работалъ одинъ, самостоятельно. Въ головѣ его уже носились смутныя идеи симфоніи на тему «Земной рай»; отрывокъ изъ нея былъ даже написанъ,—изгнаніе изърая Адама и Евы, торжественный, печальный маршъ, который онъ однажды вечеромъ согласился сыграть Полинѣ, и съ тѣхъ поръ уже игралъ каждый день. Дѣвочка одобрила его, нашла, что маршъ очень хорошъ. Затѣмъ она пустилась въ разсужденія.—Конечно, сочинять хорошую музыку, должно быть, очень пріятно; но не благо-разумнѣе-ли бы онъ поступилъ, если-бы послушался родителей, которые хотятъ сдѣлать изъ него префекта или судью? Это вѣчное несогласіе между матерью и сыномъ составляло отчаяніе семьи; Лазарь намѣревался ѣхать въ Парижъ, поступить въ консерваторію, а мать категорически объявила ему, что къ октябрю онъ долженъ выбрать какую-нибудь карьеру, достойную порядочнаго человѣка. Полина поддерживала проектъ тетки, и даже объявила ей своимъ спокойнымъ, убѣжденнымъ тономъ, что беретса урезонить двоюроднаго брата. Обѣщаніе это вызвало всеобщій смѣхъ. Лазарь захопнулъ фортепьяно и обозвалъ ее «грязною буржуазкою».

Въ продолженіе трехъ дней они дулись другъ на друга, а затѣмъ помирились. Лазарь, желая расположить ее въ пользу своихъ плановъ, во что-бы-то ни стало хотѣлъ давать ей уроки музыки, обучилъ ее нотамъ и по цѣлымъ часамъ заставлялъ играть гаммы. Но его бѣсило полнѣйшее отсутствіе вся-

каго увлеченія съ ея стороны. Она только и помышляла о томъ, какъ-бы похохотать, заставляя Минушь гулять по клавишамъ и извлекать изъ нихъ лапками самыя варварскія симфоніи; когда-же она начинала увѣрять, что это именно и есть знаменитое «изгнаніе изъ рая», то даже самъ композиторъ заражался ея смѣхомъ. И тогда опять поднималась возня; она бросалась ему на шею, онъ кружилъ ее на воздухъ, а Минушь, увлекаясь ихъ примѣромъ, принималась прыгать со стола на шкафъ и обратно. Что-же касается Матье, то его не допускали на эти сеансы, такъ какъ онъ выражалъ свою радость слишкомъ ужь шумно.

— Оставь меня въ покоѣ, «гразная буржуазка»! повторилъ однажды Лазарь, выходя изъ терпѣнія.—Пускай мама учитъ тебя музыкѣ, если хочеть.

— Ни къ чему путному не ведетъ твоя музыка, рѣшительно объявила Полина.—На твоемъ мѣстѣ я-бы выбрала медицину.

Онъ съ досадою посмотрѣлъ на нее, задѣтый за живое. Теперь ужь медицину! Откуда у нея являются эти мысли? Казалось, всѣ эти убѣжденія только еще болѣе разжигали его страсть, и онъ предавался ей съ такимъ жаромъ, который, повидимому, долженъ былъ побѣдить всѣ препятствія.

— Послушай, крикнулъ онъ,—если мнѣ помѣшаютъ сдѣлаться музыкантомъ, я застрѣлюсь!

Лѣто окончательно поправило здоровье Шанто, и Полина могла сопровождать Лазаря на его прогулкахъ. Большая комната была забыта, и бѣготня перенеслась подъ открытое небо. Въ теченіи нѣсколькихъ дней они довольствовались террасой, на которой кое-гдѣ росли кусты тамариса, пожелтѣвшіе отъ рѣзкаго морскаго вѣтра; затѣмъ они проникли на дворъ, оборвали цѣпь у кольца, перепугали дюжину тощихъ куръ, питавшихся кузнечиками, прятались въ пустой конюшнѣ, въ пустомъ сараѣ; затѣмъ пробирались въ огородъ, гдѣ въ сухой, неплодной землѣ, въ четырехъ грядкахъ, воздѣланныхъ Вероникой, были посажены овощи и посажены грушевыя деревья, корявыя, искалѣченныя, словно инвалиды, и всѣ погнувшіяся отъ сѣверо-западнаго вѣтра въ одну и ту-же сторону; а отсюда, черезъ маленькую калитку, они выбѣгали на скалистый берегъ, подъ открытое

небо, гдѣ передъ ними разстилось безпредѣльное море. Полина все съ тѣмъ-же страстнымъ любопытствомъ относилась къ этой громадной водной равнинѣ, которая теперь, подъ яркимъ іюльскимъ солнцемъ, казалась такою спокойною, свѣтлою. Въ какой-бы комнатѣ дома она ни была, ея взоръ всегда обращался на море. Но совсѣмъ близко она не подходила еще къ нему ни разу, и теперь, когда она съ Лазаремъ очутилась среди одушевленной тишины морскаго берега, для нея началась новая жизнь.

Какія это были чудныя прогулки! Мадамъ Шанто ворчала и пыталась удержать ихъ дома, несмотря на свою вѣру въ благоразуміе Полины. Въ виду этого, они никогда не проходили черезъ дворъ, гдѣ ихъ могла увидѣть Вероника, а, прокравшись въ огородъ, выбѣгали черезъ калитку и исчезали до вечера. Прогулки вокругъ церкви, на кладбищѣ, подъ тѣнью кипарисовъ, въ огородѣ священника, скоро надоѣли имъ; въ теченіе слѣдующей недѣли они основательно изучили Бонвиль, тридцать домовъ, прилѣпленныхъ къ скалѣ, песчаную, усыпанную мелкимъ булыжникомъ бухту, куда рыбаки вытаскивали свои лодки. Но всего веселѣе было бродить во время отлива подъ скалами, по мелкому песку, гдѣ подъ ногами ихъ бѣгали краббы, перескакивать съ одной скалы на другую среди водорослей, обходя ручьи изъ прозрачной воды, въ которой копошились креветки, ловить рыбу, ѣсть ракушки безъ хлѣба, сырыя; уносить съ собою въ платкѣ всякихъ странныхъ животныхъ, восторгаться неожиданными находками, заблудившеюся камбалою или маленькимъ морскимъ ракомъ, пойманнымъ въ глубинѣ его норы. Когда море снова начинало прибывать, они иногда нарочно запаздывали и играли въ кораблекрушеніе, взобравшись на какой-нибудь рифъ и дожидаясь, пока море не отступитъ снова. Они возвращались въ восторгѣ, вымокшіе съ головы до ногъ, съ непокрытыми головами, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, и скоро дотого привыкли къ вольному, соленому воздуху морскаго берега, что по вечерамъ даже жаловались на духоту, сидя въ комнатѣ, подъ лампою.

А какъ весело было купаться! Берегъ былъ слишкомъ каменистъ, чтобы привлекать публику изъ Кана и изъ Байѣ. Въ то время, какъ въ Арроманшѣ съ каждымъ годомъ выро-

стали новыя дачи, въ Бонвилъ не заглядывалъ ни одинъ купальщикъ. Но имъ удалось открыть на разстояніи километра отъ деревни, по направленію къ Porten Bassin, восхитительный уголокъ, маленькій заливъ, окаймленный скалами, съ мягкимъ дномъ изъ мелкаго золотистаго песка. Они назвали его «Сокровищницей», потому-что дно подь прозрачною, спокойною влагою казалось усыпаннымъ двадцати-франковыми монетами. Здѣсь они были совсѣмъ, какъ дома, и раздѣвались, не испытывая ни малѣйшаго стыда. Онъ, продолжая разговаривать, наполовину ствернувшись, растегивалъ свой купальный костюмъ. Она, придерживая зубами воротъ своей рубашки, минуту спустя появлялась, какъ мальчикъ, въ шерстяныхъ кальсонахъ, плотно обтягивавшихъ ея бедра. Въ недѣлю онъ научилъ ее плавать; во время этихъ уроковъ, она обнаруживала больше уседія, чѣмъ на урокахъ музыки, и такъ храбро барахталась въ морѣ, что нерѣдко глотала морскую воду. Охваченные живительною свѣжестью соленой влаги, они весело смѣялись, когда ихъ подбрасывала и сбивала съ ногъ сильная волна. Они выходили, сверкая частичками соли, и сушили подь вѣтромъ голыя руки, не прерывая своихъ дѣтскихъ игръ и проказъ. Эти купанья были даже веселѣе, чѣмъ рыбная ловля и охота за краббами.

День проходилъ за днемъ, подошелъ уже августъ, а Лазарь все еще не могъ остановиться ни на какомъ рѣшеніи. Въ октябрѣ Полина должна была поступить въ пансіонъ, въ Байѣ. Умаявшись продолжительнымъ купаньемъ, опьяненные морскимъ воздухомъ, они ложились на песокъ и спокойно бесѣдовали. Мало-по-малу, она заставила его заинтересоваться медициною, увѣряя, что еслибы она была мужчиною, то ее больше всего привлекала-бы перспектива облегчать человѣческія страданія. «Земной Рай», какъ нарочно, плохо подвигался въ послѣднее время, и композиторъ начиналъ сомнѣваться въ своемъ геніи. Конечно, и въ медицинѣ можно было поживать лавры; великія имена приходили ему на память, — Гиппократъ, Амбруазъ Паре и многіе другіе. Но въ одинъ прекрасный день имъ снова овладѣли прежніе музыкальные восторги; идея великой композиціи была, наконецъ, найдена; «Рай» викауда не годился, теперь онъ писалъ симфонію «Страданье», которая, въ чудной, божественной гармоніи выражала

жалобу человечества, рыдающаго подь небесами; къ тому-же онъ нашелъ возможность утилизировать свой маршъ «изгнанія», превративъ его въ маршъ «Смерти». Въ продолженіи недѣли энтузіазмъ его возрасталъ съ каждымъ днемъ, и онъ мечталъ объять весь міръ своимъ творческимъ гениемъ. Но прошла еще недѣля, и однажды, вечеромъ, къ немалому удивленію своей подруги, онъ объявилъ, что не прочь отправиться въ Парижъ изучать медицину. Ему пришло въ голову, что такимъ образомъ онъ все-таки будетъ ближе къ консерваторіи; главное—переехать въ Парижъ, а затѣмъ уже можно будетъ обдумать дальнѣйшіе шаги. Мадамъ Шанто была на седьмомъ небѣ. Она, конечно, предпочла-бы посвятить сына административной или юридической карьерѣ, но доктора, по крайней мѣрѣ, почтенные люди и, къ тому-же, зарабатываютъ большія деньги.

— Да ты просто маленькая волшебница, сказала она, цѣлуя Полину.—Ахъ, голубушка, какъ щедро ты вознаграждаешь насъ за то, что мы взяли тебя къ себѣ!

Вопросъ былъ окончательно рѣшенъ. Отъѣздъ Лазаря былъ назначенъ на первое октября. Зато въ сентябрѣ они съ увлеченіемъ наслаждались своими прогулками, желая достойнымъ образомъ закончить періодъ вольной, беззаботной жизни. До поздняго вечера блаженствовали они на песчаномъ берегу своей маленькой бухты.

Однажды, вечеромъ, лежа рядомъ на пескѣ, они смотрѣли, какъ на блѣднѣющемъ небѣ, словно огненные жемчужины, загорались звѣзды. Она любовалась ими съ серьезнымъ спокойствіемъ здороваго ребенка. Онъ, пожираемый лихорадочною тревогою, съ тѣхъ поръ, какъ рѣшился уѣзжать, нервно мигалъ, уставившись въ небо, и въ головѣ его, среди судорожныхъ порывовъ неустойчивой колеблющейся воли, то и дѣло возникали новые проекты.

— Какъ чудно блещутъ звѣзды, сказала она серьезнымъ голосомъ, послѣ долгаго молчанія.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Какая-то безотчетная тоска словно придавила въ немъ прежнее веселье, широко раскрытые глаза подернулись тусклою пленкою. Въ небѣ съ каждою минутою все гуще и гуще сверкали звѣзды, какъ будто чья-

то исполинская рука горстями бросала въ безконечное пространство раскаленные уголья.

— Ты этому еще не училась, прошепталъ онъ, наконецъ. — Каждая звѣзда ничто иное, какъ солнце, около котораго кружатся такія-же планеты, какъ наша земля; ихъ цѣлыя мириады; за тѣми, которыя мы видимъ, въ безпредѣльномъ пространствѣ разсыяны другія, и такъ далѣе, безъ конца, безъ конца...

Онъ умолкъ и, немного погодя, продолжалъ подавленнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась нервная дрожь:

— Я не люблю смотрѣть на нихъ... Мнѣ становится страшно.

Море прибывало съ какимъ-то жалобнымъ гуломъ, напоминавшимъ отчаянный вопль далекой толпы, оплакивающей свою горькую долю. На потемнѣвшемъ фонѣ безконечнаго горизонта пылала летучая пыль мировъ. И дѣвочѣ вдругъ показалось, будто сквозя этотъ плачъ земли, томящейся подъ гнетомъ безчисленныхъ звѣздъ, возлѣ нея раздаются рыданія.

— Что съ тобою? Ты нездоровъ?

Онъ не отвѣчалъ и продолжалъ рыдать, закрывъ лицо руками, будто отгоняя отъ себя ужасное зрѣлище. Потомъ, успокоившись немного, онъ прошепталъ:

— Я умру, умру!

Эта сцена произвела сильное впечатлѣніе на удивленную Полину и надолго сохранилась въ ея памяти. Лазарь съ трудомъ поднялся и, среди сумрака наступившей ночи, они молча направились къ Бонвилю, между тѣмъ, какъ волны прилива уже катились имъ подъ ноги. Онъ шелъ впереди, и ей казалось, будто онъ вдругъ сталъ меньше ростомъ, сгорбившись подъ дувшимъ съ запада вѣтромъ.

Въ этотъ вечеръ ихъ ожидала новая гостя, которая сидѣла въ столовой и болтала съ Шанто. Впродолженіи всей послѣдней недѣли они ждали Луизу, одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, проводившую каждый годъ двѣ недѣли въ Бонвилѣ. Два раза уже ходили встрѣчать ее въ Арроманшъ, а сегодня, вечеромъ, когда никто и не думалъ о ней, она вдругъ явилась. Мать Луизы умерла на рукахъ мадамъ Шанто, поручивъ ей свою дочь. Отецъ, нѣкій Тибодье, имѣвшій въ Канѣ банкирскую контору, женился шесть мѣсяцевъ спустя, и отъ

этого новаго брака у него родилось уже трое дѣтей. Поглощенный заботами о новой семьѣ, вѣчно думая только о своихъ цифрахъ, онъ помѣстилъ дочь въ пансіонъ, а во время вакацій, если могъ, охотно посылалъ ее къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Большею частью онъ даже не давалъ себѣ труда проводить ее, и на этотъ разъ дѣвочка, которую тщетно ожидали цѣлую недѣлю, тоже пріѣхала въ сопровожденіи слуги. У барина было столько хлопотъ! Провожатый тотчасъ уѣхалъ обратно, сказавъ, что баринъ, если будетъ возможно, самъ пріѣдетъ за барышней.

— Иди-же, Лазарь! кричалъ Шанто.— Она пріѣхала!

Луиза, улыбаясь, поцѣловала молодаго человѣка въ обѣ щеки. А между тѣмъ они мало знали другъ друга, такъ какъ она безвыходно жила въ своемъ пансіонѣ, а онъ только годъ тому назадъ вышелъ изъ лица. Дружба между ними завязалась съ послѣднихъ вакацій; да и то онъ обращался съ нею довольно церемонно, уже чувствуя въ ней кокетку, пренебрегавшую шумными дѣтскими играми.

— А ты что-же не цѣлуешь ее, Полина? сказала мадамъ Шанто, входя въ столовую.— Она на полтора года старше тебя... Любите другъ друга; вы меня этимъ очень порадуете.

Полина внимательно разглядывала Луизу. Это была худенькая дѣвочка съ неправильными чертами лица, но очень миловидная, съ роскошными бѣлокурыми волосами, заплетенными и завитыми, какъ у дамы. Она поблѣднѣла, увидѣвъ другую въ объятіяхъ Лазаря, а когда гостя весело поцѣловала ее, она возвратила ей поцѣлуй дрожащими губами.

— Что съ тобой? спросила ее тетка.— Ты озябла?

— Да, немного, вѣтеръ такой холодный, сказала она, покраснѣвъ до ушей отъ этой лжи.

За столомъ она ничего не ѣла. Глаза ея пытливо слѣдили за всѣмъ, что около нея происходило, и принимали суровое выраженіе, лишь только ея двоюродный братъ, дядя, или даже Вероника оказывали какое-нибудь вниманіе Луизѣ. Но больше всего ее огорчилъ Матье, который за десертомъ, обойдя, по обыкновенію, всѣхъ присутствующихъ, остановился возлѣ вновь прибывшей и положилъ ей на колѣни свою массивную голову. Напрасно она звала его; онъ не отходилъ отъ ея соперницы, которая кормила его сахаромъ.

Когда встали изъ-за стола, Полина вдругъ куда-то исчезла. Вероника, убиравшая посуду, вернулась изъ кухни и съ торжествующимъ видомъ сказала:

— Ну ужь, сударыня, хороша ваша Полина, нечего сказать! Пойдите-ка, полюбуйтеся.

Всѣ вышли на дворъ. Спрятавшись за сарай, дѣвочка притиснула къ стѣнѣ Матье и, въ припадкѣ безумнаго, дикаго изступленья, что было силы, колотила его по головѣ своими кулаченками. Собака, ошеломленная внезапнымъ нападеніемъ, не думала защищаться и стояла, понуривъ голову. Бросились дѣвочку уговаривать; но она не слушала и продолжала наносить удары; въ заключеніе ее пришлось унести и уложить въ постель, до такой степени больную, что тетка должна была просидѣть около нея часть ночи.

— Хороша, куда какъ хороша! повторяла Вероника, которая была въ восторгѣ, что нашла, наконецъ, недостатокъ въ этой жемчужинѣ.

— Теперь я вспоминаю, что въ Парижѣ мнѣ говорили про эти приступы гнѣва, сказала мадамъ Шанто.— Она ревнива; это прескверная черта... За шесть мѣсяцевъ, которые она провела у насъ, я уже не разъ имѣла случай подмѣтить кое-какіе мелкіе признаки, но ничего подобнаго, признаться, не ожидала... Истязать бѣдное животное,—это уже слишкомъ.

На другой день, встрѣтивъ Матье, Полина обвинила его шею своими дрожащими руками и, цѣлуя его въ морду, залилась такими горькими слезами, что всѣ боялись возвращенія припадка. Но, несмотря на минутное раскаянье, она не исправилась. Въ груди у нея точно что-то кипѣло, и вся кровь ея прилиwała къ головѣ. Казалось, эти припадки дикой ревности перешли прямо къ ней отъ какого-нибудь предка, не возмутивъ спокойнаго, равнаго характера ея матери и отца, на котораго она была удивительно похожа. Обладая, не смотря на свои десять лѣтъ, значительнымъ запасомъ благоразумія, она сама объясняла, что всѣми силами старается бороться противъ одолевашающаго ее гнѣва, но не въ силахъ удержаться. Успокоившись и прійдя въ себя, она каждый разъ грустила и стыдилась своей болѣзненной раздражительности.

— Я васъ такъ люблю; зачѣмъ-же вы любите другихъ?

отвѣчала она. прильнувъ лицомъ къ плечу тетки, которая старалась ее урезонить.

Несмотря на всѣ усилія превозмочь себя, Полина дѣйствительно страдала отъ присутствія Луизы. Сначала, когда ей объявляли объ ожидаемомъ приѣздѣ новой подруги, она ждала ее съ тревожнымъ любопытствомъ, а теперь съ нетерпѣніемъ считала дни и страстно желала, чтобы она поскорѣе уѣхала. Впрочемъ, сама Луиза, всегда изящно одѣтая, похожая на взрослую, опытную барышню, услужливая и ласковая, какъ ребенокъ, котораго рѣдко ласкали дома, даже привлекала ее; но когда съ ними былъ Лазарь, то именно это чарующее пробужденіе преждевременной, еще непонятной для нея, женственности смущало и раздражало Полину. А между тѣмъ Лазарь оказывалъ ей явное предпочтеніе, подшучивалъ надъ Луизой, говорилъ, что она надѣлаетъ ему своими важными манерами, грозился, что они предоставятъ ей наединѣ разыгрывать изъ себя даму, уѣдутъ и будутъ на свободѣ предаваться своимъ играмъ. Но прежнія шумныя игры прекратились; теперь они сидѣли въ комнатѣ и занимались разсматриваніемъ картинокъ, или чинно гуляли по берегу. Вообще, послѣднія двѣ недѣли были окончательно испорчены.

Однажды утромъ Лазарь объявилъ, что намѣренъ уѣхать пятью днями раньше назначеннаго срока. Онъ хотѣлъ поскорѣе устроиться въ Парижѣ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ однимъ изъ своихъ товарищей по лицу. Полина, которую въ теченіе всего послѣдняго мѣсяца перспектива его отъѣзда приводила въ отчаянье, противъ всякаго ожиданія, отнеслась съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ новому рѣшенію двоюроднаго брата, вдругъ повеселѣла и стала помогать теткѣ укладывать его чемоданъ. Потомъ, когда дядя Маливуаръ увезъ Лазаря въ своемъ старомъ «берлинѣ», она уѣжала въ свою комнату, заперлась и долго плакала. Вечеромъ она была очень мила съ Луизой, и втеченіе всей слѣдующей недѣли, которую послѣдняя провела еще въ Бонвилѣ, возстановившаяся гармонія не нарушалась. А когда, наконецъ, за Луизой приѣхалъ слуга ея отца, объявившій, что барину невозможно было покинуть своихъ дѣлъ, двѣ маленькія подруги нѣжно обнялись и торжественно поклялись любить другъ друга вѣчно.

Прошелъ годъ. Мадамъ Шанто отказалась отъ своего пер-

воначальнаго плана и, вмѣсто того, чтобы отослать Полину въ пансіонъ, оставила ее дома, главнымъ образомъ въ угоду мужу, для котораго общество племянницы сдѣлалось положительно необходимымъ. Впрочемъ, она не сознавалась даже предъ собою въ этомъ эгоистическомъ побужденіи, говорила, что сама займется ея образованіемъ, и дѣйствительно, какъ будто даже помолодѣла, мечтая снова посвятить себя педагогической дѣятельности. Въ пансіонахъ дѣвочки всегда наслушаются всякихъ глупостей; а она хотѣла повести воспитаніе племянницы такъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ отвѣчать за ея невинность. Въ бібліотекѣ Лазаря открыли грамматику, арифметику, руководство исторіи, даже міеологію, и мадамъ Шанто снова превратилась въ рьяную учительницу, давая въ день по одному уроку, въ теченіе котораго занимались диктовкою, задачами, декламацией стиховъ. Полина должна была опять приняться за фортепьяно, не говоря уже про уроки приличія, принципы котораго мадамъ Шанто преподавались съ особенною строгостью, имѣя въ виду исправить ея мальчишескія манеры. Впрочемъ, ученица была послушна, понятлива и училась охотно даже тогда, когда предметъ казался ей неинтереснымъ. Одна только книга наводила на нее непреодолимую скуку, — это катихизисъ. Она никакъ не могла понять, съ какою стати тетка каждое воскресенье водить ее къ обѣднѣ. Какая ей отъ этого польза? Въ Парижѣ ее никогда не водили въ церковь Св. Евстахія, хотя отъ ихъ дома до церкви было всего нѣсколько шаговъ. Отвлеченныя идеи съ трудомъ усвоивались ея мозгомъ, и теткѣ пришлось долго объяснять ей, что благовоспитанная барышня въ деревнѣ обязана подавать благой примѣръ, оказывая вниманіе священнику. Мадамъ Шанто и сама исповѣдовала только ту религію приличія, которая въ дѣлѣ хорошаго воспитанія играла такую-же роль, какъ приличныя манеры и умѣнье держать себя въ обществѣ.

А море, между тѣмъ, въ своемъ вѣчномъ движеніи, по прежнему два раза въ день подкатывало къ Бонвиллю свои тяжелыя волны, и Полина росла, непрерывно созерцая его широкій горизонтъ. Играть ей ужъ не приходилось, такъ какъ не было товарища. Набѣгавшись вокругъ террасы съ Матье, или прогулявшись по огороду съ кошкою на плечѣ, она поневолѣ возвращалась къ своему единственному, любимому от-

дыху и смотрѣла на море, вѣчно живое, темно-синее въ сѣрые декабрьскіе дни, свѣтлое, съ нѣжно-зелеными переливами, подъ первыми лучами майскаго солнца. Этотъ годъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ удачнымъ. Счастье, которое она, повидимому, принесла съ собою въ домъ, выразилось, кромѣ того, присылкою пяти тысячъ франковъ, которые Давуанъ согласился, наконецъ, выплатить послѣ того, какъ они пригрозили ему разрывомъ. Каждые три мѣсяца, въ опредѣленный день, мадамъ Шанто отправлялась въ Канъ, чтобы получить ренту Полины, вычитала изъ полученной суммы дорожные расходы и назначенную семейнымъ совѣтомъ плату за содержаніе дѣвочки, а на остальные деньги покупала новыя процентныя бумаги. Вернувшись домой, она звала племянницу въ свою комнату, выдвигала завѣтный ящикъ и каждый разъ говорила:

— Вотъ видишь, я ихъ кладу вмѣстѣ съ остальными... Понемножку да потихоньку, пакетъ-то становится все толще. Не бойся, все будетъ въ сохранности,—все, до единого сантима.

Въ августѣ, въ одно прекрасное утро, какъ снѣгъ на голову, явился Лазарь съ счастливымъ извѣстіемъ объ успѣшномъ окончаніи годичнаго экзамена. Онъ долженъ былъ пріѣхать недѣлю поздиѣ, но поспѣшилъ, чтобы доставить неожиданное удовольствіе матери. Появленіе его вызвало всеобщую радость. Судя по письмамъ, которыя получались отъ него въ двѣ недѣли разъ, онъ пристрастился къ медицинѣ; и теперь, когда онъ пріѣхалъ, дѣйствительно, по всему было замѣтно, что въ немъ произошелъ радикальный переворотъ: онъ уже не говорилъ о музыкѣ, надѣдалъ безконечными разсказами про своихъ профессоровъ и научными разглагольствованіями на всевозможныя темы,—по поводу подававшихся за столомъ блюдъ, по поводу вѣтра... Имъ, видимо, овладѣла новая лихорадка; онъ страстно, всецѣло отдался идеѣ сдѣлаться гениальнымъ медикомъ, появленіе котораго вызоветъ всемірный переворотъ.

Полина, которая въ первую минуту кинулась ему на шею съ наивною искренностью ребенка, еще не привыкшаго скрывать свои нѣжныя чувства, больше всѣхъ удивилась произшедшей въ немъ перемѣнѣ. Теперь ей-бы даже было пріятно, если-бы онъ говорилъ о музыкѣ, хоть немного, ради отдыха. Развѣ можетъ человѣкъ совершенно разлюбить то, что еще

такъ недавно страстно любилъ? Когда она спросила его про симфонію, онъ засмѣялся и сказалъ, что давно бросилъ всѣ эти глупости; а ей послѣ этого стало еще грустнѣе. Потому она замѣтила, что онъ уже относится къ ней не съ прежнею искренностью, порою смѣется какимъ-то страннымъ, неприятнымъ смѣхомъ; во взглядахъ его, въ жестахъ отражались десять мѣсяцевъ парижской жизни, о которой нельзя было рассказывать маленькимъ дѣвочкамъ; онъ собственноручно разложилъ свой чемоданъ, чтобы спрятать привезенныя книги, — романы, научныя сочиненія, наполненныя гравюрами. Онъ уже не заставлялъ ее кружиться на воздухѣ и нерѣдко казался смущеннымъ, когда она во что-бы то ни стало хотѣла войти къ нему и по прежнему проводить въ его комнатѣ цѣлые дни. А между тѣмъ она такъ мало выросла и смотрѣла на него все тѣмъ-же чистымъ, дѣтски-невиннымъ взглядомъ. Недѣлю спустя, между ними снова завязалась прежняя мальчишеская дружба. Подъ рѣзкимъ морскимъ вѣтромъ выдохся запахъ латинскаго квартала; въ обществѣ этого здороваго, веселаго ребенка онъ и самъ опять превратился въ ребенка. И начались опять старыя забавы, старыя проказы, — игры вокругъ большаго стола, бѣготня по огороду въ сопровожденіи Матѣе и Минушъ, экспедиція къ заливу «Сокровище», и цѣломудренныя веселыя купанья подѣ палачими лучами солнца, когда вѣтеръ трепалъ ихъ взмокшія рубашки и хлопалъ ими, словно знаменами. Къ тому-же въ этомъ году Луиза, приѣзжавшая въ Бенвилъ весною, проводила вакаціи около Руана, у другаго знакомаго семейства. Такъ прошло два счастливыхъ мѣсяца, и дружба ихъ не нарушилась ни единою ссорой.

Въ октябрѣ, въ тотъ день, когда Лазарь принялся за укладку чемодана, Полина смотрѣла, какъ онъ перебиралъ привезенныя книги, которыя простояли все время въ запертомъ шкафу, такъ какъ ему и въ голову не приходило притронуться хоть къ одной изъ нихъ.

— Такъ ты ихъ увозишь? спросила она огорченнымъ тономъ.

— Разумѣется, отвѣтилъ онъ; — онѣ мнѣ необходимы для занятій... Ну, ужъ примусь-же я за работу! Всю премудрость превзойду!

Въ маленькомъ домѣ, въ Бенвилѣ, снова воцарилась мертвая тишина, снова потянулась сѣрая, повседневная жизнь,

съ ея старыми, неизмѣнными привычками, однообразная, какъ вѣчный ритмъ океана. Впрочемъ, этотъ годъ въ жизни Полины ознаменовался важнымъ событіемъ. Она въ первый разъ приобщилась въ іюнѣ мѣсяцѣ, на тринадцатомъ году. Мало по малу религія овладѣла ею; но это была религія серьезная, стоявшая несравненно выше отвѣтовъ катехизиса, который она всегда повторяла, не понимая ихъ значенія. Въ умной, разсудительной головѣ ея сложилось понятіе о Богѣ, какъ о могущественномъ, мудромъ правителѣ, который такъ ужь устроилъ, чтобы на землѣ все шло по справедливости; и этого упрощеннаго представленія было вполне достаточно, чтобы удовлетворить аббата Гортѣра. Сынъ простаго крестьянина, человѣкъ довольно ограниченный, сѣумѣвшій усвоить только мертвую букву религіи, онъ скоро привыкъ довольствоваться простымъ соблюденіемъ внѣшнихъ обрядовъ и умѣренною, благопристойною набожностью. О спасеніи своей собственной души онъ заботился довольно усердно; что-же касалось прихожанъ, то вольно-же имъ было обречь себя на мученія ада. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ тщетно пытался устрашить ихъ и теперь требовалъ только одного,—чтобы ради приличія церковь посѣщали хоть въ большіе праздники. И въ эти дни, по старой привычкѣ, являлся весь Бонвиль, несмотря на то, что все населеніе его давно погрязло въ тинѣ грѣховной. Такое равнодушіе къ духовнымъ интересамъ ближнихъ имѣло даже видъ широкой вѣротерпимости. Каждую субботу онъ ходилъ играть въ шашки съ Шанто, несмотря на то, что мѣръ, подъ предлогомъ подагры, никогда не показывался въ церкви. Зато, Впрочемъ, мадамъ Шанто, съ своей стороны, исполняла всѣ требованія религіознаго приличія, не пропускала ни одной обѣдни и водила въ церковь Полину. Мало по малу, священникъ приобрѣлъ расположеніе дѣвочки своею необыкновенною простотою. Въ Парижѣ на ея глазахъ презирали священниковъ, какъ лицемѣровъ, скрывающихъ подъ своими черными рясами всевозможныя преступленія. Но здѣсь, на берегу моря, этотъ служитель алтаря, въ грубыхъ, мужицкихъ башмакахъ, съ загорѣвшею шею, напоминавшій и манерами, и говоромъ бѣднаго фермера, казался ей добрымъ, честнымъ человѣкомъ. Больше всего ее расположило въ его пользу слѣдующее ничтожное обстоятельство: аббатъ Гортѣръ

страстно любилъ курить свою толстую пѣнковую трубку, но въ глубинѣ души упрекалъ себя за эту слабость, и курить не иначе, какъ уединившись у себя на огородѣ и созерцая тамъ свой салатъ. Эта-то трубка, которую онъ обыкновенно пряталъ въ величайшемъ смущеніи, если ктонибудь заставлялъ его за грѣховнымъ занятіемъ, больше всего и тронула дѣвочку, хотя она и сама не понимала—почему. Она пріобщилась вмѣстѣ съ двумя другими дѣвочками и однимъ мальчуганомъ изъ деревни, причемъ держала себя все время очень серьезно. Вечеромъ священникъ, обѣдавшій въ этотъ день у Шанто, объявилъ, что въ Бонвилѣ у него не было еще ни одной причастницы, которая бы такъ достойно вела себя во время причастія.

Денежныя дѣла въ этотъ годъ шли хуже. Надежды Давуана, ожидавшаго повышенія цѣнъ на еловый лѣсъ, не оправдались; изъ Кана приходили дурныя вѣсти; увѣряли, что онъ будетъ вынужденъ продать свои запасы въ убытокъ, и что ему грозитъ неминуемое раззореніе. Пришлось сократить расходы до послѣдней возможности и соблюдать величайшую экономію даже относительно пищи; годовой ренты въ три тысячи франковъ едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей. Кромѣ того, у мадамъ Шанто было еще другое горе: Лазарь писалъ матери письма, которыя она никому не показывала. Онъ, повидимому, велъ беспорядочную жизнь и безпрестанно осаждалъ ее просьбами о присылкѣ денегъ. Въ іюлѣ, отправившись въ Канъ за рентою Полины, она опять заѣхала къ Давуану и сдѣлала ему сцену; выплаченные имъ въ этомъ году двѣ тысячи франковъ уже давно были забраны сыномъ; теперь ей удалось отвоевать еще одну тысячу, которая тотчасъ-же была отправлена въ Парижъ. Лазарь писалъ ей, что не въ состояніи будетъ пріѣхать, если не уплатить своихъ долговъ.

Его ждали въ теченіе цѣлой недѣли. Каждое утро приходило письмо, въ которомъ пріѣздъ его откладывался на слѣдующій день. Наконецъ, мадамъ Шанто и Полина отправились къ нему на встрѣчу до Вершмона. Расцѣловавшись на дорогѣ, всѣ вернулись домой пѣшкомъ въ сопровожденіи пустаго экипажа съ чемоданомъ. Но на этотъ разъ свиданіе вышло далеко уже не такое веселое, какъ прошлогодняя торжественная встрѣча. Онъ провалился на іюльскомъ экзаменѣ, былъ

озлобленъ противъ профессоровъ и въ теченіе цѣлаго вечера ругалъ этихъ болвановъ, которые успѣли надоѣсть ему хуже горькой рѣдьки. На другой день, въ присутствіи Полины, онъ швырнулъ свои книги на одну изъ полокъ шкафа, объявивъ, что не намѣренъ заниматься этою дрянью. Это внезапное отращеніе изумляло ее. Онъ желчно издѣвался надъ медициной, утверждалъ, что она не въ состояніи вылечить даже насморка, а однажды, когда Полина, въ порывѣ дѣтской вѣры, стала защищать науку, едва не довелъ ее до слезъ, насмѣхаясь надъ ея невѣжественнымъ энтузіазмомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ мирился съ мыслью сдѣлаться врачомъ; не все-ли равно, какою ерундою заниматься,—этою или другою; въ сущности, все одинаково скучно. Эти новыя, привезенныя изъ Парижа идеи возмущали Полину. Откуда онъ набрался ихъ? Навѣрное изъ дурныхъ книгъ. Но спорить съ нимъ она уже не рѣшалась, смущенная своимъ полнымъ невѣжествомъ и насмѣшками двоюроднаго брата, который прикидывался, что не можетъ ей всего объяснить. Такимъ образомъ, вся ваканція прошла въ постоянныхъ перекорахъ. Во время прогулокъ онъ теперь, повидимому, скучалъ, находилъ море глупымъ, однообразнымъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему сочинять отъ нечего дѣлать стихи и воспѣвать тоже море въ тщательно обработанныхъ сонетахъ съ богатыми рифмами. Купаться онъ не пожелалъ, находя, что темпераментъ его не выносить холодныхъ купаній. Дѣло въ томъ, что, несмотря на отрицаніе медицины, онъ высказывалъ самыя абсолютныя сужденія и безапелляціонными сентенціями воскрешалъ или приговаривалъ людей. Въ половинѣ сентября, когда должна была пріѣхать Луиза, онъ вдругъ заговорилъ о необходимости возвращенія въ Парижъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно готовиться къ экзамену. Эти двѣ дѣвчонки надоѣдаютъ до смерти; лучше-же онъ мѣсяцемъ раньше вернется къ жизни латинскаго квартала. Чѣмъ больше онъ огорчалъ Полину, тѣмъ болѣе она старалась быть кроткою по отношенію къ нему. Когда онъ позволялъ себѣ какую-нибудь грубую выходку, или съ видимымъ злорадствомъ принимался бѣсить ее, она смотрѣла на него тѣмъ нѣжнымъ, улыбающимся взглядомъ, которымъ привыкла успокаивать Шанто во время припадковъ подагры. Она была твердо увѣ-

рена, что ея двоюродный братъ боленъ. Онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ старикъ.

Наканунѣ отъѣзда Лазарь обнаруживалъ такую радость въ виду предстоящей разлуки, что Полина, наконецъ, не выдержала и разрыдалась.

— Ты разлюбилъ меня!

— Ахъ, какая ты глупая! Вѣдь нужно-же мнѣ, наконецъ, выйти въ люди!.. Большая дѣвочка, и вдругъ вздумала хныкать!

Но она уже успокоилась и опять улыбалась.

— Занимайся поусерднѣе въ этомъ году, чтобы вернуться довольнымъ.

— Ну вотъ еще, очень нужно надрываться работой! Ихъ экзамены такіе пустяки! Если я не выдержалъ послѣдняго, то вѣдь только потому, что не далъ себѣ труда захотѣть... Теперь я возьмусь за дѣло, какъ слѣдуетъ, если ужъ недостатокъ средствъ не позволяетъ мнѣ жить сложа руки; хотя, въ сущности, ничего умнѣ такой жизни не придумаешь.

Съ первыхъ чиселъ октября, когда Луиза возвратилась въ Кань, Полина снова принялась за свои уроки съ теткой. Курсъ третьяго года заключалъ въ себѣ «очищенную» исторію Франціи и миеологию, приспособленную для дѣвицъ, которыя послѣ этого высшаго курса приобрѣтали возможность понимать значеніе картинъ въ музеяхъ. Но дѣвочка, отличавшаяся въ прошломъ году такимъ прилежаніемъ, теперь какъ будто занималась уже съ меньшею охотою; ей случалось засыпать во время приготовленія уроковъ; по временамъ ее вдругъ бросало въ жаръ. Однажды, послѣ припадка необузданнаго гнѣва противъ Вероники, которая, какъ она увѣряла, ея не любитъ, она два дня пролежала въ постели. Во всемъ существѣ ея наступала какая-то метаморфоза, которая смущала ее; тѣло ея медленно развивалось, на груди зарождались округлости, упругія и болѣзненные, легкій темный пушокъ появился на кожѣ. Вечеромъ, окинувъ свое тѣло бѣглымъ взглядомъ, она чувствовала какую-то неловкость, непонятное ей самой смущеніе, заставлявшее ее поскорѣе тушить свѣчу. Голосъ ея становился рѣзкимъ; всѣ эти перемѣны совсѣмъ не нравились ей; она проводила цѣлыя дни въ какомъ-то нервномъ ожиданіи, волнуемая неопредѣленными надеждами, не рѣшаясь ни съ кѣмъ говорить объ этихъ вещахъ.

Наконецъ, около Рождества, состояніе Полины начало беспокоить мадамъ Шанто. Она жаловалась на сильную боль въ поясницѣ, на постоянную усталость; по временамъ наступало лихорадочное состояніе. Когда докторъ Казновъ, съ которымъ у нея завязались самыя дружескія отношенія, поразспросилъ ее, онъ отозвалъ тетку въ сторону и посовѣтовалъ ей предупредить свою племянницу. Все ея состояніе объяснялось приближеніемъ зрѣлости, и онъ говорилъ, что не разъ видѣлъ дѣвушекъ, которыя серьезно заболѣвали отъ ужаса. Тетка сначала не соглашалась съ нимъ, находила такую предусмотрительность преувеличенною. Ей было непріятно пускаться въ подобныя откровенности; она придерживалась въ дѣлѣ воспитанія системы полного невѣдѣнія и считала болѣе удобнымъ избѣгать щекотливыхъ объясненій, если возможно было обойти ихъ. Наконецъ, уступая убѣжденіямъ доктора, она обѣщала поговорить съ Полиной, но не сдѣлала этого въ тотъ же вечеръ, а потомъ все откладывала со дня на день. Дѣвочка, вообще, не отличалась трусостью, да и мало-ли было на свѣтѣ другихъ, которыхъ тоже никто не предупреждалъ; когда наступитъ критическій моментъ, она всегда успѣетъ просто объяснить ей, что это въ порядкѣ вещей, не рискуя заранѣе вызвать съ ея стороны неудобныхъ вопросовъ, на которые нельзя будетъ отвѣтить благопристойными объясненіями.

Однажды утромъ, выходя изъ своей комнаты, мадамъ Шанто услышала крикъ въ комнатѣ Полины и побѣжала къ ней, не на шутку испугавшись. Дѣвушка сидѣла посерединѣ кровати, откинувъ одѣяло, и громко звала тетку, блѣдная отъ ужаса, утративъ вдругъ всю свою обычную храбрость.

— О, тетя, тетя!

Мадамъ Шанто съ перваго взгляда поняла, въ чемъ дѣло.

— Ничего, ничего, моя милая. Успокойся.

Въ началѣ слѣдующей недѣли Полина снова принялась за свои занятія и, повидимому, особенно пристрастилась къ миеологіи. Она безвыходно сидѣла въ большой комнатѣ, въ которой всегда приготовляла уроки; ее нужно было звать и къ обѣду, и къ ужину, и каждый разъ она являлась разсѣянная, задумчивая. Но на верху миеологія валялась на столѣ не раскрытая; Полина просиживала цѣлые дни надъ медицинскими книгами, сжимая голову похолодѣвшими руками, широко рас-

крывъ глаза отъ крайняго напряженія вниманія, отъ желанія понять во что бы то ни стало. Въ періодъ увлеченія медицинною, Лазарь накупилъ себѣ книгъ, которыя пока были для него совершенно бесполезны: «Физиологію Ланге», «Описательную анатомію Крювелье», — и эти-то книги онъ именно и оставилъ въ Бонвилѣ, увезя съ собою только тѣ, которыя были ему необходимы для теперешнихъ его занятій. Она вынимала ихъ изъ шкафа, лишь только тетка выходила изъ комнаты, а при малѣйшемъ шумѣ ставила на мѣсто, не спѣша, не какъ дѣвчонка, побуждаемая празднымъ, заслуживающимъ порицанія любопытствомъ, а какъ любознательная ученица, которая, вопреки волѣ родителей, слѣдуетъ своему призванію. Въ началѣ она плохо понимала, благодаря обилію техническихъ выраженій, значеніе которыхъ приходилось отыскивать въ словарѣ. Затѣмъ, убѣдившись въ необходимости придерживаться въ чтеніи опредѣленнаго метода, она съ жаромъ принялась за «Описательную анатомію», съ тѣмъ, чтобы потомъ перейти къ «Физиологіи». Такимъ образомъ, четырнадцатилѣтній ребенокъ выучилъ, какъ заданный урокъ, все то, что обыкновенно скрываютъ отъ дѣвушки. Она перелистывала анатомическій атласъ и рассматривала красивыя, раскрашенныя гравюры его, полныя животрепещущей реальности. Постепенное открытіе этого человѣческаго механизма удивляло и восхищало ее. Она читала съ увлеченіемъ; никогда, въ былое время, ни волшебныя сказки, ни Робинзонъ не расширяли до такой степени ея умственнаго кругозора. Затѣмъ «физиологія» послужила какъ-бы комментариемъ къ анатомическому атласу, и теперь для нея все стало ясно. Она отыскала даже «Руководство патологіи и клинической медицины» и проникла въ тайны самыхъ ужасныхъ болѣзней, познакомилась съ леченіемъ всѣхъ видовъ разложенія человѣческаго организма. Много здѣсь было для нея непонятнаго, и отъ этого послѣдняго чтенія въ головѣ ея осталось только представленіе о томъ, чему ей нужно будетъ научиться, чтобы облегчить человѣческія страданія. Сердце ея надрывалось отъ жалости и она стала дѣлать свою прежнюю мечту— всему научиться, чтобы все исцѣлять.

Теперь Полина понимала, почему волна жизни, прихлынувъ, брызнула изъ нея, какъ сокъ изъ зрѣлой кисти винограда. Разгадавъ эту тайну, она стала серьезнѣе, спокойнѣе

и, казалось, слушала, какъ въ ней растутъ и прибываютъ жизненныя силы. Она не могла понять упорнаго молчанія тетки и была на нее въ претензіи за то абсолютное невѣдѣніе, въ которомъ она ее держала. Отчего было не избавить ее отъ внезапнаго испуга? Это было несправедливо. Въ познаніи нѣтъ никакого грѣха.

Въ слѣдующіе два мѣсяца ничего не было. Однажды мадамъ Шанто сказала ей:

— Если опять случится то-же, что случилось въ декабрѣ, — помнишь?—ты не пугайся... Это было-бы даже полезно.

— Да, я знаю, спокойно отвѣтила дѣвушка.

Тетка съ испугомъ посмотрѣла на нее.

— Что-же ты знаешь?

Полина покраснѣла и не рѣшилась солгать, чтобы скрыть свою тайну. Ложь была для нея невыносима, она предпочла во всемъ признаться. Когда мадамъ Шанто раскрыла книги и увидѣла гравюры, она окаменѣла отъ ужаса. И изъ-за чего она старалась во время уроковъ придать невинный характеръ любовнымъ похождениямъ Юпитера? Какъ это Лазарь не подумалъ запереть на ключъ такія ужасныя книги? Потому она начала спрашивать виновную съ всевозможными предосторожностями, ничего не называя прямо. Но Полина окончательно смутила ее своею дѣломудренною откровенностью. —Что-же тутъ дурнаго, если человѣческое тѣло такъ устроено? Страсть ея была чисто головная; ни малѣйшаго намека на чувственность нельзя было прочесть въ ея свѣтлыхъ, дѣтскихъ глазахъ. На той-же полкѣ она нашла романы, которые съ первыхъ-же страницъ навели на нее скуку массою фразъ и выраженій, которыхъ она не понимала. Тетка ея, недоумѣвавшая все болѣе и болѣе, но уже нѣсколько успокоенная, ограничилась тѣмъ, что заперла шкафъ и оставила у себя ключъ. Недѣлю спустя ключъ опять валялся, гдѣ попало, и Полина отъ времени до времени, въ видѣ отдыха, разрѣшала себѣ прочесть главу о неврозахъ, думая о своемъ двоюродномъ братѣ, или о леченіи подагры, мечтая, какъ она облегчитъ страданія дяди.

Къ тому-же, несмотря на строгіе педагогическіе принципы мадамъ Шанто, въ ея присутствіи нисколько не стѣснялись. Если-бы она даже и не заглядывала въ книги, то жившія при

домѣ животныя, наконецъ, раскрыли-бы ей глаза. Въ особенности интересовала ее Минушъ. Эта Минушъ была настоящая потаскуха, которая раза четыре въ годъ пускалась въ самыя отчаянныя экспедиціи. Отличаясь въ обыкновенное время крайнею чопорностью, кокетливо занимаясь своимъ туалетомъ, едва рѣшаясь выходить за дверь изъ страха запачкать свои ланги, она вдругъ исчезала на два, на три дня. По ночамъ слышалось ея пронзительное мяуканье, въ темнотѣ свѣтились, какъ уголья, глаза котовъ, собравшихся со всего Бонвиля. Затѣмъ она возвращалась въ самомъ ужасномъ видѣ, съ такою обтрепанною и грязною шубкою, что облизывала себя въ теченіе цѣлой недѣли. Черезъ нѣсколько времени она уже опять выступала съ прежнею чопорностью, словно принцесса, ласкаясь, терла спину о подбородки своихъ хозяевъ и, повидимому, не замѣчала, какъ постепенно закруглялся ея животъ. Въ одно прекрасное утро ее находили съ котятами. Вероника уносила ихъ въ фартукѣ, чтобы бросить въ воду. И Минушъ, прескверная мать, даже не думала искать ихъ, привыкнувъ отдѣлываться такимъ образомъ отъ своего приплода и воображая, что этимъ и оканчиваются обязанности матери. До вечера она еще облизывалась, мурлыкала, охорашивалась, а потомъ снова принималась за прежнія безпутства, опять выходила мяукать и царапаться, чтобы въ заключеніе снова нагулять себѣ животъ. Матѣ проявлялъ болѣе отеческой нѣжности относительно этихъ дѣтей, хотя они были ему и чужія; онъ съ жалобнымъ визгомъ бѣжалъ за фартукомъ Вероники; у него была страсть облизывать всякое маленькое безпомощное созданіе.

— О, тетя, на этотъ разъ надо оставить хоть одного! говорила каждый разъ Полина, негодуя на Минушъ и въ то-же время восхищаясь ея любовными проказами.

Но Вероника протестовала.

— Ну ужъ нѣтъ, барышня; чтобы она потомъ таскала его по всему дому!.. Да ей до нихъ и горя мало. Баловаться-то она любить, а до заботъ не охотница.

Широкая любовь къ жизни съ каждымъ днемъ все больше охватывала Полину и дѣлала изъ нея нѣжную «мать животныхъ», какъ выражалась мадамъ Шанто. Все, что жило, все, что страдало, вызывало ее на нѣжныя заботы и ласки. Она забыла о Парижѣ; ей казалось, что она выросла здѣсь, и

этой грубой почвѣ, подѣ чистымъ дыханіемъ морскаго вѣтра. Менѣе чѣмъ въ годъ ребенокъ съ неразвитыми, неопредѣлившимися еще формами превратился въ цвѣтущую дѣвушку съ крѣпкими бедрами, съ широкою грудью. И мало-по-малу исчезли тревожныя ощущенія, сопровождавшія этотъ переходный періодъ, болѣзненные симптомы, вызванные быстрымъ развитіемъ ея тѣла, исчезло смущеніе, которое внушало ей въ первое время ея отяжелѣвшая грудь и темныя тѣни, появившіяся на ея бѣлой, атласной кожѣ. Теперь она, напротивъ, чувствовала радость при видѣ этого расцвѣта, въ ней пробуждалось побѣдоносное сознаніе полной жизни, она наслаждалась тѣмъ, что живетъ и зрѣетъ подѣ лучами солнца. Съ утра до вечера она оглашала домъ звонкими рудами, и окрѣпшій, установившійся голосъ ея казался ей самой болѣе пріятнымъ и звучнымъ. По вечерамъ, передъ сномъ, когда взглядъ ея скользилъ по правильнымъ, округлымъ контурамъ ея дѣвственной груди, она улыбалась и съ наслажденіемъ вдыхала тотъ своеобразный аромать зрѣлой желцины, которымъ, какъ свѣжій букетъ, благоухало ея тѣло. Она поняла и полюбила жизнь во всѣхъ ея отправленіяхъ, безъ отвращенія, безъ боязни, и прифѣтствовала ее торжествующею пѣснью здоровья.

Лазарь въ этомъ году не писалъ почти шесть мѣсяцевъ сряду. Изрѣдка только приходили коротенькія записочки, извѣщавшія родителей, что онъ живъ и здоровъ. А потомъ вдругъ письма къ матери посыпались градомъ. Провалившись снова на ноябрьскомъ экзаменѣ, чувствуя все болѣе и болѣе отвращенія къ медицинѣ, въ которой, по его словамъ, трактовалось о слишкомъ скучныхъ матеріяхъ, онъ воспылялъ опять новою страстью и накинулся на химію. Случайно ему удалось познакомиться съ знаменитымъ Гербеленомъ, открытія котораго въ то время революціонировали науку, и онъ поступилъ къ нему въ лаборанты, хотя и не признавался еще, что бросаетъ медицину. Но вскорѣ письма его стали наполняться, сначала робкими, а потомъ уже восторженными разсужденіями о новомъ проектѣ. Дѣло шло объ эксплуатаціи морскихъ водорослей, которая обѣщала миллионныя барыши, благодаря новымъ методамъ и реактивамъ, изобрѣтеннымъ Гербеленомъ. Лазарь высчитывалъ всѣ шансы на успѣхъ, указывая главнымъ образомъ на содѣйствіе великаго химика и на легкость, съ кото-

рою можно будетъ получать сырой матеріалъ. Въ концѣ концовъ онъ формально заявилъ о своемъ желаніи бросить медицинскую карьеру и прибавилъ, въ видѣ шутки, что предпочитаетъ продавать больнымъ лекарства, вмѣсто того, чтобы морить ихъ собственноручно. Главными аргументами, заключавшими каждое письмо, были, во-первыхъ, надежда быстро разбогатѣть, а во-вторыхъ, обѣщаніе навсегда поселиться съ семьей, построить заводъ свой тамъ, возлѣ Бонвиля.

Мѣсяць проходилъ за мѣсяцемъ. Лазарь не пріѣхалъ на вакацію. Въ теченіе всей зимы онъ подробно излагалъ свой проектъ въ обстоятельныхъ письмахъ, которыя мадамъ Шанто громко читала по вечерамъ, послѣ обѣда. Въ одинъ майскій вечеръ происходило серьезное совѣщаніе, такъ какъ онъ требовалъ категорическаго отвѣта. Вероника тоже вертѣлась въ комнатѣ, снимая со стола бѣлую скатерть и покрывая его цвѣтною.

— Онъ вылитый портретъ своего дѣда, такой-же неутомимый и предприимчивый, объявила мать, взглянувъ на произведеніе бывшаго плотника, которое по-прежнему стояло на каминѣ и всетаки-же раздражало ее.

— Да, ужъ во всякомъ случаѣ онъ не въ меня уродился; я терпѣть не могу переменъ, слабый голосомъ замѣтилъ Шанто, который только-что началъ оправляться отъ новаго приступа. — Впрочемъ, вѣдь и ты, голубушка, не особенно покойнаго нрава.

Мадамъ Шанто пожала плечами, какъ будто желая сказать, что ея дѣятельность всегда основана на строгой логикѣ. Затѣмъ она продолжала съ разстановкой:

— Ну, да, что-же прикажите дѣлать? Надо будетъ написать ему, чтобы поступалъ, какъ знаетъ... Я больше всего желала, чтобы онъ посвятилъ себя административной или судебной карьерѣ; ужъ и медицина-то его мнѣ не особенно нравилась, а теперь онъ вдругъ превратился въ аптекаря... Пускай возвратится да наживаетъ деньги; все-же будетъ лучше.

Въ сущности, ее соблазнила мысль о богатствѣ. Слѣпая любовь къ сыну уже подсказывала ей новыя мечты: она воображала себѣ, какъ онъ разбогатѣетъ, купить въ Канѣ домъ, сдѣлается генеральнымъ совѣтникомъ, быть можетъ, даже депутатомъ. Шанто не придерживался никакого опредѣленнаго мнѣ-

ніа, довольствовался своими страданіями и предоставлялъ женѣ вѣдать семейные интересы. Что-же касается Полины, то, не смотря на удивленіе и молчаливое неодобреніе, которыя вызывало въ ней непостоянство двоюроднаго брата, она также полагала, что нужно дать ему вернуться и испытать свое великое предпріятіе.

— По крайней мѣрѣ, опять всѣ будемъ вмѣстѣ, сказала она.

— Да и жизнь-то въ Парижѣ самая безпутная! позволила себѣ прибавить Вероника.—Пускай молодой баринъ лучше поживетъ здѣсь да здоровьемъ запасется.

Мадамъ Шанто одобрительно покачала головой и затѣмъ снова взялась за письмо, которое получила утромъ того-же дня.

— Погодите, онъ говорить еще о финансовой сторонѣ предпріятія.

Она стала читать, присоединяя свои комментаріи. На устройство маленькаго завода необходимо употребить приблизительно шестьдесятъ тысячъ франковъ. Въ Парижѣ Лазарь встрѣтился и снова сошелся съ однимъ изъ своихъ бывшихъ канскихъ товарищей, съ толстымъ Бутиньи, который вышелъ изъ четвертаго класса лица и теперь занимался перепродажей вина. Бутиньи былъ въ восторгѣ отъ проекта и предложилъ съ своей стороны тридцать тысячъ. Онъ будетъ драгоценнымъ компаньономъ, возьметъ на себя административную сторону дѣла и, благодаря своимъ практическимъ способностямъ, поставитъ его на солидную почву. Теперь, стало-быть, необходимо было занять гдѣ-нибудь остальные тридцать тысячъ, потому что Лазарь желалъ обезпечить за собою половинную долю въ предпріятіи.

— Какъ вы уже слышали, продолжала мадамъ Шанто, онъ проситъ меня обратиться отъ его имени къ Тибодье. Это хорошая мысль; Тибодье, не задумываясь, дастъ ему эти деньги... Луизѣ что-то нездоровится, я поѣду за нею, чтобы на недѣлку привезти ее сюда, и такимъ образомъ буду имѣть случай переговорить съ ея отцомъ.

По лицу Полины пробѣжала тѣнь; губы ея судорожно сжались. Вероника, стоявшая по другую сторону стола и вытиравшая чайную чашку, не сводила съ нея глазъ.

— Я, правда, думала о другомъ способѣ, прибавила тетка, но такъ какъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ всегда есть нѣкоторый рискъ, то мнѣ-бы даже не хотѣлось и упоминать о немъ.

Обращаясь къ Полинѣ, она продолжала:

— Да, моя милая, мнѣ пришло въ голову, — не одолжишь-ли ты этихъ тридцати тысячъ своему двоюродному брату... Тебѣ никогда не представится другаго случая такъ выгодно помѣстить твои деньги; онѣ приносили-бы тебѣ, быть можетъ, двадцать пять процентовъ, потому что Лазарь, разумѣется, пожелалъ-бы дѣлать съ тобою прибыль. Мнѣ больно подумать, что она будетъ переходить въ карманъ чужаго человѣка... Но я не хочу, чтобы ты рисковала своими деньгами. Это неприкосновенный фондъ, онъ по прежнему лежитъ тамъ, у меня въ комнатѣ, и я сдаю тебѣ его въ цѣлости.

Полина слушала, слегка поблѣднѣвъ, взволнованная внутреннею борьбою. Она унаслѣдовала отъ родителей долю скупости, любовь Кеню и Лизы къ мѣднымъ деньгамъ, хранившимся въ ихъ конторкѣ; въ эту минуту въ ней проявились слѣды первоначальнаго воспитанія, полученнаго когда-то въ колбасной лавкѣ, и въ глубинѣ ея добраго сердца шевелилось, всплывало какое-то тайное, непонятное ей самой, недоброжелательное чувство. Къ тому-же тетка такъ часто показывала ей тотъ ящикъ конторки, въ которомъ хранилось ея наслѣдство... и вдругъ теперь эти деньги очутятся въ мотовскихъ рукахъ ея двоюроднаго брата! Эта мысль почти раздражала ее, а она не знала, какъ быть, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могла себѣ безъ бѣшенства представить образъ Луизы, вручающей Лазарю большой мѣшокъ съ деньгами.

— Да если-бы ты даже сама предложила, я-бы не согласилась, сказала мадамъ Шанто. — Не правда-ли, другъ мой, вѣдь это дѣло совѣсти?

— Что ея, то ея, отвѣтилъ Шанто и вскрикнулъ, попытавшись приподнять ногу. — Если-бы дѣла пошли плохо, люди накинудись-бы на насъ-же... Нѣтъ, нѣтъ, обратись къ Тибодье; онъ съ удовольствіемъ дастъ займы эту сумму.

Наконецъ доброе сердце Полины побѣдило, и она воскликнула:

— О, нѣтъ, не обижайте меня, позвольте мнѣ оказать услугу Лазарю! Развѣ онъ мнѣ не братъ?.. Неужели вы считаете меня такою жалною?.. Да и зачѣмъ было спрашивать меня?.. Дай ему эти деньги, тетя, дай ему хоть все!

Отъ нравственнаго усилія, котораго ей стоило это рѣше-

ніе, на глазахъ у нея навернулись слезы, и она улыбалась, смущенная тѣмъ, что такъ долго колебалась, чувствуя въ глубинѣ души нѣкоторое сожалѣніе, которое приводило ее въ отчаяніе. Впрочемъ, теперь ей-же пришлось спорить и воевать съ дядею и теткою, которые слышать не хотѣли про этотъ заемъ и почему-то предвидѣли только печальный исходъ предприятия. Словомъ, они оба выказали самую безупречную добросовѣстность по отношенію къ денежнымъ интересамъ своей племянницы.

— Ну, хорошо, пойдѣ, поцѣлуй меня, сказала, наконецъ, мадамъ Шанто, чуть не заплакавъ отъ умиленія.— Ты добрая дѣвочка... Лазарь приметъ отъ тебя эти деньги, если ты обижаясь нашимъ отказомъ.

— А что-же, меня-то развѣ не хочешь поцѣловать? спросилъ дядя.

Начались лобызанія, орошаемая слезами умиленія. Затѣмъ, когда Вероника ставила на столъ чайный приборъ, а Полина вышла позвать Матъе, который зайлъ на дворъ, мадамъ Шанто прибавила:

— Это для насъ большое утѣшеніе; у нея золотое сердце.

— Еще-бы проворчала служанка. — Со страху, какъ-бы не дала другая, она отдастъ послѣднюю рубашку.

Недѣлю спустя, въ субботу, вернулся въ Бонвиль Лазарь. Докторъ Казновъ, приглашенный въ этотъ день къ обѣду, долженъ былъ привезти молодаго человѣка въ своемъ кабріолетѣ. Аббатъ Гортэръ, который также былъ приглашенъ и пришелъ нѣсколько раньше, игралъ въ шашки съ Шанто, сидѣвшимъ въ своемъ креслѣ. Въ этотъ разъ приступъ тянулся три мѣсяца; никогда еще ему не приходилось такъ страдать, зато теперь онъ блаженствовалъ, несмотря на страшный зудъ въ обѣихъ ногахъ; кожа лупилась, отекъ почти совершенно исчезъ. Вероника жарила голубей, и каждый разъ, когда открывали дверь въ кухню, онъ поводилъ носомъ, смущаемый старою, неисправимою слабостью, причемъ священникъ считалъ своимъ долгомъ обратиться къ нему съ внушительнымъ наставленіемъ.

— Вы не слѣдите за своею игрою, господинъ мэръ... Повѣрьте мнѣ, вамъ слѣдуетъ нѣсколько повоздержаться сегодня за обѣдомъ.

Луиза пріѣхала наканунѣ. Когда Полина услышала стук колесъ, обѣ выбѣжали на дворъ. Но Лазарь, казалось, смотрѣлъ только на свою кузину, пораженный произошедшей въ ней переменной.

— Какъ? Это Полина?

— Да, да, это я!

— Ахъ, Боже мой! Чѣмъ-же это тебя кормили, что ты такъ вытянулась!... Ну, теперь и замужъ пора!

Глаза ея блистали радостью; она покраснѣла и весело засмѣялась отъ удовольствія, видя, какъ онъ ее разсматриваетъ. Давно-ли онъ видѣлъ ее дѣвчонкою, школьницею, въ полотняной блузѣ, а теперь передъ нимъ высокая дѣвушка въ бѣломъ, съ розовыми цвѣточками, платьѣ, кокетливо обхватившемъ талью и грудь. Потомъ она снова сдѣлалась серьезною, въ свою очередь смотрѣла на него и нашла его постарѣвшимъ; онъ какъ будто сгорбился, смѣялся уже не прежнимъ молодымъ смѣхомъ...

— Впрочемъ, съ тобою теперь не до шутокъ... Здравствуйте, милая компаньонка!

Полина покраснѣла еще больше; это слово переполнило ея сердце счастьемъ. Теперь, когда Лазарь ее поцѣловалъ, онъ могъ цѣловать и Луизу; она не ревнуетъ.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Шанто, устрешенный угрозами доктора, не позволялъ себѣ излишествъ. Мадамъ Шанто и священникъ выработывали блестящіе проекты расширенія Бонвиля, которые должны были осуществиться въ ближайшемъ будущемъ, когда страна разбогатѣетъ отъ эксплуатаціи водорослей. Разошлись только въ одиннадцать часовъ. Наверху, когда Лазарь и Полина прощались передъ дверями своихъ комнатъ, молодой человекъ спросилъ шутливымъ тономъ:

— Выросла большая, такъ ужъ и прощаться не хочешь?

— Конечно, хочу! воскликнула она, кидаясь ему на шею и цѣлуя его прямо въ губы съ прежнею ребяческою безцеремонностью.

А Мосвингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЯСА.

Романъ изъ жизни отца Петра Елеонскаго.

(Изъ прошлаго).

VI.

Зной юльскаго солнца началъ уже понемногу спадать, но все, что въ теченіи дня томилось и пряталось отъ его палящихъ лучей, какъ-бы еще не рѣшалось проявлять признаковъ жизни.

Душно. Безлюдно.

Выгѣвъ на Божій свѣтъ изъ щели калитки церковнаго дома старый дворовый песъ Шарикъ, расслабленно шлепнулся брюхомъ на деревянный тротуаръ, свѣсилъ паружу точащій слюну длинный языкъ и, жмурясь въ лѣнливой истомѣ, сталъ наблюдать открывающіяся его собачьему взору картины.

Вотъ тоже, подобно ему, показался изъ дверей своего заведенія портерщикъ Павелъ Минѣичъ, опустился на скамеечку и предался невинному развлеченію подсолнухами... Но и нѣсколькихъ минутъ не прошло, какъ уже передъ нимъ изъ подъ земли словно выросъ рваный и испитой человѣкъ съ потнымъ, полосатымъ лицомъ рабочаго съ фабрики, и потревоженный въ своемъ сладкомъ кейфѣ Павелъ Минѣичъ опять лѣнливо поднялся, а маленькая закоптѣлая дверь на блокъ, съ привязаннымъ къ веревочному концу кирпичемъ, завизжала и поглотила обоихъ... Немного подальше, подъ низкимъ навѣсомъ, какъ-бы въ рамѣ изъ намогильныхъ вѣнковъ изъ яркихъ садовыхъ цвѣтовъ, иммортелей и моху, виднѣется торговка этимъ товаромъ, тетка Арина. Занялась было она вязаньемъ чулка, да солнце сморило старуху, и руки съ чу-

комъ лежать на колѣняхъ какъ плети, а вся она окаменѣла въ дремотѣ, уподобившись въ своей неподвижности тому бѣлому мраморному ангелу, что сейчасъ, черезъ дорогу, вотъ уже сколько лѣтъ, днемъ и ночью, въ палаціи зной и зимнюю стужу, все воздѣваетъ молитвенно руки къ золотымъ литерамъ вывѣски монументнаго мастера... Вотъ откуда-то, словно съ неба, упалъ на пыльную дорогу воръ-воробей и запрыгалъ, подалбливая носомъ и встряхиваясь... За нимъ другой появился, потомъ, съ разныхъ сторонъ, еще и еще—и цѣлая стая задорныхъ пичугъ подняла возню и щебетанье въ пыли... А издали показалась, вдоль перспективы заборовъ, подвода, влекомая лѣниво плетущейся лошадыю, съ лежащимъ ничкомъ мужикомъ, уткнувшимъ косматую голову въ рваный картузь, вмѣсто подушки, вспугнувъ своимъ появленіемъ насѣдку, что, подобравъ подъ распростертыя крылья своихъ желтозобыхъ дѣтенышей, млѣла на солнцѣ... На тревожные крики куриной семьи откликнулся сердитымъ клохтаньемъ встрепенувшійся на заборѣ сиво-багровый пѣтухъ, пропѣлъ было, въ видахъ устрашенія, «кукареку!», но очевидно, самъ-же сконфузившись тѣмъ, что это вышло у него слишкомъ ужъ вяло и невинственно, тотчасъ замолкъ и опять сонливо нахохлился...

Тихо. Ни звука.

А между тѣмъ въ самомъ этомъ безлюдномъ молчаніи дремавшей на солнцѣ окраины чувалось могучее присутствіе жизни, что разлита по всему великому божьему міру и пробивается всюду, гдѣ можетъ найти себѣ доступъ, даже хотя бы вотъ въ видѣ этой маленькой, веселенькой травки, глѣзущей изъ щелей забора, притаившагося въ канавкѣ водяного жучка, или стая большихъ синихъ мухъ, которыя выются, жужжать и никакъ не даютъ старому Шарикѣ вполнѣ наслаждаться покоемъ... А какъ бойко, привольно, проявила она, эта жизнь, свою силу въ тѣнистомъ саду отцовъ—іереевъ, въ ароматной листвѣ березы, рябины и липы, ведущихъ отрывочнымъ шепотомъ свою непонятную человѣческому уху бесѣду надъ полусгнившей бесѣдкой, пріютившей въ себѣ цѣлый сонмъ пауковъ, и запрятанной въ кудрявой толпѣ кустовъ крыжовника и красной смородины, — а тамъ, сейчасъ рядомъ, выказалась въ пахнущихъ земляной сыростью грядкахъ, гдѣ собрались тѣсною толпою и какъ-бы воюють за отвѣденное

каждому мѣсто, не уступая ни пяди сосѣду, и сочный капустаный вочанъ, и нахально смѣющійся во всю свою глупую желтую рожу подсолнечникъ, и стыдливо алѣющій макъ, и скромная морковь, и петрушка... А тамъ, еще дальше, за этой ослѣпительно-рѣжущей глазъ, на солнечномъ свѣтѣ, бѣлой оградой—ей, этой ликующей жизни природы, уже прямой пирь и раздолье... О, какой ей тутъ пирь и раздолье!..

Смѣло и властно заплонила она каждый клочекъ, каждую пядь пространства земли, гдѣ можетъ упасть, укрѣпиться и дать ростокъ сѣмя дерева, кустика, или малой былинки... Давать, душать, тѣснить ее отовсюду постройки города мертвыхъ—кресты,obelisks и каменные тяжелыя плиты, но она ведетъ съ ними глухую борьбу, пользуясь каждымъ свободнымъ пространствомъ, вытыкается, лѣзетъ и претъ густою и буйной растительностью... Вотъ старая, корявая липа протянула свою косматую руку, какъ-бы желая обняться съ своей такой-же старой сосѣдкой, которую отъ нея отдѣляютъ нѣсколько памятниковъ, и подъ напоромъ этой руки одинъ скромный и ветхій маленькій крестикъ уже подался безсильно, и близко то время, когда онъ окажется поверженнымъ на земь... А вотъ широкой, развѣсистый кустъ бузины перегнулся черезъ рѣшетку, окружающую чугунную плиту надъ прахомъ какого-то статскаго совѣтника и кавалера, и успѣлъ уже протянуть надъ самой его головой гроздь алыхъ, какъ кровь, своихъ ягодъ... «Господи, да будетъ воля твоя!» шепчетъ мраморный мальчикъ съ крылышками, сложившій колѣнопреклонено ручки надъ прахомъ «младенца Маріи», но густая, старая верба окружила уже своими побѣгами маленькій памятникъ, какъ-бы обрекая на вѣчное каменѣніе крылатаго мальчика въ его стремленіи къ небу...

«Не останется забвенна

Отъ друга милаго ея супруга съ дѣтви;

Исѣку на камнѣ въ память незабвенну.

Разсыпся, камень гробовой, отъ пламенныхъ потоковъ слезныхъ

Друга и дѣтей!

Возстань! Проснись! Мой милый другъ душевный!»

Такъ чувствительно взываетъ кто-то, начертавшій выше-приведенную надпись на крестѣ со скамейкой и столомъ, предназначенными для загробныхъ бесѣдъ, но увы, репейникъ,

присутствіе человѣческой жизни, развѣ вдругъ появится группа ребятъ, съ крикомъ и хохотомъ возящихъ салазки, да съ наступленіемъ вечерняго мрака замерцають за сугробами снѣга красными точками обледенѣлыя окошки домишекъ... Тогда уже совсѣмъ ни звука, ни шороха... Только гдѣ-нибудь во дворѣ вдругъ собака затавкаетъ, а не то и на цѣлую ночь затаветъ жалобный и душу надрывающій вой...

VII.

А теперь багровое солнце обливало потокомъ яркаго свѣта всю эту окрестность. Какъ-бы нѣжась въ лучахъ, Поганка чуть шевелилась, и сами унылые деревянные домики весело блестя своими окошками, словно внутри ихъ занялся пожаръ... Все глядѣло такъ весело, празднично. Даже мелкіе круглые камешки, у самой воды, точно нарочно умылись, чтобы тоже лицомъ въ грязь не ударить. Крохотный осколокъ стекла горѣлъ огромной ослѣпительной искрой... Въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ дѣлалъ извилину, поросшую густо кустарникомъ, тихо качалась привязанная къ колышку лодка, и отраженіе сіяющей зыби трепетало золотистой чешуйкою на ея осмоленной поверхности... Утиное стадо расположилось въ отмени, походя на разсыпанную кучу бѣлыхъ платковъ, и неподвижно мѣло въ теплыни. Иногда селезень издавалъ вдругъ тревожное кряканье, и въ ту-же минуту все стадо принималось вторить ему пронзительно рѣвущимъ крикомъ...

Вокругъ — ни души.

Солнце бросало уже косые лучи, удлиняя все больше тѣни предметовъ, когда на берегу, со стороны кладбища, обозначился силуэтъ человѣка, въ длинной одеждѣ, направлявшійся къ рѣчкѣ. На ослѣпительномъ фонѣ дневнаго свѣтила онъ казался огромнымъ... Приближаясь, онъ дѣлался все меньше и меньше, пока наконецъ оказался фигурою средняго роста, въ сѣромъ подрясникѣ изъ легкой бумажной матеріи, въ широкополой войлочной шляпѣ и съ закинутой на плечо длинной камышевой удочкой.

Это былъ о. Петръ Елеонскій.

Онъ тихо спустился къ водѣ, направляясь къ скрытой за кустарникомъ лодкѣ. Приблизившись къ ней, онъ опустил на дно ея удочку, потомъ осмотрѣлся по сторонамъ, взгля-

нулъ на ясное небо и, снявъ свою широкополую шляпу, помахалъ ею на себя, освѣжаясь... Очевидно, это было давнишнее, знакомое мѣсто, судя по тому, что онъ тотчасъ-же воззрися въ одно мѣсто подъ кустикомъ, которое ему было нужно, по какимъ-то расчетамъ. Тамъ трава совсѣмъ не росла, а чернѣла влажная, жирная почва. Подойдя къ этому пункту, онъ досталъ изъ кармана подрясника складной ножикъ, присѣлъ на корточки и накопалъ червяковъ. Покончивъ съ этой частью приготовленій, онъ вошелъ въ лодку и сѣлъ. Тамъ онъ отыскалъ подъ скамейкой большой заржавленный ковшъ, съ отломленной ручкой, исполнявшій роль черпака, досталъ немного воды, опустилъ туда запасъ червяковъ и поставилъ на видное мѣсто. Когда такимъ образомъ сажалка была приготовлена, онъ истоиво насадилъ на крючекъ червяка, и описавъ въ воздухѣ, плавнымъ размахомъ, дугу освобожденной лесой, закинулъ приманку... Поплавокъ шлепнулся въ воду, пустилъ кругъ и закачался на свѣтлой поверхности... Тогда Елеонскій облокотился рукой на колѣно, принянувъ къ ладони щекою, и замеръ въ одномъ неподвижномъ вниманіи...

VIII.

Онъ совсѣмъ не постарѣлъ, а какъ-то возмужалъ, оставаясь притомъ попрежнему молодежавымъ. Черты будто обострились, принявъ характерность, и вмѣсто прежняго неопредѣленнаго и, такъ сказать, расплывчатаго выраженія, глаза его пріобрѣли большую рѣзкость и вдумчивость взгляда. Видно было, что кое-что перенесъ человекъ,

Въ первые дни послѣ смерти жены, наполненные приготовлениями къ похоронамъ, онъ положительно съ ума сходилъ отъ отчаянія. То онъ рыдалъ безутѣшно, запершись на ключъ въ своемъ кабинетѣ, то бросался къ тѣлу мамурочки и молилъ ее встать, потому что ему вдругъ начинало казаться, что она не умерла, а лежитъ въ летаргическомъ снѣ; а то подолгу простаивалъ, не трогаясь съ мѣста, какъ каменный, не спуская съ покойницы сухихъ, бессмысленныхъ глазъ... Въ томъ и другомъ случаѣ очень трудно было его увести. Когда тѣло опускали въ могилу, онъ настойчиво просилъ открыть крышку гроба, чтобы еще разъ проститься съ

мамурочкой, и только насилу урезонили его. На поминальномъ обѣдѣ онъ, въ первый разъ въ жизни, жестоко напился.

Конечно, къ хозяйственнымъ распоряженіямъ онъ былъ совсѣмъ неспособенъ, и потому всѣ хлопоты по погребенію приняла на себя Любовь Ивановна Кропотова, испросившая для этого случая отъ Fräulein Suppe отпускъ на нѣсколько дней.

Послѣ похоронъ, въ первые дни, онъ предался тупой, покорной апатіи, отпечатокъ которой носили всѣ его дѣйствія, начиная съ хожденія въ церковь и исполненія требъ и кончая ѣдою. О чемъ онъ думалъ, что происходило у него на душѣ—понять было трудно: онъ замкнулся въ сосредоточенномъ и мрачномъ молчаніи. Любовь Ивановна старалась его развлекать разговорами, но, кромѣ короткихъ отвѣтовъ, произносимыхъ имъ притомъ съ большой неохотой, не могла добиться другихъ результатовъ. Она сразу приняла холодно-обязанный видъ человѣка, который преисполненъ самыхъ добрыхъ намѣреній, но въ благодарность за свои попытки принести посильную пользу—встрѣчаетъ одно равнодушіе... О, она никогда не забывала услугъ своихъ и умѣла ихъ цѣнить по достоинству! Она припомнила свое участіе въ родахъ жены Елеонскаго, въ тревогѣ и бессонницѣ проведенную ночь, наконецъ, всѣ послѣдующія хлопоты по погребенію, которыя она опять-таки добровольно, изъ одного безкорыстнаго желанія быть полезной, приняла на себя, причемъ она питала также увѣренность, что и имѣющія состояться крестины новорожденной дѣвочки не должны обойтись безъ нея,—все, все это сообразила тогда Любовь Ивановна и проникнулась глубокимъ негодованіемъ къ Елеонскому, не хотящему оцѣнить ея жертву—и на всѣ ея попытки утѣшить, ободрить его, отвѣчающему полнѣйшимъ нежеланіемъ—даже подѣлиться съ ней своимъ горемъ... Она даже разъ ему намекнула, что стоитъ ему пожелать, и она броситъ свое мѣсто наставницы въ пансіонѣ Fräulein Suppe и похоронитъ себя и свою молодость здѣсь, на этой пустынной окраинѣ, въ сосѣдствѣ покойниковъ—и все это опять-таки ради его только блага... Онъ какъ будто не понялъ намека и отвѣтилъ ей однимъ молчаливымъ, разсѣяннымъ взглядомъ. Хоть-бы слово, хоть-бы звукъ, хоть-бы знакъ одинъ благодарности!.. Это было уже прямымъ оскорб-

леніемъ... Она тотчасъ-же почувствовала, что въ груди ея поселилась змѣя, и рѣшила въ мысляхъ при первомъ-же удобномъ случаѣ «все ему высказать»...

Случай этотъ скоро представился.

Это было за обѣдомъ. Молодой вдовецъ по обыкновенію молчалъ, почти не ѣлъ ничего, чуть только притрогивался и все время думалъ какую-то думу... Подъ конецъ ужъ обѣда онъ вдругъ отверзъ уста свои и произнесъ первое слово. Дѣло конечно, касалось покойницы.

— И подумать только, что я, я одинъ не былъ при ея послѣднихъ минутахъ! молвилъ священникъ тихимъ голосомъ, какъ-бы говоря самъ съ собою.

Кропотова тотчасъ-же чутко насторожилась.

— Кто-же виноватъ въ этомъ, Петръ Васильичъ? спросила она тѣмъ холодно-сдержаннымъ тономъ, который приняла съ нимъ въ послѣдніе дни.

— Я никого не виню, Любовь Ивановна, скорбно возразилъ Елеонскій;— конечно, если-бы вы меня тогда разбудили пораньше, какъ я просилъ...

— Такъ, значить, я, одна я виновата, по-вашему, да? Это вы хотите сказать?

— Я совсѣмъ и не думалъ... началъ-было священникъ, но Кропотова вскочила со стула, и долго собиравшаяся въ душѣ ея буря уже разразилась...

— А! Такъ вотъ ваша благодарность за все, что я для васъ сдѣлала? произнесла она трагическимъ шопотомъ и сдѣлала Елеонскому церемонный реверансъ.—Спасибо, отецъ Петръ, большое спасибо! Этого одолженія вашего я во вѣкъ не забуду!.. Ну, а *теперь* я вамъ все скажу наконецъ!!

И хлынулъ ливень упрековъ. Она обвиняла его въ неблагодарности, черствости. Она припоминала по пальцамъ все, чѣмъ онъ ей обязанъ. Она не думала хвалиться своими заслугами и не гордилась нисколько, а только хотѣла ему доказать, что онъ безъ нея совершенно не могъ обойтись.. И что-же, какая за то ей его благодарность? Черствость и равнодушіе! Въ концѣ концовъ она съ ехидствомъ спросила:

— Да признайтесь ужъ, что я васъ стѣсняю?.. Такъ вѣдь? Признайтесь, скажите, безъ церемоніи... Стѣсняю, вѣдь, да? приступила къ священнику Кропотова.

Все, чего только хотѣлъ теперь тотъ, это — чтобы какъ можно меньше обращали на него вниманія и оставили на-единѣ съ своимъ горемъ. Упреки въ неблагодарности были совершенно несправедливы, но старанія Кропотовой его развлекать, при всемъ его полномъ сознаниі ея добрыхъ намѣреній, дѣйствительно, ему докучали, и онъ не разъ пожелалъ, чтобы она, хоть на нѣсколько только минутъ, очутилась отъ него подальше. Теперь нервы его были настолько развинчены и упреки его собесѣдницы до того его раздражали, что онъ не выдержалъ и имѣлъ неосторожность сказать:

— Да, если признаться... немножко...

Этого совсѣмъ не ожидала уже Любовь Ивановна. Она какъ-бы онѣмѣла, потомъ произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Ну, вотъ, и отлично!.. Я сейчасъ-же уѣзжаю, и вы можете быть спокойны.

— Господи! растерялся совершенно священникъ;—да я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ... Выслушайте меня, ради Бога!..

Онъ, Богъ знаетъ, чего-бы ни отдалъ, чтобы воротить назадъ свое неосторожное слово, и бросился было слѣдомъ за Кропотовой, направившейся быстро изъ комнаты, но та вдругъ обернулась и произнесла слѣдующее, перевернувшее тотчасъ-же миролюбивыя намѣренія Елеонскаго совершенно въ обратную сторону:

— Теперь-то, наконецъ, я васъ поняла!.. Такъ во-отъ вы каковы!.. Безъ сердца, безъ совѣсти... Бѣдная Соничка! Какъ хорошо ты сдѣлала, что умерла!..

Лишь только коснулось послѣднее жестокое слово ушей молодого вдовца, вся кровь ему бросилась въ голову, въ вискахъ застучало и въ глазахъ поплыли синіе круги... Онъ бросился къ ней съ кулаками и страшнымъ, громовымъ, не своимъ точно голосомъ, выкрикнулъ:

— Вонъ!!..

Любовь Ивановна исчезла изъ комнаты, а черезъ полчаса ея уже не было въ домѣ.

Съ тѣхъ поръ онъ ея больше не видѣлъ...

Крестины новорожденной дѣвочки, которую называли, въ память матери, Софьей, произошли безъ нея.

Сперва Елеонскій избѣгалъ видѣть малютку и по цѣлымъ днямъ совсѣмъ о ней забывалъ, отдавъ на полное попеченіе

мамки Лукерьи и Целагеи. Но какъ-то разъ онъ самъ захотѣлъ взглянуть на нее, и когда Лукерья принесла къ нему сонную крошку, барахтавшуюся на рукахъ своей мамки, онъ долго—долго смотрѣлъ на нее и заплакалъ на-взрыдь...

Время шло. Выпалъ снѣгъ и наступила зима. Ни вьюга, ни ростепель не останавливали Елеонскаго каждый день, аккуратно, приходитъ на могилу жены и проводить тамъ нѣсколько времени... Доставъ изъ подъ куста заведенную имъ на этотъ случай лопаточку, онъ расчищалъ снѣгъ вокругъ памятника, снималъ шляпу, садился на лавочку и, устремивъ неотводно глаза на надпись на подножии креста, проводилъ такъ съ полчаса или больше, смотря по погодѣ, въ тупой неподвижности... Затѣмъ онъ вставалъ, крестился, дѣлалъ поклонъ, касаясь рукою земли, и произнесши: «До свиданья, мамурочка!» надѣвалъ шляпу и брелъ во свояси...

Однажды утромъ, въ концѣ ужь зимы, къ нему внезапно ввалился посланецъ изъ Лавры, Ѳеодоръ, миловидный дядинъ келейникъ: Монахъ былъ при смерти боленъ...

Пораженный какъ громомъ, племянникъ помчался.

Гедеонъ умиралъ... Въмѣсто былого богатыря, въ косую сажень, съ громовымъ голосомъ и раскатистымъ хохотомъ, Елеонскій передъ собою увидѣлъ длинное, изможденное существо съ впалую, тяжело колыхавшейся грудью и заострившимся носомъ... Монахъ лежалъ на спинѣ, совсѣмъ ужь какъ мертвый, и глядѣлъ въ потолокъ. Въ ногахъ сидѣлъ Пимень, облокотившись по обыкновенію на посохъ, съ надѣтой на набалдашникъ скуфейкой, и отъ времени до времени кашлялъ...

— Дядюшка! воскликнулъ священникъ, подходя къ одру умирающаго.

— А!.. тихо протянулъ Гедеонъ, вонзаясь потухающимъ взоромъ въ племянника, и сдѣлалъ подобіе слабой улыбки. — Это ты, Петръ?.. Давно не видались...—И вида, что племянникъ молчитъ, олицетворяя собою одно горестное изумленіе, прибавилъ: —Что смотришь? Хорошъ, знать, красавецъ?.. Да, братъ... Скрутило... Ну, садись, поговоримъ напоследокъ...

Пимень скромно поднялся и отошелъ въ уголокъ, не желая мѣшать предсмертной бесѣдѣ дяди съ племянникомъ. Много и трогательно говорилъ Гедеонъ и напоследокъ впалъ въ забытье.

Это былъ его послѣдній день жизни: въ полночь «огненного человѣка» не стало... Елеонскій остался до конца и самъ же закрылъ ему очи.

Это была, конечно, потеря, но онъ привялъ ее почти нечувствительно: слишкомъ свѣжо еще было его первое горе, чтобы онъ могъ ощутить всю полноту этого второго удара...

Онъ какъ-то одеревенѣлъ, словно замеръ. По-прежнему онъ аккуратно ходилъ на могилу жены и сидѣлъ тамъ на лавочкѣ, словно это обратилось у него уже въ привычку. Какія мысли роились у него въ головѣ въ то время, какъ онъ созерцалъ неподвижно бѣлый, веселенькій крестикъ, возвышавшійся надъ прахомъ мамурочки, трудно-бы было прочесть на этомъ лицѣ, хранившемъ постоянно одно выраженіе сосредоточенной внутри себя скорби...

А время все шло... Прокатила зима, снѣгъ почернѣлъ и исчезъ, а вмѣсто него зажурчали повсюду ручьи, и въ одѣтыхъ молодою листвою деревьяхъ кладбищенской рощи полилась и разсыпалась первая соловьиная трель...

И вотъ тогда въ первый разъ онъ почувствовалъ, какъ спала вдругъ точно кора съ его сердца, которая раньше все время давила его и мѣшала ему биться спокойнымъ и ровнымъ біеніемъ... И опять зазвучали въ немъ тѣ самыя струны, которыя, когда-то давно, въ одинъ памятный день, когда онъ беззаботно пріѣхалъ на именины къ Ильѣ Александрычу въ Парголово, вдругъ раздались въ его сердцѣ незнакомой мелодіей... Это было давно, и онъ думалъ, что онъ навсегда уже порвались и замолкли...

Онъ обложилъ дерномъ могилу и украсилъ цвѣтами. Онъ попрежнему ходилъ на нее и сидѣлъ на скамеечкѣ, но случались дни, когда онъ забывалъ это дѣлать, и такіе дни выпадали все чаще и чаще...

Давно замолкъ соловей. Молодая листва потемнѣла и запылилась. Нѣкоторые цвѣты на могилѣ завяли, и некому было замѣнить ихъ другими, потому что прежняя заботливая рука давно уже до нихъ не касалась...

Теперь въ образѣ жизни о. Петра Елеонскаго явилась новая привычка. Лишь выпадалъ ясный день, съ приближеніемъ заката, онъ аккуратно появлялся на берегу рѣчки Поганки съ удочкой на плечѣ, садился въ лодку подъ кустикомъ

и погружался въ уженіе рыбы. Рѣдко охота бывала удачна, да онъ, кажется, не особенно о томъ и заботился, подолгу забывая глядѣть на поплавокъ своей удочки, какъ забылъ и теперь, привалившись закинутой назадъ головой къ ладони руки, опиравшейся локтемъ о край лодки, и утонувъ мечтательнымъ взоромъ въ градъ облаковъ, озаренныхъ пурпурнымъ сіяньемъ заката...

А вновь пробужденныя струны звучали...

-
- Ха, ха, ха!.. Ай-да барышня!..
 - Отстаньте, противный!..
 - Нѣтъ, не отстану!.. Давайте весло!..
 - Не отдамъ!..
 - Силой возьму!..
 - А ну-ка, попробуйте!..
 - А вотъ и возьму!..
 - Стопъ, господа!.. Мы на мели!.. Ха-ха-ха!..
 - Чортъ знаетъ, это ужъ свинство!..
 - Брависсимо!.. Ха, ха, ха!.. Ай-да Ольга Петровна!..

И звонкій хохотъ нѣсколькихъ женскихъ и мужскихъ голосовъ огласилъ берега рѣчки Поганки...

Елеонскій оглянулся по сторонамъ, но ничего не замѣтилъ. Тогда онъ тихонько раздвинулъ вѣтви кустарника, скрывавшаго отъ него часть горизонта, и увидѣлъ въ недалекомъ отъ себя застрявшую близъ берега лодку, наполненную молодою компаніей. Лодка плотно усѣлась на мель, а потому между пассажирами происходило смятеніе...

Оставаясь невидимъ, священникъ сталъ наблюдать.

Компанія состояла изъ пяти человѣкъ. Посреди лодки стоялъ длинный молодой человѣкъ въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ и въ форменномъ сертукѣ медицинскаго студента, разстегнутомъ нараспашку. Онъ горячо спорилъ съ сидѣвшей на веслахъ хорошенькой бѣлокурою дѣвушкой, которая, закинувъ назадъ голову, такъ и покатывалась.. Другая дѣвушка, немного постарше, ей вторила. Хохоталъ и аплодировалъ молодой человѣкъ въ очкахъ и коломьянковой блузѣ, сидѣвшій съ ней рядомъ. На рулѣ помѣщался, судя по лицу, самый юный изъ публики, въ пенснэ и щегольской лѣтней парѣ; онъ, напротивъ, сохранялъ видъ серьезный. Все это шумѣло, спо-

рило и хохотало, покрывая голосъ длиннаго медика, распекавшаго блондинку.

— Эхъ, туда-же еще, грести вызвались!.. Взялъ-бы я васъ...

— Господа, онъ меня бить собирается! кричала съ хохотомъ дѣвушка.—Стойте, я въ бѣдѣ, я и въ отвѣтѣ!

Она вскочила на ноги и, упершись весломъ въ вязкое дно, налегла изъ всей силы, но лодка не двигалась.

Эхъ, ребята, плохо дѣло!

Наша барка на мель сѣ-вла!..

Эй, дубянушка, ухнемъ!

Запѣлъ студентъ въ блузѣ.

— Да ужъ бросьте, не пыжьтесь, куда вамъ! кричалъ между тѣмъ медикъ. Онъ схватилъ другое весло, уперъ его въ дно и прибавилъ высококомѣрно:—Эхъ, ужъ, посмотрю я на васъ, прекрасный полъ, совсѣмъ-то вы швахъ безъ нашего брата!.. А вотъ какъ по нашему... Гопъ-ля-а!..

И лодка стрѣлою вылетѣла чуть не на середину рѣчки.

Отъ этого быстрого движенія блондинка потеряла балансъ и упала, притомъ самымъ соблазнительнымъ образомъ: одна ножка ея очутилась за бортомъ, обнаруживъ бѣлый чулокъ, обтягивавшій пухлую икру, до самой подвязки... Произошло новое смятеніе, но все окончилось хохотомъ.

— Такъ падаютъ женщины! замѣтила неугомонная блуза.

Въ ту-же минуту лодка выскочила изъ-за кустарника, скрывавшаго за собой Елеонскаго съ удочкой... Компания смолкла, какъ по командѣ.

— Попъ!.. сорвалось у блондинки

Слово было произнесено ею въ полголоса, однако о. Петръ слышалъ его очень явственно, и дѣвушка, вѣроятно, о томъ догадалась, потому что вспыхнула до самыхъ ушей. Но тотчасъ-же овладѣвъ собой, она съ форсированной бойкостью обвела его взглядомъ, тряхнула своей задорной головкой и отвернулась.

Черезъ минуту, съ удалявшейся лодки послышался сдержанный смѣхъ и нѣсколько словъ разговора, которыя отчетливо донеслись по водѣ до ушей Елеонскаго:

— Ну, братцы, не видать намъ добра... Примѣта пре-скверная!

Все слабѣ и слабѣ раздавался плескъ весель... Вдругъ онъ покрывся затянутой пѣсней:

Много пѣсень слыхалъ я въ родной сторонѣ,

Тамъ про радость и горе ихъ пѣли...

Лодка становилась все меньше и меньше и голоса замолкали. Но вотъ раздался чуть слышно послѣдній взрывъ хора:

Эй, дубинушка, ухнемъ!

Эй, зеленая, сама поидеть!

Сама поидеть!

Сама-а-а поиде-е-еть!..

И лодка, видѣвшаяся теперь одной маленькой точкой, исчезла въ багровомъ морѣ заката...

Елеонскій давно уже позабылъ про рыбную ловлю, машинально опустивъ удище на край своей лодки. Онъ не спускалъ глазъ съ той стороны, гдѣ скрылась молодая компанія, и невольная зависть шевелилась въ немъ по поводу видѣнной сцены:

«Молоды, беззаботны, и смѣхъ и пѣсня у нихъ на устахъ... И любить, должно быть!.. А я?..»

Онъ осмотрѣлся вокругъ. На всей окрестности лежалъ теперь розовый отблескъ. Рѣчка Поганка вся горѣла въ багровомъ сіяніи, точно въ берегахъ ея шевелилось растопленное золото... Стекла домишекъ слободки рѣзали глаза лучистымъ, ослѣпительнымъ блескомъ... Утиная стая, попрежнему видѣвшаяся на берегу въ видѣ разсыпанной кучи платковъ, казалась теперь облитую свѣжею кровью...

— Га-га-га! крикнулъ вдругъ селезень и вытянулъ шею, а за нимъ заготовало все стадо и тоже подняло головы.

Отъ слободки направлялась къ рѣкѣ молодая, высокая женщина, неся на головѣ корзину съ бѣльемъ. Она была въ ситцевомъ платьѣ, босая. Спустившись по берегу, она поставила корзину у самой воды, привычнымъ движеніемъ подоткнула подолъ и, обнаживъ стройныя бѣлыя икры до самыхъ колѣнъ, вошла въ воду, гдѣ принялась за полосканье бѣлья.

Елеонскій смотрѣлъ, какъ вздувались, колышась въ быстромъ напряженномъ движеніи, ея плечи, бедра и грудь, обрисовывая черезъ складки плотно облегающей ихъ легкой одежды подробный контуръ свѣжаго женскаго тѣла. Такъ онъ просидѣлъ нѣсколько времени, не спуская съ нея присталь-

ныхъ глазъ, потомъ прислонился опущенной головою къ рукѣ, не то въ дремотѣ, не то въ сосредоточенной думѣ.

Когда онъ опять взглянулъ на то мѣсто, молодицы ужъ не было... Розовыя краски тускнѣли и довольно пронзительной сыростью повѣвало съ рѣки...

Онъ повелъ плечами отъ ознобы и отъ какой-то нервной, внутренней дрожи, поднялся изъ лодки и, положивъ опять на плечо свою удочку, медленными шагами побрелъ во-свои.

IX.

Въ саду, на длинной, полусгнившей скамейкѣ, сидѣли: о. протоіерей Александръ Кустодіевъ, кругленькій лысый старичекъ, съ красноватымъ и добродушнымъ, не безъ оттѣнка лукавства, лицомъ, украшеннымъ маленькой козлиной бородкой. Онъ былъ въ коломанковомъ подрасникѣ, съ разстегнутымъ, воздуха ради, воротомъ, полуобнажавшимъ его жирненькую, похожую на женскую, грудь. Не много подалѣе помѣстился дьяконъ Тимпановъ. Онъ сидѣлъ сгорбившись, упершись локтями въ колѣни и устремивъ глаза на закатъ, рдѣвшій пурпурнымъ пылкомъ между деревьями. По временамъ онъ вдругъ схватывался за грудь и раздражался долгимъ, чахоточнымъ кашлемъ, послѣ чего еще долго хрипѣлъ и отхаркивался. Надъ ихъ головами протягивалась вѣтвь густой, осыпанной гроздьями ягодъ, рябины. Тутъ стоялъ Дикобразъ-Медвѣдскій и, охвативъ древесный сукъ своею большою ручищей, тихонько покачивалъ его въ разныя стороны. Поднявъ вверхъ свою голову, съ надѣтой на бекрень соломенной шляпой, онъ мечтательно блуждалъ глазами по лиственной чащѣ, и отъ падашаго на него сбоку освѣщенія заката загорѣлое лицо его было совсѣмъ мѣдно-красное.

Они наслаждались вечерней прохладой, ведя между собой благодушныя, неторопливыя рѣчи.

— И сколько этой самой рябины нынѣшнимъ лѣтомъ уродилось—удивительно просто! говорилъ Дикобразъ, продолжая тихо покачивать древесную вѣтвь.—Я вотъ все смотрю эта и думаю: сколько-бы четвертей водки для такой бездны ягодъ понадобилось?..

— Стрась-бы сколько водки понадобилось, промолвилъ за-

думчиво дьяконъ Тимпановъ, не спуская взгляда съ заходящаго солнца.

— Отличная вещь—эта рябиновка! И противъ желудка полезна! замѣтилъ опять Дикобразъ.

— Слабеть... Нѣтъ, вотъ что хорошо противъ желудка — полынная! воскликнулъ Тимпановъ.

— Крѣпить, возразилъ Медвѣдскій.

— Какъ? Это полынная-то крѣпить?! въ глубокомъ изумленіи переспросилъ Тимпановъ, раскрывъ широко глаза.

— Ну, да, полынная крѣпить! настойчиво подтвердилъ Дикобразъ.

— Н-не знаю... Вотъ ужъ этого н-не знаю... Чтобы полынная, то есть... съ сомнѣніемъ покачалъ головою Тимпановъ.— Перцовка—это точно что-такъ...

Медвѣдскій на это ничего не отвѣтилъ, вслѣдствіе чего споръ тотчасъ-же и прекратился, и собесѣдники погрузились въ молчаніе.

Въ это время, въ нѣсколькихъ шагахъ, захрустѣлъ песокъ подъ ногами идущаго человѣка, и между деревьями показался Елеонскій со своею удочкою.

— А, ловець! пріѣтствовалъ его Кустодіевъ.—Много-ли, ловець, наловилъ?.. Э, да кажись, и совсѣмъ ничего?

— Совсѣмъ ничего, отецъ-протоіерей, отвѣчалъ Елеонскій.

Онъ прислонилъ удочку къ дереву и сѣлъ на скамейку. Бесѣда перешла на рыбную ловлю.

— Не люблю я этого удовольствія—съ удочкой! воскликнулъ Медвѣдскій.—Сиди, жди, битый часъ, когда клюнетъ, а въ концѣ концовъ—шишъ!.. Не понимаю!

— Охота! замѣтилъ Тимпановъ.

— Съ удочкой-то? Я понимаю, на птицу тамъ, съ ружьемъ... По крайней мѣрѣ, тутъ лѣсъ, воздухъ хорошій, птицы поютъ... Вотъ это точно охотой можно назвать! А это что за охота?

Тимпановъ возражалъ, что и это тоже охота, только не кровопролитная, и что рыбная ловля даже приличествуетъ духовному сану, такъ какъ сами апостолы были рыбаки... Медвѣдскій замѣтилъ, что ему удивительно кажется, почему не приличествуетъ духовному сану охота съ ружьемъ, такъ какъ и въ рыбной ловлѣ, какъ и въ охотѣ съ ружьемъ, цѣль одна—

убіеніе... На это Тимпановъ возразилъ, что разница между тѣмъ и другимъ—значительная, такъ какъ въ охотѣ съ ружьемъ есть кровопролитіе, а въ рыбной ловлѣ кровопролитія нѣтъ.

— Да вѣдь все-таки-же убіеніе? Такъ, или нѣтъ? Убіеніе? спрашивалъ Дикобразъ.

— Убіеніе, соглашался Тимпановъ.

— Ну, такъ не все-ли равно? настаивалъ на своемъ Дикобразъ.

— Нѣтъ, потому съ кровопролитіемъ, или безъ кровопролитія—разница! твердилъ упрямо Тимпановъ.

Такимъ образомъ разговоръ принялъ отвлеченный характеръ и притомъ довольно горячій. Подъ конецъ его Тимпановъ разразился долгимъ и мучительнымъ кашлемъ, послѣ котораго онъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не могъ отдышаться.

Въ саду все больше и больше темнѣло. Тѣни деревьевъ, падавшія на залущенныя дорожки, исчезли въ постепенно надвигавшемся мракѣ. Та часть неба, которая раньше виднѣлась надъ деревьями, освѣщенная лучами заходящаго солнца, теперь слилась ровнымъ сѣро-молочнымъ цвѣтомъ своимъ съ остальнымъ небосклономъ. Только въ одномъ мѣстѣ между деревьями еще горѣла большая багровая, лучистая искра.

Елеонскій не принималъ участія въ разговорѣ и даже не слушалъ совѣтъ. Онъ сидѣлъ все время облокотившись на колѣно и смотрѣлъ на эту лучистую искру.

Гдѣ-то въ травѣ застрекоталъ кузнечикъ... Легкій вѣтерокъ прошумѣлъ въ дремавшей чащѣ деревьевъ, обдавъ сидящихъ ароматомъ свѣжей листвы.

Елеонскій всталъ со скамейки и безцѣльно тронулся по саду... Скучны и пошлы казались ему эти разговоры среди царящей вокругъ ароматной прохлады заснувшихъ въ вечернемъ покоѣ деревьевъ. Гдѣ-то въ ихъ чащѣ томно чиркнула какая-то заснувшая пташка и стихла опять... А кругомъ, въ глубинѣ этихъ лиственныхъ нишъ, притаилось что-то жутко-томящее, что стѣсняло дыханіе и сжимало грудь какой-то сладко-мучительной болью...

Онъ ушелъ на самый конецъ и, прислонившись къ изгороди, смотрѣлъ на пыльную улицу. На ней было тихо и ни души не видѣлось. Онъ стоялъ какъ въ дремотѣ, неподвижно

установившись въ даль, а между тѣмъ передъ его застывшимъ, устремленнымъ во внутрь себя взоромъ, вставала недавняя сцена на рѣчкѣ. Вотъ плывущая вдоль берега лодка, а въ ней молодая компанія и насмѣшливо на него посматрѣвшая русая дѣвушка... Обрывокъ начатой и вдругъ смолкнувшей пѣсни.. А вотъ тамъ, на томъ берегу, вышедшая полоскаться на рѣчку. бѣлье молодлица, вся облитая заревомъ заходящаго солнца, начинающая съ могучаго, пышнаго бюста и до бѣлыхъ, словно точеныхъ икръ статныхъ ногъ, погруженныхъ въ прозрачную влагу...

Онъ почувствовалъ, какъ словно нѣкая горячая волна облила все его существо и въ вискахъ застучало.

Невдалекѣ послышалось протяжное пѣніе. Это пѣли въ саду о. Кустодіевъ, Дикобразъ и Тимпановъ.

«Свѣте ти-хий,
Святая Сла-ва!
Безсмертнаго Отца Небесна-аго...»

Онъ оторвался отъ изгороди и побрелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли поющіе.

О. Кустодіевъ пѣлъ дрожащимъ старческимъ и глубоко проникнутымъ голосомъ, не сводя глазъ съ избранной точки. Ему подтягивалъ своимъ теноркомъ Тимпановъ, блуждая по обыкновенію мечтательнымъ взоромъ въ неопредѣленномъ пространствѣ. Дикобразъ рокоталъ глухимъ басомъ, протянувъ впередъ правую руку и мѣрно отбивая тактъ въ воздухѣ.

Елеонскій безшумно приблизился и подтянулъ баритономъ:

«Пришедше на за-падъ со-олнца,
Видѣвше свѣ-тъ вече-ерній...»

— «Тѣмъ-же міръ Ты сла-а-вить!!» грянулъ въ послѣдній разъ хоръ, среди тишины безмолвнаго сада, и стихъ...

Въ теченіи нѣкотораго времени никто не проронилъ ни единого слова. Садъ померкалъ. Багровая, лучистая искра давно ужъ потухла.

— «Коль славенъ» теперь хорошо-бы, тихо молвилъ Тимпановъ, и затянулъ:—«Коль славенъ нашъ Господъ въ Сіо-о-онѣ...»

«Не можетъ изъясни-ть я-а-зыкь!...»

подтянулъ тотчасъ-же хоръ.

Спѣли и это.

«Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль по Казанкѣ
Сизый селезень плыветь!»

неожиданно тонкимъ фальцетомъ взвизгнулъ Тимпановъ.

Ай-да люли,
Ай-да люли,
Сиз-ый сел-лезень, плыв-веть!!»

густымъ басомъ грохнулъ тотчасъ-же въ отвѣтъ Дикобразъ.

И эту пѣсню спѣли.

— А теперъ мы вотъ что споемъ: «Негдѣ въ маленькомъ лѣску»!... воскликнулъ Дикобразъ, и даже съ экстазомъ.

— Отлично! Споемъ! просіялъ тоже Тимпановъ, но тотчасъ-же залился своимъ долгимъ кашлемъ, въ интервалахъ котораго онъ пролепеталъ Кустодіеву:—И вы... кха-кха!... отецъ-протоіерей... кха-кха!... тоже, кха-кха!...

— И о. протоіерей тоже споетъ, подтвердилъ Дикобразъ.

— Ну ужъ я нѣтъ... Я не тово!.. Увольте! отозвался Кустодіевъ и даже застыдился.

— Да отчего-же!.. Господи!.. воскликнулъ Дикобразъ съ огорченіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, неприличная пѣсня... Не буду.

— Да чѣмъ-же?.. Боже мой!.. Старинная, чудесная пѣсня, и напѣвъ какой славный! убѣждалъ со своей стороны и Тимпановъ.

Но о. Кустодіевъ уперся на своемъ, такъ что въ пѣвцахъ остались одни Дикобразъ и Тимпановъ, ибо на приглашеніе ихъ Елеонскаго тоже принять участіе въ пѣніи, тотъ отозвался незнаніемъ словъ.

Дьяконъ откашлялся и затянулъ протяжнымъ, заунывнымъ напѣвомъ:

Негдѣ въ ма-аленькомъ лѣску,
При пото-о-окахъ рѣ-ѣчки,
Что бѣжа-ала по песку,
Стер-реглы и-исъ ав-вечки...

Дикобразъ подхватилъ:

Тамъ пастушка съ пастушко-о-о-омъ
На берегу была крутомъ

И въ струяхъ мелкихъ водъ
 Съ нимъ! съ нимъ! съ нимъ!
 Съ нимъ она плеска-а-алась ..

— Ха-ха-ха! покатывался и трясъ головой о. Кустодіевъ.—
 Охъ, чтобъ вамъ пусто было!.. Ха-ха-ха!.. И гдѣ эдакую
 пѣсню выкопали?..

— Пѣсня отличная! воскликнулъ Дикобразъ, утирая испари-
 рину.

— Старинная пѣсня! прибавилъ со своей стороны и Тим-
 пановъ, и разразился опять своимъ кашлемъ.

Елеонскій молчалъ, сохраняя серьезность. Онъ казался
 огасшимъ и словно усталымъ... Повидимому, онъ одинъ оста-
 вался чуждымъ охватившему всѣхъ настроенію, возбужденно-
 му пѣсней, а между тѣмъ, если-бы мысль человѣка могла
 фиксировать создаваемые ею въ воображеніи образы, то въ
 головѣ Елеонскаго можно-бы было найти теперь самое точное
 изображеніе рѣчки Поганки съ купающейся въ струяхъ ея
 давишной женщиной съ бѣлыми икрами... Недоставало описы-
 ваемаго въ пѣснѣ пастушка и овечекъ, но дѣло ничуть не
 теряло отъ этого въ своемъ интересѣ...

— Отецъ Иванъ! Иди ужинать! крикнула, показавшаяся
 изъ-подъ деревьевъ толстая Дикобразова благовѣрная.

— Э-эхъ-хе-хе, пора и мнѣ. Засидѣлся тутъ съ вами!
 замѣтимъ о. Кустодіевъ, подымаясь со скамейки.

За нимъ всталъ и Тимпановъ, и духовенство кладбищен-
 ской церкви тихими стопами побрело изъ сада къ своимъ до-
 машнимъ пенатамъ.

Елеонскій плелся рядомъ съ о. Кустодіевымъ, понуро не-
 ся на плечъ свою удочку. Вошли въ подъѣздъ и стали про-
 щаться.

— Что вы какъ будто не веселы, о. Петръ? спросилъ про-
 тоіерей своего спутника;—нездоровится, можетъ?

Елеонскій пробормоталъ что-то несвязное, не понявъ и
 даже не разслышавъ вопроса. Въ головѣ его шло совершенно
 другое. Теперь, разставаясь съ обществомъ человѣческихъ
 лицъ, онъ думалъ о томъ, что вотъ, сейчасъ, лишь только
 отворится дверь его постылой одинокой квартиры, какъ изъ
 безмолвной пустоты ея выступитъ нѣкое незримое и безо-
 щадное чудище, которое охватитъ его всего, цѣликомъ, своими

холодными лапами и будет держать въ полону, томя непрерывной, безвыходной мукой, пока не явится сонъ-избавитель...

X.

Сперва онъ заглянулъ въ кухню, гдѣ кухарка, все та-же прежняя курносая дѣвка Пелагея, въ обществѣ мамки, трапезовала, сидя за большимъ некрашеннымъ столомъ, у окошка. Въ темномъ углу, у плиты, какъ-бы томясь ожиданіемъ, когда о немъ вспомнить, меланхолически нылъ самоваръ.

— Загулялись, загулялись, батюшка! укорила Елеонскаго Пелагея, съ фамильярностью старой прислуги.— Два раза самоваръ доливала... Отъ обѣда котлетки остались, да щи... Разогрѣть щецъ-то?

— Ненужно, я не буду ужинать, а самоваръ подавай. Соничка спитъ? обратился священникъ къ кормилицѣ, которая при входѣ его поднялась съ мѣста и стояла у стола, обтирая ротъ концомъ фартука.

— Спитъ. Ужь насилу-насилу ее укачала: все блажила, ну а теперь, слава-Богу, заснула.

— Я пойду, посмотрю.

И Елеонскій направился въ дѣтскую, куда и вошелъ, осторожно ступая на ципочкахъ. Мамка, тоже на ципочкахъ, вошла за нимъ слѣдомъ.

Въ дѣтскую была превращена прежняя спальня. Въ сущности, въ ней все осталось по старому, кромѣ того, что двухспальная кровать была вынесена, а на ея мѣсто поставлено ложе кормилицы. У другой стѣны стояла кроватка ребенка.

Они подошли къ ней. Елеонскій нагнулся и взглянулъ на свою спящую Соничку.

И вотъ, какъ всегда, онъ увидѣлъ крошечное, точно изъ воску, личико дѣвочки въ чепчикѣ, съ зарумянившимися въ сладкомъ снѣ пухлыми щечками, на которыя падала тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ. Вѣки были плотно сомкнуты, но онъ зналъ, что стоитъ ему произвести движеніе, звукъ,—какъ въ въ ту-же минуту онъ увидить опять передъ собою глаза—не эти дѣтскіе глазки—а тѣ, другіе глаза, которые когда-то, въ одинъ ясный, солнечный день (о, какое это было давнее, давнее время!) остановились на немъ и произвели переворотъ

въ его жизни... Это было на холмикѣ, гдѣ стояла скамейка, а вокругъ все млѣло въ лучахъ палящаго солнца, желтѣло длинною лентою полотно желѣзной дороги, извиваясь съ краю широкой равнины, испещренной квадратами картофельныхъ полей, и блестяло вдали стальною полоскою взморье...

Да, съ той самой, никогда, никогда неизгладимой изъ памяти ночи, въ которую навѣки сомкнулись эти глаза, оставивъ свое подобіе здѣсь, въ этой кровати, онъ каждый разъ, подходя, чувствовалъ, какъ старая рана его раскрывалась.. Но проходили дни, недѣли и мѣсяцы... Нѣкогда жгучая боль притупилась.. И вотъ теперь, стоя надъ кроваткой спящей малютки, онъ уже не ощущалъ этой боли, словно ее поглотило собою то новое, неизъяснимое и мощное чувство, которое держало его въ своей власти во все это время: и давеча, когда сидѣлъ онъ на рѣчкѣ и удиль, и потомъ, когда вдыхалъ вечернюю прохладу въ саду; онъ не могъ отъ него отрѣшиться даже теперь, въ эту минуту, когда стоялъ у кроватки ребенка...

Онъ машинально перекрестилъ, какъ всегда это дѣлалъ, спящую дѣвочку и отошелъ отъ кроватки. Больше ему было нечего здѣсь оставаться, и онъ это зналъ, но въ то-же время что-то его продолжало удерживать. Мамка тоже не трогалась съ мѣста, въ ожиданіи возможности вернуться къ своей прерванной трапезѣ, отъ которой отвлекъ ее приходъ хозяина. Елеонскій стоялъ съ задумчивымъ видомъ, и ей казалось, что онъ собирается ей что-то сказать, но онъ продолжалъ безмолвствовать, будучи занятъ однимъ внезапнымъ открытіемъ... А открытіе это касалось именно ея самой, мамки Лукерьи... Уже съ полгода жила она у него, замѣнивъ первую, взятую на скорую руку, кормилицу. Тогда она явилась къ нему въ видѣ простой деревенской женщины, въ ситцевомъ сарафанѣ, ничѣмъ не отличаясь во внѣшности отъ многого множества бабъ, которыя приходятъ наниматься на мѣсто. Но теперь, въ эту минуту, онъ вдругъ замѣтилъ, какъ она за эти нѣсколько мѣсяцевъ выровнялась и раздобрѣла. Онъ даже съ удивленіемъ замѣтилъ, что она положительно красивая женщина.. Большіе сѣрые глаза глядѣли разумно и бойко подъ густыми бровями, сходявшимися дугообразно надъ переносьемъ. Губы были ярко-пунцовыя. Черноволосая, подъ крас-

нымъ повойникомъ, голова сидѣла на бѣлой, словно точеной шеѣ, и высокія, крупныя груди вздымались мѣрнымъ движеніемъ подъ воротомъ бѣлой рубашки... И теперь, такъ-же какъ давеча, когда онъ стоялъ прислонившись къ садовой изгороди, думая о сценѣ на лодкѣ, онъ почувствовалъ, какъ нѣмая горячая волна пронеслась по всему его тѣлу, и въ вискахъ застучало...

— Чего-съ? вдругъ спросила Лукерья.

— А? Развѣ я сказалъ что-нибудь? страшно смѣшался священникъ.—Я кажется ничего не сказалъ...

— Значить, мнѣ, батюшка, слышалось...

— Да, я что-то хотѣлъ сказать... Что я хотѣлъ?.. Ну, хорошо, все равно... Иди съ Богомъ, ужинать!

И онъ самъ круто отвернулся отъ мамки и вышелъ изъ дѣтской.

Въ кабинетѣ, на столѣ, у окошка, уже стоялъ самоваръ, а передъ нимъ возилась Пелагея, разставляя посуду.

О. Петръ медленно прошелся по комнатамъ и, дождавшись, когда Пелагея заварила чай и направилась къ дверямъ, сѣлъ у стола.

— Больше вамъ, батюшка, ничего не понадобится? спросила кухарка, стоя у притолки.

— Ничего. Ступай.

— Значить, и спать можно ложиться?

— Ложись.

— Спокойной ночи, батюшка, пріятнаго сна!

По уходѣ Лукерьи, онъ остался сидѣть неподвижно, вперивъ глаза въ одну точку. Невозмутимая тишина воцарилась въ квартирѣ... И вотъ онъ чувствовалъ мало по малу, какъ незримое и безопадно чудище выступило изъ полумрака квартиры и охватило его своими холодными лапами...

Онъ тихо поднялся, подошелъ, какъ-бы крадучись, къ двери, которую заперъ на ключъ, потомъ направился къ шкапчику и, доставъ оттуда бутылку недавно початаго рома, поставилъ на столъ...

XI.

Полупрозрачная мгла лѣтней ночи висѣла въ кабинетѣ о. Елеонскаго, окутывая мутною дымкой предметы...

Все здѣсь осталось по старому. На томъ-же мѣстѣ стоялъ письменный столъ, а на немъ виднѣлось все то-же, въ неприкосновенномъ порядкѣ: и фарфоровая чернилица съ песочницей стариннаго фасона, съ лоточкомъ краснаго дерева, сургучемъ и ручкой для перьевъ, и груда томовъ духовнаго журнала «Странникъ», и стойка для часовъ, изъ маленькихъ раковинъ. Такъ-же стоялъ въ углу кіотъ съ иконой Спасителя, съ мѣшечкомъ изъ вишневаго бархата съ запасными дарами, и парой вѣнчалныхъ свѣчей, книжный шкапчикъ вдоль стѣны, а по другую сторону комнаты—диванъ, на которомъ бѣлѣлись подушки и простыни, для ночлега. Все стояло въ одномъ и томъ-же порядкѣ, какой однажды былъ установленъ, и самъ хозяинъ ревниво заботился о его сохраненіи. Онъ сжился и сроднился здѣсь съ каждою мелочью, какъ-бы самъ составляя собою часть окружающаго, потому что тутъ, и именно только, исключительно тутъ, онъ чувствовалъ себя въ родной обстановкѣ. Другихъ комнатъ онъ избѣгалъ и проходилъ черезъ нихъ каждый разъ торопливо, какъ будто тамъ вѣяло на него тѣмъ-то враждебнымъ и чуждымъ... Здѣсь-же были лишь старые знакомцы, которые смотрѣли на него съ привѣтомъ и лаской. О, если-бы эти неодушевленные предметы могли говорить! Они рассказали-бы многое, чему были свидѣтелями съ самаго начала новаго періода жизни ихъ хозяина. Они рассказали-бы, какъ часто слышали они его вздохи и стоны въ ночной тишинѣ, во время бессонницы... Они видѣли, какъ ходилъ онъ по цѣлымъ часамъ взадъ и впередъ и вдругъ бросившись внизъ лицомъ на подушки, замиралъ въ тупой и безвыходной мукѣ... А разъ они видѣли, какъ онъ, дождавшись, когда всѣ заснули, заперъ двери на ключъ, подошелъ къ шкапчику съ книгами, досталъ оттуда принесенную днемъ, украдкой, бутылку, и засѣлъ съ нею къ столу... Глубокой ужъ ночью, съ мутными, остекловившимся взоромъ, добрался онъ, заплетаясь ногами, къ дивану, упалъ на него какъ мѣшокъ и зацѣпелъ на немъ до утра въ неподвижности мертваго тѣла...

Теперь уже чудище не страшно. Въ головѣ туманъ, а въ немъ шевелятся обрывки лицъ, сценъ и рѣчей, выступившихъ изъ тьмы прожитого.

Гедеонова келья, солнечный лучъ на картинѣ, горящій, какъ

жарь, самоваръ на столѣ, а за нимъ—погрузившійся въ свое мягкое, валяжное кресло хозяинъ... «Въ деревнѣ тебѣ небывать! Пока живь!» кричитъ Гедеонъ, тряся за плечо Елеонскаго... «И Торментова зналъ! Потому его звали Торментовымъ, что *tormentum* по латыни значитъ—мученіе», рассказываетъ сидящій поодаль Пимень. Солнце и его задѣваетъ, и на его голомъ темени сіяютъ свѣтлые блики.

Мрачная столовая въ квартирѣ Ильи Александрыча... «Мареа, Мареа, почешися!» гудитъ басомъ Гедеонъ. «Ха-ха-ха!» хохочетъ застольное общество.

«Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блестить»...

— «Не будешь попомъ?! Н-ну-у? Вотъ такъ удив-ви-иль!!» таращить на него глаза Гедеонъ, и затѣмъ голова его показывается въ дверяхъ, въ надѣтой на бекрень шляпѣ и восклицаетъ свирѣпо:—«Скотина!»

Промелькнули короткими, торопливыми штрихами князь-заяцъ, топящійся въ полумракѣ каминъ, дорога въ Лѣсной, Краснокутскій... «Знаете-ли вы, что все на свѣтѣ ничтожно, въ сравненіи съ одною женскою улыбкой?» спрашиваетъ его Елеонскій. «Ну-те, ну-те?» говоритъ ему Краснокутскій... И вотъ опушка Парголовскаго парка, на скамейкѣ сидящая Соничка, а вокругъ—облитыя заревомъ заходящаго солнца деревья... Вѣтеръ сорвалъ пожелтѣвшій листокъ, помчалъ и закружилъ по дорогѣ... «Софья Павловна, я прошу у васъ руки вашей», говоритъ Елеонскій; голосъ его дрожить, и сердце въ груди то шибко-шибко колотится, то вдругъ замираетъ... Соничка, какъ обожженная, схватывается со скамейки и устремляется вдоль по аллеѣ, а сидящій въ своемъ глубокомъ креслѣ Гедеонъ тоже вскакиваетъ, какъ обожженный, стискиваетъ племянника въ своихъ могучихъ объятіяхъ и произноситъ: «Нынѣ отпущаеши, Владыко!...»

Отуманенная голова о. Петра поникла на грудь. Одна изъ проснувшихся мухъ затонула въ недопитомъ пуншѣ и барахталась, стараясь выкарабкаться. Онъ все сидѣлъ, не перемѣняя своего положенія, какъ-бы созерцая своимъ неподвижно уставленнымъ взоромъ стоявшее передъ нимъ лицо Гедеона, съ тѣмъ умиленнымъ выраженіемъ, которое было на немъ въ ту минуту,

когда онъ произнесъ это «нынѣ отпускаеши»... Затѣмъ Елеонскій скорбно покачалъ головою, и въ царившей вокругъ тишинѣ раздалось его бормотанье:

— Эхъ, дядя, дядя!... Огненный ты человѣкъ!... И зачѣмъ, зачѣмъ ты все это сдѣлалъ?... Ты любилъ вѣдь меня... крѣпко любилъ... знаю вѣдь я! Ты добра мнѣ хотѣлъ!... А что ты со мною надѣлалъ?... Ты скажи мнѣ, одно только скажи: чѣмъ ты теперь для меня долженъ быть?... Радовался ты тогда, и я тогда радовался, а если-бы знать-то да вѣдать въ ту пору, такъ не радоваться было-бы нужно, а плакать скорѣе... Вѣдь я проклиналъ ее, ту минуту несчастную!... Знаешь ты это? Проклиналъ, дядюшка, да!... И теперь проклинаяю!...

И онъ вздыхалъ, и стоналъ и качалъ головою, ведя свою укоризненную рѣчь къ Гедеону, и вотъ онъ увидѣлъ, какъ лицо его дяди изъ умиленнаго сдѣлалось скорбнымъ, страдальческимъ, и теперь на молодого священника, вмѣсто живого, исполненнаго силъ человѣка, глядѣлъ умирающій, съ осунувшимися страшно щеками, потухшими глазами и заострившимся носомъ, точь въ точь какъ тогда, когда Елеонскій присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ монаха. И вотъ, вперивъ въ племянника свой угасающій взоръ, коснѣющимъ языкомъ лепечеть ему Гедеонъ слова своей предсмертной бесѣды:

— Прощай, братъ... Иду къ Судіи... Охъ, грѣшенъ я, грѣшенъ! Чревоугодникъ, прелюбодѣй, сребролюбецъ... И еще одинъ большой грѣхъ — самонадѣянъ я былъ, посвоему гнуль... И съ тобою вотъ тоже... Только помни одно, Петръ, всегда, что во всю мою жизнь моя дума была о тебѣ... Счастія твоего я хотѣлъ... И если не такъ оно вышло, какъ думалось, значить, хотѣлъ того Богъ, чтобы я созналъ, гордыню свою и смирился и мучился этимъ сознаниемъ... Потому что мучусь, охъ, какъ я мучусь теперь... И когда ты захочешь меня обвинить, вспомни объ этихъ словахъ и не поминай меня лихомъ!..

Давно уже стоявшія въ глазахъ Елеонскаго слезы потекли теперь по щекамъ. Онъ вытеръ ихъ рукавомъ, потомъ, какъ-бы очнувшись, выплеснулъ изъ стакана остатки пунша въ окно, налилъ новаго чаю, дополнивъ до верху ромомъ, и сдѣлалъ медлительный и длинный глотокъ...

Въ душной залѣ «Свадебныхъ обѣдовъ» свѣтло, людно и шумно. Черные фраки, топотъ и шарканье, открытыя женскія плечи, цвѣты въ волосахъ, смѣхъ и улыбки—все это путается въ головокружительномъ и пестромъ сумбурѣ.

— Съ законнымъ бракомъ!.. Съ законнымъ бракомъ!.. слышитъ вокругъ себя Елеонскій; онъ сидитъ на диванѣ, рядомъ съ Соничкой, одѣтой въ подвѣчное платье. Самъ онъ во фракѣ, который взять на прокатъ и страшно ему рѣжетъ подъ мышками. Вокругъ непрерывъ тянутся къ нему бокалы, и онъ машинально чокается съ ними своимъ. Все проходитъ точно въ туманѣ, и онъ ждетъ не дождется, когда все это кончится...

— Го-орько!! кричить кто-то...

Вокругъ толпятся раскраснѣвшіяся, улыбающіяся лица дамъ декольтэ, кавалеровъ во фракахъ и батюшекъ въ рясахъ, и бокалы все тянутся, тянутся... Онъ машинально тычетъ своимъ, куда ни попало, не замѣчая, что въ немъ шампанское только на доньшкѣ, и въ то-же время растерянная, блаженная улыбка раздвигаетъ его ротъ до ушей, и сколько онъ ни старается сдерживать эту улыбку—никакъ не можетъ этого сдѣлать. А крикъ ужъ подхваченъ вокругъ, и цѣлый хоръ голосовъ повторяетъ:

— Горько!... Горько!..

Исполняя обычай, онъ отпускаетъ поцѣлуй новобрачной; но отъ поздравляющихъ не такъ-то легко отдѣлаться.

— Горько! опять кричитъ прежній голосъ.

— Горько!.. Горько!.. повторяютъ вокругъ.

И опять поцѣлуй...

Визжать скрипки, гудить контрабасъ. Топотъ и шарканье. Новобрачные танцуютъ кадрили въ первой парѣ. Вечеръ, должно быть, удался на славу, и всѣ отъ души веселятся. Елеонскій не въ состояніи разобрать своихъ чувствъ. Онъ все время въ какомъ-то угарѣ, который мѣшаетъ ему остановить вниманіе на чемъ-нибудь окружающемъ, точно все, что вокругъ него происходитъ—совсѣмъ пустое, неважное, главный-же центръ всего—Соничка. Ее, только ее одну, и чувствуетъ онъ во весь вечеръ. И когда онъ стоитъ съ нею рядомъ и беретъ ее за руку, онъ слышитъ, какъ огонь у него пробѣгаетъ по жиламъ, а когда ея нѣтъ, его глаза безпокойно ее ищутъ

повсюду... И одна только мысль пролетаетъ въ его головѣ: «Ахъ, скоро-ли все это кончится?!..»

Вотъ и ужинъ. Красныя лица, жуящiе рты, звонъ посуды и хохотъ.

— Здоровье новобрачныхъ!! зычнымъ голосомъ возглашаетъ официантъ. Въ рукахъ у него обернутая въ салфетку бутылка шампанскаго.

— Ура-а!!! гремучей волной прокатывается хоръ голосовъ по залу «Свадебныхъ обѣдовъ». Опять тянутся бокалы и опять Елеонскiй чокается, и въ то-же время прежняя мысль, настойчивѣе и ужъ съ какимъ-то даже озлобленiемъ, ворошится въ его головѣ: «Да скоро-ли, скоро-ли все это кончится?!..»

Стучать колеса кареты. Въ полутьмѣ чуть вырисовывается личико Сонички. Она вся утонула въ облакѣ воздушнаго платья, и новобрачный прижимается въ уголъ кареты, боясь испортить туалетъ молодой. Иногда, при толчкѣ, его колѣно прикасается къ колѣну жены, и тогда онъ чувствуетъ, словно сотни иголокъ втыкаются въ его мозгъ... Она—жена его! вотъ все; о чемъ онъ пока въ состоянiи думать... Ничего другого точно совсѣмъ не существуетъ на свѣтѣ. Оба молчатъ. Онъ нѣсколько разъ пытается заговаривать, но мысли не вяжутся и горло сжимается спазмой...

— Мамурочка, шепотомъ произноситъ наконецъ Елеонскiй, и горло его опять сжимается спазмой. (Здѣсь, въ первый разъ, онъ далъ Соничкѣ это названiе, и съ тѣхъ поръ установилъ его за ней навсегда).—Мамурочка, ты не озябла?..

— Нѣтъ, мой голубчикъ, такимъ-же шепотомъ отвѣчаетъ ему молодая;—а тебѣ развѣ холодно?

— Мнѣ жарко, напротивъ, говоритъ Елеонскiй. Онъ нащупываетъ руку Сонички, сжимаетъ ее въ своей и спрашиваетъ:—Отчего ты дрожишь?

— Не знаю, совсѣмъ ужъ беззвучнымъ, какъ шелестъ листьевъ, шепотомъ отвѣчаетъ ему новобрачная, и замѣчаетъ:—А вотъ ты такъ даже трясешься...

Затѣмъ какъ-то такъ выходитъ, что они сидятъ совсѣмъ уже близко другъ къ другу, и молодой мужъ чувствуетъ, какъ волосы Сонички скользятъ у него по щекамъ... Все его существо преисполнено какимъ-то острымъ до муки блаженствомъ,

и въ эту минуту ему-бы хотѣлось такъ вотъ точно сидѣть съ ней и ѣхать всю жизнь, безъ конца!..

Неизвѣстно, сколько времени продолжается это состояніе забытья, только вдругъ оказывается, что карета стоитъ и изъ открытой дверцы льется струя морознаго воздуха... Приѣхали!

Вотъ и все, что видитъ пока Елеонскій... Вокругъ него горацій туманъ, ноги подкашиваются и въ горлѣ стоитъ какой-то клубокъ...

Рому въ бутылкѣ осталось менѣе чѣмъ наполовину. Самоваръ былъ совсѣмъ уже холодный. Предметы все больше и больше ясны, а на востокъ загорѣлась полоса утренней зорьки. Жужжали проснувшіяся мухи.

Грузно привалившись локтями на столъ и свѣсивъ голову на руки, сидѣлъ Елеонскій. Лицо его было теперь совсѣмъ багровое, губы отвисли и мутный взглядъ устремленъ въ одну точку... Онъ сидѣлъ и не двигался, находясь весь во власти одной темной силы, которая давно уже смущаетъ и не даетъ ему покоя... Это что-то невѣдомое и неотвратно-могучее, что давно уже поселилось въ стѣнахъ этой комнаты и каждый разъ выступаетъ во время бессонницы, и мучить, и дразнить его... Во время сна оно посылаетъ ему вереницы видѣній, и онъ, пробужденный, стонетъ и мечется и простираетъ жадно руки въ темное и пустое пространство, въ тщетной надеждѣ поймать улетѣвшую грѣзу, которая имѣла всѣ формы живой, реальной дѣйствительности, — но вокругъ лишь мракъ и безмолвіе... А темная сила витаетъ у его изголовья, дыша знойнымъ воздухомъ неудовлетворенныхъ желаній, и распаленный мозгъ молодого священника кипитъ и клокочетъ.

Онъ отнялъ руки отъ головы и воспаленнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ уставился передъ собою въ пространство. Тамъ было все старое, приглядѣвшееся: стоялъ книжный шкафъ, бѣлились простыни и подушки на диванѣ, но это не мѣшало ему видѣть другое, что созерцали его духовныя очи.

И вотъ подхватила его эта темная сила и быстро поставила на ноги... Ноги плохо служили. Поколыхавшись немного, онъ однако все-таки удержалъ равновѣсіе и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ... Шаги были нетверды, но онъ чувствовалъ въ себѣ бодрость необычайную, словно эта

темная сила вселилась теперь въ его грудь и ширила все его существо. Вокругъ стоялъ знойный туманъ, и въ немъ слышался страстный призывъ: «приди, приди, приди!...» Потомъ эта сила принесла его къ двери. Ключъ повернулся и звякнулъ. Квартира была погружена въ крѣпкій, предутренній сонъ, но слабо-розоватяя полоса восходящаго солнца уже скользили по стѣнамъ и мебели... Мелькнуло сбоку, въ простѣнкѣ, длинное зеркало... Онъ остановился, взглянулъ... Съ блестящей поверхности уставилось на него багровое лицо, съ всклокоченной бородой и дико-расширеннымъ взглядомъ... Потомъ это лицо застлалось туманомъ.

Елеонскій пошатнулся, какъ отъ дѣйствія удара, дрогнулъ и опрометью бросился вонъ...

Въ квартирѣ сіяло ужъ полное утро. Онъ стоялъ какъ столбъ посреди кабинета и озирался вокругъ, словно приходя въ себя отъ угарнаго сна. На столѣ видѣлся стаканъ съ недопитымъ пуншемъ, и солнце играло на гладкой поверхности опорожненной почти совершенно бутылки... «Навожденіе... Срамъ... О, какой срамъ!..» простоналъ Елеонскій отчаянно и схватилъ себя за голову. Потомъ онъ пришелся, шатаясь, къ дивану, бросился на него внизъ лицомъ и замеръ, какъ мертвый...

ХІІ.

Многоуважаемая Любовь Ивановна!

Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ, гласитъ русская пословица, а потому и питаю упованіе, что все между нами тогда происшедшее забыто Вами и не востанетъся: Вины во всемъ одного себя и свою непростительную горячность, по причинѣ которой я осмѣлился Васъ тогда оскорбить, въ чемъ и прошу великодушно простить меня. Да послужитъ это письмо мое знакомъ глубокаго моего раскаянія, а известно вѣдь, что повинную голову мечъ не стечетъ. Премного-бы меня успокоили, доказавъ, что перестали сердиться, еслибы согласились провести вечерокъ у вдовца и тѣмъ усладить его одиночество. Вдобавокъ, имѣю до Васъ

сто насиженное!.. Понимаете-ли вы, Петръ Васильичъ, что въ этомъ случаѣ я вамъ приношу, такъ сказать, жертву?..

— Это я понимаю... И очень вамъ благодаренъ, Любовь Ивановна, повѣрьте!—отвѣчалъ Елеонскій.

— А кромѣ того знайте еще, Петръ Васильичъ, что я отнюдь не согласна, чтобы вы видѣли во мнѣ нѣчто въ родѣ экономки или ключницы, и третировать себя не позволю...

— Да, Боже мой, неужели вы думаете... началъ было Елеонскій, но Кропотова его перебила.

— Погодите, еще послѣднее слово. Я хотѣла тѣмъ выразить, что вы должны всегда смотрѣть на меня, какъ на *родственницу*, которая принимаетъ ваши интересы такъ-же близко къ сердцу, какъ свои собственные, и еслибъ я относилась къ этому дѣлу иначе, ни что-бы меня не заставило согласиться похоронить себя здѣсь, въ этомъ мурѣ... Ну, теперь, кажется, я все досказала! Вотъ мои условія, Петръ Васильичъ, условія нравственныя, помимо тѣхъ, матеріальныхъ... Что вы на это скажете?

— Я могу только сказать, Любовь Ивановна, что все это какъ разъ согласуется и съ моими желаніями, отвѣчалъ Елеонскій.

— Ну, вотъ, и отлично! весело воскликнула Кропотова.— Значить, о дѣлѣ покончено. Теперь не налить-ли вамъ чай?

— Нѣтъ, благодарствуйте.

— Въ такомъ случаѣ, я прикажу убирать... Кстати, что это у васъ за фантазія распорядиться подавать чай въ кабинетъ, точно нѣтъ для этого столовой?.. Ну, да хорошо, все это впоследствии приведется въ порядокъ!.. А теперь что я хотѣла?.. Да!.. Пойдемте на могилу Сонички... Или вы не хотите сегодня?

— Нѣтъ, отчего-же... Пойдемте.

По дорогѣ въ прихожую имъ попалась навстрѣчу приземистая, грудастая женщина въ повойникѣ и сарафанѣ, которой Елеонскій приказалъ запереть дверь за ними.

— Это вѣдь кормилица, кажется? спросила Кропотова, когда они вышли на улицу.

О. Петръ отвѣчалъ утвердительно.

— Мнѣ помнится, какъ будто сперва была взята другая?.. Или я ошибаюсь?

— Да... это новая, медленно отвѣчалъ Елеонскій, смотря пристально въ землю.

— Вотъ какъ! Давно-ли?

— Со вчерашняго дня... Ту пришлось разсчитать...

— Чѣмъ же она провинилась? продолжала допытываться его неутомимая спутница.

— Мм... Такъ... Грубіянка...

— Да неужели? Скажите! удивилась Любовь Ивановна, и перевела рѣчь на другое.

Черезъ нѣсколько минутъ они были уже у могилы жены Елеонскаго.

Цвѣты совершенно пропали и только мѣстами еще оставалась кое-какая пережившая зелень... Это тотчасъ-же сказалося упрекомъ въ мысляхъ о. Петра, который вспомнилъ, что нѣсколько дней уже не былъ на могилѣ мамурочки, и онъ тотчасъ-же далъ себѣ слово при первой возможности привести ее въ порядокъ.

Обнаживъ свою голову, онъ отдалъ земной поклонъ праху жены и опустился на скамейку, какъ это дѣлывалъ прежде. Кропотова крестилась и разсматривала памятникъ въ благоговѣйномъ молчаніи.

Онъ смотрѣлъ на этотъ бѣлый и новый, мѣстами уже запачканный, крестъ, и воспоминанія пережитыхъ впечатлѣній проносились въ его головѣ... О, какъ все это было недавно, а между тѣмъ, странное дѣло,—казалось, будто съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ... Вотъ здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестъ, зіяла глубокая яма, подальше вздымалась куча свѣже-нарытой земли, а вокругъ стояли тѣсной толпою пріѣхавшіе «отдать послѣднюю честь покойницѣ» гости... Сѣялась изморось и повременамъ налетающій вѣтеръ путалъ всѣхъ волоса... О. Кустодіевъ морщится и торопливѣе читаетъ молитвы... Потому уже ничего онъ не помнитъ... Помнитъ только, какъ поднялась суматоха, его держать и не пускаютъ, а онъ рвется изъ рукъ и умоляетъ съ рыданіями, чтобы хоть на минуту, на одну только минуту позволили открыть крышку гроба, такъ какъ онъ хочетъ еще разъ взглянуть на мамурочку... Какъ сквозь сонъ слышитъ стукъ комьевъ земли о деревянные доски, работаютъ быстро лопаты, и вотъ, вмѣсто

зіяющей ямы, возникъ маленькій холмикъ, а на немъ ярко бѣлѣющій новенькій крестъ... Кончено все!

И каждый разъ, когда онъ сидѣлъ на этой скамейкѣ, ему вспоминалось все это, и сердце сжималось вновь переживаемой болью... Но почему-же теперь, когда онъ вызвалъ въ своей головѣ эту картину, ему вдругъ показалось, будто ужь это не онъ, а какой-то другой, посторонній участникъ захотѣлъ снова припомнить все, чему тогда былъ свидѣтелемъ?..

— Пойдемте, раздался надъ нимъ голосъ Кропотовой.

Онъ очнулся и всталъ. Любовь Ивановна торопливо крестилась, бросая въ послѣдній разъ взглядъ на памятникъ. Онъ тоже осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, отвѣсилъ, какъ всегда это дѣлалъ, поклонъ, коснувшись концами пальцевъ земли, потомъ надѣлъ шляпу и присоединился къ тронувшейся медленнымъ шагомъ Любови Ивановнѣ.

Оба хранили молчаніе, незамѣтно подвигаясь впередъ между памятниковъ. Должно быть, они глубоко были погружены въ свои думы, такъ какъ оба въ одинъ разъ съ удивленіемъ замѣтили, что очутились внѣ кладбища.

— Гдѣ-же это мы? воскликнула Кропотова, озираясь по сторонамъ на окрестность. Передъ ними была лужайка, сбѣгавшая къ узенькой рѣчкѣ, надъ которой склонялись кусты, а возлѣ нихъ видѣлась привязанная къ колышку лодка.— Вотъ никогда не была здѣсь! Что это за рѣчка?

— Поганка, отвѣчалъ Елеонскій.

— А тутъ очень мило, одобрила Кропотова.— Куда-же мы теперь?

— Куда хотите, Любовь Ивановна. Пожалуй, пойдемте домой.

— Конечно, куда-же больше? согласилась, вздохнувъ, его спутница, и вдругъ прибавила съ неожиданнымъ оживленіемъ: — Знаете что, посидимте здѣсь немножко... Право, жаль въ такой чудный вечеръ уходить въ душныя комнаты!

Оба не говорили ни слова. Черноглазая вдовушка бродила разсѣянными взорами въ пространствѣ. Елеонскій сидѣлъ, обхвативъ руками колѣно, и думалъ свою одинокую думу...

Съ самаго вечера вчерашняго дня, съ той самой минуты, когда онъ рѣшилъ написать и отправить Любови Ивановнѣ свое покаяніе, онъ не переставалъ размышлять о послѣдствіяхъ

сдѣланнаго... Это былъ необходимый исходъ, которымъ разрѣшился процессъ его измученнаго одиночествомъ сердца... А въ то-же самое время въ его головѣ невольно возникало воспоминаніе о первыхъ дняхъ послѣ смерти жены, проведенныхъ имъ въ обществѣ Любви Ивановны, разрѣшившихся сценой, которая привела къ долгой размолвкѣ... И вотъ сегодняшній ихъ разговоръ, по поводу его предложенія, ея покровительственный, снисходительный тонъ, который она приняла тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій, необходимыхъ послѣ долгой разлуки и произнесенныхъ ею съ холоднымъ достоинствомъ. Точно онъ и въ самомъ дѣлѣ вымолилъ у нея прощенье за происшедшую между ними, назадъ девять мѣсяцевъ, сцену... Да, это вѣрно, вымолилъ, вымолилъ, потому что этой мольбою проникнуто было отъ первой до послѣдней строчки письмо, которое онъ ей отправилъ... О, оно вспомнилось ему отъ слова до слова! Вѣдь не даромъ-же оно ему стоило столько усилій!..

Объ этомъ онъ думалъ все время, идя бокъ о бокъ съ Любовью Ивановной, съ могилы жены, и его сердце сжималось предчувствіемъ чего-то неотвратимо-враждебнаго, мерещившагося ему во тьмѣ грядущихъ годовъ... И нѣсколько разъ уже онъ порывался воскликнуть: «Нѣтъ, не нужно, не нужно, оставьте меня!.. Пусть будетъ по прежнему! То былъ припадокъ малодушія, въ которомъ теперь я раскаиваюсь... Пусть я останусь одинъ на дорогѣ, потому что того хочетъ судьба!» Но онъ вспоминалъ о мрачныхъ тѣняхъ, притаившихся въ стѣнахъ его большой, одинокой квартиры, среди тишины, нарушаемой по цѣлымъ днямъ звукомъ человѣческой рѣчи, которая опять, вотъ даже сегодня, лишь только опустится мракъ, выступать и окружать его — и нужное слово замирало у него на губахъ...

А вокругъ все дышало покоемъ и миромъ... Недвижимо мѣли кусты, глядясь въ гладкую поверхность заснувшей рѣчонки... Покоемъ и миромъ дышало потухавшее небо... И, Боже, какъ жадно ему теперь захотѣлось привѣта, участія.

— Знаете, о чемъ думаю я теперь, Петръ Васильичъ? прозвучалъ около него неожиданно голосъ Любви Ивановны.

Онъ не поднималъ головы, погруженный въ свою прежнюю думу.

— Я вспомнила тотъ вечеръ, когда вы въ первый разъ прѣѣхали съ вашимъ дядей къ Ильѣ Александрычу... А вы это помните?

— Помню, тихо отвѣчалъ Елеонскій.

— Какой вы тогда были робкій, стыдливый... Я все время смотрѣла на васъ...

— Я тогда еще былъ студентомъ... То было хорошее время! вздохнулъ Елеонскій.

— Я помню еще, продолжала свои размышленія вслухъ его собесѣдница,—какъ вы вдругъ подняли глаза на меня и замѣтили, что я смотрю на васъ пристально... Признайтесь, что вы тогда смутились, признайтесь? И я тогда подумала: какой онъ, должно быть, добрый—добрый и мягкій...

Голосъ Кропотовой былъ ужь не тотъ торжествующій, проникнутый достоинствомъ тонъ, которымъ она, полчаса назадъ, предъявляла о. Петру свои требованія... Этотъ голосъ напомнилъ ему тотъ эпизодъ страшной ночи, въ которую скончалась мамурочка, когда онъ излилъ передъ Любовью Ивановной свою скорбящую душу, и она дала ему утѣшенье и бодрость...

А вокругъ подымалась ужь сырость, и мутная мгла бѣлой питерской ночи тяжелой пеленою опускалась надъ затихшею рѣчкой и надъ заснувшей окрестностью.

М. Альбовъ.

IN MEMORIAM.

(На мотивъ изъ Теннисона).

Я не завидую рабамъ,
Которымъ весело въ неволѣ,
И въ клѣтѣхъ выросшимъ птенцамъ,
Что не летали въ чистомъ полѣ.

Мнѣ жалокъ тотъ, кто безъ труда
Со всякимъ зломъ ужиться можетъ,
Кто не горюетъ никогда,
Когда забота не тревожитъ.

Счастливецемъ я бы не назвалъ
Того, кто чуждъ сердечнымъ узамъ
И кто охваченъ не бывалъ
Любви чарующимъ союзомъ.

Намъ тяжело милыхъ хоронить,
Но эта горькая потеря
Гораздо лучше, чѣмъ прожить
Любви не зная, любви не вѣря...

Д. Михаловскій.

ПОТОКЪ.

(Повѣсть).

IX.

— «Ѣхать не Ѣхать», «Ѣхать не Ѣхаты!» Право, можно подумать, что имѣешь дѣло съ ребенкомъ, который не умѣетъ сосчитать даже своихъ десяти пальцевъ, заговорилъ старикъ Бабулинъ, когда лодка направилась обратно въ городъ.— Конечно, можетъ быть, Владиміръ Васильевичъ дошелъ уже до того, что свыкъся съ своимъ теперешнимъ положеніемъ и не хочетъ выйти изъ него... Да вѣдь тѣмъ болѣе жалко человѣка! Несомнѣнно талантливъ, молодъ, вся жизнь у него впереди, а между тѣмъ вѣдь онъ сгораеетъ здѣсь, точно сальная свѣчка, и сгорить, пропадетъ ни за грошъ!..

Катенька, задумчиво смотрѣвшая куда-то вдаль, на противоположный берегъ, постепенно скрывавшійся въ туманѣ и во мракѣ наступавшей ночи, быстро взглянула на Бабулина.

— Онъ пропадетъ?! Вы думаете? насмѣшливо спросила она.

— Катерина Петровна! Голубушка! Да вы всмотритесь пристальнѣе въ его грустное положеніе! заговорилъ старикъ, смущенный вспыхнувшимъ въ ней гнѣвомъ и поэтому старавшійся выражаться какъ можно нѣжнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣе.— Вѣдь въ его теперешней жизни нѣтъ рѣшительно ничего такого, что бы встряхнуло его, оживило, брызнуло-бы на него живой водой. Какъ есть ничего! Напротивъ, всѣ обстоятельства сложились именно такъ, чтобы понемногу да понемногу усыпить его, обезсилить и, въ концѣ концовъ, съ головой втянуть въ болото самой мелочной и пустой жизни. По-

смотрите! Матерьяльное положеніе его становится съ каждымъ мѣсяцемъ все хуже и хуже; работа у него мертвенная, времени отъ нея остается слишкомъ мало, чтобы заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ, да и само собою понятно, что человѣку, просидѣвшему семь, восемь часовъ за счетами, требующими напряженнаго вниманія, потомъ уже не до занятій... Вотъ вѣдь какое его положеніе! И какъ-же послѣ этого вы не хотите согласиться съ тѣмъ, что онъ тратится здѣсь совсѣмъ не на то, на что создалъ его Господь Богъ?.. Вѣдь онъ дѣйствительно сгораетъ понемногу и въ этой черной работѣ, и въ безалаберномъ отдыхѣ отъ нея, который онъ находитъ только въ картахъ, въ кутежахъ... И сгоритъ совсѣмъ, если мы не поможемъ ему выйти на другую дорогу. Пропадетъ!..

— А что-же тамъ, куда вы его хотите сослать? спросила Клавдія Антоновна.—Развѣ тамъ нѣтъ ни картъ, ни водки, а есть одна только добродѣтель?

При словахъ «хотите сослать», прозрачно намекавшихъ по меньшей мѣрѣ на то, что Клавдія Антоновна плохо вѣритъ въ добрыя намѣренія Бабулина, онъ почувствовалъ, что начинаетъ терять терпѣніе.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ, куда вамъ такъ не хочется его отпустить, ему было-бы несравненно лучше чѣмъ здѣсь, отвѣчалъ онъ довольно сердито.

Клавдія Антоновна достала папиросу, громко стукнувъ крышкой портсигара, и отрывисто спросила:

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что его матерьяльное положеніе сдѣлалось-бы сразу вдвое лучше,—это разъ. Тѣмъ, что времени у него оставалось-бы несравненно больше,—это два. Тѣмъ, наконецъ, что, вмѣсто мертвеннаго механическаго дѣла, у него было-бы на рукахъ дѣло живое, не усыпляющее мысль, а напротивъ, будящее ее,—это три. Мало этого?

Клавдія Антоновна нѣсколько болѣе энергично, чѣмъ требовалось, зажгла спичку и закурила папиросу.

— Ну, тоже! сказала она, выпустивъ клубъ дыма.—Видала я эту газету! Каждый разъ изъ нея только и вынесешь одно впечатлѣніе, что «продается корова», да «отдается пустопорожнее мѣсто»... больше ничего. И хорошо должно быть живое дѣло, связавшись съ которымъ порядочный человѣкъ не при-

И если я случайно встрѣчусь гдѣнибудь съ ними, я знаю какъ держать себя... Прощай, Катенька!..

Старикъ остановился и, опершись на тросточку, пристально посмотрѣлъ въ лицо сына, освѣщенное мѣсяцемъ.

— Да ты, по обыкновенію, шута строишь? съ недоумѣніемъ спросилъ онъ. Губы его дрожали.

— За кого-же вы меня считаете, папа? Намъ стануть плевать въ фізіономію, а я буду строить шута! Даю вамъ слово, что моя нога не будетъ въ ихъ домѣ. Честное слово! Пусть онѣ поймутъ, что въ ихъ подозрѣніяхъ не было и тѣни правды!..

Старикъ по-прежнему смотрѣлъ на него во всё глаза, упираясь обѣими руками въ набалдашникъ трости и немного сгорбившись. Что этотъ щенокъ?.. Разыгрываетъ комедію, или говорить серьезно? Притворяется дурачкомъ, или на самомъ дѣлѣ дуракъ набитый? Понялъ онъ его планъ относительно Владиміра Васильевича и только въ насмѣшку упомянулъ о «злыхъ людяхъ» или, напротивъ, ровно ничего не понялъ, все принялъ за чистую монету и серьезно оскорбился словами старой дуры? Никогда въ жизни, кажется, старикъ не чувствовалъ себя въ такомъ скверномъ положеніи. Ему было и какъ-то неволью совѣстно передъ сыномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ весь вскипалъ отъ гнѣва при одной только мысли о томъ, что этотъ мальчишка, знающій жизнь не больше пѣтуха, осмѣливается, быть можетъ, судить его поступки и косвенно читать ему нравоученія!..

— Чортъ знаетъ! воскликнулъ онъ наконецъ, задыхаясь и стуча тростью. — «Злые люди»... «добрыя намѣренія»... «порядочные люди»... «подозрѣнія и оскорбленія, которыя необходимо стереть»... «честное слово»... «нога твоя не будетъ въ ихъ домѣ»... Да не ходи, чортъ тебя возьми!.. Какое мнѣ дѣло?!.. Осель!..

Онъ съ размаху бросилъ трость на мостовую и неровными шагами пошелъ черезъ улицу къ своему дому, передъ которымъ они стояли. Петруша поднялъ трость и слѣдовалъ за нимъ.

— Спокойной ночи, папа! сказалъ онъ, когда сторожъ отворилъ передъ старикомъ калитку.

Старый Бабулинъ, не оглядываясь и не отвѣчая, вошелъ во дворъ.

X.

— Тамъ сыро, на рѣкѣ, а какъ хорошо здѣсь, тета! сказала Катенька, когда Бабулины скрылись за угломъ ближней улицы.

— Тамъ совсѣмъ сыро; у меня озябли ноги, отвѣчала Клавдія Антоновна. — Хочешь, пройдемся хоть вокругъ площади, только дай мнѣ руку, а то я ничего не вижу въ тѣни.

Горничная опять затворила дверь подъѣзда, и онѣ тихо пошли по тротуару, въ густой тѣни, отбрасываемой домами, заборами и деревьями, за которыми плылъ мѣсяцъ, поднимаясь все выше и выше на ясномъ небѣ. Широкая площадь, лежавшая влѣво отъ нихъ, была вся залита его свѣтомъ. Посрединѣ ея возвышался старый соборъ, весь бѣлый, — съ бѣлыми колоннами, съ бѣлыми трубами, съ бѣлымъ куполомъ, устѣяннымъ блестящими позолочеными звѣздами. Въ одной изъ стѣнъ его мерцала за стекломъ розовая лампада, теплившаяся передъ большимъ образомъ. На ступенькахъ паперги чернѣла неподвижная, какъ статуя, фигура дремавшаго сторожа. И, казалось, вмѣстѣ съ нимъ, въ серебристомъ лунномъ свѣтѣ, дремала и вся эта старая площадь. Дремали старые дома, окружавшіе ее; дремали старыя березы и липы въ обширныхъ садахъ; дремали львы на каменныхъ воротахъ; дремали собаки, свернувшіяся клубками у ногъ дремлющихъ сторожей и только изрѣдка тревожимыя отдаленнымъ шумомъ, доносившимся изъ новыхъ улицъ, куда давно уже перешла вся жизнь, нѣкогда кипѣвшая въ этой части города.

Катенька смотрѣла на эту тихую площадь, родную ей, дорогую ей съ дѣтства, и сердце ея все больше и больше переполнялось тоскою. Какъ мало знавала она счастливыхъ дней и какъ часто приходилось ей смотрѣть заплаканными и молящими глазами на этотъ крестъ, сіяющій высоко въ небѣ, на эту лампадку, мерцающую и днемъ, и ночью въ бѣлой стѣнѣ собора! Правда, счастливые часы нрѣдко выпадали на ея долю въ раннемъ дѣтствѣ, покуда былъ живъ отецъ, любившій ее, но это счастье было не долгое и слишкомъ дорогою цѣною купленное счастье. Братъ и мать возненавидѣли ее именно за то, что она была любимица отца. И когда отецъ умеръ, ей, восьмилѣтней дѣвчкѣ, пришлось тяжело расплачи-

ваться за его любовь къ ней. Старую, добрую няньку ея прогнали, любимую собаку, Ыльянку, повѣсили, любимую большую куклу братъ растопталъ ногами и потомъ сжегъ въ каминѣ. Она осталась совсѣмъ одна, никѣмъ не любимая, заброшенная. Избалованный матерью и находившій какое-то особенное наслажденіе въ томъ, чтобы мучить кого-нибудь, — собаку, кошку, птицу или человѣка, все равно, — братъ постоянно тиранилъ ея, благо она всегда находилась у него подъ руками. Отъ матери, готовою, кажется, цѣловать слѣды ногъ своего сына, она только и слышала, что — «ахъ, отстань, нюнька!» «да уведите эту мокрую плаксу!» «опять эта уродина распустила слюни!».. Забившись за высокія жардиньерки съ цвѣтами и за опущенныя тяжелыя занавѣси, „нюнька“, просиживала цѣлые вечера на одномъ изъ оконъ, выходящихъ на эту площадь, и въ ней постепенно какъ будто врѣзывались неизгладимыми чертами эти освѣщенные мѣсяцемъ пруды въ обширныхъ садахъ, эти таинственныя башенки на кровлѣ собора, эти бѣлыя, стройныя колонны подъ куполомъ, эти стая галокъ на колокольнѣ, эти меланхолическіе звуки часового колокола, словно слетающіе съ вершины родной церкви и печально плывущіе куда-то далеко, далеко, за рѣку, за дуга, за синій дѣсь...

Потомъ, года черезъ два послѣ смерти отца, ей стало нѣсколько легче. Въ городъ пріѣхала и поселилась въ ихъ домѣ Клавдія Антоновна, бывшая замужемъ за уѣзднымъ лекаремъ. Она обратила вниманіе на заброшенную дѣвочку и понемногу привязалась въ ней, кажется именно потому, что Катя была заброшенная, какъ лишній котенокъ. Вообще-же Клавдія Антоновна не любила дѣтей. Катенька какъ сейчасъ помнитъ тѣ часы, которые она проводила каждый день у своего новаго друга. Клавдія Антоновна, точно такая-же какъ теперь, — напудренная, съ вставными зубами, затянутая въ корсетъ, лежитъ на диванѣ и куритъ папиросу за папиросой, слушая чтеніе Катеньки, сидящей подлѣ нея въ креслѣ, съ книгой въ рукахъ. Иногда, когда дѣвочка запутается въ слишкомъ длинной и неужюже составленной фразѣ или залпнется надъ непонятнымъ словомъ, Клавдія Антоновна надѣнетъ золотыя очки, заглянетъ въ книгу и начнетъ распутывать запутанное или объяснять непонятное. Но разъ она начинала свои объясненія,

ей было уже трудно остановиться. Словно увлекаясь звукомъ своего собственнаго голоса, она переходила отъ предмета къ предмету, обличала, проповѣдывала, пророчествовала. Катенька не помнитъ, чтобы она видѣла Клавдію Антоновну за какимъ-нибудь дѣломъ,—за шитьемъ, вязаньемъ, или,—чего сохрани Боже,—за работою въ кухнѣ. Клавдія Антоновна презирала всѣ эти женскія работы и называла ихъ рабскими. Она либо лежала на диванѣ и курила, либо читала газеты и книги, чаще-же всего говорила, спорила и обличала. Между прочимъ, она яростно обличала мать Катеньки въ томъ, что она возмутительно несправедливо относится къ дочери и вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени распустила сына, что онъ уже теперь, въ пятнадцать лѣтъ, смотритъ совсѣмъ неисправимымъ негодяемъ. Результатомъ этихъ обличеній явилось то, что мать Катеньки разсорилась съ Клавдіей Антоновной и перестала отпускать къ ней дочь. Катенька очутилась одна. Но теперь ей уже легче было переносить свое одиночество. Во-первыхъ, она знала, что вблизи ея, за стѣной, у нея есть добрый другъ, съ которымъ она можетъ отъ времени до времени, тайкомъ, обмѣняться взглядомъ, словомъ, запиской; а во-вторыхъ, Клавдія Антоновна успѣла привить къ ней любовь къ чтенію.

Прошли еще четыре года, и судьба ея разомъ измѣнилась. Братъ, катаясь, пьяный, на лодкѣ подъ парусами, опрокинулъ ее и утонулъ. Черезъ мѣсяць послѣ него умерла и мать. Потянулись безконечною вереницею похороны, панихиды, сорокоусты, годовщины, похоронные напѣвы, траурныя платья. Явились откуда-то никогда невиданные родственники,—и робкіе бѣдняки, тихо жаловавшіеся на свою судьбу, и богатые люди, которые громко спорили съ Клавдіей Антоновной, выходили изъ себя, грозили начать цѣлый рядъ процессовъ, гражданскихъ и уголовныхъ. Наконецъ, все это прошло, и Катенька могла свободно устроить свою жизнь какъ хотѣла. Отъ прошлаго въ ней осталась только чувствительность, нерѣдко переходившая въ сантиментальность, да еще нѣкоторая диковатость, нелюбовь къ большому обществу.

Года два назадъ она познакомилась съ Владиміромъ Васильевичемъ и влюбилась въ него, по выраженію Клавдіи Антоновны, какъ кошка, влюбилась такъ, какъ можетъ влюбиться только дѣвушка нервная, сантиментальная, совсѣмъ не знаю-

щая ни людей, ни жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ много переживавшая и, вслѣдствіе этого, рано развившаяся. Владиміръ Васильевичъ представлялся ей какимъ-то совершенно особеннымъ существомъ, неизмѣримо высшимъ чѣмъ обыкновенные смертные. Сначала она не осмѣливалась даже и мечтать о томъ, что онъ когда-нибудь полюбитъ ее. Она мечтала только о томъ, чтобы стать къ нему ближе, получить возможность служить ему, и даже составила себѣ цѣлый планъ, что она сойдется съ его женой, сдѣлается ея другомъ и онѣ вмѣстѣ будутъ охранять дорогого имъ человѣка отъ опасностей, враговъ, ихъ козней и проч., и проч. Осуществить этотъ планъ ей помѣшало вліяніе Клавдіи Антоновны.

Если-бы пришлось взвѣсить дѣла и намѣренія Клавдіи Антоновны и на одну чашку вѣсовъ положить все то доброе, что было въ ея жизни и сердцѣ, а на другую—всѣ ея прегрѣшенія и слабости, то первая чашка легко перевѣсила-бы вторую. Голосъ у нея былъ громкій, выражалась она рѣзко и иногда вульгарно, но сердце у нея было несомнѣнно доброе. Какъ-то ей пришлось услышать, что одинъ извѣстный взяточникъ и сутяга, ведшій на своемъ вѣку десятки тяжбъ и раззорившій не одну семью, разбитъ теперь параличемъ, совсѣмъ обнищаль и пріютился съ старухой женой гдѣ-то на чердакѣ, куда ихъ пустили изъ милости.

— По дѣломъ вору и мука! сказала Клавдія Антоновна, щелкнувъ портсигаромъ и закуривая папиросу.—Хоть одной собакѣ достается таки и смерть собачья.

Однако-же, этотъ жесткій приговоръ не помѣшалъ ей отправиться на чердакъ, гдѣ, около слухового окна, ютилась эта „собака“, перевести стараго грѣшника къ себѣ на кухню и затѣмъ лечить и содержать его съ женой, покуда не пришла за нимъ смерть, но смерть уже не собачья, а человѣческая. Другая несомнѣнная добродѣтель Клавдіи Антоновны была правдивость. Сама она почти совсѣмъ не умѣла лгать и, кромѣ того, ея языкъ всегда какъ-то самъ собою порывался высказывать правду и другимъ людямъ, какая-бы горькая ни была эта правда и какія-бы послѣдствія ни влекла за собою.

— Дура ты, матушка, душой и умрешь! добродушно говорилъ ея мужъ, работающій хлопотунъ, постоянно находив-

пійся въ развѣздахъ по уѣзду и всегда выпившій, но никогда не бывавшій пьянымъ.

Нѣкоторыя воззрѣнія Клавдіи Антоновны поражали своею наивностью. Въ глубинѣ души она должна была несказанно удивляться, что люди до сихъ поръ не умѣютъ устроить свою жизнь хоть сколько-нибудь сносно. Лично ей все казалось чрезвычайно простымъ и легкимъ. Если Клавдіи Антоновнѣ случалось слышать о какой-нибудь женщинѣ, которой приходится переносить отъ своего мужа обидныя подозрѣнія, оскорбительныя намеки, брань, издѣвательства, она высоко приподнимала свои подкрашенные брови и съ недоумѣніемъ спрашивала: „да отчего-же она не уйдетъ отъ него“? Если ей рассказывали о какой-нибудь дѣвушкѣ, которая страстно желала-бы продолжать свое образованіе, но не можетъ, потому что отецъ, мать и братья не хотятъ отпустить ее въ чужой городъ, Клавдія Антоновна опять удивлялась и недоумѣвала: «да отчего-же она не наплюетъ на нихъ и не уйдетъ куда ей хочется»? И такъ во всемъ,—въ маломъ и большемъ, въ вопросахъ личныхъ и въ вопросахъ общественныхъ. Отчего люди не сдѣлаютъ того, что имъ очевидно слѣдовало-бы давно сдѣлать? Отчего они не пріобрѣтутъ то, что имъ необходимо, тѣмъ болѣе, что это необходимое лежитъ у нихъ подъ носомъ?

Владиміръ Васильевичъ пользовался ея особеннымъ расположеніемъ. Во-первыхъ, его любила Катя, на которую она понемногу привыкла смотрѣть какъ на „свою“ Катю. Затѣмъ, онъ нравился ей и самъ по себѣ,—своею красотою, веселою безпечною, образною и увлекательною рѣчью. Между прочимъ, она была расположена къ нему и потому еще, что онъ видимо любилъ бывать въ ихъ обществѣ и просиживалъ у нихъ цѣлыя вечера, хотя, конечно, ея мнѣніе о немъ значительно поколебалось-бы, если-бы она узнала какимъ-нибудь чудомъ, что Владиміра Васильевича привлекаетъ къ нимъ одно только лестное для его самолюбія поклоненіе, которое воздавали ему обѣ эти женщины, «и старая, и малая». Правда, Клавдія Антоновна не совсѣмъ закрывала глаза на его слабости и иногда даже высказывала нѣкоторыя опасенія за будущность своего любимца, но корень зла она видѣла не въ немъ самомъ, а въ его женѣ. Лизавета Николаевна почти съ перваго-же раза произвела на нее крайне невыгодное впечатлѣніе, глав-

нымъ образомъ, разумѣтся, потому, что во многихъ отношеніяхъ являлась прямою противоположностью ей. Клавдія Антоновна любила разговоры о вопросахъ обширныхъ, любила громкія выраженія, и чѣмъ въ болѣе рѣзкую форму они облекались, тѣмъ было лучше и яснѣе, по ея мнѣнію. Лизавета Николаевна никогда не была особенно сообщительна, а услышавъ грубый голосъ этой незнакомой ей напудренной старухи, рѣзко выкрикивающей самыя избитыя фразы, она, уже изъ одного чувства мѣры, стала держать себя съ нею еще сдержаннѣе и проще. Клавдія Антоновна не понимала и рѣшительно не могла понять, какимъ образомъ какая-нибудь женщина, неглупая и получившая нѣкоторое воспитаніе и развитіе, можетъ тратить свои силы на такія глупыя занятія, какъ шитье, стряпня и вообще хозяйство. Лизавета-же Николаевна, хоть и не чувствовала никакого влеченія къ этимъ чернымъ работамъ, но не брезгала ими и находила, что если человѣкъ самъ моетъ себѣ руки, то отчего-же ему не вымытъ иногда и полъ къ своей квартирѣ, когда есть свободное время. Въ концѣ концовъ оѣ эти женщины съ перваго-же раза составили одна о другой весьма неблагоприятное мнѣніе. Лизавета Николаевна нашла свою новую знакомую смѣшной и глупой старухой, а Клавдія Антоновна пришла къ заключенію, что жена Владиміра Васильевича какая-то накрахмаленная мѣщаночка, которая не только не способна понять его и быть ему вѣрнымъ другомъ и товарищемъ, но даже, въ силу уже одной своей мѣщанской мелочности, должна оказывать на него самое угнетающее вліяніе. „Не мудрено, что онъ почти не бываетъ дома и предпочитаетъ проводить вечера въ трактирѣ, въ клубѣ или гдѣ нибудь за картами, говорила она.—Что ему дѣлать дома? Не можетъ-же онъ помогать своей супругѣ чистить кастрюли!...»

Катенька, чаще видѣвшаяся съ Лизаветой Николаевной, смутно чувствовала повременамъ, что въ этомъ суровомъ приговорѣ есть что-то совсѣмъ не ладящееся съ дѣйствительностью, но она такъ привыкла смотрѣть на все глазами Клавдіи Антоновны и, кромѣ того, этотъ приговоръ былъ такъ выгоденъ для нея, что она и не старалась провѣрить его. Ко всему этому присоединилась еще ревность. Ослѣпленная ею, Катенька окончателно остановилась на томъ заключеніи, что,

пожалуй, Лизавета Николаевна гораздо умнѣе и хитрѣе, чѣмъ думаетъ тетка, но во всемъ остальномъ Клавдія Антоновна совершенно права. Послѣ этого, первоначальный планъ Катеньки—сойтись съ Лизаветой Николаевной—былъ отложенъ въ сторону. Влюбленная дѣвушка начала мечтать уже о томъ, что придетъ-же наконецъ та минута, когда у Владиміра Васильевича откроются глаза и онъ увидитъ, что его семейная жизнь сложилась невозможнымъ образомъ. Въ послѣднее время ей стало казаться даже, что эта желанная минута приближается. И вотъ, теперь, все готово рушиться... Не можетъ-же она ѣхать за Владиміромъ Васильевичемъ, куда онъ поѣдетъ... На что бы это было похоже и что скажутъ люди!..

— Тетя, да неужели-же онъ уѣдетъ? сказала она чуть не плача.

— Пустяки! отвѣчала Клавдія Антоновна.—Какой-же дуракъ не знаетъ, что Бабулину нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ. Ну, наведутъ справки... А воображаю, хорошо должно быть дѣло и хороши дѣятели, если отъ нихъ люди застрѣливаются!..

Онѣ тихо шли подъ руку вокругъ площади. Теперь мѣсяцъ стоялъ за ними, и вся дорога впереди ихъ была ярко освѣщена его серебристымъ свѣтомъ. Вдругъ съ вершины собора прозвучалъ ударъ часового колокола, и отъ него, казалось, затрепетала въ своемъ полуснѣ вся площадь, — всколыхнулся воздухъ, тихо задрожали дома, деревья, встрепенулись и зашумѣли на колокольнѣхъ птицы. За первымъ ударомъ послѣдовала вторая, третья...

— Десять часовъ, сказала Клавдія Антоновна.

Катенька, немного вытянувъ шею и прищурившись, смотрѣла впередъ, гдѣ кто-то шелъ навстрѣчу имъ.

— Тетя! вдругъ прошептала она съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, заставившимъ Клавдію Антоновну взглянуть на нее.

— Что тамъ?

— Вѣдь это онъ!

Дѣйствительно, навстрѣчу имъ шелъ широкими и послѣшними шагами Владиміръ Васильевичъ, торопившійся на условленное утрошъ свиданіе. Дойдя до угла маленькаго переулка,

выходившаго на площадь, онъ круто повернулъ въ полуоборотъ и сталъ переходить на другую сторону.

— Владиміръ Васильевичъ! окликнула его Катенька.

Онъ съ недоумѣніемъ поднялъ голову, немного пріостановившись, и потомъ подошелъ къ нимъ.

— Куда это вы въ такую пору? спросила Клавдія Антоновна.

Онъ снялъ шляпу, отирая платкомъ лобъ, и смотрѣлъ на нихъ смѣющимися глазами, какъ школьникъ, пойманный на шалости, но хорошо знающій, что никакого наказанія за нее не будетъ.

— Прощаться съ товарищами, смѣясь отвѣчалъ онъ.

— Ну да, я знаю,—къ Яковлеву, сказала Клавдія Антоновна, указывая движеніемъ головы въ переулокъ.

— Къ Яковлеву.

— И будете опять играть... опять до утра?

— Опять играть, отвѣчалъ Владиміръ Васильевичъ.

Клавдія Антоновна тихо покачала головой.

— А что? Какъ вы думаете о новомъ мѣстѣ? спросила она.

— Право, не знаю... Съ одной стороны, „можно не соглашаться“ съ доводами Бабулина; „съ другой стороны, нельзя не сознаться“, что въ нихъ много соблазнительнаго. Да говоря откровенно, я и не особенно думаю объ этомъ: есть добрые люди, которые и обдумаютъ за меня этотъ вопросъ, и соберутъ свѣдѣнія, и взвѣсятъ ихъ... и рѣшатъ!..

Онъ безпечно засмѣялся и, пожавъ имъ руки и пожелавъ спокойной ночи, пошелъ своей дорогой. У Катеньки такъ билось сердце отъ смутнаго сознанія необходимости именно теперь что-то сказать, выяснить, что она долго не могла выговорить ни слова. И только когда онъ уже отошелъ отъ нихъ, она опять позвала его и быстро подошла къ нему.

— Не ѣздите! Оставайтесь! скорѣе шептала, чѣмъ говорила она задыхающимся голосомъ. Рука ея, сжимавшая его руку, дрожала; приподнятое къ нему блѣдное лице ея, освѣщенное мѣсяцемъ, было полно мольбы.

Волненіе, охватившее всю ее, передалось и Владиміру Васильевичу. Онъ смотрѣлъ на нее молча, нѣжно и, казалось, любовался ею.

— Не знаю, задумчиво сказалъ онъ, наконецъ,—Теперь... вотъ именно въ эту минуту... мнѣ думается, что, пожалуй, лучше будетъ, если я уйду.

Она тяжело вздохнула.

— Почему лучше? Для кого?

Онъ не могъ оторвать взгляда отъ ея влюбленныхъ, грустныхъ глазъ, блестявшихъ подъ лучами мѣсяца, какъ блестятъ звѣздочки, отражающіяся въ спящей водѣ.

— Для всѣхъ...

И затѣмъ, какъ будто противъ своей воли, увлекаемый красотой этой ночи, этимъ фантастическимъ луннымъ свѣтомъ, этимъ выразительнымъ блѣднымъ лицомъ, обращеннымъ къ нему, прибавилъ:

— И для меня, можетъ быть, больше всѣхъ...

Сердце ея замерло и отъ призрака счастья, пронесшагося передъ нею, и отъ тоски о томъ, что, быть можетъ, онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился теперь уѣхать.

— Нѣтъ... не лучше! Нѣтъ... не ѣздите! шептала она, какъ въ бреду.

Она отошла отъ него невѣрными шагами и, подойдя къ Клавдіи Антоновнѣ, закрыла лице руками.

— Руку, дайте руку, тетя! Кружится, все кружится!.. вскричала она и, опершись на испуганную старуху, простояла нѣсколько секундъ съ закрытыми глазами.—Ну, вотъ, теперь прошло. Это оттого, что на него приходится смотрѣть запрокинувъ голову... какъ на небо! пояснила она съ счастливымъ смѣхомъ.

XI.

Было часовъ около восьми вечера. Лизавета Николаевна сидѣла въ саду, повидимому вся погруженная въ вязанье большого пуховаго платка, лежавшаго у нея на колѣняхъ. Сережа Чернягинъ лежалъ невдалекѣ отъ нея, на травѣ, подъ высокою развѣсистую березою, и читалъ газету. Отъ времени до времени онъ сообщалъ Лизаветѣ Николаевнѣ нѣкоторыя изъ вычитанныхъ имъ свѣдѣній, почему-нибудь казавшіяся ему интересными; но потомъ, замѣтивъ, что она озабочена чѣмъ-то другимъ, замолчалъ и сталъ читать для одного себя.

Дѣйствительно, Лизавета Николаевна думала совсѣмъ о другомъ. Она думала о томъ, что ей приходится въ послѣднее время разыгрывать какую-то странную роль, исполнять которую дольше она не можетъ ни за что и ни для кого въ мірѣ. Ей припомнился разговоръ съ Александромъ Васильевичемъ на другой день послѣ его приѣзда, — тотъ разговоръ, въ которомъ онъ назвалъ ее черствою и безсердечною женщиной. Она вспомнила недавнюю сцену съ мужемъ, когда онъ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, почти прямо обвинялъ ее въ томъ, что она связываетъ ему руки. Положимъ, онъ скоро сознался, что наговорилъ глупостей, но она слишкомъ хорошо знала цѣну этой повинной, приносимой единственно ради своего собственнаго спокойствія. Когда человѣкъ дѣйствительно чувствуетъ себя виновнымъ, онъ хоть на нѣкоторое время, покуда жизнь и привычка не возьмутъ свое, старается загладить сдѣланную имъ вину. Владиміръ-же Васильевичъ хотя и измѣнился послѣ того въ своихъ отношеніяхъ къ ней, но эта перемена вовсе не такого рода, чтобы можно было думать, что онъ считаетъ себя виноватымъ. Онъ сдѣлался скупень, раздражителень, тѣснѣе сблизился съ братомъ, а съ нею видимо избѣгаетъ говорить, какъ будто она сдѣлала ему какое-то огромное, непоправимое зло. Точно такъ-же смотреть на нее и его братъ. Сегодня за обѣдомъ, когда разговоръ зашелъ о женѣ Бабулина, онъ сказалъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Богъ съ ними, съ этими примѣрными женами! По моему мнѣнію, лучшія женщины тѣ, которыя умѣютъ встряхнуть и разбудить человѣка, чтобы онъ готовъ былъ взять приступомъ хоть самое небо... чтобы онъ развивалъ до послѣдней возможности всѣ свои силы!..

— Какъ тѣ женщины, изъ-за которыхъ люди идутъ на убійства и разворовываютъ казенные сундуки?! съ негодованіемъ воскликнулъ Сережа.

— Да пожалуй—и тѣ лучше, сухо отвѣчалъ онъ и, переимѣнивъ разговоръ, обратился къ брату.

Лизавета Николаевна поняла теперь всю огромную перемену, совершившуюся съ Александромъ Васильевичемъ за время его отсутствія. Она припомнила знаменательныя слова, произнесенныя имъ въ день приѣзда, — что человѣкъ только

тогда можетъ чувствовать себя до нѣкоторой степени независимымъ, когда онъ богатъ,—и поняла теперь, что это были не пустня слова, случайно сорвавшіяся съ языка въ горькую минуту. Нѣтъ, это былъ его новый символъ вѣры. Всѣ его мысли были направлены теперь на то, чтобы найти какое-то дѣло, которое должно было если не сразу обогатить его, то по крайней мѣрѣ поставить на дорогу къ обогащенію. А между тѣмъ, огромныя средства для какого угодно дѣла лежали у него почти подъ ногами, такъ что, казалось, стоило только протянуть руку и взять сколько нужно. По нѣкоторымъ мелкимъ признакамъ, Лизавета Николаевна видѣла, что онъ догадался, а можетъ быть даже и слышалъ отъ кого-нибудь о чувствахъ Катеньки къ его брату, такъ какъ эти тайныя чувства слишкомъ явно бросались въ глаза и не составляли тайны не для одного Бабулина. И вотъ, она, бѣдная «примѣрная жена», не только не способная «встряхнуть и разбудить» сверего мужа, а даже связывающая и стѣсняющая его во всемъ, является непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы два человѣка сдѣлались богатыми и, слѣдовательно, независимыми! Понятно, что Александръ Васильевичъ и не можетъ смотрѣть на нее иначе, какъ такими глазами, будто она сдѣлала ему непоправимое зло.

Но что-же Владиміръ Васильевичъ? Или и онъ почувствовалъ, наконецъ, что она стала ему поперекъ дороги не въ однихъ только мелочахъ, а и въ самыхъ существенныхъ вопросахъ жизни и счастья? Прежде она сама указывала ему не одинъ разъ на любовь къ нему Катеньки и говаривала, смѣясь, что если-бы онъ не поторопился женитьбой на первой встрѣчной, то могъ-бы быть теперь однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ городѣ. Тогда онъ смотрѣлъ на это какъ на шутку и, кажется, даже въ самомъ дѣлѣ не замѣчалъ любви Катеньки. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды въ короткое время. Тогда еще не было между ними тѣхъ сценъ, какія случаются нынче; тогда еще не было подлѣ него брата, которому нужно во что-бы то ни стало найти средства для того или иного дѣла; тогда ему еще не приходилось, какъ теперь, восклицать, хватаясь за голову: «ахъ, эти деньги! Проклятыя деньги!...» Что же, можетъ быть, онъ серьезно находитъ теперь, что она связала его по рукамъ и по ногамъ? Можетъ быть у него не

хватаетъ и долго не хватаетъ мужества сказать ей это прямо, и онъ будетъ играть роль несчастнаго человѣка, будетъ напиваться пьянымъ, вздыхать, искоса посматривать на нее холодными глазами, избѣгать ее...

«О, Володя, Володя!» думала она и со слезами, подступившими къ горлу, и съ тоской, и съ чувствомъ глубоко оскорбленной гордости.

Дѣйствительно, Лизавета Николаевна была совершенно неспособна выносить то положеніе, въ которое теперь ставили ее обстоятельства. Жизнь не приготовила ее ни къ чему подобному. Мать ея умерла давно. Старшихъ сестеръ у нея не было. Она чуть не ребенкомъ еще очутилась въ роли хозяйки дома, и отецъ полшутя, полусерьезно поддерживалъ ее въ этой роли. Его знакомые тоже скоро привыкли смотрѣть на нее какъ на маленькую хозяйку, и она до сихъ поръ помнитъ, какъ нѣмецъ Боргшефскій, тоже учитель на покоѣ и тоже весь бѣлый, первый подошелъ къ ней послѣ обѣда и поблагодарилъ ее «за заботы угощать насъ», а за нимъ послѣдовали и другіе гости. Даже когда отецъ ея былъ не въ духѣ и за что-нибудь сердился на нее, онъ все-таки оставался слишкомъ порядочнымъ и умнымъ человѣкомъ, чтобы позволить себѣ унижать ее въ собственныхъ ея глазахъ. Онъ лишь пострѣливалъ въ нее тонко-саркастическими намеками на ея дѣйствительные или воображаемые промахи, и стоило ей только отразить ловко одну изъ этихъ ядовитыхъ стрѣлъ, — старикъ тотчасъ-же чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и успокоивался. Онъ воспиталъ въ ней женщину чуткую ко всякой несправедливости и обидѣ, слишкомъ привыкшую къ независимости и гордой, чтобы позволить кому-бы то ни было поставить себя въ унижительное положеніе.

Она украдкой отерла слезы, наворачнувшіяся на ея глаза, и тихонько посмотрѣла на Сережу, — не замѣтилъ-ли онъ этихъ слезъ. Но онъ уткнулся, «наморщивши чело», въ свою газету и ничего не видѣлъ.

— Ли-зань-ка, ми-лень-ка... можно къ вамъ? слышался за заборомъ, въ сосѣднемъ саду, шаловливый полудѣтскій голосъ, какъ будто напѣвавшій пѣсенку.

— Можно, Варя, идите! откликнулась Лизавета Николаевна.

Изъ-за забора показались сначала худенькія, нѣжныя руки, потомъ выглянуло хорошенькое личико дѣвушки лѣтъ шестнадцати, съ нѣскольکو растрепанными волосами, заплетенными въ одну косу и завязанными на концѣ обрывкомъ зеленой ленточки.

— Чужихъ нѣтъ? спросила она, заглядывая къ нимъ.—А Сергѣй Федорычъ не очень ворчить и бранится?

Она стала на заборъ и, зажавъ между колѣнями платье и придерживаясь руками за вѣтви деревьевъ, прыгнула на дерновую скамью, на которой сидѣла Лизавета Николаевна. Сергѣю Федоровичу, смотрѣвшему съ видимымъ неодобреніемъ на это рискованное гимнастическое упражненіе, она сдѣлала на скамѣ комически-почтительный реверансъ, а потомъ усѣлась подлѣ Лизаветы Николаевны и, разобравъ волосы на ея наклоненной шеѣ, поцѣловала расчищенное такимъ образомъ мѣсто.

Это была старшая дочь изъ того, любящаго все „особое“, купеческаго семейства, у главы котораго Лизавета Николаевна нанимала свою особую квартиру съ особымъ-же дворомъ и особымъ садомъ. Живая, веселая, надъ всѣми подшучивающая, всѣхъ передразнивавшая и въ то же время добрая, находившая свое главное удовольствіе въ томъ, чтобы состоять по возможности въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми окружающими ее людьми и животными,—эта дѣвушка была общей любимицей. Шалостямъ ея не было, казалось, конца, несмотря на то, что по мнѣнію матери, начинавшей уже смотрѣть на нее какъ на «завтрашнюю невѣсту», ей, пожалуй, пора было-бы и остепениться. Этой завтрашней невѣстѣ доставляло несказанное удовольствіе накрыть большой корзиной крѣпко заспавшуюся на солнышкѣ собаку и потомъ съ сдержаннымъ хохотомъ наблюдать сквозь щели этой корзины надъ недоумѣніемъ проснушагося животнаго. Еще большее наслажденіе находила она въ томъ, чтобы опеломить какимъ-нибудь «чудомъ» того или другаго изъ своихъ ближнихъ: устроить, напримѣръ, чтобы въ ту самую минуту, какъ кухарка Анна захочетъ снять съ веревки кухонное полотенце, это полотенце вырвалось у нея изъ рукъ и уѣхало куда-нибудь подъ потолокъ за печку,—или, когда кто-нибудь вздумаетъ умыться и дотронется до рукомойника, изъ подъ его жестяной крышки внезапно выскочила-бы голова турка... Варя удачно копировала и представляла всѣхъ,

—отца, мать, младшихъ сестеръ,—умѣя, однако-же, никого не оскорблять своими представленіями. Она преслѣдовала Сережу Черныгина карриатурами, то создавая изъ тонкихъ палочекъ и шнурковъ идеаль его лошади, долженствовавшей, по его мнѣнію, состоять изъ однихъ только костей и мускуловъ, — то изображая его до такой степени глубоко погруженнымъ въ чтеніе какой-нибудь «философіи», что онъ не замѣчаетъ, какъ пауки со всѣхъ сторонъ обнесли его паутиною, птицы свили гнѣздо у него на шляпѣ, а изъ его кармановъ и складокъ платья вырастаютъ грибы и различные злаки. Въ послѣднее время ей особенно нравилось представлять Лизавету Николаевну. Варя съ утра устраивала себѣ гладкую прическу, надѣвала простенькое ситцевое платье съ бѣлоснѣжными манжетами и такимъ-же воротничкомъ, дѣлала залучивое лицо и начинала тихо и молча переходить отъ работы къ работѣ, помогала кухаркѣ на кухнѣ, прибирала комнаты, пересматривала и чинила бѣлье, наконецъ, скромно усаживалась въ уголокъ за книгу или газету.

— Вотъ-такъ-то дѣло-то вышло-бы лучше, кабы ты всегда была такая! добродушно посмѣиваясь, говорила ей мать, толстая и лѣнивая женщина.

Но подъ этой ребячески беззаботной оболочкой начинали складываться уже не дѣтскія стремленія. Въ ней росло и по временамъ охватывало ее всю смутное, мечтательное, но чистое и высокое чувство избытка силъ, сказывавшееся въ страстной жаждѣ какого-то дѣла, подвига, беззавѣтныхъ жертвъ. Она все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ Лизаветѣ Николаевнѣ, угадывала какимъ-то чутьемъ ея семейную драму, жадно ловила мелкіе признаки ея дальнѣйшаго развитія и мечтала о томъ, что, можетъ быть, скоро придетъ минута, когда она будетъ въ состояніи доказать своей «Лизанкѣ-миленькой», что готова ради нея на все, на все... Иногда, полушутя, полусерьезно, она предлагала Лизаветѣ Николаевнѣ и Сережѣ устроить какое-то братское общество, братья и сестры котораго будутъ во всемъ поддерживать другъ друга, будутъ вести безупречную, самую тяжелую трудовую жизнь, будутъ отказывать себѣ во всемъ, кромѣ самаго необходимаго, и всѣ средства, собирающіяся въ ихъ рукахъ, станутъ направлять на то, чтобы спасти погибающихъ, защищать несправедливо обижен-

ныхъ, помогать изнемогающимъ въ борьбѣ съ сильными. Правда, на другой-же день она являлась съ карриатурою, на которой братья и сестры этого общества изображались одѣтыми въ звѣриныя шкуры и съ огромными метлами, которыми они выметали изъ міра груды каретъ, колясокъ, мужскихъ и женскихъ шляпъ, косметическихъ принадлежностей, всевозможныхъ предметовъ роскоши и комфорта. Однако, это нисколько не мѣшало ей черезъ нѣсколько времени возвращаться снова къ своему братству и съ жаромъ доказывать, что оно «должно, должно!» осуществиться, потому что, если только честные и добрые люди дѣйствительно есть на свѣтѣ, то они не могутъ-же не поддерживать другъ друга, не могутъ не соединиться когда нибудь.

— А я сейчасъ опять видѣла Александра Васильевича. Право, мнѣ кажется, вы слишкомъ нападаете на него. У него пресимпатичное лице, сказала она тономъ безпристрастнаго сторонняго наблюдателя.

Варя успѣла уже подмѣтить, что въ Серержѣ создалось враждебное чувство къ Александру Васильевичу, и отчасти не могла отказаться отъ удовольствія подразнить его, отчасти рассчитывала вывѣдать этимъ путемъ что-нибудь новое о семейной жизни Лизаветы Николаевны.

Серержа проворчалъ что-то подъ носъ, сдѣлавъ брезгливую гримасу, и съ шумомъ принялся складывать свою газету.

— Что вы ворчите, Сергѣй Федоровичъ? Нѣтъ, серьезно, онъ смотритъ порядочнымъ человѣкомъ.

Серержа свернулъ газету, положилъ ее въ карманъ своего сѣраго пиджака и сурово посмотрѣлъ на Варю поверхъ очковъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Да онъ и не прочь быть порядочнымъ человѣкомъ... но только подъ однимъ условіемъ.

— Подъ какимъ условіемъ?

— Чтобы ему хорошо платили за это... давали, наприимѣръ, тысячи три въ годъ, не меньше...

— Вотъ какъ! Это хорошо... Но только изъ чего вы вывели такое мудрое заключеніе?

— Изъ того, что, покуда у него было хорошее мѣсто,— онъ былъ порядочнымъ человѣкомъ. Я этого не знаю, но, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ. А какъ только ему пришлось

остаться безъ мѣста и безъ жалованья, онъ сейчасъ-же и затянулъ пѣсню, что вся сила въ деньгахъ, что бѣдному человѣку нельзя жить, что бѣднаго человѣка всякій прохожій можетъ растоптать...

— А развѣ-же это не правда?! уже дѣйствительно серьезно спросила Варя.

Сергѣй Федоровичъ, сидѣвшій на землѣ, обхвативъ колѣни руками и тихо покачиваясь, вдругъ разгорячился и поспѣшно всталъ.

— Нѣтъ, не правда! воскликнулъ онъ, машинально страхивая съ себя сухіе листья и соръ. — Нѣтъ, не правда! Бѣднякъ-работникъ на каждомъ шагу нуженъ! Не выдумали еще такого средства, чтобы обходиться безъ работниковъ! Рабочими весь міръ держится! Хлѣбъ нуженъ, обувь нужна, учителя нужны!.. Конечно, положеніе обыкновеннаго чернорабочаго, продающаго свой трудъ на рынкѣ, неизмѣримо хуже, чѣмъ положеніе какого-нибудь дѣльца. Это правда... Но въ томъ-то и дѣло, что сплошь и рядомъ приходится выбирать одно изъ двухъ: либо оставаться порядочнымъ человѣкомъ и жить впроголодь, либо поступиться своею совѣстью и наживать деньги. Александръ Васильевичу очевидно не нравится первое... Тому-же первому прохожему, котораго онъ такъ испугался, навѣрное необходимъ добросовѣстный учитель, чтобы приготовить его дѣтей къ экзамену. Добросовѣстные учителя и репетиторы нужны на каждомъ шагу. И если ему не удалось удержаться на привилегированныхъ мѣстахъ съ хорошимъ жалованьемъ, то онъ всегда могъ найти себѣ частные уроки и жить хоть бѣдно, но не поступаясь ни чѣмъ изъ своихъ убѣжденій...

— А Зинаида Ивановна готовила-бы ему кушать, замѣтила Варя.

— Какая такая Зинаида Ивановна? съ недоумѣніемъ проговорилъ Сережа, покосившись на нее, и затѣмъ продолжалъ: — Тридцать, сорокъ, пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ онъ всегда могъ-бы заработать съ самою чистою совѣстью...

— А Зинаида Ивановна ходила-бы съ корзинкой на базаръ, за картофелемъ, опять прервала она.

— При чемъ-же тутъ Зинаида Ивановна? спросилъ онъ, сбитый съ толку, и сурово смотрѣлъ на нее, ожидая какой-

нибудь неожиданной выходки, направленной къ тому, чтобы подшутить надъ нимъ.

— У него была-бы чистая совѣсть, а Зиночка гладила-бы ему крахмальные рубашки и чинила его панталоны, обтрепавшіяся отъ бѣготни по урокамъ, продолжала Варя. Какъ при чемъ тутъ Зинаида Ивановна?.. Да она все! Зинаида Ивановна играетъ въ этомъ первую роль!.. Самую первую!

— Зинаида Ивановна выходитъ замужъ за Владиміра, проговорилъ Сережа, ничего не понимавшій и поэтому все больше и больше заподозривавшій, что Варя посмѣивается надъ нимъ.

— Ну, да! а Александръ Васильевичъ хочетъ, чтобы она вышла за него. Онъ не теряетъ еще надежды отбить ее у Видмидова; онъ хочетъ въ двадцать-четыре часа разбогатѣть такъ, чтобы заткнуть за поясъ самого Михрютку. А вы толкуете о тридцати рубляхъ!.. Понимаете-ли вы, что ему нельзя обійтись безъ Зинаиды Ивановны, никакъ нельзя!..

— Ну, хорошо, согласился Сережа.—Въ такомъ случаѣ, онъ, слѣдовательно, согласенъ быть порядочнымъ человѣкомъ, если ему дадутъ три тысячи жалованья и Зинаиду Ивановну.

Но Варя уже не слушала его. Нахмуривъ свои тоненькія брови, она задумчиво чертила что-то на землѣ концемъ сложенной вѣтви; потомъ бросила ее и выпрямилась.

— Нѣтъ! съ жаромъ воскликнула она.—Будь я на мѣстѣ этого большого болвана или Михрютки, я бы ее убила!

Лизавета Николаевна весело засмѣялась и, заглянувъ ей въ глаза, спросила:

— Кинжаломъ?

Сергѣй Федоровичъ опять сѣлъ на землю и добродушно улыбался, охвативъ колѣни руками и покачиваясь.

— Да, убила-бы, убила! горячо повторяла Варя, вскочивъ со скамьи и топнувъ ногою.—Какъ! Она кокетничаетъ то съ однимъ, то съ другимъ... обоихъ увѣряетъ въ любви... обоихъ обманываетъ... И все это изъ-за денегъ! Все это изъ-за того, чтобы обоихъ удержать подлѣ себя и выйти за того, за кого окажется выгоднѣе! Да это гадина, которую нечего жалѣть, нечего!..

— Откуда только вы узнали всѣ эти тайны? спросила Лизавета Николаевна.

— Какія тайны?

— Да всё самыя сокровенныя: что она обоихъ увѣряеть въ любви, обоихъ обманываетъ и дѣлаетъ все это изъ-за денегъ...

— А развѣ это не ясно?!

— Далекое не ясно. Можетъ быть, она прежде любила одного, а потомъ полюбила другого. Можетъ быть, съ прїѣздомъ Александра Васильевича, въ ней проснулось старое чувство къ нему. А можетъ быть, она и не подавала ему больше никакихъ надеждъ... Почему мы знаемъ?..

Варя сложила руки у груди и подняла глаза къ небу.

— О, вы, разсудительнѣйшая и благоразумнѣйшая изъ женщинъ! заговорила она насмѣшливо.—Вы такъ аккуратно взвѣшиваете всё мельчайшія обстоятельства дѣла, такъ добросовѣстно указываете на все то, что недостаточно разъяснено и такъ гуманно истолковываете эти неразъясненныя обстоятельства въ пользу своихъ ближнихъ, что мнѣ... Да однимъ словомъ, желала-бы я, чтобы вамъ пришлось имѣть дѣло съ какой-нибудь Зинаидой Ивановной въ сюртукъ! Посмотрѣла бы я, какъ-бы вы стали тогда разъяснять и взвѣшивать!.. Посмотрѣла-бы я!

— Во всякомъ случаѣ, я никого не убила-бы, съ улыбкой сказала Лизавета Николаевна.

— И вы въ этомъ увѣрены, Лизанька? скептически спросила Варя.

— Увѣрена! Точно также увѣрена я еще въ томъ, отвѣчала Лиза и блѣдныя щеки ея вспыхнули румянцемъ, — что никогда я не стала-бы просить любви, какъ милостыни, у человѣка, который любилъ-бы меня и потомъ разлюбилъ. Я не стала-бы подражать Александру Васильевичу. Это я тоже знаю

— Вы ушли-бы?

— Да, ушла-бы. И даже я не стала-бы дожидаться, куда онъ самъ заговорить о той перемѣнѣ, которая произошла въ немъ. Когда я увидѣла-бы, что любовь кончена, я сама постаралась-бы разорвать послѣднія нити... Только-бы скорѣй кончить! Скорѣй уйти отъ этой лжи! Скорѣй, скорѣй! повторяла она съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

Варя задумчиво стояла, опустивъ голову, и тихонько покачивала ею, очевидно несогласная съ Лизаветой Николаевной...

— Ну, нѣтъ... это что-же такое! сказала она. — Какая-

нибудь Зинаида Ивановна, въ сюртукѣ или въ юбкѣ, обманула меня, испортила мнѣ жизнь, сама только о томъ и думаетъ, чтобы отдѣлаться отъ меня, а я буду ей еще помогать въ этомъ!.. Слуга покорная!..

— Убить ее?! спросилъ Сергѣй Федорычъ.

Но Варя только посмотрѣла на него и ничего не сказала. Она сѣла подлѣ Лизаветы Николаевны и, прижавшись къ ней, молча и заумчиво смотрѣла на темнѣвшій садъ, на облака, плывшіе по свѣтлому еще небу, на блѣдный мѣсяцъ, поднимавшійся изъ-за высокихъ деревьевъ.

— Лизанька, миленькая! заговорила она тихо. — Бросьте хоть на мѣсяцъ всѣхъ этихъ господъ, — авось они безъ васъ не умрутъ съ голода и не поѣдятъ другъ друга! Поѣдьте ко мнѣ на хуторъ!.. Отдохните! Вы только представьте себѣ совсѣмъ одинокій домъ на опушкѣ лѣса, передъ домомъ лугъ, а за лугомъ рѣка вдвое шире этой. И въ этомъ домѣ будемъ только мы двое, собаки, кошка, четыре коровы и хохоль Коваленко съ дочерью... Вотъ теперь онъ, навѣрное, разложилъ на лугу костеръ отъ комаровъ, сидитъ около него, подперевъ щеку рукою, и совсѣмъ бабьимъ голосомъ разливается — поетъ самую заунывную пѣсню... А коровы жуютъ жвачку и слушаютъ, галки слетаются на опушку и тоже слушаютъ, лѣсъ начинаетъ дремать и тоже слушаетъ... Поѣдьте! миленькая!..

ХII.

Въ это-же время, по другую сторону дома, на берегу, лежали на травѣ оба брата и вполголоса разговаривали. Они со дня на день сближались все тѣснѣе и тѣснѣе, какъ будто трехлѣтняя разлука научила ихъ только лучше оцѣнить другъ друга и упрочила хорошія отношенія, всегда существовавшія между ними. Сегодня они разговорились особенно откровенно, и Александру Васильевичу показалось, что именно теперь настала самая удобная минута посвятить брата во всѣ тѣ особенности своего положенія, которыя оставались еще неизвѣстными ему. И онъ подробно рассказалъ всю исторію своихъ страннѣйшихъ отношеній къ Зинѣ.

— Я хорошо знаю, сказалъ онъ въ заключеніе, — что Зина не героиня. Ради любимаго человѣка она не броситъ все, къ

чему привыкла, не переродится, не пойдет ради него на какия угодно лишеныя. Она обыкновенная дѣвушка и сама сознается, что избалована... Но будь она хоть въ десять разъ хуже, мнѣ отъ этого не стало-бы ни теплѣе, ни холоднѣе, потому что я, кажется, и тогда любилъ-бы ее нисколько не меньше, чѣмъ люблю теперь. Что-же дѣлать съ этимъ? Всякому свое. Есть люди, которые успѣваютъ на одной недѣлѣ десять разъ влюбиться и столько-же разъ вылечиться отъ своего увлеченія. Мнѣ-же привелъ Господь Богъ одинъ только разъ засѣсть въ этотъ омутъ, но зато уже съ головой...

Было что-то грустно-покорное въ его тонѣ, словно тяжело больной человекъ говорилъ съ полнымъ сознаниемъ, что его болѣзнь безнадежна и его страданія не только не стихнуть, но будутъ увеличиваться съ каждымъ новымъ днемъ.

— Ну, я не знаю! возразилъ младшій братъ. — Мнѣ она всегда казалась очень милой дѣвушкой.

— Когда я ѣхалъ сюда, мнѣ думалось, что она потеряна для меня, заговорилъ Александръ Васильевичъ послѣ небольшого молчанія.—Но, увидѣвшись съ нею, я увидѣлъ, что если она немножко любила меня прежде, то точно также любить и теперь... Не переѣнилось ничего, кромѣ положенія. Михрютка воспользовался только моимъ отсутствіемъ и тѣмъ, что Зина и ея матушка успѣли такъ запутаться, что приходилось хотъ надѣвать петлю на шею... Онъ меня спрашивалъ при встрѣчѣ: сержусь-ли я на него? Я не сержусь, но только пусть и онъ не сердится на меня, если я употреблю всѣ усилія, чтобы взять обратно то, что онъ у меня отнял. Свадьбы разстраиваются иногда и передъ самымъ вѣнцомъ. А у меня покуда еще есть время, хотъ его и не особенно много...

— Мало, слишкомъ мало времени! замѣтилъ Владиміръ Васильевичъ, начинавшій уже лихорадочно интересоваться этою странною и, на первый взглядъ, почти безнадежною игрою, затѣянною братомъ.

— Не особенно много. Въ первые дни, когда я увидѣлъ, что мнѣ остается всего только какихъ-нибудь два, три мѣсяца, я потерялъ голову и, должно быть, немножко сошелъ съ ума. Планы, планы... проекты самые невозможные и фантастическіе преслѣдовали меня даже во снѣ. Это была какая-то горячка, съ бредомъ и видѣніями. Но она мнѣ принесла, по

крайней мѣрѣ, ту громадную пользу, что я не могъ сидѣть сложа руки. Я возобновилъ старяя знакомства, сдѣлалъ много новыхъ и, между прочимъ, познакомился съ нѣсколькими такими экземплярами, съ которыми прежде врядъ-ли сталъ-бы разговаривать очень любезно.

Онъ глухо засмѣялся, посмотрѣвъ въ глаза брату, и потомъ продолжалъ:

— Жизнь учить! Жизнь куеть и перековываетъ человѣка. Изъ гвоздя, который прежде только и знали, что колотили по головѣ, она возьметъ да и выкуеть молотокъ, который самъ будетъ вколачивать гвозди. Съ меня, по крайней мѣрѣ, довольно оставаться въ дуракахъ. Я выучился кое-чему. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что времени прошло не очень много, а я уже могъ-бы кое-какъ устроиться. Впервыхъ, мнѣ предлагаютъ мѣсто гувернера при больномъ мальчикѣ, съ которымъ я долженъ ѣхать за-границу года на два. Условія хорошія, но мнѣ это мѣсто, конечно, негодится. Потомъ, я могу хоть сейчасъ занять другое мѣсто,—по земскому страхованію,—съ жалованьемъ въ семьдесятъ-пять рублей. Очень можетъ быть, что я и возьму это мѣсто на-время, но только что мнѣ въ этихъ семидесяти-пяти рубляхъ?! Съ ними не уѣдешь далеко... Это все не то... Но есть одно, настоящее, дѣло, которое сидитъ гвоздемъ у меня въ головѣ. Бицынъ не прочь-бы продать свой „Листокъ“, потому что ему и некогда возиться съ газетой да и совсѣмъ это не его дѣло. Газета приноситъ ему сушіе пустяки, а на тѣ деньги, которыхъ она стоитъ, онъ сдумѣлъ-бы заработать хорошіе барыши...

— Сколько-же онъ за нее хочетъ? съ волненіемъ спросилъ младшій братъ.

— Двадцать-пять тысячъ.

Владиміръ Васильевичъ посмотрѣлъ на него большими глазами и только свистнулъ.

— Погоди, сказалъ старшій братъ.—Если-бы у меня были эти деньги, то, конечно, не о чемъ было-бы и разговаривать. Я десять разъ высчитывалъ все до мелочей. Будь газета наша, она могла-бы давать намъ на худой конецъ до четырехъ съ половиною тысячъ въ годъ. Мнѣ кажется, что изъ этихъ денегъ можно было-бы удѣлить часть компаньонамъ. Тысячъ семь, восемь, а можетъ быть и больше, я найду самъ, и безъ

всякихъ процентовъ, какъ скоро покупка газеты будетъ дѣломъ рѣшенымъ. Слѣдовательно, остается только найти компаньона или компаньоновъ въ остальныхъ семнадцати, восемнадцати тысячахъ.

— Только! со вздохомъ повторилъ Владиміръ Васильевичъ. — Легко сказать!

Старшій братъ задумчиво закурилъ сигару.

— Сначала я остановился было на Казанцевѣ, сказалъ онъ.

— Христось съ тобой! вскричалъ Владиміръ Васильевичъ. — Казанцевъ! Да вѣдь онъ былъ-бы вторымъ экземпляромъ того „честнаго и образованнаго“ издателя, котораго такъ выхвалялъ Бабулинъ. Казанцевъ постоянно вмѣшивался-бы въ веденіе газеты; онъ потребовалъ-бы, чтобы мы прославляли его гражданскіе подвиги, его рѣчи въ земскомъ собраніи, его друзей, лошадей, опереточныхъ пѣвицъ, которыя у него на содержаніи!..

— Знаю. Я обо всемъ этомъ думалъ, и въ концѣ концовъ додумался уже до того, что лучше кто-нибудь, чѣмъ никто.. Но потомъ меня ослѣпила новая мысль...

Онъ немного пріостановился, и потомъ сказалъ:

— Не трудно было-бы заинтересовать этимъ дѣломъ Катеньку Асафову съ ея теткой...

Владиміръ Васильевичъ вспыхнулъ отъ неожиданности. Онъ всталъ и прошелъ нѣсколько шаговъ по берегу, взадъ и впередъ. Не могло быть никакого сомнѣнія, что Катерина Петровна и ея тетка съ радостью примутъ участіе въ этомъ дѣлѣ, но одна только мысль о томъ, чтобы вовлечь въ выгодное лично для него денежное предпріятіе дѣвушку, почти что прямо признавшуюся ему въ любви, — заставляла его краснѣть до корня волосъ.

— Нѣтъ, это невозможно, невозможно! сказалъ онъ рѣшительно и опять легъ на прежнее мѣсто, облокотившись обѣими руками на траву и положивъ голову въ ладони.

— Невозможно, невозможно! повторилъ онъ черезъ минуту.

— Ага! тихо заговорилъ старшій братъ, молча слѣдившій за нимъ. — Мнѣ бросилось кое-что въ глаза еще въ тотъ вечеръ, когда онѣ были здѣсь съ Бабулиными. Ты не хочешь даже намекнуть мнѣ, почему невозможно обратиться къ нимъ... Такъ что, пожалуй, мои тогдашнія догадки были справедливы...

Владиміръ Васильевичъ молчалъ.

— Положимъ, заговорилъ опять старшій братъ;—но дѣло могло-бы устроиться совсѣмъ не въ такой формѣ, какъ тебѣ представляется. Ты, напримѣръ, могъ-бы остаться совершенно въ сторонѣ, не говорить ни одного слова и даже, пожалуй, не видѣться съ ними. Дѣйствоваль-бы только одинъ я, на свой собственный счетъ. Да и моя роль, по всей вѣроятности, ограничилась-бы только тѣмъ, что я, какъ-нибудь за чаемъ, рассказалъ-бы имъ мой планъ найти компаньоновъ и купить газету. Остальное, мнѣ кажется, онѣ довершили-бы сами: сами предложили-бы себя въ товарищи по изданію... По моему мнѣнію,—исторія самая простая и рѣшительно ни для кого не обидная. Мы стали-бы себѣ работать, ни отъ кого не завися, а эти барыни имѣли-бы весьма интересное развлеченіе отъ скуки и, кромѣ того, еще надлежащіе проценты на затраченный ими капиталъ.

Владиміръ Васильевичъ опять всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ по прибрежному песку. Доводы брата уже начинали дѣйствовать на него; но въ глубинѣ души онъ все-таки чувствовалъ смутно, что какая-бы благовидная форма ни была придана этому дѣлу, сущность его остается все тою-же самою.

— Нѣтъ, Саша, я тебя попрошу,—оставимъ покуда этотъ разговоръ, сказалъ онъ наконецъ.

— Ну, хорошо, оставимъ, согласился Александръ Васильевичъ, пожавъ плечами.—Будемъ имѣть въ виду Казанцева, если не представляется ничего лучшаго. Только и я, въ свою очередь, обращусь къ тебѣ съ просьбой: пусть этотъ разговоръ останется только между нами двоими. Могу я быть увѣреннымъ въ этомъ?

— Хорошо, согласился младшій братъ.

Оба замолчали. Александръ Васильевичъ думалъ о томъ, что если братъ сдержитъ свое обѣщаніе и ничего не скажетъ Лизѣ, тогда, по всей вѣроятности, онъ скоро свыкнется съ этимъ планомъ; такъ смутившимъ его сначала, и не будетъ мѣшать его осуществленію. Если-же онъ проговорится женѣ, тогда пойдетъ уже совсѣмъ другая пѣсня... „Какъ! Воспользоваться увлеченіемъ дѣвушки, чтобы выманить у нея деньги! Подумай, Володя!“ скажетъ она съ негодованіемъ. И Володя,

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ въ ея посинѣвшее лицо.

— Ты пьянъ, я спрашиваю?! повторила Лиза.— Ты забылъ, что этотъ «звонарь»—мой лучший другъ и что онъ бываетъ здѣсь у меня!.. Понимаешь-ли ты это: у м-е-н-я!.. Потому что я здѣсь хозяйка наравнѣ съ тобой... Слышишь?.. Какъ ты смѣешь мнѣ говорить подобныя вещи!.. Какъ ты смѣешь относиться подобнымъ образомъ ко мнѣ и моимъ друзьямъ!..

— Лиза, Лиза! съ какимъ-то испугомъ заговорилъ онъ, тоже поблѣднѣвъ.— Ты больна, ты бредишь...

— Я была больна, а теперь, кажется, начинаю выздоравливать!.. Уйди, пожалуйста!.. Ахъ, да уходи-же, если ты не хочешь, чтобы я высказала тебѣ такія вещи, которыя тебѣ навѣрно не понравятся!..

Она почти вытолкнула его за дверь и заперла ее.

XIII.

— Скучно, папа! отвѣчала Лиза на замѣчаніе отца, что она не смотритъ особенно веселой и бодрой.

Это было черезъ нѣсколько дней послѣ ея сцены съ мужемъ изъ-за «звонаря», Сережи. Рано утромъ на другой день она уѣхала съ Варей на ея хуторъ и пробыла тамъ дня четыре.

— Гдѣ скучишь? На хуторѣ или здѣсь? спросилъ старикъ.

Онъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ своей бесѣдкѣ, плотно втиснувшись въ кресло съ высокою спинкою, сложивъ руки на животѣ и вертя большими пальцами одинъ вокругъ другого. На столѣ подлѣ него лежали газеты и стоялъ подносъ съ кофейникомъ, а въ углу торчала, какъ старинное крѣпостное ружье, длинная, граненая зрительная труба.

— Вездѣ скучно.

— Странно... отчего-бы это могло быть вездѣ скучно? съ шутливо-насмѣшливымъ недоумѣніемъ проговорилъ старикъ.— А что тамъ у васъ дѣлается? спросилъ онъ, немного помолчавъ, и пытливо смотрѣлъ ей въ глаза.

— Право, я не знаю, что у насъ дѣлается, отвѣчала она.— Дѣлается что-то, это я чувствую, но что именно—не знаю. У насъ нынче образовались два враждебные лагеря, которые хоть не дерутся, но за то и не мирятся. На одной сторонѣ—Дарья,

Сережа и я; на другой—Владиміръ Васильевичъ съ братомъ.

— Это хорошо. Слѣдовательно, вы не мѣшаете другъ другу, насмѣшливо сказалъ старикъ.—Ну, дѣлать нечего; если ты не можешь сообщить мнѣ ничего новаго, въ такомъ случаѣ ужъ я посвящу тебя въ кое-какія подробности вашихъ домашнихъ дѣлъ. Во-первыхъ, вы покупаете газету...

— Она посмотрѣла на него своими грустными глазами и потомъ невольно улыбнулась.

— Чего ты смѣешься? Я тебѣ совершенно серьезно говорю: газету... вотъ такую-же газету, только поменьше и попаршивѣе, сказалъ онъ, указавъ глазами на лежащія на столѣ газеты.—Именно, вы покупаете «Листокъ» Бицына. Я знаю это отъ самого Бицына, съ которымъ игралъ на-дняхъ въ карты.

— Что-же, этотъ «Листокъ» продается очень дешево?

— Не особенно дорого... Но, во всякомъ случаѣ, Бицынъ не отдастъ его меньше, какъ за двадцать-пять тысячъ...

— Это становится чрезвычайно интереснымъ, проговорила Лиза.

— Очень радъ, что могу тебѣ доставить хоть это удовольствіе... Еще бы не интересно! Ведеть все это дѣло, разумѣется, Александръ Васильевичъ, пользуясь твоимъ супругомъ только какъ скамейкой подъ ноги въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему самому не достать рукой. Понятно, что двадцати-пяти тысячъ у него нѣтъ, а есть только непреодолимое желаніе получать хорошій доходъ. Въ виду этого, онъ, волей-неволей, долженъ былъ придти къ заключенію, что одному ему не прибрать газету къ рукамъ, а приходится искать компаньоновъ съ деньгами. Онъ и нашель. Теперь у него двѣ стрѣлы въ колчанѣ. Сначала онъ остановился-было на безъизвѣстной тебѣ прожженной бестіи,—Казанцевѣ, но потомъ его осѣнила несравненно болѣе счастливая мысль, — обратиться за содѣйствіемъ къ Батенькѣ Асафовой.

Блѣдное лицо Лизы все покрылось яркимъ румянцемъ стыда за мужа. Она встала, прошла шага три по тѣсной бесѣдкѣ и опять сѣла, облокотившись на столъ и положивъ въ ладони пылающія щеки.

— Нѣтъ, папа! Этому ужъ мнѣ не хотѣлось-бы вѣрить. Правда-ли это? сказала она.

— А что? Ты находишь, что это ужь слишкомъ неловко, не по-рыцарски? Положимъ, люди дѣйствительно могутъ сказать, что если-бы Катенька была влюблена не въ твоего супруга, а въ кого-нибудь другого, напримѣръ въ Петрушу Бабулина, то, по всей вѣроятности, твои Васильевичи и не попробовали-бы обращаться къ ея содѣйствію. Выходить, нѣкоторымъ образомъ, грубая спекуляція на нѣжныя чувства. Неловко, что говорить! Ну, да это пустяки. Ради такого многообѣщающаго дѣла, другіе люди не подумали-бы остановиться даже передъ подлостью или передъ прямымъ преступленіемъ, предусмотрѣннымъ уголовными законами. А тутъ, слава тебѣ Господи, какая-же подлость? Къ тому-же, надо думать, они устроятъ эту операцію такъ ловко, что будетъ затруднительно говорить даже и о неловкости ихъ поступка...

Старикъ тихонько засмѣялся своей остротѣ и весело потеръ руки, не сводя съ дочери своихъ маленькихъ сверкающихъ глазъ. Онъ видимо торжествовалъ, что наконецъ-то пришла желанная минута, когда сбываются всѣ его зловѣщія предсказанія относительно зятя, наконецъ-то Лиза должна во-очію увидѣть и видѣть уже, какъ горько ошибалась она въ своемъ мужѣ. И чѣмъ печальнѣе становилось ея лицо, чѣмъ ниже опускалась ея голова, тѣмъ болѣе злорадства слышалось въ его ядовитой ироніи.

— Но правда-ли, правда-ли это? спросила она.

— Къ сожалѣнію, правда. Да впрочемъ, ты вѣдь и сама должна чувствовать, что это самая несомнѣнная правда: до такой степени эта коммерческая операція совпадаетъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается у васъ дома. Почему у васъ образовались два враждебные лагеря? Почему оба Васильевича стоятъ въ сторонѣ отъ тебя и не сообщаютъ тебѣ ничего о своихъ планахъ? Почему твой супругъ накинулся тогда на Сережу, который вздумалъ, въ простотѣ сердечной, обсудить интересовавшій его педагогическій вопросъ? Да потому, что и ты, и Сережа дѣйствительно сдѣлались ихъ серьезными врагами съ той самой минуты, какъ въ головѣ Александра Васильевича зародилась гениальная идея взять съ Катеньки тыщенокъ двадцать за ея любовь къ твоему мужу, а его брату. Они знали, что тебѣ не понравится эта идея, несмотря на ея оригинальность. Они знали, что если ты какимъ-нибудь образомъ узна-

ешь ее раньше чѣмъ слѣдуетъ, то поднимешь неприятную бурю и, пожалуй, испортишь дѣло. Они знали, наконецъ, что Сережа—что-то въ родѣ вѣрной твоей собаки, готовой перервать горло всякому, кто только осмѣлится прикоснуться къ тебѣ... Какъ-же ты хочешь, чтобы они не стояли передъ тобою вооруженнымъ враждебнымъ станомъ, тщательно скрывающимъ всѣ свои передвиженія и отъ времени до времени устроивающимъ храбрыя вылазки? Вѣдь ты врагъ имъ, врагъ, злѣйшій врагъ, пойми это! Вѣдь ты мозолишь имъ глаза, связываешь руки, зажимаешь ротъ, отравляешь имъ жизнь! Неужели ты все-таки не видишь этого?

Закусивъ губы, блѣдная, она неподвижно сидѣла съ опущенными глазами, съ выраженіемъ тяжелаго страданія на лицѣ. Старикъ напряженно всматривался въ нее и ждалъ отвѣта. Не дождавшись его, онъ глубоко вздохнулъ.

— Все-таки не видишь?!

— Нѣтъ, я вижу, сказала она, наконецъ.—Стѣсняю, связываю,—это я вижу... Но мнѣ все еще не хочется вѣрить, чтобы онъ пошелъ на такое... некрасивое дѣло. Я знаю, что онъ безхарактеренъ, грубо эгоистиченъ, но мнѣ казалось, что въ немъ все-таки слишкомъ много нравственной порядочности, просто безгливости ко всему грязному...

Голосъ ея дрогнулъ и на глазахъ блеснули слезинки. Можно было подумать, слыша ея робкій и печальный голосъ, будто она молитъ отца, чтобы онъ оставилъ ей хоть это последнее свѣтлое воспоминаніе о человѣкѣ, котораго она такъ любила.

— Казалось! повторилъ онъ.—Ахъ, дѣтенышъ, дѣтенышъ! Мало-ли что кажется людямъ, въ особенности очень молодымъ людямъ, и притомъ, когда они смотрятъ тоже на молодыхъ людей! А на самомъ дѣлѣ это—весьма обыкновенный вельбудъ. Но и вельбуду легче пройти въ игольное ушко, чѣмъ ему идти по прямой и чистой дорогѣ... Ты сама сознаешься, что онъ безхарактеренъ и грубо эгоистиченъ. Теперь прибавь къ этому, что онъ еще избалованъ съ дѣтства, плохой работникъ, любить повеселиться, требуетъ, чтобы все на немъ и вокругъ него было, по меньшей мѣрѣ, красиво и, какъ говорится, прилично. Гдѣ-же такому человѣку идти по прямой и чистой дорогѣ, когда на ней только и есть, что тяжелый трудъ

да честная бѣдность? И посильнѣе его люди изнемогали на этой дорогѣ!.. Ты говоришь, что въ немъ много брезгливости ко всему грязному. Да кому-же мила грязь? Только свиньи да еще очень маленькія дѣти любятъ ее, а больше, кажется, никто до нея не охотникъ. И покуда ему жилось до нѣкоторой степени сносно и не было передъ глазами большого соблазна, — понятное дѣло, онъ не имѣлъ никакого желанія пачкаться. Не изъ-за чего было! А пришло время, что денегъ мало, долговъ много, жить скучно, къ тому-же подвернулись и подходящій соблазнъ, и лукавый бѣсъ-искуситель, въ образѣ родного брата, — онъ и шагнулъ туда, куда порядочные люди не ходятъ. Не безъ борьбы съ самимъ собою, конечно! Не безъ краски стыда на лицѣ! А все-таки шагнулъ.

Старикъ задумался, повѣсилъ на грудь свою бѣлую голову и сидѣлъ неподвижно, переставъ даже вертѣть неугомонными пальцами. Ему вспомнилась его собственная далекая молодость, вспомнились тѣ годы, когда онъ слѣдался учителемъ, еще въ то суровое время, когда съ дѣтей «спускали шкуру» за плохо пришитую пуговицу, а воспитателей «гнули въ бараній рогъ», если въ ихъ классѣ не царствовало надлежащей гробой тишины и неподвижности. Сколько благихъ намѣреній, сколько прекрасныхъ и свѣтлыхъ идей несъ онъ съ собой изъ университета, готовясь вступить на педагогическое поприще! Что-же? Сбѣялъ онъ эти идеи, какъ добрый сбѣятель, въ той суровой казармѣ, въ которую его привела судьба? Боролся онъ честно со зломъ, обступившимъ его со всѣхъ сторонъ? Нѣтъ, онъ только посмотрѣлъ вокругъ себя и, поджавъ хвостъ, затаилъ про себя свои идеи, съежился, умалился ростомъ! Требовалось, чтобы учитель поддерживалъ строжайшую дисциплину въ своемъ классѣ, во время урока, и онъ ее поддерживалъ. Требовалось, чтобы учитель передъ всѣмъ классомъ сѣкъ учениковъ за нѣкоторыя провинности, — и онъ сѣкъ. Старикъ учитель исторіи, питомецъ гейдельбергскаго университета, тотъ по крайней мѣрѣ хотъ плакалъ старческими слезами во время этихъ унижительныхъ экзекуцій, спрятавшись за классную доску и закрывъ лице руками. А онъ только сторалъ со стыда за самого себя и за ту роль, которую ему приходилось исполнять. И изъ-за чего онъ несъ ее? Изъ-за чего измѣнялъ онъ своимъ убѣжденіямъ, насилывалъ свою совѣсть,

заставлялъ молчать свое сердце, старался держаться ниже воды и тише травы? Все изъ-за того-же: чтобы не потерять мѣсто и жалованье, чтобы не промѣнять теплый уголь и вѣрный кусокъ хлѣба на тѣ случайности и лишенія, которыя на каждомъ шагу ждутъ человѣка, живущаго не на обеспеченномъ содержаніи, а какъ придется. Только!.. Положимъ, первые годы у него были на рукахъ отецъ и мать; но было-бы стыдно сваливать на нихъ чужіе грѣхи. Нѣтъ, дѣло не въ этихъ старикахъ, а въ томъ, что и онъ такой-же вельбуди, какъ и всѣ другіе, такъ же мало способный пройти въ игольное ушко, также слишкомъ избалованный и слабосильный, чтобы идти по тяжелой прямой дорогѣ.

— Что вы задумались, папа? спросила Лиза, сама задумавшаяся не меньше его.

— Такъ... старое вспомнилось, отвѣчалъ онъ, и потомъ опять заговорилъ какимъ-то упавшимъ голосомъ:—Но знаешь-ли: если посмотрѣть на дѣло пошире и посерьезнѣе, то, право, не поднимется рука ударить твоего Васильевича. Что онъ такое? Съ дѣтства его только баловали, серьезной работы онъ и въ глаза не видалъ, характера у него нѣту, да и ничего нѣтъ, кромѣ аппетита къ низменнымъ сладостямъ жизни. Ну гдѣ-же ему, такому мотыльку, плыть противъ теченія? А вѣдь эта жажда денегъ, комфорта, легкой и обеспеченной жизни,—вѣдь это потокъ! Вѣдь это потокъ, который всѣхъ захватываетъ, все уноситъ! Ты только оглянись вокругъ себя, посмотри! Вонъ тебѣ Александръ Васильевичъ, у котораго и характеръ есть и знанія; вонъ тебѣ Зинаида Ивановна съ матушкой; вонъ Видмидовъ Михрютка; вонъ цѣлая семья Бабулиныхъ; вонъ Парасковья Семеновна, ужъ на что, кажется, прошедшая хорошую практическую школу и выдавая всякіе виды! Вонъ, на томъ углу, вчерашній мужикъ Егоръ Федотовъ открылъ лавчонку и мечтаетъ съ Божіею помощью расторговаться. Онъ бился, бился на своемъ надѣлѣ и, наконецъ, выбившись изъ силъ, продалъ все деревенское обзаведеніе, чтобы начать торговлю. Жена его реветъ по своей деревнѣ, ему тоже не весело, но что станешь дѣлать? Силъ не хватило! Вонъ, въ газетахъ безпрестанно появляются жалобы земскихъ и неземскихъ людей, что имъ мало ихняго жалованья и жить очень тяжело. Народъ, и безъ того бѣдный, урѣзалъ для нихъ свой

скудный кусокъ хлѣба, даль имъ образованіе, а они кричатъ теперь: „мы не такъ воспитаны, чтобы жить дикарями,—сидѣть по-мужицки на деревянныхъ скамейкахъ, ѣсть супъ деревянными ложками и носить грубую дерюгу и сѣрмягу“! Вотъ треплется еврейскій вопросъ, и литература недоумѣваетъ, отчего это жида не соблазняютъ жизнью мужика, суровою и тяжелою отъ колыбели до могилы, а предпочитаютъ легкій гешефтъ, съ помощью котораго можно современемъ дожить и до палатъ каменныхъ, недостижимыхъ для труда праведнаго... Вездѣ одна и та-же пѣсня! Все уноситъ этотъ потокъ, и чѣмъ больше захватываетъ онъ жертвъ, тѣмъ сильнѣе бушуетъ. Оглянешься кругомъ, посмотришь,—все переломано и изувѣчено. Развѣ-развѣ выдѣлится изъ молодежи чистая душа, въ родѣ Сергѣя Федоровича, но и то, какъ поглядишь вокругъ себя, невольно призадумашься и усомнишься: да надолго-ли въ немъ эта чистота? Вѣдь и другіе когда-то искренно молились Богу свѣта и правды и собирались до конца жизни служить ему. А гдѣ теперь эти другіе? Давнымъ давно продали своего Бога за тридцать сребренниковъ и не думаютъ даже повѣситься, а, напротивъ, веселятся...

Лиза съ удивленіемъ взглянула на него.

— Такъ что-жь это по твоему, папа? сказала она.—Все испорчено, развращено, продажно?.. Ни въ кого нельзя вѣрить?..

— Какъ все? Какъ ни въ кого? въ свою очередь удивившись, воскликнулъ онъ.—Да вѣдь я говорю только о нашемъ маленькомъ муравейникѣ! Вѣдь это только пѣна на поверхности моря, а море состоитъ вовсе не изъ пѣны! Какъ все испорчено и развращено? А десятки и сотни миллионовъ людей, которыхъ вся жизнь проходитъ въ тяжеломъ, упорномъ трудѣ, умственномъ или физическомъ? Въ нихъ-ли нѣтъ силы и энергіи? Они-ли не идутъ по прямой и чистой дорогѣ, какъ ни тяжела она?... Погоди, она станетъ легче, можетъ быть еще на твоихъ глазахъ.

— Что-же, это очень пріятно, сказала Лиза, улыбувшись и пристально взглянувъ ему въ глаза.—Но только сознайтесь, что вы говорите обо всемъ этомъ лишь затѣмъ, чтобы развлечь меня...

— Нѣтъ, съ какой стати! Вѣдь я-же понимаю, что тебѣ не до судебъ міра, когда у тебя на сердцѣ лежитъ камень...

— Да, не до нихъ, отвѣчала она.—Знаете-ли, я чувствую себя такъ, будто домъ мой сгорѣлъ, все въ немъ сгорѣло, близкіе люди... ну, утонули въ вашемъ потокѣ, а я не найду себѣ угла и не знаю куда приткнуться.

— А мнѣ казалось, что теперь твой домъ—здѣсь, сказалъ старикъ, указывая вокругъ себя.

Лиза тихо покачала головой.

— Нѣтъ, отвѣчала она.—Я чувствую, пожалуй, что мнѣ нечего дѣлать дома, что теперь я чужая тамъ и только связываю людямъ руки и становлюсь имъ поперекъ дороги. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я и не могу еще этому повѣрить вполне... Не могу!.. Мнѣ все кажется, что есть какое-то недоразумѣніе, которое можетъ разъясниться... Можетъ быть даже, что Александръ Васильевичъ вель все это дѣло одинъ.

На губахъ старика мелькнула насмѣшливая улыбка.

— Что-же, разъясни... Чего на свѣтѣ не бываетъ! проговорилъ онъ.

Лиза посидѣла еще нѣсколько минутъ, молча, подперевъ голову рукою и смотря ничего невидящими глазами на столбцы лежавшей на столѣ газеты. Потомъ она встала.

— Нѣтъ, лучше пойду, сказала она.—Страшно идти, но тяжело и здѣсь сидѣть, колеблясь и ничего не зная.

XV.

Въ этотъ день Владиміръ Васильевичъ и его братъ не обѣдали дома. Они пришли домой только вечеромъ, къ чаю, и притомъ не одни, а съ Петрушей Бабулинымъ и еще однимъ гостемъ, пріѣзжимъ изъ уѣзда, Иваномъ Павловичемъ Лисицынымъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человекъ, небольшого роста, худощавый, съ очень загорѣлымъ лицомъ, чернота котораго рѣзко отгнѣяла и бѣлую полосу на верхней части лба, и бѣлые бѣлки живыхъ и симпатичныхъ глазъ, и бѣлые, ровные зубы, обнажавшіеся при смѣхѣ. Платье на немъ смотрѣло помятымъ и нечищеннымъ, гладкіе, свѣтлые волосы были давно не стрижены, и концы ихъ, упиравшіеся сзади въ воротникъ, загибались наружу и торчали довольно смѣшно, зубчиками и косичками. Лиза знала немного и его самого, и все его семейство, состоявшее изъ матери и четырехъ маленькихъ се-

стеръ. Прежде они жили въ городѣ, но потомъ онъ получилъ на желѣзной дорогѣ новое мѣсто — помощника при начальникѣ третьей дистанціи, и переселился со всей семьей „на линію“, въ село. Однакоже, безъ города Ивану Павловичу было невозможно обойтись, и аккуратно раза три, четыре въ годъ, почти въ одно и то-же время, онъ прїѣзжалъ сюда на нѣсколько дней, „провѣтриться“. Обыкновенно, первый день своего прїѣзда онъ посвящалъ на то, чтобы побывать у всѣхъ болѣе солидныхъ и семейныхъ знакомыхъ и передать имъ поклонны отъ матери. А потомъ, исполнивъ эти обязанности и кое-какія домашнія порученія, онъ, на все остальное время отпуска, попадалъ въ холостую компанію добрыхъ товарищей, и тогда начиналась какая-то угарная, полубезумная жизнь. Всѣ привычки выворачивались на изнанку, часы останавливались, числа перепутывались, потому что цѣлые дни куда-то пропадали незамѣченными, а ночи растягивались фантастически длинно, такъ что иногда ему казалось, будто тянется одна только непрерывная ночь, съ тусклымъ мерцаніемъ то уличныхъ фонарей, то оплывшихъ свѣчей или закоптѣлыхъ лампъ, съ облаками табачнаго дыма, съ раздражающимъ запахомъ винныхъ испареній, съ пьяными шутками, съ пьянымъ смѣхомъ полураздѣтыхъ женщинъ, съ бѣшеными спорами и восклицаніями за карточнымъ столомъ, которые вдругъ оборвутся и надолго смѣнятся напряженною тишиною, прерываемою только шелестомъ картъ, мѣрно лежащихъ направо и налево. Эта исторія продолжалась иногда недѣлю, иногда больше, иногда - же всего дня два или три, смотря потому—улыбалось или не улыбалось счастье Ивану Павловичу и въ какое время приходилось ему спустить всѣ деньги, накопленныя имъ въ деревнѣ. Достигнувъ этого конечнаго результата, онъ, съ больной головой, съ тусклыми глазами, похудѣвшій, весь покрытый какимъ-то пухомъ, заваливался въ вагонъ, чтобы тотчасъ-же заснуть мертвымъ сномъ, и отправлялся обратно на свою дистанцію. Здѣсь онъ немедленно принимался за работу и начиналъ копить деньги. Семью свою онъ нисколько не обижалъ своими экстренными расходами въ городѣ. Мать сама нашла, что при ихъ деревенской жизни, а къ тому-же на даровой квартирѣ, имъ за-глаза довольно шестидесяти рублей въ мѣсяцъ, и даже можно будетъ изъ

этихъ денегъ дѣлать еще порядочныя сбереженія на всякій случай. Иванъ Павловичъ добросовѣстно отсчитывалъ ей эти шестьдесятъ рублей, какъ только получалъ жалованье, и лишь остальные пятнадцать рублей оставлялъ себѣ на свои личные расходы. Но онъ не тратилъ лично на себя изъ этихъ карманныхъ денегъ ни гроша. Онъ дрожалъ надъ ними какъ самый закоренѣлый скряга, и не могъ отказать только въ одномъ,—именно въ удовольствіи сдѣлать отъ времени до времени какой нибудь подарокъ маленькимъ сестренкамъ, горячо имъ любимымъ. Кромѣ того, онъ прискивалъ себѣ еще стороннія работы, вознагражденіе за которыя считалъ уже своею неотъемлемою собственностью: давалъ уроки сыну начальника дистанціи, пописывалъ корреспонденціи и статьи въ газеты, а все остальное свободное время вытчивалъ на токарномъ станкѣ запонки, шахматы, косточки для счетовъ, ручки для зонтиковъ и т. п. Проходили недѣли, мѣсяцы; накоплялись мало-по-малу деньги... И чѣмъ больше приближался срокъ обычной поѣздки въ городъ, тѣмъ безпокойнѣе и какъ-то нетерпѣливѣе становился Иванъ Павловичъ. Онъ худѣлъ, терялъ аппетитъ, начиналъ задумываться, глаза его принимали мечтательное выраженіе, съ какимъ влюбленный думаетъ о предстоящемъ свиданіи съ страстно любимой имъ женщиной.

— Маменька, я поѣду въ городъ, объявлялъ онъ, наконецъ, матери.

— Что-же, поѣзжай... Засидѣлся, добродушно отвѣчала она и думала въ это время, что нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, человѣку въ его лѣта сидѣть постоянно надъ работой и не разлечься.

Онъ ѣхалъ, и опять начиналась угарная, безконечная ночь, быстро пожиравшая всѣ плоды его трудовъ... Это было нѣчто въ родѣ какого-то сложнаго заоя.

Оказалось, что на этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ городъ нѣсколько раньше своего обыкновеннаго срока, потому что ему пришлось получить небольшое наслѣдство послѣ одного дальняго родственника.

— Вотъ по случаю этого-то неожиданнаго событія я и затащилъ старыхъ товарищей къ себѣ въ гостинницу, пообѣдать, объяснялъ онъ Лизаветѣ Николаевнѣ.— Ну, выпили немного, на радостяхъ!..

Лиза спросила его о здоровьи матери.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что маменька не могла приѣхать со мной, заговорилъ онъ, присаживаясь подлѣ нея къ чайному столу и вынимая изъ кармана записную книжку.— Она еще весной расшибла себѣ колѣно, и хоть теперь поправляется и немного ходитъ, но докторъ рѣшительно запретилъ ей поѣзду въ городъ. А между тѣмъ, что я буду дѣлать съ этими комиссіями, которыя она мнѣ надавала по случаю этого наслѣдства? Не угодно-ли вамъ полюбоваться!.. Вотъ, вотъ, вотъ... цѣлыхъ три страницы исписаны... Ну, ножи, вилки, посуда, чай, сахаръ—это я понимаю. Ну, тамъ книжки разные дѣтскія, игрушки, резиновыя коровки и овечки,—это тоже я понимаю. А вотъ!.. Голландское полотно, напимѣръ! Или, еще лучше, какой-то шертингъ! Или, какъ вамъ это понравится, шерстяная матерія на платьѣ! чулочки дѣвочкамъ!! И этакихъ вещей милліоны! Посмотрите, господа!

Петруша Бабулинъ сидѣлъ въ сторонѣ, почти не принимая участія въ разговорѣ и машинально размѣшивалъ ложечкой чай въ своемъ стаканѣ. На него опять надвинулась тяжелымъ бременемъ тоска, повремениамъ овладѣвавшая имъ. Онъ твердо держалъ обѣщаніе, данное отцу, не показываться больше у Катеньки Асафовой, и рѣшился и впредь не нарушать его, но съ этимъ рѣшеніемъ исчезла для него какъ будто послѣдняя искорка огонька, хоть немного согрѣвавшего и освѣщавшаго его жизнь. Пусто, холодно, скучно казалось ему все, проходившее передъ его глазами.

Лиза спросила его, о чемъ онъ такъ печально задумался.

— Скучно что-то, Лизавета Николаевна, отвѣчалъ онъ.— Думаю опять, не отправиться-ли мнѣ во Владивостокъ...

Она улыбнулась.

— Нѣтъ, серьезно! сказалъ онъ, присаживаясь къ ней на стулъ, только что оставленный Лисицынымъ.—Въ самомъ дѣлѣ, такая скука, что не даетъ мнѣ покоя даже во снѣ. Представьте себѣ, какой я сонъ видѣлъ сегодня. Снится мнѣ, будто-бы ѣду я по линіи, въ служебномъ вагонѣ, одинъ: и вагонъ только одинъ прицѣпленъ къ локомотиву, и я въ вагонѣ одинъ. На дворѣ—ни день, ни ночь, а такъ, бѣлое что-то, безъ солнца и безъ мѣсяца. Приѣзжаемъ мы къ станціи. Машинистъ и кочегары ушли въ вокзалъ. А я облокотился

въ окнѣ вагона, смотрю какъ куры бродятъ въ станціонномъ палисадникѣ, какъ сирень вся обсыпана цвѣтами, какъ ястребъ носится въ вышинѣ широкими кругами, и грустно, безконечно грустно мнѣ смотрѣть на все это, на небо и на землю. Вдругъ локомотивъ засвистѣлъ «тю-тю!..» и взялъ да и поѣхалъ самъ, безъ всякихъ машинистовъ и кочегаровъ.. На станціи—топотъ, зѣвъ, на платформу выбѣгаетъ громадная толпа народа, знакомыхъ, и всѣ орутъ, свистятъ, хохочутъ: «тирру! тирру! Держи его за хвостъ, Петруша!» А локомотивъ опять „тю-тю“! да шибче, шибче мчится... Вижу,—папаша съ мамашей стоятъ около полотна дороги. „Да неужели-же мы, наконецъ, такъ-таки и избавимся отъ него?“ говоритъ мамаша. А папаша недовѣрчиво покачиваетъ головой и говоритъ: „Быть того не можетъ!...“ Опять локомотивъ: „тю-тю!“ и все шибче, шибче мчимся мы мимо полей, лѣсовъ, озеръ промчались черезъ Москву по улицѣ Грачовкѣ, промчались черезъ Петербургъ мимо технологическаго института, промчались, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ я когда нибудь жилъ. И наконецъ очутились въ какой-то безконечной степи, въ которой не было ничего, кромѣ какихъ-то обгорѣлыхъ пней, —ни людей, ни птицы, ни признаковъ жллыя. „Господи! думаю,—да неужели-же во всемъ божьемъ мірѣ нѣтъ ни одной души, которая-бы любила меня и пожалѣла хоть въ виду моей неизбежной гибели?“ А локомотивъ, какъ-будто въ отвѣтъ мнѣ, „тю-тю“! говоритъ заунывнымъ, душу пронизывающимъ голосомъ,—«тю-тю!» Такъ я съ этимъ печальнымъ «тю-тю» и проснулся, и не могъ не сознаться, что все это, привидѣвшееся мнѣ во снѣ, совершенно справедливо... Сейчас! откликнулся онъ на голосъ званнаго его Владиміра Васильевича.

— Что это вы,—играть? спросила Лиза, давно уже замѣтившая приготовленія мужа и брата, передвигавшихъ въ соседней комнатѣ столы, чистившихъ ихъ, зажигающихъ свѣчи и безпрестанно посылавшихъ Дарью то за тѣмъ, то за другимъ.

— А что-же намъ дѣлать? отвѣчалъ онъ.—Мнѣ, пожалуй, еще все равно,—и играть скучно; а вонъ Иванъ Павловичъ только и живетъ въ своей деревнѣ одною мыслью, чтобы добраться какъ-нибудь до города и заложить или сорвать банчикъ. Въ сущности, онъ добрый человекъ и, когда случается ему выиграть, готовъ отдать хоть половину денегъ первому

встрѣчному; но что дѣлать,—болѣзнь!.. Иду, иду! откликнулся онъ на вторичный' зовъ изъ сосѣдней комнаты.

Машинально перемивь стаканы и убравъ все съ чайнаго стола, Лиза вышла на крыльцо. Ночь наступала тихая, темная. По небу ползли тучи, заволакивая мало-по-малу послѣднія оставшіяся еще свѣтлыя полосы неба. «Ну, слава Богу, дождь будетъ! слышался чей-то голосъ на сосѣдномъ дворѣ. — Ты, Егоръ, подставиль-бы кадья-то подъ трубы, а то онѣ совсѣмъ разохлись». Бурка, громко позевывая, вылѣзла откуда-то изъ подъ дома, почесалась и усѣлась передъ Лизой, уткнувъ ей морду въ колѣни и шурша хвостомъ по землѣ. «Куда-то ты дѣвешься, Бурка, когда меня не будетъ здѣсь?» подумала Лизавета Николаевна, и опять слезы подступили къ ея глазамъ и судорога сжала горло. Ей до тоски жаль стало покинуть и этотъ маленький домъ на краю города, и садъ, похожій скорѣе на уголокъ лѣса, и этихъ голубей, вдругъ проснувшихся отчего-то на чердакѣ и въ полуснѣ заворковавшихъ, и вѣчно пьяненькую Дарью, и собаку, лизавшую ея руки своимъ горячимъ, мягкимъ языкомъ, — все и всѣхъ жаль...

Вздохнувъ, она встала и прошла въ мезонинъ, къ Сережѣ. Онъ сидѣлъ передъ столомъ, облокотившись на него обѣими руками, подпирая щеки ладонями, и читалъ книгу. Маленькая лампа съ темно-зеленымъ абажуромъ ярко освѣщала только раскрытыя страницы да еще небольшой кругъ на столѣ, покрытомъ синей бумагой.

— Вамъ, Сергѣй Федорычъ, я пришлю сюда ужинъ, сказала Лиза,—а то у насъ тамъ идетъ игра.

— Да мнѣ не все-ли равно? сказалъ онъ.

Оставивъ читать, Сережа смотрѣлъ черезъ очки на ея утомленное лицо и порывался сказать, что она совсѣмъ не бережетъ себя и словно таетъ со дня на день, но въ то-же время онъ чувствовалъ, что дѣло совсѣмъ не въ ней и лучше не касаться этого больного мѣста. А она стала колѣнями на стулъ, сбоку стола, и, облокотившись на него, молча перелистывала первую попавшуюся книгу.

— Ну, спокойной ночи, сказала она потомъ, вставая.

— Лизавета Николаевна... Не спокойнѣе-ли вамъ будетъ, если я переѣду отъ васъ? вдругъ спросилъ Сережа, когда

она уже стояла на порогѣ и готова была затворить за собою дверь. Онъ давно уже замѣтилъ непріязненное отношеніе къ нему Владиміра Васильевича и его брата и, съ одной стороны, нѣсколько тяготился своимъ положеніемъ здѣсь, а, съ другой, — не могъ себѣ представить, какъ онъ будетъ жить гдѣ-нибудь въ другомъ домѣ, не видя каждый день Лизу, не проведя съ ней по нѣскольку часовъ въ разговорахъ о своихъ урокахъ, о людяхъ, съ которыми встрѣтился, о прочитанной книгѣ, — обо всемъ, что интересовало его и сколько-нибудь могло интересовать ее.

— Мнѣ? Спокойнѣе? съ удивленіемъ переспросила она. — Христось съ вами! Нѣтъ, отъ этого мнѣ не будетъ спокойнѣе. Оттого, что однимъ близкимъ человѣкомъ около меня будетъ меньше, мнѣ не сдѣлается спокойнѣе!

Она зашла посмотреть на игру. Владиміръ Васильевичъ, держа въ углу рта длинный мундштукъ съ дымившимся окуркомъ сигары, совсѣмъ спокойно и методически клалъ карты направо и надѣво, словно сортировалъ на двѣ пачки какіе-нибудь билеты для экзамена своихъ учениковъ. Красивое лицо Владиміра Васильевича до самыхъ глазъ было залито яркимъ румянцемъ, точно отблескомъ пожара. Приподнявъ отъ стола стаканъ съ виномъ или пивомъ, онъ такъ и замеръ съ нимъ на половинѣ дороги, напряженно слѣдя за выходящими картами. Петрушѣ было, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не особенно веселѣе, чѣмъ часъ назадъ, когда онъ, добрые пятнадцать минутъ, разсѣянно размѣшивалъ ложкой чай въ своемъ стаканѣ.

— Дайте руку на счастье, Лизавета Николаевна, обратился онъ къ ней.

— А что? Не везетъ? спросила она.

— Не везетъ. А еще говорить, что кто не счастливъ въ любви, тотъ счастливъ въ картахъ!... Везетъ только одному Ивану Павловичу.

Иванъ Павловичъ, сидѣвшій къ ней спиной, оглянулся и какъ-то особенно дружелюбно подмигнулъ ей, весело и оживленно улыбаясь.

— Сглазить, сглазить! проговорилъ онъ торопливо и опять обернулся къ столу.

Лиза ушла въ свою комнату и, не зажигая огня, сѣла съ

ногами въ мягкое кресло, стоявшее у окна. Начинаясь накрапывать дождь. Крупныя капли его все чаще и чаще постукивали въ крышу и въ стекла; потомъ послышался отдаленный шумъ приближающагося ливня,—все слышнѣе, слышнѣе, и, наконецъ, онъ разразился надъ домомъ, и цѣлые потоки воды полились съ крыши по желѣзнымъ желобамъ и трубамъ, задребезжавшимъ на своихъ проволокахъ. Черезъ нѣсколько времени дождь начиналъ прекращаться, — туча пронеслась мимо, но на смѣну ей надвигалась уже другая, и опять несся издалека быстро приближающійся глухой гулъ, и опять падали на землю новыя потоки. Повѣяло сыростью, стало прохладнѣе. Во время вновь наступившаго недолгаго затишья слышались со стороны Старой слободки нѣсколько ударовъ часового колокола, то ясныхъ, то какъ будто уносимыхъ куда-то въ другую сторону и тонувшихъ въ шумъ дождя. „Сколько это? думала Лиза.—Одиннадцать? двѣнадцать?“ Она хотѣла-было зажечь свѣчу и посмотрѣть на часы, но было лѣнь протянуть руку. Гдѣ-то въ комнатахъ, капля за каплей, падала на полъ вода, просочившаяся сквозь крышу или сквозь щель неплотно притвореннаго окна. Лиза хотѣла встать и посмотреть, но только улеглась еще удобнѣе въ креслѣ и уложила голову на его спинку. Она подумала о томъ житейскомъ, всеуносящемъ потокѣ, о которомъ говорилъ сегодня отецъ, но эта мысль какъ-то странно слилась у нея съ мыслью о потокахъ воды, льющихся теперь съ крутыхъ береговъ и съ горъ. Раздавшійся на рѣкѣ заунывный свистокъ парохода напомнилъ ей о томъ фантастическомъ локомотивѣ, который возилъ во снѣ Петрушу Бабулина по всей Россіи. «Да, потокъ... который все уноситъ, думала она уже въ полуснѣ.— Другимъ, по крайней мѣрѣ, выгоднѣе въ мутной водѣ... Александръ Васильевичъ—тотъ хотъ осуществить свою мечту и женится на Зинѣ». Въ ея воображеніи возсталъ, какъ живая, Зина, съ своимъ красивымъ смуглымъ лицомъ и глубокими глазами, въ подвѣчномъ платьѣ, съ цвѣтами на головѣ, подъ длинной фатой... Потомъ она видѣла церковь, ярко освѣщенную, иконостасъ, блестящій позолотой, высокія хоругви около клироса, архіерейскихъ пѣвчихъ на немъ. И вдругъ она съ удивленіемъ поняла, что это не Зины свадьба, не Зина идетъ къ вѣнцу, а она сама съ своимъ дорогимъ Во-

лодей. „Володя! Милый мой! Такъ что-же это было?“ думаетъ она, и сладкія, радостныя слезы текутъ по ея щекамъ и какъ будто уносятъ съ собою все, что жгло ея сердце и отравляло жизнь.

Когда она проснулась, стояло раннее, раннее утро, блѣдное, пасмурное, туманное. Лиза посмотрѣла на часы,—было три часа. Она оправила передъ зеркаломъ смятые волосы, накинула на плечи пуховый платокъ и пошла въ другія комнаты. Въ гостиной, наполненной облаками дыма, попрежнему горѣли свѣчи, но, когда Лиза вошла въ нее, игра кончилась и всѣ вставали одинъ за другимъ, отодвигая стулья.

— Все проигралъ, шепнулъ ей Петруша, указавъ глазами на Ивана Павловича.

— Какъ все?! съ испугомъ переспросила она.

— До тла... До послѣдняго чулочка своихъ дѣвочекъ.

Лисицынъ, съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ-то грязно-блѣдный по милости густого загара, закуривалъ на свѣчѣ папиросу, придерживая ее трясущеюся рукою. Потомъ онъ отошелъ къ окну и сѣлъ.

Что, братъ, Ваничка? спросилъ Бабулинъ, подойдя къ нему.—На много-ли тебѣ пришлось поплатиться?..

— Да... да... дьявольское несчастье... да!.. повторялъ Лисицынъ, не слыша или не понимая вопроса, и огонекъ папиросы попрежнему трясся въ его рукахъ.

Лиза, вся полная жалости къ этому убитому, лихорадочно дрожавшему юношѣ, думавшему, конечно, о томъ, что онъ скажетъ матери, какъ онъ взглянетъ въ глаза своимъ дѣвочкамъ, перешла на другой конецъ комнаты, къ столу съ закуской, около котораго стали ея мужъ и братъ. Александръ Васильевичъ, намазывавшій масло на ломтикъ хлѣба, приподнялъ немного голову и изподлобья посмотрѣлъ на Лизу такимъ взглядомъ, какъ будто спрашивалъ: что ей здѣсь понадобилось.

— Неужели вы не возвратите ему деньги? шепотомъ спросила она.—Мало-ли подъ какимъ предлогомъ это можно сдѣлать! Ну, уговорите егс... Ну, дайте ему ихъ займы,—пусть уплачиваетъ понемногу хоть каждый мѣсяць...

Мужъ съ недоумѣніемъ взглянулъ сперва на нее, потомъ на брата.

— Съ какой это стати? насмѣшливо спросилъ тотъ...

— Вѣдь это совершенно особенный случай. Поймите, вѣдь онъ проигралъ не свои, чужія деньги... увлекся! шептала она вся кипя отъ негодованія на безсердечіе брата, на жадность и трусость мужа, который понимаетъ, конечно, всю гадость своего поступка и ничего не можетъ возразить ей, но только прячется за чужую спину.

— Полноте... не маленькій! Не сегодня, такъ завтра, не намъ, такъ другимъ,—все равно проигралъ-бы! сквозь зубы отвѣчалъ Александръ Васильевичъ, накладывая на масло ломтикъ сыру.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ подошедшій Петруша.

Лиза печально посмотрѣла на него.

— Я говорю,—неужели, неужели вы, господа, не возвратите ему эти несчастныя, дѣтскія деньги? Неужели онѣ не обжигаютъ вамъ руки?

Петруша вспыхнулъ и торопливо схватился за свой бумажникъ въ боковомъ карманѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! обратился онъ къ нимъ.—Вѣдь, дѣйствительно, намъ слѣдовало-бы поступить потоварищески... Нехорошо, господа!..

Александръ Васильевичъ хотѣлъ что-то сказать, но только засмѣялся ему въ глаза и, махнувъ рукой, пошелъ прсѣ медленно, развалистою походкою человѣка, беззаботно разминающаго свои ноги. Въ это время Лисицынъ какъ будто опомнился,—всталъ и, торопливо пожавъ всѣмъ руки, направился къ выходу.

— Не безпокойтесь, шепнулъ Лизаветѣ Николаевнѣ Петруша, уходящій вмѣстѣ съ нимъ,—я какъ нибудь устроюсь съ нимъ... Все обойдется...

Проводивъ ихъ со свѣчой въ рукахъ, Лиза возвратилась въ гостинную. Мужъ ея сидѣлъ у окна и задумчиво барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла, размышляя, что, въ сущности, братъ совершенно правъ, потому что дѣйствительно Лисицынъ завтра-же проигралъ-бы эти деньги; но эта Лиза... эта Лиза вѣчно устроить изъ самаго простаго случая какую-то чувствительную драму, изъ-за пустяковъ разволнуется сама и взволнуетъ другихъ. Александръ Васильевичъ по прежнему тихо ходилъ взадъ и впередъ съ тартинкой въ рукѣ.

— Ахъ, господа, господа! раздался среди тишины голосъ Лизы.—Помните-ли вы, Пастуховъ рассказывалъ, какъ онъ въ ранней молодости наткнулся въ гостинницѣ на извѣстнаго шулера? Тотъ выигралъ у него всѣ деньги до послѣдней копѣйки, часы, кольцо... Но этотъ извѣстный шулеръ побрезгалъ воспользоваться деньгами бѣднаго студента, которому не на что было ѣхать дальше, и деликатно возвратилъ ему все, посоветовавъ никогда не играть съ незнакомыми людьми... Такъ то былъ шулеръ, шулеръ!.. А вы, господа, вы, которыхъ я считала, по крайней мѣрѣ, порядочными людьми...

Въ голосѣ ея зазвенѣли слезы. Она хотѣла говорить дальше, но, вмѣсто словъ, у нея вырвалось изъ груди громкое рыданіе, заставившее Владиміра Васильевича еще ниже опустить голову, а его брата нахмурить свои густыя брови.

— Лиза, Лиза! мягко заговорилъ ея мужъ.—Ты просто не привыкла къ подобнымъ исторіямъ; оттого проигрышь Лисицына и представляется тебѣ чѣмъ-то ужаснымъ. А между тѣмъ это самая обыкновенная исторія. Саша говоритъ правду, что Лисицынъ все равно проигралъ-бы эти деньги, не намъ, такъ другимъ.

Сдержавъ слезы, она смотрѣла на него долго, пристально. Потомъ тихо вздохнула.

— Ну, хорошо! Пусть это будетъ обыкновенная исторія, горько сказала она.—Вижу, что о ней не стоитъ больше говорить. Но скажите,—правда-ли, что вы покупаете газету Бицына на деньги Катерины Петровны?..

— Покупаемъ, холодно отвѣчалъ старшій братъ.

— И вы, Владиміръ Васильевичъ, знали объ этомъ?

Онъ невольно взглянулъ на брата, но встрѣтивъ его насмѣшливый взглядъ, довольно твердо сказалъ:

— Конечно...

— Такъ отчего-же вы мнѣ не сказали этого? Зачѣмъ не предупредили, не дали мнѣ возможности во-время уйти какъ можно дальше отъ-всей этой грязи? Конечно, я и теперь успѣю уйти отъ нея. Но все-таки предупредить было-бы лучше... прямѣе, честнѣе!.. Тогда, по крайней мѣрѣ, я могла-бы думать, что человѣкъ, котораго я когда-то любила, какъ онъ ни упалъ низко, а все-таки умѣлъ дѣйствовать прямо и не былъ трусомъ... И это было-бы утѣшеніе!.. А теперь у меня

павшаго, что она оставляет его опять одного, уже совсѣмъ одного, среди чужихъ людей, которые, можетъ быть, давно ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, скоро-ли придетъ за нимъ смерть и, унеся его, бросить имъ кое-какія крохи, оставшіяся послѣ него. Она поняла всю ту жгучую скорбь, которую онъ долженъ былъ почувствовать, увидѣвъ, что и его дѣтенышъ, — любовь и гордость его съ самаго дѣтства, — думаетъ только о себѣ, объ одномъ себѣ. Она вспомнила, что этотъ старикъ былъ всегда ея единственнымъ другомъ, никогда ей не измѣнившимъ, и сердце ея сжалось, слезы подступили къ глазамъ.

— Ну, вотъ, папа! дрогнувшимъ голосомъ сказала она. — Вы думаете, я въ самомъ дѣлѣ уѣду?

Онъ опять взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ, но тотчасъ же все понялъ, и насмѣшливая улыбка точно поползла по его лицу, постепенно захватывая оживавшіе глаза, губы, морщины на щекахъ.

— Что, жаль стало старика? спросилъ онъ. — Совѣсть зарела? Ну, да Богъ съ тобой! Все, значить, устраивается къ лучшему. Я въ выигрышѣ, Владиміръ Васильевичъ утѣшится съ Катенькой, другой Васильевичъ женится на своей Зиночкѣ, Михрютка счастливъ тѣмъ, что Богъ избавилъ его отъ нея... Слѣдовательно, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Все къ лучшему, все къ лучшему! насмѣшливо повторялъ онъ, развалившись въ креслѣ, а большіе пальцы его толстыхъ рукъ все быстрѣе и быстрѣе вращались одинъ вокругъ другого.

Н. Бажинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ.

(По поводу соч. г. Карѣва. «Основные вопросы философіи исторіи», Т. I и II, Москва, 1883).

Возрѣнія г. Карѣва на единство человѣческаго рода чрезвычайно сбивчивы и смутны, какъ и другіе его взгляды. Г. Карѣвъ, очевидно, размышлялъ много объ этомъ предметѣ, но онъ еще больше перечиталъ иностранныхъ книжекъ на ту-же тему, которыя, кажется, только сбивали его съ толку и были главной причиной вялости его мысли и его боязни высказаться опредѣленно и остановиться на какомъ-нибудь одномъ заключеніи. Это, конечно, очень жаль, такъ какъ единство человечества есть одинъ изъ самыхъ крупныхъ и интересныхъ вопросовъ въ философіи исторіи. Читатель, дойдя до этого мѣста въ книгѣ г. Карѣва, долженъ вооружиться громаднымъ терпѣніемъ, и въ концѣ концовъ онъ, всетаки, ничего кажется, не вынесетъ изъ туманныхъ и противорѣчивыхъ соображеній автора. На одной страницѣ г. Карѣвъ раза три измѣняетъ свои мнѣнія, кассируетъ ихъ и снова возстанов-

¹⁾ Чтобы замѣчаніе наше не показалось голословнымъ, приведемъ доказательства. Сначала г. Карѣвъ спрашиваетъ: «можемъ ли мы говорить о единствѣ человечества, о единствѣ его исторіи?» и тотчасъ отвѣчаетъ: «Конечно, нѣтъ» (Т. I, стр. 144), но затѣмъ эта категоричность ослабляется разными оговорками въ томъ смыслѣ, что съ одной стороны должно признаться, а съ другой нельзя не сознаться. На той же страницѣ г. Карѣвъ говоритъ, что единство человечества можетъ быть принято, если признать *внутреннее* тождество его духовныхъ способностей и общественныхъ инстинктовъ, тождество законовъ, управляющихъ его психической и соціальной жизнью. Законы психологіи и соціологіи одни для всѣхъ народовъ и т. д.» (стр. 144). Черезъ нѣсколько строкъ на той-же страницѣ г. Карѣвъ замѣчаетъ: «*внутреннее* родъ «Дѣло», № 12, 1883 г. II.

лаетъ, путается въ философскихъ опредѣленіяхъ и еще болѣе въ разнообразіи взглядовъ и идей цитируемыхъ имъ писателей.

Въ чемъ же, однако, заключается идея человѣчества, какъ цѣлаго, имѣетъ ли она опредѣленное содержаніе, или-же это фикція идеологовъ, измышленіе мечтателей и философовъ. О человѣчествѣ говорятъ всѣ мыслители, оно на устахъ у всѣхъ моралистовъ, писателей и поэтовъ; но ясно, что въ этомъ случаѣ человѣчество разумѣется въ смыслѣ *человѣка* вообще, *человѣческой природы*, на сколько она одинакова у всѣхъ людей и у всѣхъ націй. Но дѣло идетъ, однако, о *человѣчествѣ*, какъ о дѣйствительномъ союзѣ народовъ, основанномъ на духовномъ и матеріальномъ взаимодействіи между ними, объ «универсальномъ обществѣ» въ въ смыслѣ Фихте, или о той всемирной конфедераціи, о которой мечталъ Кантъ. Такое объединенное *человѣчество* представлялось прежнимъ мыслителямъ и лишь какъ идеаль будущаго. Феррари, цитируемый г. Карѣвымъ, утверждаетъ, что всѣ попытки философіи найти единство во всемирной исторіи, ни къ чему не привели до сихъ поръ, но онъ вѣритъ, однако, что оно опредѣлится въ будущемъ, «въ прошломъ-же мы можемъ только наблюдать тенденцію всѣхъ народовъ къ единому *человѣчеству* грядущихъ вѣковъ». Наиболѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи размышленія Канта, исходящаго изъ того (безусловно справедливаго, по нашему мнѣнію) положенія, что каждое существо, въ силу своей природы, можетъ достигнуть полнаго развитія всѣхъ своихъ способностей только въ цѣломъ *человѣческомъ родѣ*, въ средѣ всемирнаго гражданскаго общества,—которое распространялось-бы на всѣ націи и въ которомъ царствовала-бы политическая справедливость». Но и у Канта единство *человѣчества* не есть законченный фактъ, а скорѣе только возможная цѣль историческаго развитія. Можно, однако, спросить, существуютъ-ли въ дѣйствитель-

*человѣческой, никогда не будетъ единымъ». То будетъ, то не будетъ; то есть, то вѣтъ. Рѣшивъ, что единства не будетъ, г. Карѣвъ поясняетъ далѣе, что *человѣчество*, если и объединялось то, совершенно случайно и не настолько полно, «чтобы создать конгломерацию индивидуальныхъ единицъ съ собственной волей и собственными стремленіями, а великое цѣлое, всѣ части котораго дѣйствовали бы по одному принципу и стремились съ полнымъ разнообразіемъ къ одной цѣли» (стр. 145). Но и на этомъ мнѣніи г. Карѣвъ не останавливается. Выше онъ говорилъ, что *человѣчество* не будетъ единымъ, а на стр. 152 онъ объявляетъ, что согласенъ съ Феррари, что «единство всемирной исторіи есть—дѣло будущаго, идеаль процесса», и что «дѣйствительно, исторія разныхъ народовъ постепенно объединяется и, на основаніи принциповъ прогресса, можно предвидѣть будущее, когда жизнь особнякомъ для отдѣльныхъ націй сдѣлается невозможностью».*

ности какіе-либо осязательные признаки единого союза изъ всѣхъ націй, и замѣчается-ли на самомъ дѣлѣ, чтобы историческій процессъ происходилъ и въ средѣ отдѣльныхъ народовъ и въ то-же время охватывалъ-бы все человѣчество, какъ цѣлое?

На этотъ вопросъ г. Карѣвъ склоненъ отвѣчать отрицательно; онъ не видитъ взаимной связи между націями, и ихъ частныя исторіи, по его мнѣнію, не сходятся между собой; замѣчаемыя-же иногда совпаденія по большей части случайны. Скептицизмъ г. Карѣва весьма слабо мотивированъ; вообще его разсужденія довольно уклончивы, приводимыя-же имъ историческія параллели ничего не объясняютъ. Прежде всего спрашивается, какая цѣль обращаться къ отдаленному прошлому, когда единства сознательнаго, какъ само собою разумѣется, быть не могло, когда оно было только въ потенциальной формѣ, т. е. бессознательнымъ, основаннымъ не на фактическомъ взаимодействіи между народами, а на тождествѣ ихъ человѣческихъ свойствъ? Но въ силу этого бессознательнаго единства въ прошлой жизни народовъ несомнѣнно должно быть множество общихъ чертъ; по крайней мѣрѣ, совпаденія крупнѣйшихъ событій въ исторіи разныхъ націй не могутъ считаться случайными, во объясняются именно бессознательнымъ единствомъ. Г. Карѣвъ приводитъ, между прочимъ, замѣчательныя совпаденія событій въ концѣ 40-хъ годовъ XVII вѣка. «Вспомните, говоритъ онъ, что это—эпоха англійской революціи, французской фронды, возстанія Мазаньелло въ Неаполѣ, казацкаго движенія противъ Польши, бунтовъ въ Московскомъ государствѣ... Но на самомъ дѣлѣ, что общаго между Кромвелемъ, Мазаньелло, Богданомъ Хмельницкимъ? Развѣ они дѣйствовали подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же идей, какъ заговорщики и предводители возстаній въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія?» (Т. I, стр. 149). Г. Карѣвъ могъ-бы привести и другіе примѣры совпаденія истинно народныхъ движеній въ отдаленныя эпохи, и, конечно, онъ назвалъ бы и эти совпаденія случайными. Но онъ былъ бы такъ-же не правъ, какъ и тѣ историки-философы, которые приписываютъ подобнаго рода совпаденія какимъ-то таинственнымъ вліяніямъ или космическимъ вліяніямъ, располагавшимъ, якобы, народы къ одинаковымъ дѣйствіямъ. Конечно, здѣсь все дѣло въ бессознательномъ единствѣ, въ томъ, что люди вездѣ люди, къ какимъ-бы націямъ они не принадлежали; они обладаютъ способностями мышленія, чувствованія и воли, и этаго достаточно для того, чтобы они, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, поступали въ общемъ одинаково, сами того не сознавая. Положеніе народныхъ массъ во всѣхъ государствахъ было въ главныхъ чертахъ одинаково въ отдаленныя вре-

мена, да оно остается почти такимъ-же и до сихъ поръ; ничего поэтому нѣтъ удивительнаго и случайнаго въ томъ, что эти массы въ дѣлѣ, касающемся ихъ важнѣйшихъ интересовъ, поступаютъ, какъ-бы сговорившись, проявляя одинаковымъ образомъ свое недовольство дѣйствительностію. Изъ этого безсознательнаго единства, развивается единство сознательное, которое съ теченіемъ времени постоянно крѣпнеть, становится все болѣе и болѣе тѣснымъ и распространяется на большее и большее число націй. Уже съ конца прошлаго столѣтія событія въ одномъ государствѣ начинаютъ отзываться въ другихъ государствахъ. Первая французская революція, какъ извѣстно, нашла нѣкоторый откликъ въ различныхъ частяхъ Германіи. Самъ г. Карѣвъ говоритъ, что «народныя движенія въ западной Европѣ въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, равно какъ въ 1830 и 48 гг., дѣйствительно находятся въ связи между собой» (стр. 149). Февральская революція взволновала, по крайней мѣрѣ, половину Европы, а въ послѣднее время, какъ всѣмъ извѣстно, Европа уже вся охвачена совершенно однороднымъ движеніемъ. Можно сказать, что въ наши дни всѣ націи Европы и даже другихъ континентовъ окончательно вступили во взаимодѣйствіе, и введены такъ сказать въ одну соменную цѣпь, служащую, подобно телеграфной проволоцѣ, средствомъ для международнаго обмѣна идей, фактовъ, желаній, интересовъ. Изолированная жизнь становится едва ли возможной даже для обитателей какихъ нибудь Сандвичевыхъ острововъ, между тѣмъ какъ взаимная зависимость между націями въ сферахъ умственной, экономической и политической дѣлается вполне осязательнымъ фактомъ, вліяющимъ на каждый народъ въ отдѣльности не менѣе, можетъ быть даже сильнѣе еще, чѣмъ другіе факторы его исторической жизни и его социальнаго прогресса. Мы полагаемъ поэтому, что г. Карѣвъ дѣлаетъ важную ошибку, исключая единое человѣчество изъ своей теоріи прогресса; безъ этого она должна быть односторонней, или, правильнѣе сказать, устарѣвшей. Объединенное человѣчество есть новый социальный факторъ высшаго порядка, еще очень мало изслѣдованный наукой, но заслуживающій, по своей чрезвычайной вліятельности въ жизни современныхъ народовъ, самаго внимательнаго и подробнаго изученія. Теперь уже обратилось въ триизмъ, что *личность* можетъ достигнуть полнаго совершенства только въ обществѣ себѣ подобныхъ, въ средѣ социальной или, по Спенсеровской терминологіи, надъорганической. Въ такой-же триизмъ, по всей вѣроятности, обратится и то, что отдѣльная *нація* осуждена на самое низменное и жалкое прозябаніе, если она замкнется въ самое себя и не вступитъ въ общеніе съ

другими націями, образующими социальную или надъорганическую среду второго, высшаго порядка. Эта вторая надъорганическая среда или объединенное человечество должно быть ближайшимъ предметомъ изслѣдованія для современной социальной науки. Всего важнѣе, по нашему мнѣнію, установить, что человечество, какъ совокупность націй, есть существующій фактъ и такое же цѣлое, какъ и отдѣльная нація (отдѣльное общество); что оно способно къ одинаковому, но только высшимъ по степени отправлениямъ, что въ немъ есть своя духовная жизнь и совершаются свои экономическіе, социальные и политическіе процессы. Универсализмъ въ сферѣ умственной есть, конечно, самое яркое и наиболѣе опредѣлившееся явленіе въ жизни человечества: литература его становится все богаче и богаче, и при томъ всѣ гени и самыя выдающіеся таланты—дѣятели его, а не національныхъ литературъ. Универсальная литература, обнимающая поэзію, беллетристику, журналистику и науку, является самымъ могущественнымъ объединителемъ народовъ; она непрерывно вербуетъ изъ всѣхъ націй новыхъ членовъ человечества, если можно такъ выразиться, съ ея успѣхами увеличивается численный составъ его активныхъ интеллигентныхъ представителей отторгаемыхъ постепенно отъ своей національности для жизни болѣе полной, болѣе сложной и прогрессивной. Такое вліяніе всемірной литературы необходимо вытекаетъ изъ самой сущности человеческой мысли, которая всегда и во всемъ стремится отъ различій и частныхъ къ всеобщему, слѣдовательно отъ національностей, къ космополитизму.

Но общечеловѣческая литература только частью является въ активной роли объединительницы народовъ, частью-же она служитъ простымъ отраженіемъ идей и стремленій, сложившихся помимо ея въ большей или меньшей массѣ лицъ различныхъ національностей. Эти-то лица и составляютъ главный контингентъ объединеннаго человечества, его публику или массу, соответствующую массѣ отдѣльнаго народа, но отличающуюся отъ послѣдней тѣмъ, что она есть масса высшаго порядка, какъ и вообще все въ человечествѣ напоминаетъ среду отдѣльной націи и отличается отъ ея явленій, ея строя и объектовъ лишь болѣе высокой степенью развитія. Какъ произошла эта масса, реально воплощающая въ себѣ человечество, и существуетъ-ли она въ дѣйствительности? Это одинъ изъ самыхъ сложныхъ и тонкихъ вопросовъ социальной науки; отъ его рѣшенія зависитъ быть или не быть человечеству, какъ реальному и самостоятельному обществу высшаго разряда. Конечно, мы можемъ представить здѣсь лишь общій эскизъ генезиса или социальной родословной этого новаго общественнаго слоя,

какъ носителя общечеловѣческихъ идей и стремлений. До известной степени можно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, что предвѣстникамъ и первымъ, хотя весьма слабымъ намекомъ на этотъ слой служить буржуазія въ обще-историческомъ значеніи этого термина, а не въ томъ специальномъ и сильно опошленномъ смыслѣ, который придается этому слову въ настоящее время. Но, кажется, правильнѣе принять, что вообще *городъ* былъ первоначальной колыбелью человѣчества, и въ этомъ заключается его великая роль въ исторіи социальныхъ отношеній. Начиная съ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней городъ служитъ той лабораторіей, гдѣ группа людей известной національности постепенно перерабатывается умственно и воспитывается въ духъ равенства и общечеловѣчности. Если мы возьмемъ, напримѣръ, французскій средневѣковой городъ, что увидимъ, что въ немъ съ самыхъ раннихъ поръ совмѣщались условія для подготовки отдѣльныхъ націй въ послѣдующему образованію изъ нихъ единого союза. Прежде всего городъ представлялъ собою благопріятную среду для критической работы мысли и для возвышенія умственного уровня его обитателей. Какая огромная разница, напр., между средневѣковымъ замкомъ феодала, гдѣ властвуетъ и командуетъ онъ одинъ, и городомъ, гдѣ тысячи людей сходятся на совѣщанія о своихъ дѣлахъ, гдѣ они учатся другъ у друга, обмѣниваются идеями и опытомъ, гдѣ, наконецъ, торговля часто заставляла людей надолго покидать не только свой городъ, но и свою сторону, и жить въ мирѣ иныхъ идей и иныхъ социальныхъ стремлений. Но самая важная особенность городовъ состоитъ въ томъ, что ихъ населеніе постоянно возобновляется. Между тѣмъ какъ знать представляла замкнутую касту, въ которую прегражденъ былъ доступъ стороннимъ элементамъ, городъ, открытый для всѣхъ, постоянно принималъ въ себя новыхъ пришельцевъ и такимъ путемъ возрождался заново; населеніе пользовалось притокомъ свѣжихъ силъ и уже поэтому дѣлалось склоннымъ къ измѣненію идей и правовъ, къ духовному прогрессу вообще. Въ средневѣковыхъ французскихъ городахъ разнообразіе въ составѣ населенія было особенно велико; здѣсь собирались не только лица разныхъ профессій, но и разные сословія, неисключая крестьянъ и даже рабовъ. Если, напр., рабъ, скрываясь въ какомъ-нибудь городѣ отъ преслѣдованій, проживетъ въ немъ годъ и одинъ день, онъ дѣлался свободнымъ и могъ жить въ мирѣ и безопасности. Иногда-же право гражданства покупалось за деньги или-же оно предоставлялось всякому, кто обязется обзавестись домомъ известной цѣнности (см. Hist. de la Société franç. au moyen âge, par R. Bosières, т. II, 438);

при этомъ не требовалось никакихъ формальностей, достаточно было личнаго заявленія о желаніи сдѣлаться гражданиномъ такого-то города. Естественно, что при такомъ разнообразіи и пестротѣ населенія городъ дѣлался въ нѣкоторомъ родѣ соціальной школой для гражданъ, онъ воспитывалъ въ нихъ склонность къ равенству, сословія теряли здѣсь свое значеніе, и даже болѣе того, въ населеніи отчасти ослабѣвало и тяготѣніе къ своему государству, такъ какъ средневѣковныя города управлялись почти самостоятельно и даже имѣли свою милицію. Въ особенности нѣмецкіе города пользовались большою свободой и самостоятельностью, но внутри ихъ далеко не такъ развита была безусловность и равенство, какъ въ городскихъ общинахъ средневѣковой Франціи, хотя и въ Германіи городъ все-таки былъ ячейкой будущаго универсальнаго общества. Какъ французскіе буржуа, такъ и нѣмецкіе бюргеры ближе всего стоятъ къ всемірному гражданскому обществу нашего времени, они были носителями *общихъ* принциповъ и широкихъ идеаловъ равенства и свободы, они создали общечеловѣческую литературу, и внесли въ политическую жизнь отдѣльныхъ народовъ новыя факторы, благодаря которымъ приобщеніе націй къ человечеству должно несравненно быстрѣе подвигаться впередъ, чѣмъ это было до тѣхъ поръ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что какъ буржуазія, такъ и бюргерство все болѣе и болѣе теряютъ свою общечеловѣчность, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени. Нѣмецкое бюргерство въ соціально-политическомъ отношеніи достигло полнаго расцвѣта въ эпоху реформаціи и гуманизма, когда идеи равенства, прилагались на практикѣ и проповѣдывались всѣми дѣятелями реформаціи. Лютеръ напр., говорилъ: «Должны ли оставаться владѣтельными князьями и дворянами всѣ тѣ, которые родились въ княжескихъ и дворянскихъ семействахъ? Что худого, если князь, возьметъ за себя бюргерскую дочку и долженъ будетъ ограничиваться средствами бюргера? И почему благородной дѣвушкѣ не выйти за мужъ за бюргера? Вѣдь нельзя родовому дворянству вѣчно брачиться только съ дворянствомъ. Если мы не равны въ глазахъ міра, то всѣ мы равны передъ Богомъ, всѣ дѣти Адама, твари Господнія, и каждый человѣкъ не хуже другаго». («Гражд. Общество», Рилъ, стр. 226). Но значеніе нѣмецкаго бюргерства, какъ ближайшей ступени къ общечеловѣчеству, выразилось главнымъ образомъ въ умственномъ отношеніи, въ философіи и наукѣ, въ космополитической поэзіи Шиллера и Гете, въ идеалахъ Лессинга, такъ мѣтко формулировавшаго реформаторскую тенденцію человѣческой мысли въ своемъ классическомъ изрѣченіи, что если-бы Богъ предоставилъ ему выборъ между

истиною и стремленіемъ къ истинѣ—онѣ выбралъ-бы послѣднее. Въ нашемъ столѣтїи, однако, роль бюргерства постоянно умалывается и оно все болѣе и болѣе вытѣсняется новымъ общественнымъ слоємъ. Судьбы французской буржуазїи въ общемъ одинаковы, но она служила общему дѣлу человѣчества съ большимъ блескомъ и не столько на почвѣ идей, сколько фактами и примѣромъ. Если нѣмецкое бюргерство внесло основной фондъ въ умственную сокровищницу человѣчества, то французская буржуазїя, обезпечила за нимъ равенство, какъ англійская—свободу. Въ періодъ первой французской революціи буржуазїя во Франціи достигла своего зенита, а затѣмъ и она постепенно стала клониться къ упадку, уступая историческую сцену представителямъ новой эпохи. Буржуазїя не выполнила задачи всесторонняго очеловѣченїя народовъ, она не только не привела къ уничтоженію національной исключительности, но не могла даже водворить безсословности въ обществахъ, она умалила значеніе только нѣкоторыхъ сословій, наиболѣе мѣшавшихъ личности возвыситься до «общечеловѣка», она нанесла ударъ клерикализму, подавлявшему духовный ростъ общества и аристократїи, препятствовавшей утвержденію равенства между гражданами, но она сама, однако, оставалась сословіемъ, по имущественному своему положенію. Поставленная исторїей въ необходимость осуществлять идею всечеловѣчества, буржуазїя, однако, носила въ себѣ ветхаго человѣка и постоянно сбивалась на націонализмъ, какъ прежде она сбивалась на сословность. Положеніе буржуазїи по отношенію къ человѣчеству денационализированному можно охарактеризовать анекдотомъ, хорошо рисующимъ еще не установившееся сознаніе безсословности и братства, сознаніе, стремящееся къ новому, но еще не успѣвшему забыть старое. Такъ, рассказываютъ, что вскорѣ послѣ февральской революціи, на дверяхъ одного парижскаго клуба, посѣтители котораго обязались говорить другъ другу «ты», сдѣлана была подпись: «Ici tout le monde se tutoie;—fermez la porte s'il Vous plait». Но національность выражена въ буржуазїи, несмотря на ея международныя поползновенїя, несравненно сильнѣе, конечно, чѣмъ невинная привычка говорить другъ другу «вы». Для буржуазїи совершенно невозможно отдѣлаться отъ привычнаго націонализма, въ этомъ отношенїи она даже на словахъ оказалась-бы неспособной къ той послѣдовательности съ какою напр. жители Майнца, въ концѣ прошлаго столѣтїя замѣняли слово «господинъ» словомъ «гражданинъ», распространивши эту замѣну даже на Бога, такъ что, вмѣсто «хвалите Господа Бога», они пѣли: «хвалите Бога-гражда-

данина» («вѣс. lobet Gott den Herrn — lobet Gott den Bürger»). «Гражд. Общ.», Рила, стр. 310)».

По отношенію къ національности буржуазія подвинулась лишь настолько впередъ, что она мотивируетъ свое національное пристрастіе интересами всего человѣчества, составляющими, однако, часто только маску, прикрывающую грубый національный эгоизмъ и самолюбіе. Даже наука не чужда бываетъ національной окраски, какъ показываетъ на многихъ примѣрахъ г. Карфевъ. Такъ Гизо, разсматривая «исторію цивилизаціи въ Европѣ», говоритъ только объ одной Франціи и оправдываетъ это тѣмъ, что въ сравненіи съ другими государствами его отечество всего полнѣе и разностороннѣе выражало сущность цивилизаціи; онъ говоритъ, что въ Англіи интеллектуальное развитіе отстало отъ социальнаго, въ Германіи наоборотъ, въ Италіи не было между тѣмъ и другимъ развитіемъ надлежащаго взаимодѣйствія, въ Испаніи исторія слишкомъ отрывочна. Совершенно по тѣмъ-же причинамъ, которыя заставили Гизо отдать предпочтеніе Франціи, Бокль останавливается исключительно на Англіи, потому что, по его словамъ, въ ея исторіи наиболѣе правильно дѣйствовали законы, управляющіе судьбами человѣчества; въ одной только Англіи, говоритъ Бокль, правительство долгое время было пассивно, а народъ активенъ; въ одной Англіи существовала свобода и потому прогрессъ ничѣмъ не сдерживался и не извращался. Даже италіанецъ Джюберти ухитрился такъ возвеличить свое отечество, что оно у него затмѣваетъ всю Европу. О нѣмцахъ, конечно, и говорить нечего. Гегель считаетъ Германію выразительницей послѣдняго момента въ развитіи «всемирнаго духа», также какъ и Фихте, обратившійся, при первомъ удобномъ случаѣ, отъ пропаганды «универсальнаго общества» къ національному самопоклоненію какъ это мы видимъ въ его «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи», гдѣ онъ представляетъ себѣ Германію истинной спасительницей члвччества. (См. Осн. Вопр. Ист. Фил., 356, 357, 358, 363). Читатель видитъ что во всѣхъ этихъ случаяхъ національное пристрастіе по крайней мѣрѣ мотивируется идеей общечеловѣчности и это уже значительный шагъ впередъ въ сравненіи напр. съ нашимъ доморощеннымъ націонализмомъ, не идущимъ далѣе стихійнаго, слѣпого тяготѣнія къ прошлому, къ старинѣ an sich и für sich, не всегда сознательно къ языку, и даже просто, къ территоріи. И Гизо и Бокль, и Гегель, и Фихте несовсѣмъ неправы въ своемъ пристрастіи, они только односторонни. Отечества ихъ кое-что сдѣлали въ интересахъ человѣчества, но лишь кое-что, а не все. Но мы, конечно, въ прошломъ ровно ничего не успѣли сдѣлать ни для чело-

нѣчества, ни для себя, а между тѣмъ сколько крику о чемъ-то «своемъ», сколько самообожанія и въ какія гордыя презрительныя позы передъ «гнилымъ западомъ» становятся наши газетныя записки. Къ счастью, среди истинной интеллигенціи нѣтъ подходящаго для нихъ хора; какъ ни стараются они составить его. Въ послѣднее время, собственно говоря, во всей Европѣ возрождается грубый націонализмъ, націонализмъ sans phrase, безъ всякаго очеловѣчивающаго его мотива, но опять лишь въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ, преимущественно-же въ буржуазіи, отживающей свои дни. Въ этомъ мы видимъ весьма знаменательнѣйшее историческое явленіе. Въ дни своей юношеской свѣжести и силы буржуазія была носителемъ чистаго, абстрактнаго космополитизма, какъ напр., въ прошломъ вѣкѣ; она всего болѣе была вѣрна тогда своему принципу, въ ней жилъ духъ общечеловѣчности, составляющей ея природу. Но когда, вслѣдствіе различныхъ причинъ, буржуазія стала клониться къ упадку, она начала ратовать за націонализмъ. Въ наше время буржуазія съ особенной силой двигаетъ принципъ національностей, но въ этой-то силѣ, и выражается злѣйшая иронія историческаго рока, эта сила лишь форма внутренняго упадка силъ, сила предсмертной агоніи, являющаяся самымъ серьезнымъ свидѣтельствомъ саморазрушенія буржуазіи; она теряетъ свой верховный жизненный принципъ, отъ нея отлетаетъ душа, безъ которой она должна обратиться въ мертвый грузъ соціальнаго общества, служащій для него лишь помѣхой въ его стремленіи расширяться до союза всѣхъ націй.

Но тамъ, гдѣ останавливается буржуазія въ безсиліи довести до конца высшую историческую задачу созданія единаго человечества, является на сцену ей новая соціальная группа, которую можно было-бы назвать сословіемъ лишь съ формальной точки зрѣнія, такъ какъ ея сущность заключается въ бессловности. Намъ еще не случалось встрѣчать сколько-нибудь обстоятельнаго и серьезнаго изслѣдованія, которое выяснило-бы значеніе этого новаго соціальнаго элемента; иногда только въ періодической литературѣ попадаются легкіе абрисы его и какіе-то смутныя намеки на его настоящую роль, затемненные, по большей части, субъективнымъ пристрастіемъ и односторонностью сужденія, столь обыкновеннаго, когда дѣло идетъ о явленіяхъ, происходящихъ какъ-бы на нашихъ глазахъ. Къ такого рода намекамъ можно отнести и нѣсколько страницъ въ цитированномъ уже нами сочиненіи Рилья, отношеніе котораго къ занимающему насъ вопросу въ высшей степени характерно. Рилья называетъ новую соціальную группу, о которой идетъ рѣчь, четвертымъ сословіемъ—терминъ

весьма неудачный, какъ мы только что замѣтили. Не совсѣмъ ясно понимая ея историческую преемственность, Риль, такъ сказать, улавливаетъ лишь отдѣльныя ея черты, обнаруживая иногда замѣчательную наблюдательность и мѣткость анализа, хотя въ цѣломъ онъ все-таки плохо изображаетъ этотъ еще, впрочемъ, не совсѣмъ законченный социальный типъ. Для насъ, однако, свидѣтельство Риль имѣетъ особенную цѣну, такъ какъ, при его крайнемъ консерватизмѣ, доходящимъ даже до обскурантизма во многихъ социальномъ-политическихъ вопросахъ, онъ все-таки утверждаетъ, что явленіе, которое такъ сильно смущаетъ его, имѣетъ какъ-бы законное право на существованіе, какъ-бы обусловлено исторической необходимостью. Явленіе это, по Рилю, беретъ начало въ разложениі существующихъ сословій—крестьянства, аристократіи и буржуазіи. Изъ остатковъ этихъ истлѣвающихъ сословныхъ организмовъ образуется, говоритъ Риль, «новая, странная жизнь».

Признавая, что четвертое сословіе состоитъ изъ рабочихъ массъ Риль замѣчаетъ, что ими, однако, не ограничивается составъ, оно «вездѣ и нигдѣ», оно находится между гражданами, крестьянами и господами, можетъ быть даже между князьями и принцами («Гражд. Общ.», стр. 297). Послѣднее замѣчаніе повторяется Рилемъ и далѣе; причисляя къ четвертому сословію всѣхъ образованныхъ пролетаріевъ, онъ говоритъ: «образованные пролетаріи составляютъ, такъ сказать, закваску, приводящую въ броженіе весь остальной пролетаріатъ. Самый опасный для Германіи пролетаріатъ не одѣвается въ блузу, но наряжается во фракъ; онъ встрѣчается между медиатизированными князьями» (стр. 312). Включая въ четвертое сословіе даже князей и принцевъ, Риль, какъ кажется, имѣлъ основаніе, и нельзя думать, что это исключительная особенность Германіи. Точно также, Риль не погрѣшаетъ противъ факта, когда въ дальнѣйшей характеристикѣ четвертаго сословія отмѣчаетъ въ его средѣ даже и лицъ богатыхъ. «Не пролетаріи собственно, говоритъ онъ, образуютъ четвертое сословіе, не одни немущіе, которые ѣдятъ только тогда, когда зарабатываютъ на хлѣбъ, не одни эти рабы капитала, эти одушевленные инструменты, эти колеса, валы, рукоятки изъ плоти и крови, которые вмѣстѣ съ желѣзными колесами, валами и рукоятками, неотвязно и на вѣки захвачены механизмомъ нашего баснословнаго машиннаго міра: всѣ они образуютъ только одну и самую бессознательную часть четвертаго сословія. Четвертое сословіе заключаетъ въ себѣ не только «рабочихъ», но и лѣнивцевъ, не только бѣдныхъ, но и богатыхъ, не только низшихъ, но и высшихъ; для насъ это понятіе обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые вырвались или были вы-

тѣснены изъ общественной группы, въ которой они до тѣхъ поръ принадлежали, которые считаютъ преступленіемъ противъ челоуѣчества говорить о господахъ, бюргерахъ и крестьянахъ, которые сами себя объявляютъ «настоящимъ народомъ» и которые хотятъ, чтобы всякое органическое разъясненіе сословія было уничтожено и поглощено въ общей смѣси» (стр. 295). Совершенно справедливо, что четвертое сословіе состоитъ не изъ однихъ бѣдняковъ: можно сказать, что экономическія условія даже не главная причина, отторгающая людей отъ стараго общества и заставляющая ихъ вступать въ новое, она вліяетъ лишь на раду съ прогрессомъ въ духовной сферѣ, съ расширеніемъ умственнаго горизонта людей. съ успѣхами мысли въ ея *непрерывномъ движеніи къ всеобщему* и возвышеніемъ уровня нравственныхъ идеаловъ. Оттого-то въ наше время все чаще и чаще приходится встрѣчаться съ страннымъ на первый взглядъ явленіемъ, что даже люди богатые, капиталисты и фабриканты, вооружаются, повидимому, съ полной искренностью противъ своего привилегированнаго положенія и заявляютъ, что они съ радостью сольются съ рабочей массой изъ за выгодъ совершенно идеальнаго свойства *).

*) Какъ приходятъ такіе люди къ самоотреченію, читатель отчасти можетъ судить по статьѣ одного англійскаго капиталиста и фабриканта, напечатанной имъ въ консервативной газетѣ «Standard» и приведенной въ отрывкахъ въ письмѣ лондонскаго корреспондента „Нов. Врем.“. Фабрикантъ этотъ жалуется, что, не смотря на то, что „его совѣсть мучится сознаніемъ несправедливости и глупости настоящаго состоянія общества“, онъ, подобно многимъ другимъ, не въ состояніи выйти изъ своего фальшиваго положенія и осужденъ только на палліативныя мѣры для борьбы со зломъ, вызываемымъ несправедливою системою, которую онъ принужденъ поддерживать. „Мы, говоритъ онъ, только крошечныя звѣнья въ огромной цѣпи ужасной организаціи—соперничающей торговли, и только полное расклепаніе этой цѣпи можетъ, дѣйствительно, освободить насъ... Именно, это-то сознаніе безпомощности нашихъ индивидуальныхъ усилій и вооружаетъ насъ противъ нашего собственнаго класса и заставляетъ насъ принимать дѣятельное участіе въ агитаціи, которая, если будетъ успѣшна, лишитъ насъ нашего положенія капиталистовъ. Пожертвовать этимъ положеніемъ, я думаю, не покажется намъ тяжелымъ, потому что, если мы вѣрно оцѣниваемъ то благо, которое состояніе общественнаго порядка должно принести свѣту, мы получимъ взамѣвъ дары, которыхъ нельзя достать за деньги: видѣть конецъ нищеты и роскоши, видѣть досугъ, удовольствіе и утонченность общими среди тѣхъ, которые исполняютъ грубую работу міра, видѣть чистое здоровое искусство, развивающееся неволью изъ этого счастья; видѣть наши милые острова освобожденными отъ сварскаго обезображенія слѣдовъ, унижающей борьбы за существованіе и за богатство—стоитъ-ли что нибудь, что можно приобрести за деньги, удовольствія участвовать въ подобной жизни и чувствовать, что каждый изъ насъ участвуетъ въ поддержаніи этого порядка? Мнѣ кажется, что въ на-

въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть лучшее доказательство существованія того историческаго родства между буржуазіей сословной, буржуазіей капитала и новой соціальной группой, о которой мы говорили выше. Можетъ быть, по тѣмъ же причинамъ, которыя сближаютъ буржуазію съ новымъ обществомъ, отъ него обыкновенно изолированы крестьяне, которые, впрочемъ, и въ обществѣ старомъ составляютъ наиболѣе косный и пассивный элементъ. Но особенной мѣткостью отличаются замѣчанія Рия, когда онъ характеризуетъ четвертое сословіе со стороны его отношенія къ національностямъ, хотя и здѣсь онъ не можетъ отдѣлаться отъ своихъ личныхъ, субъективныхъ порывовъ. Онъ называетъ четвертое сословіе «космополитическимъ» въ отличіе отъ остальныхъ сословій, которыя всѣ окрашены въ цвѣтъ своей національности. Тогда какъ буржуа, крестьянинъ, аристократъ во всякой странѣ нѣсутъ свой особый отпечатокъ, членъ четвертаго сословія, по словамъ Рия, вездѣ одинаковъ, и онъ приписываетъ это тому, что «цивилизация и бѣдность—самыя лучшія нивелирующія силы». Изъ этого замѣчанія Рия мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что какъ въ прежнее время происходилъ главнымъ образомъ процессъ соціального приспособленія личности къ личности, такъ теперь приспособленіе происходитъ между націями. Личности изъ каждой націи, приспособившіяся другъ къ другу, и составляютъ ту международную массу, которая служитъ положительнымъ идеальнымъ содержаніемъ человѣчества. Эта международная, космополитическая масса вовсе не есть призракъ, по словамъ Рия; всѣ націи заключаютъ въ себѣ ея членовъ. Даже въ Германіи образованный членъ четвертаго сословія думаетъ, по словамъ Рия, о полякахъ, мадьярахъ, итальянцахъ, французахъ, — только не о нѣмцахъ» (стр. 309). И далѣе Рий, характеризуя массу четвертаго сословія, говоритъ: «Если обратимъ вниманіе на всѣхъ этихъ разсѣянныхъ по всей Европѣ членовъ четвертаго сословія, которые единодушно дѣйствуютъ въ борьбѣ противъ сословныхъ и національныхъ ограниченій, то увидимъ, что, рядомъ съ извѣстными народами, существуетъ еще

стоящее время богатые люди пытаются купить жизнь въ родѣ этой, стремясь окружить себя, при помощи огромныхъ расходовъ, призракомъ порядка и доволства, и въ результатѣ получаютъ за всѣ эти деньги только одинъ миражъ». Почтенный фабрикантъ твердо вѣритъ, что желанная имъ «пережѣя произойдетъ и что наилучшая гарантія противъ насильственнаго переворота заключается въ пробужденіи совѣсти богатыхъ и состоятельныхъ и въ ихъ готовности отречься отъ своихъ классовыхъ притязаній въ пользу того соціального порядка, который несомнѣнно нарождается» («Нов. Вр.», № 2783).

могущественный *неизвѣстный народъ, какое-то X въ системѣ народовъ*, народъ, котораго пребываніе нельзя обозначить на картѣ земного шара, но который тѣмъ не менѣе существуетъ, національность котораго состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть національности» (стр. 701). Нужно отдать справедливость Рилю въ томъ, что вообще онъ вѣрно констатируетъ фактъ. Въ своемъ опредѣленіи четвертаго сословія онъ очень близко подходитъ къ тому, что мы назвали выше публикой или массой объединеннаго человѣчества; это именно «народъ въ системѣ народовъ», народъ новѣйшаго происхожденія, сплоченный воедино болѣе могущественными связями, чѣмъ общность языка и одинаковая территория. Но, правильно констатируя фактъ, Риль, однако, совершенно не понимаетъ смысла его. Подобно всѣмъ «патріотамъ своего отечества», Риль особенно сильно нападаетъ на четвертое сословіе за то, что оно будто-бы отрѣшается отъ своей національности, что оно слѣпить на помощь всякой угнетенной націи, то собираясь подъ итальянскія знамена, то являясь на защиту Франціи, то становясь въ ряды болгаръ и сербовъ. Но слѣдуетъ-ли, однако, отсюда, что четвертое сословіе «стремится уничтожить сознание національное, какъ уничтожило оно въ себѣ сознание сословное?» Отъ отсутствія національной исключительности еще далеко до уничтоженія національнаго сознанія. Справедливѣе было-бы сказать, что національное сознаніе замѣняется въ четвертомъ сословіи сознаніемъ общечеловѣческимъ, которое, въ окончательномъ итогѣ, несравненно болѣе полезно для націи, чѣмъ ограниченное себялюбіе, которое, усыпляя критическую мысль націи, дѣлаетъ ее въ концѣ концовъ неспособной къ международному сотрудничеству и силою вещей понижаетъ ея цѣнность въ общемъ союзѣ націй. Риль, кромѣ того, не хочетъ понять, что это общечеловѣческое или космополитическое сознаніе, являющееся на смѣну сознанію сословному и національному, есть единственный путь къ водворенію мира и порядка, какъ внутри государствъ, такъ и въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, и нельзя понять, какое можетъ быть еще иное средство оградить народы отъ повального ихъ истребленія по волѣ одного какого нибудь Бисмарка, имѣющаго теперь возможность во всякую минуту возжечь пожары всеобщей войны, подъ страхомъ которой онъ держитъ всю Европу. Весьма понятно, что такое противуестественное и чудовищное положеніе мыслимо лишь при господствѣ въ каждой націи личнаго эгоизма, съ одной стороны и индеферентизма къ другимъ націямъ съ другой, мыслимо слѣдовательно, при томъ порядкѣ вещей, который поддерживается и защищается Рилемъ. Но какъ-бы то ни было, среди грозныхъ

и всеобщихъ приготовленій къ какой-то будущей международной катастрофѣ, въ виду всюду разставленныхъ пушекъ, изъ которыхъ вотъ-вотъ грянетъ яростный залпъ по Европѣ, въ этой зловѣщей обстановкѣ, приготовленной, повидимому лишь для, взаимнаго истребленія народовъ, совершается, однако, великая сознательная работа объединенія націй. Этотъ благодѣтельный процессъ уже начался, человѣчество перестаетъ быть «пустымъ звукомъ», излюбленнымъ терминомъ идеалоговъ, на нашихъ глазахъ оно облекается въ живую плоть и обращается въ такой-же по существу социальный объектъ, какимъ принято считать отдѣльное общество или отдѣльную націю.

Г. Карѣвъ совершенно упустилъ все это изъ виду, и это конечно не могло не отразиться на его понятіяхъ о прогрессѣ и историческихъ процессахъ, происходящихъ въ средѣ отдѣльныхъ обществъ. Человѣчество есть фактъ настоящаго, а не только идеалъ будущаго, и притомъ такой фактъ, который необходимо долженъ вліять на прогрессъ отдѣльнаго народа. Международное общеніе несомнѣнно упрочиваетъ этотъ прогрессъ, и даже болѣе того, оно можетъ служить импульсомъ къ нему, первоначально даже единственнымъ. Если разсматривать націю изолированной, внѣ всякой связи съ другими народами, то ея прогрессъ можетъ подвергаться значительнымъ колебаніямъ и даже тогда, когда онъ пройдетъ черезъ нѣсколько ступеней, онъ еще не можетъ считаться окончательно упроченнымъ, какъ объ этомъ говоритъ и г. Карѣвъ. Но не совсѣмъ такъ въ международномъ союзѣ, ограниченномъ хотя бы Европой; здѣсь въ прогрессивное движеніе вовлекаются даже тѣ общества, у которыхъ, безъ этого, прогрессъ долго не могъ-бы возникнуть, или-же онъ всегда подавлялся-бы въ самомъ зародышѣ. Достаточно, однако, принадлежать къ семьѣ европейскихъ народовъ, чтобы, хотя-нехотя, съ большей или меньшей мѣрѣ, приобщиться прогрессу. Заслуга Петра предъ Россіей заключается главнымъ образомъ въ его западничествѣ; онъ понялъ, что Россія съ наибольшей выгодой для себя можетъ жить въ Европѣ лишь подъ условіемъ дѣятельнаго участія ея въ международномъ сотрудничествѣ, и дѣйствительно, только со времени нашего сближенія съ Западомъ, у насъ стала водворяться, хотя и крайне медленно, нѣкоторая культура, и начала развиваться литература и выработываться интеллигенція. Интеллигенція наша, безъ сомнѣнія, вскормлена исключительно духовной пищей и опытомъ Запада, она есть плоть отъ плоти, кость отъ костей его. Образую, правда, еще очень небольшую и слабую группу, она тѣмъ съ большимъ трудомъ поддерживаетъ въ нашемъ

отечествѣ божественный огонь прогресса, охраняетъ его и возжигаетъ снова, когда онъ угасаетъ. Если-бы г. Карѣвъ пожелалъ объяснить характеръ и роль нашей интеллигенціи, съ точки зрѣнія принциповъ, выведенныхъ изъ изученія отдѣльнаго общества, онъ едва ли успѣлъ-бы въ этомъ. Наша интеллигенція не могла быть продуктомъ историческаго прогресса Россіи по той простой причинѣ, что его не было; на интеллигенціи, конечно, отразились судьбы русскаго народа, но своей активно-прогрессивной силой, она обязана по преимуществу Западу. Этимъ быть можетъ, всего болѣе объясняется, что интеллигенція наша, вслѣдствіе самыхъ условій своего социальнаго рожденія и развитія, чувствуетъ себя свободной отъ національно-историческихъ узъ и тяготѣетъ къ Западу, этимъ объясняется то «всечеловѣчество» русской интеллигенціи, о которомъ говорилъ Достоевскій въ своей рѣчи по поводу открытія памятника Пушкину.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ сторонахъ историческаго прогресса, которыя собственно и подлежали изслѣдованію г. Карѣва. Въ общемъ взгляды автора должны быть признаны вполне справедливыми; но они, къ сожалѣнію, плохо обоснованы и изложены крайне беспорядочно; иногда же сама по себѣ вѣрная мысль теряетъ у г. Карѣва всякую силу, вслѣдствіе признанія имъ принципа случайностей. Такъ авторъ вполне основательно считаетъ личность главнымъ факторомъ исторіи, но «появленіе той или другой личности, вносящей въ исторію свою инициативу совершенно случайно» (Т. II, стр. 270). Между тѣмъ, авторъ самъ въ разныхъ мѣстахъ указываетъ на нѣкоторыя общія условія, опредѣляющія историческую дѣятельность личностей. «Недовольство данной дѣйствительностью, стремленіе ее измѣнить— вотъ двигатель исторіи», говоритъ авторъ (Т. II, стр. 243). Конечно, обстоятельство это, между прочимъ, вліяетъ и на личность, вводящую въ исторію перемѣны. Съ другой стороны есть еще и другое общее условіе, управляющее появленіемъ «историческихъ» личностей, это—индивидуальная измѣнчивость, существованіе въ обществѣ индивидуальностей, т. е. разнообразіе въ умственныхъ силахъ, въ способностяхъ и характерахъ. Присоедините, наконецъ, сюда логическую преобладанность идей и опытъ прошлаго, и въ общемъ итогъ получится довольно осязательная законосообразность въ появленіи такихъ, а не иныхъ личностей въ исторіи. Конечно, здѣсь корень вопроса въ индивидуальной измѣнчивости, которая весьма плохо изучена и въ чисто біологическомъ и въ социальномъ отношеніи.

Совершенно правъ также г. Карѣвъ, когда онъ говоритъ, что

исторія не только дѣлается черезъ личность, но и для личности. Это принципъ особой важности, и можно пожалѣть, что г. Карѣвъ такъ отрывочно и неполно трактуетъ о немъ. Обыкновенно исторіи ставятся всякія цѣли, кромѣ блага личности: Одни видятъ эту цѣль въ образованіи совершеннаго государства въ отдаленномъ будущемъ, другіе — въ развитіи какой-нибудь отвлеченной идеи, третьи — въ осуществленіи Божественнаго предначертанія, четвертые — въ удовлетвореніи стремленіямъ и интересамъ общества, какъ утверждали, напр., французскіе реакціонные писатели XIX вѣка. Въ отвѣтъ всѣмъ этимъ историкамъ-философамъ можно привести отзывъ Литце о Гегелѣ: «Камнемъ, вмѣсто хлѣба, подчууетъ насъ этотъ взглядъ съ своимъ пренебреженіемъ къ индивидуальной жизни въ виду отвлеченнаго развитія идеи... Кто видитъ въ исторіи развитіе идеи, тотъ непремѣнно обязанъ сказать, въ чью пользу совершается это развитіе... Люди не декорация для развитія идеи, и исторія совершается не для того, чтобы философы философски понимали ее». (Цит. эта заимств. уг. Карѣва, Т. I, 449). Для личности въ сущности нѣтъ большой разницы, принимается-ли за конечную цѣль исторіи развитіе отвлеченной идеи, или-же какія-то стремленія и интересы общества; ни отъ того, ни отъ другого личности не легче, въ обоихъ случаяхъ положеніе ея въ исторіи полно неизвѣстности и не застраховано ни отъ какихъ «философскихъ возможностей». Существуетъ-же взглядъ, принадлежащій Лорану, будто то или другое зло можетъ быть полезно и выгодно будущему человѣчеству. Въ совершенно иномъ свѣтѣ является предъ вами исторія, когда мы приходимъ къ убѣжденію, что не личность существуетъ для общества, а общество для личности, или, какъ выражается г. Карѣвъ, не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Разъ личность является факторомъ историческаго процесса, разъ она дѣйствуетъ подъ импульсомъ желаній, движимая недовольствомъ данной дѣйствительности, она не можетъ, конечно, забыть себя, свое благо и свои интересы. Представить-же себѣ личность, хотя-бы и «историческую», безъ желаній и чувствъ, безъ способности испытывать удовольствіе и страданіе, заглушившую въ себѣ собственныя потребности, чтобы лучше выполнять какія-то стороннія цѣли и служить слѣпымъ орудіемъ отвлеченной идеи или общества, — представить себѣ это весьма мудрено, и можно спросить, не была-ли-бы исторія, создаваемая такими деревянными и безплотными личностями, сплошнымъ рядомъ невообразимыхъ нелѣпостей и бессмыслицъ. Личность, говоритъ г. Карѣвъ, есть «единственное реальное существо, съ которымъ имѣетъ дѣло наука исторіи», «какъ субъектъ, творящій

всю культуру, и какъ объектъ, испытывающей на себѣ ея вліяніе, личность есть то реальное существо, чрезъ которое, въ которомъ и для котораго существуетъ и государство, и экономическія отношенія, и общественная жизнь, и право, и философія, и мораль, и религія, и наука, и литература, и искусство (Т. I, 402). Положеніе «исторія дѣлается личностью и для личности» совершенно послѣдовательно проводится г. Карѣвымъ далѣе. Почти всѣ историка-философы, даже тѣ, которые повидимому понимаютъ значеніе личности въ исторіи, видятъ ея цѣль только въ отдаленномъ будущемъ, а настоящее и прошедшее для нихъ лишь какіе-то переходные моменты, въ которые могутъ совершаться всякія безобразія. По удачному выраженію г. Карѣва, исторія согласно этому взгляду существуетъ «для имѣющихъ придти послѣдними», но такимъ образомъ счастье будущихъ поколѣній можетъ покупаться цѣною страданій поколѣній живущихъ и сошедшихъ со сцены. Этотъ ужасный взглядъ прочно утвердился не въ одной только философіи исторіи, онъ занимаетъ видное мѣсто въ социальномъ міровозрѣніи всей образованной публики. Противъ этого взгляда и вооружается г. Карѣвъ, основываясь на идеяхъ Спенсера, изложенныхъ въ его «основаніяхъ науки о нравственности». Какъ ни запутана аргументація г. Карѣва, она все-таки производитъ кое-какое впечатлѣніе; *съ своей*, или лучше сказать съ Спенсеровской, *точки зрѣнія* онъ довольно удачно разрушаетъ эту чудовищную историческую доктрину. По Спенсеру, всякое нарушеніе счастья въ обществѣ непременно сопровождается задержкой развитія, и наоборотъ, всякое развитіе влечетъ за собой счастье, извѣстную степень удовлетворенности. Если поэтому настоящее поколѣніе чувствуетъ себя несчастнымъ и неудовлетвореннымъ, то это значитъ, что оно испытываетъ задержку въ развитіи, которая необходимо должна отозваться на развитіи и слѣдовательно, на счастья будущихъ поколѣній. Можно сказать, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ г. Карѣвымъ, что «степень развитія предковъ обуславливаетъ количество счастья потомковъ» (Т. I. 452), и если первые отставали въ своемъ развитіи, (т. е. страдали и бѣдствовали) то и послѣдніе, въ назначенный имъ періодъ времени менѣе сдѣлаютъ для своего развитія, чѣмъ это было бы иначе, ибо понятно, что, если дѣло идетъ о развитіи, то дальнѣйшія фазы егo не могутъ наступать, пока не пройдутъ фазы ближайшія. Въ концѣ концовъ, значитъ, всякій недочетъ въ развитіи и счастья настоящихъ поколѣній вреденъ для поколѣній будущихъ. Такова сущность аргументаціи г. Карѣва; она логически вытекаетъ изъ теоріи развитія Спенсера, но хорошо было бы обходиться безъ нея и прибѣгать къ ней какъ можно остo-

рожиѣ, потому что нерѣдко она даетъ мало, а отнимаетъ очень много.—На этомъ мы и закончимъ нашу замѣтку. О социальномъ прогрессѣ мы еще ничего говорили, но объ этомъ предметѣ удобнѣе будетъ поговорить, когда выйдетъ въ свѣтъ обѣщанный г. Карѣвымъ третій томъ его сочиненій.

Б. Ленскій.

НАРОДНИКЪ ЯКУШКИНЪ.

Сочиненія Павла Якушкина. Съ портретомъ автора, его біографіей Е. В. Максимова и товарищескими о немъ воспоминаніями П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Ляскова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина. Изданіе Вл. Михневича. С.-Петербургъ. 1884.

«Весною 1858 года явилось въ Петербургѣ новое лицо, которое, несмотря на свою скромность и даже застѣнчивость и на тѣ скромныя надобности и цѣли, съ которыми оно явилось, произвело въ литературныхъ кружкахъ очень сильное впечатлѣніе», говоритъ біографъ Якушкина. Форменный Петербургъ, не допускавшій никакого разнообразія, увидѣлъ передъ собою человѣка, одѣтаго въ полумѣщанскій, полукрестьянскій костюмъ, въ высокихъ сапогахъ съ напускомъ, безъ калошъ; а самое главное, что рѣзало глаза — съ бородой и въ очкахъ. Въ Петербургѣ сначала пришли въ недоумѣніе, потомъ надъ оригинальнымъ человѣкомъ посмѣялись, но, наконецъ, поняли, что «видимый оригиналъ надѣлъ, въ сущность именно то платье, которое наиболѣе соответствовало его роду занятій, его задушевнымъ побужденіямъ, и безъ него онъ былъ-бы такъ-же не полонъ, какъ и безъ бороды и другихъ своихъ рѣзкихъ, но своеобразныхъ особенностей». Далѣе оказалось, что этотъ новый человѣкъ вовсе и не новинка, что такое платье онъ носитъ уже десять лѣтъ, что онъ прошелъ въ немъ среди серьезныхъ опасностей и великаго множества непріятностей и уберечь себя среди насмѣшекъ и оглядываній, что онъ уже и сдѣлалъ довольно, что за нимъ имѣются старыя заслуги и старыя труды. Этимъ новымъ человѣкомъ былъ Якушкинъ.

Конечно, нѣсколькими годами раньше явленіе Якушкина въ Петербургѣ было-бы невозможно, оно и теперь не сошло ему благополучно, но чтобы officialный Петербургъ могъ принять Якушкина и терпѣть его въ себѣ больше шести лѣтъ, для этого конечно нужна была не дерзость со стороны Якушкина, а сознаніе самымъ officialнымъ Петербургомъ того, что въ лицѣ Якуш-

бина народилось новое направлѣніе мысли, таившейся до сихъ поръ отъ Петербурга, и котораго нельзя было не признать.

Якушкинъ не только «собиратель» пѣсенъ, но онъ и психологическое явленіе, типическій продуктъ времени, необыкновенно своеобразный «конгломератъ», въ которомъ соединились двѣ крайности русской культуры. Родовитный дворянинъ, предки котораго записаны въ 6 части родословной книги, человекъ окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, дароватый писатель—и рядомъ съ этимъ—бродяга, точно «Иванъ—непомнящій», опустившійся до самого низкаго уровня потребностей и привычекъ!

Выражалась-ли въ Якушкинѣ «поправка» или «ошиба» мысли, стремившейся къ равновѣсію, общему единству и слиянію, были-ли необходимъ этотъ моментъ именно въ той формѣ, какая выразилась въ Якушкинѣ—эти вопросы собственно темперамента Якушкина. Общая-же сторона вопроса заключается въ томъ, что историкъ эпохи, о которой рѣчь, уже конечно не пройдетъ молчаніемъ тѣхъ условій, которыя создавали подобныя психологическіе или правильнѣе психопатическіе продукты, не пройдетъ молчаніемъ тѣхъ еще слишкомъ устойчивыхъ вліяній старины, которыя въ борьбѣ старой и новой Россіи до сихъ поръ оказывались постоянно рѣшающими. Личная исторія Якушкина есть въ сущности глава изъ исторіи этой борьбы и этихъ вліяній.

«Товарищескія» воспоминанія, которыя собралъ издатель отъ петербургскихъ знакомыхъ Якушкина, обнимаютъ преимущественно ту позднюю пору его жизни, когда ему было подъ сорокъ лѣтъ и даютъ читателю портретъ человека уже окончательно сложившагося. Всѣ эти воспоминанія имѣютъ преимущественно анекдотическій характеръ и не отличаются ни психической глубиной наблюденія, ни тѣмъ историческимъ обобщеніемъ, безъ котораго образъ Якушкина теряетъ всякій общественный смыслъ. Мало-ли какіе бываютъ чудачки на свѣтѣ и «божьи люди», къ которымъ его причисляетъ біографъ. Но вѣдь Якушкинъ есть извѣстный «историческій фактъ», а не «анекдотъ»; вѣдь народничество, народившееся раньше Якушкина и имѣвшее затѣмъ разныя формы своего продолженія, требуетъ болѣе серьезнаго и солиднаго критическаго отношенія, чѣмъ какое обнаружили «товарищи». Даже и личное отношеніе не только могло, но и должно было выразиться въ болѣе глубокомъ психологическомъ пониманіи, чѣмъ тотъ сырой, неразработанный матеріалъ, который предлагается читателю.

Наибольшей художественностію и полнотой отличаются воспоминанія Н. С. Лѣскова. Это какъ-бы законченный художественный очеркъ, картинка съ натуры, нарисованная съ обычной г. Лѣс-

кову талантливостію. Вотъ образъ Якушкина, какимъ его рисуетъ авторъ очерка.

Г. Лѣсковъ съ Якушкинымъ были земляки,—оба они родились въ Орловской губерніи и оба они воспитывались въ Орловской гимназіи.

Въ гимназіи Якушкинъ оставилъ по себѣ въ ближайшихъ поколѣніяхъ героическія преданія: говорили объ его крайней небрежности въ туалетѣ и особенно объ его «вихрахъ». За эти вихры ему часто доставалось и начальство не разъ его стригло черезъ сторожей. Якушкинъ при этомъ «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всѣхъ классахъ помирали со смѣху». Учитель нѣмецкаго языка звалъ Якушкина—«Мужицка чучелка». «Направленіе къ простонародности у него, *значитъ*, уже формировалась еще въ школѣ», замѣчаетъ Лѣсковъ. Почему-же—«*значитъ*», и зачѣмъ «простонародность», когда вопросъ о народности?

Прошло много лѣтъ и г. Лѣсковъ встрѣтился съ Якушкинымъ въ Петербургѣ. Якушкинъ былъ героемъ дня и имъ всѣ интересовались. «Онъ уже тогда «ходилъ мужикомъ», но носилъ очки, изъ-за которыхъ настоящіе мужики думали, что онъ «ето-то *ряженный*».

— Какой я вамъ «ряженный», черти! добродушно бранился Якушкинъ съ мужиками.

«Почитателей своихъ въ *литературѣ* Якушкинъ ставилъ иногда въ большія затрудненія на счетъ его «страннаго характера». Такъ однажды Якушкинъ явился въ Павловскѣ на музыкѣ, въ сообществѣ какого-то незнакомаго полковника, съ которымъ держалъ себя на самой дружеской ногѣ. Потомъ оказалось, что это былъ тотъ самый полиціймейстеръ Гемпель, который сажалъ Якушкина въ кутузку и Якушкинъ находилъ удивительнымъ, что люди сердятся на Гемпеля, когда онъ, Якушкинъ, на него не сердится. «Что же сердиться? Мы помирились».

Когда П. Д. Боборыкинъ издавалъ «Библиотечку для чтенія», то сотрудники сходились по вечерамъ въ редакцію «для редакціонныхъ соображеній». Приходилъ и Якушкинъ, но соображеній никакихъ не подавалъ, а разъ только заявилъ, «что *такъ* дѣлать нельзя».

- Какъ «такъ»? спросили его.
- Безъ поощренія, отвѣчалъ онъ.
- А какое-же надо поощреніе?

— Разумѣется, выпить и закусить.

Безъ «поощренія» Якушкинъ не могъ дѣлать никакого дѣла.

Вскорѣ послѣ этого въ литературѣ образовались двѣ партіи — «постепеновцевъ» и «нетерпѣливцевъ». Якушкинъ, какъ-будто ничего не понималъ въ этомъ различіи, не прерывалъ своихъ сношеній ни съ тѣмъ, ни съ другими и «съ одинаковымъ спокойствіемъ и искренностію» появлялся и въ ред. «Отечественныхъ Записокъ» (временъ Дудышкина) и въ «Современникѣ».

У г. Лѣскова жила въ горничныхъ очень чистоплотная нѣмка, которая ужасалась, «какъ можетъ быть на свѣтѣ такой человѣкъ и зачѣмъ его принимаютъ». Случалось, что Якушкинъ приходилъ, когда хозяйина не было дома, и укладывался спать всегда неизмѣнно на одномъ «сабачьемъ мѣстѣ», т. е. на коврикѣ у кровати. Онъ ни за что не хотѣлъ ложиться на мебель, чтобы не допустить нѣмку убирать что-нибудь послѣ его сна, а свертывалъ въ комочекъ свои сапоги и свитеку и, бросивъ этотъ свертокъ на коврикъ, ложился и засыпалъ у кровати. На всѣ замѣчанія онъ твердо и упрямо отвѣчалъ: «Не хочу нѣмку сердить, а я грязный: она будетъ обижаться».

Приходитъ разъ Якушкинъ къ г. Лѣскову поздно ночью и объявляетъ, что его звалъ къ себѣ графъ Строгановъ. Утромъ Якушкинъ всталъ раньше и отправился по своему обыкновенію на кухню «командовать сорокушку». Затѣмъ при чаѣ послѣдовало повтореніе — и Якушкинъ отправился къ Строганову. Дорогой Якушкинъ вспомнилъ, что къ гр. Строганову еще рано и, чтобы выждать время, зашелъ въ «пивницу». «Ну что, спрашиваетъ его потомъ г. Лѣсковъ, былъ ты у Строганова?»

— А какъ-же, говорить, — былъ.

— Ну, и что-же вышло?

— Ничего... все очень хорошо. Онъ поздоровался сейчасъ и говорить: «А вы, господинъ Якушкинъ, уже позавтракали?» Я говорю: да; немножко выпилъ. Онъ говоритъ: «что-же теперь дѣлать?» А я говорю: еще выпить.

Подали еще завтракъ и вино, но что тамъ далѣе произошло, Якушкинъ въ послѣдовательномъ порядкѣ не рассказывалъ.

Разъ зашелъ у г. Лѣскова вечеромъ споръ по поводу вопроса о прордничествѣ. Якушкинъ во время споровъ нѣсколько разъ уходилъ за перегородку въ передней къ кучеру Матвѣю, служив-

шему за лакея. Наконецъ, вывелъ оттуда парня за руку, обнялъ его передъ всею компаніей, расцѣловалъ и объявилъ: «все что вы толкуете есть глупость, а хотите имѣть смыслъ, такъ вотъ у него учитесь!» И при этомъ Якушкинъ торжественно указалъ на Матвѣя и опять поцѣловалъ его. «Чему было учиться у Матвѣя: ми не поняли», прибавляетъ г. Лѣсковъ.

Другой разъ къ Якушину гдѣ-то за Невскою заставою «придрались» какіе то фабричныя ребята и его «потолкали». Сомнительно имъ показалось — мужикъ а въ очкахъ ходить.

— Думали, не подосланъ-ли съ какимъ намѣреніемъ, говорилъ Якушкинъ.

— Но какъ же у васъ до толканья-то дошло?

— Такъ .. это ты, да что ты, — ты-ста, да вы-ста ёры съ подвохами ходите, да и давай толкаться!

Отнялъ его отъ обидчиковъ городской. Собесѣдникъ спрашиваетъ — не имѣло-ли это какихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

— Нѣтъ, говорить, — все миромъ кончили: городской всѣхъ насъ хотѣлъ въ часть вестъ, а я замирилъ.

— Кого-же ты замирилъ?

— Всѣхъ.

— Да кого-же всѣхъ? Тамъ вѣдь никого, кромѣ тебя, и не толкали.

— Конечно... Неужели-же я стану толкать? Да вѣдь и они это сдурю... такая фантазія имъ пришла, что говорить, «мужикъ, а очки зачѣмъ носишь? Мужики не носятъ» и давай толкаться... Совсѣмъ не по злости... Это понимать надо! Я и городскому свазалъ: «это надо понимать»,—всѣ на мировую и выпили.

Въ 1864 году году Якушкина увезли изъ Петербурга въ ссылку въ Орелъ, потомъ перевели въ Астрахань, затѣмъ въ Самару, гдѣ въ 1872 г. онъ и умеръ въ земской больницѣ отъ истощенія. Передъ смертію Якушкинъ сказалъ лечившему ему врачу: «Припоминая все мое прошлое, я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя».

Вотъ весь петербургскій эпизодъ жизни Якушкина. Печальный эпизодъ!

Изъ «товарищескихъ» воспоминаній довольно трудно составить цѣльное представленіе объ личности Якушкина и его мировоззрѣніи. Но всѣ согласны въ томъ, что въ немъ было какое-то святое, всепобѣждающее незлобіе. Незлобіе его, говоритъ г. Лѣсковъ, было по-истинѣ незлобіе праведника. Политика зани-

мала Якушкина мало. «Смѣна и назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ его не радовали и не печалили», говоритъ г. Лѣсковъ. «Онъ махаль рукой и говорилъ: «это все едино». Общественныя формы были для него всѣ безразличны—«какъ народъ похочеть, такъ и уставится». Народъ по Якушкину были собственно «мужики». Аксаковъ, по мнѣнію Якушкина, «у нѣмцевъ учился» и не былъ настоящимъ человѣкомъ. Политическаго революціонизма въ Якушкинѣ не было, — «потому что—*не для чего*: миромъ разберемся». Соціальнымъ идеаломъ Якушкина была какая-то всеобщая артель, но яснаго представленія о ней онъ не имѣлъ. Въ цѣломъ-же Якушкинъ былъ для всѣхъ его знавшихъ какимъ-то «божьимъ человѣкомъ», неяснымъ, запутаннымъ, неопредѣленнымъ, производившимъ главное впечатлѣніе своей простотой, безпорядочностью и незлобьемъ. Его находили безхарактернымъ, конечно понимая характеръ въ обычномъ смыслѣ. Но какая-же можетъ быть большая цѣльность натуры и какой-же нуженъ еще характеръ для того, чтобы такъ неуклонно и фаталистически прожить всю свою жизнь, какъ прожилъ Якушкинъ. Если для того, чтобы быть подвижникомъ, характера не нужно, то конечно у Якушкина его не было. Г. Лѣсковъ передаетъ такую характеристику Якушкина, сдѣланную Писемскимъ. «Якушкинъ былъ-бы у крестьянъ, что называется, забулдыжка... И если-бы пришло какое-нибудь дѣло *насчетъ земель* и надо бы міромъ на выгонѣ стать, то забулдыжку-бы впереди всѣхъ поставили—чистымъ полотенечкомъ его завѣсили-бы, а на грудь въ бѣлы ручки образокъ дали-бы. И онъ-бы такъ стоялъ, съ образкомъ, какъ святой. А велѣлъ-бы ему міръ на колѣни пасть: — онъ-бы и на колѣни палъ. — Такое его опредѣленіе: ни въ чемъ отъ міра не прочь, и на міръ не челобитчикъ». Это, *можетъ быть* вѣрно, какъ справедливо замѣчаетъ Лѣсковъ: именно «можетъ быть». Г. Боборыкинъ говоритъ, что Якушкинъ «былъ въ *лучшія свои минуты* человѣкъ очень неувлекающійся и то, что называется—объективный. Онъ и себя и другихъ разумѣлъ какъ слѣдуетъ». Въ цѣломъ, по словамъ того же г. Боборыкина, не смотря на всегда растерзанный видъ, въ Якушкинѣ сидѣлъ студентъ, «прожигатель жизни», человѣкъ прошедшій черезъ анализъ и рефлексію; но тонъ его рѣчи, не смотря на прибаутки, отзывался литераторствомъ, очки говорили о студенческой привычкѣ господскаго-же пошиба, даже манеры и тѣ оказывались не народными. Простой человѣкъ чувствовалъ, что Якушкинъ изъ «господъ», занимающихся шатаньемъ и каляканьемъ съ еѣмъ попало». Это бѣглое замѣчаніе г. Боборыкина, можетъ быть и менѣе «товарищеское», чѣмъ сентиментальныя воспоминаніемъ друзей, не только

точнѣ опредѣляетъ Якушкина, но даже отводить ему историческое мѣсто. Якушкинъ вовсе не «кающійся дворянинъ» — Якушкинъ есть явленіе головное, онъ выразилъ собою извѣстный ростъ критической мысли.

Движеніе мысли, выдвинувшее Якушкина, народилось не вчера. Оно принимало разныя формы, выражалось во многихъ особенностяхъ и съ особенной силой повторилось послѣ Петра, затянувъ, наконецъ, въ себя интеллигенцію. Конца этому прогрессивному стремленію къ общественному сознанію пока еще не видно, хотя уже при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣлались первыя попытки измѣненій. Петровская реформа была только болѣе рѣзкимъ и крутымъ отвѣтомъ на тотъ-же запросъ. Совершенно справедливо, что переиѣны начались сверху. Но и верхи заимствовали только европейскую форму, подъ которой скрывалось самое татарское, самое ужасающее невѣжество. Фонвизинъ одинаково осмѣивалъ, какъ старую московскую Россію, такъ и новую Россію, съ ея непониманьемъ и поверхностнымъ обезьянствомъ. Идеала, во имя котораго общество сознательно-бы дѣйствовало, не имѣлось и общественное сознаніе еще не пробуждалось ни въ народѣ, ни въ интеллигенціи. Вся она представлялась отдѣльными лицами, какъ Щербатовъ, Новиковъ, Радищевъ. Но въ Щербатовѣ и Радищевѣ, людяхъ далеко не даровитыхъ и умныхъ, сказалось довольно опредѣленное стремленіе за руководящей общественной идеей. Щербатову, жившему среди еще живыхъ преданій и нравовъ до-петровскаго времени и господствовавшихъ патриархальныхъ отношеній, не трудно было выискать въ нихъ старыя идеалы и начать плакаться на поврежденіе нравовъ, явившихся вслѣдствіе отступленія отъ завѣта отцовъ. Съ другой стороны, Радищеву такъ-же было не трудно усмотрѣть идеалъ только въ европейской цивилизаціи. Съ этого времени въ Россіи отмѣчается довольно опредѣленно пора общественныхъ идеаловъ и все послѣдующее наше умственное движеніе имѣетъ только эту тенденцію. Необходимо прибавить, что «западныя» идеалы не всегда обозначали прогрессивное направленіе. Карамзинъ былъ западникомъ и ужъ, конечно, съ Запада привезъ свои политическія идеалы. Почему Карамзинъ изъ поклонника Руссо превратился въ крайняго «государственника» пока кажется не выяснено; но нужно думать, что государственная исторія Европы давала ему большую возможность создать цѣлое послѣдовательное изложеніе, отлить его такъ сказать изъ бронзы и построить на идеалѣ большаго видимаго порядка и стройности, чѣмъ противоположная попытка, за которую взялся потомъ Полевой, желая поправить ошибку Карамзина. Стройность,

устойчивость и ерѣпость началъ, на которыхъ Карамзинъ воздвигъ зданіе русской исторіи, не могла не производить на мысль такого-же цѣльнаго и стройнаго впечатлѣнія. А если къ этому присоединить еще и художественный талантъ Карамзина, то становится вполне понятнымъ, какое воспитательное вліяніе на цѣлый рядъ поколѣній должна была имѣть исторія Карамзина. Но «Исторія государства російскаго» была только половиною исторіи Россіи, а исторія второй половины до сихъ поръ еще не нашла своего историка. Карамзинъ встрѣтилъ себѣ сильныхъ противниковъ не только между новыми писателями, какъ Полевой, но и между старыми.

Карамзинъ, какъ выдающійся писатель, имѣлъ громадное воспитательное вліяніе. Подъ его вліяніемъ развился Пушкинъ, подъ его вліяніемъ создались цѣлый рядъ историческихъ романистовъ съ Загоскинымъ и Лажечниковымъ во главѣ, романами которыхъ внеслось много фальши въ понятія нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Эта фальшь выдавалась за сознаніе народности и, въ горячкѣ охватившаго тогда нашу литературу самообольщенія, всѣмъ казалось, что мы держимъ уже въ рукахъ своихъ народный идеаль, съ которымъ и вступаемъ сознательно въ общую міровую жизнь.

Вотъ въ это-то время и явились знаменитыя философскія письма Чаадаева. Рѣзко и смѣло бросилъ Чаадаевъ вызовъ слащавому народолюбству и, разобравъ всю нашу скучную исторію, пришелъ къ выводу, что у насъ нѣтъ никакихъ своихъ идей правды, чести и добра и нѣтъ никакихъ общественныхъ идеаловъ внѣ идеаловъ Запада.

Смѣлый вызовъ Чаадаева былъ, конечно, принятъ тѣми, кто считалъ себя представителями «народности». Противники были на столько правдивы и умны, что не могли не признать Чаадаевской правды—и вотъ они приходятъ къ заключенію, что наша жизнь, не менѣе человѣческая, какъ и Западной Европы, представляется иною потому, что развивалась по своимъ собственнымъ славянскимъ законамъ, на основаніи иныхъ стремленій и задачъ.

Съ этого момента въ идейной борьбѣ за общественные идеалы рѣзко обособляются два направленія—славянофильское и западническое. И моментъ этотъ приобретаетъ особенную историческую важность, по его воспитательному значенію и практическому направленію. Тотъ и другой лагерь выставилъ замѣчательныхъ писателей, мыслителей и ученыхъ, которые въ литературѣ и наукѣ стали проводить свои взгляды, вербуя себѣ сторонниковъ. Западные идеи, понятія, знанія, философскія и государственныя системы—все, что только оказывалось возможнымъ провести въ наше сознаніе, все это постоянно, энергично и талантливо про-

водилось въ печати западниками и имъ—и въ особенности въ шестидесятыхъ годахъ — русское общество обязано тою массою знаній и понятій, которыми теперь владѣеть. Съ своей стороны, славянофилы, понимая очень хорошо, что безъ фактическаго знанія народныхъ «особенностей» у нихъ не будетъ точки опоры, направили свои силы на изученіе народнаго быта, на собраніе народныхъ пѣсень, сказокъ и вообще памятниковъ народной литературы, въ которыхъ выражаются народное горе и народная радость, народныя стремленія, народные идеалы.

Въ числѣ славянофиловъ очень видное мѣсто занимали П. В. Кирѣевскій и М. П. Погодинъ, создавшіе въ Москвѣ около себя славянофильскую атмосферу. Это были «практическіе» славянофилы, занимавшіеся собираніемъ «матеріаловъ». Въ это время (1840 г.) Якушкинъ былъ студентомъ московскаго университета и, узнавъ, что Кирѣевскій собираетъ народныя пѣсни, Якушкинъ записалъ одну и отправилъ ее къ нему. Кирѣевскій заплатилъ 15 руб. асс. Якушкинъ повторилъ опытъ, а послѣ присланной третьей пѣсни, получилъ отъ Кирѣевскаго приглашеніе познакомиться. Найдя въ Якушкинѣ способнаго работника, Кирѣевскій отправилъ его для изслѣдованія въ сѣверныя поволжскія губерніи. «Якушкинъ взвалилъ на плечи лубочный коробъ, набитый офенскимъ товаромъ, говоритъ его біографъ,—взялъ въ руки аршинъ и пошелъ подъ незамысловатымъ видомъ торговца-сумошника на изслѣдованіе народности и для изученія и записыванія пѣсень. Выходъ Якушкина былъ новый—никто до него такихъ путей не прокладывалъ. Приемамъ учиться былъ негдѣ; никто еще не дерзалъ на такіе полные шаги, систематически рассчитанные и на дерзостные поступки—встрѣчь глазъ-на-глазъ съ народомъ. По духу того времени, затѣю Якушкина можно считать положительнымъ безуміемъ, которое, по меньшей мѣрѣ, находило себѣ оправданіе лишь въ увлеченіяхъ молодости». (Биографія). Путешествіе окончилось благополучно и Якушкинъ «сдѣлался извѣстенъ и любезенъ московскимъ славянофиламъ, которымъ онъ былъ обязанъ самыми существенными изъ своихъ вѣрованій и самымъ главнымъ въ своихъ честныхъ и прямыхъ убѣжденіяхъ». (Биографія). Якушкинъ затѣмъ пошелъ во второй, третій и кажется четвертый походъ — опять подъ защитою коробка и подъ видомъ мелочнаго торговца; вернувшись, онъ поселился въ усадьбѣ своей матери, а затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

То было замѣчательное время, и не потому замѣчательное, что люди были другіе, а потому, что время создавало иныхъ людей. Въ воздухѣ уже носилась идея освобожденія, а съ нею въ

связи выдвигался цѣлый рядъ послѣдовательныхъ идей и стремленій, осуществившихся въ цѣломъ рядѣ реформъ. Тутъ было о чемъ подумать, надъ чѣмъ поволноваться, о чемъ даже и по мечтать. Работа для мысли была громадная и захватывающая и тѣмъ болѣе энергичная, что передъ нею стояли жизненные практическія задачи. Такъ называемый энтузіазмъ заключался въ той послѣдовательности мышленія, которая идею освобожденія очищала отъ всего нарушавшаго ея цѣльность и логическую законченность. Энтузіастами только и назывались эти послѣдовательные люди, энергическіе и убѣжденные, готовые на немедленное осуществленіе практическихъ отношеній, въ которыхъ полнѣе всего выражалась общественная правда и справедливость.

Это время нанесло сильный ударъ прежнему беспочвенному и сентиментальному славянофильству. Прежнее славянофильство чистой воды оказалось теперь невозможнымъ. потому что отъ работы мысли требовалась точность и практическая осуществимость. Задача заключалась теперь уже не въ собираніи народныхъ пѣсень и былинъ, а въ томъ, чтобы знать практическія отношенія народа въ его внутренней юридической, бытовой и экономической жизни. Но кто и что тутъ могъ сказать? На сколько могуче было влияніе времени, можно увидѣть на томъ конкретномъ примѣрѣ, которымъ является Якушкинъ. Человѣкъ, развившійся подъ влияніемъ чистаго славянофильства, внезапно отворачивается отъ Москвы и остается въ Петербургскомъ водоворотѣ, не имѣя силы вырваться изъ его захватывающей волны. Но въ то-же время у Якушкина нѣтъ силы явиться активнымъ выразителемъ новыхъ идей и новыхъ стремленій, которыя его обрружили, и онъ впадаетъ въ пассивное прожиганіе жизни, не найдя никакого другого помѣщенія для своихъ силъ. Въ этомъ именно и сказалась бесплодность славянофильства, расплывавшагося въ туманныхъ стремленіяхъ и въ маниловскихъ мечтахъ, но не имѣвшаго никакой точной, практической программы. Эта неточность выразилась и въ общественно-политическомъ міровоззрѣніи Якушкина, котораго вся программа заключалась въ томъ, что «какъ народъ похотѣлъ, такъ и добро», или «миромъ разберемся». Людямъ съ подобной программой, конечно, дѣлать было нечего—и Якушкинъ, а въ его лицѣ и все прежнее народничество, выросшее на славянофильско-художественной почвѣ, должны были уступить мѣсто другой формѣ пракческаго народничества, стремившагося къ изученію народа во всѣхъ его бытовыхъ и экономическихъ особенностяхъ. Такимъ образомъ періодъ времени съ 1855 по 1861 годъ, явившійся гранью перелома идей, явился въ то-же время могилой, погло-

тившей прежде славянофильство съ его хотя и благородными и рыцарски-честными стремленіями, но практически вполнѣ безплодными по отсутствію точнаго и вполнѣ реальнаго идеала. Посмертные остатки этого славянофильства хотя и нашли себѣ временное помѣщеніе по «Времени» и «Эпохѣ», но уже это былъ «прахъ», котораго не могла оживить гальванизация Федора Достоевскаго, задумавшаго превратить «прахъ» въ живую «почву». Что-же касается г. Аксакова, физически пережившаго «славное» время славянофильства и пытающагося поддерживать его слабо мерцающей свѣточъ, то мерцаніе его возможно только потому, что мы переживаемъ тихое время. При болѣе широкой и кипучей дѣятельности, какаѣ на примѣръ была въ шестидесятыхъ годахъ, жизнь давно-бы задула лампочку г. Аксакова.

Но та-же жизнь дала и еще одинъ урокъ. Форма народничества, представленная Якушкинымъ и ближайшими за нимъ людьми, мечтавшими о «слияніи» и дѣлавшимися искусственными муками—эта форма уже отжившая и ненормальная. Она создавалась какъ единственный выходъ изъ условій жизни, которыя недопускали болѣе нормальнаго движенія дѣятельныхъ общественныхъ силъ. Эти формы «ходящаго» народничества уже достояніе исторіи. Народная жизнь разовьется не отъ того, что станутъ опускаться интеллигенція до несвойственнаго ей уровня, а разовьется она при осуществленіи условій, которыя дадутъ ей возможность подняться. Другого закона у общественнаго прогресса нѣтъ. При нормальныхъ-же условіяхъ развитія общественной жизни слияніе интеллигенціи съ народомъ свершится и безъ подделки, и чтобы изучать народный бытъ—не потребуется одѣваться «мужикомъ».

Н. Ш.

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Баранцевичъ. Подъ гнетомъ. Повѣсти и рассказы. Спб. 1884.

«Мерещится мнѣ всюду драма». Этотъ стихъ поэта г. Баранцевичъ могъ-бы взять эпиграфомъ къ своимъ повѣстямъ. Собственно говоря, противъ такого міросозерцанія г. Баранцевича мы, въ принципѣ, ничего возразить не имѣемъ. Дѣйствительная жизнь, точно, дѣло суровое, тяжелое, зачастую мрачное и печальное. Даже въ мелочахъ жизни вдумчивый и наблюдательный взглядъ откроетъ драматическіе элементы, и это естественно. Огромному большинству живетъ теперь, какъ и прежде, плохо, т. е. и голодно и холодно, бессмысленно и неразумно — вотъ вамъ и великая драма человѣчества, надъ которой можно и должно горевать, думать о ней, говорить, изображать ее. Великіе люди, какъ прекрасно сказалъ Достоевскій, должны ощущать на этомъ свѣтѣ великую грусть. Мы, люди малые, только въ минуты особаго нравственнаго просвѣтленія можемъ возвышаться до этого чувства, но это не мѣшаетъ намъ понимать его, его законность, его красоту, его, наконецъ, значеніе въ практическомъ отношеніи. Вѣдь эта грусть — только одна изъ видоизмѣненной активной любви къ людямъ, ни на волосъ не похожая на расслабленную апатію, которой не «грустно», а просто «скучно» на этомъ свѣтѣ, что совсѣмъ не одно и то-же.

Такимъ образомъ, мы ровно ничего не имѣемъ противъ того, что г. Баранцевичъ усматриваетъ въ жизни много всяческаго «гнета». Тѣмъ не менѣе, мы все-таки считаемъ нелишнимъ представить на усмотрѣніе автора нѣкоторыя соображенія, которыя, быть можетъ, внесутъ въ его міросозерцаніе нѣкоторую поправку. Дѣло все въ томъ, что есть гнетъ и гнетъ, и есть страданіе и страданіе. Графъ Толстой, помнится, замѣтилъ гдѣ-то, что взнѣженный богачъ-сибаритъ страдаетъ отъ завернувшася въ его постели розоваго листика ничуть не меньше, нежели и бѣд-

— Папаша, голубчикъ, успокойтесь! Тутъ никого нѣтъ.

Онъ замолкъ на минуту, потомъ опять заговорилъ:

— Модель... Модель... онъ хочетъ модель съечь... Ему ведали.. они!..

Не знаа, что дѣлать, чѣмъ помочь, бѣдная дѣвушка ломала себѣ руки.

— Гоня его!.. Прочь! Не хочу! Не отдамъ, не отдамъ замужь!

— Папаша, милый, я не выйду за него!

— Ненавижу! Онъ былъ... тамъ... настроилъ ихъ... Модель... гдѣ модель?

Дай, дай сюда!..

О, теперь она поняла! Появля эту страшную ненависть отца къ тому, поняла, что ихъ планы никогда не могли осуществиться. Въ бреду старикъ высказалъ все, что скрылъ отъ нея тогда, затаявъ въ глубинѣ души, но что, конечно, должно было выясниться, стать между ними, отравить ихъ любовь.

Да, она должна была оттолкнуть отъ себя любимого человѣка, того, кому она такъ беззавѣтно отдалась, съ кѣмъ думала навсегда соединить свою судьбу, кому были посвящены всѣ думы, раскрыты всѣ тайники дѣвственнаго сердца! Она стояла посреди комнаты, блѣдная, трепещущая, съ цѣлымъ вихремъ самыхъ противоположныхъ мыслей и чувствъ.

Страшная борьба происходила въ ней.

— Нелли!..

Она бросилась за драпировку. Старикъ сидѣлъ на кровати и въ страхъ озирался. Сѣдые волосы поднялись кошкой, воротъ рубахи отстегнулся.

— Не уходи!.. Не уходи съ нами! Дитя мое, дорогое, Нелличка, не бросай меня.

Онъ протянулъ сухія костлявыя руки, обвилъ ее шею, принякъ и заплакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ.

— Папаша, я не оставляю васъ, никогда, никогда не оставляю!..

— Клянись! (253).

Нелли такъ и поступила: не смотря на то, что любимый человѣкъ, имѣвшій несчастье навлечь на себя ненависть сумасшедшаго, говорилъ ей, что «это безуміе», она рѣшительно оттолкнула его и, разумѣется, очень скоро превратилась въ «худую, изможденную, съ желтымъ морщинистымъ лицомъ» женщину. Жизнь разбита, самая надежда на счастье навсегда утрачена — изъ за чего и за что? Приглашаемъ г. Баранцевича самому обсудить нравственное значеніе мнимаго «подвига» своей героини. Нелли поступила-бы, разумѣется, какъ бездушной звѣрь, если-бы оставила на произволъ судьбы своего сумасшедшаго отца. Да развѣ въ этомъ была необходимость? Развѣ передъ Нелли стояла такая страшная дилемма — бросить отца или бросить жениха? Все дѣло, разрѣшившееся такой драмой, могло-бы кончиться какъ веселый водевиль, къ удовольствію всѣхъ участниковъ. Ненависть сумасшедшаго — да развѣ въ самомъ дѣлѣ это не чисто водевильное препятствіе къ браку, по крайней мѣрѣ къ любви? По всей вѣроятности, стоило жениху Нелли признать несчастнаго маниака — геніемъ, а его нелѣпное изобрѣтеніе — великимъ открытіемъ и дѣло было-бы улажено. Но Нелли только подумала о такомъ прозаически благоразумномъ ис-

ходѣ и все-таки обрѣкла себя на свой «подвигъ». Все, конечно, бываетъ на свѣтѣ, бываютъ и такіе удивительные подвиги и подвижники. Но мы и упрекаемъ г. Баранцевича не въ томъ, что онъ сочинилъ фактъ, а въ томъ, что онъ его опозитизировалъ, далъ ему неправильное освѣщеніе. Люди, по глупости, просто жить не умѣютъ, а г. Баранцевичъ надъ чѣмъ-то тутъ умиляется. Безцѣльные подвиги не трогательны и не почтенны, а только смѣшны. Спеволла сжегъ для спасенія отечества свою руку и исторія называетъ его героемъ. Но если-бы, человекъ, желая закурить сигару, полѣзъ голыми руками въ печь, его назвали-бы не героемъ, а... безумцемъ, хотя-бы онъ пережегся почище всякаго Спеволлы.

Серьезное отношеніе къ жизни и къ людямъ дѣло похвальное въ молодомъ писателѣ, но ненужно утрировать, пересаливать. Слабая сторона г. Баранцевича въ томъ и заключается, что ему именно часто *мерещатся* драмы. Гамлетъ горько размышлялъ надъ черепомъ Іорика, г. Баранцевичъ столь-же горько готовъ размышлять надъ выѣденнымъ яйцомъ. Образцомъ такого размышленія можетъ служить повѣсть «Чужакъ», единственная большая и единственная окончательно слабая вещь г. Баранцевича. Человекъ изъ интеллигентной среды женился на совершенно необразованной крестьянѣ, которая, разумѣется, его не понимаетъ. Ну, такъ что-жь? спросите вы. Да оно казалось-бы ничего: дѣло довольно въ наше время обыкновенное и никого не удивляющее. Но герой г. Баранцевича ухитрился запутать самыя простыя отношенія и положенія, истерзался разными сомнѣніями и угрызеніями, то старался поднять свою жену до себя, то опустить себя до нея, то терзался отъ того, что его жена не интеллигентна, то печалился, зачѣмъ онъ, интеллигентъ, не мужикъ, то находилъ, что жена его не стоитъ, то, наоборотъ, что онъ ея не стоитъ и т. д. «Эхъ-эхъ, молодой человекъ! хочется сказать читателю, глядя на всю эту возню.—То-то, молодо-зелено! Жизнь гораздо проще, чѣмъ вы полагаете и мудрить съ нею еще не доказываетъ мудрости. Будьте сами попроще, попрямѣе, поестественнѣе и все прочее приложится. Не втискивайте вы всюду свои «принципы», не стройте разныхъ программъ своего поведенія, не предъявляйте ни себѣ, ни другимъ неудобноисполнимыхъ требованій, не сочиняйте, однимъ словомъ, жизни, а просто пользуйтесь ею. Всѣ мы люди, всѣ человекѣ. Сами видите: изъ всѣхъ вашихъ подниманій и опусканій ни для васъ, ни для вашей жены ничего кромѣ напрасныхъ страданій не вышло, тогда какъ относитесь вы къ ней не какъ педагогъ и не какъ экспериментаторъ какой-то, а какъ *просто* человекъ—результатъ былъ-бы иной».

Нѣчто въ родѣ этого мы можемъ сказать и самому г. Баранцевичу. Повторяемъ еще разъ: относиться къ жизни серьезно не значить серьезно относиться къ житейскимъ пустякамъ, которыхъ вѣдь очень много. Видѣть во всемъ какую-то мелодраму—странно. А г. Баранцевичъ доходить въ этомъ отношеніи иногда до послѣдней крайности. Случалось-ли вамъ, читатель, въ пору своего студенчества сидѣть въ проголодь, занимать у товарищей пятнадцатинные и другивенные и пр.? Десятки разъ, разумѣется, и, не правда-ли, не только безъ горечи, но съ любовью и со вздохомъ вспоминаете вы это время—не только какъ время своей молодости, но и какъ время настоящихъ человѣчныхъ безцеремонныхъ и безпретенціозныхъ отношеній. Но г. Баранцевичъ и тутъ ухитрился найти поводъ для слезопротія. «Слѣдующій день онъ (одинъ юноша) не ѣлъ ничего, только воду пилъ... Но на третій день онъ не выдержалъ, черезъ силу выползъ на улицу и дотащился до квартиры одного бывшаго товарища.

«Въ этотъ день онъ былъ навормяненъ и товарищъ далъ даже сколько-то копѣекъ, «до лучшихъ дней» больше не бывать, что этотъ день есть первый, позорный день, его нищенства!..

«Дѣйствительно, за этимъ днемъ потянулся цѣлый рядъ такихъ-же, отличавшихся, между прочимъ, тѣмъ что, «подачки», какъ онъ ихъ внутренно называлъ, становились все меньше и меньше. Въ это время состояніе его духа было невыносимое: онъ мучился сознаниемъ своего нищенства, какъ ребенокъ плакалъ по ночамъ, и упорно помышлялъ о самоубійствѣ, въ то-же время проклиная свою позорную слабость, свое малодушіе, удерживавшія его кончить съ собою разъ навсегда». (225).

Неужели это не мелодраматическое преувеличеніе? Перехватить деньжонокъ у товарища—это «позорное нищенство!» Послѣ этого выпить чашку чая у знакомаго будетъ значить воспользоваться чужимъ имуществомъ, подписать въ письмѣ «вашъ покорный слуга» можно назвать низкой лестью, а сказать женѣ «душа моя» будетъ кощунствомъ, ибо души наши безсмертны, а жены смертны. Г. Баранцевичъ, право, нѣсколько напоминаетъ того «трагика» Островскаго, который пересыпалъ свой разговоръ фразами, въ родѣ: «блжаль въ грудь по самую рукоятку!»

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ трехъ томахъ. Спб. 1883.

Три тома стихотвореній г. Майкова ставятъ насъ въ самое затруднительное положеніе. Обойти молчаніемъ такое крупное ли-

тературное явленіе, какъ «полное собраніе сочиненій», писателя, пользующагося широкою и прочною извѣстностью, разумѣется невозможно. Съ другой стороны, о г. Майковѣ, не смотря на его извѣстность, критика наша, относительно говоря, весьма мало позаботилась. Г. Майковъ—талантливый поэтъ, это извѣстно всѣмъ. Но въ чемъ состоитъ сущность этого таланта, каковы его размѣры, какими идеями онъ питаетъ себя — все это вопросы пока еще открыты. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла рецензенту нельзя отдѣлаться одними голыми комплиментами «нашему уважаемому поэту» и приходится представить какую-нибудь характеристику.

Но тутъ-то и выступаетъ вся трудность этой задачи. Извольте характеризовать то, что лишено почти всякаго опредѣленнаго характера! Литературная физиономія г. Майкова имѣетъ, такъ сказать, только паспортные примѣты: ростъ средний, лицо чистое, носъ умѣренный, волосы русые, подбородокъ круглый, глаза голубые, особыхъ примѣтъ не имѣется. Кому можетъ принадлежать такая внѣшность? Можетъ быть самому Аполлову или Антиною, а можетъ быть и намъ съ вами, читатель. У г. Майкова есть всѣ элементы для того, чтобы образовать характерную литературную физиономію, нѣтъ только самой физиономіи. Поэтический талантъ, не огромный, но довольно все-таки крупный—на лицо; стихомъ г. Майковъ владѣетъ превосходно; содержаніе его произведеній довольно разнообразно; поэтическая производительность его довольно значительна. И за всѣмъ тѣмъ о г. Майковѣ сказать почти нечего.

Бѣлинскій, помнится, замѣтилъ гдѣ-то, что вѣрнѣйшимъ признакомъ поэтическаго таланта служить его ростъ, его постепенное органическое развитіе. Если-бы эту мѣрку примѣнить къ г. Майкову—намъ пришлось-бы отказать ему въ талантѣ. Стихотворенія, написанныя имъ тридцать лѣтъ назадъ, ни на волосъ не лучше и ни на волосъ не хуже его позднѣйшихъ произведеній. Всѣ эти сорокъ лѣтъ г. Майковъ точно пролежалъ подъ снѣгомъ. Это, если хотите, комплиментъ, потому что указываетъ на большую живучесть, на жизненную силу таланта, но это-же можно принять и за упрекъ, потому что въ лежачемъ положеніи человѣкъ не можетъ двигаться впередъ. Сорокъ лѣтъ — и какихъ лѣтъ!—прошли для г. Майкова, повидимому, совершенно безслѣдно. Въ 1839 году г. Майковъ такимъ, напр., образомъ понималъ значеніе поэта:

О мысль поэта! ты вольна,
 Какъ пѣсня вольной гальционы!
 Въ тебѣ самой твои законы,
 Сама собою ты стройна!
 Кто скажетъ молніи: брѣвдами

Не раздирай ночную мглу?
 Кто скажетъ горвому орлу:
 Ты не ширій подъ небесами,
 На солнце гордо не смотри,
 И не плещи морей водами
 Своими черными крылами,
 При блескѣ розовой зари? (I, 29).

А черезъ *сорокъ четыре* года послѣ этого г. Майковъ написалъ такое стихотвореніе (беремъ почти не выбирая, наудачу):

О царство вѣчной юности
 И вѣчной красоты!
 Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ!
 Намъ чувствуешься ты!
 Сіяющіе мраморы
 Лизиппъ и Пракситель!..
 Съ бессмертными Мадоннами
 Счастливый Рафаель!..
 Святая лира Пушкина,
 Его кристалльный стихъ,
 Моцартовы мелодіи,
 Все радостное въ нихъ—
 Все—то не откровенья-ли
 Съ надзвѣздной высоты,
 Изъ царства вѣчной юности
 И вѣчной красоты?.. (Ш, 148).

Какая разница между этими стихотвореніями? Очевидно, никакой, ни со стороны формы, ни со стороны содержанія. Сорокъ четыре года тому назадъ г. Майковъ писалъ не хуже чѣмъ теперь и вдохновлялся тѣмъ-же, чѣмъ вдохновляется и теперь. У него, какъ будто, не было молодости, какъ нѣтъ и старости—да и что мудренаго? Г. Майковъ оставался постоянно чуждъ тѣхъ впечатлѣній и страстей, которыя состарѣваютъ насъ преждевременно. Онъ живетъ не въ мірѣ, а въ храмѣ, не среди толпы, а среди маленькой касты жрецовъ. Настоящее отечество для него не нашъ «край долготерпѣнья», какъ выразился Тютчевъ, а прекрасная Элиада съ ея вѣчно голубымъ небомъ и сіяющими мраморами Праксителей. Въ этомъ именно и заключается причина того, на первый взглядъ столь удивительнаго, обстоятельства, что объ изящномъ и плодовитомъ поэтѣ нашемъ и не хочется говорить, и нечего сказать. Г. Майковъ замѣчательный мастеръ слова, виртуозъ стиха и это почти все, что о немъ можно сказать. Онъ откровенно заявляетъ, что ему какъ поэту, нѣтъ до насъ никакого дѣла:

Чужой для всѣхъ,
 Со всѣми въ мирѣ—

Таковъ поэтъ
 Твой жребій въ мірѣ!
 Ты на горѣ,
 Они—въ долинѣ,
 Но Богъ и свѣтъ
 Въ твоей пустынѣ. (Ш, 111).

«Художники» заявляютъ въ другомъ мѣстѣ,

Какъ боги
 Входятъ въ зевсовы чертоги
 И, читая мысль его,
 Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ
 То, что смертнымъ въ долямъ малыхъ
 Открываетъ божество!

Столь возвышенныя существа намъ, простымъ смертнымъ, очевидно, не компанія. Гг. Майковъ, Полонскій, Фетъ и покойный графъ А. Толстой, каждый на свой ладъ, постоянно выражали самое величественное презрѣніе къ намъ, такъ что, по просту говоря, ужъ и не въ моготу становится. Но невѣжливость по отношенію къ намъ мы простили-бы охотно, если-бы она была только невѣжливостью. Къ сожалѣнію, это нѣчто большее и худшее—это крайній индифферентизмъ, за который индифферентизмомъ и платятъ. Даже одинъ изъ самыхъ снисходительныхъ литературныхъ критиковъ нашихъ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ назадъ сказать о г. Майковѣ: «читаешь его, наслаждаешься имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ кажется, что съ вами говоритъ какой-то человѣкъ другого, прекраснаго, хотя и отжившаго міра». Подъ мягкою формою здѣсь выражена весьма жесткая правда. Что такое «человѣкъ другого, отжившаго міра?» Мертвецъ. Пусть-же мертвцы хоронятъ своихъ мертвыхъ.

Такъ какъ намъ уже подвернулось подъ перо сопоставленіе г. Майкова съ другими эстетиками-поэтами нашими, то справедливость требуетъ замѣтить, что г. Майковъ — самый еще мягкій, терпимый и снисходительный между ними. Палки цѣлителя—Пантелѣя онъ не призывалъ, почти непечатными словами, подобно г. Фету, не бранилъ своихъ противниковъ и не брюзжалъ, подобно г. Полонскому. Г. Майковъ дѣйствительно «со всѣми въ мирѣ», придерживается строжайшаго нейтралитета и въ наше время крайняго обостренія партійныхъ интересовъ являетъ собою любопытный примѣръ общественнаго дѣятеля совершенно чуждаго общественной жизни. Оставьте ему его возлюбленную Элладу, а тамъ дѣлайте, что хотите и считайтесь между собой какъ знаете. Все это было-бы очень безобидно и удобоисполнимо, если-бы г. Майковъ былъ не поэтомъ, не писателемъ и, въ качествѣ такового,

не проповѣдникомъ, а напимѣръ музыкантомъ или скульпторомъ. Но три тома талантливыхъ и горячихъ поэтическихъ рѣчей, проповѣдующихъ, смѣемъ утверждать, не что иное, какъ застой и мертвечину—это совсѣмъ другое дѣло. Если-бы задача г. Майкова не была такъ безнадежно-неисполнима, если-бы его культъ «вѣчной красоты» не представлялся такимъ вопіющимъ анахронизмомъ, если-бы его голосъ не былъ голосомъ въ пустынѣ вопіющимъ—противъ него пришлось-бы серьезно обороняться.

Всѣмъ этимъ мы однакоже вовсе ни хотимъ сказать, что г. Майковъ чуждъ идей, что содержаніе его поэзіи, подобно поэзіи напимѣръ г. Фета, исчерпывается изображеніемъ разныхъ неуловимыхъ чувствъ и ощущеній. Не идей, а лишь современности чуждается г. Майковъ: его трагедія «Два міра» доказываетъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ. Г. Майкова, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ трагедіи, «поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ разцвѣтѣ началъ, лежащихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ между людьми». Картина дѣйствительно грандіозная и г. Майковъ готовился къ ея изображенію съ полною добросовѣстностью, путемъ долголѣтняго изученія великой эпохи по источникамъ, какъ рассказывается объ этомъ въ предисловіи. Въ результатъ этихъ усилій получилась вещь въ своемъ родѣ весьма замѣчательная, поэтическая, но трагедія не получилось. Г. Майковъ прекрасный лирикъ, но лиризма недостаточно для трагедіи: нужна способность къ выпуклому изображенію характеровъ. Этихъ элементовъ въ талантѣ г. Майкова нѣтъ. Персонажи г. Майкова слишкомъ много говорятъ и слишкомъ мало дѣйствуютъ. Говорятъ они прекрасно: съ одушевленіемъ, съ краснорѣчіемъ, со страстью. Монологи трагедіи—это какіе-то лирическіе отрывки, поэтическіе морсы. Но въ общемъ, повторяемъ, выходитъ не трагедія, а какое-то поэтическое состязаніе между героями, что въ особенности слѣдуетъ сказать о представителѣ стараго, языческаго міра—Деціѣ и новаго, христіанскаго—Лидѣ и Марцеллѣ. За плечами этихъ лицъ вы постоянно видите самого автора, который какъ-бы суфлируетъ имъ и отъ того они только и дѣлаютъ, что описываютъ свои чувства. Марцеллъ, напр., старый суровый римлянинъ, язычникъ, принявшій христіанство, такимъ образомъ, такъ сказать, докладываетъ а нравственномъ переворотѣ, происшедшемъ въ немъ:

убить

Быль прежній человекъ, суровый
И внутрь неведаящій, и новый

Во мнѣ возсталъ. Я понялъ, намъ
 Не Богъ предметомъ поклоненья
 Во храмъ былъ, а самый храмъ! (376).

Объясненіе коротко, но неясно, потому что сводится къ тавтологіи: я сталъ новымъ человѣкомъ потому что пересталъ быть старымъ и наоборотъ. Этотъ небольшой примѣръ—только одинъ изъ множества образчиковъ безсилія г. Майкова тамъ, гдѣ дѣло касается психологическихъ мотивовъ. А самая картина борьбы двухъ міровъ представляется главнымъ образомъ въ диспутахъ невѣрящаго Деція съ увѣровавшими Марцелломъ и Лидою. Какъ бы то ни было, однакоже, это произведеніе г. Майкова, замѣчательное и безотносительно, представляетъ собою самый лучший и крупный поэтический подвигъ его. Но любопытно, что въ этомъ именно трудѣ съ особенною рельефностью сказались и «эллиństwo» г. Майкова, его пренебреженіе къ вопросамъ современной дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, тема, избранная г. Майковымъ, такъ и вызываетъ въ умѣ читателя параллели и аналогіи. Но въ «трагедіи» или въ поэмѣ г. Майкова вы не найдете на нихъ ни самонаибольшаго намека.

Жажущіе свѣта. Повѣсти и рассказы. *М. И. Красова.* (Л. Е. Оболенскаго). Первая серія. Спб. 1884.

Представьте себѣ, что вы попали въ сумашедшій домъ и притомъ въ отдѣленіе такъ называемыхъ «непокойныхъ». Впечатленіе вы, человѣкъ непривычный, вынесете навѣрное самое угнетающее. Эти безсвязныя рѣчи, эти мутные глаза, эти странные жесты, эти дикія вскрикиванья, изможденные лица, необыкновенные костюмы—все это наведетъ на васъ и страхъ, и жалость, и неуѣстное, быть можетъ, но непобѣдимое отвращеніе. Мы не желаемъ сказать ничего непріятнаго г. Красову. Но его «Жажущіе свѣта» герои и героини эксцентричностью своего поведенія производятъ впечатленіе психически нездоровыхъ людей. Въ ихъ обществѣ чувствуешь себя неладно. Жаждутъ-ли они свѣта—этого не видно, но что всё они нуждаются въ помощи психіатра—это, къ сожалѣнію, несомнѣнно.

Судите сами. Въ книжкѣ семь рассказовъ. Въ первомъ, «Бѣлый и черный», главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является крестьянинъ, страдающій хроническимъ запоемъ, подъ вліяніемъ котораго ему мерещатся «бѣлый и черный» ангелы, и постоянная борьба между ними: «бѣлый» говоритъ «не пей», черный кричитъ «пей». Изложеніе этого бѣлогорячечнаго бреда и составляетъ со-

держаніе разсказа. Второй разсказъ—«Мимоза». Тутъ безумствуютъ героиня, изящная свѣтская дѣвушка, и крупный петербургскій чиновникъ. Чиновникъ сдѣлалъ барышнѣ предложеніе, которое привело ее въ неописанное смятеніе и она стала сначала просить чиновника отказаться отъ нея, потомъ «поцѣловала въ голову», а потомъ—ни за что не повѣрите—пошла да и утопилась... Чиновникъ съ своей стороны задается вопросомъ, «стоитъ-ли и мнѣ жить»? Понимаете тутъ хоть что нибудь? Третій разсказъ такъ и называется: «Изъ дневника сумасшедшаго», а потому мы и минуемъ его. Четвертый разсказъ—«Картина». Художникъ Петровъ нарисовалъ картину, имѣвшую огромный успѣхъ на выставкѣ. Въ разсказѣ не замѣчается никакихъ вопіющихъ несообразностей, и вы, напуганные предыдущимъ чтеніемъ, начинаете уже успокоиваться, какъ вдругъ, въ самомъ концѣ, ваше спокойствіе идетъ прахомъ: герой очевидно свихивается. «Весь вечеръ Петровъ былъ счастливымъ семьяниномъ, но за то ночью, во снѣ, онъ видѣлъ себя снова на выставкѣ, опять Нахимова (дѣвушка, съ которой онъ только что познакомился) подходила къ нему и вѣриво схватывала его руку и онъ отвѣчалъ тѣмъ-же... Вотъ и онъ и она переносились куда-то въ густую тѣнистую аллею, съ яркими солнечными просвѣтами на песчаной дорожкѣ... Они бѣгутъ впередъ, взявшись за руки, съ какимъ-то испугомъ и отчаяніемъ, а за ними гонится Танечка (жена героя), блѣдная, плачущая» (84). Положимъ, это только сонъ: «когда-же складны сны бываютъ?» Но—«проснувшись утромъ, Петровъ чувствовалъ страшную пустоту и тоску въ сердцѣ. Но вдругъ ему точно шепнулъ кто-то: «она сегодня придетъ!» Все лицо его просіяло и онъ быстро, дрожащими руками сталъ одѣваться» (84). Тутъ и конецъ разсказу. Предоставляемъ читателю самому судить, что произошло съ Петровымъ, что значать эти переходы отъ «страшной тоски» къ радости при мысли что «она придетъ»—дѣвушка, которую онъ вчера лишь увидѣлъ. Если тутъ нѣтъ ничего неладнаго, то какое-же различіе между больнымъ и здоровымъ состояніемъ ума и воли? Въ пятomъ разсказѣ, «Первая любовь», ничего «такого» не замѣчается. Но, однако, читателю все-таки не по себѣ въ обществѣ героевъ и этой повѣсти, потому что и для нихъ смирительная рубашка была-бы временами далеко не излишня. Герой, напр., безбородый мальчишка, поджидая у себя на квартирѣ свою запоздавшую любовницу, пришелъ, наконецъ, въ такое неистовство, что «бѣгалъ, по комнатѣ, ломая руки, разметывая вещи кругомъ себя». Далѣе, онъ купилъ водки, «которую выливалъ въ себя сразу изъ горлышка, безъ мѣры, пока не упалъ на кровать» (129). Очевидно, что и отъ этого субъекта

лучше подальше отойти за добра—ума. Въ шестомъ разсказѣ, «Спаситель челоѳчества», герои ужъ не возбуждаютъ сомнѣній: они всѣ точно съ цѣпи сейчасъ сорвались. Дѣло происходитъ въ эпоху освобожденія крестьянъ. Герой, нѣкто Стрѣлицевъ, «представлялъ совершенно невѣроятное явленіе: юноша красавецъ, замѣчательный музыкантъ, челоѳкъ только что соскочившій съ ученической скамьи и вдругъ этотъ юноша заявляетъ себя и словомъ и дѣломъ, наперекоръ всѣмъ и всему, самымъ ожесточеннымъ крѣпостникомъ; даже тѣ тайные крѣпостники, которые въ душѣ ему сочувствовали, хотя на *лицѣ носили порицаніе* (sic!), изрѣдка приходили въ ужасъ отъ подвиговъ этого херувимо-подобнаго юноши! Многіе считали его сьумасшедшимъ» (139). И было, кажется, основаніе считать! Героиня повѣсти, красавица - *крестьянка*, отлично образованная, ненавидитъ нашъ народъ до маньячества, до бѣшенства, до изступленія. Впрочемъ, по ея заявленію, она «одинаково ненавидитъ и дворянство, и народъ» (173). Та-же правдоподобная барышня - крестьянка проповѣдуетъ — «пусть народъ бѣдствуетъ, пусть все гибнетъ, тьма лучше! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!» (176). Не смотря, однако, на эти выходы, ее все таки не сажаютъ въ сьумасшедшій домъ. Персонажъ, отъ лица котораго ведется разсказъ—идіотъ изъ тихихъ, впрочемъ, который только и дѣлаетъ, что сокрушается о своей глупости: «откуда такое безсиліе мысли?» беспрестанно спрашиваетъ онъ себя и отвѣчаетъ: «о, мое дѣтство! Это ты, ты меня такимъ сдѣлало!» (177). И дѣйствительно, болѣе чѣмъ вѣроятно, судя по его поступкамъ, что его въ дѣтствѣ много и сильно били по головѣ...

Затѣмъ, въ повѣсти фигурируютъ еще нѣсколько полупомѣшанныхъ и одинъ совершенно помѣшанный, но по одиночѣ мы представить ихъ уже не станемъ. Какъ видите, чистѣйшій бедламъ! Наконецъ, въ послѣднемъ разсказѣ, «Странникъ», рѣчь идетъ объ юродивомъ «изъ сиволапенькихъ», какъ онъ самъ себя рекомендовалъ. Такимъ образомъ, длинная процессія всевозможныхъ бѣсноватыхъ, отерываемая бѣлогорячечными, достойно завершается юродивымъ, который бормочетъ: «хе-хе-хе! Богъ проститъ! Богъ все проститъ—хе-хе-хе! И мои великіе грѣхи проститъ, хе-хе-хе! И мои великіе грѣхи»..... (251).

Теперь мы обращаемся къ безпристрастію читателя. Правы мы были или неправы, сравнивши книжку г. Красова съ домомъ умалишенныхъ. Съ чѣмъ другимъ ее можно сравнить? И зачѣмъ написала ее авторъ? Мы поняли-бы и быть можетъ даже одобрили-бы намѣренія автора, если-бы его рассказы были прямо психіатрическими очерками, этюдами челоѳческихъ аномалій и т. п. Но

блѣдно, что ходитъ голову склона». А средства у него для этого разнообразны: въ распоряженіи его таланта имѣется и иронія, и лиризмъ, и пафосъ, и негодованіе. О тонкости его ироніи и вмѣстѣ ея мѣткости можно судить по вышеприведенному отрывку.

Повѣсть «Дневникъ сельскаго учителя» кажется намъ гораздо менѣе удачною и по формѣ, и по содержанію. Форма «дневника» сама по себѣ форма трудная и неблагодарная, а у г. Крестовскаго задача усложнялась еще тѣмъ, что авторъ и герой дневника долженъ изображать собою нѣчто особенное, натуру высшаго разряда. Несоотвѣтствіе между положеніемъ героя, (которымъ онъ, впрочемъ, доволенъ) и его стремленіями производить почти комическое впечатлѣніе, отъ котораго не спасаетъ весь талантъ автора. Русскій сельскій учитель пятидесятыхъ годовъ, помѣсь Цифиркина съ Кутейкинымъ, является въ дневникѣ не то философь-аматеромъ, презирающимъ этотъ міръ, не то какимъ-то маркизомъ, по утонченности своихъ чувствъ, манеръ и даже по прекрасному французскому прононсу. Но совершенно невыдержанная и неуклюжая въ цѣломъ, повѣсть преизобилуетъ превосходными эпизодами и частностями.

Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія біологій и этики. Опытъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ антропологій—*Н. Г. Дебольскаго*. Спб. 1883.

Если-бы Дарвинъ былъ живъ, ему пришлось-бы пережить свою славу и въ старости узрѣть свои идеи трансформизма жизни разсѣянными, какъ дымъ, и все эфемерное зданіе дарвинизма разрушеннымъ до фундамента на 60 страницахъ книжки г. Дебольскаго. Судьба покровительствовала Дарвину и онъ умеръ, какъ разъ во время, на высотѣ своей славы, но зато тѣмъ горше положеніе его осиротѣлыхъ единомышленниковъ, всѣхъ этихъ Уоллесовъ, Геккелей, Спенсеровъ и др. Имъ теперь приходится считаться съ г. Дебольскимъ и краснѣть за невѣжество своихъ многолетнихъ трудовъ и долготѣхнхъ изслѣдованій, столь очевидно обнаруженное и изобличенное маленькою брошюркою г. Дебольскаго! Малъ золотникъ да дорогъ...

Впрочемъ, да не подумаютъ читатели, что г. Дебольскій—сотрудникъ «Руси», или что вообще онъ можетъ быть причисленъ къ тѣмъ милымъ, по невѣрнымъ существамъ, которыя наивно полагаютъ, что Дарвинъ и Іоаннъ Златоустъ, Ньютонъ и пророкъ Іеремія рассуждаютъ объ одномъ и томъ-же предметѣ и что слѣдовательно цитатами изъ отцовъ Церкви можно побивать ученія

Дарвина и Ньютона. Нѣтъ, г. Дебольскій въ «Руси» очевидно не сотрудничаетъ и во всей своей книгѣ обнаруживаетъ, что вѣдаетъ, о чемъ говорить. Тѣмъ интереснѣе, но тѣмъ отвѣтственнѣе. Но о чемъ-же онъ говорить?

Превращеніе видовъ и появленіе новыхъ видовъ на памяти человѣчества не происходило; преобразовываются и появляются лишь новыя породы въ предѣлахъ вида; палеантологическія изысканія хотя и указываютъ на существованіе въ прежніе періоды земной исторіи иныхъ видовъ и на относительно недавнее появленіе видовъ, нынѣ существующихъ, но всѣ эти, какъ вымершіе, такъ и нынѣ живущіе виды и въ палеонтологическихъ памятникахъ являются вполне законченными и рѣзко отличающимися типами; нигдѣ не найдено типовъ промежуточныхъ между видами; естественный подборъ, такъ-же какъ искусственный и половой, обнаруживаютъ способность измѣнять видъ лишь *физиологически*, усиливая или ослабляя уже готовые отправления и процессы, но не *морфологически*, не имѣя возможности создать новыя органы и отправления; то-же слѣдуетъ сказать 'объ упражненіи органовъ и вліяніи этого фактора на измѣнчивость, подбираемую борьбою за существованіе. А по всему этому дарвинизмъ не объясняетъ происхожденіе видовъ и теорія превращенія видовъ не только не доказана Дарвиномъ, но и опровергнута г. Дебольскимъ. Бѣда въ томъ, что ни Дарвинъ, ни Спенсеръ, ни Уоллесъ и никто изъ дарвинистовъ не обратилъ достаточно вниманія на *измѣнчивость*. Если бы они обратили вниманіе, то увидѣли-бы, что фактъ этотъ не можетъ быть объясненъ вѣдшими вліяніями. «Существеннымъ, основнымъ источникомъ этого происхожденія (видовъ вообще и человѣка въ частности) служили органическія, *внутреннія причины*, и лишь тотъ, кто найдетъ ихъ и укажетъ ихъ законы, будетъ творцомъ ученія о происхожденіи человѣка и вообще творцомъ ученія о происхожденіи видовъ». (стр. 27). Г. Дебольскій и является этимъ творцомъ. Онъ не довольствуется ролью критика, онъ созидаетъ. Не успѣла еще улечься пыль отъ повернутаго имъ въ прахъ эфемернаго зданія дарвинизма, какъ уже высоко надъ нею вырисовываются куполы новаго грандіознаго строенія, воздвигнутаго г. Дебольскимъ на развалинахъ трансформизма. Это сооруженіе именуется—*префоризмъ или предобразованіе*.

Согласно сему возрѣнію, та аморфная живая матерія, изъ которой развились всѣ формы жизни, съ самаго начала предобладала способностью и склонностью развиться во всѣ затѣмъ и появившіеся виды, но не чрезъ превращеніе видовъ изъ одного въ другой, а чрезъ прямое возникновеніе вида изъ комочковъ прото-

плазмы. Не то, конечно, чтобы человекъ, какъ нѣкогда Венера изъ пѣны морской, прямо и внезапно вышелъ изъ комочка протоплазмы,—этого прямо г. Дебольскій не утверждаетъ. но, если хотите, онъ не утверждаетъ ничего другого. Онъ допускаетъ, правда, промежуточныя формы между комочками протоплазмы, изъ коихъ развились всѣ организмы, и окончательнымъ типомъ вида, но допускаетъ это какъ крайне непродолжительное переходное существованіе, чрезвычайно быстро стремящееся отлиться въ окончательную преобразованную (почему не predeterminedную?) форму. «Человекъ никогда не былъ животнымъ, пишетъ г. Дебольскій (стр. 57); онъ возникъ дѣйствиельно общими законами органическаго міра, но изъ особаго спеціальнаго до него (къ нему?) относившагося преобразованія живаго вещества». Не ясно-ли? Комочекъ протоплазмы отъ нѣка самъ predeterminedъ породить человекъ и носился онъ въ волнахъ океана, въ лужѣ грязи или на днѣ трясины въ аморфномъ видѣ примитивной жизни матеріи, дожидая predeterminedнаго момента, чтобы изъ нѣдръ своего слѣзистаго безформеннаго вещества внезапно начать развитіе непосредственно въ человекъ, минуя всѣ инныя стадіи и животныя формы! «Человекъ никогда не былъ животнымъ». Самъ г. Дебольскій формулируетъ свою теорію слѣдующимъ образомъ: «Если мы представимъ себѣ первоначальное состояніе живаго вещества лишеннымъ всякой организаціи (какъ и представляютъ его себѣ дарвинисты), то не будетъ ничего немислимаго предполагать въ этомъ веществѣ преобразованными (преформированными) заранѣе всѣ формы органическаго развитія (какъ эти формы преобразовываются въ зародышахъ)» (стр. 45). Другими словами, примитивная живая матерія—вовсе не была не организованною массою протоплазмы, а слагалась изъ массы основъ совершенно готовыхъ зародышей всѣхъ имѣющихъ въ будущемъ появиться видовъ, зародышей, которые, однако, по взаимному соглашенію или по «преобразованію», не смѣли всѣ одновременно развиться въ организмы, а ждали очереди миллионы лѣтъ. Г. Дебольскій свидѣтельствуеетъ, что послѣднею наступила очередь для человѣческаго зародыша, и самымъ рѣшительнымъ образомъ общается намъ, что нигдѣ на землѣ нѣтъ уже ждущихъ очереди зародышей, которые своимъ преобразованнымъ развитіемъ вдругъ смутили-бы человечество, считающее себя вѣнцомъ творенія. Г. Дебольскій самымъ недвусмысленнымъ образомъ утѣшаетъ насъ въ этомъ отношеніи: «Человекъ можетъ затѣмъ совершенствоваться свои силы и отправленія съ полною увѣренностью въ томъ, что на землѣ онъ есть дѣйствительно конечный, верховный про-

дуктъ развитія, вѣнецъ творенія, а не порожденіе случая (?), не узурпаторъ (!), насильственно захватившій въ свою пользу плоды прогресса и эгоистично останавливающій его дальнѣйшій ходъ» (—61). Это г. Дебольскій называетъ смотрѣть на вопросъ «съ точки зрѣнія этики», какъ и обѣщано въ заглавіи. «Преформизмъ, замѣчаетъ г. Дебольскій (стр. 59),—соединяетъ такимъ образомъ съ полною научностью высокой философскій смыслъ, котораго теорія Дарвина совершенно лишена!»

Говорить о научности или даже философскомъ смыслѣ преформизма—было-бы даже неумѣстно, такъ ясенъ для каждаго даже диллетанта, истинный научно-философскій вѣсъ этого измышленія. Г. Дебольскій—не невѣжда и не обскурантъ, однако. Его брошюра изобилуетъ частностями, обнаруживающими и нѣкоторую эрудицію, и наилучшія намѣренія. Именно недостатокъ дѣйствительнаго философскаго освѣщенія предмета привелъ автора къ вышеприведеннымъ курьезамъ. Такъ г. Дебольскаго, напримѣръ, крайне смутила очевидная безнравственность дарвинизма, провозглашеннаго критеріемъ человѣческаго развитія въ обществѣ. Это смущеніе вполне и понятно, и законно, но искать его разрѣшенія надо въ области социологіи, а не біологіи. По мнѣнію г. Дебольскаго, съ точки зрѣнія дарвинизма, будетъ и естественно, и возможно, и прогрессивно, если, «вслѣдствіе борьбы за существованіе и подбора, въ нѣдрахъ человѣчества возникнетъ новый высшій видъ, который будетъ относиться къ теперешнимъ людямъ, какъ къ животнымъ. Возмутительные нравственные и общественные выводы изъ подобнаго предположенія сами собою бросаются въ глаза. Всѣ лучшіе общественные и нравственные идеалы разсыплются прахомъ, если мы допустимъ, что въ силу естественнаго прогресса, общество распадется на части, между которыми такъ-же не будетъ нравственныхъ узъ, какъ между человѣкомъ и orangъ-утангомъ» (—60). Прекрасныя строки, подъ которыми подишется каждый другъ человѣчества, но возмутительная картина, рисуемая г. Дебольскимъ, не устраняется никакою гипотезою о родѣ примитивной протоплазмы, а лишь о родѣ и характерѣ общественныхъ отношеній. Г. Дебольскій утѣшаетъ, что перспектива подобнаго дифференцированія человѣчества на полубоговъ и полузвѣрей—невозможна, потому что нѣкогда существовалъ комочекъ протоплазмы, предопредѣленный произвести человѣка, но не полузвѣря и не полубога, и что вслѣдствіе этого нравственныя узы между различными группами людей не могутъ порваться. Это философское утѣшеніе, однако, очень плохо ладитъ съ исторіей, гдѣ постоянно видимъ, какъ рвутся нравственныя узы,—

какъ человѣкъ обращаетъ человѣка въ скотину, не очень отличая какого-нибудь паря въ Индіи, илота въ Спартѣ, негра въ Америкѣ и т. д. и т. д. отъ орангъ-утанга, и какъ дѣйствительно исторія плодитъ дифференцірованіе и по настоящее время! Правда, та-же исторія и стираетъ затѣмъ это дифференцірованіе въ кровавыхъ катастрофахъ, историко-философскій смыслъ которыхъ и заключается главнымъ образомъ въ этомъ. Исторія и доселѣ есть борьба этихъ двухъ теченій—теченія уравнивать людей въ солидарности и теченія дифференцировать людей на полубоговъ и полузвѣрей въ процессѣ борьбы за существованіе. Не успокаивать невозможностью втораго исхода должно человѣчество, но предостерегать отъ его опасностей, его безнравственности и антиобщественности, его ненужности, наконецъ, даже для кандидатовъ въ полубоги. Но все это, конечно, лежитъ уже далеко за предѣлами науки біологической въ тѣсномъ смыслѣ. Какъ незаконно и несправедливо съ частнымъ выводомъ этой науки рѣшать вопросы социологіи и этики, такъ-же совершенно напрасно этику вводить въ изслѣдованіе вопроса о происхожденіи жизни—видовъ. Такъ можно только уронить ея авторитетъ и выставить ея сконфуженную фигуру въ неестественномъ положеніи на глумленіе незнаемаго и чуждаго міра, гдѣ споконъ вѣковъ грибы и лишай, звѣри и паразиты ведутъ ожесточенную борьбу за существованіе, куда еще не проникъ ни одинъ лучъ симпатіи и сознанія этихъ предвѣстниковъ морали. Этики тамъ дѣлать нечего и нѣтъ никакой надобности перестраивать науку о протоплазмѣ сообразно съ принципами этики, науки о человѣческомъ общежитіи. При наилучшихъ намѣреніяхъ, всякая подобная попытка лишь жалка и курьезна, какъ и проформизмъ г. Дебольскаго.

Очень жаль, что г. Дебольскій тратитъ свою эрудицію и свои способности на подобныя смѣха и жалости достойныя измышленія, которыя лучше было-бы оставить въ монопольномъ пользованіи философовъ въ родѣ г. Соловьева и сотрудниковъ «Руси».

Русскій рабочій вопросъ съ юридическо-практической стороны и другія замѣчанія къ новому гражданскому Уложенію. Соч. мирового судьи Александра Соколова. Кіевъ, 1883.

11 лѣтъ г. Александръ Соколовъ беззаботно вершалъ дѣла, штрафовалъ и сажалъ въ кутузку сѣрый рабочій людъ, и потомъ вдругъ задумался,—и ему стало ужасно жаль потраченной работы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ воинственно размахивалъ направо и налѣво мечемъ закона, а между тѣмъ, всѣ его сермяжные под-

судимые—главный объект его правосудія— что называется и ухомъ не ведутъ, никому изъ нихъ онъ не въ силахъ былъ причинить сколько-нибудь чувствительной боли, никого не могъ сразить и одолѣть. Штрафами рабочаго не проймешь, потому-что съ него нечего взять, кутузка-же зачастую (при волостномъ правленіи) доставляетъ ему только случай отоспаться, да и выпить вмѣстѣ съ сельскими властями, и остаются для его чугунной спины лишь тѣлесныя истязанія, присуждать къ которымъ мировымъ судьямъ не полагается. Вотъ-что собственно огорчаетъ и тревожитъ г. Соколова, слишкомъ преувеличивающаго, конечно, неуязвимость рабочихъ и ихъ нечувствительность къ штрафамъ и кутузкамъ. Въ бессиліи нынѣшняго закона въ борьбѣ съ порочностью простого народа, г. Соколовъ взываетъ къ составителямъ новаго гражданскаго уложенія, не придумаютъ-ли они чего-либо для укрощенія своеволія русскаго рабочаго и для болѣе дѣйствительнаго урегулированія его отношеній къ нанимателямъ и вообще къ представителямъ капитала. «Въ нашемъ быту, говоритъ г. Соколовъ, — наниматель является всегда нуждающимся» (стр. 6), и потому и гуманность и справедливость, по мнѣнію г. Соколова, обязываютъ законъ принять подѣ покровительство сторону слабѣйшую, т. е. страдающаго и угнетеннаго капиталиста. Первое страданіе русскаго капиталиста весьма существенно. Оказывается, что русскій рабочій держитъ въ рукахъ всякаго нанимателя уже одною своею бѣдностью и привычкою ко всякимъ лишеніямъ. «Наниматель, жалуется г. Соколовъ,—ищетъ всегда рабочаго», «предложеніе капитала всегда превышаетъ предложеніе труда», и это объясняется, какъ разсуждаетъ авторъ,—тѣмъ особливимъ положеніемъ русскаго люда, который легко можетъ обходиться безъ самыхъ необходимыхъ предметовъ и потому выжидать службы и пренебрегать той или другой работой» (стр. 6). Мысль эта не новая, но ее интересно узнать именно отъ г. Соколова, принимающаго подѣ свою охрану интересы капиталистовъ. Если, дѣйствительно, и русскій рабочій нерѣдко оказывается силой, «потому-что онъ привыкъ переносить всякія лишенія», то чѣмъ-же тутъ помочь горю капиталиста и какъ осушить его слезы? Почтенный жрецъ Феиды какъ видно, не отличается особой сообразительностью; онъ, кажется, не догадывается, какимъ огромнымъ камнемъ угодили онъ въ своего кліента—капиталиста. Отчего это, въ самомъ дѣлѣ, рабочая масса притерпѣлась ко всякимъ лишеніямъ и невзгодамъ, откуда эти лишенія и невзгоды, настолько обычные и постоянныя, что къ нимъ можно привыкнуть, и почему эти люди, какъ ни бѣдны они, не соглашаются промѣнять послѣднія минуты своего

отдыха за вознагражденіе, неспособное ни на волосъ скрасить той-же привычной жизни—нищеты и голоданія? Явленіе, на которое указываетъ г. Соколовъ, есть общезвѣстный результатъ господства не оформленнаго, грубаго и безшабашнаго капитализма, перешедшаго тотъ предѣлъ, съ котораго онъ уже начинаетъ поѣдать самого себя и вредить всѣмъ классамъ населенія.

Другое горе русскаго капиталиста заключается, по словамъ г. Соколова, въ «судебномъ гуманизмѣ», въ беззаботномъ отношеніи закона къ интересамъ нанимателя и излишнемъ покровительствѣ, оказываемомъ тѣмъ-же закономъ рабочей массѣ. Законъ нашъ, говоритъ г. Соколовъ, «не жалѣетъ нанимателя и хорошо гарантируетъ рабочаго не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности» (стр. 7). Въ доказательство жестокосердія закона въ отношеніи нанимателей г. Соколовъ приводитъ тяготящее на нихъ обязательство, во-первыхъ, уплачивать рабочему договоренную плату и, во вторыхъ, воздерживаться отъ оскорбленій (ib.). Первое обязательство представляется г. Соколову тѣмъ болѣе тяжелымъ, что отъ него будто-бы нельзя отдѣлаться, «ибо съ нанимателя, являющагося собственникомъ, т. е. лицомъ болѣе или менѣе зажиточнымъ, всегда есть возможность взыскаъ для рабочаго то что ему будетъ въ вознагражденіе, присуждено судомъ (стр. 7). Но нельзя-ли, однако, въ утѣшеніе г. Соколову, для ободренія нанимателей, не желающихъ распадаиваться съ рабочими, указать на многочисленныя, и, вѣроятно, у многихъ еще уцѣлѣвшіе въ памяти примѣры тѣхъ грандіозныхъ продѣлокъ нанимателей съ рабочими, которыя и по сей день практикуются во всѣхъ крупныхъ промыслахъ? Огромныя толпы рабочихъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ каторжнаго труда, зачастую уходятъ отъ нанимателей безъ копѣйки денегъ и добираются домой Христовымъ именемъ, не помышляя ни о какихъ судахъ, гдѣ, разумѣется, немисливо было-бы тягаться темной массѣ, не искусившейся въ судебномъ крючкотворствѣ съ опытными дѣльцами. Законъ, сколько угодно, можетъ обязывать нанимателя расплачиваться съ рабочими, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ они ничего не выигрываютъ фактически отъ этого «судебнаго гуманизма», по совершенной невозможности таскаться по судамъ, по неимѣнію средствъ и времени, наконецъ, по безграмотности своей, отдающей ихъ живьемъ на съѣденіе первому встрѣчному пройдохѣ. Точно также можно утѣшить г. Соколова и насчетъ того требованія закона, чтобы наниматели не наносили оскорбленій рабочимъ; законъ тутъ рѣшительно не причеиъ; какъ и въ первомъ случаѣ, онъ существуетъ только на бумагѣ; и не онъ охраняетъ рабочую массу отъ оскор-

блений, а скорѣе она себя. Мы охотно вѣримъ г. Соколову, что «въ послѣднее время обидчивость рабочихъ по отношенію обращенія съ ними хозяина достигла значительной чувствительности» (стр. 7), это совершенно естественно и весьма отрадно, должно же, наконецъ, когда-нибудь проснуться въ народѣ челоуѣческое достоинство. Но когда г. Соколовъ заявляетъ, что теперь «жалобы прислуги на хозяевъ за оскорбленія и клевету представляются не рѣдкимъ явленіемъ» (ib.), то изъ этого факта еще ничего нельзя вывести, онъ возможенъ, развѣ только въ городахъ, въ огромномъ-же большинствѣ случаевъ народъ не обращается ни къ какимъ судамъ, но постепенно самъ устанавливаетъ тотъ *modus vivendi*, который вполне гарантируетъ его отъ оскорбленій. Г. Соколову это извѣстно, но онъ все-таки жалуется на судебный гуманизмъ. «Вспомнивъ, говоритъ онъ, гуманное русское направленіе и сожалѣніе къ бѣдному нашему темному люду, царствующее въ судахъ, придется сказать, что и со стороны дурного обращенія нанимающіеся гарантированы, какъ нельзя быть лучше» (ib). Но каково это «гуманное русское направленіе», мы можемъ судить изъ приведеннаго вслѣдъ за этими словами разсказа г. Соколова, Какой-то владѣлецъ недвижимаго имѣнія изобрѣлъ свой особый способъ наказанія рабочихъ, состоявшій въ томъ, что онъ зазывалъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ и въ его типи, безъ свидѣтелей, досыта ругался и, при случаѣ, подерѣплялъ свою брань ударами... «Однажды, разсказываетъ г. Соколовъ, рабочій не только оказалъ сопротивленіе своему хозяину, но поколотилъ его самого изряднымъ образомъ, а затѣмъ предложилъ хозяину, за свое молчаніе объ этомъ случаѣ, уплатить ему нѣсколько рублей, и хотя сдѣлка состоялась, но не только вся прислуга объ этомъ узнала, а и всѣ сосѣди» (стр. 8). Г. Соколовъ почти готовъ сказать своимъ разсказомъ: вотъ, молъ, каковы ваши рабочіе, принимаемые закономъ подъ свою защиту. Однако, центръ тяжести этого разсказа сосредоточенъ, безъ сомнѣнія, въ земледѣльцѣ съ «гуманнымъ русскимъ направленіемъ», хотя, конечно, мы можемъ видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что рабочіе уже начинаютъ уповать исключительно на себя и не обнаруживаютъ желанія быть въ томъ беззащитномъ состояніи, за которое г. Соколовъ только и согласенъ вознаградить ихъ малодѣйствительнымъ на практикѣ покровительствомъ закона.

Но если законъ ничего не можетъ сдѣлать существеннаго для рабочихъ, то нельзя сказать, чтобы онъ не оказывалъ поддержки панимателямъ. Какъ ни плачется г. Соколовъ на безпомощность нанимателей, онъ, однакоже, долженъ признаться, что они не вовсе

забыты закономъ, и что обязательная отработка забранныхъ рабочими денегъ, штрафы, кутузка и даже розги, къ которымъ присуждаютъ рабочихъ волостные суды, что это со всѣмъ не то, что требованіе закона, чтобы наниматели расплачивались за работу и воздерживались отъ оскорбленія. Г. Соколовъ силится доказать, что никакія изъ установленныхъ закономъ карательныхъ мѣръ не дѣйствуютъ на рабочихъ но сколько можно понять его, все его остроуміе въ этомъ случаѣ есть результатъ того положенія, что мужикъ все стерпитъ и все ему будетъ мало. Г. Соколовъ, конечно, былъ-бы много мягче въ своихъ соображеніяхъ, если-бы онъ мысленно примѣрялъ на себѣ и вообще на дворянскихъ спинахъ дѣйствительность установленныхъ для рабочей массы наказаній. Теперь онъ очень развязно и бойко разсуждаетъ о штрафахъ, о кутузкахъ и о розгахъ, но предположимъ, что всѣ эти мѣры цѣликомъ распространены на нанимателей, съ позволѣнія сказать на самаго г. Соколова, и на всѣхъ, кто только вступаетъ въ извѣстныя отношенія къ рабочимъ. Если-бы такой грѣхъ случился, то, по всей вѣроятности, г. Соколовъ, не смотря на все его безпристрастіе, не сталъ-бы разсуждать о томъ, что кутузка для него пустыя и только развѣ розги могутъ считаться цѣлесообразной мѣрой; онъ совсѣмъ отказался-бы разбирать эти мѣры «по существу», какъ говорятъ юристы, и одно уже введеніе ихъ въ законодательство, одно только номинальное существованіе ихъ, хотя-бы онѣ и не достигали своей цѣли и никогда не практиковались-бы, привело бы его надѣмся, въ ярость и негодованіе. А теперь вотъ онъ остроумничаетъ, прикидывается непонимающимъ, что такое кутузка для мужика и почему онъ можетъ не любить ее, если она «не ухудшаетъ, а улучшаетъ состояніе нашего простолюдина» (стр. 33). Черта, смѣемъ увѣрить г. Соколова, по меньшей мѣрѣ не джентльменская. Нынѣшняя кутузка, по его словамъ, суцій рай для крестьянина. «Нужно, говоритъ онъ, ознакомиться съ печальнымъ бытомъ простолюдина и принять во вниманіе, что съ одной стороны, при нахожденіи его на свободѣ,—недостатокъ въ самомъ необходимомъ, напр. хлѣбѣ, одеждѣ и топливѣ; невѣжество (а въ кутузкѣ-то что-же?), а отсюда безнадежность къ улучшенію положенія и пропиваніе послѣдняго достоянія; въ трезвомъ состояніи тяжелый трудъ, недосыпаніе ночей, упреки жены, плачь дѣтей, и проч.; съ другой, при заключеніи—готовая пища, одежда и теплота, ничего не дѣланіе, давно желанный сонъ въ волю, удаленіе себя отъ упрековъ и плача, слабость надзора по отношенію къ употребленію спиртныхъ напитковъ, а иногда даже пользованіе свободой» (стр. 33). Изъ этого видно, что нѣтъ такой идеальной кутузки, которая удовлет-

ворила-бы столь взыскательному вкусу г. Соколова. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, не кормить заключенныхъ, какъ желалъ-бы г. Соколовъ, можно-ли лишать ихъ тепла, можно-ли не освобождать ихъ, на время заключенія, отъ семейныхъ невзгодъ и неурядицъ, отъ упрековъ жены и плача дѣтей? Въ дѣйствительности и самъ г. Соколовъ думаетъ, что въ семь мѣрѣ не найдется такого безобразнаго логовища, которое могло-бы принять въ себя чудовище, именуемое русскимъ рабочимъ, и хотя онъ все-таки не хочетъ выпустить совсѣмъ изъ рукъ кутузки, но у него, очевидно, нѣтъ въ нее крѣпкой вѣры, и потому онъ пытается сдѣлать нѣсколько робкихъ, стыдливыхъ и довольно осторожныхъ подходовъ къ обнаженію крестьянской спиры, что какъ кажется и побудило его написать свое «сочиненіе»: Мы говоримъ—кажется, потому что г. Соколовъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и современный, читающій журналы и ученые книги, вовсе не говорить о мужикѣ: «драть его, каналью, безъ разговоровъ». Если-бы онъ такъ сказалъ, это, конечно, свидѣтельствовало-бы о его извоищьемъ міровоззрѣніи, но все-таки дѣлало-бы честь откровенности и прямотѣ его сужденія. Г. Соколовъ берется весьма деликатно за эту грубую матерію. Сначала онъ старается убѣдить, что никакіе штрафы и кутузки не помогутъ смирить рабочаго, а потомъ онъ какъ-бы мимоходомъ и вскользь рассказываетъ, что ему какъ-то случилось самому видѣть чудодѣйственное дѣйствіе розогъ на крестьянѣ.

«Тѣлесное наказаніе, рассказываетъ онъ,—представляетъ у нихъ (т. е. у крестьянъ) средство вполне дѣйствительное, въ чемъ я совершенно убѣдился во время бывшаго въ кievскомъ уѣздѣ еврейскаго погрома, находясь тогда въ крестьянской средѣ и т. д.» (стр. 10). Затѣмъ онъ высказываетъ, тоже какъ-бы невзначай, общую сентенцію такого рода: «Никто не можетъ оспаривать, что на дикаря (т. е. рабочій народъ) нельзя дѣйствовать силою убѣжденія, и для того, чтобы останавливать его страсти, нужно пользоваться только способомъ устрашенія, достигаемымъ посредствомъ произведенія ему боли» (стр. 29). Черезъ нѣсколько страницъ г. Соколовъ уже совсѣмъ близко подходитъ къ бѣдной крестьянской спинѣ, хотя и тутъ онъ все-таки не обходится безъ жеманства. «Тѣлесное наказаніе говоритъ, онъ, несомнѣнно самое дѣйствительное въ такихъ случаяхъ»; однако, онъ спѣшитъ добавить, что «неудобно было-бы возвращаться къ средству, недостойному для употребленія въ развитомъ обществѣ», и наконецъ въ заключеніе рѣшается все-таки заявить, что «если таковое (тѣлесное наказаніе) необходимо было-бы удержатъ, то развѣ какъ крайнюю мѣру, для субъектовъ, близкихъ къ дикарямъ» (стр. 32). Само

собою разумѣтся, «какъ крайнюю мѣру»: не ежеминутно-же истязать, и само собою разумѣтся для тѣхъ «дикарей», т. е. рабочихъ, которыхъ, какъ замѣтилъ г. Соколовъ выше, «можно убѣждать только физически, причиненіемъ боли и устрашеніемъ». Г. Соколовъ, какъ видно, большой мечтатель. Онъ, разумѣтся, вполне можетъ надѣяться, что его крѣпостническая юрисдикція, какъ совершенно соответствующая вѣяніемъ нашего времени, безпрекословно получитъ необходимую санкцію. Но г. Соколовъ не замѣчаетъ, кажется, одной маленькой запятой. Слишкомъ 20 лѣтъ укрѣплялось въ мужикѣ убѣжденіе, что его личность для господъ, по крайней мѣрѣ, должна быть такою-же священной и неприкосновенной, какою вѣроятно, считаютъ и свою собственную личность г. Соколовъ съ своими присными.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Нѣчто о годовыхъ итогахъ.—Перемены въ общественномъ темпераментѣ и въ петербургской печати.—Что нѣло въ виду правительство, ограничивая печать.—Насколько подтвержденіе закона о чиновникахъ-литераторахъ повліяло на затишье въ печати. Мѣры правительства—только точное примѣненіе дѣйствующаго закона и потому настоящее положеніе печати есть законодательно-нормальное положеніе.—Что подъ вѣшнимъ затишьемъ обнаруживается жизнь.—Массовое переселеніе и внутреннія бытовыя перемены.—Въ чемъ проявилась дѣятельность «Общества». Вопросъ объ образованіи.—Высшіе женскіе курсы и женскіе медицинскіе курсы.—Недоразумѣніе относительно «умственнаго пролетаріата». Мѣры правительства въ 1883 году.

I.

Въ нашей печати—и не въ нашей одной—установился обычай провожать отходящій годъ «итогами», а наступающій встрѣчать пожеланіями. При извѣстныхъ условіяхъ обычай этотъ приноситъ несомнѣнную пользу общественному сознанію, конечно если «итоги» и «пожеланія» состоятъ не изъ однихъ комплиментовъ, а выражаются серьезнымъ отношеніемъ къ тому, что сдѣлано за годъ и что должно быть поставлено на первую очередь требованіями жизни. При положеніи западной печати такая задача для журналиста не трудна, у насъ-же она конечно труднѣе, ибо иногда приходится ограничиваться указаніемъ на голые факты безъ достаточно яснаго ихъ освѣщенія, предоставляя выводы проницательности читателя. Такой пріемъ, конечно, не удовлетворяетъ ни журналиста, ни читателя: но что-же подѣлать съ этимъ?

Отходящій годъ мы прожили «тихо», даже какъ будто освоились съ тишиной, доставшейся 1883 году по наслѣдству отъ его предшественника и тишина получила у насъ-же нѣкоторое традиціонное освѣщеніе. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы 1883 г. не былъ чреватъ событіями, что-бы онъ не выдвинулъ фактовъ важныхъ и серьезныхъ. Въ фактахъ не было недостатка, но случилось нѣчто съ нашимъ общественнымъ темпераментомъ, такъ что даже холера, обѣщавшая придти къ намъ изъ Египта, не на-

пугали никого и только одни «газетчики» нѣсколько повольновались въ своихъ статьяхъ, да и то больше по казенной надобности. Переѣзна темперамента выразилась и въ печати, преимущественно петербургской, въ которой произошли довольно замѣтныя переѣмны. Въ 1882 году большую петербургскую печати составляли «Голосъ», «Новое Время», «Новости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Страна». Въ 1883 году нѣкоторые изъ этихъ газетъ прекратились, а другія, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», начали издаваться подъ иной редакціей. Такъ 5-го января дано «Страшъ» третье предостереженіе съ приостановленіемъ изданія на четыре мѣсяца и съ примѣненіемъ къ нему, по возобновленіи, пункта 1-го временныхъ правилъ о печати 27 августа 1882 г. То былъ первый случай примѣненія закона 27 августа. Поводомъ къ приостановленію «Страны» было ея упорное вредное направленіе, выражавшееся въ систематическомъ стремленіи безусловно оуждать всѣ дѣйствія и распоряженія правительства и представлять общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ. Ближайшій-же поводъ къ приостановленію «Страны» подала передовая статья 1-го №. По минованіи срока приостановки, газета уже не появлялась.

Въ томъ-же январѣ объявлено второе предостереженіе «Отечественнымъ Запискамъ», мотивированное тѣмъ, что журналъ этотъ «обнаруживаетъ вредное направленіе, предавая осмѣянію и стараясь выставить въ ненавистномъ свѣтѣ существующій общественный, гражданскій и экономическій строй какъ у насъ, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, и наряду съ этимъ не скрываетъ своихъ симпатій къ крайнимъ социалистическимъ доктринамъ».

Въ февралѣ запрещенъ на шесть мѣсяцевъ «Голосъ», съ примѣненіемъ затѣмъ къ газетѣ закона о печати 27 августа, тоже за вредное направленіе, выражавшееся какъ въ сужденіяхъ о существующемъ государственномъ порядкѣ, такъ и въ подборѣ и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ, и наконецъ за намеки, имѣющіе цѣлью представить въ ложномъ свѣтѣ намѣренія правительства относительно реформъ послѣдняго двадцатипятилѣтія. Хотя срокъ запрещенія «Голоса» и прекратился въ августѣ, но газета не возобновлялась, вѣроятно по тѣмъ-же соображеніямъ, которыя руководили редакціей «Страны».

Правительство, приостанавливая «Страну» и «Голосъ», конечно не имѣло въ виду прекращенія этихъ изданій, но случилось все-таки такъ, что они уже больше не возобновлялись и это не могло быть незамѣченнымъ читателями, ибо «Голосъ», напр., издавался

двадцать лѣтъ, слѣдовательно у него съ его постоянными подписчиками могла установиться даже механическая привычка. Правительство, конечно, имѣло въ виду не привычки читателя, а необходимость оградить общество отъ невѣрныхъ толкованій и невѣрныхъ свѣдѣній и извѣстій, которыя проникаютъ въ него путемъ печати. Намѣренія правительства, между прочимъ, можно увидѣть изъ слѣдующаго замѣчательнаго по формѣ «сообщенія», напечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»:

«Читатели, особенно въ провинціяхъ, привыкнувъ издавна относиться съ довѣріемъ ко всякому печатному извѣстію, прочитанному въ какой-бы то ни было газетѣ, не всегда умѣютъ различать источникъ, откуда идутъ эти извѣстія, и взвѣшивать ихъ достоверность. Многіе до сихъ поръ остаются еще въ той мысли, что правительство, конечно, не дозволило-бы печатать во всеобщее свѣдѣніе слухи и извѣстія, недостоверныя или прямо лживыя. Но при нынѣшнемъ состояніи печати и при размноженіи газетъ, издающихся безъ всякой предварительной цензуры, правительство не можетъ принять на себя провѣрку всѣхъ слуховъ и новостей, которыя ежедневно въ нихъ появляются. Иногороднымъ читателямъ не всегда извѣстно, что изданіе газетъ становится дѣломъ спекуляціи и торговымъ предпріятіемъ, которое ведется многими редакціями, съ цѣлью привлечь какъ можно болѣе спроса на свой товаръ. Публика привыкла ловить съ крайнимъ любопытствомъ всякую новость, особливо относящуюся къ административнымъ сферамъ. Чтобы удовлетворить этой потребности и питать ее изо дня въ день, наши газеты въ свою очередь привыкли гоняться за новостями для того, чтобы подносить ихъ читателямъ ежедневно, причемъ далеко не всѣ изданія заботятся о провѣркѣ непрерывно возникающихъ слуховъ и сплетенъ. Иныя, за неимѣніемъ подлинныхъ новостей, охотно принимаютъ на свои страницы извѣстія не только сомнительныя, но и прямо вымышленныя, лишь-бы только извѣстіе казалось интереснымъ и могло возбудить спросъ на газету, въ коей помѣщено. Нѣкоторыя изданія, особливо изъ такъ называемой «мелкой печати», идутъ еще далѣе и заводятъ у себя фабрикацію новостей. Для сего редакціи обращаются къ содѣйствію мелкихъ чиновниковъ, служащихъ въ канцеляріяхъ разныхъ министерствъ и департаментовъ и принимающихъ на себя незавидное ремесло поставщиковъ извѣстій и новостей изъ оффиціальнаго міра, съ построчною платою за каждую новость. Такъ образовалась особая отрасль спекуляціи, вовсе не вѣдомая провинціальнымъ читателямъ, принимающимъ, къ сожалѣнію, на вѣру все, что приходитъ къ нимъ въ листахъ столичныхъ газетъ. Нетрудно

представить себѣ, какую степень достовѣрности имѣютъ извѣстія, такимъ путемъ добываемыя. Серьезный органъ печати безъ сомнѣнія предпочтетъ вовсе не сообщать схваченныя съ вѣтра извѣстія, особливо важныя по предмету,—прежде чѣмъ убѣдиться въ ихъ достовѣрности. Къ сожалѣнію—таковыхъ немного, но большинство нашихъ газетъ заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы произвести на публику извѣстнаго рода впечатлѣніе, возбудить говоръ и спросъ на газету. Извѣстія этого рода систематически вымышляемыя, повторяются изо дня въ день, вводятъ многихъ въ смущеніе и возбуждаютъ толки—не всегда безвредныя. Они повторяются такъ часто, что подлежащимъ вѣдомствамъ невозможно отвѣчать на нихъ официальными опроверженіями: это значило-бы подчиняться игрѣ въ сплетни и слухи, которую затѣваютъ иногда, ради наживы, всякаго рода промышленники. Но нельзя не пожалѣть, что и газеты, претендующія на значеніе серьезныхъ органовъ, повторяютъ, безъ всякой провѣрки, и разносятъ такимъ образомъ во всѣ углы Россіи фальшивыя извѣстія.—Приведа затѣмъ нѣсколько примѣровъ вымышленныхъ извѣстій, «сообщеніе» заканчивается такими словами: «Не проходитъ недѣли, чтобы газетные вѣстовщики не сочинили цѣлой серіи подобныхъ извѣстій по разнымъ вѣдомствамъ. Читателямъ, особливо иногороднымъ, полезно знать, откуда извѣстія этого рода происходятъ, и не давать имъ вѣры».

Изъ ежедневныхъ газетъ, противъ которыхъ главнымъ образомъ было направлено «сообщеніе», перепечатала его, кажется, только одна газета. И это вполне понятно, если обратите вниманіе на тонъ «сообщенія» и на укоризненныя выраженія вродѣ «газетные вѣстовщики», «всякаго рода промышленники» и д. д. Для насъ, впрочемъ, важенъ не тонъ «сообщенія», а мотивы его вызвавшіе. Отъ невѣрныхъ извѣстій газетамъ не всегда легко себя охранить. Уже кажется «Правительственный Вѣстникъ» имѣеть наибольшую возможность обезпечить себя корреспондентами «досто-вѣрными», но даже и въ немъ попадаютъ извѣстія, вызывающія опроверженія. Такъ въ 106 №. «Петербургскихъ Вѣдомостей», отъ 15 мая, было напечатано такое объявленіе. «Въ № 103 «Правительственнаго Вѣстника» помѣщена телеграмма изъ Севастополя о томъ, что въ адмиралтействѣ русскаго общества и торговли былъ большой пожаръ: сгорѣли судостроительныя мастерскія съ машинами, станками и чертежною, а также вновь строящаяся мастерская для броненосцевъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ правленіи общества, извѣстіе это невѣрно. Сгорѣла крыша старой судостроительной, станки мало повреждены; новая мастерская невредима».

Конечно «сообщеніе», о которомъ мы говоримъ, имѣло въ виду не подобныя невѣрныя извѣстія, а тѣ, которыя, такъ или иначе, волнуютъ общественное мнѣніе и выставляютъ въ невѣрномъ свѣтѣ дѣйствія и намѣренія правительства или разглашаютъ «канцелярскія тайны». Особенно серьезныя и рѣшительныя мѣры были приняты противъ «разгласителей», служащихъ по разнымъ департаментамъ и канцеляріямъ. Противъ нихъ были приняты мѣры еще въ 1882 г., когда администрація, напомнивъ существующій законъ, потребовала со стороны чиновниковъ строгаго его выполнения. Окончательно вопросъ этотъ былъ выясненъ комитетомъ министровъ въ январѣ 1883 г. А сущность вопроса заключалась вотъ въ чемъ. Законъ не позволяетъ служащимъ правительственнымъ чиновникамъ печатаніе своихъ литературныхъ произведеній безъ «разрѣшенія начальства». Но что значить литературное произведеніе? Напримѣръ, на службѣ, и именно въ цензурномъ вѣдомствѣ состоятъ наши извѣстные поэты—гг. Полонскій и Майковъ, въ томъ-же вѣдомствѣ состоялъ г. Гончаровъ, наконецъ редакціей «Правительственнаго Вѣстника» завѣдываетъ извѣстный романистъ г. Данилевскій. Значить-ли это, что гг. Полонскій и Майковъ свои стихотворенія, а г. Данилевскій свои романы должны представлять на разсмотрѣніе начальства и безъ его дозволенія печатать ихъ не могутъ? Комитетъ министровъ разрѣшилъ вопросъ такъ. Не высказываясь въ принципѣ противъ участія чиновниковъ въ литературѣ, комитетъ призналъ даже пользу обсужденія въ печати нѣкоторыхъ правительственныхъ предположеній и въ доказательство сослался на допущеніе обсужденія недавнихъ проектовъ гражданскаго уложенія и «уложенія о наказаніяхъ». Обращаясь затѣмъ къ существующимъ ограничительнымъ для чиновниковъ законамъ, комитетъ нашелъ, что «хотя законъ не возбраняетъ вообще служащимъ литературной дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно ограничиваетъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда служащій позволить себѣ разгласить вѣренныя по должности дѣла или сообщить въ повременныя изданія такія свѣдѣнія, которыя могли быть ему доступны лишь по его служебному положенію».

Изъ этого комитетъ министровъ вывелъ право начальства «не только требовать, чтобы служащіе правдиво заявляли о своемъ участіи въ повременныхъ изданіяхъ, но и воспрещать таковое, когда оно угрожаетъ нанести серьезный ущербъ интересамъ службы». Относительно-же чиновниковъ комитетъ ограничился подтвержденіемъ существующаго закона, воспрещающаго сообщать въ повременныя изданія, безъ надлежащаго разрѣшенія, «свѣдѣнія

которыми «Современныя Извѣстія» пользуются невѣрно. Совершенно справедливо, что наше книгопечатаніе занято больше всего тисненіемъ этикетовъ и прейсъ-курантовъ, такъ-же справедливо и то, что теперь преобладаетъ оперетка, но вопросъ не въ томъ, что они преобладаютъ, а отчего преобладаютъ, и когда это бывало иначе, по крайней мѣрѣ за послѣдніа десять, пятнадцать лѣтъ. Петербургъ, положимъ, испытываетъ «тишину», что не видитъ «Голоса» и «Страны», но вѣдь если-бы остальные петербургскія газеты имѣли полную и живую связь съ источниками, о которыхъ мы говорили, развѣ отсутствіе этихъ двухъ газетъ было-бы замѣтно? Но мы поставимъ вопросъ еще дальше и спросимъ, а если-бы источники были открыты по прежнему, прибавилось-бы отъ этого у общества жизни? И кто такое общество—Петербургъ и его читатели газетъ или деревня? Конечно, нельзя отрицать факта, что въ печати стало тише, но развѣ въ самой жизни общества, такъ сказать на его глубинѣ—стало тише или не тише? Едвали. Когда года два назадъ выступила «народная политика» и съ такимъ ужасающимъ эффектомъ заявился еврейскій вопросъ съ его погромами, ужъ будто-бы жизни было больше. Шуму, пѣни, суети было много и печать, вѣрная своему назначенію, отражала какъ доброе зеркало всю эту пѣну и суету; но какаа-же дѣйствительная жизнь скрывалась за декораціями, какое общественное содержимое заключалось въ томъ, что стояло дальше? Движеніе не есть жизнь, а только суррогатъ жизни. Положительное-же содержаніе жизни было тогда ужъ конечно не богаче нынѣшняго, а можетъ быть даже и бѣднѣе. Мы думаемъ, что шумъ, пѣна и всякіе другіе суррогаты обманывающіе только внѣшней своей жизнью, гораздо вреднѣе для общественнаго сознанія, чѣмъ прямая, хоть подъ часъ и жесткая правда дѣйствительности, какою она есть на самомъ дѣлѣ, а не въ видѣ золоченой пилюли. Во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя создали внѣшнее затишье петербургской печати, нѣтъ ничего новаго, а тѣмъ болѣе не исходящаго изъ общихъ постановленій или общественно-государственныхъ традицій. Законъ остался тѣмъ-же закономъ и перевернѣнъ въ немъ никакихъ не послѣдовало, послѣдовало только болѣе строгое его примѣненіе. Что-же касается дѣйствительной жизни общества, то тишина, въ которой оно пребываетъ, если не выдавать за жизнь того, что было только газетными разговорами, началась не сегодня, не вчера и даже не третьяго дня, а едвали не послѣ 19 февраля 1861 года. Общій выводъ изъ всего этого, и выводъ вовсе не парадоксальный, а единственно правильный, есть тотъ, что по нашему законодательству и по примѣненію его къ постановленіямъ о печати, по-

ложеиіе ея и не можетъ быть другимъ, какимъ оно теперь является. Нынѣшній годъ является по отношеніи къ печати такимъ, повидимому суровымъ не потому, чтобы онъ создалъ что-нибудь новое, а только потому, что въ немъ впервые въ теченіе цѣлаго ряда годовъ явилось строгое примѣненіе закона къ дѣлу и администрація безъ отступленія приложила къ печати власть, предоставленную ей закономъ. Тутъ выразилась не суровость власти, а лишь обозначился практически закономъ, установленный предѣлъ общественной инициативы, на сколько печать служитъ ея выраженіемъ. Люди печати, имѣя къ тому большую возможность, подобно «Современнымъ Извѣстіямъ», разумѣта пользоваться этою возможностью, чтобы заявлять о неудобствахъ и послѣдствіяхъ этого положенія; но вѣдь печать не можетъ-же претендовать на исключительность и требовать для себя уступокъ или льготъ изъ общихъ предѣловъ или рамокъ, устанавливаемыхъ законодательствомъ для всѣхъ остальныхъ отношеній страны и ея общественныхъ наслоеній.

Однимъ словомъ мы хотимъ сказать, что теперешнее положеніе печати есть законодательно-нормальное положеніе; если-же отъ этого положенія возникаютъ неудобства для общественнаго саморазвитія, то необходимы нѣкоторыя перемѣны чтобы нормальнымъ уровнемъ явилась высота ему болѣе соответствующая.

Печать, разумѣтса, не все, но она—очень много, если она выражаетъ собою всю сумму умственной дѣятельности данной страны или народа. Но выражается-ли въ нашей печати вся сумма русской умственной дѣятельности? — «Нѣтъ», отвѣчаютъ на этотъ вопросъ «Современныя Извѣстія». По поводу годовщины Ивана Федорова газ та замѣчаетъ, что въ празднованіи трехсотлѣтія русскаго книгопечатанія заключается столько элементовъ трагизма, что ихъ и не перечесть. «Развѣ не трагично одно то уже, что почитателями памяти первопечатника являются только типографы?» Этимъ подразумѣвается, что русская печать можетъ праздновать свой юбилей, какъ извѣстная отрасль техники, какъ паровой двигатель, гальванопластика, газовое освѣщеніе. Неужель только? Неужели «печать не есть цѣлый новый міръ духовный, не есть духовный капиталъ челоуѣчества, имѣющій такое-же отношеніе къ единоличному духовному труду и просвѣщенію, какой капиталъ экономическій къ единоличному физическому труду? Не есть незамѣнимое посредство и выраженіе всечелоуѣческаго союза, объединеніе его въ духъ, направленіе всѣхъ отдѣльно—личныхъ и частныхъ—стремленій къ единой цѣли?» Для насъ—нѣтъ; печать какъ нѣчто высшее, чѣмъ простая техника, для Россіи еще не наставала, отвѣчаютъ «Современныя Извѣстія». «Есть зачатки,

говорить газета, есть потуги, есть раздробленныя, одинокія явленія; есть подвижники науки и общественной мысли вообще есть отшельники мысли, назовемъ ихъ такъ. Ахъ, господа, еслибъ считать всѣ изслѣдованія, отчасти даже пропавшія для потомства, которыя остались послѣ авторовъ въ рукописяхъ, которыя лежатъ и у здравствующихъ авторовъ въ портфеляхъ; если сосчитать эти труды, и ученые и публицистическіе, ученые по преимуществу, которые наваливаются изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, не находя печатнаго станка; если оглянуться затѣмъ вокругъ и сосчитать весь кругъ читателей, поставляемый печатному слову стомилліоннымъ населеніемъ, да сравнить его съ числомъ читателей, ну хоть трехмилліонной Чехіи, гдѣ ученые общества считаются сотнями, а читатели печатныхъ листовъ десятками и сотнями тысячъ, — то... то юбилей Ивана Федорова освѣщается съ той стороны, съ которой, кажется, мы первые на него посмотрѣли и на насъ, дѣятелей печати, возлагается сугубый долгъ почтить нашего родоначальника, судьба котораго отчасти повторяется на насъ самихъ».

И пожеланіе «Современныхъ Извѣстій» не исполнилось: печать не почтила своимъ присутствіемъ чествованія и это было логично.

II.

Трудно, а пожалуй и совсѣмъ невозможно провѣрить, сколько въ портфеляхъ ученыхъ и публицистовъ накопилось ненапечатанныхъ трудовъ, какъ говорятъ «Современныя Извѣстія», но несомнѣнно, что знаній у насъ ужасно мало, знаній какъ «вообще», такъ и въ частности. Пользуясь почти 200 лѣтъ окномъ, прорубленнымъ въ Европу, мы большую часть времени сидѣли у него пригорюнившись. Нельзя сказать, чтобы мы ровно ничего не дѣлали, мы думали много, очень много и додумались, наконецъ, до очень большой, общей мысли, выработавъ себѣ руководящій идеалъ въ «народничествѣ». Что-же касается до пракческаго знанія той совокупности, которая зовется народомъ или Россіей, то мы о ней знаемъ микроскопически мало. Весьма вѣроятно, даже несомнѣнно, что мы знали-бы больше, если-бы труды изслѣдователей и публицистовъ, по выраженію «Современныхъ Извѣстій», наваливались-бы не въ портфеляхъ, а въ печати. Но какъ этого нѣтъ, то приходится только констатировать факты нашихъ неудачъ, происходящихъ отъ недостатка знанія.

Всѣ мы знаемъ, что Россія страна очень большая, но мы знаемъ это больше памятью, заучивъ такъ въ географіи, чѣмъ живымъ представленіемъ. «Большая» — это значитъ, что Россія состоитъ изъ милліоновъ маленькихъ мѣстностей, отличающихся своими особенностями географическими, экономическими, бытовыми. Когда Ермакъ покорилъ Сибирь — тогдашняя Русь знала очень хорошо что такое Сибирь. Москвѣ было извѣстно, что эта страна большая, что въ ней живутъ дикари, отъ которыхъ можно получать соболей и ясака, и послала въ Сибирь сборщиковъ да стрѣльцовъ, чтобы держать инородцевъ въ повиновеніи. Тоже было и со всей остальной Русью, которую Москва знала такъ-же хорошо. Но черезъ триста лѣтъ послѣ покоренія Сибири и заведенія въ Москвѣ перваго печатнаго станка, послѣ реформъ Петра В. и въ особенности послѣ реформъ Императора Александра II и освобожденія крестьянъ начали обнаруживаться такія дифференціаціи, что едвали найдется на свѣтѣ такой всеобъемлющій умъ, который-бы охватилъ всю эту пропасть отношеній, стремленій, желаній, нуждъ. Золотой вѣкъ московской простоты и однообразія кончился и мы уже вступили въ пору европеизма съ его неисчерпаемыми и разнообразными усложненіями. Вотъ объ этихъ-то усложненіяхъ мы часто не имѣемъ никакого понятія, не смотря на всѣ усилія печати ихъ вслѣдить, установить и опредѣлить.

Больше пятидесяти лѣтъ у насъ существуютъ губернскіе статистическіе комитеты, содержаніе которыхъ отнесено теперь на счетъ земства. Комитеты эти, какъ извѣстно, не заявили себя никакими статистическими изслѣдованіями, которыя проливали хотя-бы даже и не особенно яркій свѣтъ на экономическое состояніе подлежащихъ ихъ изслѣдованію мѣстностей. По крайней мѣрѣ такихъ трудовъ въ печати неизвѣстно. Между тѣмъ, содержаніе статистическихъ комитетовъ обошлось за полстолѣтія по меньшей мѣрѣ въ 5 милліоновъ рублей. Эта цифра хотя и приблизительная, но не фиктивная и не преувеличенная.

Пять милліоновъ рублей — капиталъ такого серьезнаго размѣра, что и работу на него можно-бы произвести размѣра тоже серьезнаго. Но онъ исчезъ почти произвольно. Понятно, что земства, на которыхъ было возложено «Положеніемъ» содержаніе статистическихъ комитетовъ, отнеслись очень несочувственно къ этому расходу, тѣмъ болѣе, что разработка и собираніе статистическихъ свѣдѣній входили въ программу земскихъ занятій. Поэтому съ самаго начала земскія собранія старались освободиться отъ расходовъ на содержаніе статистическихъ комитетовъ или урѣзать его, но ни тогда, ни нынче имъ это не удавалось.

Впрочемъ и земская статистика не отличается выдающеюся организаціей, и является чѣмъ-то случайнымъ, урывчатимъ, не представляя ничего общеземскаго и завися, повидимому, отъ наклонностей и вкусовъ лицъ, стоящихъ въ главѣ губернскихъ управъ. Чувствуется только починъ, а не организація, а общихъ результатовъ никакихъ. Казалось-бы при нашемъ общемъ и земскомъ невѣдѣніи экономическихъ условій быта народа статистическія его изслѣдованія должны-бы производиться съ особенной энергіей, но вотъ фактъ нынѣшняго года—фактъ еще небывалый въ лѣтописяхъ земства, оцѣнку котораго даже и не знаешь, какъ произвести.

Рязанское земство было нѣкогда однимъ изъ передовыхъ земствъ и составило себѣ извѣстность очень солидными статистическими работами. Лѣтъ десять тому назадъ оно изъ первыхъ переоцѣнило всѣ рязанскія земли и собрало вѣрныя данныя для точныхъ раскладокъ, въ то время, какъ другія земства дѣйствовали на «глазомѣрь». Это-же самое передовое земство нѣсколько лѣтъ тому назадъ поручило особой статистической комиссіи изслѣдовать положеніе сельскаго хозяйства. Статистики энергично принялись за дѣло и раскрыли массу фактовъ, выясняющихъ причины непригляднаго состоянія рязанскаго крестьянства, ищущаго спасенія въ переселеніи. Первымъ былъ изслѣдованъ Рязанскій уѣздъ и работа принята земствомъ благосклонно. Затѣмъ статистики занялись Раненбургскимъ и Данковскимъ уѣздами, обратившими на себя вниманіе переселенческимъ движеніемъ. Изслѣдованіе было разсмотрѣно и разрѣшено къ печатанію губернаторомъ, напечатано и затѣмъ представлено земскому собранію. Что-же собраніе? Большинство 24 голосовъ противъ 18 собраніе постановило: «Сборникъ», какъ отличающійся вреднымъ направленіемъ, уничтожить и ни въ какомъ случаѣ не допускать до распространенія въ публикѣ. Отвѣтственность за напечатаніе «Сборника» возложена на предсѣдателя губернской управы, а составители—уволены. Какая-же причина этого невѣроятнаго постановленія? Говорятъ, что помѣщики возмутились «тенденціознымъ» направленіемъ труда, направленнымъ будто-бы противъ помѣщиковъ. Но тенденція у этого труда была только одна: опредѣлить экономическое положеніе населенія уѣздовъ и объяснить причины его бѣдности.

Этотъ фактъ мнѣ не станемъ обобщать даже и по отношенію къ земству рязанскому, но онъ тѣмъ не менѣе все-таки указываетъ на характеръ препятствій, мѣшающихъ распространенію самыхъ необходимыхъ для насъ знаній—знаній о бытѣ народа и о причинахъ нашей бѣдности.

Наша бѣдность есть очень сложное понятіе. Это не одна бѣд-

ность деревни, но и бѣдность города. Тутъ входитъ и упадокъ бумажнаго рубля, и миллионныя платежи процентовъ по долгамъ, и неустройство желѣзныхъ дорогъ, съ ихъ произвольными тарифами, и платежи по гарантіямъ, и крахи банковъ, и высокіе налоги, и покровительственный таможенный тарифъ, и недостатокъ школъ для народнаго образованія, и недостатокъ гимназій и высшихъ заведеній, и малоземеліе, и обездоленность мѣщанъ, и разныхъ видовъ кризисы—торговый, промышленный и предсказываемый земледѣльческій, и хищеніе, и развитіе кулачества и, наконецъ, недостатокъ общественнаго сознанія. Бѣдность есть только общій итогъ всѣхъ этихъ частныхъ слагаемыхъ, итогъ, который достался нашему времени, какъ послѣдствіе крѣпостныхъ порядковъ и послѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ освобожденіе крестьянъ. Разрѣшеніе этого вопроса стало задачей нашего времени и составляетъ предметъ господствующей современной думы. Разрѣшить этотъ вопросъ въ цѣломъ—значитъ разрѣшить его во всѣхъ его частностяхъ. Но обратите, благосклонный читатель ваше вниманіе на то, какъ мало намъ извѣстны всѣ эти частности, кѣмъ и гдѣ они изслѣдованы, на сколько изслѣдованное сгруппировано. Статистическихъ работъ было сдѣлано много, сдѣлано много и всякихъ другихъ изслѣдованій, но одни изъ нихъ раскиданы и не собраны, другія устарѣли, а обо всѣхъ вмѣстѣ можно сказать, что ихъ никто не знаетъ и они не принесли никакой пользы общественному сознанію. Впечатлѣніе того состоянія, которое мы назвали «бѣдностію», осталось лишь въ области чувства и не перешло ни къ какому точному представленію. Мы говоримъ здѣсь только объ обществѣ и его невѣдѣніи. Правительственная администрація знаетъ очень хорошо предметы своего вѣдомства и располагаетъ нужной для него статистикой. Что же касается до общества, то статистика и изслѣдователи, работающіе для него, извѣстны всѣ на перечетъ и необходимо признаться, что своимъ счетомъ они общества не затрудняютъ. Прискорбность этого обстоятельства можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. У общества сороковыхъ годовъ былъ баронъ Гаустгаузенъ, давшій «Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи» и открывшій русскую общину; въ шестидесятыхъ годахъ явилось «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», Флеровскаго, и изслѣдованія Щапова; но къ восьмидесятымъ годамъ не явилось никакого цѣльнаго сочиненія, которое-бы дало хотя-бы приблизительную общую картину быта и положенія Россіи, послѣ освобожденія крестьянъ. Все что обществу предлагается, это немногія журнальныя

статьи и массы газетныхъ корреспонденцій, которыя не оставляютъ да и не могутъ оставить цѣльнаго законченнаго и яснаго представленія. А между тѣмъ картина, которой - бы подвелся итогъ за 25 лѣтъ, уже конечно имѣла-бы большее просвѣщающее значеніе, чѣмъ сотни томовъ переводныхъ романовъ, отвлекающихъ вниманіе общества къ празднымъ пустякамъ. Напомню, встати читателю одно мѣсто изъ предисловія Флеровскаго. Авторъ, выпуская книгу, имѣлъ въ виду: «отвлечь наше общество отъ погони за мелочными цѣлями, которыя ему выставляются, какъ высокія насущныя надобности, разными заинтересованными сторонами, или которыми стараются занять его страсти, придавая имъ видъ прекрасной прогрессивной дѣятельности». Конечно, на эти прекрасныя слова можно возразить, что насильно никого читать не заставишь, но вѣдь еще хуже, если желаешь и ищешь, да не находишь. Мы знаемъ и такихъ читателей. Наконецъ, мы думаемъ, что правъ и Рекламъ, который тоже сказалъ «прекрасныя слова» въ своемъ предисловіи: «доброе надо сказать и сказать, и потомъ опять сказать, пока оно не будетъ услышано».

Жизнь народа вещь очень сложная и сама создающая свои условія, въ этомъ отношеніи она похожа на опару, которая не зависитъ отъ горшка, въ которомъ она лежитъ. «Трескъ и блескъ», употребляя выраженіе Тургенева не есть еще жизнь и подъ внѣшнимъ шумливымъ движеніемъ или подъ кажущимся застоємъ нужно умѣть разглядѣть истинное движеніе жизни. Выраженіе, что народъ живетъ независимо отъ X тома—стало уже банальнымъ выраженіемъ, но это тоже «доброе» слово, которое можно и еще разъ повторить. И наблюдая эту жизнь подъ кажущимся внѣшнимъ затишьемъ 1883 года, нельзя не замѣтить въ ней довольно сильнаго внутренняго движенія, массоваго, стихійнаго стремленія къ иному укладу.

Ни въ одномъ изъ предъидущихъ годовъ не было такого настойчиваго стремленія къ переселенію, какъ въ 1883 году. Въ январѣ явились какіе-то неопредѣленные слухи объ отправкѣ крестьянъ, съ какими-то пособіями, въ Уссурийскій край, затѣмъ была напечатана телеграмма изъ Кіева, что правленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ перевозитъ въ Одессу, со скидкой 85%, 1600 переселенцевъ изъ Черниговской губерніи, направляющихся на Кавказъ. Никакихъ разъясняющихъ подробностей корреспонденты не сообщали. Но затѣмъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ это таинственное движеніе было разъяснено такъ. Когда черниговскимъ крестьянамъ было объявлено, что казенныя сво-

бодныя земли могутъ быть отводимы для переселенцевъ, но для этого требуется удостовѣреніе въ бѣдственномъ положеніи и разрѣшеніе министерства, то въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе поступило прошеній отъ 3,455 семействъ. Многія изъ этихъ семействъ не имѣли никакихъ средствъ даже на дорогу. Эта масса просьбъ поставила въ затрудненіе крестьянское присутствіе, потому что земель, куда-бы можно было направить переселеніе, оказывалось недостаточно, а пособія переселенцамъ отъ казны не полагалось. Что дѣлать? Совершенно случайное обстоятельство выручило крестьянское присутствіе изъ его затруднительнаго положенія. Черниговская администрація была увѣдомлена, что съ 1883 года предполагается отправлять ежегодно въ Амурскій край по 250 семействъ, что казна будетъ выдавать пособіе и беретъ на себя ихъ перевозку. Крестьянамъ объявили это и болѣе половины подавшихъ просьбы, именно 1,873 семейства заявили желаніе отправиться на Амуръ, остальные просили переселить ихъ куда-нибудь въ Европейской Россіи. Новое затрудненіе—требуется только 250 семействъ, а желаютъ почти двѣ тысячи. И вотъ, чтобы выйдти изъ затрудненія, присутствіе принялось за «регуляцію». Кто имѣлъ не менѣе 1½ десятины на душу, тѣмъ отказали; кто хотя имѣлъ и меньше, но по соображеніямъ администраціи не лишенъ возможности нанимать землю въ сосѣдствѣ, тѣмъ тоже отказано. Въ концѣ концовъ регуляція привела къ тому, что 584 семействамъ разрѣшено переселиться въ Самарскую губернію, о 649 семействахъ приняты мѣры къ ближайшему ихъ переселенію и для этого пошло представленіе въ министерство и начались собираться справки, затѣмъ часть остальныхъ предназначена на Амуръ. Но прежде, чѣмъ имъ туда отправиться, начальство предложило имъ послать ходяковъ. Ходяки сходили, вернулись и нѣкоторые изъ нихъ заявили, что на Амурѣ «худо», другіе сказали, что «хорошо». Эти извѣстія произвели новую перетасовку и часть просителей отъ Амура совсѣмъ отказалась, а другіе, въ числѣ 246 семействъ (1,606 душъ), отправились на Амуръ.

Движеніе черниговскихъ крестьянъ сообщило Полтавской губерніи и преимущественно Константиноградскому уѣзду. Правда и до этого полтавцы обнаруживали стремленіе къ передвиженію, но оно выражалось довольно неопредѣленнымъ, нѣсколько мечтательнымъ и смутнымъ тяготѣніемъ то къ Дону, то къ Кубани или въ Ставропольскую губернію и въ восточныя окраины. Но когда разнесся слухъ, что черниговцы выбрали Амуръ и уже отправились, то слово «Амуръ» стало для полтавцевъ лозунгомъ, нѣкто-

рымъ образомъ знаменемъ движенія, и не внимая никакимъ увѣщаніямъ, крестьяне стали сбывать свое имущество и многіе изъ нихъ даже двинулись въ путь. Пятсотъ семействъ запаслись нужными документами и весной рѣшились двинуться въ путь, но, не желая идти наобумъ, начали собирать объ Амурѣ справки. Полетѣли телеграммы на Амуръ и съ Амуре и если цифры, сообщаемыя корреспондентами вѣрны, то мѣстнымъ телеграфнымъ станціямъ эти справки доставили 4 т. рублей! Тутъ видно и напряженность движенія и въ то-же время его неустрашимость. Черниговское переселенческое движеніе имѣло совсѣмъ иной характеръ. И тамъ есть предварительный смутный моментъ, но значеніе его исчезаетъ передъ точной формулировкой движенія, вызванной разрѣшеніемъ подавать просьбы. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, а напротивъ крестьянъ отговариваютъ всѣми возможными способами не подвергать себя риску передвиженія. Но мысль о движеніи на столько уже назрѣла и наболѣла въ прежней смутной формѣ, выражавшейся неопредѣленными Дономъ и Кубанью, что требовался только послѣдній толчокъ, чтобы стремленіе стало дѣломъ.

Вѣсть объ «Амурѣ» облетѣла многія губерніи и вездѣ произвела одинаковое впечатлѣніе. Какъ писали корреспонденты, крестьяне Гомельскаго и Рогачевскаго уѣздовъ, Могилевской губерніи, слышавъ объ Амурѣ, стали являться въ полицейскія и волостныя правленія, чтобы узнать, какимъ это способомъ можно устроить переселеніе. Крестьяне одного селенія Виленской губерніи подали одесскому генералъ-губернатору прошеніе о предоставленіи имъ такихъ-же льготъ, какъ и черниговскимъ крестьянамъ. Подобное-же стремленіе на Амуръ проявилось въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, и въ Ефремовскомъ—Тульской. «Недѣля» сообщаетъ цѣлый рядъ фактовъ переселенческаго движенія, изъ которыхъ мы возьмемъ только слѣдующіе. 1-го мая транспортъ переселенцевъ прошелъ черезъ Николаевъ. Переселенцы направлялись въ Кубанскую область и объясняли причины эмиграціи возвышеніемъ въ Херсонской губерніи арендной платы за землю. Изъ Курска писали, что выселеніе крестьянъ изъ этой губерніи «замѣчается большее, чѣмъ когда-либо». Движеніе шло преимущественно изъ Фатежскаго уѣзда и направлялось въ Ставропольскую губернію. Вместе съ фатежскими, проходили черезъ Курскъ кромскіе и старооскольскіе крестьяне, Орловской губерніи, и когда имъ говорили о предстоящихъ впереди трудностяхъ, крестьяне отвѣчали: «плоше здѣшняго не буде; захочешь драться—висковъ не жалѣй». На Кубань-же шло движеніе изъ Ромень. Рядомъ съ южнымъ направленіемъ переселеній, шло съ немень-

шей силой движеніе на Востокъ, въ которомъ очень замѣтной величиной явились полтавцы. Цѣлью движенія была Сибирь и чаще другихъ—Томская губернія. Моршанскій корреспондентъ писалъ, что такого усиленнаго движенія переселенцевъ черезъ Моршанскъ этотъ городъ еще никогда не видывалъ. Шли больше рязанскіе и тамбовскіе крестьяне. Каждый день проходило по нѣскольکو партій. Одни ѣхали по желѣзной дорогѣ, другіе шли пѣшкомъ. На пути изъ Моршанска въ Пензу корреспондентъ встрѣтилъ три поѣзда переселенцевъ, вагоновъ по тридцати каждый. Переселенческое движеніе обнаружилось и по Волгѣ. 11-го мая большой пароходъ американскаго типа, направляющійся въ Пермь, былъ до того переполненъ переселенцами, что выдача билетовъ 3-го класса была прекращена. Оставшіеся безъ мѣстъ расположились со всѣмъ своимъ скарбомъ на берегу, въ ожиданіи слѣдующаго парохода. Это были переселенцы изъ Тамбовской губерніи въ Томскую.

Курскій корреспондентъ «Новостей», описывая переселенческое движеніе крестьянъ Фатежскаго уѣзда, на землю, купленную въ Ставропольской губерніи, рисуеть интересную и подробную картину движенія и его послѣдствій. «Когда вѣсти о «новыхъ мѣстахъ» облетѣли Фатежскій уѣздъ, до 130 семей изъ волостей: Большежировской, Миленинской, Хмѣлевской и Дмитровской заявили желаніе идти на купленную землю и въ какую-нибудь недѣлю всѣ 2,977 дес. были разобраны: повупали отъ 5 до 50 дес., давая задатку по 15 р. за дес. «Если-бы было вдвое столько-же, —и то-бы разобрали!» говорили осадчіе. Нужно прибавить, что цѣна за десятину земли оставалась тайной осадчихъ; нѣкоторые утверждали, что земля куплена ими на самомъ дѣлѣ по 19 р., а 8 р., прибавленныхъ ими, составляютъ премію за предпримчивость и вознагражденіе за расходы на поѣздки, предпринимавшіяся ими на свой рискъ и счетъ.

«Съ началомъ апрѣля начались лихорадочные сборы въ дальній путь-дорогу. Четвертники, большинство изъ переселяющихся, быстро продавали свои земли; «душевные» крестьяне, бывшіе помѣщичьи, сдавали души на 9—12 лѣтъ, получая сразу плату; было два случая раздѣла общинной земли на подворные участки (двѣ небольшія общины государственныхъ крестьянъ, перешедшихъ въ казну отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ), чтобы дать возможность желавшимъ уйти домохозяевамъ продать свои участки и, такимъ образомъ, реализовать нужный для переселенія капиталъ. Однимъ крестьянамъ-собственникамъ оставалось горько

сѣтовать на выкупные платежи, прикрѣпляющіе ихъ къ мѣсту и не дающіе имъ надежды на улучшение своего положенія.

Отъ переселенцевъ требовался взносъ податей и повинностей за годъ впередъ; отъ «осадчихъ» — «осадчими» зовутъ ходоконъ, отыскивающихъ «новыя мѣста» — не только предъявленіе продажной записи, но и удостовѣренія, что ко вводу крестьянъ во владѣніе имѣніемъ нѣтъ препятствій; все это предусмотрительно было заготовлено ими; законъ о необходимости пріемнаго приговора отъ того общества, къ которому идутъ переселенцы (хотя въ данномъ случаѣ образуется совершенно новый поселокъ), обходился тѣмъ, что всѣ переселенцы пошли по годовымъ паспортамъ, какъ будто на заработки. Мѣстной администраціи не было поводовъ мѣшать крестьянскому движенію и крестьяне, дѣйствительно, не встрѣчали никакихъ затрудненій. Остается прибавить, что стремленіе переселяться охватило крестьянъ разной степени зажиточности; былъ случай продажи двумя братьями 40 дес. четвертной земли, новой постройки и пр. Иногда здѣсь играла роль привязанность къ уходившему—брату, сыну, иногда желаніе большаго сельско-хозяйственнаго простора. Шли безлошадные домохозяева (около 14 проц. ушедшихъ на купленную землю), потерявшіе здѣсь надежду «подняться» и дѣлавшіе послѣдній рѣшительный шагъ въ видѣ продажи своихъ четвертныхъ участковъ или сдачи въ долгосрочную аренду «душъ». Тѣ, у кого не было семьи, приставали работниками къ семейнымъ за прокормъ во время пути; ушло нѣсколько семействъ бывшихъ дворовыхъ, лишенныхъ возможности пріобрѣсти землю на мѣстѣ. Наконецъ, порадочное число семей, не купивъ земли, вслѣдствіе бѣдности, пошли «на волю Божию», «куда Богъ укажетъ», присоединившись къ переселенцамъ на Куму-рѣку. Безлошадныя составляли половину такихъ семей. «Ну, Кума—свела съ ума!» говорили остающіеся, скупившіе землю ушедшихъ, но сами втайнѣ готовы были послѣдовать ихъ примѣру, если онъ будетъ удаченъ. Шли, по общему отзыву, самыя хорошіе хозяева; большинство семей, не рассчитывая попасть на лошадахъ къ уборкѣ травъ, послало часть молодежи на машинѣ. Почти всѣ шли на лошадахъ, направляясь, по показаніямъ самихъ переселенцевъ,—на Обоянь, Бѣлгородъ, Изюмъ, Славянскъ, Бахмутъ, Аксай (около Ростова) на Песчаную Станицу, Лежанку и другія мѣста Ставропольской губерніи.

И уходили вовсе не крайніе бѣдняки—и этотъ фактъ необходимо отмѣтить. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ г. Мурашкинцевъ:

«Всего ушло въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ изъ Большежировской и Миленинской волостей 130 семей съ 1,010 душами обоого пола,

—цифра довольно значительная для двухъ волостей, показывающая, кромѣ того, что идутъ преимущественно многосемейные. Это и понятно само собой: у нихъ интенсивнѣе желаніе простора, сильнѣе страхъ за будущее дѣтей и больше работниковъ въ семьѣ. Изъ 108 семей, ушедшихъ на купленную землю, 23 ушло на одной лошади, 45 — на парѣ, 16 — на 3, 13 — на 4 и болѣе, 11 ушло «на машинѣ». Изъ 22-хъ семей, ушедшихъ «на волю Божию», большинство ушло на одной лошади — именно 13, 5 — на 2 лошадахъ, на 3-хъ одинъ домохозяинъ и ни одного на 4 лошадахъ; 3 семьи поѣхали «на машинѣ». Соединяя вмѣстѣ обѣ категоріи крестьянъ, получится 50 ушедшихъ на 2-хъ лошадахъ, 36 — на 1-й, 17 — на 3 и 13 — на 4-хъ и болѣе; отсюда можно сдѣлать выводъ, что, главнымъ образомъ, переселялись домохозяева средней зажиточности, и почти поровну: вполне зажиточные (считая за такихъ идущихъ на 3—4 лошадахъ), и ниже средней зажиточности, именно первыхъ — 30, вторыхъ — 36. Чтобы окончательно отвѣтить на вопросъ о зажиточности вышеившихся, г. Мурашкинцевъ приводитъ данныя о количествахъ взятыхъ ими съ собой денегъ; приблизительную сумму послѣднихъ прекрасно знаютъ ихъ родственники, отъ которыхъ она и получена путемъ опроса. Большинство унесло отъ 50 до 100 р. и отъ 100 до 200 р. (по 20 семей съ небольшимъ); затѣмъ, поровну отъ 10 р. до 50 р. и отъ 200 до 300 р. (по 16 семей); отъ 300 до 500 руб. (15 семей), отъ 500 до 800 руб. (10 семей), свыше 1,000 р. (всего 2 семьи). Переселенецъ, которому остается на дорогу за всѣми расходами и за уплатой задатка «осадчимъ» отъ 50 до 200 р., — средній домохозяинъ; изъ цифръ видно, что, именно, такіе хозяева составляли главный контингентъ вышедшихся.

Большинство переселенцевъ — четвертники, около 66 $\frac{1}{2}$ % ушедшихъ на купленную землю; собственниковъ только около 10%. Изъ идущихъ «на волю Божию» также большинство четвертныхъ крестьянъ. За ними слѣдуютъ собственники на дарственномъ надѣлѣ и затѣмъ уже собственники на выкупѣ.

Какія-же послѣдствія обнаружилъ это переселеніе на тотъ районъ, который освободился отъ своихъ лишнихъ людей. Ушедшіе оставили до 680 дес. земли, перешедшей путемъ покупки или аренды почти исключительно въ руки оставшихся крестьянъ. Полагая 80 дес. на усадебную землю, сѣновосы, лѣсъ и проч. угоды, рѣдко подлежащія сдачѣ въ частно-владѣльческихъ экономіяхъ, мы получимъ 600 дес. пахати при трехъ-польномъ сѣвооборотѣ. Слѣдовательно, выбрасывая третью часть на паровое поле, имѣемъ 400 дес. озимаго и ярового, поступившихъ крестьянамъ

и избавившихъ ихъ отъ необходимости арендовать такое-же количество земли у помѣщиковъ. Кромѣ того, освободилась земля экономій, нанимавшаяся раньше переселенцами; количество ея нужно считать тоже въ 400, если не болѣе, десятинъ. Итакъ, дес. 800 должны были остаться на этотъ разъ нерозданными крестьянамъ. Происходившая весной сдача яровыхъ вполне подтвердила это соображеніе: во многихъ экономіяхъ яровой клинъ остался неразобраннѣмъ.

Затѣмъ, спѣшность продажи и обиліе предложеній за короткое время вызвали паденіе покупныхъ цѣнъ на землю (только четвертную, впрочемъ); земля четвертнаго права (приобрѣтаемая, какъ извѣстно, съ оброчной податью), достигавшая уже 75—100 р. за дес., внезапно пала на 50—60 р. за дес. Таково было вліяніе ухода 1,010 душъ на оставшееся населеніе двухъ волостей.»

Свѣдѣнія г. Мурашкинцева могли-бы вызвать не совсѣмъ точное представленіе о «зажиточности» переселенцевъ, если-бы не наполнялись другими извѣстіями. Такъ о черниговскихъ переселенцахъ на Амуръ корреспондентъ «Южнаго Края» говоритъ, что систематическое раззореніе переселенцевъ несравнимо ни съ какими несчастіями. Полевые надѣлы сдають остающимся однообщественникамъ большею частью даромъ; за усадьбы съ избами и другими постройками, смотря по обстоятельствамъ, просятъ отъ 5 до 50 р., но и того большею частію никто не даетъ; десятину посѣяннаго хлѣба отдають отъ 3 до 6 р., нѣкоторые-же оставляли свои «рыльа» не засѣянными; домашній скарбъ сбывался переселенцами на рынкахъ за 10% покупной его цѣны. Изъ 74 семействъ наталянскаго прихода, отправившихся на Амуръ, $\frac{1}{5}$ ушла съ капиталомъ во 100 р., $\frac{2}{5}$ съ капиталомъ отъ 25 до 50 р., остальные $\frac{2}{5}$ —отъ нѣсколькихъ копѣекъ до 10 р. А каждый крестьянинъ-переселенецъ уменьшилъ свое состояніе на сумму отъ 150 до 1.000 р.

Конечно, иначе и быть не можетъ. Вообще переселеніе дѣло очень раззорительное, даже при условіяхъ благоприятныхъ; при неудачахъ-же—оно превращается въ чистую гибель. Это и случилось съ нѣкоторыми партіями переселенцевъ. Одна изъ нихъ, напримѣръ, застряла въ Тулѣ; партію оставляли около полуторы тысячи душъ, отправлявшихся изъ Полтавской губерніи на Амуръ. Дойдя до Тулы, переселенцы истратили все, что у нихъ было, и дальше оказалось идти не на что. «Теперь у насъ ничего не осталось,—что хотите, то и дѣлайте съ нами». Въ положеніи бѣдняковъ приняла участіе мѣстная власть и общество, собрали деньги, снарядили поѣздъ желѣзной дороги и человекъ восемьсотъ отпра-

вили дальше на Востокъ. И подобныхъ случаевъ было не одинъ и не два. Даже наиболѣе счастливые неизбѣжно проходили цѣлый рядъ мытарствъ и всякихъ матеріальныхъ бѣдствій. Вотъ одна изъ Полтавскихъ партій, стремящихся на Амуръ, добирается, наконецъ, до Томска. Набѣдовавшись и переболѣвъ дорогой, она обращается за помощью къ губернатору. Повторилась подобная-же исторія, какъ и въ Тулѣ. Губернаторъ послалъ въ партію врачей, распорядился отыскать пріютъ для переселенцевъ, затѣмъ по его же распоряженію было устроено въ пользу переселенцевъ народное гулянье, давшее нѣсколько сотъ рублей, отъ городского головы поступила тыщя рублей, отъ генераль-губернатора Восточной Сибири были переведены три тысячи рублей, наконецъ, отъ министра внутреннихъ дѣлъ ассигнованы пять тысячъ рублей. Тобольскій губернаторъ образовалъ въ Тюмени временный комитетъ для пособія переселенцамъ. Но всѣ эти пособія, будь они даже вдвое больше, не устраняютъ бѣдствій такого массоваго передвиженія. И, не смотря на бѣдствія, которыя каждый переселенецъ ожидаетъ впереди, движеніе, —нерѣдко направлявшееся на авось и поддерживаемое мечтою о лежащей гдѣ-то обѣтованной землѣ и извѣстіями отъ раннихъ переселенцовъ—родичей, что имъ живется «оченно хорошо»—въ весенній и лѣтній мѣсяць 1883 г. развивалось съ замѣчательной силой. Къ концу лѣта газетныя корреспонденціи о переселенцахъ прекратились.

Другое явленіе, которое нельзя не отмѣтить—продажа крестьянами своихъ земель въ частныя руки. Это явленіе нельзя назвать общимъ, но оно общее въ томъ смыслѣ, что во многихъ, особенно пригородныхъ мѣстностяхъ, крестьяне начинаютъ тяготиться земледѣліемъ и готовы искать дѣло внѣ сельскаго хозяйства. Въ Петербургской губерніи есть мѣстности, гдѣ крестьяне занимаютъ земледѣліемъ потому что имъ занимались ихъ отцы, и что какъ будто стыдно крестьянину забросить свою полосу. Въ Ярославской губерніи крестьяне подгородныхъ деревень стали продавать свои участки торговцамъ—для разведенія огородовъ. Крестьянъ плѣнила высокая цѣна, которую имъ предлагали—200 руб. за десятину. Въ подгородной деревни Осташевѣ, расположенной по линіи желѣзной дороги, крестьяне распродали значительную часть принадлежащихъ имъ земель подъ огороды и для постройки домовъ, а на вырученныя деньги построили дачи и отдають ихъ въ наемъ на лѣто. Сельское хозяйство, за немногими исключеніями, крестьяне побросали и стали заниматься разными промыслами и уходять для работъ въ города. Примѣры эти оказались на столько заманчивыми, что крестьяне и другихъ деревень стали соблазняться вы-

годными дѣлами, предлагаемыми имъ коммерсантами, и начали продавать свои земли подъ дачи. Результатъ очевидный: «хорошія» деньги скоро у мужиковъ уйдуть, а уменьшеніе надѣловъ приведетъ къ полному упадку земледѣлія, и затѣмъ къ переселенію.

Что крестьянское земледѣліе дрогнуло, это фактъ несомнѣнный, всеобщій и пожалуй даже давно извѣстный. Нива начинаетъ кормить мужика все плоше и плоше, и является масса людей изъ крестьянскаго сословія, которые разъ, по какимъ либо причинамъ оставивъ земледѣліе, къ нему затѣмъ уже болѣе не возвращаются. Въ примѣръ этого можно привести крестьянъ отбывающихъ воинскую повинность. Они уже не дѣлаются земледѣльцами, а ищутъ себѣ другихъ дѣлъ и преимущественно въ городахъ. Какая масса отставныхъ солдатъ занимаетъ хотя-бы только въ Петербургѣ мѣста швейцаровъ и дворниковъ. Послѣ сравнительно легкой военной службы и при возможности имѣть дѣло другое, земледѣліе кажется солдату слишкомъ труднымъ, а жизнь въ деревнѣ скучной. Наконецъ, солдатъ считаетъ себя развитѣе мужика—что и въ дѣйствительности такъ—а земледѣліе кажется ему ниже его способностей, менѣе почтеннымъ и дѣломъ менѣе «образованнымъ».

И въ семейномъ быту крестьянъ замѣчается стремленіе къ новому укладу. Царство стараго обычая въ крестьянствѣ падаетъ и его значеніе подрывается развитіемъ чувства и сознанія личности. Началась какая-то переформировка обычая и мы, въ настоящее время, присутствуемъ при началѣ этого процесса, не имѣя никакой возможности предвидѣть, какіе народъ выработаетъ новыя отношенія и новые обычаи. Одно можно сказать навѣрное, что новое, что онъ выработаетъ, будетъ лучше стараго, которое онъ сталъ измѣнять, конечно, только потому, что нашелъ его неудовлетворительнымъ. Вотъ, напримѣръ, фактъ: по жалобѣ бабы на своего мужа, волостной судъ постановилъ, чтобы мужъ извинился передъ женой. Это рѣшеніе суда произвело между мужиками цѣлую бурю. «Гдѣ и когда слыхано, чтобы мужикъ просилъ прощеніе у бабы», говорили мужики. Однако, виноватаго все-таки заставили просить прощеніе. Чувство самостоятельности усилилось не только среди прекраснаго поля деревень, но и начало сказываться съ небывалой еще силой среди «дѣтей». Антагонизмъ между отцами и дѣтьми становится въ деревнѣ все рѣзче и сильнѣе и отношеніе большаковъ къ остальнымъ членамъ начинаетъ утрачивать свой прежній безапелляціонный характеръ. Впрочемъ, семейные раздѣлы, особенно усилившіеся въ первые годы послѣ освобожденія, когда царила еще прежняя крупная семья, искусственно поддерживавшаяся помѣщиками, теперь уже значительно уменьшились.

Изъ разныхъ мелочныхъ фактовъ и наблюденій надъ деревней очевидно, что въ ней свершается теперь большая внутренняя работа, но ни художника, который-бы нарисовалъ картину теперешней ферментирующей деревни, ни бытописателя, который-бы изложилъ подробности и частности этой работы, пока не нашлось, и потому Россія еще никогда не была такъ мало извѣстна русскимъ, какъ нынче.

III.

Что касается «общества», то интересъ его къ общественнымъ дѣламъ, насколько это касается земства, значительно охладѣлъ. И мало того, что охладѣлъ, но 1883 годъ былъ свидѣтелемъ въ земствѣ еще небывалыхъ фактовъ. Мы уже не говоримъ о рязанской «исторіи» съ статистическимъ сборникомъ, хотя и этотъ фактъ весьма любопытенъ въ «психологическомъ» отношеніи. Во всей книгѣ было только одно злополучное выраженіе—что «помѣщики проиграли въ карты надѣлы, недодавшие крестьянамъ»—выраженіе, конечно, неосторожное и можетъ быть даже неудущее къ дѣлу въ такой формѣ. Казалось-бы проще всего перепечатать злополучную страницу, что и можно было порѣшить совершенно спокойно. Но нѣтъ, цѣлымъ собраніемъ овладѣваетъ нервность, простое становится сложнымъ, возбуждаются страсти, несчастная статистика обрекается на сожженіе, предсѣдателя губернской управы объявляется «недовѣріе» и онъ оставляетъ предсѣдательство, составители увольняются. И для чего такъ много шуму и совершенно бесполезной страстности? Къ чему этотъ простой цензурный вопросъ раздувается въ вопросъ сословный, сводится къ оскорбленію дворянства? Вообще земство въ 1883 году не стояло на высотѣ своей задачи и отличилось очень громкими скандалами.

Въ Курскѣ «исторію» сдѣлалъ уѣздный предводитель дворянства, онъ-же предсѣдатель сѣзда, разстроившій выборы уполномоченныхъ для избранія земскихъ гласныхъ. Мы уже говорили объ этой исторіи подробно. Даже вмѣшательство губернатора не привело ни къ чему и мелкіе землевладѣльцы такъ и разбѣхались ни съ чѣмъ. За уѣздной курской исторіей разыгралась исторія суджанская (тоже Курской губ.). Сѣздъ былъ закрытъ предводителемъ, вслѣдствіе возникшихъ въ средѣ собранія «безпорядковъ». «Еженедѣльникъ» суджанскаго земства говоритъ, что произошла такая масса правонарушеній было возбуждено столько страстей, что разбирать все происходившее на сѣздѣ—значитъ поливать

масла въ огонь. Обращался къ лѣтописямъ уѣзда, «Еженедѣльникъ» подѣ 1871 годомъ находить сказаніе о подобномъ-же скандалѣ, которымъ «воспользовались для того, чтобы устранить отъ участія въ земскихъ дѣлахъ всѣхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 200 десятинъ и всѣхъ церковнослужителей». Газета думаетъ, что и теперь многимъ этого хочется. Такъ подробности скандала и остались неизвѣстными.

Въ Кременчугѣ, Полтавской губерніи, боролись двѣ партіи. Во главѣ одной стоялъ г. Булюбашъ, во главѣ другой — предсѣдатель земской управы г. Дыздаревъ. Борьба была направлена противъ г. Дыздарева, который хотя и крупный землевладѣлецъ, но не пользуется расположеніемъ дворянской партіи, а поддерживается горожанами и казаками. Корреспондентъ, огласившій эту «исторію», говоритъ, что выяснить ее считаетъ неудобнымъ и потому ограничивается передачею слуха, что все произошло будто бы изъ-за-какого не принятаго приглашенія на обѣдъ. Интересно, что мотивы всѣхъ подобныхъ исторій корреспонденты находятъ неудобнымъ объяснять. Должно быть хороши мотивы.

Въ Херсонской губерніи, около того же времени, случилась тоже выборная «исторія», по поводу выбора въ гласные предсѣдателя губернской управы, г. Бѣлоусовича. Объ этой исторіи мы говорили подробно въ одной изъ лѣтнихъ хроникъ. Эта борьба была замѣчательна по тонкой тактикѣ предсѣдателя собранія, которому его военные маневры вполнѣ удались и г. Бѣлоусовичъ оказался избраннымъ. Въ Новомосковскѣ, Еваторинославской губерніи, давнѣе, какъ говорить «Недѣля», изъ которой мы беремъ эти факты, прославившемся земскими ландлордами, произошелъ скандалъ по поводу выборовъ въ мировые судьи. Въ числѣ кандидатовъ былъ заявленъ г. Бѣлецкій, о которомъ нѣсколько гласныхъ заявили, что онъ состоитъ подѣ слѣдствіемъ. Причина законная, чтобы не баллотировать, но должно быть не настолькоъ сильная, чтобы урезонить новомосковцевъ. И вѣтъ выступаютъ партіи: одна противъ баллотировки, другая за нее. Начинается шумъ, крикъ, который, по словамъ мѣстнаго «Листка», доходитъ до неистовства: лица раскраснѣлись, появились «сжатые кулаки», звонокъ предсѣдателя оказался бессильнымъ и партія выборщиковъ, прекричавъ противниковъ, поставила г. Бѣлецкаго на баллотировку. «Исторія» по поводу г. Бѣлецкаго была кажется послѣдней исторіей. Затѣмъ съ окончаніемъ сезона выборовъ земства утихаютъ и до сихъ поръ о земской дѣятельности въ газетахъ ничего не попадалось. Можно совершенно утвердительно сказать, что въ 1883 году въ земствѣ воцарилось затишье

окончательно. Ходятъ даже слухи, что наиболѣе энергическіе, знающіе, настоящіе «земскіе» люди отъ участія въ земскихъ дѣлахъ уклоняются и завѣдываніе ими переходятъ въ руки людей втораго и третьяго сорта, съ сословными предразсудками и съ наклонностями къ «обдѣлыванію» дѣлъ.

Кромѣ земства, у насъ есть еще «общество», не принадлежащее ни къ земству, ни къ городу, ни къ деревни и въ то-же время составляющее собирательное «все». Это та Россія отцовъ и матерей и ихъ дочерей и сыновей, которую составляютъ и чиновники, и купцы, и земцы, и мѣщане, и крестьяне, образующіе общественное мнѣніе, и ту Россію, которая наполняетъ своими дѣтьми школы, гимназіи, университеты, высшія спеціальныя заведенія, формируя ими подростаящія и растушія поколѣнія, готовящіяся на смѣну поколѣній дѣйствующихъ. Ни въ одинъ годъ еще стремленіе къ образованію и наплывъ въ учебныя заведенія, не былъ такъ силенъ, какъ въ нынѣшнемъ, 1883 году. Число заведеній и имѣющихся въ нихъ вакансій рѣшительно не соотвѣтствовали числу желающихъ. Этому вопросу нами была уже посвящена отдѣльная хроника, гдѣ мы пытались объяснить, что въ вѣствующемъ стихійномъ или бессознательномъ стремленіи къ образованію кроется безошибочный показатель того, въ чемъ нуждается общество и что, слѣдовательно, нужно для Россіи не только въ умственномъ, но и въ экономическомъ отношеніи.

Можно сказать безъ всякой натяжки, что общество тратитъ почти всѣ свои силы и средства на воспитаніе и что воспитаніе дѣтей есть главная общественная и семейная функція. Понятно поэтому, насколько лихорадочно относится общество ко всему, что облегчаетъ или затрудняетъ образованіе, въ которомъ отцы и матери видятъ всѣ свои упованія и надежды на будущее своихъ дѣтей. На столько-же понятна и та энергія, которую обнаруживаетъ молодежь въ своемъ стремленіи къ образованію. Что это стремленіе не есть частное, дворянское, привилегированное, а стремленіе всеобщее, можно привести множество фактовъ. Ремесленныя собранія Петербурга и Москвы въ числѣ своихъ очередныхъ дѣлъ разсматриваютъ вовсе не въ видѣ исключенія просьбы объ увольненіи молодыхъ людей изъ сословія цеховыхъ для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. Студенты изъ крестьянъ тоже нерѣдкая вещь. Тоже можно сказать и о стремленіи деревни къ образованію, гдѣ грамотность распространяется все больше и больше и помимо земскихъ школъ есть школы частныя, подвижныя, устраиваемыя крестьянами.

Но этому стремленію къ образованію далеко не соотвѣтствуютъ

средства, которыми располагаютъ для этого правительство и земство. И вотъ параллельно съ правительственными учебными заведеніями начали понемногу вознитать частныя школы и гимназіи и даже образовались высшія учебныя заведенія: женскіе медицинскіе курсы въ Петербургѣ и высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ. Въ Кіевѣ, и другихъ юго-западныхъ городахъ, наконецъ, возникла мысль устроить гимназіи на паяхъ.

Размѣръ общественной энергіи въ ея воспитательномъ стремленіи выразился полнѣе всего въ организаци и управленіи высшими женскими курсами. Къ сожалѣнію, какъ говоритъ отчетъ учебнаго 1881—82 года по бестужевскимъ курсамъ, слушательницамъ, окончившимъ успѣшно курсъ, не смотря на ежегодныя ходатайства, до сихъ поръ не разрѣшено право преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій.

Этимъ, словами «Отчета» выражается именно та сторона скорбной лѣтописи высшаго женскаго образованія, которая возбуждаетъ еще большее сочувствіе и уваженіе къ стихійно-упорной энергіи нашей женщины въ ея стремленіи къ знаніямъ. Но ходатайства, не увѣнчавшіяся успѣхомъ, какъ выражается отчетъ, представляютъ еще и практическую аномалію. У насъ право преподаванія дается только нѣкоторыми заведеніями. Былъ случай, возбудившій въ свое время много разговоровъ, что профессоръ Рачинскій, пожелавшій занять мѣсто народнаго учителя, не былъ допущенъ до этого, пока не сдалъ экзамена на званіе народнаго учителя. Подобный, же фактъ повторился въ Кіевѣ съ курсисткой высшихъ женскихъ курсовъ, пожелавшей занять мѣсто учительницы. По справкамъ оказалось, что она поступила на курсы съ аттестатомъ изъ такой гимназіи, которая не даетъ правъ учительницы (такія гимназіи у насъ существуютъ). Нечего дѣлать, пришлось кандидаткѣ послѣ окончанія, можно сказать, университетскаго курса, надѣть форменное гимназическое платье и поступить въ 8-й педагогическій классъ гимназіи; пробывъ тамъ годъ, она, кандидатка, тоже блистательно выдержала гимназическій экзаменъ, дающій ей право на званіе домашней учительницы. Рождается вопросъ, спрашиваетъ газета, изъ которой мы беремъ этотъ фактъ, на какомъ основаніи наши женскіе курсы называются высшими, когда послѣ окончанія ихъ приходится поступать въ гимназію для полученія права учительства? «(Заря)».

Конечно, эти постановленія не остановятъ стремленій женщинъ къ тѣмъ воспитательнымъ правамъ и дѣламъ, которыя совершенно стихійно манятъ ихъ къ себѣ, но тѣмъ не менѣе они, вмѣстѣ съ другими затрудненіями, вводятъ въ высшее женское образованіе

много мѣшающихъ осложненій. Такъ, на примѣръ, по новымъ правиламъ для бестужевскихъ курсовъ, утвержденныхъ г. попечителемъ округа, условія поступленія не только сравнены съ тѣми-же для студентовъ, но и строже ихъ. Кромѣ аттестата объ окончаніи полнаго курса женской гимназіи и представленія удостовѣренія мѣстной полиціи о политической благонадежности поступающей, для будущихъ слушательницъ установлено еще то, что право на поступленіе на курсы ограничивается только годомъ со времени полученія гимназическаго или соотвѣтствующаго ему аттестата; по прошествіи-же года, лица, представляющія аттестаты, уже теряютъ это право. Такимъ образомъ,—если болѣзнь или какія-нибудь домашнія обстоятельства помѣшали поступить на курсы въ срокъ съ 15 августа по 1 октября того года, весною котораго былъ полученъ гимназическій аттестатъ, то право поступленія навсегда утрачивается. Правда, можно быть вольнослушательницею, но это дозволяется лишь подъ отвѣтственностью попечителя, какъ исключеніе, и лишь для лицъ, постоянно живущихъ въ столицѣ, или занимавшихся педагогическимъ, официально засвидѣтельствованнымъ и одобреннымъ трудомъ. («Р. В.»).

Не знаемъ повліяютъ-ли эти правила на уменьшеніе числа поступающихъ на курсы, но вѣрно только то, что если мужчинамъ приходится побѣждать большія трудности, то для женщинъ этихъ трудностей больше, и энергія и мужество курсистокъ по истинѣ изумительны.

Положеніе женскихъ медицинскихъ курсовъ, выяснившееся въ 1883 году, читателю извѣстно уже изъ газетъ. Но вотъ что онъ еще не читалъ въ газетахъ. Читатель можетъ быть думать, что женскіе медицинскіе курсы нѣчто въ родѣ медицинской академіи и представляютъ собою колонію красивыхъ зданій, приспособленныхъ къ медицинскому образованію. Такой колоніей красивыхъ и приспособленныхъ зданій является дѣйствительно военно-медицинская академія, но не женскіе медицинскіе курсы. Для нихъ отведено нѣсколько комнатъ въ верхнемъ этажѣ Николаевского госпиталя, служащихъ аудиторіями, и только. Что-же касается до учебной обстановки курсовъ и средствъ для медицинскаго образованія, то о нихъ читатель можетъ судить изъ слѣдующаго. Вновь проектируемыя женскіе медицинскіе курсы должны давать ученыхъ акушеровъ, женщинъ-врачей для женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Между тѣмъ, клиникъ акушерскихъ и женскихъ болѣзней у курсовъ до сихъ поръ нѣтъ, да и надежды у курсистокъ нѣтъ, чтобы эти клиники открылись. Нѣтъ для слушательницъ 4-го курса и клиники дѣтскихъ болѣзней, которая

была до сихъ поръ при Николаевскомъ госпиталѣ, и упразднена съ введеніемъ новыхъ порядковъ. Глазная клиника открылась только недавно, амбулаторныхъ пріемовъ нѣтъ, а матеріаль, который могутъ дать солдаты, поступающіе въ Николаевскій госпиталь, крайне недостаточенъ и однообразенъ. Клиника внутреннихъ болѣзней, для 5-го курса, находится въ Обуховской больницѣ, которая отъ Николаевского госпиталя, гдѣ аудиторіи и около котораго группируется населеніе курсистокъ, отстоятъ должно быть версты на восемь. Это неудобство курсистки еще кое-какъ одолеваютъ; но совершенно внѣ ихъ власти и доброй воли создать изъ Обуховской больницы дѣйствительную клинику. Больница эта въ сущности есть богадѣльня, въ которую поступаютъ больные большею частію хроническіе, съ тѣмъ, чтобы и покончить въ больницѣ свое земное странствованіе. Клиника нервныхъ болѣзней тоже въ Обуховской больницѣ. Клиника дѣтскихъ болѣзней для 5-го курса въ дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго. Сифидология и навозныя болѣзни читаются въ Калининской городской больницѣ. Хирургія, читается безъ больныхъ, которые прежде были, потому что была палата для гражданскихъ больныхъ, теперь упраздненная. Каково положеніе слушательницъ которыя должны путешествовать чуть ли не по больницамъ всего города, дѣлать напримѣръ концы изъ Николаевского госпиталя до Калининской больницы, лежащихъ на противоположныхъ концахъ Петербурга, и готовиться въ ученныя акушерки безъ акушерской и гинекологической клиникъ! Какихъ ученыхъ акушеровъ создадутъ наши высшіе женскіе медицинскіе курсы, когда слушательницы не увидятъ ни одной роженницы.

Совсѣмъ не для того, чтобы дѣлать какіе-либо упреки нашей высшей медицинской администраціи, а просто для возможности сравненія нашего медицинскаго образованія съ нѣмецкимъ, мы предлагаемъ читателю слѣдующую выписку изъ «Врача».

«Нѣмцы, говоритъ газета, отлично понимая, какъ много сдѣлали университеты для единенія Германіи и какъ много могутъ они сдѣлать и для привлеченія къ германской культурѣ чуждыхъ ей или отчужденныхъ отъ нея національностей, не скупаются на школы и университеты въ Эльзасъ-Лотарингіи. На Страсбургскій университетъ, не считая того, что у него уже было во время французскаго владычества, нѣмцы выдали на одни только расширенія и улучшенія зданій, клиникъ и лабораторій 11.300,000 марокъ. Изъ этого числа 550,000 марокъ пошло на хирургическую клинику, 450,000—на психіатрическую, 290,000—на офталмологическую, 600,000—на гинекологическую, 270,000—на физиологическій инсти-

туть, 320,000—на институтъ физиологической химіи, 645,000—на химическую лабораторію, 550,000—на физическій кабинетъ и т. д. Д-ръ *P. Müller* (французъ) съ видимою грустью, но безпристрастно сознается, что у французовъ было только нѣсколько аудиторій и бѣдныхъ лабораторій, а теперь цѣлый городъ, посвященный потребностямъ университета». На медицинскомъ факультетѣ 14 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстра-ординарныхъ и 10 частныхъ преподавателей. Профессора получаютъ отъ 2,400 до 13,500 марокъ въ годъ, не считая платы за лекціи, которая въ общемъ итогѣ увеличиваетъ содержаніе профессора на 50 и болѣе процентовъ. У профессоровъ нѣтъ недостатка и въ помощникахъ: такъ, напр., въ хирургической и терапевтической клиникахъ имѣется по 4, а въ акушерской 3 ассистента и т. д. («Revue Scientifique», 16 іюня).—И многіе другіе германскіе университеты обставлены тоже очень богато, а въ сравненіи съ нашими даже безконечно роскошно. Въ дѣлѣ народнаго образованія «экономія» часто страшно убыточна; и нѣмцы отлично поняли эту истину. Авось, когда-нибудь поймемъ и мы. А пока съ каждымъ годомъ будемъ отставать все больше и больше замѣчаетъ «Врачъ».

Въ виду общаго положенія въ Россіи образованія, совѣмъ не въ тонъ его требованіямъ и условіямъ, явились въ 2794 № «Новаго Времени» парадоксальная, да еще первая передовая статья, старающаяся доказать, что вопросъ о высшемъ образованіи поставленъ у насъ фальшиво и сантиментально. Газета, и уже не въ первый разъ, пытается доказать, что у насъ искусственно создается «умственный пролетаріатъ» и подъ вліяніемъ маниловщины «мы по разъ установившейся рутинѣ не можемъ пропустить никакого предлога, чтобы не придумать нѣсколько стипендій, т. е. лучшаго способа сдѣлать нѣсколько молодыхъ людей несчастными на всю жизнь». У насъ подобныя мысли нужно высказывать или очень осторожно, или съ такой доказательной аргументаціей, чтобы не играть въ руку всякимъ обскурантамъ. Положимъ, что «Новое Время» говоритъ по поводу лишнихъ ветеринаровъ, но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было обобщать вопроса, или слѣдовало дать обобщеніе обоснованное. Вопросъ о специалистахъ, подготавлиющихся иногда въ большемъ числѣ, чѣмъ ихъ нужно—вопросъ, неразрѣшенный даже солидными и основательными нѣмцами, такъ ужъ намъ и самъ Богъ велѣлъ подождать, какъ разрѣшатъ его другіе. Одно время въ Пруссіи разнесся слухъ, что въ аптекахъ недостатокъ въ фармацевтахъ. Молодежь сейчасъ же накинута на фармацію и черезъ нѣсколько времени явилось такое количество фармацевтовъ, что половина ихъ осталась на ули-

цѣ. А посмотрите, какое число людей, выжидающихъ мѣсто хотя-бы между окончившими курсъ въ лѣсныхъ и сельскохозяйственныхъ академіяхъ. Сколько ученыхъ лѣсоводовъ наготовить даже одинъ Тарантъ. И у насъ это явленіе неизбежное и уже начинающееся. Даже между студентами университета появляются уже лишніе люди и недавно еще одинъ кандидатъ петербургскаго университета счелъ себя счастливымъ, что пристроился на шоколадной фабрикѣ растирать шоколадъ. Говорятъ, что весьма знающій технологъ, окончившій курсъ съ отличнымъ аттестатомъ радъ-радъ, что добылъ себѣ мѣсто бухгалтера въ канцеляріи того-же института. Тутъ вопросъ уже не о маниловщинѣ или стипендіяхъ, плодящихъ лишннихъ людей, а кое о чемъ другомъ. Врачей, напримѣръ, у насъ въ Россіи очень мало; откройся война и повторится опять послѣдній случай, когда не только всѣ земскіе врачи ушли въ дѣйствующую армію, но и пришлось усилить выпускъ медицинской академіи. А между тѣмъ врачамъ нѣтъ все-таки мѣста, потому что земство не въ состояніи устроить медицинскую часть въ тѣхъ размѣрахъ, какіе необходимы. Тоже повторяется и съ технологами и съ лѣсничими и съ сельско-хозяйственными управляющими. Для жизни нужны знающіе люди и вотъ постоянно растестъ все большее и большее стремленіе къ образованію, а знающій человекъ явился—ему нѣтъ мѣста. Ну, положимъ, по теоріи «Новаго Времени», этотъ лишній человекъ, лишній только потому, что онъ учился; а если-бы онъ ничему не учился—развѣ онъ былъ-бы тогда не лишнимъ? Въ крестьянскомъ быту быть лишнимъ труднѣе, мало-ли—много-ли, но у деревни есть все-таки земля; ну, а въ томъ безземельномъ населеніи, которое высылаетъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, какая произойдетъ переимѣна, если дѣти перестанутъ учиться? «Умственный пролетаріатъ» можетъ быть и исчезнуть, но вмѣсто него явится «невѣжественный пролетаріатъ». Вѣдь уже конечно не этого желаетъ «Новое Время» и не примѣненія «малтусава закона». А въ такомъ случаѣ очевидно, что всему вновь нарождающемуся должно быть мѣсто въ природѣ и такое желаніе вовсе не «маниловщина», какъ думаетъ авторъ статьи. Такая-же не маниловщина и стипендіи, которыя не только даютъ возможность учиться, но спасаютъ иногда буквально отъ голоду. Чѣмъ больше общество прилагаетъ энергіи къ расширенію общественнаго образованія, тѣмъ это лучше, а не хуже.

IV.

Въ заключеніи обзора намъ остается перечислить мѣры правительства, направленные къ улучшенію положенія крестьянъ и

къ улучшенію финансовъ. Объ этихъ мѣрахъ было говорено въ свое время и теперь мы ограничимся только освѣженіемъ ихъ въ памяти читателя.

Въ 1883 году сдѣлана свѣдка съ крестьянскихъ выкупныхъ платежей, отиѣнена подушная подать, предоставлены нѣкоторыя права раскольникамъ, устроены крестьянскіе банки, для содѣйствія крестьянамъ при покупкѣ земель, предположены перемѣны въ паспортной системѣ; наконецъ, составленъ проектъ подоходнаго налога и выпущена золотая рента. Въ смыслѣ энергіи и разнообразія правительственныхъ мѣропріятій 1883 годъ, рѣзко выдѣляется изъ предшествовавшихъ ему двухъ годовъ.

Н. В.

Обзоръ политическихъ событій за 1883 годъ.

(Политическая и социальная хроника).

I.

Собираясь привѣтствовать новый годъ, воздадимъ благодарность тому, который истекаетъ. Въ концѣ концовъ, онъ не былъ для Европы плохимъ годомъ, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть. Если онъ мало принесъ намъ хорошаго, зато и злого могъ принести гораздо болѣе. Два бѣдствія грозили посѣтить насъ: холера и Бисмаркъ. Первое остановилось у нашего порога; второе вернулось въ свое логовище. Намъ удалось отдѣлаться однимъ страхомъ. И такъ, да будетъ благословенъ 1883 годъ!

Тѣмъ не менѣе, всѣмъ намъ досталась доля житейскихъ невзгодъ. Землетрясеніе на Искіи поглотило немало жертвъ. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, рѣки выступали изъ береговъ, заливая села и нивы. Пожары также не щадили насъ, и жители Вѣны въ теченіи двухъ недѣль не смыкали глазъ. Затѣмъ въ этотъ адскій танецъ вмѣшался вѣтеръ: неслыханной силы ураганы разразились надъ нами, вырывая съ корнемъ лѣса и сметая дома. Это по части міра физическаго. Политическому міру также пришлось перенести своего рода недуги и кризисы. Нѣкоторые изъ этихъ кризисовъ обобщались, какъ напримѣръ, финансовый, котораго не избѣжала ни одна страна, не исключая благоразумной Швейцаріи и миролюбивой Бельгіи. Одинъ Бисмаркъ на это не жалуется, и причина понятна каждому: въ самомъ дѣлѣ, какъ же ему сознаться въ безденежѣ, при ненасыщаемой страсти къ крупновскимъ пушкамъ? Что касается недуговъ, проистекающихъ изъ спеціальнаго темперамента каждой страны, то они извѣстны и остаются тѣми-же изъ года въ годъ. На долю Англіи ихъ выпало не мало. Не говоря уже объ утратѣ, понесенной ею въ лицѣ знаменитаго палача Марвуда, умершаго, по всей вѣроятности, вслѣдствіе утомленія, сопряженнаго съ его почтенною профессіей,

особено за послѣднее время,—ей удалось добиться относительнаго спокойствія въ Ирландіи лишь цѣною довольно значительныхъ жертвъ. Висѣлица, бывшая свидѣтельницею столькихъ агоній, не перестаетъ дѣйствовать. Нѣсколько дней тому назадъ новая жертва всходила на роковой помостъ. Странный край эта Ирландія, уподобляющаяся какому-то болѣзненному наросту на англо-саксонскомъ тѣлѣ! Это особый организмъ, живущій самостоятельною жизнью, обладающій своимъ собственнымъ устройствомъ, не имѣющимъ никакого гармоническаго отношенія къ устройству и существованію Англіи. Различіе расы, инстинктовъ, темперамента слишкомъ сильно для того, чтобы когда-либо была возможна полная ассимиляція. Уже съ перваго взгляда поражаетъ противоположность между торговымъ, преданнымъ положительнымъ интересамъ народомъ и этимъ другимъ, сотканнымъ изъ идеализма и героическихъ порывовъ. Между тѣмъ какъ Англія создана для того, чтобы охватить цѣлый міръ своею торговлею и нагромождать фунты стерлинговъ, Ирландія явилась на свѣтъ какъ-бы специально для того, чтобы поставлять героевъ романовъ, трагедій и эпопей. Въ ней родился О'Донованъ, этотъ блестящій и неустрашимый журналистъ, недавно погибшій въ Суданѣ; она-же—родина генерала Уольслея, завоевателя Египта; ей-же принадлежитъ этотъ О'Донелль, явившійся на другомъ концѣ свѣта, въ роли древняго рока.

Въ настоящую минуту, Англія льститъ себя надеждою, что пожинаетъ плоды своихъ кровавыхъ репрессалій и, въ видахъ подбадриванія, выставляетъ внушительныя цифры. Изъ ирландской уголовной статистики видно, что итогъ таеъ называемыхъ аграрныхъ преступленій, совершенныхъ во всей странѣ отъ 1 до 30 ноября, не превышалъ 55. Изъ этого числа, къ тому-же, было только два покушенія на убійство и одиннадцать вполне установленныхъ случаевъ *бойкотированія*. Для одного мѣсяца—это утѣшительно!.. Правда, что въ соотвѣтствующій періодъ прошлаго года аграрныя преступленія достигали вдвое болѣшей цифры. Съ другой стороны, возникли волненія въ иной формѣ. Націоналисты и оранжисты дошли до рукопашныхъ схватокъ и нѣтъ возможности предвидѣть размѣры, которые примутъ эти стычки. Одни выводятъ изъ нихъ самыя мрачныя заключенія, другіе видятъ въ нихъ только исключеніе изъ общаго факта замиренія, которое происходитъ, по ихъ увѣреніямъ, на всѣхъ пунктахъ ирландской территоріи.

Египетъ также казался вполне спокойнымъ нѣсколько недѣль тому назадъ, когда внезапно появилось извѣстіе о гибели цѣлой суданской арміи.

Это показалось вначалѣ даже ложнымъ слухомъ. Но теперь уже нѣтъ мѣста для сомнѣнія, и самыя тревожныя предположенія превзойдены ужасающею дѣйствительностью. Несчастный генералъ Гиксъ-паша, преданный проводникомъ, неосторожно вступилъ въ ущелье, въ которомъ увидѣлъ себя запертымъ, какъ въ мышеловкѣ, безконечно превосходнѣйшими силами. Говорятъ о 300,000 арабовъ. Этого даже слишкомъ было-бы достаточно для одолженія 10.000 египтянъ, хотя-бы и предводимыхъ англійскимъ офицеромъ. И если правда, что эти бѣдняги дрались цѣлые три дня, то болѣе этого и требовать нельзя отъ ихъ воинской доблести, которую такъ унижали, нѣкогда, покорители Египта.

Вся армія, до послѣдняго человѣка, была перебита. Единственнымъ уцѣлѣвшимъ оказался иностранный художникъ, слѣдовавшій за войсками, по всей вѣроятности, по порученію какого-нибудь иллюстрированнаго изданія, и которому удалось, неизвѣстно какимъ чудомъ, спасти себя и свои кисти. Это показалось сначала даже невѣроятнымъ и бросило сомнительную тѣнь на весь разсказъ.

Но на востокѣ исторія напоминаетъ еще порою романъ.

Если вспомнить о настойчивыхъ усиліяхъ Бэкеровъ и Гордоновъ, о жертвахъ людьми и деньгами, которыя потребовались для того, чтобы установить нѣчто въ родѣ европейскаго правительства среди суданскаго населенія, то нельзя не скорбѣть объ этой новой и бесплодной жертвѣ. Придется все начинать съизнова и много понадобится лѣтъ для того, чтобы вновь завоевать утраченную почву. Громкое дѣло избіенія суданской арміи доставить побѣдоносному махди весь престижъ Бу-Амеи, Си-Слимана, Араби и имъ подобныхъ, и исламъ не преминетъ привѣтствовать въ лицѣ его пророка, обѣщаннаго въ священныхъ книгахъ.

Нѣтъ худа безъ добра. Серьезныя затрудненія, съ которыми приходится бороться не одной Англій, но и всѣмъ европейскимъ странамъ, по поводу вопросовъ внутренней безопасности и дальнихъ экспедицій, производятъ, въ настоящее время, весьма благоприятную для европейскаго мира диверсію. И это равно относится ко всѣмъ, начиная страню прунциаменто, Испаніей, и кончая Норвегіей, этимъ патріархальнымъ краемъ, гдѣ, какъ мы видимъ, министровъ сажаютъ на скамью подсудимыхъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Если-бы Италію не подрывали республиканскія страсти, если-бы Австрія не приходилась съ такими усиліями сдерживать разнородные элементы своей имперіи, если-бы, еще недавно, ей не грозило весьма серьезное возстаніе, которое, начавшись въ Кроаціи, могло распространиться на всѣ славянскія

народности, если-бы, наконецъ, балканскія княжества не были раздираемы внутренними раздорами,—кто можетъ утверждать, что тучи, сгустившіяся надъ нами, не разразились-бы окончательною грозой.

II.

У порога, такъ сказать, нынѣшняго года, угасла одна изъ наиболѣе выдающихся личностей нашего времени, Леонъ Гамбетта. Нѣсколько дней спустя, Франція потеряла генерала Шанзи. Такимъ образомъ, по странному совпаденію, пришлось оплакивать, одновременно, политическаго дѣятеля, бывшаго душою отпора иностранному вторженію, и военнаго, заслужившаго наименованіе самаго доблестнаго изъ солдатъ этой борьбы. Оба они олицетворяли, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о горестномъ прошломъ, въ которомъ явились борцами за родину, и надежду на будущее, которое принесетъ съ собою возмездіе.

Личность Гамбетты имѣла и иное значеніе. Онъ приобрѣлъ господствующее вліяніе на дѣла и давно уже пользовался, такъ сказать, диктатурою мнѣнія. И съ депутатской, скамьи, и изъ президентскаго помѣщенія въ Бурбонскомъ дворцѣ, онъ, а не кто иной, фактически правилъ государствомъ. Воля и вліяніе его чувствовались во всемъ, и тѣмъ болѣе сильно, что, лишеныя внѣшнихъ формъ власти, они ускользали отъ послѣдствій личной отвѣтственности.

Въ послѣдній годъ эта блестящая дѣятельность значительно померкла. Принужденный выйти изъ-за кулисъ, гдѣ такъ долго удерживала его осторожность, и явно стать у кормила, онъ показалъ себя въ такой степени не на высотѣ задачи, что во всей его партіи произошелъ поворотъ: она какъ будто осѣла, что отразилось и на странѣ. Надежда на будущее, возлагавшаяся на него, поколебалась.

Смерть рѣшила вопросъ, и подъ первымъ впечатлѣніемъ событія ошибки были забыты и свѣтлыя стороны заслонили ихъ. Предъ этимъ гробомъ, гдѣ навѣки успокоилась такая слава, всѣми овладѣло какое то остоленіе, чувство смятенія и распадѣнія, какое испытываетъ армія по смерти полководца,—чувство, правда, инстинктивное, а потому скоропреходящее, такъ - какъ страна не долго остается подъ вліяніемъ такой бессознательной паники. Сосредоточиваясь въ себѣ, она вскорѣ находитъ сознаніе своей энергіи и способность къ дѣйствию. Но та специальная партія, центромъ и связью которой служилъ знаменитый трибунъ, потерявъ его, потеряла яснѣйшую изъ причинъ своего существованія и объединительную

силу свою. Партія эта, собственно говоря, не имѣла опредѣленнаго свода своего ученія; она спланивалась скорѣе вокругъ имени, чѣмъ вокругъ принципа. Подобно учителю, у этой партіи были принципы, о которыхъ она забыла, какъ забылъ о нихъ и онъ самъ. Главною цѣлью единственной оставшейся неизмѣнной, было требованіе возвращенія главы ея къ кормилу правленія, какъ несомнѣнной политической необходимости, ибо онъ одинъ, какъ продолжала утверждать эта партія, способенъ былъ дать республикѣ надлежащій подъемъ и равновѣсіе. Личный характеръ программы, въ сущности вполнѣ отрицательной и которую, вначалѣ, называли оппортунистскою, былъ до такой степени очевиденъ, что полемика не замедлила замѣнить это названіе гамбеттизмомъ. Въ средѣ этой партіи распаденіе должно было быть непоправимымъ. Принадлежа къ числу тѣхъ, кто въ силу чисто-личныхъ притягательныхъ свойствъ скорѣе способенъ группировать вокругъ себя приверженцевъ, чѣмъ образовывать учениковъ, эксъ-диктаторъ не далъ слѣдовавшимъ за нимъ депутатамъ яснаго понятія о той цѣли, къ которой надлежало стремиться. Поэтому можно было спросить себя, найдется-ли въ числѣ его приверженцевъ, которыхъ онъ оставилъ и въ числѣ которыхъ не мало было людей не безъ достоинствъ, человекъ, способный занять его мѣсто и удержать вокругъ себя тѣ же парламентскіе элементы. Будетъ-ли то Споллеръ, наиболѣе слѣпо-преданный, дѣйствительно посвященный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе скромный? Или, можетъ быть, Ранкъ, самый самостоятельный, но не самый симпатичный? Или, наконецъ, Шальмель Лакуръ, наиболѣе краснорѣчивый и наименѣе способный къ дѣлу управленія дѣлами государства? Ни одинъ изъ нихъ, повидимому, и не думалъ объ этомъ, и тѣ лица, на которыхъ; повидимому, указывало общественное мнѣніе, оказались стоящими внѣ гамбеттистской группы. Это были, прежде всего: Фрейсинъ, одинъ изъ рѣдкихъ государственныхъ людей, обладающихъ способностью, покидая власть, оставлять по себѣ добрую память; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пользовался и самою откровенною ненавистью со стороны прежнихъ товарищей—приближенныхъ Гамбетты, упрекавшихъ его за либеральныя тенденціи. Затѣмъ Ферри настолько-же и даже болѣе самостоятельный, чѣмъ кто-либо изъ нихъ, но давно уже зачисленный въ ряды неподлежащихъ дисциплинѣ. Наконецъ, Клемансо, этотъ блудный сынъ партіи, отъ котораго ждали только слова, чтобы раскрыть ему объятія.

До поры до времени рѣшили довольствоваться подставными лицами. Биржевикъ Дюклеръ, провинціальный адвокатъ Фальбергъ послѣдовательно занимали сцену. Дѣла шли отъ того не лучше

Между тѣмъ какъ анархія водворялась въ парламентѣ, довѣріе страны начинало колебаться, застой въ торговлѣ обобщался, финансовый вопросъ внушалъ справедливое безпокойство, повсюду чувствовалось постоянно возрастающее недоуманье. Среди такого состоянія умовъ, свалилась глупознаменитая прокламація принца Наполеона, внушенная прихотью доведеннаго до крайности претендента. Этотъ достойный смѣха эпизодъ неожиданно принялъ размѣры опасности, грозящей цѣлой націи. Палата обезумѣла отъ страха, въ министерствѣ—кризисъ, въ дѣловомъ мірѣ—потрясеніе, на минуту общавшее даже катастрофу; публика, въ свою очередь, по примѣру своихъ представителей, пришла къ убѣжденію, что республика живетъ на вулканѣ.

Неизвѣстно, какіе мотивы могли побудить принца Наполеона расклеить по стѣнамъ литературное упражненіе свое, которому онъ далъ наименованіе манифеста. Но должно полагать, что онъ далекъ былъ отъ ожиданія того шума, который оно надѣлало. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ, и остается только изумляться парламентскимъ и политическимъ размѣрамъ, которые приняло происшествіе, и въ такую минуту, когда республика могла не тревожиться о завтрашнемъ днѣ. Жалчайшая выходка превращена была въ дѣло государственной важности и заставила снова сдѣлать вопросомъ принципъ, такъ горделиво провозглашенный, два года предъ тѣмъ, по поводу амнистіи, что республиканская Франція не знаетъ отнынѣ исключительныхъ законовъ. Для серьезнаго министерства это былъ превосходный случай выказать свое хладнокровіе и нравственный авторитетъ, удержавъ большинство отъ овладѣвавшаго имъ увлеченія. Но, какъ мы уже сказали, тогдашніе министры не заслуживали этого имени. Между тѣмъ какъ палаты давали комически-памятныя сраженія, они, съ своей стороны, расходились во мнѣніяхъ и ссорились. Эта кампанія продолжалась мѣсяць. Она стоила жизни двумъ кабинетамъ. Наконецъ, въ критическую минуту, явился спаситель, въ образѣ Жюль Ферри, который и уладилъ дѣло, исключивъ изъ арміи принцевъ орлеанскаго дома. Что касается принца Наполеона, то, преданный суду, онъ вышелъ изъ него оправданнымъ.

Приближенные, которыми окружалъ себя Жюль Ферри, отличали весьма недвусмысленнымъ образомъ уже извѣстную за нимъ склонность къ самостоятельной политикѣ. Сверхъ того, въ экономическомъ отношеніи, онъ начиналъ держаться протекціонистскаго оттѣнка. Итакъ у кормила водворялась реакція, стѣсняющая и подавляющая система въ двойной области: національной экономіи и

политики. Увѣреніе, что, въ случаѣ надобности, правительство съумѣетъ найти необходимую силу въ своемъ «вышемъ правѣ», выраженное имъ намѣреніе не предоставлять республику пагубному *laisser aller* и «освободить улицы отъ манифестацій», миссія, которой задался Ферри относительно «ограниченія индивидуальной инициативы», съ тѣмъ, чтобы оставить за правительствомъ по праву ему принадлежащій починъ,—всѣ эти рѣчи показали въ достаточной мѣрѣ знаменательными. Въ нихъ узнали способъ выраженія, свойственный словарю иного времени и иной формы правленія. Слогъ этого рода слишкомъ часто повторялся въ министерскомъ заявленіи, чтобы не усмотрѣть въ немъ нѣчто большее, чѣмъ необходимую для каждаго правительства твердость; въ немъ чувствовался покровительственный и властительный тонъ, нисколько не идущій къ республиканскому министру. Франція потеряла вкусъ къ этого рода политической литературѣ. Она доказала это по отношенію къ единственному человѣку, которому его популярность могла дать право на господство. Неужто-же она отказалась слѣдовать за «великимъ министерствомъ» 14 ноября 1881 г. только для того, чтобы предать себя въ руки министерства 22 февраля 1883 г. съ Ферри въ видѣ корифея?

Такое сопоставленіе естественнымъ образомъ приходило каждому на умъ. При видя въ спискѣ товарищей, которыхъ выбралъ для себя Ферри, именъ нѣсколькихъ сотрудниковъ Гамбетты, находившихся въ его кабинетѣ полтора года тому назадъ, невольно думалось, что придется присутствовать при «аналогичномъ опытѣ». Обстоятельства измѣнились, потому что и человѣкъ и условія были уже не тѣ, но направленіе оставалось тѣмъ-же. Даже поползновенія на личное преобладаніе, за которыя Гамбетта подвергался такимъ горькимъ упрекамъ, проявлялись у его преемника съ такою-же очевидностью. Впрочемъ, онъ и не скрывалъ этого, и, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, разослана была официозная нота, въ которой говорилось, что Ферри намѣревается учредить при президентѣ совѣта особое бюро, которое будетъ стоять независимо отъ того, которымъ онъ располагалъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, постъ президента совѣта будетъ не только почетнымъ званіемъ, но дѣйствительною должностію, которую Жюль Ферри намѣренъ отправлять *самымъ всестороннимъ образомъ*. Ни одно важное дѣло не будетъ рѣшаться безъ предварительнаго рассмотрѣнія президентомъ совѣта, имѣющимъ намѣреніе принять дѣятельное участіе во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Всѣ важные декреты, всѣ назначенія на вліятельные посты будутъ представляться прези-

денту совѣта ранѣе подписанія ихъ главою государства. Такимъ-же образомъ предоставилъ себѣ Ферри право предварительнаго знакомства съ дипломатическими депешами. Наконецъ, онъ-же будетъ «принимать префектовъ, корпусныхъ командировъ и вообще всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ провинціи».

Если судить по внѣшности, то можно подумать, что палата вполне одобряетъ такого рода политику. Въ одномъ и томъ-же засѣданіи, новый кабинетъ получилъ два заявленія довѣрія: одно большинствомъ 348 голосовъ противъ 89, другое—376 противъ 101. Ободренный этою двойною побѣдою, Ж. Ферри пожелалъ придать своему правительству новый блескъ. Для усиленія престижа, ему показалось необходимымъ присоединить къ парламентскимъ лавамъ еще и другіе, пожидаемые на улицѣ.

Парижъ, который съ 1871 года жилъ въ мирѣ съ уличными мостовыми, одну минуту могъ ожидать, что онъ поднимется снова при дуновеніи народнаго мятежа. Сомнительнаго происхожденія воззваніе приглашало лишенныхъ занятій рабочихъ собраться толпою, для заявленія своихъ жалобъ, и требовать вмѣшательства въ свою пользу со стороны правительства. Собраніе должно было происходить на площади Инвалидовъ и оттуда направиться къ Бурбонскому и Елисейскому дворцамъ. Дѣйствительно, произведена была попытка манифестаціи. Изъ скопленія народа и усилій полиціи разсѣять его въ результатѣ получилось то, что всегда получается въ такихъ случаяхъ: свалки, столкновения и аресты. Ограбленіемъ булочныхъ толпою съ чернымъ знаменемъ пытались придать новизну и драматизмъ этой манифестаціи, руководство которою Луиза Мишель раздѣляла съ извѣстными монархическими агентами и на защиту которой выступалъ въ палатѣ, на слѣдующій день, Поль де-Кассаньякъ: «Это былъ первый день республики!» восклицалъ бонапартистъ-ораторъ;—«но онъ не будетъ послѣднимъ. Французское земледѣліе погибло; промышленность находится при послѣднемъ издыханіи; рента падаетъ. Республика не въ силахъ доставить работу и хлѣбъ трудящимся». Вся палата, не исключая крайнюю лѣвую, снова выразила одобреніе министерству. На этотъ разъ большинство достигло цифры 400 голосовъ.

Ферри захотѣлъ большаго. Роль спасителя была для него слишкомъ выгодна, чтобы не желать продолжать играть ее. Къ первому *дню* онъ пожелалъ присоединить второй, устроенный его стараніями. Приближалось 18-е марта. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ день этотъ не сопровождался внѣшними волненіями, и манифестаціи въ его память не преступали скромныхъ предѣловъ банкетовъ, какъ вдругъ, благодаря Ж. Ферри, онъ преобразовался

чалось въ глазахъ публики только смѣшнымъ. Всякій
 , кромѣ Ферри, непременно-бы это понималъ. Но
 что у него до такого градуса, что онъ остается
 чтобы прійти къ необходимости большей
 умія на будущее время, онъ еще болѣе
 . Послѣ легкихъ побѣдъ на площади
 туши, правительство рѣшило пере-
 преслѣдовать ихъ, употребляя
 ихъ *логовищахъ*, то-есть на ихъ
 . Удьяромъ министра юстиціи
 . Крательства возмутитель-
 . Или общественныхъ
 . Обращеніемъ циркуля-
 . Главителей обществен-
 . Препрессіи, всѣми средства-
 . Ющимъ законодательствомъ». .
 . Нѣтъ ничего опаснѣе подобныхъ
 . Слѣдственность текста оставляетъ обшир-
 . и примѣненія. Онѣ отдають пользованіе
 . мненіе на произволъ всякаго мелочнаго, по-
 . м злонамѣреннаго должностнаго лица, непривык-
 . ченіямъ полемики или предубѣжденнаго. Неудобства
 . или обнаружиться во время первыхъ карательныхъ мѣръ,
 . нныхъ министерскимъ циркуляромъ. Было отдано нѣсколько
 . приказовъ объ арестованіи извѣстнаго числа ораторовъ или писа-
 . телей, изъ которыхъ иные, въ томъ числѣ гг. Лафоргъ и Гедъ,
 . оказались непринадлежащими къ средѣ анархистовъ; вообще,
 . большая часть начатыхъ преслѣдованій должна была прекратитъ-
 . ся, а арестованные выпущены были на свободу послѣ ничѣмъ не-
 . оправдываемаго предварительнаго заключенія. Относительно другихъ
 . правосудіе принуждено было трудиться надъ собираніемъ какихъ-
 . либо матеріальныхъ уликъ, дающихъ основаніе для его дѣйствія
 . Здравый смыслъ могъ-бы подсказать, что и этихъ слѣдуетъ освободить,
 . подобно первымъ. Но это оказалось невозможнымъ. Пра-
 . восудіе имѣетъ съ женою Цезаря то сходство, что оно стоитъ вы-
 . ше подозрѣнія. Если для жены Цезаря невозможно паденіе, то
 . для правосудія—невозможна ошибка.

Отсюда прористекаетъ его усердіе, достойное лучшей цѣли. Чѣмъ
 . менѣе оно раскрываетъ, тѣмъ болѣе ему приходится искать; чѣмъ
 . упорнѣе скрываются улики, тѣмъ болѣе тщательно должны произ-
 . водиться обыски; чѣмъ менѣе виновными кажутся задержанныя
 . лица, тѣмъ необходимѣе задержать новыхъ. Намъ извѣстны были

въ одну изъ грозныхъ годовщинъ, чреватыхъ мятежными случайностями. Предосторожности принимались въ самомъ широкомъ масштабѣ, какъ встарину. Вся полиція на ногахъ, войска наготовѣ, гарнизонъ усиленъ, въ газетахъ—угрожающія предвѣренія; возможные скопления народа приглашаются заранѣе разойтись, прохожихъ предупреждаютъ, что они могутъ быть приняты за манифестантовъ и подвергнуты соотвѣтствующей участи; ничто не было забыто въ обычной прелюдіи, извѣщающей населеніе о томъ, что правительство готовится къ событіямъ. Близко слѣдуя за паникой, порожденной вопросомъ о претендентахъ, происходя нѣсколько дней спустя послѣ эпизода на площади Инвалидовъ и происшествія съ булочными, хотя и пустого, но успѣвшаго однако-же напугать робкихъ,—обширныя предосторожности, къ которымъ прибѣгло правительство, въ видахъ «предупрежденія», содѣйствовали гораздо болѣе распространенію тревоги, чѣмъ успокоенію публики. Поэтому, въ теченіи двадцати-четырехъ часовъ, можно было видѣть множество людей насторожѣ, спрашивавшихъ себя съ непритворною тоскою, «что-же должно случиться»? Затѣмъ въ провинціальныхъ и иностранныхъ газетахъ читали депеши, разосланныя повсюду въ самый вечеръ внушившаго такія опасенія дня и извѣщавшія напряженно ожидавшій міръ, что равно ничего не случилось. Но еще любопытнѣе было видѣть послѣ того, какъ правительство стало принимать позы спасителя страны, выдавать себѣ патентъ на предусмотрительность и приписывать сохраненіе спокойствія тѣмъ мѣрамъ, которыя были имъ приняты. Гдѣ-же было мятежу вербовать ряды своихъ сторонниковъ, когда противъ него были всѣ?

Парижскій муниципальный совѣтъ вотировалъ, по этому поводу, знаменательный очередной порядокъ такого содержания: «Муниципальный совѣтъ, поздравляя рабочихъ по поводу того, что они съ презрѣніемъ отнеслись къ подстрекательствамъ, предметомъ которыхъ служили, и приглашая ихъ и впредь воздерживаться отъ вызываемыхъ врагами демократической и радикальной республики манифестацій, переходить къ очереднымъ дѣламъ». Отношеніе ко всему этому рабочаго класса какъ нельзя менѣе подавало поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ. Рабочая партія формально отказалась отъ участія въ этой искусственной и подозрительной агитаціи отреклась отъ всякой солидарности съ нею. Что-же остается сказать о министерствѣ, какъ не то, что оно причинило новую, бесполезную тревогу и воскресило старую легенду о красномъ или черномъ призракѣ?

Въ концѣ концовъ, однако-же, когда тревога миновала, прави-

тельство сдѣлалось въ глазахъ публики только смѣшнымъ. Всякій другой человекъ, кромѣ Ферри, непременно-бы это понялъ. Но самоинѣне доведено у него до такого градуса, что онъ остается слѣпъ. Въмѣсто того, чтобы прійти къ необходимости большей осторожности и благоразумія на будущее время, онъ еще болѣе предался дѣлу подавленія. Послѣ легкихъ побѣдъ на площади Инвалидовъ и парижской ратуши, правительство рѣшило перенести борьбу на другую почву и преслѣдовать ихъ, употребляя любимое выраженіе Гамбетты, *въ самыхъ логовищахъ*, то-есть на ихъ собраніяхъ и въ ихъ газетахъ. Циркуляромъ министра юстиціи обращалось вниманіе судовъ на «подстрекательства возмутительнаго свойства, проявляющіяся путемъ печати или общественныхъ собраній». Этотъ документъ, являвшійся подновленіемъ циркуляровъ прежнихъ временъ, приглашалъ «представителей общественной власти» «пользоваться, въ видахъ репрессіи, всѣми средствами, предоставляемыми имъ существующимъ законодательствомъ». При кажущемся здравомысліи ихъ, нѣтъ ничего опаснѣе подобныхъ инструкцій, въ которыхъ эластичность текста оставляетъ обширное поле для толкованія и примѣненія. Онѣ отдають пользованіе свободою и ея ограниченіе на произволъ всякаго мелочнаго, подозрительнаго или злонамѣреннаго должностнаго лица, непривычнаго къ увлеченіямъ полемики или предубѣжденнаго. Неудобства не замедлили обнаружиться во время первыхъ карательныхъ мѣръ, вызванныхъ министерскимъ циркуляромъ. Было отдано нѣсколько приказовъ объ арестованіи известнаго числа ораторовъ или писателей, изъ которыхъ иные, въ томъ числѣ гг. Лафоргъ и Гедъ, оказались непринадлежащими къ средѣ анархистовъ; вообще, большая часть начатыхъ преслѣдованій должна была прекратиться, а арестованные выпущены были на свободу послѣ ничѣмъ неоправдываемаго предварительнаго заключенія. Относительно другихъ правосудіе принуждено было трудиться надъ собираніемъ какихъ-либо матеріальныхъ уликъ, дающихъ основаніе для его дѣйствія. Здравый смыслъ могъ-бы подсказать, что и этихъ слѣдуетъ освободить, подобно первымъ. Но это оказалось невозможнымъ. Правосудіе имѣетъ съ женою Цезаря то сходство, что оно стоитъ выше подозрѣнія. Если для жены Цезаря невозможно паденіе, то для правосудія—невозможна ошибка.

Отсюда проистекаетъ его усердіе, достойное лучшей цѣли. Чѣмъ менѣе оно раскрываетъ, тѣмъ болѣе ему приходится искать; чѣмъ упорнѣе скрываются улики, тѣмъ болѣе тщательно должны производиться обыски; чѣмъ менѣе виновными кажутся задержанныя лица, тѣмъ необходимѣе задержать новыхъ. Намъ известны были

мученія злополучныхъ Данаидъ, обреченныхъ наполнять бездонную бочку, и муки томимаго жаждою Тантаала, гнавшагося за водою, постоянно отъ него убѣгавшею. Въ pendant къ этимъ несчастнымъ, мы будемъ имѣть муки Мартена Фелье и его агентовъ, преслѣдующихъ съ такимъ-же остервенѣніемъ социальную опасность, существующую исключительно въ ихъ собственномъ воображеніи.

Какъ-то разъ имъ пришла въ голову блистательная мысль. О ней заговорили съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто дѣло шло о философскомъ камнѣ. Найдено было средство разъ навсегда обезопасить общество. При помощи законодательнаго прибора, столь-же простого, сколь и остроумнаго, становилось возможнымъ окончательно вычистить самое мутное социальное дно, переселяя насъ какъ-бы волшебствомъ въ томъ золотой вѣкъ, когда весь шаръ земной будетъ обитаемъ лишь одними добропорядочными гражданами, неспособными на не деликатные поступки, относительно ближнихъ вообще и министерства Ферри—въ частности. Изобрѣтеніе подоспѣло какъ нельзя болѣе кстати, чтобы удвоить громъ его славы. Истошивъ сенсационныя темы, печать вернулась къ старому, періодическому крестовому походу противъ умноженія преступленій и не дѣйствительности полиціи. Передавались рассказы одинъ ужаснѣе другого: только и было рѣчи, что о ночныхъ нападеніяхъ, совершенно неслыханныхъ, о дерзкихъ кражахъ; читатели, ежедневно взиравшіе на такую зловѣщую картину, развертывая свою газету, могли въ самомъ дѣлѣ подумать, что Парижъ 1883 года, несмотря на свои газовые рожки и свѣчи системы Яблочкова, возвращается къ временамъ неосвѣщенныхъ улицъ и старинныхъ разбойниковъ. И вотъ, среди такой тревоги, внезапно появляется великая новость. Дѣло въ томъ, что удалось проникнуть въ самый корень зла и въ то-же время найти и цѣлебное средство противъ него. Такъ какъ виновны были, по большей части, рецидивисты, то стояло только очистить отъ нихъ Францію вообще и Парижъ въ частности. Оставалось лишь придать закону нѣкоторую эластичность, чтобы подвести подъ него и политическихъ преступниковъ. Относительно этой подробности фабрикаціи полагались на умѣнье художниковъ этого дѣла.

Идея быстро пошла въ ходъ, какъ все, что принимается публикою на вѣру и усваивается безъ критики. Высылка рецидивистовъ сдѣлалась модною фразою. Изъ міра боязливыхъ людей, опасавшихся быть убитыми ночью, при возвращеніи домой, она перешла въ среду реформаторовъ, склонныхъ видѣть въ злоумышленникахъ лишь заблудшихъ братьевъ. Идея эта совпала съ другимъ моднымъ увлеченіемъ, а именно—колонизаціей. Воображе-

ніе получило двойную пищу: пустились въ широкія комбинаціи, приче́мъ гуманитарныя соображенія сливались съ безбрежными перспективами колониальнаго величія. Энтузіасты заговорили уже о необитаемыхъ островахъ и пустынныхъ берегахъ, превращенныхъ въ плодоносныя нивы тѣмъ избыткомъ населенія, отъ котораго мы собирались себя избавить. Эти колонисты-изгнанники, въ свою очередь, перерожденные переселеніемъ, являлись въ глазахъ прожектеровъ уже добродѣтельными гражданами, отрекшимися отъ прошлаго, чтобы неослабно предаться культу труда, хорошаго поведенія и бережливости. Правда, указывали и на то, что въ матеріальномъ отношеніи отправка нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и водвореніе ихъ на новыхъ мѣстахъ представлятъ нѣкоторыя трудности и повлекутъ за собою крупныя расходы; указывали также и на то, что результаты могли и не отвѣчать оживленіямъ. Но возраженія эти были оставлены безъ вниманія. Расходы? Такъ что-же это значить въ сравненіи съ такою цѣлью? Это можетъ обойтись въ 12 милліоновъ; но за такой пустякъ эти добрые поселенцы вознаграждать насъ сторицею. Невѣрность результата? Но взгляните на Австралію. Нравственность средства? Но результатъ оправдаетъ его. Вѣдь это для ихъ-же блага. А пока готовы щадить самолюбіе этихъ добрыхъ людей. Васъ стѣсняетъ слово ссылка? Ну что-же, можно замѣнить его другимъ, напримѣръ «пересылка». Если и это васъ не удовлетворяетъ, то можно назвать ихъ «удаленными».—Но, рѣшались замѣтить нѣкоторые, — кто-же поручится, что этотъ законъ, имѣющій въ виду уголовныхъ преступниковъ, не обратится когда-нибудь и противъ политическихъ? «Нѣтъ, ужъ этого никогда не можетъ случиться!» хоромъ отвѣчали министры, между тѣмъ, какъ въ глубинѣ души они должны были воскликнуть: «Ахъ вы, простяки, да развѣ не для этого и придумана вся махинація!»

Оставалось опасаться только одного, а именно — сообщничества судей съ рецидивистами. Всего можно ожидать въ этой измѣнчивой странѣ.

Souvent femme varie;
 Bien fol est qui s'y fie.

Франція истинная женщина въ этомъ отношеніи.

Но не бойтесь. Хорошій законъ о магистратурѣ послужитъ дополненіемъ закону о рецидивистахъ и обезпечитъ ему полную дѣйствительность, подѣ условіемъ, однако-же, что этотъ законъ не будетъ во вкусъ того, первую статью котораго: «Судьи имѣютъ быть назначаемы избирательнымъ путемъ», палата голосовала въ

прошедшемъ году. До двадцати другихъ проектовъ, касавшихся столь важнаго предмета, какъ «судебная реформа», накопились въ картонахъ палаты. Я не говорю о тѣхъ, которые имѣли цѣлью уменьшить судебныя издержки, упростить процедуру, ускорить рѣшеніе дѣлъ. Все это пустяки. Совсѣмъ не въ томъ дѣло. Нѣкоторые, не отваживаясь доходить до избираемости судей, предлагали судебную организацію, болѣе соответствующую уровню демократическихъ идей нашего времени. Предлагали, на примѣръ, распространеніе суда присяжныхъ (нодъ нѣкоторою гарантіею юридическаго образованія) на исправительную и гражданскую юрисдикцію. Судъ присяжныхъ— чисто народное учрежденіе, нерѣдко слабое, наивное, но всегда честное. Французская революція, говорили сторонники этого учрежденія, указала намъ истинный путь, открывъ гражданамъ доступъ къ судебнымъ функціямъ. Какую перемѣну принесъ въ этомъ отношеніи послѣдній вѣкъ! Въ былыя времена судила каста; теперь общественное образованіе страны позволяетъ довѣрять гражданамъ обсужденіе важныхъ вопросовъ чести, свободы, жизни и смерти, подлежащихъ вѣдѣнію ассизнаго суда. Почему же не ввести присяжныхъ и въ область исправительнаго и гражданского суда? Всякій, кому дорогъ прогрессъ въ сферѣ нравовъ, долженъ желать, чтобы всѣ учрежденія, всякая власть были доступны честнымъ людямъ.

Другой проектъ касался расширенія власти мировыхъ судей, этой, такъ сказать отеческой, примиряющей, гуманной власти, на которую возложено примиреніе мелкихъ личныхъ неудовольствій, предупрежденіе тяжбъ, и которой, по словамъ автора проекта, суждено сдѣлаться магистратурой будущаго, если только захотятъ смотрѣть на нее не какъ на награду за виѣюридическія заслуги, а предоставлять ее опытнымъ, юридически образованнымъ людямъ, въ особенности же людямъ, знающимъ жизнь, состарѣвшимся въ средѣ тѣхъ, кого призваны судить. Такая власть, дѣлающаяся надеждою и вѣнцомъ долгаго поприща, развѣ не есть идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться? И это утопія! Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, въ настоящее время. Прежде всего необходимо обезпечить себѣ людей, преданныхъ правительству, людей, которые, въ противоположность обычному требованію, оказываютъ услуги, а не поставляютъ рѣшенія по совѣсти.

Однимъ словомъ, министры желаютъ: «удаленія подозрительныхъ, водворенія пріятелей». Это, по крайней мѣрѣ, и ясно и практично. Для этого достаточно упразднить несмѣняемость

и сократить цифру судебныхъ должностей. Такъ число совѣтниковъ, присутствіе которыхъ необходимо въ гражданскихъ дѣлахъ, будетъ низведено съ семи на пять, цифра судебныхъ учреждений на три. Въ итогѣ получатся 800 упраздненныхъ совѣтниковъ или судей. Наконецъ, объявляя о сохраненіи несмѣняемости, министерскій планъ предлагаетъ созданіе высшаго судебного совѣта, нѣчто въ родѣ дисциплинарной палаты, вербуемой въ области кассационнаго суда и слѣдовательно зависящей отъ центральной власти, съ правомъ случайныхъ отставленій отъ должности. Иначе говоря, это значить сохранять несмѣняемость въ принципѣ и упразднить ее на дѣлѣ. Это значить—отнимать одного рукою то, что даруется другою.

И вотъ это-то и зовется республиканско-демократическою судебною реформою!

Если съ политической почвы мы перейдемъ на экономическую, то замѣтимъ такое-же реформаторское усердіе и такую-же умѣстность въ министерскихъ предпріятіяхъ.

Въ виду бюджетныхъ затрудненій, тѣмъ болѣе критическихъ, что, вопреки многочисленнымъ предостереженіямъ, на нихъ долгое время не обращали вниманія, министерство 22 февраля рѣшило дѣйствовать въ широкомъ масштабѣ. Оно положило основаніе своей финансовой славѣ двумя мѣрами, изъ которыхъ одна была настолько-же несвоевременна, насколько другая была плохо задумана: я говорю о конверсіи ренты и договорахъ съ желѣзно-дорожными обществами.

Въ то время, когда повсюду только и рѣчи было, что о торговомъ и промышленномъ кризисѣ, когда необходимо было поддержать и успокоить встревоженные интересы всеми возможными способами, нашелся министръ финансовъ, предложившій мѣру, предназначенную къ тому, чтобы произвести переполохъ на рынкѣ, разстроить ренту, посѣять неурядицу не только въ дѣловомъ мірѣ, но и въ половинѣ цѣлаго населенія. Конверсію ренты должно было, конечно, предвидѣть и она давно уже и имѣлась въ виду. Она была даже прямо необходима; но въ эту минуту устраивать ее было или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Неумѣстность мѣры усложнилась биржевыми слухами, какъ то всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, но на этотъ разъ они обострились, приобрѣтая вѣроятность. Наканунѣ своего осуществленія, превращеніе ренты попеременно то подтверждалось, то опровергалось, сопровождаясь естественнымъ образомъ соответствующими колебаніями курса въ обратномъ направленіи. Кто-же воспользовался этими колебаніями? Быть можетъ, просто дальновидные спекулянты,

умѣющіе во-время купить и во-время продать? Или-же, какъ полагаютъ скептики, случайные игроки, почерпавшіе вдохновенія въ привилегированномъ мірѣ «достоверныхъ источниковъ».

Что касается договоровъ съ желѣзнодорожными компаніями, то здѣсь не мѣсто входить въ подробности ихъ экономическаго значенія. Система выкупа желѣзныхъ путей государствомъ—такой вопросъ, который требуетъ обстоятельнаго обсуждения. По крайней мѣрѣ, можно констатировать, что посредствомъ недавно утвержденныхъ конвенцій, правительство приковало страну на неопредѣленное время къ монополіи крупныхъ компаній, не принявъ даже мѣръ къ обезпеченію себя съ точки зрѣнія военной защиты и торговаго благосостоянія. По первому предмету, генераль Тибоденъ, весьма свободно высказавшійся въ происходившихъ въ средѣ кабинета бесѣдахъ, не нашелъ въ себѣ достаточной энергии и прямоты, чтобы признать съ трибуны опасность злополучныхъ конвенцій для нашей восточной границы, послѣ того какъ Клемансо обратился къ нему въ палатѣ, приглашая объявить о томъ. По второму пункту, какъ въ торговомъ, такъ и въ промышленномъ мірѣ единодушно убѣждены, что конвенціи приведутъ къ раззоренію французской фабричной промышленности, лишенной всякой защиты, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ тарифа малой скорости, предъ лицомъ ввоза иностранныхъ произведеній. Съ точки зрѣнія бюджета, кабинетъ извлекъ изъ этой мѣры 35 милліоновъ, которые, будучи приложены къ 50 милліонамъ, доставленнымъ превращеніемъ ренты, далеко не достигали цифры дефицита, опредѣляемой въ 150 милліоновъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что въ публикѣ явились подозрѣнія относительно финансовой нравственности и депутатовъ, и членовъ правительства. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не заподозрить, справедливо, нѣтъ-ли, какихъ нибудь непохвальныхъ спекуляцій, послѣ двухъ такихъ фактовъ, какъ конвенціи, слѣдующія за превращеніемъ ренты? И вотъ почему, когда около того же времени, бельгійскій капиталистъ Боландъ, по поводу разбиравшагося въ судѣ дѣла, обвинялъ во взяточничествѣ двухъ депутатовъ изъ близкихъ Гамбеттѣ людей, въ обществѣ вполне расположены были этому повѣрить. Депутатъ Лэзанъ явился выразителемъ общественнаго негодованія, и всѣмъ памятна буря, вызванная имъ въ средѣ товарищей помѣщенною въ газетѣ его «*Rés-publique radicale*» статью: «*La Chambre infâme*».

Приглашенный назвать виновныхъ, Боландъ благоразумно скрылся и о клеветѣ его скоро забыли. Но воспоминанію о конвенціяхъ и конверсіи не такъ-то легко будетъ изгладиться изъ памяти.

III.

Какъ ни кратокъ срокъ, протекшій съ воцаренія Ферри, мы имѣли случай убѣдиться, что онъ даже слишкомъ богатъ былъ событіями. Намъ остается заняться самою блестящею его половиною. Не желая ни въ чемъ уступать славѣ павшихъ правительствъ, этотъ Цезарь въ миниатюрѣ пожелалъ, въ свою очередь, прославиться приключеніями въ далекихъ странахъ. Предъидущее министерство его уже прославилось завоеваніемъ Туниса, горестнаго трофея, за который заплатились потерю Египта, что было прямымъ слѣдствіемъ этой побѣды. Министерство 22-го февраля готовило намъ и не такія нечаянности. По желанію Ферри, Франція снова пустилась въ походъ. Ея моряки отправились бомбардировать поселенія говасовъ на мадагаскарскихъ берегахъ, а солдаты продолжали бороться въ Тонкинѣ съ лихорадкою, съ минуты на минуту обѣщавшею превратиться въ холеру, и съ черными флагами, довершавшими свое превращеніе въ китайскихъ солдатъ.

Къ чему-же все это? О томъ не вѣдаетъ никто, кромѣ, можетъ быть, министровъ, пославшихъ наши суда къ Мадагаскару и войска въ Тонкинъ. Во всякомъ случаѣ, министры не соизволили разъяснить этого палатѣ, отъ которой, тѣмъ не менѣе, добились всего, чего хотѣли, и которая только-что подтвердила имъ свое довѣріе. Питая отвращеніе къ мысли о томъ, что наши правители послали армию и флотъ въ Южную Африку и на крайній Востокъ съ единственною цѣлью — силою вырвать у бѣдниковъ-аннамитовъ, рудники и болѣе или менѣе проблематическія золотыя россыпи, приходится предположить, что кабинетъ преслѣдовалъ политическую идею, постараться угадать его намѣренія и рассмотреть, въ какой мѣрѣ эта экспедиція способна служить общимъ интересамъ Франціи.

Гамбетта, отличавшійся пристрастіемъ къ громкимъ словамъ и южное воображеніе котораго легко воспламенялось восточными миражами, сказалъ однажды: «Франція должна имѣть колониальную политику». Нынѣшніе министры, въ одно и то-же время наслѣдники и болѣе или менѣе ученики его, повторили эту фразу. Корсары-дѣльцы, дѣйствующіе подъ колоннадою биржи, пошли еще дальше, прибавивъ, что Франція должна владѣть колоніями для доставленія сбыта продуктамъ своей промышленности. Этимъ восхитились ротозѣи въ обѣихъ палатахъ. Затѣмъ правителей нашихъ обяла

такая страсть къ экспедиціямъ и въ колонизаціи, что одновременно предприняты были экскурсіи на Мадагаскаръ и въ Тонкинъ, забывая, что еще не успѣли справиться съ нелегкимъ дѣломъ ассимиляціи тунисскихъ владѣній.

Въ чемъ-же заключалась глубокая мысль вдохновителя этой политики? Можетъ быть у насъ имѣется избытокъ населенія, для котораго требуется найти исходъ? Увы, нѣтъ; перепись 1881 года подчеркнула, напротивъ, прогрессирующую правильность вторженія во Францію иностраннаго элемента, представляющаго собою въ настоящее время три на сто всего населенія страны. Всѣ крупныя предпріятія переполнены итальянскими и нѣмецкими рабочими и въ пригородныхъ общинахъ, примыгающихъ къ Парижу, насчитывается не менѣе трехъ сотъ тысячъ рабочихъ разныхъ національностей.

Французская эмиграція, во всѣхъ ея видахъ, включая тѣхъ, кого высылаютъ уголовные законы и тѣхъ, кто самъ покидаетъ родину, движимый духомъ предпріимчивости и приключеній, равняется ежегодно только 40,000 человекъ. Если-бы правительство могло, по произволу, руководить этимъ слабымъ выселеніемъ, что впрочемъ, совершенно немислимо, оно едва-ли нашло-бы въ немъ достаточный элементъ для культуры нашихъ африканскихъ владѣній на Средиземномъ морѣ. Слѣдовательно, по этой статьѣ, пресловутая колоніальная политика его ни чѣмъ не оправдывается. Находимъ-ли мы объясненіе въ перспективѣ новаго промышленнаго и торговаго рынка? Не болѣе того.

Французскій вывозъ равняется ежегодно тремъ съ небольшимъ миллиардамъ; до двухъ миллиардовъ трехсотъ съ чѣмъ-то миллионъ произведенія эти раскупаются ближайшими сосѣдями. Американскіе Соединенные Штаты и Алжірія поглощаютъ ихъ на цифру около пяти сотъ милл. Для прочихъ націй, какъ видимъ, остается немного. Между тѣмъ, никто не мѣшаетъ Франціи вести свой обмѣнъ со всѣми цивилизованными народами. Для этого нѣтъ никакой надобности водружать свое знамя на всѣхъ концахъ земнаго шара. Вѣдь иностранцы всякаго рода являются-же во Францію, торгуютъ и наживаются. Кто-же мѣшаетъ и французамъ, не подвергая себя опасности и приобрѣтая выгоды, поселяться въ другихъ странахъ? Если они этого не дѣлаютъ, то потому, что, не имѣя достаточнаго населенія для собственной территории, имъ некого посылать въ чужіе края. Франція можетъ проникать туда только своими капиталами и умноженіемъ средствъ сообщенія. Проведеніе индо-китайской желѣзнодорожной вѣтви обществомъ «Messageries maritimes» болѣе сдѣлало для французской торговли

съ крайнимъ востокомъ, чѣмъ когда-либо могутъ сдѣлать Кохинхина и Тонкинъ. Можно ожидать одинаково благоприятныхъ послѣдствій и отъ пароходнаго сообщенія съ Австраліей, открытаго тою-же компаніей.

Что касается рынковъ, то Франція не терпитъ въ нихъ недостатка. Она владѣетъ извѣстнымъ количествомъ колоній. Мы находимъ ихъ, понемногу, въ четырехъ частяхъ свѣта, и ихъ населеніе всѣхъ расъ и цвѣтовъ превышаетъ два съ половиною милліона. И что-же,—общая сложность французскаго вывоза въ эти колоніи не доходитъ ежегодно и до 47 милліоновъ. Это капля въ общемъ морѣ торговыхъ дѣлъ Франціи. Ввозъ-же изъ этихъ колоній не превышаетъ и трехъ милліоновъ. Такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что новооснованныя колоніи дали бы болѣе удовлетворительные результаты, чѣмъ колоніи, которыя съ давнихъ поръ связаны съ Франціей, то этого вполне достаточно, чтобы охладить рвеніе искателей да льнихъ рынковъ.

Относительно-же нынѣшняго тонкинскаго вопроса, примѣръ Кохинхины указываетъ на то, чего мы въ правѣ ожидать, не выходя изъ предѣловъ благоразумія. Франція владѣетъ ею вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ. Она господствуетъ тамъ надъ болѣе чѣмъ милліономъ аннамитовъ. Сколько-же насчитывается тамъ французовъ? 1,825 человекъ. По крайней мѣрѣ представляетъ-ли она мѣсто сбыта для нашей промышленности. Общая сложность ввоза и вывоза на долю Франціи составляетъ одну пятую всѣхъ торговыхъ оборотовъ колоніи.

Итакъ ничто не оправдываетъ для нея колониальной политики. Это напрасная трата людей и денегъ. Рынки-же должна она искать у своего порога; она найдетъ ихъ въ развитіи добрыхъ отношеній съ сосѣдями, а не въ расширеніи своего колониальнаго владычества. Ей слѣдовало-бы искать рѣшенія вопроса въ заключеніи выгодныхъ договоровъ съ желѣзнодорожными обществами; она этого не сдѣлала. Отъ нея зависитъ исправить ошибку путемъ разумной и либеральной выработки своихъ таможенныхъ тарифовъ; пусть озаботится она обезпеченіемъ, путемъ договоровъ, интересовъ торговли, въ которомъ она такъ нуждается для установленія постоянныхъ сношеній и возможности прочныхъ комбинацій. Это было-бы несравненно лучше, чѣмъ завоеваніе далекихъ странъ, къ которому влечетъ ее духъ приключеній ея правителей или-же ощущаемая ими потребность производить диверсію въ умахъ.

Можно также думать, что колониальная политика министровъ служить имъ для замаскированія полного отсутствія у нихъ европейской политики. Вытягиваясь во весь ростъ предъ лицомъ афри-

канскихъ негровъ или слабыхъ азіатовъ, они воображаютъ себя сильными и забываютъ, что въ эту-же самую минуту Германія сторожить исконнаго врага у вогезской брешы, готовая раздавить насъ.

Не измѣривъ заранѣе двойное затрудненіе, представляемое Англіей и Китаемъ, естественно должны были претерпѣть разныя неудачи. Если-бы еще съ самаго начала послали достаточное количество войска, въ такомъ случаѣ обѣ названныя державы очутились-бы лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ равнѣ, чѣмъ могли-бы принять свои мѣры. Въмѣсто того, посылаютъ отрядецъ въ 2,500 человекъ, утверждая съ трибуны въ палатѣ, «съ полною увѣренностью», что этого количества солдатъ будетъ болѣе чѣмъ достаточно для достиженія преслѣдуемой цѣли. Китай являлся въ ту минуту въ глазахъ оппортунистовъ «не серьезною величиною». Когда пришло извѣстіе о погромѣ близъ Ханоя и о смерти Ривьера, иллюзія была такъ сильна, что, не колеблясь обвинили этого мужественнаго и умнаго офицера. Его обвинили въ томъ, что онъ излишнею отвагою подвергъ опасности свой отрядъ.

Въ одно прекрасное утро получили важное извѣстіе: Гюэ взятъ. А это вѣдь главное. Затѣмъ остается заключить трактатецъ съ аннамскимъ императоромъ, что и нетрудно и недолго, такъ какъ мы держали его въ своихъ рукахъ, наступивъ ему на горло, — и кампанія окончена. Тонкинъ, эта давно желанная *обътованная земля*, принадлежитъ намъ. Остается только его занять. По приказу короля, мандарины предложили свое содѣйствіе. Изъ сообщеній, прочитанныхъ Ферри съ трибуны и произведшихъ въ ту минуту сильное впечатлѣніе, узнали, что Черные Флаги не могли долго противиться убѣдительнымъ рѣчамъ аннамскихъ чиновниковъ. Телеграммой извѣщали министра, что эти страшные разбойники покорились и готовы перейти во французскіе ряды, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы имъ заплатили просроченное жалованье.

Успѣхъ склоняетъ къ великодушію. Былъ отданъ приказъ не торговаться. Получили-ли они деньги, — исторія о томъ молчитъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что они передумали: если они ушли изъ Сон-тоу, то для того только, чтобы уступить мѣсто китайцамъ и, вмѣсто того, чтобы побрататься съ моряками адмирала Курбэ, они отправились въ Бакъ-Нингъ, въ видѣ подкрѣпленія тамошнему гарнизону. Затѣмъ стали замѣчать, что мандарины, въ свою очередь, начинаютъ измѣнять и волнуютъ населеніе, которое обѣщали усмирить. Тонкинскій генеральный комиссаръ, Гармандъ, имѣлъ драгоценнаго помощника въ лицѣ министра внутреннихъ и иностран-

ныхъ дѣлъ, Нгюэнъ-Тронгъ-Гипа. Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, этотъ сановникъ подписалъ трактатъ, заключенный въ Гюэ, и, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ неограниченную власть надъ мандаринами. Гармандъ считалъ его другомъ и довѣреннымъ лицомъ. Но въ одинъ прекрасный день Нгюэнъ внезапно исчезаетъ. Позднѣ узнали, куда онъ направился. По приглашенію принца Гоангъ-Ке-Вана, зятя эксъ-императора Тююка, бывшаго душою сопротивленія у Сонтая, могущественный министръ ушелъ, не простясь съ французами, и присоединился къ нему въ неприступномъ убѣжищѣ его, Донгъ-Ванѣ. Наконецъ, для довершенія путаницы, опасность стала грозить и Гюэ. Гипъ-Гоа, преемникъ Тююка, погибъ вслѣдствіе возмущенія, а по мнѣнію нѣкоторыхъ — вслѣдствіе отравленія. Военная партія взяла верхъ и нетрудно усмотрѣть и здѣсь мощную и ловкую руку Гоангъ-Кэ-Вана.

Что-же дѣлали въ это время китайцы? Они не воинственны, это извѣстно всѣмъ. Нельзя-ли было поладить съ ними съ самаго начала? Бывшій французскій посланникъ въ Пекинѣ, Бурэ, утверждалъ, что можно; министры отвѣчали, что нѣтъ. Только что вышедшая «Желтая книга» подтвердила первое изъ этихъ мнѣній.

Извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ отнесся министръ иностранныхъ дѣлъ Шальмель-Лакуръ къ проекту франко-китайскаго договора этого дипломата. Теперь, когда удовольствовались-бы несравненно меньшимъ, ограничиваются увѣреніемъ, что Бурэ былъ ободенъ Тсонгъ-Ли-Іаменомъ, что онъ принялъ пустыя фразы за чистую монету. Высказывая такія вещи, министры, очевидно, рассчитывали на то, что ни у кого не хватитъ терпѣнія прочесть томъ въ 800 страницъ in quarto, или-же, что всего вѣроятнѣе, сами не дали себѣ труда перелистовать его. Въ разговорѣ Бурэ съ печлійскимъ вице-королемъ есть одно поразительное мѣсто. Французскій посланникъ спрашиваетъ у Ли-Хонгъ-Чанга, будутъ-ли утверждены его правительствомъ тѣ сдѣлки, которыя были между ними заключены. Вице-король отвѣтилъ смѣясь: «Вотъ Диллонъ, который съ давнихъ поръ живетъ въ Китаѣ и хорошо его знаетъ; спросите его, можетъ-ли правительство отказать Ли-Хонгъ-Чангу въ соблюденіи принятаго имъ на себя обязательства». Не менѣе любопытно и то, что еще въ маѣ Шальмель Лакуръ заявлялъ съ трибуны, что война съ Китаемъ невозможна. Между тѣмъ, въ телеграммѣ, которая не могла не быть извѣстна Шальмель Лакуру, такъ какъ она была имъ получена за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Бурэ, въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ, извѣщалъ, что Китай займетъ, и быть можетъ уже занялъ, часть Тонкина, что слѣдовало-бы вытѣснить китайцевъ, а это равнялось-бы «войнѣ».

Остается только предположить, что Ферри перехватывалъ депеши.

Въ настоящее время недовольство охватило всю палату. Она ясно видитъ, что отъ нея скрывали истину, что надъ нею смѣялись и съ завязанными глазами хотѣли вести ее въ Тонкинъ, какъ нѣкогда привели въ тунисскія владѣнія. Никто уже не сомнѣвается въ дѣятельномъ вмѣшательствѣ Китая, никто не обманываетъ себя относительно положенія, которое Ферри, забывшись, самъ назвалъ «столь серьезнымъ». Палата попала въ тиски, изъ которыхъ не знаетъ какъ освободиться. Напрасно рассчитывала она на просвѣщенное мнѣніе тонкинской комиссіи. Эта комиссіа ограничилась тѣмъ, что, давъ поводъ вначалѣ ожидать отъ себя такого мнѣнія, уклонилась въ послѣднюю минуту и отвѣчала устами докладчика своего Леона Рено: «Вотъ факты; вотъ каково положеніе дѣлъ; мы не имѣемъ высказать никакого мнѣнія, не имѣемъ дать никакого совѣта: палата должна сама рѣшить и рѣшиться на что нибудь». Такимъ образомъ, въ довершеніе горя, всѣ уклоняются отъ отвѣтственности въ послѣднюю минуту, и дѣла устраиваются такимъ образомъ, что вся отвѣтственность падаетъ на палату. Не зная, какому святому молиться, палата обращаетъ отчаянный взоръ на небольшой отрядецъ адмирала Курбэ, умоляя его о рѣшительномъ военномъ дѣльцѣ, чтобы выпутать ее изъ затрудненія. Но отрядецъ остается глухимъ на эти мольбы. И это не отъ недостатка готовности, но вслѣдствіе положенія, становящагося все болѣе и болѣе критическимъ. Отраду этому достаточно трудно уже держаться и на своей позиціи. Ему приходится имѣть непріятеля со всѣхъ сторонъ. На востокѣ—возмутившихся аннамитовъ и безчисленныхъ пиратовъ, опустошающихъ дельту и грозящихъ всѣмъ пунктамъ, занимаемымъ экспедиціоннымъ корпусомъ. На западѣ—Гоангъ-Кэ-Вина и его наемные иррегулярныя войска. На сѣверѣ, наконецъ,—китайскихъ солдатъ. Окруженные, обложенные со всѣхъ сторонъ, даже въ самомъ Ханю и Хай-Фонгѣ, на берегу моря, войска эти не имѣютъ ни минуты безопасности. Даже паровымъ шлюпкамъ затруднены рейсы по рѣкамъ, по причинѣ разбойниковъ, укрывающихся по берегамъ или на песчаныхъ отмеляхъ и не боющихся теперь нападать на одинокія суда, внушавшія вначалѣ суевѣрный страхъ по всей странѣ. Происшествіе въ Гай-Дзунгѣ, нападеніе на канонерку «La Carabine» достаточно доказываетъ, что этотъ страхъ не существуетъ болѣе. Набравшійся смѣлости непріятель, постепенно растущій въ числѣ, проникающій всюду, держитъ французовъ постоянно на сторожѣ.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ ждуть взятія Сонтая или Бакъ-Нинга.

Но за Сонтаемъ французы увидятъ непріятельскія войска сосредоточенными предъ своимъ фронтомъ въ Гонгъ Гофъ. За Бакъ-Нингомъ они увидятъ цѣлыя толпы китайцевъ, которыя посыплются съ горъ на Тонкинъ чрезъ Лансонгъ и Кубангъ.

Существуетъ только два возможныхъ рѣшенія: Уходить прочь или брать Пекинъ. Первое, хотя и согласно съ національнымъ интересомъ, не дозволяется, повидимому, честью знамени. Второго рѣшенія—не желаетъ Англія.

Но, говорятъ, какое дѣло до этого Англіи? Развѣ она не владѣетъ своими 200 милліоновъ индусовъ и безчисленными землями, окаймляющими собою моря? Гибралтаръ, Мальта, Кипръ и Египетъ утверждаютъ ея власть на Средиземномъ морѣ. Отъ Суэца до Тихаго Океана она какъ у себя дома. За Индостаномъ слѣдуютъ: Цейлонъ, Борнео, Суматра, Гонъ-Конгъ и т. д., образующихъ для Великобританіи непрерывную линію владѣній и торговыхъ станцій вплоть до громадной группы океанійскихъ колоній, въ которой трехмилліонное англосаксонское населеніе успѣло насадить нравы и политическія учрежденія Великобританіи. Сверхъ того, имѣется еще Капская колонія, Канадская конфедерация и проч. Да, Англія дѣйствительно владычествуетъ надъ Океаномъ. Королева Викторія могла-бы прибавить къ прочимъ титуламъ своимъ и титулъ владычицы морей. Но именно по этой причинѣ она и не терпитъ вторженія въ свои владѣнія. Въ обширной совокупности англійскихъ владѣній, французскія, за исключеніемъ Алжиріи, являются едва замѣтными пятнами. Они, однакоже, достаточно обширны для того, чтобы внушать опасенія великой морской державѣ, и составляютъ предметъ ея постоянныхъ заботъ. Это старая исторія о Фридрихѣ Великомъ и мельникѣ Сансуси, съ тѣмъ различіемъ, что въ настоящемъ дѣлѣ берлинскій судья, безъ сомнѣнія, былъ-бы на сторонѣ короля.

Дѣйствительно, идетъ рѣчь о соглашеніи, установившемся, какъ слышно, между Англіей и Германіей, и къ которому примкнули и другія европейскія державы. Въ официальныхъ опроверженіяхъ, правда, недостатка не было, но извѣстно какого, вообще, довѣрія заслуживаютъ подобныя опроверженія. Говорилось и о томъ, что, по мысли Англіи, дѣло шло лишь о дружественномъ вмѣшательствѣ. Франціи предложили-бы посредничество, въ видахъ облегченія для нея уступокъ, на которыя-бы ей дозволило согласиться, предъ лицомъ угрозъ китайскаго правительства, ея національное достоинство. Кстати будетъ вспомнить по этому случаю, что одинъ изъ инициаторовъ этого соглашенія, лордъ Грэнвилль, въ 1870 году,

былъ авторомъ пресловутой лиги нейтральныхъ, путемъ которой была изолирована Франція. Еще съ большимъ основаніемъ можно спросить, дѣйствительно-ли Бисмаркъ такъ сильно заботится объ охраненіи интересовъ Франціи и устроеніи ея дѣлъ.

На самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ не о посредничествѣ, а о чемъ-то въ родѣ оборонительной лиги, въ видахъ обезпеченія европейцамъ безопасности въ китайскихъ портахъ. Лига эта имѣла-бы двойную цѣль: она охраняла-бы европейскія колоніи отъ насилій со стороны китайскаго населенія и китайскихъ властей и въ то-же время ограждала-бы порты, гдѣ имѣются европейскія поселенія. отъ опасностей войны, то-есть отъ блокадъ и бомбардировокъ. Такимъ путемъ дружественное вмѣшательство превратилось-бы въ недоброжелательный враждебный маневръ. Покровительство своимъ подданнымъ привело-бы фактически къ нейтрализаціи китайскихъ водъ и къ воспрещенію всякихъ серьезныхъ военныхъ дѣствий у береговъ Небесной Имперіи. Это было-бы локализаціей войны и ограниченіемъ ея предѣлами Тонкина, то-есть такого небольшого пространства, гдѣ Китай могъ-бы до безконечности бороться съ Франціей, не подвергая себя серьезному риску и опасности, потому что Франція не могла-бы уже, не подвергая себя столкновеніямъ съ другими европейскими державами, нанести своему врагу ударъ въ сердце, направившись на Пекинъ.

IV.

Когда дѣло касается внѣшней политики, даже если оно перенесется на крайній Востокъ, можно быть всегда увѣреннымъ въ томъ, что встрѣтишь зловѣщую и могучую руку желѣзнаго канцлера. Тѣмъ болѣе можетъ это быть сказано объ европейской политикѣ, въ особенности-же съ тѣхъ поръ, какъ со смертью Гамбетты онъ остался единственнымъ властителемъ этой области.

Въ области этой замѣчалось большое движеніе въ нынѣшнемъ году. Въ особенности въ началѣ осени происходили безпрестанные разъѣзды... Бисмаркъ подалъ знакъ, и немедленно вслѣдъ за тѣмъ движеніе охватило всѣ вѣнценосныя головы; министры послѣдовали ихъ примѣру. Встрѣчались въ Гаштейнѣ, Ишлѣ, Зальцбургѣ и другихъ мѣстахъ. Одного приводило леченіе, другой проѣзжалъ случайно, порою не могли отказать себѣ въ удовольствіи позать другъ другу руку двоюродные и родные братья. Впрочемъ, о политикѣ ни слова. Такъ утверждали газеты, черпающія свои свѣдѣнія изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ заблужденіе это, конечно, никого не ввело. Вскорѣ самимъ

несомнѣннымъ образомъ узнали, что между берлинскимъ и вѣнскимъ правительствомъ установилось полное согласіе. Затѣмъ, въ орбиту австро-прусскаго союза помѣстились звѣзды малой и средней величины, каковы: Италія, Румынія, Сербія, какъ слышно и Испанія, а можетъ быть и еще кое-кто. До какой степени этотъ бисмарковскій механизмъ основанъ на неизблѣмыхъ, въ родѣ ньютоновскаго, законахъ, я сказать не умѣю, не будучи посвященъ въ тайны Провидѣнія. Какъ бы то ни было, посмотримъ, каковы эти законы, въ томъ видѣ, какъ они окончательно сформулированы въ Зальцбургѣ; между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Кальнови. Союзъ двухъ императоровъ направленъ противъ востока и запада. Въ случаѣ войны между Германіей и Франціей, Австрія будетъ сохранять вооруженный нейтралитетъ. Въ случаѣ войны между Австріей и другой державою, подобное-же обязательство принимаетъ на себя Германія, которая, сверхъ того, сосредоточитъ свои военныя силы на границѣ, для разъединенія непріятельской арміи. Если третья держава выступитъ противъ той или другой союзницы, вооруженный нейтралитетъ ихъ превратится въ дѣйствительное сотрудничество. Союзъ заключенъ безъ обозначенія опредѣленнаго срока. Другія государства могутъ присоединяться къ нему, но безъ притязанія на тотъ-же рангъ и на тѣ-же права.

Другой вопросъ, обсуждавшійся во время свиданія двухъ министровъ въ Зальцбургѣ и бывший ранѣе предметомъ принятыхъ въ Ишлѣ германскимъ и австрійскимъ императорами рѣшеній, касался французской монархической партіи. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Бисмаркъ поручалъ предложить графу Шамбору возстановленіе его на престолѣ предковъ. Французскій государь, не колеблясь, отвергъ дары Артаксеркса. Смерть Шамбора снова ставила этотъ вопросъ. Быть можетъ, графъ Парижскій отнесется съ большимъ одобреніемъ къ проектамъ канцлера? Это сомнительно. По крайней мѣрѣ, фактъ этотъ возможенъ лишь при содѣйствіи великой катастрофы. Смерть короля далеко не сплотила, какъ-то предполагали, монархической партіи.

Что касается рѣшеній, составляющихъ основныя статьи союза, то они, повидимому, болѣе серьезны. Впрочемъ, союзъ, ограничиваясь Германіей и Австріей, представляетъ лишь полу-опасность, предполагая, что угрожаемыя державы, съ своей стороны, могутъ послѣдовать ихъ примѣру и противопоставить имъ равносильную лигу. Но положеніе сдѣлалось-бы чрезвычайно опаснымъ въ случаѣ присоединенія новыхъ союзниковъ, что дало-бы въ результатъ нарушеніе равновѣсія въ пользу Австріи и Германіи. Итакъ дѣйствительно новая и интересная сторона зальцбургскаго трактата

заключалась въ вопросѣ: присоединятся-ли другія державы къ австро-прусскому союзу? Понятная читателю скромность заставляетъ меня оставить въ сторонѣ восточную часть вопроса и предпочесть западъ.

Въ виду войны съ Франціей, Германія могла рассчитывать на Италію. Содѣйствіе этой страны имѣло, сверхъ того, и то преимущество, что оставляло свободу движенія Австріи. Бисмаркъ давно уже подготавливалъ почву; теперь союзъ съ Италіей дѣло рѣшенное. Германія стояло только взять протягиваемую ей руку. Устроивъ дѣло съ Италіей, Бисмаркъ обратился къ Испаніи. Не трудно понять, что канцлеръ вполне оцѣнилъ военное значеніе диверсіи въ сторону Пиринеевъ, какъ оцѣнилъ другую, въ сторону Альпъ. Мольтке желалъ-бы и большаго; у него на Испанію особые виды. Германскому тактику хотѣлось-бы прямого вмѣшательства, войны, перенесенной на французскую почву, а для такой роли Испанія, несмотря на слабость дѣйствительнаго состава своей арміи, несравненно болѣе приспособлена, чѣмъ Италія.

Послѣ этого становятся понятными предупредительность и любезности, расточавшіяся молодому королю Альфонсу во время его пребыванія въ Германіи. Германская императрица сама пригѣряла ему уланскій мундиръ и ушивала фуражку, которую наша слишкомъ широкою. Выборъ полка, шефомъ котораго предложили быть юному величеству, объясняется также весьма естественно, а еще естественнѣе—неудовольствіе, возбужденное по ту сторону Вогезовъ коварнымъ поведеніемъ представителя державы, которая считается дружественною. Приемъ, сдѣланный къ ролю Альфонсу парижанами, былъ предвидѣннымъ и искомымъ контрастомъ, дававшимъ возможность канцлеру выставить съ еще большею рельефностью любезный приемъ германскаго двора.

Разставивъ эти путеводныя вѣхи, нашли, что можно сдѣлать и еще лишній шагъ. Объявили о поѣздѣ принца Фридриха Вильгельма, и съ какимъ избыткомъ лести и гиперболы! Альфонсъ XII былъ поставленъ на одну доску съ Карломъ V. Древній союзъ обѣихъ коронъ возстановляется путемъ тѣсной дружбы двухъ государей.

Какого-же ближайшаго результата надѣялись добиться? Подписанія пресловутаго договора? Это было-бы уже слишкомъ быстро. Нѣмецкія газеты были умѣреннѣе въ своемъ честолюбіи. «Нѣтъ, замѣчали онѣ,—трактата не будутъ подписывать, но вы можете быть увѣрены, что сдѣлаютъ все зависящее для установленія между обѣими странами дружественныхъ отношеній, которыя, позднѣе, постараются придать болѣе опредѣленный политическій

характеръ. Вспомните, какъ было съ Италіей. Пруссаки и итальянцы совсѣмъ не знали другъ друга. Берлинское и римское правительство поддерживали только обыкновенныя между иностранными державами сношенія. Военный союзъ, заключенный противъ Австріи въ 1866 г., не оставилъ никакой по себѣ памяти. Ему не удалось сблизить оба народа. Что-же случилось? Фридрихъ-Вильгельмъ, обладающій истинно гениальною способностью быть пріятнымъ какъ великимъ міра, такъ и простой толпѣ, сдѣлался прежде всего другомъ короля Гумберга, а затѣмъ, разъ ступивъ на такой добрый путь, будетъ другомъ и самого итальянскаго народа.

Мало-по-малу Италія и Германія такъ сблизились, что считаютъ рѣшеннымъ дѣломъ облечение этой дружбы въ надлежащую форму. То, что произошло съ Италіей, постигнетъ и Испанію. Мы присутствуемъ теперь при первомъ дѣйствіи этой дипломатической пьесы. Наслѣдный принцъ уже овладѣлъ сердцемъ Альфонса XII. Будущій императоръ Германіи и юный король Испаніи открыто соединились узами тѣсной дружбы. Остальное придетъ само собою. Положитесь только во всемъ на князя Бисмарка. Его могущество въ Европѣ позволяетъ ему оказывать народамъ, симпатіи которыхъ добивается, такія услуги, которыя обзываютъ благодарностью. Чего не сдѣлалъ онъ для Австріи? А какое довѣріе относительно будущаго внушилъ онъ Итали! Даже султанъ отъ него въ восторгѣ. Если хотятъ знать, какъ будетъ отнынѣ дѣйствовать канцлеръ относительно Испаніи, то стоить только вспомнить, какъ онъ велъ себя съ другими державами, о которыхъ здѣсь только-что упоминалось. Если Испанія захочетъ, въ видахъ удовлетворенія своей гордости, имѣть въ Мадридѣ германскаго, австрійскаго и другихъ посланниковъ и послать своихъ собственныхъ въ Берлинъ, Вѣну, Петербургъ и Римъ, то князь Бисмаркъ можетъ устроить ей это дѣло. Онъ-бы могъ даже, если-бы только этого серьезно пожелали въ Мадридѣ, создать восьмую великую державу. Немного терпѣнія, и не то еще увидимъ.

Въ такомъ родѣ говорилъ весь Берлинъ или, вѣрнѣе, вся Германія. Затѣмъ нота пошла crescendo, и мало-по-малу союзъ вышелъ изъ окутывавшихъ его облаковъ. Не осмѣливаясь громко заявлять объ его существованіи, его дали почувствовать въ достаточной мѣрѣ, объявивъ, что договоръ съ Испаніей существуетъ такъ-же мало, какъ договоръ германо-итальянскій. вмѣстѣ съ тѣмъ выказывали чисто-прусскую фамиллярность, которою какъ-бы хотѣли сказать, что чувствуютъ себя хозяевами квартиры. Связь эти потоки чернилъ изливавшіеся на Германію, а оттуда на Европу, какимъ образомъ различить истину? Это не совсѣмъ-то легко,

однако попытаемся. Прежде всего посмотримъ, какъ справился кронпринцъ съ первой частью своей задачи, заключавшеюся во взятіи приступомъ сердца испанскаго народа. подобно тому какъ овладѣлъ онъ сердцемъ короля.

Минута выбрана была, какъ нельзя болѣе благопріятная: разсчитывая на кастильское самолюбіе, задѣтое за живое оскорбленіемъ, нанесеннымъ королю парижанами; германскій наслѣдный принцъ шелъ, такъ сказать, съ козыря.

Для довершенія-же побѣды, принцъ разсчитывалъ на свою пріятную наружность. Испанцы далеко не равнодушны къ красивой внѣшности, а высокій гость могъ удовлетворить ихъ вполне. Въ кирасирской каскѣ съ парящимъ орломъ, онъ—настоящій современный Лознгринъ. Прибавьте къ этому любезность и хорошія манеры, однимъ словомъ—все необходимое для очарованія сердець. Съ своей стороны король сдѣлалъ все, что могъ, для облегченія задачи. Онъ пожелалъ окружить принца достойной его благородной особы рамкой, и собралъ для конвоированія его сколько могъ войскъ и мундировъ. Въ тотъ день можно было, право, подумать, что у короля Альфонса есть армія, да еще какая прекрасная и блестящая. Королевскіе жандармы съ красными лацканами, драгуны и уланы въ каскахъ съ бѣлыми перьями, съ бѣлыми и красными перевязями, гусары въ небесно-голубыхъ рейтузахъ, артиллеристы съ пушками—и все это съ иголочки,—блестящее, сіяющее. На пути кортежа общественныя зданія были украшены испанскими флагами, красными драпировками. Нѣкоторыя изъ большихъ гостинницъ послѣдовали ихъ примѣру. Однако, повсюду замѣчаются только испанскіе національные цвѣта,—красный, желтый, красный. Германскихъ—нигдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ шестовъ у самой станціи. Въ весьма рѣдкой толпѣ—ни малѣйшаго оживленія; только мальчишки-разносчики волнуются, выкрикивая свои товары: газеты, спички, лотерейные билеты, фотографіи. На многихъ изъ послѣднихъ—изображеніе тореадора, побѣдителя на послѣднемъ боѣ быковъ, но ни одного Альфонса, ни одного Фридриха-Вильгельма.

Трубы гремятъ. Онъ ѣдетъ, имѣя по лѣвую руку командира № 15 уланскаго полка. Ни одному биноклю не удалось увидѣть непокрытую голову. Самому тонкому слуху не пришлось уловить малѣйшаго вивата. Слышался только нѣмецкій гимнъ, исполняемый хоромъ полковой музыки. Это официальное привѣтствіе было единственнымъ, выпавшимъ на долю королевскаго гостя, при въѣздѣ его въ столицу. Възливое и ледяное молчаніе. Пять минутъ спустя Puerta del sol приняла свой обычный видъ. Публика

разошлась при прежнихъ выкрикиваніяхъ продавцевъ спичекъ, фотографій и газетъ.

Въ послѣдующіе дни праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Можно было подумать, что Альфонсъ открылъ какіе-нибудь новые перувианскіе рудники. Въ особенности-же щедры были на бой быковъ, это излюбленное зрѣлище испанцевъ. Никогда еще не лилось столько крови; никогда такое количество вывороченныхъ внутренностей не заставляло искриться отъ удовольствія черныя очи мадридскихъ красавицъ. На этотъ разъ ледъ растаялъ. Аплодировали до изступленія, но не *кронпринцу*, а счастливцу тореадору.

Таковъ-то былъ этотъ торжественный приѣмъ, взволновавшій всю Европу, отъ редакцій газетъ до дипломатическихъ канцелярій. Въ то время, какъ въ Берлинѣ торжествовали, въ Парижѣ ворчали, и вездѣ внимательно прислушивались, — въ Мадридѣ съ самаго начала и до конца оставались вполнѣ равнодушными.

Въ концѣ-концовъ — разочарованіе. Переставимъ-же теперь нашъ объективъ и, перейдя къ дипломатическому дѣйствию, посмотримъ, что происходило у короля. Ограничились-ли объѣмомъ любезностей? Конечно, нѣтъ. Быть можетъ, наследный принцъ плѣнялъ общаніями, могущими подѣйствовать на молодого, честолюбиваго, жаждущаго простора монарха? Къ перспективѣ перечисленныхъ выше посольствъ, къ чести возвышенія на степень великой державы не прибавилъ-ли онъ какого нибудь лакомаго куска Франціи или Марокко, или наконецъ португальскую корону? Это остается неизвѣстнымъ, но что несомнѣнно, такъ это ловкія рѣчи, которыя держались до и во время посѣщенія наследнымъ принцемъ короля Альфонса. «Германія безусловно нуждается въ европейскомъ мирѣ и твердо желаетъ его. Старанія ея дипломатіи имѣютъ единственною цѣлью обезпеченіе общаго соглашенія, такъ сказать лиги, долженствующей оказывать нравственное давленіе на ту или другую державу, неутомность которой подвергла-бы опасности общіе интересы. Въ этомъ собственно и заключается цѣль австро-германскаго союза; присоединяясь къ нему, Италія доставила всеобщему миру новое обезпеченіе».

На первый взглядъ, самый щепетильно-конституціонный монархъ могъ-бы примкнуть къ такому союзу. И это было-бы вѣрно, если-бы онъ не долженъ былъ спросить себя, куда приведетъ его такой первый шагъ, потому что обстоятельства ужасающимъ образомъ измѣняютъ значеніе такихъ соглашеній, заключаемыхъ въ виду случайностей, не имѣющихъ ничего неопредѣленнаго.

Въ Мадридѣ, какъ и въ Римѣ, германская дипломатія держала еще и такія рѣчи, способныя оказать сильное впечатлѣніе на другой

день послѣ *pronunciamento* «Монархическія правительства должны искать болѣе тѣснаго сближенія въ такія времена, когда революціонная партія мечтаетъ о международной пропагандѣ. Необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы испанскіе крайніе республиканцы и социалисты не грозили престолу, удобно водворившись на границѣ или въ столицѣ великой націи, сосѣдяхъ Испаніи.»

Иначе говоря, Германія обезпечить вамъ свое дипломатическое вмѣшательство на случай серьезной опасности, грозящей вашему трону со стороны испанскихъ эмигрантовъ, живущихъ въ Парижѣ; но только, въ отплату, гарантируйте Германія вашу *доброжелательный* нейтралитетъ на случай войны на Вогезахъ и согласитесь путемъ простой военной демонстраціи на сѣверѣ Испаніи остановить движеніе части войскъ нашихъ противниковъ.

Эти попытки могли имѣть нѣкоторый успѣхъ во времена министерства какого-нибудь Кановаса дель Кастильо. Консервативная партія и ея вожди не питаютъ никакой нѣжности къ французской республикѣ, гостепрѣимство которой не обѣщаетъ имъ ничего хорошаго. Сверхъ того, консерваторы имѣютъ слабость къ ограниченному конституціонализму, продвѣтающему на берегахъ Шпрэ, и одинъ изъ ихъ ораторовъ, Ромеро Робledo, въ недавней рѣчи своей, говорилъ въ томъ-же духѣ, какъ германская дипломатія, когда она намѣревается привлечь державы: «Хорошо-бы монархическимъ правительствамъ сблизиться болѣе тѣснымъ образомъ».

Что касается министерства Посады Гереры, нынѣ стоящаго у кормила, то оно отказывается поощрять мечты о величіи молодого короля Альфонса и оказываетъ сопротивленіе сиренѣ изъ рѣки Шпре. Оно находитъ, что Испанія, неприступная у себя дома, слишкомъ слаба для внѣшняго дѣйствія, что она много потеряетъ и ничего не выиграетъ, если станетъ принимать участіе въ континентальныхъ ссорахъ. Сверхъ того, нынѣшній испанскій кабинетъ сочувственно относится къ Франціи.

Такое препятствіе должно было быть устранено, и вотъ почему нѣмецкая печать, подъ импульсомъ своего верховнаго вдохновителя, объявила Герерѣ ожесточенную войну, и, въ то-же время желала всякаго успѣха Кановасу и его друзьямъ. Эти, съ воей стороны, не замедлили выказать все свое почтеніе принцу. На его любезности они отвѣчали всякимъ кокетничаньемъ и ихъ газеты соперничали въ лиризмѣ съ нѣмецкими. Не разъ можно было подумать, что старанія испанской и германской печати увѣнчаются успѣхомъ и Кановасъ дель Кастильо вернется къ кормилу правленія. Но на самомъ дѣлѣ этого нечего было опасаться, какъ справедливо замѣтила «*République française*»,

да это была-бы и опасная игра. «Все идетъ хорошо въ настоящую минуту, замѣчала парижская газета,—и для испанскаго короля и для его гостя. Все будетъ идти хорошо до конца поѣздки. Но подъ условіемъ, что-бы не касались политики. Испанскій народъ не любитъ, когда политикою занимаются у него иностранцы, хотя-бы эти иностранцы были гостями короля. Слѣдуетъ подумать и о томъ времени, которое наступитъ, по отъѣздѣ принца. Скоро соберутся кортесы. Въ этомъ собраніи обсуждаются политическіе вопросы, а политика кортесовъ отзывается на націи. Слѣдовало-бы остерегаться реакцій, и, въ особенности, послѣдствій, которыя онѣ съ собою приносятъ.»

Консерваторамъ это извѣстно болѣе, чѣмъ кому-либо. Они знаютъ, что день ихъ не пришелъ и что имъ было-бы невозможно имѣть большинство въ кортесахъ. Въ кабинета Посады Гереры, только недавній кабинетъ Сагасты имѣетъ нѣкоторый шансъ на возвращеніе. Но оно возможно лишь подъ условіемъ принятія, приблизительно, той-же самой программы для внѣшней политики. «Не заключать союза ни съ Германіей, ни съ Франціей; поддерживать хорошія отношенія со всѣми, но союзовъ не заключать ни съ кѣмъ», такъ говорилъ недавно министръ короля. Только такая политика одобряется общественнымъ мнѣніемъ. А въ Испаніи это мнѣніе не пустой звукъ. Родина Сиды, несмотря на всѣ свои несчастія, сохранила кое-что изъ старыхъ добрыхъ свойствъ своихъ. Характеры не выродились. Въ этой странѣ солнца и открытаго воздуха, перемѣнившей столько правительствъ, общественное мнѣніе высказывается громко и очень свободно. Здравый смыслъ также не умеръ, и народъ имѣетъ ясный инстинктъ своихъ интересовъ. Онъ знаетъ, что держава, которой принадлежитъ теперь гегемонія въ Европѣ, ничего не даетъ даромъ и что если она обѣщаетъ испанскому королевству мѣсто въ европейскомъ концертѣ, а тѣмъ болѣе если прибавитъ къ тому какой-нибудь клочекъ земли, то взамѣнъ навѣрное потребуеетъ, чтобы приняли участіе въ ея ссорахъ. Будущее покажетъ, на сколько правъ монархъ, увлекающійся честолюбивыми мечтаніями, но народъ его смотритъ на дѣло иначе. Испанцы не колебались-бы, если-бы пришлось выбирать. Они любятъ французовъ, ихъ духъ и культуру. Но чего они хотятъ прежде всего,—и это не послѣдняя причина заставляющая ихъ желать сохраненія дружественныхъ отношеній съ запыренейскими сосѣдями, это: приращенія своего національнаго богатства, посредствомъ обширной торговли. Опустошая виноградники на югѣ Франціи, виноградный жучекъ обогатилъ испанскихъ винодѣловъ. Этотъ ужасный опустошитель оказался безсознательнымъ дипломатомъ и

много сдѣлалъ въ смыслѣ скрѣпленія узъ, связывающихъ обѣ страны. Въ настоящую минуту торговые обороты Испаніи съ Франціей составляютъ половину всей ея торговли. Противъ подобныхъ соображеній безсильны какіе-бы то ни были соблазны.

Такъ, значить, канцлеръ и его сообщникъ старый маршалъ потерпѣли крушеніе? спросить читатель. Дѣйствительно они имѣютъ основаніе этого бояться.

Итакъ всѣ любезности и заигрыванія, не исключая уланскаго мундира и фуражки, перешитой императрицею, все осталось тщетнымъ? Отъ всѣхъ иллюзій, отъ всего великолѣпнаго плана, заправшаго Францію какъ-бы въ мышеловку, не остается ровно ничего? Ничего—это слишкомъ сильно сказано. Остается для кропринца дружба съ Альфонсомъ, а для Бисмарка—сбытъ для его водокъ. Я забылъ сказать, что къ числу многообразныхъ занятій своихъ, канцлеръ присоединяетъ винокуреніе. Я могъ-бы даже, еслибъ то оказалось нужнымъ, сообщить адресъ завода. Это ничто иное, какъ Варцинъ. Заводъ превосходный, снабженный самыми усовершенствованными приборами. Онъ поставляетъ для торговли 90.000 литровъ въ мѣсяцъ. Это, какъ видите, сбытъ не всегда легко. Потому, за отсутствіемъ договора о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, поручено было заключить хорошенькій торговый трактатецъ, въ силу котораго молодой Альфонсъ обязется взять Бисмарка своимъ поставщикомъ.

Если теперь мы вернемся къ Италиі, то, быть можетъ, кончимъ тѣмъ, что найдемъ пресловутый союзъ менѣе прочнымъ съ этой стороны, чѣмъ бы то казалось. Не имѣя возможности войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса, я ограничусь указаніемъ одного факта.

Около конца ноября коалиція лѣвыхъ была провозглашена Криспи на большомъ собраніи въ Палермо и, нѣсколько дней спустя скрѣплена въ Неаполѣ банкетомъ, гдѣ главы оппозиціи сошлись со своими сторонниками. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, рѣчей произнесено было не мало. Кайроли Криспи и Цанарделли говорили одинъ за другимъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Кайроли отказался высказаться по внѣшней политикѣ.

Криспи проявилъ обычную невоздержность въ этомъ отношеніи, а Цанарделли говорилъ въ весьма умѣренномъ тонѣ. Объявляя себя сторонникомъ союза съ Германіей и Австріей, онъ мотивировалъ свое мнѣніе весьма странными причинами. Между прочимъ, тѣмъ, что Италія должна быть звеномъ между латинскими и германскими націями. Онъ прибавилъ, однакоже, что считалъ-бы

такой союзъ слишкомъ дорого купленнымъ, еслибы для него пришлось жертвовать принципомъ или національнымъ достоинствомъ. По его мнѣнію, внутренняя политика не должна быть подчиняема вѣншней.

Вѣрнѣе нельзя было указать узелъ этого вопроса о союзахъ, занимающаго вотъ уже цѣлый годъ такое обширное мѣсто въ итальянской политикѣ. Ораторъ понялъ, на какихъ условіяхъ нынѣшній президентъ совѣта министровъ, Депретисъ, долженъ былъ купить престижъ соглашенія съ двумя имперіями, и указалъ, въ то-же время, на противорѣчіе, парализующее галлофобію Криспи.

Палермскій депутатъ отказывается видѣть, что его иностранная политика есть рѣшительное отрицаніе внутренней. Онъ съ нетерпѣніемъ и досадою терпитъ остатокъ вліянія и престижа папскаго престола, а Пруссія, которой онъ довѣряетъ и поклоняется, запрещаетъ ему касаться духовнаго главы, при которомъ у Бисмарка имѣется аккредитованный министръ. Криспи, по наклонностямъ и прошлому тяготѣетъ къ радикализму и ирредентизму, до полусообщничества, что рѣшительно несовмѣстимо съ обязательствами, принятыми на себя относительно державъ-союзницъ.

Когда старшій Депретисъ, изнемогая подъ бременемъ лѣтъ и коалиціи своихъ противниковъ, исчезнетъ со сцены, пять вождей оппозиціи стануть у кормила. Интересно будетъ посмотрѣть, какъ выпутаются они изъ этихъ противорѣчій, какъ поведутъ себя относительно программы, которая представляетъ совершеннѣйшій политическій винигретъ. Въ тотъ день плохо придется союзу: если его не порветъ министерство, то разорветъ Бисмаркъ, имѣющій привычку искать союзниковъ не въ средѣ анархіи.

Впрочемъ, и здѣсь канцлеру готово вознагражденіе. Если Испанія доставила ему сбить для водки, то въ Италію онъ можетъ сбывать свой лѣсъ, такъ какъ лѣсопромышленность одно изъ горячихъ пристрастій Бисмарка. По этому поводу одна берлинская газета приписывала ему недавно слѣдующія размышленія: «Съ сожалѣніемъ замѣчаю, говорилъ канцлеръ,—что вещи, которыми я всего живѣе интересовался, все менѣе и менѣе занимаютъ меня. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ охота не привлекаетъ меня; я перестаю любить верховую ѣзду; вы увидите, что, можетъ быть, скоро опротивѣетъ мнѣ и политика. Только однимъ еще могу заниматься со страстью: моими лѣсными насажденіями, моими соснами и дубами».

Ахъ, еслибы то была правда! Въ Европѣ стало-бы немного веселѣе, да, я полагаю, что и въ Берлинѣ также.

Жиннѣ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Уильямъ Сименсъ.—Значеніе его въ области науки и техники.—Его новая теорія сохраненія солнечной энергіи.—Отчеты холерныхъ комиссій.

7/19 ноября скончался въ Англіи Чарльзъ Уильямъ Сименсъ, замѣчательный ученый и техникъ, съ именемъ котораго связанъ длинный рядъ капитальныхъ работъ и изобрѣтеній въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ науки и промышленности, человѣкъ, который своею умственной работою создалъ для человѣчества громаднаго матеріальнаго богатства, произвелъ радикальный переворотъ въ области человѣческаго труда и былъ однимъ изъ творцовъ того новаго, могучаго орудія прогресса, которымъ является въ настоящее время электричество въ его разнообразныхъ приложеніяхъ. Біографія такихъ людей, естественно, представляетъ собою не что иное, какъ длинный перечень научныхъ работъ, открытій, изобрѣтеній, главу изъ исторіи развитія человѣческихъ знаній, болѣе или менѣе обширную, болѣе или менѣе интересную, смотря по прилежанію, по талантности того, кто доставлялъ для нея матеріалъ, но очевь немногіе сумѣли наполнить эту главу такою массою блестящихъ фактовъ, какъ Сименсъ. Глядя на то количество работъ, которое одолѣлъ этотъ человѣкъ въ теченіи своей жизни, невольно удивляешься, какъ онъ еще находилъ время, чтобы интересоваться посторонними предметами, слѣдить за общественною жизнью страны, предсѣдательствовать въ ученыхъ обществахъ, провозносить рѣчи, путешествовать и т. д.—Уильямъ Сименсъ, самый даровитый и дѣятельный изъ «братъевъ Сименсъ», которые подъ этою коллективною фирмою фигурируютъ на первомъ мѣстѣ въ многочисленныхъ отрасляхъ современной техники, по происхожденію—нѣмецъ. Онъ родился 4 апрѣля 1823 г., въ маленькомъ городкѣ Ганновера, учился сначала въ Любекѣ, затѣмъ въ магдебургской политехнической школѣ и, наконецъ, въ Гэттингенѣ; девятнадцати лѣтъ онъ былъ уже инженеромъ и немедленно послѣдовалъ по стопамъ своего старшаго брата Вернера, который уже успѣлъ обратить на себя

вниманіе нѣсколькими изобрѣтеніями. Придумавъ вмѣстѣ съ братомъ новый методъ гальваническаго золоченія и серебренія, Уильямъ отправился въ Англію, надѣясь продать здѣсь свое изобрѣтеніе, которое дѣйствительно и было тотчасъ куплено однимъ богатымъ англійскимъ промышленникомъ, старавшимся монополизировать въ своихъ рукахъ это новое еще въ то время дѣло. Вернувшись на родину, онъ въ слѣдующемъ-же году снова отправляется въ Англію и опять везетъ съ собою изобрѣтеніе,—дифференціальныи регуляторъ для паровыхъ машинъ. Начиная съ этого времени, онъ окончательно поселился въ Англію, женился на шотландкѣ и сдѣлался британскимъ подданнымъ. Но связь его съ братьями не прекращалась; онъ постоянно работалъ то съ однимъ изъ нихъ, то съ другимъ и главнымъ образомъ съ Вернеромъ; большинство изобрѣтеній, приписываемыхъ тому или другому изъ братьевъ, въ сущности составляетъ плодъ коллективной работы, и публика до того привыкла ихъ смѣшивать, что когда говорятъ объ изобрѣтеніяхъ «Сименса», англичанинъ увѣренъ, что рѣчь идетъ объ Уильямѣ, а обитатель Берлина думаетъ о Вернерѣ. Въ Англію, куда онъ пріѣхалъ почти безъ всякихъ средствъ, едва умѣя связать нѣсколько словъ по-англійски, Уильямъ Сименсъ быстро приобрѣлъ себѣ извѣстность, и имя его вскорѣ стало фигурировать на ряду съ именами самыхъ выдающихся представителей англійской науки, составляющихъ гордость націи. Быстро создавъ себѣ громадное состояніе, очутившись во главѣ сталелитейной промышленности и нѣсколькихъ крупныхъ предпріятій въ области электротехники, Сименсъ тѣмъ не менѣе продолжалъ неутомимо работать до послѣднихъ дней своей жизни. Богатство, казалось, служило для него только средствомъ, позволявшимъ ему въ широкихъ размѣрахъ провѣрять свои изобрѣтенія, вносить въ нихъ все новыя и новыя усовершенствованія; высшимъ наслажденіемъ его былъ трудъ; матеріальными благами жизни, досугомъ и удовольствіями онъ навѣрное пользовался менѣе многихъ другихъ людей, не обладавшихъ и тысячною долею его состоянія. Дать полное понятіе о всей суммѣ работъ, совершенныхъ Сименсомъ, въ короткомъ біографическомъ очеркѣ довольно трудно; чтобы оцѣнить то количество умственного труда, которое представляетъ собою всякое его изобрѣтеніе, необходимо самому быть специалистомъ-техникомъ; но многосторонній характеръ его дѣятельности самъ собою бросается въ глаза уже при простомъ перечнѣ главныхъ его изобрѣтеній, причемъ, какъ мы уже говорили, не слѣдуетъ забывать, что и въ большинствѣ работъ остальныхъ братьевъ ему принадлежитъ значительная доля участія. Вотъ, на примѣръ, въ какихъ выраженіяхъ

извѣстный нѣмецкій фізіологъ Дюбуа-Реймонъ характеризуетъ то значеніе, которое имѣли братья Сименсъ для современной техники, въ своемъ отчетѣ о прошлогоднемъ конгрессѣ «Британской ассоціаціи естествоиспытателей», председателемъ которой въ то время былъ Уильямъ Сименсъ *): — «Съ именемъ Сименса связаны важнѣйшіе изъ успѣховъ современной техники. То значеніе, которое Крупъ имѣлъ для войны, коллективное имя Сименсъ имѣетъ для мира. Сименовы телеграфныя проволоки во всѣхъ направленіяхъ опоясываютъ земной шаръ, пароходъ Сименса «Фарадей» почти непрерывно работаетъ надъ сооруженіемъ новыхъ линий подводнаго телеграфнаго сообщенія; сименовскіе методы разрѣшаютъ при этомъ такую задачу, въ сравненіи съ которой придуманный народнымъ юморомъ подвигъ отыскать иголку въ стогѣ сѣна—представляется необыкновенно легкимъ,—задачу, заключающуюся въ томъ, чтобы среди бурнаго моря, на глубинѣ долины Шамуни, выловить концы оборвавшагося телеграфнаго каната. Вопреки противному рѣшенію парижскаго электрическаго конгресса, электрическое сопротивленіе еще долго будетъ измѣряться сименовскими ртутными единицами. Имя Сименса написано на нашихъ гидрометрахъ, чистота и доброкачественность русскаго спирта контролируется аппаратами Сименса. Сименовскіе методы золоченія и серебренія, сименово анастатическое книгопечатаніе отмѣтили новую ступень въ развитіи этихъ отраслей промышленности. Сименовы дифференціальныя регуляторы съ одинаковою точностью управляютъ и дѣятельностью могучихъ паровыхъ машинъ, которыя въ Вулчѣ куютъ англійское оружіе, и движеніями астрономическихъ хронографовъ на обсерваторіи Гринича. Всякому технику извѣстны сименовы сталелитейныя и стальнойныя заводы съ сименовскими регенеративными печами; весь міръ слышалъ про сименовскіе кремационныя аппараты. Сименовъ электрическій свѣтъ блещетъ всюду въ общественныхъ зданіяхъ и на площадяхъ; а вскорѣ и въ теплицахъ сименова электровульпура побѣдятъ длину сѣверныхъ ночей. Сименовское газовое освѣщеніе соперничаетъ съ сименовскими электрическими лампами. Сименова электрическая желѣзная дорога, которая до сихъ поръ соединяла только Дихтерфельде съ кадетскимъ корпусомъ и Шарлоттенбургъ съ западнымъ концомъ Берлина, навѣрное вытѣснитъ другіе способы сообщенія въ городахъ и туннеляхъ. Электрическій плавильный тигель Сименса, который въ двадцать минутъ приво-

*) *E. du Bois-Reymond*. Die zweiundfünfzigste Versammlung der britischen Naturforscher.—Deutsche Rundschau, Nov. 1882.

дить въ жидкое состояніе четыре килограмма платины, былъ однимъ изъ чудесъ парижской выставки, о которой даже говорили, что она въ сущности не что иное какъ выставка сименсовскихъ аппаратовъ и произведеній. Тутъ-же можно было видѣть неслыханныя массы мѣди, осажденной гальванопластическимъ путемъ посредствомъ сименсовыхъ токовъ. Наковецъ, невозможно даже предвидѣть, къ какимъ результатамъ приведетъ электрическая передача силъ посредствомъ сименсовой динамо-электрической машины, при помощи которой громадная рабочая энергія, бесплодно пропадающая на берегахъ Сѣвернаго моря въ видѣ прилива и отлива, быть можетъ, будетъ утилизироваться въ Берлинѣ для освѣщенія, отопления и уличнаго сообщенія». — Въ началѣ нашего очерка мы назвали Уильяма Сименса однимъ изъ творцовъ современной электротехники, и онъ, дѣйствительно, имѣетъ полное право на это имя. Ему, наравнѣ съ братомъ его Вернеромъ, принадлежитъ слава изобрѣтенія знаменитой электро-динамической машины, носящей ихъ имя. Прегніе магнито-электрическіе генераторы, въ которыхъ электрическіе токи индуцировались постоянными магнитами, были совершенно непригодны для произведенія сильныхъ токовъ и не могли вырабатывать того количества электрической энергіи, которое необходимо для интенсивнаго электрическаго освѣщенія, для значительной механической работы. Двумъ братьямъ впервые пришла въ голову геніальная мысль замѣнить постоянный стальной магнитъ генератора электромагнитомъ, и, благодаря этому, слабая магнито-электрическая машина превратилась въ могучій источникъ электричества. Дѣло въ томъ, что всякая полоса изъ мягкаго желѣза обладаетъ слабыми магнитными свойствами, которыя возбуждаются въ ней земнымъ магнетизмомъ; этими свойствами и воспользовались братья Сименсы: часть токовъ, индуцируемыхъ такимъ слабымъ магнитомъ въ спираляхъ вращающихся катушекъ, посредствомъ коммутатора отводится въ проволоку, обвивающую желѣзную полосу, и превращаетъ послѣднюю въ электромагнитъ; подъ вліяніемъ усилившагося магнетизма, индуктивные токи становятся сильнѣе, а слѣдовательно и по спиралямъ магнита пробѣгаетъ болѣе сильный токъ, который опять-таки усиливаетъ его магнитныя свойства, вызываетъ еще болѣе сильныя токи въ катушкахъ и т. д., вплоть до крайнихъ предѣловъ, которыхъ можетъ достигнуть процессъ намагничиванья желѣза. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ основная идея, на которой было построено изобрѣтеніе новой машины. Позднѣ Грамму удалось изобрѣсть другую, болѣе совершенную; послѣ него явилось еще нѣсколько новыхъ системъ, но всѣ онѣ основаны на первоначальномъ, такъ сказать коренномъ,

изобрѣтеніи Сименсовъ: всюду фигурируетъ электромагнитъ, который и даетъ машинамъ возможность производить могучіе электрическіе токи. Безъ изобрѣтенія Сименса немислимо-бы было ни то блестящее электрическое освѣщеніе, которое вводится теперь почти во всѣхъ большихъ городахъ, ни утилизація электричества въ механической работѣ, ни передача рабочей силы на значительное разстояніе; словомъ — изобрѣтеніе первой *динамо-электрической* машины, какъ ее называли изобрѣтатели въ отличіе, отъ прежней магнито электрической, послужило главнымъ толчкомъ для всего дальнѣйшаго быстрого развитія электротехники, которая съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе обширную почву. Но давъ этотъ толчокъ, Сименсы, какъ читатель могъ убѣдиться изъ вышеприведенныхъ словъ Дюбуа-Реймона, первне-же и пошли впередъ въ указанномъ ими направленіи. Изъ числа самыхъ выдающихся практическихъ работъ, которыми прославился Уильямъ Сименсъ въ области электротехники, упомянемъ еще о проведеніи знаменитаго трансатлантическаго телеграфнаго каната. Все это гигантское предпріятіе было выполнено подъ главнымъ его руководствомъ, при помощи построеннаго по его плану парохода «Фарадей», который и теперь еще продолжаетъ функціонировать, и здѣсь Сименсъ точно также оказался почти непогрѣшимымъ мастеромъ своего дѣла, какъ и во всемъ, за что-бы ему ни приходилось браться. «Передъ вами пароходъ, говоритъ другой знаменитый англійскій физикъ, Томсонъ, близкій другъ Сименса, въ посвященномъ его памяти некрологѣ*)» — передъ вами пароходъ, который маневрируетъ лучше всякаго другого, который съ полнымъ усиліемъ совершаетъ въ высшей степени трудныя и delicate операціи погруженія и извлеченія каната на глубинѣ 5000 метровъ, который во всякое время года, во всякую погоду функціонируетъ безъ малѣйшаго приключенія, и этотъ пароходъ построенъ человѣкомъ, который родился въ центрѣ Европы и всю свою жизнь провелъ на сушѣ, изучая приложенія науки къ механикѣ». — Три мѣсяца тому назадъ, на сѣверѣ Ирландіи открыта построенная Уильямомъ Сименсомъ желѣзная дорога между городами Портрэшъ и Бушмильсъ, которая перевозитъ пассажировъ на протяженіи десяти километровъ по значительнымъ наклонамъ почвы и заимствуетъ двигательную силу изъ рѣки Брэшъ, находящейся на разстояніи 12 километровъ отъ Портрэша. Наконецъ, собственное хозяйство Сименса представляетъ собою настоящую выставку всевозможныхъ

*) Sir Charles William Thomson, by William Thomson.—The Nature, Nov. 29.

приложеній электричества въ различныхъ его видахъ. Вотъ какъ онъ описываетъ его самъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ октябрѣ прошлаго года, въ Бирмингемѣ, по случаю раздачи наградъ ученикамъ Coventry Science Classes:—«На моей собственной фермѣ, близъ Тэнбриджъ-Уэльса, я не имѣлъ къ своимъ услугамъ водопада, а потому воспользовался другого рода силою,—тою, которая порождается паровою машиною, не теряя при этомъ ни малѣйшей доли производимой ею теплою теплоты. Путь, которымъ я достигъ этого, крайне простъ. Паровая машина приводитъ въ движеніе динамо-электрическую, а послѣдняя доставляетъ силу, необходимую для того, чтобы по вечерамъ освѣщать весь домъ, а ночью снабжать теплицы искусственнымъ солнцемъ. Это искусственное солнце даетъ мнѣ возможность производить среди зимы дыни, персики, землянику и тому подобныя плоды. Если-бы при этомъ въ моемъ распоряженіи была водяная двигательная сила, то, для достиженія всѣхъ этихъ результатовъ, не требовалось-бы никакихъ издержекъ, за исключеніемъ расходовъ на поддержаніе нѣсколькихъ простыхъ машинъ. Но паръ мой не пропадаетъ. Послѣ того, какъ онъ прошелъ сквозь машину, я его сгущаю въ трубчатомъ конденсаторѣ, при помощи котораго снабжаются теплотою мои оранжереи и жилия помѣщенія. Благодаря этому, съ тѣхъ поръ, какъ у меня введены электрическое освѣщеніе и динамо-электрическая машина, я трачу на топливо не больше, чѣмъ прежде, при обыкновенномъ отопленіи теплицъ. Днемъ, порождаемый динамическою машиною токъ отводится въ другую часть фермы, гдѣ онъ утилизируется для накачиванія воды, которая поднимается на высоту двухсотъ футовъ и затѣмъ проводится въ домъ, въ садъ, въ конюшни и во все хозяйство; другая проводочная вѣтвь служитъ для того, чтобы при помощи электричества колоть дрова, рѣзать солому и производить нѣкоторыя другія необходимыя работы». Но, быть можетъ, самое обширное приложеніе получило другое изобрѣтеніе Уильяма Сименса,—его знаменитая газовая печь, которая введена теперь въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности и произвела цѣлую революцію въ стеклянномъ и желѣзномъ дѣлѣ. Экономію топлива, которая достигается теперь благодаря этимъ печамъ, трудно даже измѣрить. Выгода ихъ основана на томъ, что утилизируется не то пламя, которое даетъ непосредственно горѣніе каменнаго угля, дровъ или торфа, а пламя тѣхъ газовъ, которые получаются какъ продуктъ горѣнія топлива. Благодаря такъ называемому регенератору, которымъ снабжена печь Сименса и при

*) D-r W. Siemens. Ueber Verschwendung.— Deutsche Rundschau, Febr. 1883

помощи котораго нагрѣтый горящимъ очагомъ наружный атмосферный воздухъ въ свою очередь утилизируется для нагрѣванія сжигаемыхъ газовъ, возможно, даже съ такими несовершенными видами топлива, какъ торфъ, достигать самыхъ высокихъ температуръ, причемъ, въ добавокъ, получается чистое, яркое пламя безъ малѣйшей копоти, пламя, интенсивность котораго можно урегулировать самымъ точнымъ образомъ. Въ результатъ получается громадная экономія и въ формѣ топлива, которое утилизируется до послѣдней частицы, и въ формѣ тѣхъ постороннихъ продуктовъ, которые пропадали безъ всякой пользы, пока отопленіе производилось посредствомъ обыкновенныхъ печей. Насколько выгодно пользоваться пламенемъ газа, вмѣсто того, чтобы сжигать, на примѣръ, прямо каменный уголь, показывается слѣдующій расчетъ Сименса, по которому оказывается, что цѣнность постороннихъ продуктовъ, получающихся въ настоящее время при производствѣ газа въ Англіи, въ видѣ красящихъ веществъ, амміака, дегтя, креозота, карболовой кислоты и кокса, ежегодно на 3 миліона фунтовъ стерлинговъ превышаетъ цѣнность употребленнаго при производствѣ, сырого каменнаго угля. Можно себѣ вообразить, какія баснословныя массы топлива, этого великаго источника свѣта, теплоты и рабочей энергіи, пропадаютъ бесполезно на земномъ шарѣ, и хотя новый методъ отопленія, изобрѣтенный Сименсомъ, приложень еще далеко не повсюду, однако и теперь уже цивилизованное человѣчество, благодаря ему, сберегаетъ ежегодно огромныя суммы, и если эти сбереженія въ настоящее время ведутъ только къ обогащенію немногихъ, вмѣсто того, чтобы повышать уровень благосостоянія всѣхъ людей, то виновать въ этомъ не Сименсъ. « Пользуясь каменнымъ углемъ, какъ топливомъ, говоритъ онъ въ своей рѣчи на конгрессѣ британскихъ естествоиспытателей, мы не только теряемъ вышеупомянутыя драгоценныя вещества, но кромѣ того заражаемъ атмосферу тѣми газообразными посторонними продуктами, которые въ видѣ дыма слишкомъ хорошо знакомы жителямъ Лондона и другихъ большихъ городовъ. Профессоръ Робертсъ вычислилъ, что количество сажи, заключающееся въ томъ траурномъ плащѣ, который въ теченіи одного дня виситъ надъ Лондономъ, вѣситъ 50 тоннъ (50,000 килогр.) и что вѣсъ окиси углерода, того смертельнаго яда, который является продуктомъ неполнаго сгорания угля, по крайней мѣрѣ въ пять разъ превышаетъ вѣсъ этой сажи. Кромѣ того, въ интересномъ сообщеніи, сдѣланномъ королевскому обществу въ Единбургѣ въ прошломъ году, мистеръ Эткингъ показалъ, что мелкая пыль, носящаяся въ воздухѣ, вслѣдствіе неполнаго сгорания угля, играетъ существенную роль въ образова-

ни тумана, такъ какъ каждая твердая частица притягиваетъ къ себѣ водяные пары. Эти туманные шарики становятся еще особенно липкими и неприятными, вслѣдствіе примѣси паровъ дегтя, другого продукта неполнаго сгорания угля, которымъ выгоднѣе-бы было пользоваться въ красильняхъ. Гибельное вліяніе дыма на общественное здоровье, большія неудобства, которыя испытываетъ отъ него каждое отдѣльное лицо, и значительные убытки, которыя онъ причиняетъ, постепенно разрушая наши памятники, портя наши картины, нашу мебель и нашу одежду, теперь достаточно уже признаны, судя по успѣху недавней «выставки для уничтоженія дыма».—Устраненію этого важнаго неудобства, сопряженнаго съ настоящими способами отопленія и имѣющаго по всей вѣроятности, большое вліяніе на распространеніе многихъ паразитическихъ болѣзней, Сименсъ посвящалъ въ послѣдніе три года значительную часть своего времени. За три дня до смерти онъ пишетъ Томсону длинное письмо, въ которомъ ни слова не говоритъ о своемъ здоровьѣ, но подробно излагаетъ устройство новаго аппарата, посредствомъ котораго онъ думалъ ввести во всеобщее употребленіе отопленіе безъ дыма, сожигая газообразные продукты угля въ соединеніи съ кислородомъ и водородомъ воды и съ кислородомъ воздуха. Аппаратъ этотъ въ то время уже функционировалъ въ его имѣніи, и Сименсъ приглашалъ Томсона присутствовать при опытахъ, которые онъ намѣревался предпринять тамъ въ ближайшемъ будущемъ. Изобрѣтенный имъ новый способъ фабрикаціи стали далъ возможность фабриковать ее по такой низкой цѣнѣ, что теперь она не дороже желѣза, и самъ онъ скоро очутился во главѣ громаднаго промышленнаго предпріятія, о значеніи котораго можно получить нѣкоторое понятіе уже по примѣру одной его сталелитейной фабрики въ Суонсеѣ, производящей ежедневно 1000 тоннъ (миліонъ килограммовъ) литой стали, между тѣмъ какъ количество стали, изготовленной по его методу въ Великобританіи въ 1882 году равнялось 500,000 тоннъ.

Но даже при такой массѣ специальныхъ техническихъ работъ Сименсъ находилъ еще возможность заниматься вопросами чисто научными, общими. Послѣдняя работа его, представленная въ мартѣ прошлаго года въ Британское королевское общество, посвящена чрезвычайно остроумной гипотезѣ, посредствомъ которой онъ старается объяснить сохраненіе солнечной энергіи *). Известная теорія постепеннаго охлажденія солнца, которая въ далекомъ

*) *W. Siemens. The conservation of solar energy. Nineteenth Century. April 1882.*

будущемъ пророчить конецъ всякой органической жизни на нашей планетѣ, царство смерти и ледяного холода во всей солнечной системѣ,—теорія, на которой зиждется въ значительной степени вся сущность пессимистическаго міросозерцанія, не могла удовлетворить такого человѣка, какъ Сименсъ. Въ немъ самомъ было такъ много несокрушимой энергіи, его собственная жизнь была такъ всецѣло посвящена разумному творчеству, что перспектива прекращенія жизни во всей ея совокупности, какъ конечная цѣль эволюціоннаго процесса, невольно казалась ему логическимъ абсурдомъ, и въ своей новой теоріи онъ старается доказать, что солнечная энергія, напротивъ, непрерывно возрождается, что солнце навсегда останется вѣчнымъ, неизсякаемымъ источникомъ свѣта и тепла, и что, слѣдовательно, прогрессивному развитію органической жизни на землѣ нѣтъ предѣловъ. Теорія эта такъ остроумна и оригинальна, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нею читателя, предоставляя критическую оцѣнку ея людямъ болѣе насъ компетентнымъ.

Если мы примемъ во вниманіе, что количество теплоты, ежегодно воспринимаемое земнымъ шаромъ отъ солнца, въ миллионъ разъ превышаетъ то количество, которое можетъ быть произведено сожженіемъ всего добываемаго на землѣ за тотъ-же промежутокъ времени каменнаго угля (около 280.000,000 тоннъ), то уже это одно даетъ намъ нѣкоторое понятіе о громадной потерѣ теплоты, которую должно испытывать солнце; а между тѣмъ земля поглощаетъ только $\frac{1}{2250.000,000}$ часть всей теплоты, испускаемой солнечной сферою, а вмѣстѣ съ другими планетами, положимъ, въ десять разъ больше, т. е. $\frac{1}{225.000,000}$. Вся остальная теплота, повидимому, совсѣмъ не утилизируется солнечною системою и пропадаетъ въ интерпланетарномъ пространствѣ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ велика должна быть эта потеря, опять-таки достаточно припомнить, что, по приблизительному вычисленію, каждый квадратный футъ солнечной поверхности испускаетъ въ часъ 18.000,000 тепловыхъ единицъ. «Если-бы весь земной шаръ представлялъ собою сплошную массу каменнаго угля, говоритъ Сименсъ, поясняя эту цифру нагляднымъ примѣромъ,—и могъ-бы служить запасомъ топлива для солнечнаго истопника, то запаса этого хватило-бы всего на 36 часовъ». Несмотря на эту огромную и непрерывную потерю теплоты, температура солнца, однако, не измѣнилась, непонизилась въ теченіи столѣтій. Этотъ, съ перваго взгляда, непонятный фактъ пытались объяснить различными болѣе или менѣе удовлетворительными гипотезами, въ числѣ которыхъ болѣе

всего обращают на себя внимание гипотеза Гельмгольца, предполагающего постоянное уменьшение объема солнца, и гипотеза Томсона, который думает, что температура поверхности солнца, не смотря на постоянное лучеиспускание, удерживается на определенной высотѣ потогами болѣе горячей матеріи, непрерывно приливающей къ поверхности изъ центра жидкой солнечной сферы. Но обѣ эти гипотезы нисколько не исключаютъ и не отрицаютъ безвозвратной потери огромной массы солнечной теплоты, и постоянство температуры солнца, какъ при одномъ, такъ и при другомъ объясненіи, должно имѣть свои предѣлы. Посмотримъ-же теперь, на какихъ соображеніяхъ Сименсъ строить свою теорію сохраненія солнечной энергіи. Прежде всего онъ предполагаетъ что интерпланетарное пространство наполнено въ высшей степени разрѣженными газами, — которые состоятъ изъ водорода, кислорода, азота, углерода и ихъ соединеній, а кромѣ того частичками твердой матеріи въ видѣ мельчайшей пыли; въ такомъ случаѣ каждая планета, въ силу притяженія, оказываемаго ею на газы интерпланетарнаго пространства, дѣйствительно, образовала-бы около себя атмосферу, которая состояла-бы главнымъ образомъ изъ болѣе тяжелыхъ и плотныхъ газовъ, то есть изъ азота, кислорода и углекислоты, между тѣмъ какъ водородъ и его соединенія преобладали-бы въ пространствѣ. Въ подкрѣпленіе подобной гипотезы, Сименсъ приводитъ, между прочимъ, мнѣніе такихъ авторитетовъ, какъ Гумбольтъ и Ньютонъ, которые точно также считали присутствіе газообразныхъ веществъ въ міровомъ пространствѣ очень вѣроятнымъ, указываетъ на газы, заключающіеся въ метеоритахъ и содержащіе 45% водорода, на химическій составъ ядра кометъ и т. д., но размѣры нашей хроники, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ останавливаться на этихъ частностяхъ его аргументаціи, а потому мы спѣшимъ перейти къ изложенію сущности гипотезы. — Какъ извѣстно, солнце совершаетъ одинъ оборотъ вокругъ своей оси въ теченіи 25 дней, и если принять діаметръ его равнымъ 882,000 миль, то оказывается, что тангенціальная скорость его достигаетъ 1,25 мили въ секунду; другими словами -- каждая точка солнечнаго экватора движется съ такою скоростью, которая приблизительно въ пять разъ больше тангенціальной скорости земнаго шара. Въ силу этого быстрого вращенія, солнце должно увлекать въ своемъ движеніи и окружающіе его газы, притягивая ихъ къ своимъ полярнымъ поверхностямъ и, наоборотъ, отбрасывая ихъ съ экваторіальнаго пояса въ видѣ непрерывнаго дискообразнаго потока, устремляющагося со всѣхъ точекъ экватора въ пространство. Такимъ образомъ водородъ, углеводородистыя соеди-

поверхности солнца, при такихъ условіяхъ, въ теченіи одной секунды сгорало-бы 100 куб. фут. газа, вѣсящихъ 8 фунтовъ, и, слѣдовательно, въ часъ на этомъ небольшомъ пространствѣ развивалось-бы $8 \times 60 \times 60 \times 2,100 = 60,480,000$ тепловыхъ единицъ. Предполагая затѣмъ, что полярная поверхность, надъ которою происходитъ это горѣніе, составляетъ приблизительно одну треть всей поверхности солнца, мы получимъ для каждаго квадратнаго фута солнечной поверхности около 20,000,000 тепловыхъ единицъ, между тѣмъ какъ, по измѣреніямъ Гершеля и Пулье, тотъ-же квадратный футъ этой поверхности теряетъ только 18 милліоновъ единицъ тепла. — Разсчитать этотъ, конечно, приблизительный, и возвращенное солнцу количество теплоты, на самомъ дѣлѣ; ни коимъ образомъ не можетъ превышать того количества, которое оно теряетъ; напротивъ, та доля тепловыхъ единицъ, которая, напри-мѣръ, поглощается землею и порождаетъ на ней растительность, составляетъ безвозвратную потерю для солнца; но доля производительно потраченной солнечной теплоты, какъ мы уже говорили, ничтожна въ сравненіи съ громадной массой тепловыхъ лучей, устремляющихся въ интерпланетарное пространство, а эти тепловые лучи, по теоріи Сименса, не пропадаютъ безслѣдно, и уносимыя ими теплота дѣликомъ возвращается къ солнцу, благодаря тому процессу, который мы описывали. Такимъ образомъ, солнечная энергія постоянно возрождается; солнце не потухнетъ даже черезъ милліоны лѣтъ, и жизнь будетъ безпредѣльно развиваться на землѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вся Европа была взволнована тревожными извѣстіями о близости новаго, знакомаго ей по горькому опыту, бѣдствія. «Холера у воротъ Европы!» Этотъ крикъ ужаса, повторявшійся на разные лады всѣми европейскими газетами, подѣйствовалъ, какъ ударъ влута; во Франціи, въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Россіи—всюду принимались дѣятельныя мѣры для огражденія Европы отъ ужасной гостыи. Учреждались карантинныя, вырабатывались спеціальныя санитарно-полицейскія правила, которыя должны были вступить въ силу съ перваго-же дня появленія холеры, печатались популярныя брошюры съ наставленіями по части домашней гігіены, ассигновались крупныя суммы на улучшеніе гігіеническихъ условій въ городахъ, назначались ученые коммиссіи для изученія болѣзни, словомъ—грянулъ громъ, и мужикъ началъ креститься. Только Англія упорно отрицала опасность и не хотѣла знать никакихъ карантинныхъ, которые слишкомъ чувствительно отозвались-бы на ея торговыхъ интересахъ. Въ счастью, туча на этотъ разъ прошла мимо и не толь-

ко пощадилъ Европу, но принесла ей даже нѣкоторую пользу. Видно, и въ самомъ дѣлѣ, человѣку нужна отъ времени до времени остротка, безъ которой онъ слишкомъ охотно поддается фаталистической безпечности, такъ живописно выражающейся въ русской пословицѣ—«Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ».—Такъ и теперь страхъ передъ холерой подѣйствовалъ какъ эпергическій стимулъ, благодаря которому, во-первыхъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ усерднѣе заботились объ интересахъ общественнаго здоровья, а во-вторыхъ, нашли нужнымъ подвергнуть, наконецъ, и самую эту болѣзнь, періодически завозимую въ Европу, серьезному изученію на мѣстѣ. Именно теперь, когда все болѣе выясняется паразитическій характеръ большинства заразительныхъ болѣзней, изученіе это обѣщало быть особенно интереснымъ. Предстояло прежде всего рѣшить вопросъ, дѣйствительно-ли въ Египтѣ настоящая азиатская холера, или только холероидная болѣзнь, какъ увѣряли англичане, а затѣмъ найти специфическаго паразита холеры, ту бактерію, которая, какъ можно было думать а priori, составляетъ существенную причину эпидемическаго болѣзненнаго процесса. Изучить болѣзнь, открыть ея истинную причину—значитъ почти на половину разрѣшить вопросъ о ея исцѣленіи; противъ врага извѣстнаго бороться легче, чѣмъ противъ невидимаго и невѣдомаго. Въ виду этого, не только ученный міръ, но и обыкновенные смертные изъ публики, интересующіеся научными вопросами, такъ близко касающимися жизни, съ живѣйшимъ интересомъ узнали о снаряженіи двухъ ученыхъ комиссій, нѣмецкой и французской, отправлявшихся въ Египетъ для изученія холеры, тѣмъ болѣе, что во главѣ первой комиссіи стоялъ извѣстный нѣмецкій ученый Кохъ, особенно прославившійся открытіемъ туберкулезной бактерии, а вторая была снаряжена по инициативѣ Пастера, который хотя и не сопровождалъ ее лично, но находился съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ. Въ настоящее время уже опубликованы отчеты обѣихъ комиссій, работавшихъ въ Александріи совершенно независимо одна отъ другой; отчетъ нѣмецкой комиссіи появился въ концѣ сентября, отчетъ французской—мѣсяць спустя. Къ сожалѣнію, ни та, ни другая не могли прійти къ совершенно определеннымъ выводамъ, а въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ наблюденія нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ даже радикально расходятся; но тѣмъ, не менѣе, работы ихъ имѣютъ серьезное значеніе, такъ какъ намѣтили путь и дали богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Изслѣдую кровь холерныхъ субъектовъ, Кохъ *) никогда не

*) Le chole'ra en Egypte. Rapport de Mr. Koch.—Revue Scientif., 3 nov. 1883.

встрѣчалъ въ ней никакихъ микро-паразитовъ; въ рвотѣ ихъ оказывалось немного, но за-то кишечныя изверженія всегда изобиловали микроскопическими организмами. При вскрытіяхъ, которыя всегда можно было производить почти тотчасъ послѣ смерти больного, въ содержимомъ кишечнаго канала точно также всегда оказывалась масса бактерій всевозможныхъ видовъ, изъ которыхъ, однако, ни одинъ замѣтно не преобладалъ по численности. За-то въ самыхъ стѣнкахъ кишекъ во всѣхъ холерныхъ трупахъ Кохъ находилъ опредѣленную, характеристическую бактерію, которая по удлиненой, палочкообразной формѣ своей должна быть причислена къ категоріи бациллъ и больше всего напоминаетъ недавно открытаго паразита сапа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда микроскопъ обнаруживаетъ не особенно сильныя измѣненія въ тканяхъ кишечныхъ стѣнокъ, бациллы оказывались только въ полости трубчатыхъ либеркюневыхъ железокъ, выдѣляющихъ, какъ извѣстно, кишечный сокъ, и видимо вызывали въ нихъ раздраженія, такъ какъ полость железокъ оказывалась расширенною и переполненною круглыми клѣточками; въ другихъ случаяхъ, паразиты забирались подъ эпителиальный слой, выстилающій внутреннюю поверхность железокъ. Кромѣ того, бациллы въ большомъ количествѣ встрѣчались на поверхности кишечныхъ ворсинокъ и часто проникали въ толщу ихъ ткани. Наконецъ, въ тяжелыхъ случаяхъ холеры, съ кровяными подтеками въ слизистой оболочкѣ, бациллы не только переполняли железки и ворсинки, но завладѣвали болѣе глубокими слоями слизистой оболочки и даже мышечнымъ слоемъ кишечныхъ стѣнокъ. Въ особенномъ изобиліи, во всѣхъ этихъ случаяхъ, паразиты встрѣчались въ нижней части толстой кишки. Тотъ-же самый видъ бациллы Кохъ нашелъ уже годъ тому назадъ, изслѣдуя кишки четырехъ холерныхъ труповъ, присланныя ему прямо изъ Индіи, но въ то время онъ не позволилъ себѣ строить на этомъ фактѣ какіе-бы то ни было выводы, такъ какъ имѣлъ слишкомъ много основанія сомнѣваться въ свѣжести препарата. За-о теперь такое тождество патологическихъ особенностей, представляемыхъ кишечнымъ каналомъ индійскихъ и египетскихъ холерныхъ труповъ, оказывается особенно интереснымъ уже потому, что можетъ считаться однимъ изъ самыхъ существенныхъ доказательствъ тождества холерныхъ процессовъ въ этихъ двухъ странахъ. Изъ того факта, что во всѣхъ холерныхъ трупахъ бациллы эти всегда оказывались на лицо, а въ трупахъ людей, умершихъ отъ какой-бы то ни было другой болѣзни, напротивъ, никогда не были встрѣчены, Кохъ считаетъ себя въ правѣ заключить, что паразитъ этотъ, во всякомъ случаѣ, находится въ

какой-нибудь связи съ холернымъ процессомъ. «Но совпаденіе этого процесса съ присутствіемъ бациллы въ слизистой оболочкѣ кишекъ, продолжаетъ онъ,—какъ-бы то ни было, еще не позволяетъ намъ заключить, что бациллы составляютъ причину холеры. Съ такимъ-же правомъ можно-бы было допустить и обратное, т. е. что холерный процессъ производитъ такіа измѣненія въ составѣ слизистой оболочки кишечнаго канала, которыя позволяютъ проникать въ толщу ея ткани извѣстному виду изъ числа тѣхъ бактерій, которыя всегда паразитствуютъ въ кишечномъ каналѣ. Чтобы рѣшить, какое изъ этихъ двухъ предположеній справедливо, необходимо изолировать эти бациллы, культивировать ихъ въ чистомъ видѣ и попытаться воспроизвести тотъ-же болѣзненный процессъ у животныхъ путемъ прививанія найденнаго паразита. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, не смотря на всѣ наши старанія, привить животнымъ холеру не удавалось». Для опытовъ прививанія были употреблены различныя животныя,—мыши, крысы, кролики, морскія свинки, собаки, кошки и наконецъ обезьяны, которыя, какъ извѣстно, однѣ оказываются воспримчивыми къ зараженію оспой и возвратной горячкой. Каждому изъ этихъ животныхъ всѣми возможными способами старались передать болѣзнь: ихъ кормили изверженіями холерныхъ больныхъ, прививали имъ жидкость съ искусственно культивированными бациллами, но результаты во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ оказались отрицательными. А между тѣмъ холерныя изверженія навѣрное содержатъ въ себѣ специфическое заразительное начало; это явствуетъ, на примѣръ, уже изъ того, что прачки, которымъ поручается стирка бѣлья холерныхъ больныхъ, очень часто заражаются холерою; а слѣдовательно, полная неудача всѣхъ попытокъ привить эту болѣзнь животнымъ можетъ быть объяснена только двумя предположеніями: или всѣ избранныя для опытовъ животныя дѣйствительно невоспримчивы къ холерѣ, или до сихъ поръ еще не найденъ надлежащій методъ прививанія. Но; кромѣ того, по мнѣнію Коха, нельзя упускать изъ вида и третьяго объясненія: дѣло въ томъ, что коммиссія начала свои работы въ такое время, когда эпидемія въ Александріи уже подходила къ концу, а въ этотъ періодъ, какъ показалъ многократный опытъ, само заразительное начало ослабѣваетъ; госпитали еще переполнены холерными больными, въ воздухѣ должны носиться мириады болѣзнетворныхъ микро-организмовъ, но эти организмы уже утратили свою прежнюю силу, и новыя случаи заболѣванія становятся все рѣже и рѣже. Это заставляетъ Коха надѣяться, что тамъ, гдѣ эпидемія еще господствуетъ въ полной силѣ, тѣ-же животныя, которымъ въ

Египтъ невозможно было привить холеру, окажутся, быть можетъ, воспримчивыми къ этой болѣзни и такимъ образомъ дадутъ возможность доказать специфическій характеръ найденнаго паразита. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, нѣмецкая коммиссія, не довольствуясь результатами, которые удалось добыть въ Египтъ, рѣшила продолжать свои работы на болѣе благопріятной почвѣ, въ самомъ очагѣ холерной заразы, и отправилась въ Калькутту. Когда появится отчетъ объ этомъ второмъ фазисѣ работъ нѣмецкой холерной коммиссіи, мы не замедлимъ познакомить съ нимъ читателя.

Отчетъ французской коммиссіи *), которая работала подъ руководствомъ доктора Страуса, составленъ такъ-же обстоятельно, какъ и предъидущій, относилась она къ своей задачѣ, повидимому, съ такою-же добросовѣстностью, руководилась тѣмъ-же страстнымъ желаніемъ отыскать истинную причину ужасной болѣзни, которая, вскорѣ послѣ прибытія коммиссіи въ Египетъ, похитила изъ ея собственной среды одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и талантливыхъ ея членовъ, ученика и сотрудника Пастера, доктора Тюлье, — а между тѣмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, въ двухъ очень существенныхъ пунктахъ наблюденія ея расходятся съ наблюденіями нѣмецкой коммиссіи. Въ толщѣ кипечныхъ стѣнокъ, въ либеркюневыхъ железкахъ, въ ворсинкахъ, въ подслизистомъ слоѣ, на ряду съ другими паразитами, Страусъ дѣйствительно чаще всего находилъ тоненькія бациллы, которыя, по его мнѣнію, очень похожи на туберкулезную бациллу. Это, вѣроятно, и были тѣ бациллы, прибавляетъ онъ, которая Кохъ склоненъ принять за специфическаго паразита холеры. Но, по мнѣнію Страуса, противъ специфическаго характера какого-бы то ни было изъ найденныхъ въ холерныхъ трупахъ паразитовъ болѣе всего говоритъ то обстоятельство, что ни одинъ изъ нихъ не былъ найденъ во всѣхъ случаяхъ, проходившихъ чрезъ руки коммиссіи; даже вышепомянутую бациллу, встрѣчавшуюся чаще остальныхъ, невозможно было отыскать въ нѣсколькихъ очень острыхъ случаяхъ холеры, когда смерть наступала черезъ 10—12 часовъ послѣ появленія первыхъ симптомовъ болѣзни, а между тѣмъ, если-бы холерный процессъ зависѣлъ отъ присутствія въ организмѣ этихъ микро-паразитовъ, то именно въ такихъ случаяхъ скоротечной холеры, въ которыхъ болѣзнь проявлялась съ наибольшою интенсивностью, они должны-бы были оказаться скорѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Въ виду этого, Страусъ полагаетъ, что найденныя Кохомъ бациллы, точно такъ-же, какъ и остальные

*) Comptes rendus de la Société de Biologie. 17 nov.

виды паразитовъ, населяющихъ кишечный каналъ холерныхъ больныхъ, не только нельзя считать за существенный элементъ заразы, порождающей холеру, но даже за постоянный симптомъ ея. Отрицая такимъ образомъ специфическій характеръ паразита, на котораго обратилъ главное свое вниманіе Кохъ, французская комиссія, въ свою очередь, склонна придать значеніе специфическаго элемента холерной заразы такому паразиту, котораго Коху совсѣмъ даже не удалось подмѣтить. Мы уже говорили, что въ крови холерныхъ Кохъ и его сотрудники *никогда* не встрѣчали никакихъ паразитовъ, а Страусъ, напротивъ, увѣряетъ, что *всегда* встрѣчалъ въ ней маленькія, блѣдныя, едва замѣтныя даже при очень сильномъ увеличеніи, продолговатыя, по срединѣ какъ-бы перетянутыя, тѣльца. Тотъ фактъ, что они ускользнули отъ вниманія нѣмецкой комиссіи и даже такого опытнаго наблюдателя, какъ Кохъ, онъ объясняетъ необыкновенно малымъ ихъ объемомъ и неясными контурами, которые едва позволяютъ различить ихъ среди окружающей жидкости. Впрочемъ, и это открытіе покамѣстъ не повело еще ни къ какимъ практическимъ выводамъ; паразитъ холерной крови не поддавался до сихъ поръ даже искусственной культурѣ, его невозможно было изолировать, заставить размножаться ввѣ крови, въ искусственно приготовленной жидкости, и въ доказательство того, что это дѣйствительно живой микроскопическій организмъ, а не крупинка протоплазмы, Страусъ можетъ привести только способность его размножаться въ крови, способность, которую онъ не разъ имѣлъ случай констатировать, сохраняя небольшія стеклянныя трубочки съ холерною кровью въ теченіи нѣсколькихъ часовъ при температурѣ въ 38 градусоѣ. Попытки передать холеру животнымъ точно такъ-же оказались безуспѣшными. Кормили животныхъ холерными изверженіями, вскрывали имъ подъ кожу холерную кровь, прививали различные виды паразитовъ, словомъ—всѣ тѣ приемы, которые были перепробованы нѣмецкою комиссіей, и въ рукахъ французскихъ экспериментаторовъ не привели ни къ какому положительному результату. Окончательно выяснитъ вопросъ о сущности холеры не удалось ни тѣмъ, ни другимъ, но путь для этого выясненія намѣченъ, и самыя разногласія относительно частныхъ фактовъ будутъ только содѣйствовать болѣе быстрому выясненію истины. Продолжая свою работу въ Индіи, нѣмецкая комиссія подвергнетъ вѣрной провѣркѣ, какъ свои наблюденія, такъ и наблюденія французовъ; и холерный паразитъ, этотъ микроскопическій врагъ человѣческаго рода, будетъ, наконецъ, найденъ и изученъ.

А. М.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.“

Письма лорда Розберри *).

(Переводъ съ рукописи).

Письмо первое.

Дорогая Дженни!

Этотъ разъ я доѣхалъ до русской столицы вполне благополучно, не испытавъ въ пути никакихъ особенныхъ приключеній, достойныхъ вниманія. Твои опасенія, какъ я и предвидѣлъ, оказались совершенно напрасными и только лишній разъ подтвердили—ужь извини, Дженни!—легкомысліе, съ какимъ ты, женщина вообще разсудительная, когда дѣло не касается Россіи и поведенія твоего вѣрнаго Джонни,—вѣришь всевозможнымъ нелѣпостямъ, которыя печатаются въ нашихъ газетахъ о русскихъ и ихъ странѣ. Спѣшу тебя успокоить, что доѣхалъ я цѣлъ и невредимъ (не каждый-же день здѣсь случаются кувуевскіе катастрофы!), что меня нигдѣ не задержали, ни разу не приняли, по ошибкѣ, ни за ирландскаго гомруллера, ни за соціалиста, ни за тайнаго агента

*) Предлагаемъ благосклонному вниманію читателя переводъ трехъ писемъ лорда Розберри, который, послѣ продолжительнаго отсутствія, снова посетилъ на короткое время Россію и, по обыкновенію, сообщилъ наблюденія свои надъ русской жизнью въ письмахъ къ своей женѣ. Не лишнее прибавить, что въ предлагаемыхъ письмахъ, какъ и въ прежнихъ, знакомыхъ читателямъ „Дѣла“, молодой англичанинъ весьма сочувственно относится къ нашему отечеству. Если въ его письмахъ встрѣчаются нѣкоторыя преувеличенія и, быть можетъ, не всегда правильное освѣщеніе фактовъ,—то происходитъ это не изъ предвзятаго желанія, а вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ особенностями нашей жизни и—необходимо прибавить—вслѣдствіе излишней доврчивости его къ сообщеніямъ отечественныхъ корреспондентовъ и репортеровъ. Не смотря на нѣкоторые, извинительные, впрочемъ, для иностранца промахи, на которые мы и указываемъ въ примѣчаніяхъ, общій тонъ писемъ Знатнаго Иностранца, какъ убѣдится читатель, весьма доброжелателенъ.

Прим. переводчика.

Бисмарка, ни разу даже не допрашивали: кто я и зачѣмъ ѣду въ Петербургъ (тѣмъ болѣе, что паспортъ мой былъ основательно осмотрѣнъ на границѣ), и только на пограничной таможенѣ отобрали старшій номеръ «Daily News», въ который были завернуты ботинки, для отправления его на просмотръ въ цензурный комитетъ.

Здѣсь, Дженни, существуетъ правило: всѣ произведенія иностранной печати предварительно посылать на разсмотрѣнiе компетентныхъ лицъ (преимущественно изъ лучшихъ ученыхъ силъ страны *), которыя-бы могли избавлять своихъ соотечественниковъ отъ напрасной траты времени на чтенiе сочиненiй, не заслуживающихъ вниманiя. Такимъ образомъ, благодаря этому обычаю, который я не затруднюсь назвать похвальнымъ, русскiе, во-первыхъ, берегутъ много драгоценнаго времени и, во вторыхъ, читаютъ только дѣйствительно хорошия книги, вслѣдствiе чего, надо думать, и умственный горизонтъ русскихъ держится на опредѣленной высотѣ.

Съ номеромъ «Daily News» случилось, какъ принято здѣсь выражаться, маленькое недоразумѣнiе. Этимъ словомъ русскiе, какъ я не разъ сообщалъ тебѣ, Дженни, обозначаютъ самыя разнообразныя понятiя. Такъ, на примѣръ, и драку съ поврежденiемъ членовъ, и очистку кассы, и нѣсколько продолжительное пребыванiе въ police station, и внезапную командировку, съ ученою цѣлью, въ малонаселенную область имперiи, и столкновенiе съ евреями, словомъ всѣ, сколько-нибудь выдающiяся, явленiя частной и общественной жизни русскiе коротко называютъ «недоразумѣнiями»**), какъ-бы свидѣтельствуя, что такiя отклоненiя отъ нормальнаго существованiя происходятъ лишь отъ недостаточнаго проникновенiя разумомъ и имѣютъ временный характеръ.

Агентъ, производившiй досмотръ и конфисковавшiй газету, джентльменъ вполне обходительный, приличный и любезный, вѣроятно по недостаточному знакомству съ нашимъ языкомъ, принялъ на счетъ русскихъ всѣ тѣ рѣзкiя мѣста, которыми была полна передовая статья «Daily News», посвященная Турцiи и ея правительству. Напрасно я увѣрялъ почтеннаго агента, что въ статьѣ ни однимъ словомъ не упоминается о Россiи и что, наконецъ, я слишкомъ уважаю его страну, чтобы позволить себѣ заворачивать ботинки въ газету съ оскорбительными для русскихъ отзывами. Съ настойчивостью, повергнувшей меня въ изумле-

*) Свидѣнiе это не вполне точно.

Пр. перевод.

**) Какъ кажется, почтенный англичанинъ придалъ слову: «недоразумѣнiе» слишкомъ обобщающее значенiе, котораго оно не имѣетъ.

Пр. перевод.

не, русский агентъ продолжалъ утверждать, что онъ не можетъ лично взять на себя отвѣтственности и въ то-же время не сомнѣвается, что дѣло идетъ именно о русскихъ.

— Ужь если ругаютъ, то вѣрно насъ, милордъ. Вонъ тутъ какія разсыпаны прилагательныя! И онъ, съ поразительнымъ добродушіемъ, нѣсколько ломанымъ языкомъ прочиталъ: *stupid, absurd, curious, barbarous, slavish, incivilized, foolish*. — Конечно, это про насъ. Про кого-же больше?

Признаюсь, меня даже взорвало такое странное упорство русскаго джентльмена, и я замѣтилъ:

— Но почему вы думаете, что если бранять, то непременно русскихъ? Я не въ первый разъ ѣду въ Россію, знаю русскихъ и, по совѣсти, могу засвидѣтельствовать, что они совсѣмъ не заслуживаютъ порицаній. Напротивъ...

Но, къ моему изумленію, вмѣсто поддержки, русский агентъ только подмигнулъ глазомъ, какъ-бы говоря: «разсказывайте сказки» и прибавилъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Да и нельзя не ругать насъ, милордъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ мы свиньи... Это что и говорить! А все-таки нуме рокъ газеты я долженъ послать по назначенію... Мало-ли что можетъ случиться, такъ чтобы не пришлось отвѣчать... Только прежде я дома прочитаю, какъ вы тамъ насъ обрабатываете... Жена у меня знаетъ англійскій языкъ... Должно быть интересно! прибавилъ онъ, повидимому заранѣе предвкушая удовольствіе отъ «обработки».

Такъ мнѣ и не удалось разувѣрить этого добродушнаго джентльмена въ его ошибкѣ. Вѣроятно, супруга его разувѣритъ, и мнѣ впослѣдствіи возвратятъ нумеръ «Daily News». Удивительно скромный народъ, эти русскіе!

Считаю нелишнимъ успокоить твои чувства и относительно русскихъ лэди, о которыхъ ты почему-то составила себѣ самыя невѣроятныя представленія. Ни одна изъ русскихъ дамъ (хотя въ вагонѣ ихъ было нѣсколько) не могла-бы совратить съ пути долга вѣрнаго англичанина даже на короткое время, такъ-какъ кромѣ красоты, мы, англичане, ищемъ въ женщинѣ еще кое-что, что, къ слову связать, рѣдко встрѣчается у русскихъ дамъ, особенно у тѣхъ, которыя путешествуютъ въ первомъ классѣ. Не смѣю, однако, скрыть отъ тебя, что попытки, правда робкія, на счетъ твоего Джонни были и, главнымъ образомъ, благодаря тому обстоятельству, что меня почему-то приняли въ вагонѣ за знаменитаго пѣвца Мазини, приглашеннаго дирекціей для оживленія оперы, а съ пѣвцами—преимущественно тенорами,—акробатами и бонвой-

ными (иррегулярное войско, пополняемое молодыми джентльменами съ Кавказа, отличающимися необыкновеннымъ сложеніемъ) русскія свѣтскія лэди такъ-же предприимчивы, какъ русскіе джентльмены съ дамами полусвѣта. Любопытнѣ всего, Дженни, что попытки явились съ той стороны, съ которой я менѣ всего ожидалъ, а именно—со стороны одной русской генеральши, блондинки лѣтъ тридцати съ большимъ хвостикомъ (если, впрочемъ, меня не обманула довольно искусная гримировка), которая очень много и горячо бесѣдовала съ сосѣдками на счетъ упадка нравственности и религіозности въ русскихъ семействахъ. Русскія дамы, конечно, и не подозрѣвали, что я понимаю русскій языкъ, и потому вели разговоръ на эту любопытную тѣму, нисколько не стѣсняясь. Генеральша особенно горячо защищала семейныя добродѣтели и жаловалась на пониженіе уровня нравственности. По ея мнѣнію, вредное вліяніе на нравственность оказываютъ высшіе женскіе курсы, и преимущественно врачебные, и что, въ видахъ возвращенія къ прежнимъ временамъ, когда скромность и женственность составляли лучшее и единственное украшеніе женщинъ, слѣдовало-бы поскорѣй закрыть всякіе курсы и обязать русскихъ матерей отдавать дѣтей въ институты, поставивъ главною цѣлью женскаго воспитанія—обязанности супруги и матери. По словамъ этой дамы, всѣмъ порядочнымъ женщинамъ слѣдуетъ агитировать между мужьями и братьями въ этомъ направленіи, чтобы поскорѣй, какъ она выразилась, «вернуть женщинъ ея прежнее обаяніе».

Слушая эти жалобы, которыя, кстати замѣтить, теперь особенно распространены въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ, я рѣшительно недоумѣвалъ, почему эта почтенная лэди, столь ревностно заботящаяся о религіозномъ и нравственномъ возрожденіи женщинъ, довольно часто, въ промежуткахъ между рѣчами, бросала украдкой на твоего Джонни пронзительные взгляды. Сперва я подумалъ, что дама сердилась на мое присутствіе, но характеръ взглядовъ не свидѣтельствовалъ о неудовольствіи, скорѣй—напротивъ. Только станціи за три до Вильно, когда стемнѣло, и большинство пассажировъ заснуло, я понялъ, что было причиной этихъ странныхъ взглядовъ. Дѣло въ томъ, что названная дама заняла свободное кресло противъ меня, завязала по французки разговоръ, не отличавшійся на этотъ разъ возвышеннымъ тономъ ея русскихъ рѣчей, и не болѣе какъ черезъ десять или пятнадцать минутъ довольно недвусмысленно намекнула, что она эмансипированная женщина и любить первыя впечатлѣнія, что у нея мужъ—старый дуракъ (она такъ и сказала), хоть и занимаетъ видное положеніе, «что впрочемъ, у насъ не рѣдкость!» добавила она,

какъ-бы въ поясненіе. (Въ ея оправданіе замѣчу, что женщинѣ «перваго впечатлѣнія», и вдобавокъ супругѣ старика, простительно такое скромное сужденіе о способностяхъ мужа). Я отвѣчалъ свободно, но сдержанно, и тогда она успѣшила дать мнѣ понять, что при видѣ такого пѣвца, какъ Маззини, она—сама артистка въ душѣ—рѣшительно не владѣеть собою и, ради удовольствія послушать мой чудный голосъ, готова была-бы пренебречь предразсудками и остаться на нѣсколько дней въ какомъ-нибудь маленькомъ попутномъ городѣ.

Я, разумѣется, не поставлю, Дженни, послѣ этого нѣсколькихъ точекъ, какъ дѣлаютъ романисты, такъ какъ — нужно-ли прибавлять?—я тотчасъ-же категорически разъяснилъ, что я не Маззини, не акробатъ и не конвойный, а знатный иностранецъ, путешествующій для своего удовольствія. Русская дама, повидимому, не очень сконфузилась (быть можетъ, толстый слой румянъ не позволилъ мнѣ замѣтить ея смущенія), искусно перевела разговоръ на менѣ щекотливыя тѣмы и въ Вильно пересѣла въ другой вагонъ. На другой день по приѣздѣ въ Петербургъ я встрѣтилъ мужа этой дамы—дѣйствительно дряхлаго старика—въ одномъ обществѣ и, между прочимъ, слышалъ, какъ онъ повторялъ слова своей жены о вредѣ высшаго женскаго образованія и указывалъ на свою супругу, какъ на образецъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей. *Errare humanum est!*

Чтобы покончить свои дорожныя впечатлѣнія, мнѣ остается еще упомянуть объ одномъ курьезномъ обстоятельстве. Въ то время, какъ русскія дамы приняли меня за Маззини, и одна изъ нихъ даже готова была, безъ особыхъ колебаній, пренебречь предразсудками, — одинъ молодой, и довольно бойкій, джентльменъ, сѣвшій въ Вержоловъ на поѣздъ, очевидно принималъ меня за какое-то лицо, почему-то, весьма интересовавшее его, потому что на Вержоловской станціи и во всю остальную дорогу вплоть до Луги не оставлялъ меня своимъ вниманіемъ: едва только я выходилъ изъ вагона, какъ ужъ онъ словно выросталъ изъ подъ земли, слѣдовалъ за мной въ нѣкоторомъ разстояніи и, казалось, весьма интересовался, что я ѣмъ и пью; если я не оставлялъ вагона, то молодой человекъ прогуливался подѣ окномъ, у котораго я сидѣлъ, и по временамъ бросалъ на меня пытливыя взгляды; ночью, этотъ бѣдный джентльменъ, повидимому, не смыкалъ глазъ и нѣсколько разъ проскальзывалъ мимо меня, какъ тѣнь; вглядываясь въ мою фізіономію съ тѣмъ нескрываемымъ любопытствомъ, которое не оставляло никакого сомнѣнія, что именно я былъ объектомъ его живѣйшей любознательности. Усомниться въ

его профессіи былъ повиданъ тѣмъ же самымъ, что въ мое первое мое посѣщеніе Россіи мнѣ не разъ говорили на добрые слова именувъ, посѣщавшіе мнѣ на моемъ соборѣ и въ частныя посѣщенія и каждому. Если къ этому прибавить, Джени, что въ лицѣ молодого челоука была въ виду чистота сердца, вѣрность вѣра и уваженіе профессіи, и при этомъ была еще замѣчалась тѣмъ же самымъ безстыдностью, что даже въ началѣ знакомства не хотѣли усомниться, въ какой категоріи отнѣсены онъ къ числу добрыхъ глазъ, — то ты хорошо понимаешь, каковы вообще были еще русскіе въ этой области и какъ не оставилъ въ этомъ случаѣ отъ каждаго артистовъ, умѣющихъ притворяться и вѣрными дѣйствительно секретно, а не съ той откровенностью, какъ это дѣлалъ молодой челоуекъ. Впрочемъ, въ интересахъ справедливости, долженъ замѣтить, что въ послѣднее время, какъ мнѣ передавали, прогрессъ замѣтенъ и въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что необычайная смѣлость покражъ, производимыхъ въ громадныя размѣрахъ (преимущественно сумки, принадлежавшихъ казѣ и общественнымъ учрежденіямъ), побудила обратить серіозное вниманіе на надзоръ за лицами, имѣющими болѣе или менѣе близкое отношеніе къ кассамъ. Преслѣдуя строго принципіи экономіи и въ то-же время не находя достаточнаго контингента лицъ, отрицающихъ въ принципѣ хищеніе, русскіе настойчиво желаютъ положить предѣлъ этому печальному явленію и съ этою цѣлю, въ числѣ многихъ мѣръ, принимаютъ и вышеупомянутыя, рассчитывая, и не безъ основанія, что онѣ принесутъ плоды, такъ какъ, при хорошей организаціи наблюдений, можно будетъ получать свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ покражъ и увольнять виновныхъ, не дожидаясь слѣдующихъ повтореній. Это, во всякомъ случаѣ, несравненно экономнѣе, чѣмъ дожидаться очистки всего содержимаго въ кассѣ. Правда, возникаютъ сомнѣнія: не явятся-ли въ такомъ случаѣ первыя попытки вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними, т. е. не станутъ-ли воровать сразу большими порціями, выдавая соотвѣтствующій комиссіонный процентъ и агентамъ надзора, въ видахъ прівлеченія ихъ къ участию въ прибыляхъ и возможности виновнымъ ухѣзть за границу, не дожидаясь посѣщенія судебного слѣдователя. Этотъ вопросъ остается открытымъ, но, во всякомъ случаѣ, практика должна выяснить, насколько предположеніе это заслуживаетъ вниманія *).

Я, Джени, разумѣется, не сомнѣвался, что молодой джентельменъ, столь ревниво наблюдавшій за мной, принималъ меня за

*) Сообщаемыя Знатнымъ Иностранцемъ свѣдѣнія требуютъ подтвержденія и остаются на его ответственности.

Пр. переводчика.

какого-нибудь директора правленія (или за кого -нибудь въ этомъ родѣ), похитившаго крупный кушъ и инкогнито возвращающагося въ Россію для свиданія съ пріятелями, и хотѣлъ объяснить молодому господину его несомнѣнную ошибку и напрасныя ожиданія получить за поймку такого крупнаго гуся приличное вознагражденіе. Долженъ сознаться, Дженни, что мнѣ стоило нѣкотораго труда побѣдить отвращеніе, возбуждаемое разговоромъ съ этимъ джентльменомъ. Но такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ мнѣ надоѣлъ, то я и рѣшилъ съ нимъ объясниться. Ночью, когда онъ появился въ вагонѣ и полагая, что я сплю, подсѣлъ по близости и сталъ осторожно двигать мой ручной чемоданъ, я сперва предположилъ, что имѣю дѣло съ самымъ обыкновеннымъ воромъ; притаившись, я ждалъ, что будетъ. Съ необыкновенной осторожностью трогалъ онъ мой чемоданъ—словно-бы онъ содержалъ не принадлежности бѣлья и туалета, а какія-нибудь легко воспламеняемыя вещества—и послѣ осмотра такъ-же осторожно поставилъ его на мѣсто. Затѣмъ, съ такими-же предосторожностями, онъ заглянулъ въ футляръ отъ шляпы и, наконецъ, осмотрѣлъ зонтикъ и палку. Когда онъ окончилъ всѣ эти операціи, я открылъ глаза и спросилъ: что ему нужно? При этомъ вопросѣ мой джентльменъ нѣсколько опѣшилъ, но затѣмъ оправился и не безъ насмѣшки замѣтилъ: «развѣ онъ помѣшалъ?» Однако, обѣщаніе позвать кондуктора и на слѣдующей-же станціи объявить жандарму объ его неприличномъ поведеніи относительно знатнаго иностранца, заставило этого джентльмена разсыпаться въ извиненіяхъ и объяснить, что онъ по ошибкѣ попалъ въ вагонъ. Тогда я сказалъ, что онъ лжетъ, что онъ вотъ уже цѣлыя сутки слѣдитъ за мной и требовалъ категорическаго отвѣта: за кого онъ меня принимаетъ. Если онъ обязанъ наблюдать, то, по крайней мѣрѣ, долженъ-бы дѣлать это умнѣе и не беспокоить ночью благороднаго путешественника.

Я не буду передавать тебѣ, Дженни, подробностей объясненія. Замѣчу только, что мнѣ, повидимому, удалось убѣдить этого джентльмена въ ошибкѣ (что привело его въ немалое смущеніе. Дѣйствительно, онъ принялъ меня за господина, похитившаго миліонъ рублей казенныхъ денегъ и скрывшагося за границу). Черезъ полчаса онъ оставилъ меня, униженно просилъ о прощеніи (вѣроятно и мой англійскій паспортъ подѣйствовалъ) и съ благодарностью принялъ предложенныя ему пять рублей. За эту небольшую сумму онъ, между прочимъ, рассказалъ свою біографію и сообщилъ кое-какія свѣдѣнія о тягостяхъ своего ремесла. Біографія его нелепая и отличалась нѣкоторыми пробѣлами, пополнить которые

предоставлялось моей догадливости. Сынъ бѣдныхъ дворянъ. Онъ нигдѣ не окончилъ курса, служилъ, но по недоразумѣніямъ (тутъ отрывается широкое поле для догадокъ) принужденъ былъ оставить службу. Затѣмъ, страсть къ карточной игрѣ и дурная компанія заставили его исплчтать много непріятностей и именно въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ игралъ необыкновенно счастливо (въ этомъ мѣстѣ разсказа мой джентльменъ оживился, и я безъ всякаго труда догадался, что «непріятности» имѣли непосредственное отношеніе къ его къ гладко выбритымъ и румянымъ щекамъ). Послѣ этого въ автобіографіи слѣдовалъ длинный пробѣлъ, который я мысленно заполнилъ разными мошеническими подвигами и, какъ кажется, не безъ основанія, такъ какъ новыя «непріятности», явившіяся послѣ нѣвотораго промежутка времени, грозили ему тюремнымъ заключеніемъ. Тогда онъ рѣшилъ «попробовать себя на другомъ поприщѣ дѣятельности». Ремесло, которому онъ посвятилъ себя, по его словамъ, очень тяжелое и, притомъ, требуетъ хорошаго запаса физическихъ силъ. («Случается», прибавилъ онъ, «такъ изобьютъ, что три дня надо отдыхать»). Оплачивается оно, по его словамъ, крайне скудно: тридцатью, тридцатью-пятью рублями въ мѣсяць. (Это 3 фунта съ небольшимъ на наши деньги). За открытіе какого-нибудь крупнаго воровства или убійства даются награды, но ему пока не выпадало счастія открывать, что либо важное. Къ тому-же и среди лицъ этой профессіи, какъ и между всѣми смертными, существуютъ интриги, честолюбіе, зависть и протекція, безъ которой, будто-бы, маленькому агенту нельзя получить хорошаго дѣльца. Подспорьемъ для сколько-нибудь сноснаго существованія этихъ джентльменовъ являются, по его словамъ, дружескія пособія, получаемыя отъ воровскаго населенія столицы, съ которыми они, большей частью, не прерываютъ прежнихъ связей и даже нерѣдко дѣйствуютъ сообща въ какомъ-нибудь предпріятіи. Такова изнанка ремесла. Нѣсколько иную роль играютъ джентльмены, которые, по его словамъ, наблюдаютъ, за свой счетъ и страхъ, за добрыми чувствами гражданъ (нѣчто въ родѣ римскихъ ценсоровъ), но такъ какъ мой собесѣдникъ ничего не могъ сообщить о нихъ да вдобавокъ я сомнѣваюсь въ самомъ существованіи лицъ, слѣдящихъ за чувствами, (какъ ихъ услѣдить?) то и не желаю сообщать тебѣ никакихъ свѣдѣній, основанныхъ исключительно на слухахъ и мною не проверенныхъ *). Сколько мнѣ извѣстно, нѣкоторыя газеты, года два тому

*) Намъ кажется, что „откровенный“ господинъ, принявшій на себя роль сыщика, просто на просто былъ мазурякъ, желавшій эксплуатировать ино-
«Дѣло» № 12, 1883 г. II.

назадъ, предлагали учредить частную акціонерную компанію въ такомъ родѣ, но она, конечно, не осуществилась. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ я сообщу тебѣ для курьеза проектъ устава предполагавшейся компаніи, обязательно данный мнѣ однимъ изъ учредителей.

Другимъ, и немаловажнымъ, подспорьемъ для существованія этого расторопнаго малаго служить, по его заявленію, кое-какіе доходы отъ шантажа, которымъ онъ занимается въ свободное отъ занятій время. Этотъ источникъ, впрочемъ, сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ потерять мѣсто и пользоваться имъ необходимо—по выраженію откровеннаго джентльмена—«съ оглядкой», рассчитывая преимущественно на необразованную публику. Въ послѣдніе годы этотъ источникъ дохода значительно увеличился, благодаря тому изумительному легковѣрью, съ какимъ русскіе вѣрятъ взводимымъ на нихъ обвиненіямъ въ недостаткѣ добрыхъ чувствъ (хотя это преступленіе и не предусмотрено, какъ кажется, въ русскихъ законахъ) и боязни подвергнуться за это публичному обличенію въ газетахъ **). Зная хорошо скромность русскихъ и нелюбовь ихъ къ беспокойству, сопряженному съ хлопотами по восстановленію своихъ нарушенныхъ правъ, я могу допустить, что многіе изъ нихъ, во избѣжаніе хлопотъ, скорѣе согласятся заплатить небольшую «комиссію» (или, какъ здѣсь говорятъ, «за труды»), чѣмъ подымать дѣло о чувствахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ такихъ случаяхъ невинность всегда восторжествуетъ, а порокъ будетъ наказанъ, но для этого пришлось-бы не только нанимать адвоката (что не дешево) и беспокоить полицейскіе участки справками о хорошемъ поведеніи (что отняло-бы не мало времени), но и выворачивать на изнанку свою душу передъ публикой, что, во всякомъ случаѣ, представляетъ нѣкоторыя неудобства для людей скромныхъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, джентльмены безъ опредѣленныхъ занятій, не смотря на строгую кару закона за несправедливое обвиненіе, эксплуатируютъ иногда своихъ соотечественниковъ съ дерзостью рыцарей большой дороги.

Я буду недалеко отъ истины, выразивъ увѣренность, что джентльменъ, поощренный пяти рублевой субсидіей, рассказывая о своихъ побѣдахъ въ этомъ направленіи, въ значительной степени хвасталъ, рассчитывая, что я, какъ иностранецъ, повѣрю всему, что онъ говоритъ, и, быть можетъ, прибавлю еще кое-что,

странца. Нечего и говорить, что свѣдѣнія, сообщенныя имъ почтенному путешественнику, заслуживаютъ весьма мало вѣроятія. *Пр. переводчика.*

***) Опять приходится, къ сожалѣнію, отмѣтить нѣкоторое преувеличеніе въ сообщеніи Знатнаго Иностранца. *Пр. переводчика.*

въ виду его неудачной охоты за мной. Такъ, напримѣръ, онъ утверждалъ, будто-бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ ежемѣсячно обходилъ съ десятокъ лицъ, выбирая для своихъ экскурсій преимущественно вечерніе часы, подъ видомъ съемщика квартиру, наводилъ панику на посѣщаемыхъ имъ лицъ и собиралъ обильную жатву. При этомъ онъ, между прочимъ, рассказывалъ не безъ юмора, какъ однажды онъ «наказалъ» одну купчиху на цѣлый фунтъ стерлинговъ, увѣривъ неграмотную даму, что попавшій къ ней нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей»—запрещенный листокъ.

Ограничусь сообщеніемъ одного этого факта, хотя откровенный джентльменъ высыпалъ ихъ мнѣ съ добрую дюжину и при томъ все такого-же анекдотическаго характера. Казалось, онъ имѣлъ ихъ неистощимый запасъ; однако, однообразіе этихъ сообщеній и наивныхъ приемовъ, благодаря которымъ подобный джентльменъ могъ отравлять жизнь своихъ близкихъ, подъ конецъ утомили меня и я далъ понять разказчику, что пора кончить. Еще—одинъ рубль, и господинъ этотъ скрылся; съ той минуты я такъ и не видалъ его больше. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ сильно привиралъ, и я не рѣшился-бы занимать твое вниманіе этимъ ничтожнымъ господиномъ, если-бъ не зналъ, что нѣчто похожее на его рассказы сообщалось въ русскихъ газетахъ и нѣсколько такихъ дѣлъ разбиралось въ судахъ, при чемъ клеветники понесли заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ сообщали, были даже заключены въ тюрьму.

Пора, однако, кончать письмо; оно и такъ вышло черезъ чуръ длинно. Мнѣ предстоитъ еще сдѣлать нѣсколько визитовъ петербургскимъ друзьямъ, обѣдать у мистера N, того самаго толстаго джентльмена, который такъ любилъ говорить «одну правду и больше ничего» (теперь онъ, говорятъ, не у дѣлъ) и вечеромъ ѣхать въ русскій театръ. Одинъ англичанинъ, постоянно живущій въ Россіи, утверждаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ русскій театръ въ вѣдѣніи особыхъ специалистовъ и знатоковъ театральнаго дѣла (которые называются здѣсь «театральными поручиками»), русская сцена находится на недостижимой высотѣ и по справедливости можетъ соперничать съ нашими народными рождественскими балаганами. О своихъ первыхъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ подробно сообщу въ слѣдующемъ письмѣ. Да хранитъ Господь тебя и маленькую нашу Клару.

Твой Джонни.

P. S. Письма адресуй въ Европейскую гостиницу, гдѣ я остановился. Напомню тебѣ просьбу, которую не разъ повторялъ и прежде: покупай пожалуйста конверты изъ толстой бумаги и за-

клеивай ихъ составомъ, употребляемымъ для форфора; иначе письма, вслѣдствіе длиннаго пути, могутъ дойти ко мнѣ въ поврежденномъ видѣ. Правда, почтовое вѣдомство всегда, въ такихъ случаяхъ, обязательно перевязываетъ ихъ бичевками, но къ чему вводить въ излишній расходъ страну, тѣмъ болѣе страну, нуждающуюся въ экономіи, когда можно этого избѣгнуть, купивъ конверты изъ картонной бумаги?

Письмо второе.

Дорогая Дженни!

Нечего, мнѣ кажется, и объяснять тебѣ съ какимъ радостнымъ чувствомъ я увидѣлъ, послѣ трехлѣтняго отсутствія, русскую столицу, оставившую во мнѣ самыя отрадныя воспоминанія. Широкое, чисто русское, гостепріимство, обязательная готовность сдѣлать пріятное чужестранцу, особливо знатному. добросердечіе, радушіе и вниманіе, какими меня окружали, все это не можетъ быть забыто, и не даромъ, проживши въ Россіи, я выѣхалъ оттуда руссофиломъ. Близко ознакомившись за это время съ русскими, я не могъ не оцѣнить ихъ рѣдкихъ качествъ—добродушія и изумительнаго незлобія, которыя такъ поражаютъ иностранца, и тѣмъ болѣе цѣнны, что имѣютъ основаніемъ своимъ ту глубокую покорность волѣ Провидѣнія, столь рѣдкую, къ сожалѣнію, между народами Западной Европы,—которая, по словамъ извѣстнаго русскаго писателя Достоевскаго, служить краеугольнымъ камнемъ національной самобытности и даетъ возможность переносить терніи жизни не только безъ ропота, но даже съ удовольствіемъ. Недаромъ-же народная мудрость создала характерную поговорку, служащую для многихъ лозунгомъ жизни: терпи казакъ, все равно атаманомъ не будешь! *) Чувствую, Дженни, что впадаю въ лирической тонъ, какъ только ступилъ на петербургскую почву, но не подумай, однако, что тебѣ придется читать однѣ изліянія восторга. Я слишкомъ англичанинъ для этого и, не смотря на слабость къ русскимъ, конечно, не скрою, если представится случай, и оборотной медали русской жизни. Безспорно, многое въ ней требуетъ исправленій и улучшеній (быть можетъ даже и радикальных), о чемъ конечно и заботится просвѣщенное начальство, и я не премину указать на это,—но, разумѣется, никогда не рѣшусь произносить

*) Едва-ли нужно указывать читателю что знатный иностранецъ перенялъ извѣстную поговорку.

Пр. переводчика.

огульныхъ приговоровъ, вродѣ того, какой произнесъ добродушный таможенный агентъ, конфисковавшій нумеръ «Daily News».

По вѣшнему виду Петербургъ совсѣмъ не измѣнился; тѣ же знакомыя картины уличной жизни представились мнѣ, какъ только что я вышелъ изъ вокзала варшавской желѣзной дороги. Въ этотъ день ожидали приѣзда какого-то нѣмецкаго гостя (только не Бисмарка) и потому полицейскихъ агентовъ у вокзала было гораздо больше, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе чего площадка имѣла крайне оживленный видъ и походила скорѣй на плацъ-парадъ. Такъ-же, какъ и три года тому назадъ, эти джентльмены были расторопны, вѣжливы и предупредительны съ прибывшими дутешественниками, обращающимися къ нимъ за помощью (хотя большая ихъ часть искала глазами нѣмецкаго гостя, который не приѣхалъ), и точно такъ-же, какъ и три года назадъ, на площади, гдѣ дожидались извозчики, происходили знакомыя сцены: непокорныхъ русскихъ возницъ полисмены усовѣщевали, по здѣшнему обычаю, боксомъ и пашкой плашмя (это здѣсь называется, если ты помнишь: «просить честью»), къ чему, впрочемъ, русскіе извозчики относились, какъ и прежде, съ трогательнымъ терпѣніемъ, почесывая только поврежденные члены, и точно такъ-же въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ привѣтственныхъ воспоминаній памяти родителей, которыми обыкновенно обмѣниваются русскіе при какомъ-нибудь экстренномъ случаѣ. Мнѣ даже показалось, что какъ-то громче, увѣреннѣе и тверже раздавались эти привѣтствія родителямъ извозчиковъ и, какъ будто, при этомъ менѣе стѣснялись присутствіемъ публики, чѣмъ три года тому назадъ, что слѣдуетъ приписать—по словамъ одного журналиста, къ которому я обратился за разъясненіемъ этого явленія, — распространенію принциповъ народной политики, усвоенной русскими за послѣднее время, и желанію ихъ не стѣсняться національными обычаями, въ угоду иностранцамъ. Признаюсь, Дженни какъ ни удовлетворительно было это разъясненіе, но для меня, какъ иностранца, осталось невыясненнымъ слѣдующее обстоятельство: ѣхавши сюда и зная изъ газетъ, что русскіе серьезно обратили вниманіе на народную политику, я не рассчитывалъ встрѣтить такого широкаго примѣненія принциповъ бокса, какъ прежде, полагая, что отсутствіе послѣдняго, во всякомъ случаѣ, насколько не противорѣчило-бы принципамъ этой политики. Изъ объясненій-же, данныхъ мнѣ, оказывается, какъ будто, наоборотъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что я не вполне усвоилъ себѣ значеніе народной политики, въ томъ смыслѣ, какъ она по-

нимаются русскими, и мнѣ придется со рать по этому вопросу дальнѣйшія свѣдѣнія.

Недурное правило: сохранять старое, если оно хорошо, котораго русскіе крѣпко держатся, въ примѣненіи къ петербургскимъ мостовымъ рѣшительно теряетъ силу, и ты едва-ли въ состояніи себѣ представить, Дженни, какія муки испытываютъ здѣсь при переѣздахъ петербургскіе жители. Едва-ли я ошибусь, предположивъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ моего отсутствія мостовыя ни разу не ремонтировались*) и потому представляютъ собой вполне удобную почву для устройства огородовъ. Такое дурное состояніе петербургскихъ мостовыхъ здѣшніе жители объясняютъ, во-первыхъ, затишьемъ петербургской жизни (всѣ здѣсь сидятъ по домамъ — экономія!), а во-вторыхъ — недостаточнымъ надзоромъ полиціи, дѣятельность которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, направлена на другія стороны городского благоустройства. Зато тотъ снарядъ, походившій на орудіе пытки и составлявшій вмѣстѣ съ самоваромъ самобытное русское изобрѣтеніе—я, Дженни, говорю, про дрожки—за это время нѣсколько усовершенствованъ, такъ что одному человѣку въ немъ можно помѣститься (вдвоемъ попрежнему затруднительно), но за то усовершенствованіе оставляетъ желать еще многого, по крайней мѣрѣ хоть какой-нибудь защиты отъ дождя, а то теперь, во время непогоды, положеніе сѣдока, по-истинѣ, беспомощно...

Пробѣжая съ вокзала въ гостинницу, я заинтересовался съѣздомъ каретъ у зданія военнаго окружнаго суда. Оказалось, что тамъ продолжается тотъ-же интендантскій процессъ, который начался еще три года тому назадъ, и о которомъ я тебѣ сообщалъ въ старыхъ письмахъ. Какъ кажется, здѣсь подобные процессы никогда не прекращаются и составляютъ такое-же нормальное явленіе, какъ и скверныя мостовыя; если вѣрить многимъ лицамъ, заслуживающимъ довѣрія, этимъ интендантскимъ процессамъ не предвидится конца до тѣхъ поръ, пока не начнется новая война и не придется послать всѣхъ интендантовъ со скамьи подсудимыхъ прямо на мѣсто дѣйствія. По всей вѣроятности, мнѣ доведется побывать въ судѣ, а пока я могу сообщить тебѣ, что теперь судится, ужъ не могу сказать, которая партія интендантовъ, съ бывшимъ главнымъ интендантомъ арміи во главѣ — Россицкимъ, тайнымъ совѣтникомъ и, конечно, кавалеромъ. Я пробѣжалъ обвинительный актъ, заключающій въ себѣ тысячу страницъ и, признаюсь недостаточно ясно понялъ изъ этой эпопеи, кто виноватъ, кто не

*) Очевидная несправедливость.

виновать, кто воровалъ ради «экономіи», кто ради—«удовольствія», кто—спеціально для наживы. При чтеніи этой многотомной страницы изъ русской жизни, на меня, Дженни, пахнуло атмосферой плутовства и наивной наглости, произвола и приниженности, изворотливости и лукавства, простоты и долготерпѣнія, которая имѣетъ свой специфическій букетъ, по справедливости могущій быть названнымъ «русскимъ». При этомъ долженъ сказать, что русская талантливость и сметка—эти два качества несомнѣнно присущія русскимъ и заставляющія ихъ часто пренебрегать наукой и опытомъ—выразились во всемъ своемъ блескѣ въ лицѣ почтеннаго джентльмена, героя настоящаго процесса. Я не стану, конечно, передавать тебѣ подробности обвинительнаго акта (это заставило-бы меня написать десятки страницъ); замѣчу только, что, читая эту эпопею, видишь, какъ наивно расхищались милліоны, какъ добросовѣстно грабили русскаго солдата и какъ самобытно русскіе относились къ принципамъ контроля. Кажется, какъ будто среди лицъ, продовольствовавшихъ русскаго солдата, не было ни одного честнаго человѣка, а если и были честные люди, то они либо добровольно уходили, либо ихъ заставляли уходить, однимъ словомъ—эта печальная страничка является, Дженни, къ сожалѣнію одной изъ характерныхъ страницъ русской жизни... Вопросъ о томъ, кто виновать, само собою разумѣется занимаетъ русскихъ (они всегда любятъ искать виноватыхъ между лицами); по обыкновенію, они сваливаютъ всю вину на то или другое лицо и устами прокурора требуютъ строгаго наказанія.

Неосторожно попавшіеся въ воровствѣ (при довѣрчивости русскихъ и нелюбви ихъ къ контролю можно успѣшно прятать концы) несутъ должное наказаніе: увольняются отъ службы, оставляются въ подозрѣніи, наконецъ, отправляются на покой въ малонаселенныя области имперіи, оставляя при себѣ покищенное имущество для обезпеченія старости; на мѣста выбывшихъ поступаютъ другія лица (причемъ, разумѣется, всѣ надѣются, что вновь избранный не попадетсѣ); если на сѣмьѣ подсудимыхъ сидѣлъ административный агентъ чиномъ выше титулярнаго совѣтника (это, третій чинъ, Дженни, а всѣхъ четырнадцать), русская печать передается болѣе или менѣе трогательнымъ изъявленіямъ восторга по тому случаю, что порокъ наказанъ, а не награжденъ. Затѣмъ, являются новые процессы подобнаго характера, и снова начинается, въ томъ-же порядкѣ, только что рассказанная исторія или, какъ русскіе остроумно выражаются, «сказка про бѣлаго бычка».

Ты была-бы далека отъ истины, Дженни, еслибъ предположила,

что русскіе не сокрушаются отъ такихъ воровскихъ наклонностей своихъ соотечественниковъ и не изыскиваютъ мѣръ къ прекращенію воровства и къ водворенію строгой экономіи. Напротивъ, могу по совѣсти свидѣтельствовать, что многіе скорбятъ, и совершенно искренно, придумываютъ различныя комбинаціи, похожія на тѣ, о которыхъ я сообщалъ въ предъидущемъ письмѣ, добросовѣстно недоумѣваютъ при нескончаемомъ рядѣ новыхъ и новыхъ процесовъ и снова ищутъ, и конечно не могутъ найти, такого количества путешествующихъ Гарунъ-аль-Рашидовъ, которые, искренявая Россію вдоль и поперекъ, подъ видомъ комми-воажеровъ, слѣдили-бы, чтобы на необъятномъ пространствѣ этой великой страны царило безкорыстіе, тишина и миръ, и строго наказывали-бы собственной властью виновныхъ. Подобная погодя за идеаломъ, занимаетъ мысли многихъ русскихъ поклонниковъ древней исторіи, добросовѣстно убѣжденныхъ, что въ ней необходимо искать вѣрныхъ указаній противу золъ нынѣшняго времени. Вообще, въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ, я замѣтилъ, Дженни, что русскіе стали какъ-то больше заниматься археологіей, нумизматикой и углубляться въ давно-прошедшія времена, въ надеждѣ открыть не только корень противъ всѣхъ болѣзней, но и вдохновиться добродѣтелями героевъ классической древности. Не далѣе, какъ на дняхъ еще, мнѣ пришлось разговаривать на эту, модную здѣсь, тѣму съ однимъ, вполне почтеннымъ, русскимъ джентльменомъ, управляющимъ громаднымъ торговымъ учрежденіемъ съ конторами и отдѣленіями, раскинутыми почти во всѣхъ городахъ Россіи. Онъ, такъ сказать, на конкретномъ примѣрѣ, на коммерческихъ своихъ дѣлахъ, основалъ свои соображенія и, между прочимъ, жаловался на безуспѣшность мѣръ, принимаемыхъ имъ противъ всякихъ беспорядковъ, гнѣздящихся въ его торговомъ домѣ и съ трогательною наивностью сокрушался, что ничто не помогаетъ.

Этотъ джентльменъ, располагающій громаднымъ состояніемъ и нѣкоторой властью (у него служитъ нѣсколько сотенъ служащихъ и десятковъ тысячъ рабочихъ, участь которыхъ буквально въ его рукахъ), добродушный, любезный господинъ, лѣтъ подѣ пятьдесятъ, хотя и не отличается, сколько я могу судить изъ продолжительнаго съ нимъ знакомства, особенной сообразительностью, остротой ума и приличнымъ образованіемъ (онъ, какъ здѣсь принято говорить, учился на мѣдныхъ деньги),—то все-таки, повидимому, провиняиуть добрыми намѣреніями осчастливить своихъ служащихъ. И вотъ, Дженни, этотъ самый джентльменъ жаловался

мнѣ на свою безпомощность, добродушно не понимая, откуда она происходитъ.

— Кажется, я дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, милордъ, говорилъ онъ съ сокрушеннымъ видомъ, напоминаямъ хорошо откормленнаго поросенка съ ущемленнымъ хвостомъ; — самъ я не ворую—впрочемъ, мнѣ и не къ чему, прабавилъ онъ, спохватившись, что сказалъ глупость; — жизнь веду скромную: не пью, по большой въ карты не играю, экономничаю, даже. Видите-ли, пятый годъ ношу сюртукъ, и даже подкладку приказываю дѣлать изъ ластика, а не изъ шелка... Стараюсь самъ вездѣ поспѣть. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю за занятіями, такъ что даже въ потъ бросаетъ... Непривыкъ я, знаете-ли, къ этому... И что-же выходитъ на повѣрку, милордъ?... Выходить, что я, милліонеръ, властный человѣкъ, въ сущности безпомощенъ какъ малое дитя!.. добавилъ онъ влаксиво...

Признаюсь, Дженни, я былъ даже тронуть этимъ наивнымъ сознаниемъ истины старой, какъ мѣръ, со стороны этого богатаго джентльмена.

— У меня на фабрикахъ вездѣ воруютъ. Помощники меня обманываютъ, я это знаю, и ничего не могу сдѣлать. Смѣнишь одного вора, на мѣсто его сядетъ другой; считаешь одного помощника—другой окажется еще глупѣе, смотришь, годъ отъ году дѣла идутъ все хуже и хуже... Рабочіе мои—а ихъ у меня, милордъ, работаетъ на заводахъ до 10,000 человѣкъ—недовольны... Еще-бы... Когда мои помощники не выдаютъ даже того, что имъ слѣдуетъ...

Онъ продолжалъ на эту тѣму, затѣмъ перенесъ свои жалобы на болѣе широкую почву и, въ концѣ-концовъ, по здѣшнему обыкновенію, жаловался, что людей нѣтъ.

— Отчего-же у васъ, милордъ, въ Англіи и люди есть, и не воруютъ такъ и, наконецъ, какъ будто порядокъ есть? Гдѣ достаете вы людей?

Когда я объяснилъ этому джентльмену, что и у васъ люди не боги, а такіе-же, какъ и вездѣ, онъ сперва этому не повѣрилъ, а когда я вошелъ въ болѣе подробныя детали относительно нашихъ нравовъ и веденія торговыхъ дѣлъ, то онъ даже видимо былъ изумленъ, точно я ему рассказывалъ главу изъ фантастическаго романа. Однако, въ концѣ концовъ, мой джентльменъ съ лукавствомъ, свойственнымъ всѣмъ русскимъ, когда они хотятъ отлунуть отъ вопроса, поставленнаго категорически, повелъ рѣчь о томъ, что русскіе — народъ совсѣмъ особенный и въ доказатель-

ство, между прочимъ, нѣсколько разъ повторилъ любимую здѣсь поговорку: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть».

Онъ скоро, однако, переѣхалъ разговоръ, выразивъ надежду: не пойдутъ-ли у него на заводахъ дѣла лучше, если онъ выпишетъ съ дюжину нѣмцевъ изъ Мекленбурга.

— Эти нѣмцы, милордъ, и крадутъ деликатнѣе, и мастера работать, и, главное, не надѣдають вамъ, прибавилъ онъ, по-видимому, не совсѣмъ довольный объясненіями, на которыя самъ же вызвалъ.

У русскихъ, Дженни, есть эта женская черта. Придетъ русскій къ тебѣ за совѣтомъ и на тебя же въ претензіи, если ты дашь совѣтъ не такой, какой-бы ему хотѣлось. Отъ этого, надо думать, русскіе и не любятъ совѣтниковъ ни въ частной, ни въ общественной жизни и почти ничего не читають. Книги—все-же совѣтниківъ.

Возвращаясь къ прерванному описанію первыхъ своихъ впечатлѣній въ Петербургѣ, не могу не отмѣтить слѣдующаго: въ этотъ пріѣздъ меня просто поразила скука—это не сдлинъ, англійскій, Дженни, а особенная, чисто русская, скука (смѣсь бездѣлья, апатіи и обжорства), которая обхватила многихъ изъ моихъ петербургскихъ друзей и знакомыхъ. И въ прежнее мое посѣщеніе Россіи, сколько я замѣчалъ, русскіе скучали и, разумѣется отъ скуки, одни предавались надеждамъ, другіе хищенію, третьи—запою, четвертые, наконецъ, отъ скуки покидали Петербургъ и зарывались въ какихъ-нибудь тундрахъ Сѣвера или прибрежныхъ Охотскаго моря (ты поймешь, Дженни, какъ скучали, если добровольно уѣзжали такъ далеко?), но все-таки скучали не такъ, если можно выразиться, убійственно, какъ скучають теперь... Сквозь ту скуку все-таки пробивалась струя жизни, и за игрой въ карты, или за бесѣдами объ иностранной политикѣ (объ этомъ предметѣ русскіе особенно любили говорить за ужиномъ) ты могла-бы увидѣть оживленное лицо, улыбку, смѣхъ, могла-бы услышать веселыя шутки по адресу Бисмарка, колкія замѣчанія на курсъ, на погоду, на низшихъ агентоувъ; въ этихъ шуткахъ все-таки слышалась надежда, что и курсъ, и погода, и начальство исправятся, а теперь и смѣхъ и шутки совсѣмъ другаго, какого-то апатическаго характера, словно-бы русскіе, покоряясь волѣ Провидѣнія (что похвально), въ то-же время потеряли на него надежду до такой степени, что даже не рассчитываютъ на поправку курса и погоды (что уже совсѣмъ не похвально). Я не рѣшаюсь объяснять тебѣ причины такого настроенія, такъ какъ не имѣю еще достаточно данныхъ, чтобы отнести къ нему вполне сознательно;

впослѣдствіи, собравъ болѣе данныхъ для оцѣнки этого сложнаго явленія, попытаюсь это сдѣлать, а теперь отмѣчаю только фактъ. На улицахъ ты рѣдко увидишь здѣсь, Дженни, веселыя лица; даже и на прогулкѣ всѣ ходятъ, словно участвующіе въ погребальной процессіи или люди, ожидающіе со дня на день посѣщенія неумолимаго кредитора; въ клубахъ, въ частныхъ домахъ почти то-же самое. Соберутся, молча сядутъ за карты, потомъ передадутъ другъ другу послѣдніе анекдоты, циркулирующіе въ городѣ, пожмутъ плечами, не зная вѣрить имъ или нѣтъ, въ концѣ-концовъ повѣрятъ (недаромъ-же русскіе по природѣ довѣрчивы и только по временамъ впадаютъ въ уныніе) и, вознаградивъ скудость новостей политическаго характера (по случаю всеобщаго затишья въ Европѣ) приличной ѣдой и достаточнымъ количествомъ водки и вина расходятся по домамъ *). Исключеніе составляютъ, пожалуй, засѣданія разныхъ обществъ, куда скучающіе русскіе ходятъ для развлеченія и нерѣдко проводятъ весело время, слушая какъ ораторы разрабатываютъ вопросы о томъ: полезно или вредно русскому крестъ-

*) Намъ кажется, что знатный иностранецъ слишкомъ обобщилъ замѣченное имъ явленіе и, подъ вліяніемъ своего сплина, неволью впалъ въ преувеличеніе. Наши соотечественники вовсе не такъ скучаютъ, какъ описываетъ англчанинъ, и на дняхъ еще «Новое Время» сообщило слѣдующія свѣдѣнія о томъ, какъ веселятся въ Петербургѣ и какіе фраки теперь въ модѣ:

«Бальный сезонъ петербургскаго high life'a начался. Вчера состоялась большаго бала у командира гвардейскаго корпуса графа П. А. Шувалова. Собрались преимущественно представители блестящей свѣтской молодежи, равно какъ и всѣ юныя красавицы большаго свѣта. Великолѣпный залъ графа въ его домѣ, на Знаменской площади, представлялъ этотъ вечеръ настоящій цвѣтникъ, блиставшій роскошными туалетами дамъ и изяществомъ особъ, участвовавшихъ въ танцахъ. Въ этой волнующейся группѣ веселящейся эллитной молодежи выдѣлялась изящная головка молодой аристократки Ш., напоминавшая одно изъ лучшихъ изображеній Греза. Въ числѣ лицъ, посѣтившихъ собраніе, находились молодыя особы, принадлежащія къ самому высшему кругу столицы. Танцы продолжались до самаго поздняго времени и носили чисто семейный и непринужденный характеръ. Хозяева дома отличались свойственнымъ радушіемъ и гостепримствомъ, очаровавшими приглашенныхъ. Какъ объ особенности бала, можно упомянуть, что танты происходили не подъ аккомпанементъ оркестра, какъ бывало раньше, а подъ фортепиано. Говорятъ, что нововведеніе это упрочивается на великолѣпныхъ балахъ и замѣнитъ нѣсколько шумную оркестровую музыку».

И далѣе о фракахъ: «На свѣткахъ одинъ изъ крупныхъ петербургскихъ коммерсантовъ выдаетъ свою дочь за нѣкоего барона. Готовится небывалое торжество. Говорятъ, что вся штатская молодежь облечется въ модные нынѣ красные фраки, покроя временъ директоріи. Одному изъ извѣстныхъ портныхъ уже заказано болѣе тридцати такихъ колоритныхъ фраковъ. Въ Парижѣ теперь начинаютъ входить въ моду также бѣлые и голубые атласные фраки. Да примутъ это къ свѣдѣнію наши еранты». *Прим. переводчика.*

янину ѣсть говядину, или о томъ: слѣдуетъ-ли строить корабли, на основаніи данныхъ науки и опыта, или по вдохновенію, придерживаясь «теоріи ногтя» (объ этой русской интересной новой теоріи кораблестроенія дальше скажу подробнѣе).

Особенно замѣтилъ я перемѣну въ тѣхъ изъ моихъ петербургскихъ друзей, которые, послѣ прежней разнообразной дѣятельности, очутились на положеніи Цинцинатовъ и на «half-pay». Всѣ эти почтенные джентльмены, привыкшіе, въ теченіи многихъ лѣтъ, по утрамъ писать или диктовать проекты (русскіе къ проектамъ имѣютъ слабость и каждый, находящійся у дѣла, сочиняетъ ихъ достаточное количество), затѣмъ, съ трехъ до пяти—посвящать служебныхъ занятіямъ въ частныхъ своихъ office'ахъ (правительственные агенты собираются раньше), а по вечерамъ бывать на засѣданіяхъ разныхъ комиссій (число которыхъ представляетъ внушительную цифру),—испытываютъ теперь, разумѣется, невообразимую скуку отъ бездѣлья и слоняются дома изъ угла въ уголъ, не зная, что съ собой дѣлать.

Тотъ самый, хорошо знакомый тебѣ по прежнимъ письмамъ, мой русскій другъ, мистеръ N*, который отличался такой всепожирающей дѣятельностью, и въ прежнее время не оставлялъ въ покоѣ ни одного вопроса безъ того, чтобы не обработать его въ пятнадцать минутъ, и который одинаково успѣшно, по свойственной русскимъ энциклопедичности образованія, могъ заниматься и просвѣщеніемъ, и коневодствомъ, и кораблестроеніемъ, и судопроизводствомъ, и духовными дѣлами,—теперь совсѣмъ похудѣлъ и хотя по прежнему утверждаетъ, что русскій человѣкъ тѣмъ хорошъ, что можетъ, если только есть усердіе, браться за все,—самъ ужъ ни за что не беретъ, говоря, что его пѣсня спѣта и предоставляя честь и мѣсто другимъ.

Я засталъ его, Дженни, въ кабинетѣ, занимающимся самымъ добросовѣстнымъ образомъ обученіемъ скворца, сидящаго передъ нимъ въ клеткѣ. (Теперь очень многіе занимаются этимъ). Нечего тебѣ и говорить, что названный джентльменъ очень обрадовался моему посѣщенію (теперь къ нему, разумѣется, рѣдко кто заглядываетъ, а прежде у него всегда была толпа народа), принялъ меня съ особенной теплотой и нѣсколько оживился.

— Вотъ, милордъ, скворца теперь учу! съ отгѣнкомъ грусти, проговорилъ онъ, усаживая меня въ кресло.—Давно-ли пріѣхали?

Однако, бесѣда наша на этотъ разъ не отличалась оживленнымъ характеромъ, какъ бывало прежде. Мой бѣдный другъ, видимо, какъ-то притихъ и избѣгалъ касаться вопросовъ политики съ прежнею стремительностью. (Долгое занятіе со скворцомъ, по-

видимому, направило его мысли въ другую сторону). Онъ фрондировалъ, впрочемъ, очень осторожно, рассказалъ, по здѣшнему обыкновенію, два-три пикантныхъ анекдота, которые я тебѣ не передаю, такъ они невозможны, и, между прочимъ, сообщилъ, что собирается писать свои мемуары для напечатанія ихъ въ «Русской Старинѣ».

— А большую часть времени, милордъ, скворца учу! снова повторилъ онъ, послѣ паузы.—И вотъ, подите, птица, кажется, а, при стараніи, можно и ее заставить говорить... Я много размышлялъ на свободѣ въ послѣднее время и все думаю: нельзя-ли приспособить птицу и къ другимъ, болѣе сложнымъ, функціямъ?.. Какъ вы думаете?..

Когда я обратилъ вниманіе его на другіе, болѣе интересующіе меня, предметы и, между прочимъ, спросилъ его, насколько справедливы пронишшія въ иностранныя газеты слухи о какой-то новой комиссіи,—онъ только махнулъ рукой и снова заговорилъ объ обученіи птицъ.

Зная очень хорошо, Дженни, чѣмъ можно пробрать всякаго русскаго джентльмена и развязать ему языкъ, я полюбопытствовалъ спросить: кто занялъ оставленное моимъ другомъ мѣсто предсѣдателя правленія въ «Обществѣ разведенія туковъ».

Дѣйствіе было немедленное. Едва только успѣлъ я задать вопросъ, какъ тѣма о мѣстѣ скворца въ природѣ (тѣма, скорѣй пригодная для статьи въ русскихъ журналахъ, чѣмъ для кабинетной бесѣды) была оставлена и мой амфитріонъ мгновенно оживился, словно-бы подѣ дѣйствіемъ сильной гальванической батареи. (NB. Очень жаль, что врачи не прописываютъ отставнымъ администраторамъ такихъ разговоровъ, какъ возбуждающаго средства противъ скуки). Разумѣется, почтенный мой другъ счелъ долгомъ справедливости принести должную дань твердости характера и энергіи своего замѣстителя, тѣмъ не менѣе, онъ, по совѣсти, не можетъ скрыть, что новый предсѣдатель «Общества распространяетъ туковъ» черезъ-чуръ упрямъ, не обладаетъ большими способностями и рѣшительно не понимаетъ духа времени. Конечно, твердость необходима. Безъ мундштука, прибавилъ онъ въ поясненіе, нельзя управлять не только большимъ учрежденіемъ, но даже и одной лошадыю! (Только, замѣчу въ скобкахъ Дженни, не русской извозицей. Это такая смиренная кляча, что удивляешься, какъ она еще дѣлаетъ такіе большіе концы). Но есть предѣлъ и мундштуку, согласитесь, милордъ. Мой замѣститель точно хочетъ управлять «Обществомъ распространяетъ туковъ» по

военному .. Согласитесь, что это не обнаруживаетъ особенныхъ способностей...

— Развѣ замѣститель вашъ военный человѣкъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, статскій, но очень военнаго характера! отвѣтилъ русскій джентльменъ не безъ ироніи.

Впрочемъ, нисколько не было-бы удивительно, Дженни, еслибъ замѣститель моего почтеннаго друга оказался и военный джентльменъ, такъ какъ здѣсь не рѣдкость встрѣтить отставныхъ военныхъ, завѣдующихъ и частными коммерческими учрежденіями, и театральными дѣлами и т. п. Въ поясненіе замѣчу, что въ Россіи, какъ передавали мнѣ люди, заслуживающіе довѣрія, вообще лица, готовящіеся къ какой-нибудь спеціальной службѣ, получаютъ не только спеціальное образованіе, но и камеральное, пополняемое затѣмъ изученіемъ языковъ, что не составляетъ большаго затрудненія, благодаря приливу къ столицѣ недорогихъ учительницъ преимущественно изъ Риги (для нѣмецкаго языка), изъ Парижа (для французскаго), изъ Ревеля и Выборга (для шведскаго). Такимъ образомъ, соединяя въ себѣ самыя разнообразныя познанія, каждый окончившій курсъ можетъ заниматься по какимъ угодно спеціальностямъ, тѣмъ болѣе, что русскіе не столько цѣнятъ технику дѣла, сколько широту его пониманія. Отсюда понятно, почему русскіе предпочитаютъ именно лицъ съ такимъ разностороннимъ образованіемъ спеціалистамъ.

Долго еще бесѣдовалъ въ томъ-же духѣ мой почтенный другъ и нечего тебѣ прибавлять, что въ его отзвухъ несомнѣнно было преувеличеніе. Во всякомъ случаѣ, я радъ былъ, что мое посѣщеніе нѣсколько развлекло скучающаго джентльмена и отвлекло его отъ занятій со скворцемъ...

Я сдѣлалъ въ этотъ день еще нѣсколько визитовъ къ моимъ друзьямъ и нашелъ ихъ почти въ такихъ-же занятіяхъ. Кто училъ чирика таскать воду, кто чинилъ лампы, кто сочинялъ рѣчи для Общества Содѣйствія Мореходству. Всѣ они видимо скучали, не зная куда дѣвать досугъ, обезпеченный, впрочемъ, приличными окладами, въ память прежнихъ трудовъ. Одинъ даже выдумалъ преинтересную говорящую машину, которая, весьма похоже на человѣчeskій голосъ произноситъ нѣкоторыя слова. Но все-таки, Дженни, времени остается много и куда его дѣвать— вотъ вопросъ, который серіозно тяготитъ множество лицъ. До слѣдующаго письма.

Твой Джонни.

Письмо третье.

Дорогая Дженни!

Убѣдительно прошу тебя достать черезъ друзей чертежи новыхъ строящихся нашихъ броненосцевъ и прислать мнѣ, по возможности, скорѣй. Нужны они мнѣ по слѣдующему обстоятельству. На-дняхъ я имѣлъ честь быть у одного русскаго отставнаго адмирала, который—какъ ни покажется это страннымъ—не смотря на свою специальность, рѣшительно отрицаетъ въ дѣлѣ судостроенія правила науки и изобрѣлъ свою теорію, такъ называемую «теорію ногтя» (the theory of a nail). Этотъ престарѣлый джентльменъ, конечно позабывшій (что, впрочемъ, простительно) корни науки, изучавшейся имъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, тѣмъ же менѣе, по свойственной русскимъ привычкѣ, надѣется вдохновеніемъ замѣнить знаніе, и апломбомъ—факты опытовъ и пресерьіозно расчитываетъ, что его теорія замѣнитъ въ недалекомъ времени всѣ, какъ онъ выражается, «англійскія выдумки», и что постройка кораблей будетъ отнынѣ производиться по русской «теоріи ногтя». По его мнѣнію, всѣ до сихъ поръ строившіеся русскіе корабли нигуда не годятся, именно потому, что надъ ними много думали и работали. Я-бы не упоминалъ тебѣ, Дженни, объ этомъ, нѣсколько странномъ, джентльменѣ, если-бъ, во-первыхъ, не задѣто было мое самолюбіе англичанина и, во-вторыхъ, самъ онъ со своей любопытной теоріей не представлялъ интереснаго указателя, до чего русскіе увлекаются самобытностью даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ техника, и до чего велико у нихъ похвальное желаніе проявить самодѣятельность, не прибѣгая къ помощи науки, а ограничиваясь лишь достаточной дозой увѣренности и вдохновенія.

По словамъ моего почтеннаго адмирала, для постройки судовъ никакихъ исчисленій не требуется, а нуженъ, главнымъ образомъ, глазомѣръ и ноготь. «Съ помощью ихъ я, милордъ, поступаю слѣдующимъ образомъ—замѣтилъ адмиралъ—придвигая къ себѣ лежащій чертежъ иностраннаго броненосца.—Я беру его вотъ такъ (и онъ взялъ его), затѣмъ долго на него смотрю, вглядываюсь на сколько онъ приближается къ типу судна, мнѣ нужнаго (и онъ, дѣйствительно, Дженни, разсматривалъ чертежъ цѣлую минуту), и затѣмъ знаете-ли, милордъ, что я дѣлаю? спросилъ онъ внезапно, подымая глаза на меня.

— Что-же вы дѣлаете, адмиралъ? проговорилъ я, нѣсколько сконфуженный. (Разговоръ у насъ шелъ на англійскомъ языкѣ).

— А то, дорогой Розберри, чего вѣрно, вы англичане, не дѣлаете. Я кладу чертежъ (и онъ положилъ его) и на глазомѣрь исправляю линіи вотъ такъ...

Съ этими словами онъ провелъ по линіямъ англійскаго броненосца новую линію своимъ крѣпкимъ ногтемъ и отчертилъ, надо сказать, порядочную часть броненосца...

— Затѣмъ, я беру карандашъ (и онъ взялъ огромной величины карандашъ) и пишу сбоку: водоизмѣщеніе такое-же, машина такая-же, артиллерія такая-же, какъ и на англійскомъ броненосцѣ. Но только нашъ-то броненосецъ будетъ лучше! прибавилъ адмиралъ, улыбаясь самымъ добродушнымъ образомъ, — нашъ будетъ настоящій русачокъ-кораблѣкъ!

— Но такъ-же, адмиралъ, возразилъ я, едва удерживаясь отъ улыбки, — если у васъ и артиллерія та-же, и машина та-же, и броня та-же, то надо и чертежъ оставить тотъ-же...

— Это зачѣмъ?

— Да вѣдь, адмиралъ, чертежъ рассчитанъ сообразно даннымъ, а вы вѣдь отворсали изрядную часть ногтемъ... Вашъ броненосецъ, такимъ образомъ, не вынесетъ всего того, что вы хотите, послѣ такой операціи...

Но онъ былъ неумолимъ.

— Вынесетъ! проговорилъ онъ съ какимъ-то вдохновеніемъ. — Все вынесетъ! Наши корабли выносили и не такіе опыты, а по смотрите... Только-бы мнѣ дали построить одинъ корабль, и вы увидите, что онъ перещеголяетъ ваши новые броненосцы и мой глазомѣрный чертежъ сойдется съ вашими... Да, вотъ, не хотите-ли пари, дорогой Розберри; дайте мнѣ чертежъ послѣднихъ вашихъ броненосцевъ и сравните съ моимъ, сдѣланнымъ только при помощи ногтя и четырехъ правилъ арметики — остальное я забылъ, по правдѣ скажу вамъ, такъ какъ учился давно, прибавилъ онъ съ обычнымъ простодушіемъ русскихъ, — и вы убѣдитесь, что мой чертежъ не уступитъ вашимъ. Хотите пари на сто фунтовъ?

Какой англичанинъ, Дженни, устоитъ противъ пари? Я, разумѣется, согласился и прошу тебя послѣшить высылкой чертежей. Быть можетъ, они убѣдятъ адмирала лучше моихъ словъ. Впрочемъ, сомнѣваюсь. Трудно, даже и умному человѣку, переубѣждаться въ шестьдесятъ лѣтъ.

Въ тотъ-же самый день, какъ я посѣтилъ русскаго адмирала и познакомился основательно съ «русской теоріей ногтя», я увидалъ, проѣзжая мимо Думы, весьма поразившее меня зрѣлище. Многіе джентльмены выходили оттуда съ заплаканными глазами, а нѣкоторые даже, несмотря на присутствіе публики, выли, Джен-

ни, какъ бѣлуги. Меня, разумѣется, крайне заинтересовало это явленіе; я хорошо зналъ, что у почтенныхъ членовъ муниципалитета бываютъ поводы для скорби, но я никогда не видалъ, чтобы она выражалась такъ публично.

Только на слѣдующій день изъ газетъ я узналъ, что джентльмены, вывшіе такъ усердно, были петербургскіе домовладѣльцы; взвыли они, совершенно забывъ даже о приличіи, какъ только на сцену появился вопросъ, задѣвающій самую чувствительную часть существованія всякаго джентльмена съ капиталистическими наклонностями. Ты, конечно, догадываешься, что я говорю о кармагѣ. Если вѣрить русскимъ газетамъ, то въ трогательномъ единодушномъ воѣ, смутившемъ даже подвальныхъ жильцовъ, слились голоса почти всѣхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ безъ различія сословій, профессій, направленій. Русскій литераторъ, г. Семейскій, издающій, специально для стариковъ въ отставку, «Русскую Старину» (иначе имъ нечего было-бы читать) вылъ такъ-же усердно, какъ и знаменитый русскій Жюль-Фавръ, г. Михельсонъ. Г. Шауманъ, исполняющій обязанности неумолимаго Катилины, тоже вылъ, хоть и не такъ жалобно, какъ другой извѣстный здѣсь ораторъ, г. Литвиновъ, доказывавшій, что домовладѣльцамъ остается одно: взять суму и маршъ на улицу,—но вылъ... Вылъ и замѣтный ораторъ думы, г. Жуковскій, вмѣстѣ съ г. Семеновымъ, джентльменомъ, имѣющимъ 100 трактировъ; словомъ—всѣ выли, болѣе или менѣе усердно.

Этотъ отчаянный домовладѣльческій воѣ вызванъ былъ увеличеніемъ государственнаго налога съ недвижимыхъ имуществъ въ количествѣ 400,000 рублей.

Домовладѣльцы завопили и рѣшили ходатайствовать. если не объ отгнѣѣ, то по крайней мѣрѣ объ отсрочкѣ этого добавочнаго налога, ссылаясь на свое крайне тяжкое положеніе...

Какъ не смѣшны въ основѣ своей эти жалобы петербургскихъ домовладѣльцевъ, у которыхъ въ подвалахъ и трущобныхъ помѣщеніяхъ болѣетъ и мретъ рабочій людъ,—тѣмъ не менѣе онѣ, во всякомъ случаѣ, интересны не только какъ характерный указатель мнѣній русскихъ буржуазныхъ классовъ, но и по самому существу своему. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ этихъ воилей—какъ они ни преувеличены—изъ всѣхъ этихъ протестовъ—какъ ни эгоистичны ихъ мотивы — получается весьма любопытная картинка, иллюстрирующая не одно только русское городское самоуправленіе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, заявленіе г. Михельсона, который, между прочимъ, жалуюсь на общій упадокъ всѣхъ дѣлъ въ Петербургѣ, говоритъ:

«Дѣло» № 12, 1883 г. П.

«Всѣмъ извѣстно, что многіе жители Петербурга переѣхали на постоянно жительство въ окрестности города, торговля заведенія закрываются въ столицѣ и это показываетъ, до какой степени плохи наши денежные дѣла и до какой степени этимъ обстоятельствомъ парализованы торговля, промыслы и проч. Неужели внѣшній курсъ нашего рубля, каковаго мы не знали даже во время русско-турецкой войны, не имѣетъ вліянія на насъ не только въ денежномъ, но и въ нравственномъ отношеніи? Вѣдя въ настоящее время никто не желаетъ рискнуть на такое дѣло, за которое нѣсколько лѣтъ назадъ онъ охотно-бы взялся. Управа полагаетъ отнестись излишекъ увеличеннаго налога на городскія средства. Но этого дума не въ правѣ сдѣлать, потому что это есть *личный* налогъ. Она можетъ сказать только, что домовладѣльцы положительно не въ силахъ вынести этотъ тяжелый для нихъ въ настоящее время налогъ, вполне сознавая, что и государство, съ своей стороны, не можетъ поступиться извѣстными доходами для удовлетворенія своихъ нуждъ, дума ходатайствуетъ объ отсрочкѣ введенія налога до улучшенія экономическаго положенія домовладѣльцевъ».

Другой ораторъ, г. Шауманъ, между прочимъ заявилъ: «если представители города указываютъ на бѣдствія и на причины этихъ бѣдствій, то слѣдуетъ эти причинѣ всѣ перечислить и высказаться въ этомъ случаѣ вполне откровенно».

Ты поймешь, Дженни, что почтенный ораторъ пожелалъ невозможнаго. Высказаться откровенно, особенно при такихъ обстоятельствахъ, когда откровенность эта, такъ сказать, о двухъ концахъ. На одномъ—боязнь расходовъ, на другомъ—привычка къ сосредоточенію чувствъ про себя. Просьба оратора, конечно, осталась неисполненной и, такимъ образомъ, русскіе ораторы въ своихъ рѣчахъ ходили вокругъ да около откровенности и откровеннѣе всего скорбѣли о безвыходномъ своемъ положеніи, объясняя, что 20,000 квартиръ пустуетъ и что дома отягчены недоимками по платежамъ въ кредитное общество. Одинъ ораторъ даже умолялъ, кого слѣдуетъ, «сохранить домовладѣніе въ покойномъ состояніи»: какъ-бы совѣтуя тѣмъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, испытывать безпокойное состояніе, когда приходится платить, но «домовладѣніе» должно быть также спокойно, какъ каменные стѣны. Г. Семейскій, по этому случаю, вспомнилъ даже о своемъ пребываніи въ прелестной Венеціи, гдѣ чичероне показывалъ ему осиротѣлые дома, покинутые на произволь судьбы своими хозяевами. Дома эти не выдержали тяжести налоговъ, опустѣли и служатъ поучительнымъ примѣромъ печальнаго положенія венеціанскихъ домохозяевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если ужь венеціанскіе дома, не смотря на прочность постройки, не выдержали, то что сказать, Дженни, о здѣшнихъ новыхъ «легкихъ» домахъ, стѣны которыхъ трясутся отъ уличной вѣзды... Если обременить ихъ легкой надбавкой, то не обратятся-ли они въ развалины и не погребутъ-ли подъ собой жильцовъ, передъ самымъ срокомъ уплаты за квартиру?..

— Напрасно на насъ ужь такъ всё напали! говорилъ мнѣ послѣ одинъ изъ джентльменовъ домовладѣльцевъ.

— Но согласитесь, однако... Вашъ муниципалитетъ ужь черезъ чуръ плакалъ! замѣтилъ я.

— Положимъ, некрасиво... Но посмотрите на дѣло съ другой точки зрѣнія, оставивъ въ сторонѣ домовладѣльческія lamentаціи. Развѣ мы настоящіе городскіе хозяева? Будь мы хозяевами въ своемъ дѣлѣ, тогда можно было-бы съ насъ и требовать менѣ эгоистическаго отношенія къ дѣлу. А то, что за радость платить, когда не знаешь — производительны-ли будутъ наши расходы... Развѣ у васъ, англичанъ, такъ хозяйничаютъ!

И онъ распространился на счетъ выдержки европейской буржуазіи съ тѣмъ нѣжнымъ чувствомъ, съ какимъ говорятъ о ней многіе русскіе либералы.

Я не считалъ нужнымъ возражать моему собесѣднику, что было, правда, время, когда буржуазія, исполняя свою историческую функцію, кичилась не однимъ карманомъ, но и образованіемъ, стойкостью, пониманіемъ общественныхъ интересовъ, способностью поступиться кошелекомъ во имя идеи, но вѣдь то время было да прошло, и теперь она и въ Европѣ исполняетъ совсѣмъ не ту функцію, а у русскихъ и подавно... Въ громадномъ большинствѣ своемъ русскіе представители этого принципа, если вѣрить рассказамъ, не далеко ушли отъ рыцарей большой дороги, а образованіемъ тоже, сколько извѣстно, не блещутъ.

Признаюсь, Дженни, меня все-таки удивили усиленные нападки русскихъ газетъ на муниципалитетъ. Какъ ни покорны русскіе волѣ провидѣнія, но все-таки они не ангелы и не альтруисты въ широкомъ смыслѣ этого слова, а вѣдь, вообще говоря, люди поступаются чѣмъ-бы то-ни было только тогда, когда обстоятельства ихъ прижмутъ къ стѣнѣ, да и то предварительно употребивъ всѣ средства что-нибудь выторговать.

Недавно въ русскихъ газетахъ мнѣ попалась любопытная въ этомъ отношеніи корреспонденція объ одномъ полтавскомъ дворянинѣ Устимовичѣ, который не только не хочетъ поступаться ни чѣмъ, но, напротивъ, хочетъ еще приобрести себѣ такіа но-

вня права, при которыхъ управляемымъ имъ гражданамъ было-бы, по его словамъ, хорошо, а ему, русскому джентльмену, разумѣется, еще лучше.

Этотъ джентльменъ былъ прежде лордъ-мэромъ въ Курскѣ, но оставилъ этотъ городъ, такъ какъ не могъ перенести нареканій недовольныхъ, находившихъ, что онъ щедро расходовалъ городскія деньги. Съ тѣхъ поръ онъ проживалъ въ Полтавѣ, какъ вдругъ граждане Курска обратились снова къ нему съ слезной просьбой.

Упрашиваемый такъ настойчиво, онъ наконецъ осчастливилъ городъ своимъ посѣщеніемъ. По словамъ русскихъ газетъ, прибывшему устроили такую встрѣчу, которая свидѣтельствуешь, какой чувствительный народъ эти русскіе. Его встрѣтили депутаціи. Кто уполномочилъ ихъ незвѣстно, но при пріемѣ произошли трогательныя сцены; многіе кричали: «спаситель нашъ, спаси городъ отъ гибели!» При этомъ одинъ мѣщанинъ-гласный сталъ на колѣни, а одинъ купецъ (тоже гласный) облобывалъ руку г. Устимовича...

А онъ, окруженный семействомъ и прибывшими гостями, наслаждался этими знаками почтенія. Не смотря, однако, на эти слезныя моленія, онъ не согласился управлять курскими гражданами на общихъ основаніяхъ, а видя передъ собою толпу изъ двадцати умныхъ джентльменовъ, кричащихъ «ты нашъ спаситель!» и лобызавшихъ его руку, сообразилъ, что можетъ сойтись съ русскими, такъ сказать, на чрезвычайныхъ условіяхъ и обѣщавъ снзойти на ихъ просьбы, если они согласятся на слѣдующее:

— Я долженъ быть единоличнымъ распорядителемъ городского хозяйства: пусть дума исходатайствуетъ о назначеніи меня головою отъ правительства и съ тѣмъ, чтобы дума собиралась въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія, когда я сочту это нужнымъ.

Поставивъ такое условіе, г. Устимовичъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки. Еще-бы уступить, имѣя передъ собой такихъ добрыхъ джентльменовъ! Будутъ-ли они теперь ходатайствовать, чтобы имъ дали голову-диктатора или не будутъ—вопросъ остается открытымъ.

Закончу письмо другой интересной картинкой русскихъ нравовъ. Передо мной лежитъ слѣдующая телеграмма, напечатанная въ русскихъ газетахъ:

«Въ передовой статьѣ № 310 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано, на основаніи газетныхъ сообщеній, будто череповская дума постановила выразить порицаніе правительству Англіи за

тѣры, принимаемыя имъ въ подавленію феніанскаго движенія въ Ирландіи. Не зная, какъ понимать это сообщеніе: за злую-ли неумѣстную шутку, или инсинуацію празднаго корреспондента,—во всякомъ случаѣ, я, какъ представитель города, считаю долгомъ покорнѣйше просить отъ имени городской управы не отказать опровергнуть печатно это ложное извѣстіе, ибо подобнаго постановленія не только не было, но и не могло быть, такъ какъ череповская дума вполнѣ понимаетъ свои обязанности, указанныя здравымъ смысломъ, и кругъ дѣйствій, опредѣленныхъ городовымъ положеніемъ».

Ты прочла? И смѣешься, Дженни? Это напрасно. Надо знать русскій языкъ, чтобы понять что каждое слово этой телеграммы краснорѣчивѣ Цицерона говорить о переполохѣ, постигшемъ добрый городъ Череповецъ. Обратила-ли ты вниманіе на трагикомическую сторону этого невѣроятнаго курьеза? Очевидно, писавшіе телеграмму метались въ смятеніи... Тутъ и «увѣреніе въ пониманіи обязанностей» и «здравый смыслъ», и «кругъ дѣйствій предписанныхъ городовымъ положеніемъ», словомъ каждая строка трепещетъ отъ страха, возбуждая во мнѣ, знакомымъ нѣсколько съ русскими, не одну только улыбку...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего, подумаешь, можетъ быть нарушено спокойствіе цѣлаго города! Жили себѣ череповцы, какъ здѣсь говорятъ, «честно и благородно», дѣлали гвозди, сошники, сковороды, шили сапоги, валяли шляпы; а въ свободное отъ трудовъ время играли въ карты да сплетничали другъ на друга, какъ вдругъ на городъ поклепъ: «череповцы постановили заявить порицаніе англійскому правительству».

Казалось-бы, ужъ слишкомъ неправдоподобная корреспондентская утка, быть можетъ и отправленная то по назначенію не безъ задней цѣли—посмотрѣть повѣрить-ли ей и оболъеть-ли ее пикантнымъ соусомъ московская газета... Оказалось, что газета не только печатаетъ это невѣроятное сообщеніе, но дѣйствительно еще страпаетъ надлежащій острый соусъ, отъ котораго череповцы не смѣются, какъ-бы, казалось, слѣдовало, а теряютъ голову, совищаются и спѣшатъ, въ свою очередь, оповѣстить Россію, что они не выходятъ изъ округа дѣйствій, опредѣленныхъ городскимъ положеніемъ, и клянутся, что никогда не «вотировали порицанія англійскому правительству»...

И, навѣрное, бѣдные череповцы лишились сна и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока ихъ самихъ не увѣрятъ, что они «не порицали Англии»...

Добрше, хороше люди эти русскіе, Дженни, но какъ они еще патриархальны.— Да хранить тебя Богъ. Пиши чаще и письма лучше франкируй.

Твой Джонни.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Откровенный Писатель.

*) Повидному, при всемъ желаніи быть безпристрастнымъ, англійскій путешественникъ не могъ отрѣшиться отъ національныхъ предрасудковъ, и въ письмахъ его все-таки много невѣрнаго, преувеличеннаго и, мѣстами, курьезнаго.

Пр. Переводчика.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Очерки сѣвернаго Кавказа. (Путевыя замѣтки)	<i>Я. В. Абрамова.</i>
Вдова маршала. Ром. (Окончаніе) . . .	<i>Алэина Боккена.</i>
Очеркъ ученій Гартмана, Дюринга и Ланге	<i>И. Иск—ова.</i>
Ради хозяйства. (Южно-деревенскій очеркъ)	<i>И. Н. Потапенко.</i>
Экспортъ и нажива	<i>Ф. Щербина.</i>
Чѣмъ жизнь красна. Ром. Эмиля Золя.	<i>А. Л. Москвина.</i>
Ряса. Романъ изъ жизни отца-Петра Елеонскаго. (Окончаніе)	<i>М. Н. Альбова.</i>
In memoiam. (На мотивъ изъ Теннисона). Стихотвореніе	<i>Д. Л. Михаловскаго.</i>
Потокъ. Повѣсть. (Окончаніе)	<i>Н. Ф. Бажина.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Историческій прогрессъ	<i>Б. П. Ленскаго.</i>
Народникъ Ялушкинъ	<i>Н. Ш.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Обзоръ политическихъ событій за 1883 г. (Политическая и соціальная хроника).	<i>Жика.</i>
Научная хроника.	<i>А. М.</i>
Письма «знатныхъ иностранцевъ» . . .	<i>Откровеннаго Писателя</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».**

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое, 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейнмана, съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованніоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова, Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шпилмагена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Довьянство-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристика). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Нессе*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Витѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лямина*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. Ш. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потапчина*. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Записки воинаго. Бѣллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ воинаго быта. *Д. Гирса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *Н. П. Айрленда*, съ предисловіемъ прое. Мерзеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе челоѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подборъ. Очерки *Альфреда Россея Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ энзіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сира*. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Гот. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДВЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

Въ 1884 году
МОРСКАЯ ГАЗЕТА
„КРОНШТАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ:

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки.		Съ доставкою и пересылкою.	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
— полг.	4 „ — „	— полг.	5 „ — „
— 3 м.	2 „ — „	— 3 м.	2 „ 50 „
— 1 м.	— „ 70 „	— 1 м.	1 „ — „

Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, при типографіи «Крон. Вѣст.», на Соборной площади, въ домъ Никитина.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. Фену и К^о и Н. Мартынова.

Изданія Ф. Павленкова.

ДЛЯ ДѢТЕЙ и ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *П. Засодимскаго.* Содержаніе: Ночь на новый годъ.—Слѣпой изъ Данилова.—Бѣдный Христосъ.—Два выстрѣла.—Передъ печкой.—Высокій татаринъ.—Исторія двухъ елей.—Алханикъ Фрицъ Рингольдъ.—Заговоръ совъ. Спб. 1884 г. 280 стр. съ 58 рисунками *М. Малышева.* Цѣна въ красивой папкѣ 1 р. 50 коп.

ХОРОШЕ ЛЮДИ. Сборникъ рассказовъ для средняго и старшаго возраста. *В. Остроурскаго.* Содержаніе: Дорого ячико ко Христову дню.—Скрага.—Георгъ Краббъ.—Дѣтство Гете.—Сестра Шура.—Дядя Черный.—Могильщикъ Груббъ.—Семейная тайна.—Тирольская дѣвушка.—Чарльзъ Диккенсъ.—Деревенскій скрипачъ. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!—Наталья Борисовна Долгорукая.—Она уѣзжала куда-то далеко.—Два друга (изъ дѣтскихъ воспоминаній И. С. Тургенева).—И. С. Тургеневъ (биографическій очеркъ).—Спб. 1884 г. съ 45 рисунками художниковъ *В. Шпака* и *М. Малышева.* Цѣна въ красивой папкѣ 1 р. 50 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ. Сборникъ рассказовъ *А. Арсеньева.* Съ рисунки *И. Панова* и *В. Крюкова.* Содержаніе: Сысоевъ найденышъ.—Три араба (Сказка-загадка).—Жанъ-Рено—волчья гроза.—Братъ-мѣсяцъ (Народное преданіе).—Страшный пассажиръ (Изъ рассказовъ стараго матроса).—Подъ старымъ вѣномъ (Исторія маленькаго уголка, гдѣ жила дѣтская радость).—День зла и день добра (Арабская сказка).—Звѣздочка странница (Стихотвореніе).—Чудо-ребенокъ (Черты изъ жизни Моцарта).—Неотравимый наследникъ (истор. рассказъ).—Счастливыи день стараго инвалида. Петербургъ-младенецъ (Рассказы про старину Петербургскую). Петербургскія наводненія отъ основанія столицы до нашихъ дней. Археологическая находка (Загадка-шутка). Цѣна въ красивой папкѣ 1 р. 50 к.

ПОСЛУШАЕМЪ! Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ для младшаго и средняго возраста. *А. Нолде.* Содержаніе: Ловля зайцевъ.—Моя первая буря.—Варсуки.—Хитрый Фоксъ.—Рассказы нашего стараго друга.—На волосъ отъ смерти.—Разбойники. Съ 28 рис. художника *И. Малышева.* Спб. 1883 г. Цѣна въ папкѣ 1 р.

ДѢТСКІЙ МАСНАРАДЪ-ЗВѢРИНЕЦЪ. Передѣлка съ англійскаго. *Н. Авдеева.* Съ 16 рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Цѣна 20 к.

ПЧЕЛКА. Сборникъ стихотвореній, посланий и загадокъ. Иллюстрированная хрестоматія для дѣтей, съ 75 рис. Сост. *Н. Блиновъ.* Цѣна 25 к. *Одоб. М. Н. Пр.*

ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. *Ламе-флери.* Для дѣтей средняго и старшаго возраста. Цѣна 50 к.

ЖИЗНЬ РОБИНСОНА. Составилъ *Н. Блиновъ.* Спб. 362 страницъ съ 125 картинками. Цѣна 1 р. 20 к. Въ папковомъ переплетѣ 1 р. 50 к. Въ переплетѣ съ золотыми тисненіями 1 р. 75 к. Авторъ «Жизни Робинсона» желалъ своей книгой отвѣтить въ общедоступной формѣ на старыи, но вѣчно юный вопросъ: «Какія вождедѣнія должны составлять пѣль жизни современнаго человѣка, или, говоря иначе, куда должны направляться струи личнаго наслажденія отдѣльныхъ единицъ, чтобъ изъ ихъ сліянія получился обширный водоемъ общественнаго счастья?»

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Палемкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ). Цѣна 1 руб.

На каждой изъ 200 находящихся въ этомъ изданіи картинокъ или задачъ допущено какое-нибудь отступленіе отъ дѣйствительности, которое предлагается найти ребенку; причемъ рѣшая задачу, онъ, по возможности, долженъ объяснить, почему на самомъ дѣлѣ не бываетъ или не можетъ быть того, что представляетъ рисунокъ (напр. взрослый человѣкъ подрубаетъ сукъ, на которомъ самъ сидитъ; рѣшетомъ черпаютъ воду; слѣпой съ еомаремъ; горькіе металлическія вещи; тѣни отъ высокихъ деревьевъ короче,

чѣмъ отъ низкихъ и т. п.) и какъ представленное должно быть въ дѣйствительности. „Наглядная Несообразность“ назначаются какъ для семьи, такъ и для школы. Онѣ могутъ послужить небезполезнымъ матеріаломъ для развитія въ дѣтяхъ наблюдательности, вниманія, соображенія словоохотливости и отчасти критическаго отношенія въ окружающей обстановкѣ. Въ изданію атому прилагается особая книжка „Объясненіе къ Наглядн. Несообразностямъ“ стоящая 5 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. *Г. Тисандье.* Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 34 гравюрами и 20 портретами въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Спб. 360 стр. на веленовой гласированной бумагѣ. Содержаніе: Вмѣсто введенія. Герои труда и мученики научнаго прогресса. Завоеваніе земнаго шара. Исслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы. Открытіе системы міра. Научный методъ.—Книгопечатаніе.—Творцы наукъ.—Промышленность и машины.—Пароходы и желѣзныя дороги.—Врачи.—Наука и отечество.—Трудовая армія науки.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домашн. чтенія. Сост. *А. Цетковъ.* Съ 27 портретами новѣйшихъ рус. писателей и краткимъ біографич. словаремъ. Спб. 1883 года, 616 стр. Цѣна 3 р.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ. *Н. И. Григоровича.* 4-е изданіе, значительно дополненное и доведенное по изложенію историческихъ событій до 1883 года. Съ 45 портретами. Спб. 1883 г. Цѣна 2 рубля.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ прибороѡвъ. Составилъ *Г. Тисандье.* Перев. съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 2-е значительно дополненное изданіе. Спб. 1884 г. 360 стр. съ 270 рисун. Цѣна 2 рубля.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Лукаса.* Приложение ариметики, геометріи и алгебры къ различнаго рода запутаннымъ вопросамъ, играмъ и забавамъ. Перев. съ франц. *В. Обреимова,* бывшаго учителя математики въ Екатеринбургской гимназій. Спб. 1883 г. 206 стр. Съ 55 фигурами и таблицами. Цѣна 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что дважды два—пять, $2=3$, три больше четырехъ, часть больше своего цѣлаго, диаметры пересѣкаются не въ центрѣ круга, а на его окружности и пр. и пр. Составилъ по разнымъ источникамъ *В. Обреимовъ.* Спб. 1884 года. Цѣна 40 коп.

ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГИИ. *Поля Бера.* Переводъ съ франц. подъ редакціей проф. *И. И. Мечникова.* Книга для дѣтей младшаго и средняго возраста. Съ 345 рисунками въ текстѣ и тремя очерками, написанными специально для русскаго изданія. (*Развитіе животнаго міра, Общественная жизнь животныхъ и Великая роль мичтожныхъ созданій*). Спб. 1883 года. Цѣна 1 рубль.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. (Чтеніе и письмо по картинкамъ). *Ф. Павленкова.* Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу съ 800 рисунками въ текстѣ, краткимъ наставленіемъ для учителей, листкомъ разрывныхъ буквъ, хрестоматіей изъ 16 иллюстрированныхъ разсказовъ и многими другими педагогическими упражненіями (113 загадокъ, 130 пословицъ, 20 скороговорокъ, 111 буквенныхъ задачъ, 55 ребусовъ и 25 картинныхъ задачъ подъ заглавіемъ: „Бываетъ ли такъ?“ и „Можетъ-ли это быть?“). Цѣна 20 коп. *Допущ. Мин. Нар. Просв. къ употребленію въ школахъ.*

КЛЮЧЪ КЪ „ЧТЕНІЮ И ПИСЬМУ ПО КАРТИНКАМЪ“ или подробное объясненіе, какъ учить по „Наглядной азбуцѣ“. 6-е изданіе. Цѣна 15 коп.

РОДНАЯ АЗБУКА. *Ф. Павленкова.* Руководство къ обученію и самообученію грамотѣ по наглядно-звуковому способу. 3-е изданіе, 32 страницы малаго формата съ 200 рисунками въ текстѣ и наставленіемъ, какъ учить по этой азбуцѣ. Цѣна 4 к. *Допущена Минист. Народнаго Просвѣщенія въ начальнымъ школахъ.*

АЗБУКА-КОПѢЙКА. *Ф. Павленкова.* Составлена по наглядно-звуковому спо:

обу, 6-е изд., 12 страницъ со 100 рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 копейка.
Допущена Мин. Нар. Простыненія къ употребленію въ школахъ.

Наглядно-звуковыя прописи.

- 1) КЪ РОДН. СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.)
- 2) КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА (460 рис.)
- 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ“. Паульсона (430 рис.)
- 4) КЪ „РУС. АЗБУКѢ“ Водозова (470 рис.)
- 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДН.-ЗВУК. ПРОПИСИ (въ др. азбукамъ.)

Составилъ
Ф. Павленковъ.

Каждая изъ этихъ книжекъ представляетъ собой пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ по тому или другому изъ вышеупомянутыхъ учебниковъ грамоты и состоитъ изъ образцовъ рукописныхъ буквъ, 400 картинокъ для самостоятельнаго письма учениковъ и объясненій, помѣщенныхъ на оберткѣ. Цѣна каждой книжки 8 коп. *Наглядно-звуковыя прописи одобрены Мин. Народ. Прост.*

О СПОСОБАХЪ ОБУЧЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ. Составилъ *Н. Блиновъ*. 3-е значительно допол. изданіе со многими рис. въ текстѣ. Цѣна 40 копѣекъ.

РУКОВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ВОСКРЕСНЫХЪ ПОВТОРИТЕЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ. Программа, конспекты, методическія указанія и домашнія работы въ предѣлахъ элементарнаго курса для подростковъ и взрослыхъ. Составилъ *Н. А. Корфъ*. Цѣна 50 коп.

ЗЕМСКАЯ СЛУЖБА. Бесѣды гласнаго-крестьянина Акима Простоты. Составилъ *Н. Блиновъ*. 180 стр. въ 8-ю долю. Книга эта состоитъ изъ 12 разсказовъ, которые, въ легкой повѣствовательной формѣ, знакомятъ со всѣми главнѣйшими основаніями нашего земскаго самоуправленія. Цѣна 50 коп.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ СЛУЖБА. Бесѣды старосты-крестьянина Акима Простоты. Составилъ *Н. Блиновъ*. 210 стр. Цѣна 50 коп. *Одобрены Мин. Народ. Прост.*

ОБЩЕПОЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. *В. Потоцкаго*, съ 143 чертежами и 204 задачами въ текстѣ. Спб. 1883 г. Цѣна 10 коп.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. *Корнелъ*. 11-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе, съ 10-ю раскрашенными географическими картами и 82 политипажными въ текстѣ. Одобрено М. Н. Пр., какъ руководство для училищъ министерства, и принято за руководство въ духовныхъ училищахъ и жев. учеб. заведеніяхъ. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. *А. Гано*. Переводъ съ 19-го французскаго изданія *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова*. Спб. 1884 г. 5-е доп. изданіе. Цѣна 3 р. 50 к. Къ книгѣ, состоящей изъ 1000 страницъ самой убористой печати, приложено болѣе 1140 политипажей, раскрашенный рисунокъ пяти спектровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній, обзоръ метеорологическихъ явленій съ ученіемъ о предсказаніи погоды и краткій очеркъ популярной химіи.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. *А. Гано*. Перевелъ съ 8 франц. изданія *Ф. Павленковъ*, Спб. 1883 г., 3-е изданіе. Это изданіе, занимающее 600 страницъ убористой печати, дополнено 224 новыми рисунками и соответствующимъ количествомъ измѣненій и прибавленій въ текстѣ. Всего къ нему приложено 604 политипажя, раскрашенный рисунокъ солнечнаго спектра, болѣе 20 практическихъ вопросовъ и краткіе очерки по метеорологіи и химіи. Цѣна 2 руб.

ТЕЛЕФОНЪ, МИКРОФОНЪ И ФОНОГРАФЪ. *Дю-Монселя*. Спб. 324 страницы съ 74 рисунками въ текстѣ. Перевели со 2-го французскаго изданія *Ф. Павленковъ* и *В. Черкасовъ*. Содержаніе: Краткія историческія свѣдѣнія.—Музыкальные телефоны.—Говорящіе телефоны.—Изложеніе главныхъ началъ, на которыхъ основанъ телефонъ Белля.—Обыкновенное устройство телефоновъ Белля.—Различныя системы телефоновъ.—Телефоны съ гальваническими элементами.—Видоизмѣненія, встрѣчающіяся въ устройствѣ телефоновъ Белля.—Различныя опыты, произведенныя надъ телефономъ.—Микрофонъ.—Примѣненіе микрофона.—Вліяніе вѣтшихъ причинъ на телефонныя передачи.—Устройство телефонной почты.—Привычной и уведомительный звонокъ.—Примѣненіе телефона.—Фонографъ.—Американская говорящая машина Фабера. Прибавленіе. Цѣна 1 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СМЛЪ. Опытъ популярной естественно-научной философіи *А. Сехи*. Переводъ съ французскаго *Ф. Павленкова*. Цѣна 2 р. 50 к.

Спб. 2-е значительно дополненное издание, съ 63 рис., портретомъ автора и приложеніемъ публичной лекціи *Тиндалл*. «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ».

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Опытъ сравнительной психологіи съ при-
бавленіемъ краткой исторіи соціологіи. *А. Эспинаса*. Перевелъ со 2-го фран-
цузскаго изданія *Ф. Пассенкозъ*. 500 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

ЧТО СДЕЛАТЬ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ. Популярный обзоръ его главѣй-
шихъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, написанный англійскими
профессорами и учеными: *Гексли, Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ*. Съ пор-
третомъ Дарвина, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Перев. *Г. Дона-*
тина. Цѣна 75 коп.

ИТОГИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ. Соста-
вилъ *Баронъ Н. А. Корфъ*. Цѣна 60 к.

РУССКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА. Руководство для земскихъ гласныхъ и учи-
телей народныхъ школъ. Составилъ *Баронъ Н. Корфъ*. 7-е изданіе съ био-
графіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 25 к. Рекомендовано Учен. Ком. М.
Н. Просв.

КАКЪ ОБУЧАТЬ ГРАМОТѢ РЕБЯТЪ И ВЗРОСЛЫХЪ. Составилъ *баронъ Н. А.*
Корфъ. Книга эта рекомендована М. Н. Пр. и причислена къ числу руко-
водствъ, одобренныхъ для обращенія въ войскахъ. Цѣна 10 к.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРАВОПИСАНІЕ. Сорокъ диктовокъ съ указаніемъ грам-
матическихъ правилъ. Учеб. книжка для семьи и школы *Н. А. Корфа*. Спб.
Цѣна 12 к.

ТРИСТА ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ. Задачи для упражненій въ письмѣ для
всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы. *Барона Н. А. Корфа*. Цѣна 12 к.

СБОРНИКЪ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ, заключающихъ въ себѣ данныя
преимущественно изъ *сельскаго быта* (1727 задачъ и болѣе 4000 численныхъ
примѣровъ). Составилъ *Т. Лубенскъ*. Спб. 1884 г. 3-е изданіе, исправленное.
Цѣна 40 к. Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія, какъ *руко-*
водство.

КРАТКАЯ ФИЗИКА. Съ 335 рисунками и 256 практическими задачами въ
формѣ вопросовъ. Составилъ *М. Герасимовъ*. Спб. 1883 г. 300 стр. Ц. 1 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. *Н. Вальберха* и *Ф. Пассенкова*. Съ 35 рисунками.
Цѣна 30 к.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АНАТОМІЯ, ФИЗИОЛОГІЯ И ГИГИЕНА. *М. Герасимова*. Съ необ-
ходимыми свѣдѣніями относительно поданія первой помощи въ несчастныхъ
случаяхъ. (Кости. Мышцы. Питаніе. Питательныя вещества. Кровообращеніе.
Дыханіе. Кожа. Почки и моча. Волосы и ногти. Одежда. Нервная система.
Органы чувствъ). Спб. 1883 г. 2-е знач. дополненное изданіе съ 65 рисунка-
ми (вмѣсто прежнихъ 28-ми). Цѣна 75 коп. Одобрено Мин. Народ. Просвѣщ.
какъ руководство для городскихъ училищъ.

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашенныхъ картъ: 1) Зем-
ныя полушарія, 2) Европа, 3) Азія, 4) Африка, 5) Сѣв. Америка, 6) Южн.
Америка, 7) Австралія, 8) Рѣки и горы Европ. Россіи, 9) Европ. Россія, раз-
дѣленная на губерніи, 10) Генеральная карта Европ. и Азіат. Россіи. Ц. 30 к.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНЕЙ ГИГИЕНЫ. Для самообразованія и жен-
скихъ учеб. заведеній. Сост. *М. Клима*. Переводъ съ 5-го нѣм. изданія съ
измѣненіями и дополненіями *баронъ Н. А. Корфъ*. Содержаніе: I. Качества
хорошей хозяйки. — II. Уходъ за дѣтьми. — III. Въ домѣ и во дворѣ. — IV. Пи-
ща въ домаш. хозяйствѣ. — V. Одежда и ея принадлежности. Обувь. — VI. Освѣ-
щеніе и топиво. Спб. 1883 г. Цѣна 75 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢНОМЫЯ. Опытъ практической энтомологіи для
сельскихъ хозяевъ, земледѣльцевъ и народныхъ учителей. Составилъ *В. Ивер-*
семъ. Спб. 1883 г. 200 стр. съ 43 рисунками. Цѣна 80 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рисунками. Составилъ *баронъ*
Н. А. Корфъ. Цѣна 10 к.

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школахъ и дома. Составилъ *баронъ*
Н. А. Корфъ. Спб. 1884 г. 12-е изданіе. Цѣна 75 к. Эта книга снабжена
227 художественно исполненными рисунками не только изъ области реальныхъ из-
даній, но и вѣстеческаго характера, а также портретами многихъ достопамят-
ныхъ людей (Петра I, Екатерины II, Александра II, Пушкина, Гоголя, Лер-
монтова, Кольцова, Некрасова, Тургенева, Гончарова, графа Д. Толстаго, Кры-

лова, Уатта, Фультона, Дженнера, Коперника и др.). На каждые 100 экземпляровъ „Нашего Друга“ предлагается бесплатно по 4 экз. „Руководства“. Въ отдельной же продажѣ 50 к.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. Сборникъ обличительныхъ статей, касающихся общественной жизни Вятскаго края. 2-е изданіе. Цѣна 75 к.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. *Ф. Гольцендорфа.* Переводъ съ нѣм. Цѣна 75 к.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Спб. 1883 г. Цѣна 15 к.

РАЗСКАЗЫ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА. (Четыре дня.—Прошествовіе.—Трусъ.—Встрѣча.—Художники.—Ночь.—*Attalea principis.*—То, чего не было). Спб. 1882 г. 216 стр. Цѣна 1 р.

ПОМЯЛОВСКІЙ. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Цѣна 2 р. 50 к.

МИЛЬ, Д. С. Утилитаріанизмъ. О свободѣ. Переводъ съ англійскаго. 2-е изданіе. Съ биографіей автора. Цѣна 2 руб.

ОБРУСЬТЕЛИ. Быльны недавныхъ дней. Романъ изъ общественной жизни Западнаго края. *Н. Ланской.* Спб. 1883 г. Цѣна 1 р.

РУССКАЯ ТЛЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ. Двадцать семь очерковъ, рисующихъ жизнь нашихъ эланеровъ въ Парижѣ и въ Италіи. Цѣна 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

Съ портретомъ автора.

- 1 **ТОМЪ: ПРАВЫ РАСТЕРЯЕВОЙ УЛИЦЫ** (16 разсказовъ).—**РАСТЕРЯЕВСКІЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ** (6 разсказовъ).—**СТОЛИЧНАЯ БѢДНОТА** (4 разс.).
- 2 **ТОМЪ: РАЗОРЕНЬЕ.** Очерки провинціальной жизни. Въ трехъ частяхъ: 1) Наблюденія Михаила Ивановича. 2) Тیشه воды, ниже травы. 3) Наблюденія одного лѣвтяя.
- 3 **ТОМЪ: НОВЫЯ ВРЕМЕНА, НОВЫЯ ЗАБОТЫ.** Книжка чсковъ.—Неплительщина.—Хочешь-не-хочешь.—На старомъ пепелищѣ.—Незалечимый.—Не воскресъ.—Голодная смерть.—Три Письма. *Приложеніе:* Большая совъсть.
- 4 **ТОМЪ: СБОРНИКЪ ОЧЕРКОВЪ И РАЗСКАЗОВЪ.** Будка.—Сиустя рукава.—Изъ биографіи искателя теплыхъ мѣстъ.—Прогулка.—Тяжкое обязательство.—На постояломъ дворѣ.—Изъ записокъ маленькаго человека.—Съ конки на конку.—Хорошая встрѣча.—Норовилъ по совѣсти.—Умерла за «направленіе». *Приложеніе:* Письма изъ Сербіи.

Цѣна каждого тома 1 руб. 50 коп.

Главный складъ изданій Ф. Павленкова находится въ книж. магазинѣ В. Цвылева (С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 41).

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ.

Семнадцатый годъ изданія газеты

„НЕДѢЛЯ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО

„ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ“.

Въ 1884 году газета «НЕДѢЛЯ» будетъ выходить, какъ и до сего времени, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ», составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ «НЕДѢЛЯ», будетъ выходить еженѣсьячно, книжками, всего въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ.

Въ составъ «НЕДѢЛИ» входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія-же статьи по вопросамъ вѣдшей политики; III. Систематическія обзорнія текущихъ событій и явленій въ Россіи; IV. Обзорнія заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи научныя, преимущественно соціального характера; VI. Статьи и изслѣдованія, касающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VII. Статьи по разнымъ частнымъ вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городского самоуправления; VIII. Художественно бытовые очерки и рассказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русскихъ и иностранныхъ произведеній; XI. Разборы вновь выходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ рассказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя втеченіе года составляютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати большихъ романовъ и повѣстей.

ЦѢНА обоимъ изданіямъ вѣдствѣ, то-есть «НЕДѢЛИ» съ приложеніемъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ», 8 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

Открыта подписка на 1884 г. на журналъ

ГОДЪ IV. „ОСКОЛКИ“ ГОДЪ IV.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ четвертый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1884 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ 1883 году въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимали участие:

Б. С. Баранцевичъ, П. В. Биковъ, Л. Г. Граевъ, И. Грѣкъ (псевдонимъ), А. Ф. Ивановъ (Классикъ), И. Ланской (псевдонимъ), Н. С. Лѣсковъ, В. О. Мизневичъ (Коломенскій Кандидъ), В. И. Немировичъ-Данченко, Л. И. Пальминъ, С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава), Д. Д. Тогольскій (Дядя Митяй), Н. В. Успенскій, Ф. В. Чернивецъ, Ан. П. Чеховъ (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками:

Н. А. Богдановичъ, А. И. Лебедевичъ, М. М. Дилинскій, М. Е. Малышевичъ, М. О. Микшиничъ, В. И. Порфирьевичъ, А. Г. Сластионовичъ, С. И. Эрберомъ и др.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Ежегодное изданіе составитъ 52 номера.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

На годъ безъ пересылки . 3 р. | На 6 мѣс. съ пер. и дост. 2 р.
„ „ съ пер. и дост. 7 р. | Отдѣльный № 30 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному соглашенію съ конторою редакціи.

Редакторы-Издатели **Н. Лейкинъ и Р. Голіке.**

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. БИЛИБИНА.

Поль Беръ. Лекціи по анатоміи и физиологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.

Фостеръ. Учебникъ физиологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна 7 р. 50 к.

Выписывающіе изъ складовъ книги, обозначенныя *, за пересылку не платятъ.

***Эд. Б. Тайлоръ** Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

***Спенсеръ**. Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсовыхъ за 4 ф.

***Спенсеръ**. Основанія соціологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

***Спенсеръ**. Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Подъ Бернаръ**. Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. (Курсъ общей физиологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

***Тэнъ**. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Кребсъ**. Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современной физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

***Нарпентеръ**. Спиритизмъ съ исторической и научной точкой зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Жозефъ Бертрамъ. Курсъ теоретической ариметики. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

***Робертъ Оуенъ**. Образованіе человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Дж. Тимдаль. Гніеніе и зараза. Ц. 2 р. 50 к.

Зандеръ. Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина. Ц. 1 р. 50 к.

Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Боргмана. Ц. 2 р. 50 к.

Романсъ и Грантъ-Алленъ. «Взгляды съ натуры». Научныя доказательства теоріи эволюціи. (Рядъ очерковъ изъ жизни животныхъ и растений). Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 2 р.

Флуэръ. Мода на уродованіе. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 60 к.

Сэме. Современная физика. Переводъ съ французскаго. Ц. 80 к.

По соглашенію съ издателемъ, подписчики „Дѣла“, выписывающіе изданія И. И. Билбидна черезъ контору „Дѣло“, пользуются 20% уступки съ объявленныя цѣны. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

